Лейла Хугаева

ДОРОГА В РАЙ
или
ПЛЮС МОЕГО МИНУСА

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Дорога в Рай или Плюс моего Минуса

2024

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

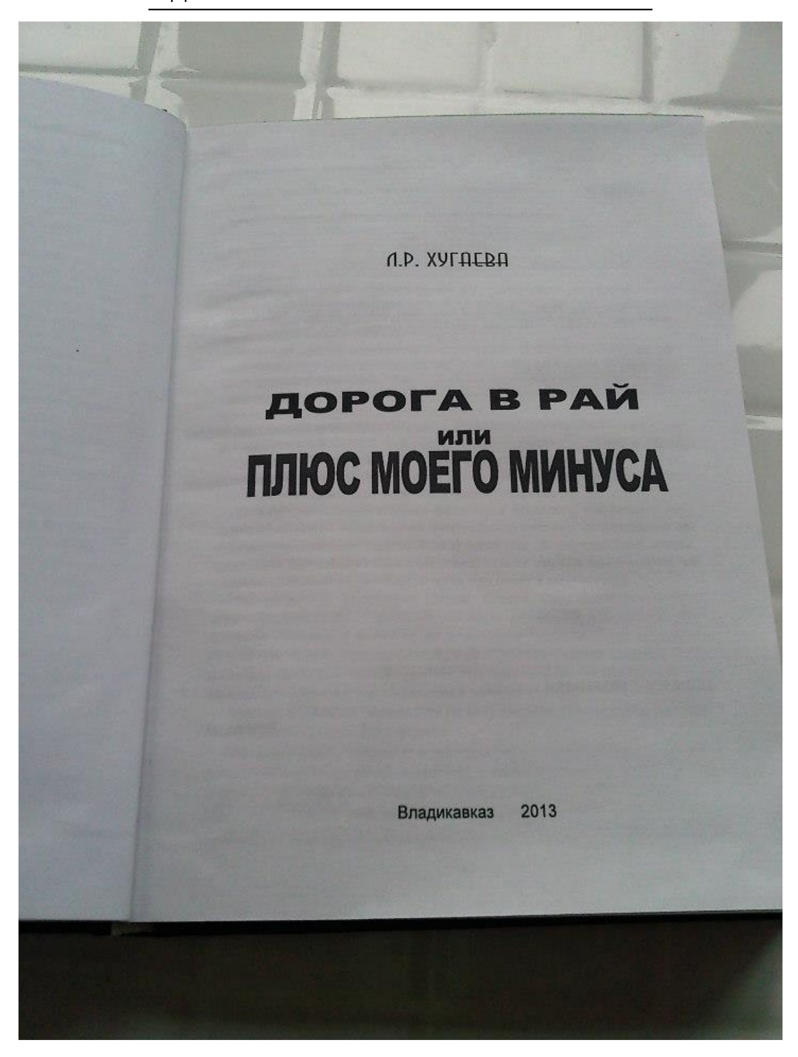
Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Дорога в Рай или Плюс моего Минуса / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2024. — 582 с.
[б. н.]

УДК 1
ББК 87

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ДОРОГА В РАЙ
ИЛИ
ПЛЮС МОЕГО МИНУСА
Хугаева Лейла Романовна,
ISBN 978-5-905691-59-1, Владикавказ: Литера, апрель, 2013

СОДЕРЖАНИЕ


Л.Р. ХУГАЕВА

ДОРОГА В РАЙ
или
ПЛЮС МОЕГО МИНУСА

Владикавказ 2013

Лейла Хугаева
ДОРОГА В РАЙ
ИЛИ
ПЛЮС МОЕГО
МИНУСА

Хугаева, Лейла Романовна

Власть и контроль, или Импотенция современной психологии [Текст]

Хугаева, Лейла Романовна.
Власть и контроль, или Импотенция современной психологии [Текст] / **Л. Р. Хугаева**. - Владикавказ : СОИГСИ, 2011. - 551 с.; 21 см.; ISBN 978-5-91480-125-7 (в пер.) ещё
Описание

В избранное

Заказать

Хугаева, Лейла Романовна

Дорога в рай или плюс моего минуса [Текст]

Хугаева, Лейла Романовна.
Дорога в рай или плюс моего минуса [Текст] / **Л. Р. Хугаева**. - Владикавказ : Литера, 2013. - 447 с.; 21 см.; ISBN 978-5-905691-59-1 ещё
Описание

В избранное

Заказать

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга по сути первая попытка дать альтернативную версию истории западной философии, основанной на материалистических основаниях, которую нам предложил в своем блестящем труде уже около ста лет назад великий математик и философ Бертран Рассел.

Отличие нашего подхода состоит в материальной базе, которую мы принимаем за основу анализа философских систем. Бертран Рассел признается в своей книге, что отдает себе отчет во влиянии на его подход марксистской теории, в связи с чем он анализирует учения великих философов исходя из общественных отношений современной им эпохи.

Мы положили в основу анализа совершенно иную материю, и потому изложение материала приняло другую форму и привело к другим выводам.

Эта материя – Психическая Энергия человеческого сознания, которая также материальна, как и любая другая энергия природы, и также детерминирована законами природы, как все прочие энергии.

Рассматривая учения великих философов прошлого, мы ставили себе задачу выяснить – отражают ли философские системы субъективное состояние психики самих философов и тогда они по определению ложны, или же они основаны на попытках объективного анализа закономерностей человеческой психики вообще, и тогда они несут в себе истину.

Так, например, философии Ницше, Сартра, Сада оказались классическим отображением субъективного мира шизоидной и даже шизофренической психики, в то время как философии Платона, Спинозы, Руссо, Кьеркегора, Фихте, Рассела удивительно глубоко охватили сущность объективных закономерностей психики, как противоборства нездоровой эгозащитной энергии

и здоровой волевой энергии разума.

Выводы, к которым мы пришли по ходу анализа, относятся прежде всего к существу понятия Метафизики.

Как выяснилось, идеализм и материализм в современном понимании этих понятий одинаково метафизичны, хотя до сих пор считалось, что материализм основан на "научном мировоззрении", но это не так. Противостоят в этом смысле друг другу не материализм и идеализм, а наука и метафизика.

Наука и Метафизика противостоят друг другу примерно как демократическое правительство, подконтрольное народу и произвол абсолютного монарха, самостоятельно принимающего любые решения.

Метафизика – это утверждаемое философами самоопределение субстанции, неважно будет это материальная субстанция, как у Маркса или идеальная субстанция, как у Гегеля. Главное, что у нас нет возможности проконтролировать на практике истинность выводов этих философов: ведь согласно их доводам и материя Маркса и дух Гегеля основаны на саморазвитии и таким образом, представляют "бытие в себе" и "бытие для себя", скрытое в своей сущности от нас и неподконтрольное нам.

Материалисты отрицают духовный мир, идеалисты отрицают материальный мир, и те и другие при этом настаивают на самоопределение оставшейся субстанции.

На деле все обстоит с точностью до наоборот: оба пространства – и интеллектуальное и физическое существуют, но ни одно из них не является самоопределяющимся.

Интеллектуальное пространство – как истинность познанных законов природы – всегда проверяется доступом к контролю материи (энергий), законы которых оно отражает. Физическое пространство – то есть сама материя, представленная различными энергия космоса – всецело определяется законами Интеллекта.

Такое разведение Науки и Метафизики не только дает прочную экспериментальную основу контроля истины, но и позволяет доказать вульгарный биологизм современных мате-

риалистических концепций, сводивших сознание человека к роли служанки биологии, наподобие сведения смысла жизни к развитию экономики в марксистском подходе.

С другой стороны такой подход позволяет со всей ясностью увидеть глобальную проблему человеческого бытия, с течением времени принимающую все более катастрофические масштабы.

Эта катастрофа Разрушенного Пространства Интеллекта, являющегося истинным пространством бытия человеческой энергии.

Научный контроль, как основа существования человеческой энергии, может иметь место только в условиях наличия знаний о закономерностях природных энергий. Человечество на сегодня открыло уже несколько природных энергий, доступ к силам которых изменил облик планеты. Однако, в отношении своей собственной энергии все остается также, как и тысячелетия назад в первобытных обществах, о чем также горько сожалел Бертран Рассел. Нет знаний, чтобы поставить человеческую энергию под контроль и построить таким образом здоровое общество, без потерянных смысла и радости жизни, нищеты, психозов, криминала, всеобщей враждебности, наркомании и разбитого физического здоровья, травящими друг друга "предпринимателями".

Вместо знаний единых законов психики нам предлагаются противоречащие друг другу теории, так что если даже какой-либо благонамеренный человек соберется "стать образованным" у него ничего не получится – поток разноречивых теорий собьет его с ног и надолго отобьет охоту браться за книги. Те, кто все таки одолеют несколько серьезных книжек неминуемо придут к выводу, что знания ничего не дают и являются только потерей времени, потому что в этих абстрактных книжках отсутствует самое суть процесса учебы – доступ к контролю. Ведь только та учеба, которая имеет в своей основе конкретные законы энергий – как сегодня в физике, биологии, химии и тп – дает научный контроль и вместе с ним ощущение силы и интереса жизни, которые несут знания. Но в социальных науках вы ничего этого не найдете – ни законов, ни контроля на практике, только массу

хаотичных, абстрактных теорий, больше пригодных для того чтобы запутать и сбить с толку, чем для того, чтобы чему-то научить вас.

Это положение вещей отражает глубокую трагедию человечества, хотя никто до сих пор об этом не говорил, так что даже принято рассматривать такой "плюрализм мнений", как положительное обстоятельство, свидетельствующее о богатстве человеческого сознания.

Но это глубокое заблуждение, которое стоит всем нам на корню подрубленных громадных энергетических ресурсов научного контроля, основанного на знании о закономерностях психики.

Трагедии Разрушенного Пространства Интеллекта и посвящена большая часть этой книги. Я пыталась показать, что до тех пор пока на смену хаосу противоречивых теорий в социальную теорию не придет научный подход сродни тому, что мы сегодня имеем в естественных науках, и все социальные теории не станут отражать единый законы психики человека – конструктивная энергия человечества будет разрушена бессмысленными автоматизмами детерминированного тока-паразита, пожирающего энергию нашего разума и радости жизни. Всякое иное образование, кроме изучения конкретных, реальных законов психики, не даст человеку контроля над паразитической энергией своей психики и психики других людей, и в лучшем случае вообще не возымеет эффекта, а в худшем активизирует интеллектуальную Эгозащиту, которая есть шизоидная разновидность паразитического, мертвого тока психики.

Таким образом, то изобилие теорий, которые мы сегодня имеем в социальных науках, которое принято считать свидетельством духовного богатства и обширного ума, на самом деле говорит о полном нокауте интеллектуальных возможностей человечества и связанной с ними громадной энергии. И самое страшное в этом то, что эту ситуацию полной интеллектуальной катастрофы так здорово маскируется этим бесчисленным количеством хитрых, высокоабстрактных "философий", позволяющих

людям пребывать в сладкой иллюзии наличия у человечества верховного знания и контроля социальных процессов. Хуже всего, что обещая детям неисчерпаемые ресурсы знаний, современное общество на самом деле выступает в роли ловкого жулика и шарлатана, маскируя свое истинное банкротство изобилием пустых, ничего не дающих теорий. Также обстоит дело и в психотерапии: импотенция современной психологии, не умеющей не лечить, не предупреждать расстройства психики, всецело основана на Разрушенном Пространстве интеллекта, которому нечего предложить пациентам в качестве лекарства. Ведь единственное лекарство для расстроенной психики – это дорога домой, в родной дом наличия контроля, который даст и смысл жизни и безопасность и радость ощущения силы и наслаждение интересом к знанию. Но где же взять это лекарство научного контроля, если Пространство Интеллекта на корню разрушено?

Психическая энергия в качестве материального базиса анализа философии позволила также рассмотреть другую игнорируемую веками проблематику.

Любовь до сих пор не принято было брать объектом научного анализа, так что Бертран Рассел даже прямо указывает в "Истории западной философии", что чувства находятся вне сферы научного анализа. Однако, это глубокое заблуждение, поскольку именно чувства образуют материю психической энергии.

В этой связи до сих пор с любовной проблематикой имела дело в основном художественная литература, стараясь в меру своих слабых сил нащупать общие закономерности любовных процессов, чтобы поставить их под контроль – хотим мы или нет, но поиски контроля всегда в основе всех наших чаяний. Байрон, как и Ницше в этой связи вздыхают, что им жаль что они вынуждены быть поэтами там, где на самом деле место научному анализу.

Исследование закономерностей материи Любви позволило обнаружить два основных, кардинально отличных способа объединения людей в союзы, в зависимости от энергии, через кото-

рую происходит соединение. Энергия Контрольного Тока – фундаментальная, живая, разумная, мощная – имеет силовым полем Активный и Пассивный Интеллект, то есть движется от Минуса мышления к Плюсу законов природы. Поэтому здоровые люди имеют общий Плюс в Пространстве Интеллекта, хорошо понимают друг друга, и в целом независимы друг от друга. Их "любовь" никогда не приводит к агрессии и к патетическим переживаниям, сосредоточенного на возлюбленном смысла жизни – ведь их общий смысл жизни вне людей вообще, он в Пространстве Интеллекта, а люди только поддержка и дополнительная радость друг другу в этом пространстве.

Энергия Детерминированного тока – поверхностная, паразитическая, пожирающая ресурсы здорового Контрольного тока нашего истинного Я. К сожалению на сегодня активная настолько, что здоровые силы КТ почти полностью блокированы – и в этом основная роль принадлежит разрушенному пространству интеллекта. Силовое поле ДТПЭ (детерминированный ток психической энергии) составляют открытые сначала Фихте, а потом Фрейдом Эго и СуперЭго, которые не имеют никакого отношения к нашему Я (то есть КТ), но являются всего лишь полюсами (Минусом и Плюсом) паразитического тока, пожирающего силы нашего Я.

Эго – это ложный образ Я в качестве тщеславия и силового противостояния со всеми, СуперЭго – это ложный образ внешнего мира в качестве сверхъестественных сил, так что все что входит через СуперЭго, представляется как сверхъестественная сила всего космоса, противостоящая Эго – ведь это два противоположных полюса силового поля ДТПЭ. Поэтому мы обозначили Эго и СуперЭго – как Эгосистему, так что силовое поле ДТПЭ задает движение от Минуса жаждущего тщеславия Эго к Плюсу всесилия сверхъестественных сил.

Фрейд называл входящие через СуперЭго вещи и людей – "загрузками" СуперЭго, которые нивелируют истинное значение вещи и человека и превращают его в сверхъестественную силу космоса. Таким образом, "Плюс" людей оказывается не в общем

для всех Пространстве Интеллекта, как на силовом поле КТ, а друг в друге, полностью искажая и истинное положение вещей и смысл существования. Так люди превращаются друг для друга в патетические средоточия всего вселенского смысла и жизненных целей, так "любовь" становится источником свирепой ревности и необузданной агрессии, так она становится "смирительной рубашкой" абсолютной зависимости от другого человека.

Обнаружение этих двух принципиально различных типа любви – здоровой и нездоровой – и стали результатом научного анализа материи любви, никогда ранее всерьез не применяемого к сфере чувств. В этой связи я даже какое-то время думала назвать книгу "скважины любви", чтобы подчеркнуть различие любовных "замков" различных людей, в зависимости от "Плюса" их движения – движутся ли они в Пространстве Интеллекта к Плюсу познаний и встречаются в нем как коллеги и независимые партнеры, наслаждающиеся силой и сочувствием друг друга, или же они движутся в физическом пространстве к Плюсу СуперЭго, принимая друг друга за "пуп" земли сверхъестественных сил всего космоса и отчаянно борясь за близость к своему пупу.

Это открытие стало причиной второго названия книги – Плюс моего Минуса.

Все что касается метафизической составляющей книги – то есть оформления сюжета в форме путешествия в загробный мир – это разумеется всего лишь беллетризация сюжета с целью облегчения подачи информации. Научные открытия данной работы ограничиваются перечисленными в предисловии моментами и никак не связаны с художественным сюжетом книги, послужившим только вспомогательным целям восприятия материала.

Насколько нам удалось упорядочить и отстроить Пространство Интеллекта на основе единых законов психики, изложенных в теории ПЭ можно судить по предисловию к предшествующему чисто научному изданию "Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии", которое является фундаментальным трудом по теории Психической энергии и составляет единое целое с данной работой.

"Прежде всего, на философском уровне теория Психической Энергии позволяет сделать революционные открытия в Гносеологии, так как наконец дает твердые обоснования связи теории и практики, как контроля силы энергии на практике. Получает свое окончательное разрешение основной вопрос философии о соотношении Материи и Духа. Эти понятия заменяются понятиями Энергии и Интеллекта, что позволяет разделить Вселенную на полюса Пассивной энергии, имеющей закономерности природы, но не имеющей разума, и Активной Энергии человека, способного к мышлению и к постижению законов энергий космоса.

Пространство и Время, которые до сих пор трактовались как свойства Материи, на самом деле предстают синонимами Интеллекта и Энергии, что вносит радикальные изменения в понимание пространственной картины Вселенной. Четырехмерный пространственно-временной континуум Эйнштейна оказывается только одной половиной вселенной, так как он не включает пространства Активного Интеллекта человека и его линейное Время от Прошлого к Будущему. Трактовка Материи и Духа, Пространства и Времени как Интеллекта и Энергии дополняет эйнштейновский физический мир Пространством-Временем человеческой энергии. Это пространство-время, которое прежде было принято именовать Метафизикой, но которое на самом деле является особым видом энергии – Контрольным Током Психической энергии, отличающимся от Детерминированных энергий по ряду характеристик, таких как доступность мышления, знания законов природы, контроля законов природы и доступа к силе этих законов, наличие относительной свободы воли, устойчивого равновесия, линейного движения, развития и роста.

На методологическом уровне теория Психической Энергии снабжает социальные науки универсальным инструментарием анализа, впервые за всю историю развития социальных наук позволяющего раскрывать объективные закономерности социальных процессов, минуя противоречия и поверхностные суждения ненаучных методов анализа. Это строгая научная система,

основанная на понимании Гносеологии как науки об энергетическом строении вселенной, разделенной на пассивный и активный полюса Интеллекта.

Так, привычные из теорий Фрейда и Левина понятия гомеостаза, мотивации как снятия напряжения в поисках покоя, временность покоя и цикличность ненасыщаемой мотивации, гарантирующие движение энергии (колебания между равновесием и дисбалансом) - раскрывают только поверхностную и нездоровую часть психики человека, представленную пассивным (детерминированным) током Психической энергии. Система Эго и СуперЭго, раскрытая в трудах Фрейда, в тоже время нераскрыта с энергетической точки зрения, так как на самом деле Эгосистема представляет собой противоположные полюса (+ и --) пассивного тока психики. Тем не менее, в этих теориях мы впервые встречаемся с энергетической интерпретацией психики, хотя и ограниченным ее вариантом, не включающим фундаментальную здоровую сознательно-волевую энергию человека.

Этот пробел восполняется в гуманистической психологии и философии, трактующих психику как арену борьбы двух сил - пассивной, нездоровой и активной, здоровой. В тоже время гуманизм не счел нужным прибегнуть к энергетической интерпретации своей теории, закрыв себе путь к научному обоснованию отраженной в его трудах истины. Так, понятия Роста и Развития Сознания вместо Цикличности Эгозащиты, понятие устойчивого Равновесия объективного знания и наличия контроля вместо Ненасыщаемости потребностей Эгозащиты, союзы идентичного и подобного вместо зависимого и противоположного, Контроль объективного Знания вместо Власти Насилия - все это находит свое научное объяснение только в рамках теории Психической энергии, разделяющей космос на полюса Контрольного тока Мышления человека и все прочие детерминированные энергии.

Так, линейное развитие научного сознания человечества в развертывании Исторического процесса и одновременно возмущения прогресса мировыми войнами Запада и застойными дес-

потиями Востока получают свое научное обоснование как движение здоровой сознательной части психики к росту, равновесию и процветанию и нарушения этого движения, вызванные детерминированными токами психики. Западная и Восточная специфика исторического процесса предстают не противоположными линиями Развитие – Застой, как это принято было считать до сих пор, а всего лишь различными видами нарушения нормального процесса развития Контрольного Тока Психики (сознательно-волевой энергии). На Западе эти нарушения носят выраженный шизотимический характер, а на востоке выраженный циклотимический характер, что позволяет говорить о том, что будущее человечества зависит от того, насколько успешно оно научится бороться с обоими детерминированными токами психики, открытыми еще Кречмером – цикличным и шизоидным ДТПЭ. Цикличный Рост на Западе, лишенный равновесия и прерываемый ожесточенными войнами еще со времен афино-спартанских войн и Цикличное равновесие Востока, лишенное роста и также закономерно нарушаемое междоусобными войнами – все это симптомы болезненного состояния общественных систем. Здоровое общество будет иметь стабильное Равновесие и Рост одновременно, которыми сегодня не могут похвастать ни Запад, ни Восток.

В отличие от подхода Оствальда, Фрейда и Левина, которые рассматривали психику и социальные процессы только с точки зрения Пассивного энергетического полюса, теория Психической Энергии впервые предлагает полноценную энергетическую картину социального мира, охватывающую как пассивный полюс детерминированных энергий, так и активный полюс чисто человеческой контрольной энергии, которую до сих пор принято было называть духовностью.

Гуманистические философы и психологи четко провели черту между автоматизмами пассивной, компульсивной части психики и волевой, сознательной активностью человека. Однако, в отличие от однобоких систем Оствальда, Фрейда и Левина, их работы обошли энергетическую интерпретацию психо-социаль-

ных процессов, которая представляет основу научного взгляда любого изучаемого явления

Теория Психической Энергии впервые в истории философии и психологии позволяет объединить все основные философско-психологические школы и дать научную базу выдвинутым в них гипотезам. Так получает свое объяснение дуализм в понимании психики гуманистической школой, разделяющим ментальные процессы на автоматизмы эгозащиты и развитие волевого сознания личности. Психоанализ гармонично сплетается с основными положениями гуманизма, как детальная разработка автоматизмов эгозашиты пассивной энергии психики. В тоже время спор между гуманизмом и психоанализом о первичности пассивной и активной энергии психики благополучно разрешается в пользу гуманизма, так что фрейдизм предстает лишь как интерпретация поверхностной, болезненной части психики, с полным упущением анализа фундаментальной, здоровой, сознательно-волевой энергии человека.

Бесценен вклад теории Психической Энергии в терапевтическую практику. Раскрытие механизмов Цикличного гомеостаза Детерминированного тока психики позволяет объяснить развитие у Кречмеровских циклотимиков маниакально-депрессивных психозов. Нарушение цикличного гомеостаза, вызванное Интеллектуальной Эгозащитой, позволяет объяснить особую ранимость психики Кречмеровских шизоидов и специфику шизофренического психоза. Кречмеровская классификация циклотимии и шизотимиии получает научное обоснование с точки зрения специфики детерминированных токов психики.

Макиавеллизм, Пикап и гипноз получают свое обоснование как управление психикой человека через автоматизмы нездоровой пассивной энергетики Эгозащиты. Терапия и защита от психических пиратов видится в наращивание Интеллектуального Пространства здоровой Контрольной Энергии человека, в наращивание мускулов знания, профессионализма, а главное в раскрытие механизмов силового поля Эгосистемы и снятие Эгозащиты как провокации затрат энергии на паразитический ток психики".

ГЛАВА 1. БАШНЯ ЧИСТИЛИЩА

Публикация Теории Психической Энергии стала бомбой взорвавшей мир социальных наук, подобно эффекту теории относительности Эйнштейна или таблице Менделеева в мире естественных наук. Мало кто знает, какие чудеса предшествовали этому открытию. Не будь этих удивительных событий, мне никогда не удалось бы закончить эту непосильную работу.

Всему причиной один нескончаемый сон который мне удалось пережить всего за одну ночь. Сказать, что я чувствовала себя Алисой в стране Чудес – значит ничего не сказать о степени моего изумления и даже потрясения невероятными событиями той волшебной ночи. Однажды вечером, после утомительного дня интенсивных занятий с теорией ПЭ, я как всегда с большим облегчением отправилась в постель, чувствуя небольшую передышку от непрестанных трудов только короткими ночами. Подобно Кьеркегору я чувствовала себя в безопасности только в постели, натягивая одеяло до самых глаз и уютно укутавшись в нем. «Я встаю утром и тут же ложусь опять, - говорит Кьеркегор, - Лучше всего я чувствую себя вечером, когда гашу свет и прячу голову под одеялом. Тут я снова сажусь и оглядываю комнату с неописуемым удовольствием: ну что ж, доброй ночи, вот я и снова под одеялом». Для тех кто живет в пространстве интеллекта, время идет только настолько насколько идет их научная или профессиональная работа и стоит, когда останавливается Познание и Контроль.

Но на этот раз я проснулась не у себя в комнате, а обнаружила себя к великому ужасу посреди девственного леса, поражавшего своей массивностью и красотой. Когда-то в детстве я часто начиная писать «роман», писала о прекрасной девушке, с трудом продирающейся сквозь дебри непроходимого леса к неизвестной ей самой цели. Я не могла сказать, почему именно этот образ

так упорно вставал в моем сознание всякий раз, когда мой взгляд обращался к творчеству. И вдруг теперь обнаружив себя одной-одинешенькой в лесу, один на один с бескрайним гигантским лесом, я поняла, что вся моя жизнь была дорогой в этот лес, и перестала бояться. Я встала, стряхнула с себя пыль и спокойно пошла по тропинке навстречу своей судьбе. Я вдруг почувствовала, что мне не только не страшно, но что мое сердце наполняется какой-то дикой радостью, что все мое существо трепещет в предчувствии великих событий, на встречу которым я иду по этим до боли красивым пейзажам природы. Воодушевление настолько переполняло меня, что я с трудом различала дорогу, которой шла, теряя способность к ориентации в пространстве и времени. Не знаю, сколько я брела так в экстазе, помню только что меня отрезвил вид одинокой фигуры впереди. Это была мужская фигура в широком темном плаще, ниспадавшем до самого пола и с капюшоном, прикрывавшем голову. Я знала, что этот человек и был целью моего путешествия, и уверенно направилась к нему.

-День Добрый! - поклонился мне человек, подняв на меня добрые тоскливые глаза. – Я давно жду вас. Вы наверное блуждали кругами, потому как дорога в Замок Чистилища коротка.

- Замок Чистилища? – я внимательно пригляделась к его лицу, которое сразу показалось мне знакомым. – Я знаю только одного человека, который спускался в Чистилище. Это Дуранте Олигьери.

- Это я и есть, синьорина. Ваш покорный слуга – Данте Олигьери. – опять поклонился мужчина.

Я уже ничему не удивлялась, только мое сердце билось с такой силой, что казалось он слышал его также хорошо как и я. Я бросилась ему на шею, отчаянно сжав беднягу в своих объятиях, чем немало его смутила. Слезы выступили у меня на глазах при одном воспоминании о жизни этого удивительного человека, пострадавшего как и многие другие только за свою добродетель.

- Данте! – воскликнула я в сердцах, - Я так рада тебя видеть! И я так рада, что жизнь после смерти, о которой ты так

красочно написал, действительно есть и что ты не погиб от рук этих лишенных души и разума злодеев, но продолжаешь жить, и я могу тебя видеть и говорить с тобой!

Поначалу он сильно смутился, но как только пришел в себя, лицо его расплылось в умиленной и смущенной улыбке.

- Спасибо синьорина,- выдохнул он, - хотя я признаюсь, был предубежден против вас, я вижу, что сердце у вас доброе и пылкое, а это самое главное.

- Да, конечно, предубежден! – расхохоталась я. – Я ведь не Беатриче! Попробуй ка Данте посиди до 30 лет над книгами вместо того, чтобы наслаждаться весной своей жизни, ты тоже поблекнешь!

При упоминании имени Беатриче, его лицо вдруг внезапно осунулось и опять приняло выражение крайней тоски.

- Извините, Данте, если я сказала что-то лишнее, - испугалась я. – Мы все начитанны о прекрасной Беатриче, нет девушки, которая не мечтала бы быть также воспетой гением великого поэта и сохранить свой прекрасный образ в веках. Разве вы все еще не встретили Беатриче? Ах, ну да, простите Данте, она конечно ждет вас в Раю, а вы говорили о Чистилище.

Данте ничего не ответил, только указал рукой на цель нашего путешествия.

- Это Башня Чистилища. Наш путь лежит туда. Не правда ли этот Замок прекрасен?

Сердце художника, которое выдало Данте с головой в красочных пейзажах, описанных им в Божественной комедии, билось также и в моей груди. Когда-то в детстве я рисовала картину за картиной, но со временем все мои творческие интересы сосредоточились вокруг науки и теории ПЭ. Я сразу поняла о чем он говорил, когда увидела величественный силуэт громадного Замка, уходящего вершиной в белоснежные перины облаков. Сердце замерло в предчувствии встречи с красотой, которую сулили одновременно грандиозные и изысканные очертания Башни. Словно гигантский космический корабль, стояла она раскинувшись на бескрайних просторах тропического леса, гостеприимно перели-

вавшегося всеми цветами радуги. Но это был космический корабль изощренной красоты, которой мне никогда раньше не приходилось видеть ни в одном образчике земной архитектуры. Красота! Разве не стоило бы жить ради нее одной? Кому знаком волшебный трепет, охватывающий душу при встрече с прекрасным, поймет о чем я говорю.

- Данте, этот Замок также прекрасен, как и велик. Сколько в нем этажей? Знаешь, если бы ты не сказал мне сразу, что это Замок Чистилища, я бы решила, что попала в Рай.

Глаза Данте засияли восторженной радостью.

- Я вижу, ты чувствуешь прекрасное также остро, как я. – улыбнулся он мне. – Ты все больше мне нравишься. Я рад, потому что у меня будет одним другом больше! Сколько этажей никто из нас не знает. Я живу в этой Башне уже семьсот лет, но насчитал всего несколько сотен этажей.

- А на каком этаже ты живешь?

- Мы все живем на самом верхнем этаже, который называют Олимпом Чистилища, потому что туда попадают только самые великие или самые знаменитые люди, оставивший неизгладимый след в науке, культуре или истории. Причем попадают как те, чей след оказал положительное влияние на науку и культуру, так и те, кто оставил негативный след в истории человечества. Это и делает нашу жизнь в Башне печальной, заставляя забывать об окружающей нас волшебной красоте.

- Чем же жизнь на Олимпе отличается от жизни на других этажах? Или вы никогда там не были?

- Мы были, много раз. Моя Беатричи не в Раю, и даже не на Олимпе Чистилища. Она где-то на нижних этажах Башни, и я уже семьсот лет не могу ее найти. – Данте тяжело вздохнул и понурил голову. – Дело в том, что спускаться можно без ограничений, а подниматься только в редких случаях, и мы еще не выяснили в каких именно. На Олимпе живут только те, кто принимает непосредственное участие в поисках Дороги в Рай. Поэтому у нас сосредоточенны все возможности развивать наши познания и получать информацию с земли о процессе развития наук и

культуры. Но жители нижних этажей не имеют этих возможностей. Им недоступны ни наши обширные библиотеки, включающий историю всей человеческой мысли, ни наша компьютерная система, позволяющая нам получать информацию о состоянии дел на Земле.

- Разве мы не на Земле, Данте?

- Я этого не знаю, и никто не знает. Вот этот лес и эта божественная Башня – составляют весь наш мир. Этот лес , как мини-планета, представляет собой шар, который всегда приводит обратно к Башне. Сколько раз я покидал Замок, чтобы найти Дорогу в Рай, но в конце концов всегда приходил обратно к Башне. Потом, после открытий Коперника, Кеплера и др мы все узнали еще до того, как они присоединились к нам в Башне, что нет неба и земли как центра вселенной, а есть бездонный космос и множество планет в виде шаров. Как же! Гелиоцентрическая система Коперника – целая эпоха в Башне Чистилища! Тогда я понял, что наше Чистилище – это тоже шар, тоже в своем роде планета и что нам никуда не деться с этого шара. Я тогда сильно горевал, потому что решил, что Дороги в Рай нет, но Сократ и Платон объяснили мне, что Дорога в Рай проходит через Разум, и что я Был не прав, когда описал физическую дорогу через подземелья, овраги, горы и леса. Платон не обиделся, что я поселил его в Аду в Комедии, только много смеялся, сказал, что это и вправду первоклассная комедия, и он несколько раз ее читал. Говорит, у меня доброе сердце, а я думаю, что по настоящему доброе сердце у него. И еще он очень веселый, его тут все любят, и Сократа тоже.

- Значит, этот бескрайний лес – вовсе не бескрайний. Ты быстро его обошел?

- В первый раз я блуждал месяц, во второй раз всего две недели. По настоящему велика только Башня. Коперник, Бруно и Кеплер старались изо всех сил вместе со мной найти Дорогу в Рай через физические законы, но не смогли обнаружить в небе никаких других тел, кроме нашего Чистилища. В конце концов, они тоже согласились с Платоном.

- А что же Галилей и Ньютон?

- Они тоже. Все великие ученые входят в партию гуманистов-рационалистов Рассела-Эйнштейна. Впрочем с открытием этой партии впервые можно стало говорить о какой-то единой работе по исследованию Дороги в Рай. Олимп Чистилища раздирают войны между сторонниками Дьявола и Бога. Театр Нерона – де Сада прославляет Дьявола и кощунствует над Христом, мы тяжело страдаем от страданий Христа и защищаем его как можем в нашем театре. Олимпийцы были так добры, что дали ему мое имя.

Во времена Данте Флоренция была расколота на Белых и Черных, и Данте, как и полагается ангелу с крыльями, каковым он всегда был, отважно сражался на стороне Белых, хотя причины были гораздо более прозаичны. Этот страстный итальянец, такой же горячий, как все его соотечественники, в свое время отчаянно болел за спасение родной Флоренции. Он стал политиком не из тщеславия и поисков власти, но из ответственности и желания помочь своему народу, как Перикл, Рассел, Ганди и все прочие умные, порядочные люди с большим сердцем. В этом смысле его судьба наиболее схожа с судьбой Рассела, политиком ему стать не удалось из-за своей добродетельности. В мире, где правят Чезаре Борджа, герои Макиавелли, подлецы и убийцы – нет места честным людям, руководствующимся человеколюбием и совестью. Борьба гвельфов и гибеллинов, потом Черных и Белых и в результате Данте оклеветан и выслан с родины до конца своих дней. Сейчас раскаявшаяся Флоренция еще хочет вернуть себе прах своего великого соотечественника, но уже поздно, и Данте рад, что им этого не позволили. Они не приняли его живым, когда он отчаянно страдал и нуждался в своей родине, так пусть не получат его мертвым, когда его жизнь сосредоточено уже недосягаемо далеко от Флоренции, в Замке Чистилища, где он угодил на новую, еще более свирепую и безнадежную войну. Он боготворил Беатриче, соседскую девушку, которую узнал когда ей было всего шесть лет, а ему восемь, и которая в 20 лет вышла замуж за другого. Но не это стало его трагедией, а ее скоропостижная

смерть через 3 года, когда ему исполнилось всего 25 лет. Ее смерть стала для него тем, чем для Руссо была неизлечимая болезнь, или представление о неизлечимой болезни – оба махнули рукой на жизнь и ушли с головой в науку, в книги, забыв о себе и о мелочном людском эгоизме. Эти трагедии сделали их великими учеными, как первая мировая война сделала Рассела великим гуманистом, сдвинув его академические интересы в сторону социальных наук. И уже в следующий сборник стихов Данте адресует «Мадонне Философии», как своей новой возлюбленной, что говорит о том, что смерть Беатриче перенаправила все его душевные силы в поле интеллектуальной энергии, выражающейся в любви к знанию. Он этого не осознал, продолжая считать себя несчастнейшим из смертных, и когда не обнаружил Беатриче в Раю, поник еще больше. Но вопреки его сознательной оценке в его душе продолжает расти и крепнуть поле интеллектуальной энергии, которое вскоре покажет ему как много он приобрел обратившись от любви к идолу, вылепленному им из предрассудков к любви к философии – ибо реальная любовь к человеку, к женщине или мужчине всегда только производна от любви к знанию и не имеет ничего общего с его религиозной интоксикацией в образе божественной женщины.

-Значит и здесь не обошлось без войны, Данте?

- Да, а иначе бы мы были в Раю. – тяжело вздохнул великий поэт. – Как я ошибался, когда рисовал себе муки ада и чистилища, как физические муки! Разве есть боль сильнее боли душевной?! Я должен был догадаться, что здесь самые страшные пытки, пытки раздираемой души, а не детские игрушки физической боли.

- Но пытки – пытки, только если они ведут к смерти, а души бессмертны.

- Ничего не может быть дальше от истины, - глубоко вздохнул Данте. – Мы все живем в диком ужасе однажды взорваться, как случилось уже со многими прямо у нас на глазах. Никакая биологическая смерть не сравниться с психической смертью. Душа умирает намного тяжелее, нежели Тело. Люди знают только о

смерти Тела, но они не знают, что настоящая смерть – это смерть Души.

- Да, действительно, я сразу не поняла, потому что встреча с вами Данте навеяла мне мысли о метафизике. Конечно же, душа умирает, и об этом знают все психиатры. Они много раз видели эту страшную картину при психозах и запечатлели всю драматичность распада личности в своих книгах. Особенно у Кемпинского хорошо написано о психической смерти при дебюте шизофрении. Но вы несомненно правы, Данте в том, что обычным людям невдомек, что умереть можно и на психическом уровне, они боятся только биологической смерти. Более того, люди часто просто не замечают, что они уже мертвы, когда психическая смерть наступает в результате постепенного высасывания жизненной силы истинного Я паразитическим током Эгозащиты. Это только шизофренический дебют - резкий взрыв психики, а многие умирают от незаметной утечки психических сил, как от медленной кровопотери.

- То же самое говорит нам Кьеркегор,- Данте смотрел на меня в восхищении. – Что многие люди умирают психически раньше, чем биологически, но не замечают этого и считают свою внешне благополучную жизнь счастьем. И сильно удивляются, что никак не могут почувствовать себя счастливыми, хотя несомненно должны по их расчетам. Он говорит, легче заметят потерю ноги, чем потерю души, хотя ценность ноги и души несоизмерима. Серен самый мудрый человек, которого я до сих пор знал. Но теперь я вижу, что и вашей книгой вовсе не зря заинтересовались на Олимпе. Серен ничего не знает об этих тонкостях психической смерти, а мы все очень мучаемся от страха, что нас в любой момент постигнет такая же жуткая участь.

- Как же это случается в Чистилище, Данте?

- Эта картина не для слабонервных. Как ни страшны мои описания ада, а физическую боль невозможно сравнить с тем, что происходит при психическом взрыве. Поражает больше всего неизвестно откуда берущаяся мощь энергетического взрыва, как если бы вся вселенная на мгновение сфокусирова-

лась в одной душе с тем, чтобы со страшной силой разорвать ее на части, потом все превращается в страшных хаос, кружатся кусочки мыслей, эмоций, душа на глазах у нас теряет свои очертания и превращается в дикую пляску притягивающихся и отталкивающихся кусочков, когда-то составлявших личность. Когда-то здравая и радовавшаяся жизни душа превращается в один громадный, величиной с космос страх и этот страх распространяет такое жуткое напряжение по всему Олимпу, что мы болеем вместе с каждой взрывающейся душой. Оказывается, нет боли большей, чем страх, и какой бы физической боли не боялись люди, сам страх намного больнее и разрушительнее. Вот та истина, которая становится очевидной при непосредственном наблюдении за психической смертью. Весь этот ужас сопровождается страшными воплями, бредовыми всхлипываниями, словесными салатами, как говорят набегающие психиатры, что самое главное – длится эта агония много дней, а иногда и месяцев. И только потом повисает серая, серая тень, которая уже ничем не напоминает душу прежнего человека, а становится одной из миллионов других теней населяющих нижние этажи замка чистилища. Туда-то она и проваливается, эта обезличенная и обезжизненная тень.

- Это мощь от того Данте, что взрывается Контрольный Ток психики – самая мощная энергия во вселенной, носителями которой мы являемся. В некотором смысле она действительно сосредотачивает в себе все ресурсы космоса, потому что имеет доступ к контролю его энергий. Но у обычных людей Контрольный Ток очень слабо развит и обнаруживает свою мощь только при окончательном распаде.

Мы наконец подошли к Башни, и я почувствовала как у меня перехватило дух, так словно, я вновь была юной девочкой и узнала, что случилось невероятное, и мой перевод в московский ВУЗ дело решенное и уже ничто не сможет мне помешать ехать в столицу учиться.

- Как мы поднимемся на верхний этаж, к самым небесам, Данте?

- Как все. На Лифте. Лифт Башни имеет всего три кнопки: ниже, выше и Олимп. Нам на Олимп, всех прочих лифт доставляет либо вниз в лес, либо наверх на их этаж.– спокойно ответил мне он. – Только тебе надо бы приодеться.

Только в этот момент я впервые подумала о своем внешнем виде и с ужасом вспомнила, что я в пижаме.

- Как же быть?! – умоляюще взглянула я на Данте.

- Все очень просто, Лейла. – мягко улыбнулся мне поэт, впервые обращаясь ко мне по имени. – Ты в пижаме, потому что ты считаешь, что должна быть в пижаме, раз ты в последний раз была в ней. Здесь ты уже свободна от тела, наша внешность это только содержание нашей памяти и воображения, мы не можем носить одежду, также как не можем коснуться друг друга руками.

Я попробовала прикоснуться к руке Данте.

- Неправда, я чувствую твою руку и она теплая, как у живого! – радостно констатировала я.

- Да иногда так бывает здесь, но только между близкими друзьями или теми кого связывают сильные эмоции, даже негативные. На нижних этажах почти никогда не встречается, только у нас. В общем я не знаю, как подвести это под общее правило, знаю только, что каждый выглядит так, как он себя воображает. И даже не воображает, а чувствует. Знаешь, некоторые из Банды садистов тщатся вообразить себя великими императорами во всем ослепительном блеске роскоши и величия, а выглядят как драные кошки в декорациях провинциальных театров. Только тот кто по настоящему чувствует себя великим, сможет предстать таковым в глазах других, точно также как красоту надо чувствовать частью себя, чтобы и другие увидели твою красоту. Я всегда ношу этот черный плащ и даже не пытаюсь выглядеть более современным или более романтичным. Потому что этот плащ отражает черную тоску, в которую окутана моя душа. Я нисколько не претворяюсь и потому и другие видят меня таким же, как я сам себя вижу.

Только он произнес эту речь, как я задала себе вопрос: Кем я себя здесь чувствую? Величественная Башня, завоевавшая

мое сердце своей вдохновенной красотой, сразу подсказала мне ответ. Я почувствовала себя средневековой принцессой, направляющейся в свой родовой Замок, или же в Замок суженного принца. Я окинула себя взглядом: мое роскошное платье из тончайшего батиста, слепящего своей белизной и темного бархата, отороченного серебряной вышивкой выглядело вполне убедительно. И плащ совсем как у Данте с тяжелым капюшоном, только не черный, а мраморно-бежевый, один из моих любимых цветов.

- Насколько я правдоподобна в роли принцессы, Данте?

Данте улыбнулся совсем по современному, с лукавством мужчины, наслаждающегося глупостью хорошенькой женщины.

- Вы очаровательны! – молвил он, возвращаясь к официальному тону. – Сразу видно прирожденную аристократку!

Я удовлетворенно рассмеялась, но вовсе не от глупого тщеславия, как думал Данте. Так приятно было наконец-то почувствовать себя принцессой после долгих лет черной золушкиной участи.

Уже в лифте Данте стал рассказывать мне о Залах Чистилища.

- Дорогой в Рай занимаются только Залы Души – мы это выяснили после тщетных попыток найти Дорогу в Рай через Залы Техники. Я тебе рассказывал о наших тщетных попытках с Коперником и другими учеными из Залов Техники.

- Каждый ученый имеет свой Зал? – не поняла я, почему он называет Коперника, Кеплера, Бруно и Галилея – ученными из Зал Техники.

- Каждый ученый попадает на Олимп Чистилища в связи со своими выдающимися успехами...

- Я это уже знаю!

- Так вот, успехи эти относятся к какой-то области. У нас все науки распределены по Залам: Три главных Зала – Зал Техники, Зал Души и Зал Тела, и множество залов внутри каждого из них. Чтобы попасть на Олимп надо быть Столпом хотя бы одного из этих Залов. Есть такие которые состоят столпами в десятке различных Залов, но это редко. Быть столпом Зала Чистилища –

значит лишь обладание пропускным билетом на Олимп, но это никак не привязывает тебя к роду деятельности. Твои книги уже сделали тебя столпом десяти Зал Души, но это не значит, что ты не сможешь заниматься другими науками, когда окажешься здесь вместе с нами.

- Десяти Зал Души?

- Да, Зал Души всего Десять: Это Зала Пространства и Времени (мы еще называем ее Залой метафизики, потомку что там сосредоточенны все теории о строении вселенной, включая материальные и метафизические), Зала Познания, Зала Добра и Зла, Зала Любви и Свободы, Зала Сумасшествия, Зала Воспитания (его также называют Залом Тщеславия, так как там сосредоточенны вопросы о ложной гордости и истинном самоуважении), Зала Юмора, Зала Государства, Зала Экономики и Зала Истории. Каждая Зала насчитывает десятки столпов – то есть ученых на чьих трудах держится современная наука на земле, причем в независимости от того, насколько эти учения истинны. Главное, что они являются частью общей человеческой мысли на данный момент или имели существенное влияние на развитие мысли в прошлом. Все эти столпы и их теории часто противоречат друг другу, хотя конечно очень многие выражают схожие мнения. Дорога в Рай – это Истина о Душе, которая должна примирить теории всех десяти Зал Души, потому что Истина может быть только одна. Законы Души могут быть устроены только одним единственным способом, или же это вовсе не законы и Истины нет.

- Абсолютно верно, Данте. Я ,кажется, начинаю понимать свою миссию. Вы рассчитываете с помощью моей теории примирить теории столпов Залов Души?

- Вот именно.

Тяжелые двери лифта наконец-то распахнулись, и мы оказались на просторной веранде с огороженной золотой изгородью с замысловатыми узорами в форме экзотических птиц. Данте взял меня за руку и повел к противоположному краю веранды, к громадным золотым воротам, столь же искусной работы, как и все в этом чудесном месте ожившей красоты.

- Эти ворота мы называем воротами в Рай, - сказал он мне шумно выдыхая, словно боялся потерять над собой контроль. – Вот здесь запись, которая открыла нам наше предназначение в Башне Чистилища о поисках Дороги в Рай. Мы находимся на Крыше Башни, над Олимпом. Когда мы найдем Дорогу в Рай, то эти Ворота откроются и мы словно птицы воспарим прямо в Небо. – его голос задрожал и он не в силах более сдерживать волнения вдруг расплакался совсем как ребенок, громко и навзрыд. Я обняла его и долго утешала, вспоминая строчки из Божественной комедии, где он сравнивает с себя с желторотым птенцом, которого ведет через страшные дороги ада великий Вергилий и опекает, словно малой дитя. "Чисти я, чист" – уверяет он "учителя со слезами на глазах.

Вскоре Данте взял себя в руки, и мы смогли прочитать роковую надпись.

"Ворота в Рай – это Ворота Дороги Времени, которая откроет вам Будущее человечества и позволит свободно путешествовать в его прошлом. Эти дороги выстланы не камнем и пылью, а абстракциями Интеллекта. Знания составляют ее кирпич, системами законов она вымощена. Найдите Истину Души и эти Ворота освободят вас из Тюрьмы Чистилища"

- Как глубоко я ошибался, - глубоко вздохнул Данте, - когда говорил устами Вергилия, что Бога Разумом не понять! Ведь Бог – это и есть Разум! Я описал мое путешествие в Рай, как путешествие из подземелья в облака, но такое путешествие могла проделать и птица, необязательно быть человеком, чтобы спускаться под землей и подниматься в небеса. Но только человек способен странствовать в пространстве Интеллекта, и именно это есть Дорога ведущая в Рай. Прав был Вольтер, когда смеялся над моим Раем в образе любимой женщины, Эрот манил меня туда, а вовсе не Разум.

Я глубоко задумалась, повторяя эти слова про себя много раз, пока не почувствовала, что выучила их наизусть. Потом подошла к изгороди, которой была окаймлена веранда крыши и заглянула в низ, в бездну. С каким любопытством смотрела вниз

самого высокого здания, какое мне когда либо приходилось видеть. Отсюда должна была открываться перспектива обозрения всей крохотной планеты Чистилища. Но я не увидела ничего кроме густого тумана облаков.

- Мы тоже много раз пытались разглядеть отсюда место своего пребывания, - вздохнул Данте, - думали может быть все дело в погоде, и может погода меняется здесь раз в столетие или как-то иначе. Но ничего подобного. Здесь всегда умерено солнечно и всегда густая шапка облаков отгораживает вершину Башни от ее основания.

- А бывает здесь ночь?

- Конечно, во всем остальном здесь все также как на Земле. Коперник и Кеплер не оставляют попыток найти Солнце вокруг которого мы вращаемся, но Ванга смеется над ними. Она говорит, что наше Солнце – это сам Бог, потому что Бог – это и есть Свет.

- Ванга? – меня как громом поразило. – А Нострадамус, Эдгар Кейси, Иоанн Иерусалимский? Они все на Олимпе?

- Конечно! Каждый из них сумел предсказать историю человечества, и все потому, что на Земле, пока они были живы, они видели Дорогу в Рай. Здесь они потеряли свои способности, но все же нам очень полезно то, что они успели увидеть пока жили. Мы часто обращаемся к ним за справкой, это большая отдушина.

- Как интересно! – выдохнула я, потрясенная до глубины души. – Расскажи подробнее, что Ванга говорит о Боге.

- Тебе лучше самой у нее спросить. Главное, она всегда называет Бога – Светом. Кто-то ее спросил, есть ли Бог на Свете, она сказала, Бог не может быть на Свете, потому что Бог – это и есть Свет. Она говорит, что он похож на раскаленный шар наподобие Солнца, на который больно смотреть. Поэтому она и смеется на Коперником и Кеплером, которые хотят найти здесь такое же солнце как на Земле, говорит, что планета Чистилища вращается вокруг Бога и что Дорога к нему соткана из законов Души, а не из законов механики, и как только мы их найдем, мы станем частью божеского света.

Я замолчала не в силах произнести ни слова, так поразила меня богоцентрическая система потустороннего мира, с планетой Чистилища в качестве спутника Бога-Солнца.

- Значит, ночь наступает также как и на Земле при вращении планеты Чистилища вокруг своей оси.

- Именно так. В какой-то момент Башня оказывается закрытой от света Бога другой частью планеты и тогда все погружается в сон. Видишь, это Чистилище, а вовсе не Рай. Весь наш образ существования здесь, включая прочную связь с памятью жизни на земле, которая отражается и на внешности и на каждодневном быте – есть наполовину продолжение жизни, начатой еще в теле.

- И все же как здесь хорошо, Данте. Эти перины облаков кажутся такими плотными, что хочется прыгнуть и утонуть в их пьянящей мягкости.

- Пожалуйста, ничего вам не мешает это сделать. Только лететь очень долго и нудно, долетите к вечеру в лучшем случае, у каждого это занимает разное время, что еще раз доказывает, что здесь законы механики или не действуют или совсем другие. А мягкость и не успеете ощутить, только туман и нелепый страх разбиться. Никто еще здесь не разбивался за семьсот лет, что я здесь, а прыгал каждый второй. Этот тут своеобразный спорт, как прыжки с парашютов на земле. Но мне совсем не нравится. Глупое состояние подвешенности. Вот и мне смешно. – сказал Данте взглянув на меня.

Я уже совсем передумала прыгать, оставив этот эксперимент до лучших времен. Как говорится, тот факт, что никто не видел черного лебедя, вовсе не гарантирует, что и не увидит и мне не хотелось быть первой разбившейся спортсменкой Замка.

- Нам пора идти в Башню, - улыбнулся Данте, прочитав мои мысли у меня на лице. – Я покажу тебе твою комнату. – он все время сбивался с ты на вы, колеблясь между дружественностью, которую ему внушала моя личность и невольной дистанцией с малознакомым еще человеком.

Я невольно задумалась о Ванге, Нострадамусе и Кейси. Все трое предсказывали времена, когда "люди будут избавляться от тел" по выражению Ванги. Нострадамус говорил, что люди будут резать нервы и подсоединять к машинам, из чего он заключил, что люди станут роботами. Но я думаю, что все гораздо проще. Избавиться от "тела", то есть от биологической энергии, вовсе не значит стать роботом, потому что наша Душа, то есть наша Психическая Энергия – и есть единственная настоящая жизнь на земле, с болью и наслаждением, с самосознанием и сочувствием, с восприятием прекрасного и способностью к развитию, с пространством интеллекта и способностью к контролю формы вселенной. Нет, люди не станут роботами, но скорее всего они действительно научаться избавляться от тел еще до того, как будут попадать в Чистилище. По крайней мере, очень скоро они научаться разделять в себе психическую и Биологическую Энергию, о чем пока еще – благодарение Дарвину – считают даже "ненаучным" думать. И мне вдруг стало ясно, что мое пребывание в Чистилище откроет мне секреты толкований многих предсказаний этих великих людей.

Красота внутреннего убранства Замка поразила меня еще более. Космические просторы холлов, библиотек, колонных залов, оранжерей, учебных аудиторий, совещательных и концертных залов и даже стадионов сохраняли то же ощущение величественности, которое Башня внушала своей формой и размерами с внешней стороны. Потолки представлялись куполами, расписанными фресками гениальных мастеров: гармония красок, переливы полутонов, изящество формы все говорило о том, как остро чувствовали красоту создатели этой Башни. Мрамор самых нежных и необычных оттенков покрывал стены и многочисленные лестницы, соединявшие многоуровневую архитектуру внутренних покоев. Больше всего меня поразила искусная игра цветов и полутонов, фонов и рисунков, теней и бликов, которая вкупе создавала ощущение одного грандиозного произведения искусства, наполняя душу беспредельным восхищением божественной красотой. Стены были увешаны

картинами великих мастеров – Леонардо де Винчи, Тициан, Рубенс, Моне, Боттичелли , Ван Гог , Дега, Ренуар, Микеланджело, Рафаэль, Пикассо, Дали - даже мне так мало образованной в области музыки и живописи было ясно, что передо мной величайшие шедевры, когда-либо созданные рукой человека. Я невольно подумала о Ремарке, таком тонком ценителе искусства.

- Данте, а Эрих Мария Ремарк тоже должен быть на Олимпе. Ты с ним знаком?

- Да, конечно, он здесь. Я люблю его книги, люблю за работу которую он проделал чтобы разоблачить зло своего времени. Он столп в Зале Любви и Свободы и в зале Добра и Зла. Но он здесь сравнительно недавно, мы не успели хорошенько познакомиться.

- А эти картины, Данте, это картины столпов не так ли?

- Да, мы приняли решение украсить ими стены, чтобы они не валялись зря на складах. Ведь все творчество столпов автоматически поступает в Замок Чистилища.

- Смотри Данте, это иллюстрации к твоей Божественной Комедии.

- Да, - его лицо расплылось в широкой улыбке, - благодарение Богу таких полотен много, я не устаю разглядывать их часами, благо времени здесь у всех предостаточно.

Лестницы самых различных форм и масштабов, вьющиеся, словно гигантские змеи или же величественно ниспадавшие подобно ниагарскому водопаду, были одной из характерных стилистических особенностей замка, создававших непередаваемое настроение домашнего уюта и творческого вдохновения одновременно. Венеры и Гераклы, Зевсы и Юпитеры – весь мифологический пантеон древних ожил здесь в работах самых знаменитых скульпторов. И не одна из этих античных скульптур не была сколько-нибудь повреждена, так что я удивилась, увидев оригинал Венеры с целыми руками.

- Это одно из самых потрясающих преимуществ Башни Чистилища над земной жизнью, - широко улыбнулся Данте, так что

даже обычная для него грусть перестала сквозить в его глазах, - здесь сохранены все шедевры, когда-либо создававшиеся на земле в своей первозданной красоте. И здесь мы нашли много такого, что не уцелело на Земле и чего нельзя найти там даже в исторических каталогах. – его глаза буквально светились от счастья и я подумала, какие огромные резервы радости схоронены в его душе, и как рано он определил считать себя погибшим. И меньше всего его счастье зависело от Беатриче, какая бы судьба ее не постигла здесь в чистилище, потому что такие люди как он, связанны напрямую с Богом и именно в нем черпают силу своего вдохновения и радости жизни. Но я ничего не сказала, зная, что он не станет меня даже слушать, а только решит, что я подобно Вольтеру и Свифту не уважаю его чувств к "святой деве".

- А вот кстати и Ремарк, - вдруг шепнул мне на ухо Данте, - болтает о чем-то с Александром Дюма.

Разве могла я верить своему счастью? Как могла я мечтать когда-либо, встретить всех своих любимых писателей, художников и философов в одном месте? Но факт оставался фактом: изящный немец и пылкий француз действительно о чем-то громко смеясь, прошли мимо нас, дружески потрепав Данте по плечу.

- Куда они направляются, Данте?

- Как и все они спешат на утреннюю прогулку в лес. Солнце уже высоко взошло, сейчас народ пойдет на природу. Вот идут Руссо, Толстой и Чертков на свой райский берег – так мы прозвали место у озера, где они проводят дни напролет. А вот смотри Лев и Кора Ландау, ты должна их знать, они твои соотечественники. А вон Дали со своей незабвенной Галла. Кстати обе дамы русские.

А не отрывала глаз от пары Ландау, совершенно не обратив внимания на Дали. Мне не нравился этот сумасшедший поклонник Ницше и Фрейда, зато я обожала знаменитого своим остроумием и добротой Дау, так тяжело страдавшего в последние годы своей жизни после тяжелой автокатастрофы, жертвой которой он стал. "А я иная, не такая, я вся из блесток и минут",

- было любимым его четверостишием. Судя по горящему в его глазах огню, он и здесь остался "красивистом", как называла его любимая женушка Кора. Обе пары вежливо поклонились знаменитому паломнику в Рай, и чинно проследовали мимо по направлению к выходу.

- Дали также примкнул к садистам, - раздраженно сказал мне Данте, когда они прошли, - когда узнал, что Ницше стал одним из лидеров движения. Как он только смеет со мной здороваться после этого!

- А кто еще в партии садистов?

- О, их очень много. – Данте глубоко вздохнул, набирая в легкие воздух, а потом заговорил с такой живостью и энтузиазмом, с таким потоком гневных эмоций, что мне стало очевидно, что я коснулась его больного места. - Начиналось все с распутного Нерона, который хвастался всем, что спал с родной матерью, а потом убил ее. Де Сад был в восторге от своего кумира, история которого положена в основу сюжета его самого гнусного романа "Жюстина". Потому он позже к нему присоединился и с тех пор их стали называть садистами. Потом пришел Мазох и вскоре поддался домогательствам де Сада, хотя он предпочитал женщин. Они так подошли друг другу, что стали писать романтические стихи о своей любви. Тьфу ты Господи. – и Данте сплюнул от отвращения. – Вообще-то, это партия в привычном смысле этого слова, а Эротический Театр, как они себя называют, но тот, кто хоть раз там был называют его порнографическим театром. Тьфу, мерзость! – плевался тонкий эстет.

Я не сдержала смеха, пряча глаза от возмущенного Данте. Я вспомнила, что психопат де Сад устраивал "эротические театры" повсюду, где только мог: у себя дома, с проститутками, в тюрьме и в лечебнице. Театр – вот что было его настоящей страстью. Он никогда не был настоящим злодеем, каким представлял героев своих дурацких романов, только шутом гороховым. И это то и злило больше всего, потому что людей менее тонкой натуры, чем он сам, его идиотские романы успешно превращали в настоящих злодеев. Но не его, нет. Сам он отка-

зался подписать даже один единственный смертный приговор, когда своим изощренным лицемерием сумел пробраться к власти после свержения монархии и установления правления Робеспьера. Тогда во Франции гильотина работала не хуже концентрационных лагерей Гитлера, поставляя подобно хорошо налаженному заводу горы трупов еженедельно. Но гражданин Сад, известный воспеванием крайней жестокости и подлости во имя власти, здесь вдруг отказался подписать даже один единственный смертный приговор. Он сам побелел как смерть в самый ответственный момент и на следующий день добровольно сложил с себя полномочия, отказавшись от власти, ради которой его герои злодеи готовы на убийства и изнасилование детей и собственных матерей. Как они могли подумать, что он также "бесчеловечен". И это говорит маньяк, смакующий самые кровожадные сцены убийств и изнасилований детей и старух ради "наслаждения" процессом. Вот что больше всего бесило в этом клоуне, его безмерная лживость, науськивавшая молодые неокрепшие умы на саморазрушение, которого он сам себе позволить не смог.

- Ну, а потом, - продолжил Данте, когда приступ отвращения поутих, - прибыл герой Театра садистов – Гитлер. Они так сочувствовали поражению Гитлера, что тот не преминул этим воспользоваться и организовал партию садистов. Теперь он ее председатель, а наивные садисты продолжают играть в театры, не понимая, чем им грозит лидерство такого зверя, как Гитлер. Как видишь, там собрались поклонники дьявола, люди одержимые идеей всесилия зла и слабости добродетели. Они проповедуют абсолютную свободу, но это абсолютная свобода для Зла, для низости и подлости без границ. Каждый из них пишет о том, что Добро способно только пресмыкаться и дарить себя всем кому не попадя, и только зло – это сила, власть и свобода, могущая защитить себя. Туда входят все самые развратные женщины, такие как Маргарита Наваррская или Лукреция Борджа, привыкшие к тому, что власть и кровь всегда рядом. Там же отец и брат последней – папа Александр Шестой и Чезаре Борджа с их верным певцом Макиавелли. Ведь

именно Макиавелли воспел семью Борджа как талантливых злодеев, умеющих прибрать власть к рукам ценой любой жестокости и хитрости. Они его герои в "Государе", которого он посвятил Лоренцо Медичи, но тот его не простил как известно. Только его сын, ставший Папой Львом Десятым Медичи здесь уже его за это поблагодарил, и вступил в партию садистов на зло Мартину Лютеру, реформировавшему церковь в его правление. Ведь разврат двора Льва Десятого превзошел всякие пределы и навлек на него гнев истинно верующих, что повлекло революцию в церкви. – Данте удовлетворенно усмехнулся. – Но это разумеется не все имена этих отродий дьявола. Как я жалею, что Ад, который я так ясно увидел, когда размышлял о таких людях, оказался лишь плодом моего воображения. Как же жить, зная что дьявольское отродье на свободе и прекрасно себя чувствует?

- А что же Ницше?

- Ницше – идейный лидер партии, их философский стержень. Куда бедолаге Саду тягаться с немецким метафизиком в умении создавать философские системы, воздушные замки из грязи и пыли.

- Так я и думала, - усмехнулась я. – Никто лучше Ницше не сформулировал примат Зла над Добром, но даже у него получился только бред сумасшедшего. И все потому что никакой талант не поможет перевернуть истину вверх дном. Талант направленный против Истины – это всегда добровольное сумасшествие, что собственно с ним и случилось при жизни и не могло быть иначе. Где мы, Данте?

- Это центральная библиотека Чистилища. Видишь с самого утра почти все места заняты. – он улыбнулся. – Ну конечно, Максвелл и Фарадей о чем-то опять спорят, а вон там Коперник, Бруно и Кеплер ищут Дорогу в Рай, стараясь открыть законы механики планеты Чистилища. Эйнштейн и Лауэ тоже как всегда вместе.

- Мне есть о чем с ними поболтать, - улыбнулась я тоже глядя на эту касту дисциплинированных тружеников, где бы они не оказывались, на земле или в чистилище.

- Дружба – вот то, что наполняет нашу жизнь радостью здесь, - услышала я голос Данте. - Тем, у кого нет друзей приходится по настоящему тяжело, и это конечно поклонники дьявола партии садистов, поскольку они только претворяются друзьями друг другу, борьба за власть, славу и женщина слепит их ненавистью и не позволяет сблизиться. Вот и они встают, чтобы идти на утреннюю прогулку в лес.

- А там не опасно, Данте? Разве там не водятся дикие звери?

- Самые что ни на есть дикие и столь же прекрасные, - уверил меня поэт. – Это настоящий тропический лес, с крокодилами, змеями, тиграми, слонами и обезьянами в лучших традициях Киплинга. Даже орлы и калибри, павлины и страусы, пантеры, медведи и волки – все, что только может представить воображение человека, знакомого с зоологией и ботаникой. Но они не более опасны, чем прыжки с крыши башни Чистилища. Они проходят сквозь нас как сквозь стены. Я все же никак не могу привыкнуть и каждый раз когда встречаю мохнатого льва в лесу, бросающегося ко мне со страшным ревом жду когда его острые когти вонзятся мне в плоть и растерзают ее, но всякий раз выхожу сухим из воды.

Я подумала, что они были опасны нашему телу, но Дух существует в пространстве Интеллекта, которого они не видят.

- Какая прелесть! Живой тропический лес, в котором можно гулять сколько угодно, не боясь быть растерзанным или потеряться! Боже, какая красота, какое великолепие! А как поживает господин Киплинг?

- О! Он не нарадуется, так же как и ты на живой тропический лес. Они вместе с Дарвином проводят в нем дни напролет, возвращаясь в Замок только чтобы переночевать. Дарвин уже давно сделал вывод, что биологический мир планеты Чистилища сильно отличается от земного, потому как в нем и не пахнет эволюцией. Животные и растения больше напоминают воплощение совершенных идей Платона. Но это их нисколько не обескураживает, общению с природой в любом виде они предпочитают общение с людьми.

Я подумала, каким чудным старичком был бы этот самый Дарвин, если бы тщеславие не заставило его распространить свою теорию эволюции на человека, если бы он только остался в границах животного мира, что было бы правильно и хорошо. Истина состоит в том, что "царством животных" движет война в борьбе за выживание и это и есть суть его эволюционного процесса, но эволюция человека – это эволюция разума, и она требует мира и сотрудничества. Распространив закон священной войны как закон всеобщего развития, он дал лженаучную базу теориям зла таких сумасшедших как де Сад и Ницше и теперь органически был связан с ними. Нам не удастся победить зло маньяков до тех пор, пока не докажем, что выводы Дарвина верны только в отношении животного мира, и что миром людей управляют совершенно иные законы психической энергии.

Вода была другой характерной особенностью архитектуры замка. Тысячи прозрачных струй били в самых разных уголках замка, наполняли его волшебными звуками живых журчащих ручейков. Это могли быть одиночные фонтаны-статуэтки, или сложные многоуровневые потоки, имитирующие горные водопады, или же архитектурные ансамбли из грандиозных статуй античного пантеона, образующих роскошные бассейны с прозрачной голубой водой.

- Значит, у вас свой собственный Театр в Чистилище, Данте? Да вы преуспевающий Дух загробного мира, - весело рассмеялась я.

- Да, в некотором роде, хотя Театр вовсе не мой, просто им нравиться использовать мое имя, чтобы позлить садистов, которые ненавидят "дантов Ад" больше всего на свете. Да и немудрено, я ведь его для них готовил. Нам остается только экранизировать их смертные муки в театре, пока Бог не отправит их туда по заслугам. И потом, есть еще Театр Цезаря – Ретланда. Самый популярный театр Чистилища.

- Ретланда?

- Да, граф Ретланд, известный на земле как Шекспир. Теперь ему смешно что из-за таких преглупых соображений, как ханже-

ские предрассудки, не позволявшие дворянам писать для публики, он пользовался подставным лицом, чтобы ставить свои пьесы. Однако, Шекспир – это его студенческая кличка. А наемного Шекспира звали на самом деле Шакспир.

- Я непременно хочу посмотреть театр Шекспира и Цезаря, прежде чем я покину Башню!

- Конечно, только не сегодня. Сегодня нам надо осмотреть Залы Души, ведь не забывайте, вас пригласили сюда для дела. К сожалению развлечения здесь все имеют привкус горечи от сознания соседства безнаказанного зла. Только помните, что здесь Шекспир предпочитает быть самим собой, то есть графом Ретландом, он очень жалеет, что так тщательно скрыл при жизни свое истинное имя. Дело в том, что здесь очень много значит поддержка живых, так что всякий кто умирает оклеветанным или предательски убитым тяжело страдает от того, что на земле не известна правда. И он очень благодарен тем исследователям, которые документально доказали, что Шекспир и граф Ретланд – это одно и тоже лицо.

Мы вышли в холл с огромным фонтаном в центре, образованном ансамблем из бронзовых статуэток, изображавших обнаженных женщин необычайной красоты.

- Этот холл соединяет Десять Зал Души, - объявил Данте торжественно. - Ты можешь пройти и осмотреть эти Залы.

- Ты не пойдешь со мной, Данте?

- Я покажу тебе как пользоваться мониторами и находить информацию, а потом оставлю тебя, чтобы не мешать тебе ознакомиться с материалами Зал, ибо в ближайшее время тебе предстоит большая работа с ними. С какой Залы ты хотела бы начать?

Я колебалась между Залой Познания и Залой Добра и Зла, но в конечном итоге выбрала последнее, потому что там я могла ожидать сюрпризов, а вот в Зале Познания дело обстояло много проще.

Мы вошли в ярко освещенное помещение, подавившее меня грандиозностью своих масштабов и изощренностью техники. В

отличие от проходных покоев в Зале был установлен специальный осветительный ансамбль какой-то сложной технической основы, выполнявший по-видимому также и функции связанные с обработкой информации, а не только с освещением помещения. Гигантская люстра свешивалась с потолка почти до середины высоты комнаты, связываясь лучами с множеством других более мелких, но не менее изысканных люстр и ламп залы. Стены были украшены Фотопортретами в натуральную величину великих ученых, мыслителей и писателей, которые, как нетрудно было догадаться, и являлись столпами Залы Добра и Зла. В который раз у меня перехватило дыхание, так что мне потребовалось остановиться и закрыть глаза, чтобы собраться с силами и отдышаться. Я крепко вцепилась в руку Данте, черпая в нем все свое мужество.

- Тебе плохо? – встревожился мой друг. – если хочешь мы отложим знакомство с Залами на завтра. – Никакой спешки нет. Только вот членам партии очень не терпится с тобой познакомиться, но я скажу им, что слишком сильные впечатления потребовали больше времени и они поймут.

- Нет-нет, Данте, спасибо дружище, вот я уже в порядке. Все что мне надо – это чтобы ты был рядом, пока ты не представишь меня другим друзьям. Я все выдержу с друзьями, но одна я сейчас здесь погибну, потому что мне очень трудно все это переварить. Ты так прав: слишком сильные, невероятно сильные впечатления!

И я уверенно пошла дальше, глубока вдыхая и стараясь более не отвлекаться на слепящую красоту и грандиозность всего с чем сталкивался мой взгляд. Теперь я была намеренна замечать только информацию, сделать над собой усилие и перенестись в мир интеллекта, в котором я всегда чувствовала себя уверенно, и который всегда вселял в меня силы, даже в самых безвыходных ситуациях. Я прямиком направилась к стенам с фотопортретами и принялась изучать фамилии авторов. Будда, Христос, Заратустра, Магомет, Аристотель, Эпикур, Авиценна, Плотин, отцы церкви, св. Амвросий, Иероним и Августин, Фома Аквинский,

Данте, Мухибби, Макиавелли, Мартин Лютер, Кальвин, Савонарола, Боэций, Лейбниц, Кант, Вольтер, Гете, де Сад, Робеспьер, Шопенгауэр, Ницше, Лев Толстой, Сартр, Гитлер.

Я старалась найти ключ к систематизации имен, но ничего не выходило. Разве что хронологический порядок, потому как невозможно представить в одном ряду с де Садом Данте, также как Ницше и Льва Толстого или Лейбница с Шопенгауэром, Сартра и Гитлера, с которым Сартр боролся насмерть.

Дальше шли Пифагор, Сократ, Платон, Спиноза, Руссо, Фихте, Кьеркегор, Уоллес, Бертран Рассел, Гуссерль, Хайдеггер, Фромм. Я сразу поняла, что это тот самый Уоллес, который открыл закон эволюции животного мира в одно время с Дарвином и послал ему доверчиво свой научный доклад. Дарвин, который посчитал себя погибшим, так как теория Уоллеса слово в слово выражала его собственные мысли, был в отчаянии от того, что его опередили. Но друзья убедили его, что еще не все потеряно, и что можно срочно представить обе научные работы к одновременной публикации. Так Дарвин и сделал, хотя ему было совестно перед Уоллесом: "Я тогда еще не знал всего благородства этого человека", - писал о нем Дарвин в своих воспоминаниях. Уоллес вежливо поблагодарил и не словом не выказал неудовольствия, что его лишили заслуженного первенства. Я конечно же поняла, почему именно Уоллес стоял в одном ряду с гуманистами-рационалистами, а не Дарвин. Уоллес настаивал на том, что теорию эволюции нельзя распространять на человека, так как людьми правит разум, но Дарвин резко его оборвал: " Я постараюсь исправить вашу ошибку, пока вы окончательно не погубили своих и моих детей" и он опубликовал свою глупейшую теорию происхождения человека. Нет, я вовсе не отрицаю, что человек произошел из обезьяны, но это не значит, что между человеком и обезьяной сохранилась количественная связь, как утверждает Дарвин. В результате эволюции у человекообразных обезьян развился новый вид энергии – психическая энергия, которую мы называем душой. Вследствие этого поведением человека стала управлять принципиально другая система законов,

радикальным образом отличающаяся от законов биологической энергии. Животные имеют зачатки психики, но эти зачатки ничего не меняют в их инстинктивном поведении, и только доказывают, что из них развивалась психическая энергия человека. Таким образом, разница между человеком и обезьяной вследствие эволюции стала качественной, а это значит что закон войны всех против всех с целью развития в процессе отбора сильнейших уже давно не распространяется на человека и ведет к прямо противоположному результату: задержке и разрушению всякого развития.

Здесь меня удивили Руссо, Гуссерль и Хайдеггер наряду с самыми известными рационалистами Платоном, Спинозой, Расселом. Потом я обратила внимание, что некоторые фамилии шли как бы в паре, такие как Платон и Аристотель, Декарт и Локк, Вольтер и Руссо, Ницше и Сартр, Данте и де Сад, Эпикур и Кант. Дарвин, Павлов, Скиннер, Фрейд, Маркс, Гоббс, Конт, Энгельс, Ленин, Кречмер, Ломброзо, Оствальд шли друг за другом в хронологическом порядке, мною здесь нарушаемом. Ну здесь вроде все было ясно, группа материалистов, считающих, что они находятся "по ту сторону Добра и Зла" по выражению Ницше, а на самом деле активно проповедующих зло.

За ними следовала плеяда гуманистических психологов, составляя как бы контраст предшествующим материалистам – Адлер, Хорни, Юнг, Франкл, Олпорт, Милграм, Аронсон, Маслоу, Роджерс. Великие имена, развившие гениальные прозрения Спинозы и Кьеркегора в науку психологию. Имена среди которых имя Фромма составляет конечно одно из главных мест, наверное поэтому он стоял в непосредственной близости к источникам гуманистической психологии со своим любимым философом Спинозой и другом Бертраном Расселом. Нет, вовсе не Гуссерль философский источник гуманистической психологии, как принято считать, хотя он и был одним из продолжателей той философской традиции, которая понимала психический мир, как состоящий из двух противоборствующих сил, гдедля обретения здоровья и подлинной жизни необходимо очиститься от больной и чуждой

энергии. Он обозначил этот процесс очищения по своему, как редукцию и эпохе психофизического Я, и тем только усложнил и запутал то, что Спиноза дал во всей ясности и простоте истины.

Дальше шла длинная череда писателей, оставивших глубокий след в рассуждениях о Добре и Зле: Гераклит, Диоген, Вергилий, Гомер, Эзоп, Плутарх, Лукреций, Эпиктет, Хрисипп, Марк Аврелий, Шекспир, Франсуа Рабле, Мигель Сервантес, Бальзак, Томас Пейн, Стефан Цвейг, барон фон Мазох, Эрих Ремарк, Теккерей, Джек Лондон, Кафка, Драйзер, Селинджер, Байрон, Диккенс, Свифт, Марио Пьюзо, Голсуорси, сестры Бронте, Достоевский, Гоголь, Чехов, Крылов, Арчибальд Кронин, Борис Хлебников, Стенли Бинг, Джон Перкинс, Роберт Грин. Конечно я не смогу охватить всех фамилий выдающихся авторов, вспоминаю только тех, с кем знакома. Двое последних еще живы также как и я, и также как Платон и Аристотель, Вольтер и Руссо или Ницше и Толстой противостоят друг другу в своих воззрениях на Добро и Зло. Перкинс продвигает Добро, не щадя живота, что называется, а Грин трудится в поте лица в противоположном направлении. Фамилия Бориса Хлебникова впервые заставила меня улыбнуться, вместо горестного выдоха, который она вызывала у меня обычно. Вот ведь как хорошо, что он на Олимпе Чистилища, и что я в любой момент могу его увидеть живым и здоровым!

Данте учил меня обращаться с мониторами, расположенными у каждого автора, которые высвечивали всю информацию о их трудах и биографии. Я с трудом находила в себе силы сконцентрироваться на столь важном предмете, потому как мои мысли скакали с лихорадочной быстротой, перебегая с автора на автора, с ассоциации на ассоциацию. То я вспоминала Фауста Гете, которого принято считать классическим отображением Добра и Зла и этого недотепу Мефистофеля, который не знает ни что такое Зло, ни что такое Добро. Сам Гете был тонкой немецкой натурой, эстетом с гиперэстезией и честностью гениев, но его Мефистофель и Фауст не имеют ничего общего с Добром и Злом в том интеллектуальном понимании этих понятий, которые он старался им придать. Все та же старая, моченая религиозная

трактовка Белого и Черного, как сторон одной медали, как противоположных полюсов единой цветовой шкалы. И вдруг меня осенило – Черное и Белое, противоположные полюса одной шкалы...ну конечно, это количественная теория Добра и Зла, которая предполагает их противоположными полюсами единого энергетического поля! Как же я раньше не додумалась! Теперь мне стало ясно почему де Сад и Данте, Ницше и Толстой, Христос и Вольтер, Аристотель и Сартр, Лейбниц и Шопенгауэр были в одном ряду! Ну конечно, это одна и та же количественная теория Добра и Зла, где Добро и Зло всего лишь плюс и минус единого энергетического поля! Только одни выбирают плюс, а другие минус, но это совсем несущественно, хотя они сами и считают себя противоположными партиями, Белыми и Черными, как партии Данте и де Сада. На самом деле это все старая добрая теория зороастризма о великой борьбе двух противоположных начал, метафизических в своей основе, о великой борьбе Добра и Зла. Уже Гераклит определяет Добро и Зло как две неразрывные стороны одного целого, наподобие того, как магнитное поле составляет неразрывное целое притяжения и отталкивания, плюса и минуса. Это одна и та же вещь, только взятая в разных количествах, одна и та же энергия в разных точках своего поля, одна и та же система координат. Хрисип развивает идею Гераклита и зороастризма о взаимосвязанности Добра и Зла.

Я вспомнила как об этом хорошо сказано у Рассела в его знаменитой Истории западной философии: " Повсюду он трактует зло, подобно Гераклиту, утверждая, что крайности заключаются одна в другой и что добро без зла логически невозможно: «Ничего не может быть глупее людей, которые предполагают, что добро могло бы существовать без существования зла. Поскольку добро и зло антитетичны, и то и другое, по необходимости, должно существовать в противоположности». За поддержкой этой доктрины он обращается не к Гераклиту, а к Платону"

Но он не прав обращаясь за поддержкой к Платону, потому что у Платона качественная теория Зла. У Платона Добро и Зло

– это разные энергии, с самостоятельными полями, где каждая энергия имеют собственную пару противоположных полюсов: Энергию Зла составляют свои плюс и минус, а энергию Добра свои. Тот факт, что Платон обосновывает возникновение противоположностей друг из друга говорит лишь об его понимании общего строения энергетического поля, возникающего из противоположных полюсов, но вовсе не о том, что Добро и Зло также являются противоположностями и составляют единое поле единой энергии. Эти мысли словно молния озарили мой возбужденный трудностью поставленной задачи мозг .

- Данте, мы спасены, я знаю как систематизировать учения Добра и Зла, хотя я раньше никогда об этом не думала. – в моих глазах светилось торжество только что произведенного мною открытия и мне удалось заразить Данте своим энтузиазмом.

- Да услышит тебя милосердный Господь! – улыбнулся он мне.

Мы перешли в Зал Сумасшествия.

С одной стороны были собраны "Великие Сумасшедшие", на другой "Великие авторы теории Сумасшествия". Наполеон находился там, на стене великих сумасшедших, рядом с де Садом, Ницше, Гитлером, Робеспьером, Савонаролой, Кальвином. Там же висели портреты Сократа, Сартра, Руссо, Свифта, Гельдерлина, Ван Гога, Стриндберга, Майерса, Гоголя, Ленау, и многие другие, которых я не могла разглядеть или узнать. Фамилия Сартра на стене безумцев привлекла мое внимание. Как ни напрягала я память, не могла вспомнить, чтобы его случай рассматривал какой-нибудь автор, вспомнила только, что он находился в полемике с Фрейдом по поводу детерминированности сознания, которую он резко отрицал. И только когда я вспомнила его роман "Тошнота" все вдруг встало на свои места. Мне были знакомы эти приступы, и я сразу поняла, что он описал рецидив шизофрении. Потом я нашла такую же хронику душевных событий в Заратустре Ницше. Это действительно великое произведение, но не в том смысле, в котором его принято рассматривать. Это самый полный, ясный, и искренний отчет о

своем духовном мире гениального человека, глубоко пораженного шизофренией. Я не помню, у кого я читала (кажется у Кемпинского),, что психические болезни следует изучать на гениях, потому что только они способны дать глубокий анализ и ясную картину происходящего с ними, но в случае с Ницше это оказалось как никогда справедливым. Его Заратустра – гениальнейший памятник безжалостного протоколирования всех рецидивов своей духовной патологии, выполненный с чрезвычайной проницательностью, тщательностью и искренностью. Ницше называл эти приступы "морской болезнью" и "отвращением", Сартр предпочитал "Тошноту", философия того и другого удивительно схожи, потому как являются идеальным примером Интеллектуальной Эгозащиты.

С другой стороны находились портреты знаменитых психиатров и психологов. Список открывали Сократ и Платон, что говорило о признании их заслуг в разработке теории психики. Больше никого из древних там не было, в том числе и работы пресловутого Аристотеля оказались не зачтенными как содействовавшие развитию психологии. Впрочем, Аристотеля не было и среди сумасшедших, что уже не плохо для такого оторванного интеллектуала как он. Я заметила, что нахожусь в списке тех редких людей (Сократ, Руссо, Свифт, Кьеркегор, Фрейд), портреты которых имеются на обеих стенах – авторов и сумасшедших, что немало мне польстило. Дальше шли Спиноза, Руссо и Кьеркегор, заслуги, которых я с радостью признала. Потом Фихте, Гуссерль, Толстой, Рассел и Хайдеггер – также гениальные философы, сумевшие уловить энергетическую основу психики как борьбы двух сил: живой, основанной на интеллекте и поставляющей радость и счастье, и неживой, основанной на автоматизмах, губящих живой источник. Юнг, Фромм, Маслоу, Франкл, Хорни, Роджерс, Фрейд, Леви-Брюль, Пиаже, Милграм, Олпорт, Адлер, Кречмер, Ломброзо, Кемпинский, Леонгард, Ганнушкин и ваша покорная слуга – это те психологи и психиатры, которых мне удалось разглядеть на стене авторов теорий безумия. Я успела свыкнуться со своим

портретам во всех десяти Залах Души, как у Рассела (только он еще был столпом Залов Техники в отличие от меня), и меня это уже не трогало как в первый раз, когда мне стало трудно дышать. Среди писателей, признанных на Олимпе великими психологами стояли имена Сервантеса, Достоевского, Гоголя, Шекспира-Ретланда, Свифта, Селинджера, Бальзака, Мопассана, Ремарка, Голсуорси, Байрона, Теккерея. Рядом с последним висел портрет Шарлотты Бронте, знаменитой своим романом "Джейн Эйр", любимым романом Софьи Андреевны, жены Толстого. Мне показалось забавным это соседство, потому что образ супруга, заботящегося о повредившейся в уме жене, Шарлотта срисовала как раз с Теккерея, который остался весьма низкого впечатления о ее писательских талантах после ее посещения. Она же была глубоко впечатлена тем, что его супруга сошла с ума, а писатель продолжает о ней нежно заботится, запирая впрочем на ключ из предосторожности. Так, родилась история о мистере Рочестере, прячущем буйно помешанную жену от влюбленной в него Джейн. История эта очень романтична, но совершенно не психологична, что выдает ее происхождение с чужих слов. Я подумала, что Джейн удостоилась Олимпа скорее в силу своего литературного таланта, чем психологической проницательности и была искренне рада за нее. Я читала о нелегкой судьбе этих несчастных сестер. В жизни любовь к женатому человеку старше нее имела совсем другой конец. Это был ее учитель, она открылась ему в письме, попросив только "подобно нищему, крохи с его стола", что вероятно означало, что она смирилась с тем, что он женат. Но учитель оказался практичным человеком и понимал, что с такой романтичной девушкой каши не сваришь: он сделал вид, что ничего не было и не стал ей отвечать, а только на полях письма записал адрес своего сапожника. Этот адрес впоследствии и обнаружили биографы Шарлотты.

- У меня разболелась голова Данте, я просто валюсь с ног от усталости, словно бы прошла целая вечность с тех пор, как я попала в Чистилище. С твоего позволения, я бы хотела посмотреть

свою комнату и немного отдохнуть. Я чувствую, что сегодня мы неплохо поработали и заслужили отдых.

- Конечно, я как раз собирался научить тебя системе связи в замке. Выход на личные покои обитателей Олимпа только через Залы Интеллекта, то есть Залы Тела, Души и Техники. Мониторы столпов – это по сути и есть двери в их комнаты в том числе. Вот пойдем к твоему монитору. Вот здесь нужно набрать вход в покои. Если ты идешь к себе, ты автоматически оказываешься в комнате, если к кому-то в гости, то у них загорается табло с именем посетителя. Набираешь и ждешь ответа. Если монитор выдает войдите идешь. Если молчит или выдает занят – можешь заходить или не заходить по своему усмотрению.

- Как, если кого-то не хотят впускать он все равно может войти?

- Увы, да. Здесь нет непроницаемых стен, все пространства здесь по сути иллюзорны. Каждый кто захочет к тебе войти войдет и ты не сможешь его остановить, но во-первых, сперва ты будешь обязательно предупреждена своим компьютером, а во-вторых, тут ведется статистика всех посещений с момента прибытия в башню. Вот смотри, откроем статистику посещений Рассела: видишь список с тысячами фамилий – это люди посещавшие его с момента его прибытия сюда. А с этой стороны статистика выхода из комнаты. Так что как видишь, за нами ведется неусыпный контроль. Но ты не переживай, тут обычно никто не входит без разрешения, только если речь не идет о банде негодяев садистов, которые как известно свободны особенно в низости и подлости.

- Спасибо, Данте, успокоил! – усмехнулась я. – Лучше бы меня беспокоили порядочные люди.

- Что же делать! От того мы все и мучаемся тут.

Я набрала вход на своем дисплее и мы с Данте очутились в моих личных покоях.

На этот раз необъятные масштабы моей комнаты меня скорее расстроили, чем порадовали.

- Мне здесь не очень уютно, Данте. Чувствую себя как на ж\д вокзале. А нет комнаты поменьше?

- Этой беде легко помочь. Вот этот компьютер настраивает параметры твоих личных покоев. Ты можешь придать те масштабы, тона и пейзажи, которые тебе милее всего. Только сама архитектура неизменна: библиотека с рабочим столом, веранда, бассейн с фонтаном – он всем нам заменяет душевую, многоуровневые полы и купольные потолки, все это обычная обстановка внутренних комнат у каждого из нас. Я тяжело вздохнула, меня начинала тяготить эта избыточная грандиозность, хотелось простого, необременительного домашнего уюта гладких стен и теплой кровати с небольшим рабочим столом.

- Я вижу ты здесь совсем освоился, Данте. А мне пока трудно привыкнуть. Я ведь не графиня какая-нибудь, проведшая всю жизнь в замках. И мне начинает быть совестно за свой костюм принцессы, хотя он и получился прелестным. Я видела все тут одеваются значительно проще, и хоть они и не смеялись надомной, но все же думали, что я дикарка.

- Вовсе нет. Далеко не все поддаются здесь земной моде. Большинство предпочитают носить то, к чему привыкли на земле. Содержимое памяти земной жизни решает почти все для конкретных людей. Правда наша золотая молодежь любит щеголять в джинсах в театре Цезаря - Ретланда.

- Золотая молодежь?

- Да, так мы называем коллектив, который собрался в театре Ретланда. Это художники, поэты, композиторы, музыканты, артисты в самом широком смысле этого слова. Байрон, Гете, де Винчи, Микеланджело, Моцарт, даже Александр Македонский и многие другие. И их дамы конечно, но только те из них, кто прошел на Олимп. Разлука с родными и любимыми – одна из самых темных сторон жизни в Чистилище, я даже думаю, что это и есть своего рода наказание. Особенно здесь на Олимпе, где собрались только выдающиеся люди, большинство глубоко страдает от разлуки с родными, которые в основном были простыми людьми.

- Это ужасно, Данте, я согласна, и это еще одна причина поторопиться с поисками Дороги в Рай. А это Дорога будет открыта для всех обитателей Башни или только для Олимпа?

- Для всех конечно, потому я так и мечтаю о тех днях, когда мы с Беатричи вновь обретем друг друга в Раю.

- Так значит, золотая молодежь предпочитает идти в ногу с модой?, - спросила я его, чувствуя что мы коснулись тонкого льда.

- Да, особенно дамы обожают наряжаться в эти кукольные платья моделей и манекенщиц. Так забавно смотреть! Все земное телевидение доступно нам для просмотра – это электроволны, которые легко ловит наша техника. Оттуда мы и получаем все сведения о земле. Мы смотрим новости, художественные и документальные фильмы, концерты – абсолютно все.

- Какая прелесть, Данте! – счастливо улыбнулась я. – Скорее бы я умерла!

Мы смеялись без удержу, счастливые нашей дружбой, потом мой новый друг деликатно оставил меня, а я завалилась на кровать и забылась мертвым сном, словно на мне пахали сутки напролет. И вовсе я не чувствовала, что сплю понарошку. Это был самый настоящий, освежающий сон.

Мне дали время привести в порядок мысли, сосредоточиться, чтобы тезисно представить основные положения моей работы на Заседании Партии гуманистов. И не смотря на смертную устлалось, которая не отпускает меня вследствие длительного перенапряжения умственной работы, я не мешкая принялась за работу. Прежде всего, надо было правильно поставить вопрос, изложить сразу всю систему на одном заседании я им не смогу. Для каждой из десяти Зал Души потребуется отдельная капитальная работа. Значит, о чем я должна говорить сейчас, как представить введение? Ответ не заставил себя долго ждать: сразу было ясно, что сейчас главное пояснить теоретические и научные основы Дороги в Рай, дать представление о Пространстве Интеллекта, которое является родиной и домом человечества. Показать, что Пространство это разрушено и именно поэтому, они находятся в Чистилище, а люди на земле живут в больном, раздираемом насилием, конфликтами и нищетой обществе. Дорога в Рай – это способ восстановить Пространство Интеллекта,

способ выстроить наш общий дом, человечеству, которое скитается подобно бездомному бродяге без родины и уюта домашнего очага. Пояснить, что Дорога в Рай – не выдумка, не элегантная идея, не мистерия очередной метафизики, - а первейшая, неотложная задача и необходимость для спасения человеческого рода, как на земле, так и здесь в чистилище после смерти. Вот что предстояло мне рассказать уважаемой комиссии из гениев всех времен и народов. Однако, и эту тему можно излагать бесконечно широко, так что она в конечном итоге вместит всю систему, а значит мне предстояло решить какие из самых важных сведений следует включить в мою речь, и что отложить на потом и дать под другим углом зрения, и все это так, чтобы не пострадал общий смысл. Ответственность, страх осрамиться перед такими великими людьми, трудность задачи – все это вмиг напрягло мои нервы до такой степени, что по ним можно было ходить как по канатам. И конечно, я опять искусала себе щеки и губы, как я не уговаривала себя бросить эту пагубную привычку, но стоило напряжению натянуть меня в один звенящий нерв, как все происходило само собой. И только потом я вспомнила, что хотя бы щеки я здесь кусала понарошку. В конечном итоге, получилась вот эта статья, которую я и зачитала уважаемому собранию.

ГЛАВА 2. РАЗРУШЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТА

"Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь" – никто тогда не понял, какая трагедия стоит за этими правдивыми словами. "Учеба" – это всего лишь ритуал, всего лишь галочка в аттестате, в дипломе, или в другой какой-нибудь бумажке, ничего не меняющая на деле. И все потому, что цель, которую ставит перед собой учеба – поиски истины – эта цель недостижима. Она дважды недостижима потому, что нет согласия между различными социальными науками и различными авторами, потому, что философия твердо стоит на позициях агностицизма, авторитетно уверяя всех с недосягаемых высот своей метафизичности, что не стоит тратить силы на столь нелепые цели, как поиски истины. Хаос и разброд в социальных науках, осмелившихся возражать столь авторитетному заключению философов казалось бы полностью подтверждает их правоту.

"Когда бы мироздания пучина
Открыла нам великие законы,
Путь к истине нашли бы мы единый,
Отвергнув метафизики препоны.
Друг друга поедают все доктрины,
Как сыновей Сатурн во время оно, -
Хотя ему супруга иногда
Подсовывала камни без труда.
Доктрины тем отличны от титана,
Что старшее съедают поколенье;
Сие рождает споры постоянно
И разума вредит пищеваренью"
Байрон Дон Жуан

Вот так здорово выразил Байрон суть Разрушенного Пространства Интеллекта, которое и стало причиной больного общества здесь, на земле, и потерянной Дороги в Рай в Чистилище, о котором я расскажу ниже.

Разрушенное Пространство Интеллекта – это такая ситуация в познании законов природы, которая не позволяет взять под контроль процесс своего взаимодействия с миром. Знаниями в отношении мира мы еще более-менее располагаем, поскольку там открыты несколько видов энергий и получен доступ к их силе. Так, открытие механической, электрической, атомной энергии преобразили облик земного шара и сделали нас всех многократно сильнее, быстрее и богаче. Здесь имеется одна единственная истина, на основе которой ученые всех стран разрабатывают новые чудеса техники, и если бы хоть один заявил, что он думает иначе и имеет свое собственное субъективное мнение о самолетах, то его самолет в лучшем случае не поднялся бы в воздух, а в худшем разбился уже на взлете. Но нет, здесь таких чудаков не водится, никому не придет в голову говорить, что ученые обладают своей собственной субъективной истиной в отношении техники. А вот в социальных науках, то есть там, где человек имеет дело со знаниями о своей собственной психике – все обстоит совершенно иначе. Нет единого мнения по фундаментальным вопросам, определяющим активность и мотивацию человека. И если бы вам пришло в голову получить какие-то знания об устройстве общества, боюсь ваши выводы ничем не отличались бы от выводов Байрона, Гете, Вольтера, Руссо, которые я привожу ниже.

"Так и у нас в Париже доктора
Бывают и способны и учены,
Пока не настает для них пора
Торжественно вступить под сень Сорбонны,
Где Путаница и нелепый Спор
Устроились удобно с давних пор
И мысль разумная звучит как шутка;
Толпа ученых входит в этот храм;

На вид они не лишены рассудка,
Почтение они внушают вам,
Все смотрят сановито и прилично,
Все по латыни говорят отлично,
Толкуют обо всех и обо всем,
И все же – это сумасшедший дом"
Вольтер Орлеанская девственница
"Я философию постиг
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! С усердьем и трудом
И в богословье я проник –
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был...Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я – уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось –
И вижу все ж, что не дано нам знанья,
Изныла грудь от жгучего страданья!"
Фауст Гете

"Я потратил около сорока лет на паломничество в два-три уголка этого света, целью которого были поиски философского камня, именуемого истиной. Я советовался со всеми поклонниками античности, с Эпикуром и Августином, Платоном и Мальбраншем, но остался при своей бедности. Быть может, во всех этих философских горнилах содержатся одна-две унции золота; все же остальное – тлен, безвкусное месиво, из которого ничто не может родиться" Вольтер Философские письма

"Я начал с кое-каких философских книг: с "Логики Пор-Руаяля", с "Опыта" Локка, с Мальбранша, Лейбница, Декарта и других. Вскоре я заметил, что все эти авторы находятся друг с другом почти в постоянных противоречиях, и задался химерическим планом согласовать их, что очень меня утомило и отняло много времени" Исповедь Руссо

В итоге, все только притворяются учеными, подобно тому как благочестивый идальго Алонсо только притворялся Рыцарем Печального Образа, а на самом деле ровным счетом ничего не знают, ибо истина может быть только одна, как справедливо замечает Байрон. А если же люди берутся управлять своей жизнью, основываясь на хаосе противоречивых теорий, то случаются социальные катастрофы, которые значительно превосходят масштабами бедствий крушение самолетов и любой другой техники. Пожалуй, никто лучше не описал такой попытки, как Вольтер в "Мемноне, или Благоразумии людском", герой которого решил стать благоразумным, чтобы быть счастливым, а закончил самым плачевным образом. К сожалению, все человечество на сегодня – герои этой повести, поскольку Контроль социальной жизни не доступен никому, начиная от президентов и членов международных правительств и заканчивая наемными работниками. Только Вольтер считал, что это нормально, потому что человек ничтожное существо, которому не может быть дано ни разума, ни знания, ни тем более контроля, и таким образом смеялся над философией Платона, Спинозы и Руссо, учивших как бороться с пагубными страстями, чтобы построить Здоровое общество. Однако, Вольтер жестко ошибался, впрочем, как всегда – он был гениальным наблюдателем (это он первым разработал метод Шерлока Холмса в "Задиге"), но никудышним философом и ученым, в чем нам еще не раз придется убедиться. Все его выводы поверхностны и поспешны, а работы непозволительно кратки для таких объемных проблем, скупы на анализ и отрывисты. Больное общество, лишенное контроля во всех сферах своей деятельности – это не норма, это беда, с которой можно и должно бороться.

Это и называется жить в Больном Обществе, погрязшем в войнах, физическом и моральном насилии на всех уровнях социальной лестницы, психических расстройствах, наркомании, алкоголизме, нищете, скуке и помешательстве на телевизионной пошлятине и безвкусице, которая есть не больше не меньше как

психическая наркомания. Во времена Сервантеса таким продуктов психической наркомании были рыцарские романы, за что он и напал на них со всей свирепой ненавистью и сатирой, которыми пропитан Дон Кихот. В современном мире – это многомиллиардный кинобизнес, который преображает все те же нелепые романы, на которые так сетовал Сервантес, в яркие визуальные постановки, действующие уже не только на воображение, но на все пять органов чувств.

Пространство Интеллекта – это единая истина, выложенная законами природы. Истины о законах психики человека до сих пор не было. Вместо нее предлагается несчетное количество гипотез и теорий, сводящие все попытки обнаружить единую истину на нет. Мы называем знания – Пространством, потому что это действительно особая сфера движения нашего Я, это пространство в котором движется человеческое Я, питающееся знаниями и контролем законов природы. И если это пространство разрушено, если знаний нет, если законы природы не открыты, если контроль отсутствует - то как бы тепло мы не были устроены в своих скромных квартирках, все мы странники, лишенные домашнего очага. Ибо Пространство Интеллекта – и есть наш общечеловеческий Дом, и спасти этот Дом от разрухи задача первостепенной важности.

Разрушенное Пространство Интеллекта говорит о потерянном контроле, о полной недееспособности громадных ресурсов нашего разума. "Спаси нас Боже! Трудно продвигаться в тумане маяка не распознав", - говорит в этой связи Байрон о потерянном контроле.

"Замечу вскользь: когда свои сужденья
"Я, как великий Кук, вам излагаю,
О них всегда свое второе мненье
Я мненью первому предпочитаю,
А может быть, и третье есть решенье,
А может, вовсе нет - почем я знаю!
Но, будь поэт логичен, скуп и строг, -
Мир сущего понять бы он не мог.

Весь род людской себе противоречит -
Ну как же мне другим не подражать?
Все мелкой ложью истину калечат,
Но я правдив и не желаю лгать.
Коль нас от скептицизма не излечат,
Мы ничего не сможем отвергать.
Противоречий много в человеке;
Источник правды чист, но мутны реки.
Конечно, каждый может ошибаться.
А впрочем, может быть, и каждый прав.
Спаси нас боже! Трудно продвигаться,
В тумане маяка не распознав.
Пора пророку новому заняться
Защитой смелых догматов и прав;
Изношенные мненья, в самом деле,
За два тысячелетья потускнели.
Но для чего запутался и я
В тенетах метафизики? Не мне ли
Противна эта вся галиматья?
Безумье и судьба мне повелели
О косяки загадок бытия
Напрасно биться лбом. Осточертели
Мне все проблемы эти навсегда"
Байрон Дон Жуан

Пространство Интеллекта – это особое пространство, в котором может обитать только человек, как носитель мышления, то есть как существо думающее и способное к научному постижению мира. Для животных, которых современная наука непременно хочет видеть качественно идентичными с человеком – это пространство закрыто. Тот факт, что люди и звери обитают в двух различных измерениях – физическом и интеллектуальном – говорит о ложности теории Дарвина в отношении происхождения человека (но не животного). На самом деле между человеком и высшими обезьянами разница не количественная, как настаивает Дарвин, а самая, что ни наесть качественная.

Разумеется, я не стану оспаривать тот факт, что человек развился из некоторой животной формы, в данном случае неважно была ли это обезьяна или гиппопотам. Даже если бы нашим предком был гиппопотам, это ничего бы не изменило в том факте, что конец животного мира и начало человеческого –связанны с возникновением качественно новой энергии, основанной на интеллекте. В тот момент, когда в животном зарождается новая энергия, основанная на интеллекте, оно перестает быть животном и становится человеком. Это не вопрос развития "низших психических функций" – в "высшие", так словно бы речь шла о количественных переходах между психикой животного и человека. Это вопрос качественного различия между наличием у человека психической энергии, и отсутствием оной у животного. Животный мир – это царство биологической энергии, человеческий мир, в отличие от животного составляют две энергии – биологическая и психическая. У нас есть Душа и Тело – психика и организм, у животных есть только Тело. Конечно же, я знакома с очерками Дарвина и других авторов об эмоциях и сообразительности некоторых животных, на основании которых эти авторы делают вывод, что животные также обладают психикой. Но это только зачатки психики, которые ничего не меняют в их инстинктивном существовании, и только доказывают, что из них развилась психическая энергия человека.

Разницу между зачатками психики и психической энергией определяет мотивация организма. Мотивация животного всецело связанна с задачами личного биологического выживания или выживания рода. Те зачатки психики зверей, которые Дарвин рассматривал как доказательство качественного единства животного и человека, обслуживают у них задачи биологического выживания, причем так плохо для этого приспособлены, что даже об этой роли "разума" как "прислуги тела" можно говорить с большой натяжкой. Так, тот факт, что обезьяны оказались способными догадаться использовать палки и ящики, чтобы дотянуться до пищи вполне можно рассматривать как доказательство того, что животные способны ставить сообразительность на службу выживанию.

Однако, человеческая мотивация не связана с биологическим выживанием, какой бы скандальной эта формулировка не показалась священникам дарвинизма. Причем, это характерно даже для физического (неинтеллектуального) тока психической энергии, обитающего в том же пространстве что и биологическая энергия. Достаточно вспомнить аборигенов, весь жизненный уклад которых служит целям прямо противоположным выживанию (служение магическим силам природы, самоистязание голодом и жаждой, обильные жертвоприношения в условиях недостатка пищи и сил, массовые самоотравления с целью выявить колдунов, охота на колдунов, изнурение ритуальными плясками с целью самого различного общения с духами и тд и тп), - глупость, до которой животные никогда не доходят в своем стремлении выжить. Анализ неинтеллектуальной энергии психики не входит сейчас в мою задачу.

Если говорить о качественной разнице интеллекта животных и человека (признаюсь, мне даже совестно употреблять термин "интеллект животных"), то самым существенным образом она проявляется в смене пространства движения интеллекта. Если пользоваться терминологией Гуссерля, то это резкая смена "интенциональности сознания", то есть его направленности. Если выразить пространство движения животного математически, то мы получим ось координат с минусом инстинктов направленных на плюс их удовлетворения, то есть от голода к пище, от одного пола к другому полу, от холода к теплу и тп. Это пространство движения животных, заданное силовым полем биологической энергии, и пространство это, как пространство любой энергии очерчено своим полем Минуса и Плюса. Именно поэтому Интеллект в этом пространстве выполняет только функции прислуживания движению между инстинктами и их удовлетворением.

Если выражать движение человека математически, то мы получим совершенно иную ось координат, заданную минусом развитого мышления, жаждущего знаний и удовлетворением этой жажды в познаниях законов природы. Другими словами человек движется между полюсами самого Интеллекта , который состав-

ляют Активный Интеллект (мышление)и Пассивный Интеллект (законы природы). Связь между мышлением с одной стороны и закономерностью природы с другой стороны – это связь Плюса и Минуса, очерчивающих очередное энергетическое поле. Здесь мотивация человека резко отличается от биологического выживания животных: мотивация движения в интеллектуальном пространстве составляет Контроль законов природы.

Как правило, дарвинисты смешивают понятие биологического выживания с понятием Контроля законов природы на том основании, что Контроль законов природы не самоцель, а способ сделать выживание эффективнее. Так, наука позволяет лучше питаться и комфортнее трудиться и жить. Однако, это утверждение однозначно опровергается многочисленными фактами о том, что большинство ученых проводили свои исследования с угрозой для жизни, и даже сознательно шли на смерть, если выбор стоял между биологическим выживанием и исследовательской работой. Так, Джордано Бруно, не испугался никаких пыток и мученически погиб, отстаивая то, что он считал истиной. Эта линия поведения ученых – упорно отказывающихся признать биологическое выживание сколько-нибудь значительными в сравнении с задачами поиска Контроля законов природы – характерна абсолютно для всех гениев, в судьбе каждого из которых можно найти те же героические, и мученические элементы жертвования телом ради потребностей души. Этот факт вовсе не означает, что мотивация тела и мотивация души противоречат друг другу – я привожу его здесь только с тем, чтобы доказать, что предпринятое дарвинистами смешение пространств существования животного и человека неправомерно. Контроль законов природы – есть мотивация человека, независимая от задач биологического выживания – вот все, что я хочу сказать, и что неоднократно доказано не только всем опытом жизни гениев, но и жизнью всех людей, мотивированных любознательностью.

Таким образом, Интеллект и Тело меняются местами в Пространстве Интеллекта: в своем пространстве Интеллект перестает выполнять функции служанки тела и превращается в лидера и

господина, определяющего направление движения человека. Если в физическом пространстве направление движения животного определяется инстинктами, а сообразительность (не могу же я сказать разум!) животных только помогает этот инстинкт удовлетворить, то в интеллектуальном пространстве человека напротив направление движения определяется задачами поисков истины, а тело превращается в служанку интеллекта. Положение служанки интеллекта для нашего организма означает, что его законы (законы биологической энергии) ставятся под контроль с целью сохранения здоровья в наилучшей форме вне зависимости от того, доставляет нам это удовольствие или нет. Тело перестает быть источником удовольствия и становится только помехой на пути работы мышления, так как имеет отличное от него поле движения. Однако, будучи неотъемлемым фактом, то есть неспособностью человека расстаться со своим телом, ему остается поставить его под контроль и поддерживать здоровье, чтобы оно не мешало его основной работе. Так, тело из источника смысла, удовольствия и направления жизни превращается всего лишь в источник необходимого здоровья для совершенно отличного от него смысла, удовольствия и направления жизни.

"Важнее то, что посредством этой любви возвышается его самость и осознается и вводится в соответствии с правилом в совершенно новый порядок вещей, до которого до сих пор случайно добирались по милости Божьей только немногие. Им движет любовь, которая не направлена совершенно ни на какое чувственное удовольствие, поскольку последнее как побудительная причина совершенно немо для него, направлена на духовную деятельность, ради этой деятельности, и на ее закон, ради этого закона" Фихте Речи к немецкой нации

Таким образом, мы обнаружили два совершенно различных пространства существования животного и человека и два совершенно различных качества интеллекта.

В одном случае, смысл, удовольствие и направление жизни определяются биологическими инстинктами (то есть телом), а сообразительность (которая очень далека от понятия разум) вы-

полнят роль служанки этих инстинктов, помогая им реализоваться. В другом случае, смысл, удовольствие и направление жизни определяются интеллектом, как любознательность и стремление к контролю, а биологические инстинкты ставятся под контроль, чтобы не мешать духовному процессу и сохранять максимальный уровень здоровья.

Если мы теперь обернемся назад в прошлое человечества, то мы увидим, что интеллектуальное пространство стало доступно человеку сравнительно недавно – в Древней Греции, и далеко не всем сразу. Доступ к человеческому пространству расширяется по мере того, как появляющиеся гении открывают все новые законы природы и делают эти знания доступными для других. Страдания пионеров человеческого пространства объясняются тем, что большинство людей на тот момент оставалось вне этого пространства, и не понимало их мотивации. К сожалению, на сегодняшний день человеческое пространство все еще не очень густо населено, и значительная часть человеческого рода так и остается на стадии перехода от животного к человеку, не умея обнаружить в себе психическую энергию.

"Представим себе некий дом, каждый этаж которого: подвал, первый, второй этаж и т. д. — имел бы свой определенный разряд жильцов; сравним теперь жизнь с таким домом: смешно и жалко, но разве большая часть людей не предпочитает в этом своем доме подвал? Все мы являемся синтезом с духовным предназначением, такова наша структура, но кто отказывается жить в подвале, в категориях чувственного? Человек не просто предпочитает жить там, ему это нравится настолько, что он гневается, когда ему предлагают этаж хозяев — всегда свободный и ожидающий его, — ибо, в конце концов, ему принадлежит весь дом" Болезнь к смерти Кьеркегор

Именно поэтому, теория Дарвина о происхождении человека показалась такой правдоподобной. Он применил ее к людям, которые все еще обитают в пространстве своей биологической энергии, то есть смысл жизни которых определяется их биологическими инстинктами. В этом случае между человеком и живот-

ным действительно очень трудно обнаружить качественную разницу, хотя тем не менее, она имеется и может быть доказана при желании. Таким образом, процесс эволюции человека также качественно отличен от эволюции животного: человек эволюционирует переходом из биологического пространства движения в психическое пространство, животное же остается всегда в своем биологическом пространстве и в этом смысле вообще не имеет прогресса. Естественный отбор, как выживание сильнейшего – это всего лишь способ лучше приспособиться в том же биологическом пространстве. Это справедливо заметили Уоллес, Дарвин и многие другие кстати говоря. Поэтому, так называемый естественный отбор в процессе борьбы за выживание, ничего не дает человеку в смысле развития его возможностей, а напротив разрушает силу его энергетики. Для человека состояние борьбы за выживание – это неестественное состояние, так как возможности его энергии по контролю энергий природы делают его "ультрамиллиардером" космического масштаба, где возможности животных – возможности жалких нищих, так что не только всем хватит, но и потребить никогда столько не смогут. Это неестественное состояние для человека и по другой причине – только мир и сотрудничество, спокойная работа по обретению знаний, профессиональной техники и совместные усилия в строительстве инфраструктуры есть залог силы психической энергии. Война превращает человека обратно в животное, полностью разрушая все его энергетические ресурсы. Поэтому когда Дарвин говорит о том, что жесткость соперничества гарантирует прогресс человечества, улучшая его биологические характеристики путем естественного отбора – он проповедует не много не мало полное разрушение самой мощной энергии космоса, называя это прогрессом человечества.

Немудрено поэтому, что при наличие таких "вождей" прогресса как Дарвин и его единомышленники и последователи (Смит, Маркс, Фрейд, Скиннер, Ленин, Гитлер, Гоббс, Макиавелли, Ницше и др), реальная эволюция человечества почти совсем остановилась. Интеллектуальное пространство продолжает пу-

стовать, большинство человечества по прежнему имеют разум на службе у инстинктов, а не наоборот. И в этом они нисколько не виноваты. Мало того, что вся учебная программа настроена на то, чтобы не дать развиться их интеллектуальному пространству, мало того, что вся кинопродукция способствует тому же, еще и экономические отношения прямо имитируют биологическое пространство животных. Мы строим свои хозяйственные отношения так, словно бы мы подобно животным обладали только возможностями биологического труда, говоря языком Маркса, и были вынуждены драться друг с другом за каждую копейку и ставить ее на баланс (то есть строго учитывать). Единственное, чем наша экономика отличается от экономики животных – это умением считать, но смысл, цели и результат абсолютно идентичны: получить максимальное удовольствие от удовлетворения биологических инстинктов при наименьших затратах биологического труда, и на эту цель заставить работать всю академическую науку. Надо сказать, что такая безделица, как умение считать, действительно всего лишь количественно отличает человека от животного там, где смысл и результаты их существования совпадают. Поэтому деньги, как основное отличие человеческой экономики от экономики животных, есть не много не мало как признак того, что разум человека поставлен на службу его инстинктам. Поскольку деньги это способ измерить биологический "труд" и соотнести с трудом друг друга, что составляет стоимость "товаров", как правильно заметил Маркс. Человеку нет надобности измерять крохотные возможности своего "труда" в смысле биологических затрат, что всегда получается математически - то есть у него нет потребности в денежной экономике. Хозяйственные отношения человека принципиально другая система – она основана не на математике (бухучет) и биологическом труде, а на контроле законов природы и психическом труде, который открывает доступ к богатствам космического масштаба через доступ к силам открытых энергий. В таком обществе материальные отношения никогда не станут смыслом существования, подобно животному миру и современному, где цель и соль жизни разбогатеть или хо-

тя бы не умереть с голоду. Во первых потому, что проблема будет быстро и избыточно решена (все будет бесплатно, нужда в деньгах, как в подсчете единиц биологического труда, отпадет автоматически), а во вторых потому, что экономика – опять всего лишь служанка настоящих целей человечества – по контролю энергий космоса.

Таким образом, тот факт, что большая часть населения продолжает обитать в биологическом пространстве, не используя резервов своей психической энергии, вовсе не доказывает истинности качественного единства человека и животного, как утверждал Дарвин. Это только доказывает то, на чем мне и хотелось бы заострить ваше внимание: на великой катастрофе человеческого рода, катастрофе которая проявляется, прежде всего, в том, что об этой катастрофе никто и не догадывается, изыскивая причины своих бед в сферах столь далеких от их истинного источника, что на этом пути беды будут только усугубляться, пока в один прекрасный день человечество не исчезнет с лица земли в результате какой-нибудь атомной войны, эпидемии или безумного насилия над экологией.

"Разделим человеческий род на двадцать частей. Девятнадцать из них будут составлять те, кто живет трудом своих рук и кому никогда не придет в голову, что на свете жил некий господин Локк; и как же мало в оставшейся двадцатой части людей, привыкших читать! А среди тех, кто читает на двадцать человек, зачитывающихся романами, приходится всего один, штудирующий философию; число же тех, кто мыслит, вообще крайне невелико" Вольтер

А катастрофа эта состоит в том, что пространство его обитания, его РОДНОЙ ДОМ разрушены. Мы, люди, лишены своей родины, и скитаемся в поисках убежища там, где мы давно чужие. Нам уже никогда не удастся чувствовать себя как дома в биологическом пространстве, и мы будем продолжать завистливо смотреть на животных, чувствующих себя уютно там, где нас раздирает страх, тревога и потеря равновесия. Восстановить пространство интеллекта и бережно его оберегать, расширять и

углублять – первостепенная задача человечества, его единственный шанс сохранить себя и избавить от неизбежных в любом другом месте надрывных страданий. Интеллектуальное пространство – наш Дом, и до тех пор пока мы его не восстановим, все мы – от президентов и миллиардеров до нищих – всего лишь бомжи и бродяги в этом мире.

Я думаю, всем итак хорошо известно, в чем проявляется лежащее в руинах пространство человечества. Пространство Интеллекта – это прежде всего пространство Контроля, но именно контроля и не достает в нашей общественной жизни. Полный хаос во всем, начиная от экономики и политики и заканчивая физическим и душевным здоровьем, личными и семейными отношениями. Никто не может поручиться за то, что принесет ему завтрашний день: банкротство, увольнение с работы, приход новой партии к власти, войну, теракт, убийство, ограбление, изнасилование, похищение ребенка, детскую наркоманию, алкоголизм, психоз, предательство близких, интриги коллег, ожирение или отравление неизвестно чем напичканной колбасой, развод или семейную сцену, одиночество или издевательства. Бедность, напряжение и страх – основные спутники жизни современного человека. Тяжелая жизнь в прямом смысле превращает людей в животных, не способных найти не только времени, но уже и желания и интереса на развитие духовной сферы. О каком научном контроле может идти речь не только в отсутствие всякой надлежащей подготовки детей, и загаженности сознания пошлыми киносюжетами, но и в условиях, где люди каждодневно встречаются с задачей выживания: биологического, социального, психического. Те, кто пытаются представить такое положение вещей как норму – либо лицемеры, либо дураки. Наличие Интеллектуального Пространства означало бы наличие знаний о Законах Психической Энергии, а следовательно наличие Контроля над духовной и социальной жизнью человека. Об экономике мы говорили выше. В нравственной и политической сфере, то что Ленин называет "элементарными условиями общественности", к которым

якобы люди постепенно просто привыкнут в отсутствие злостных буржуа, на самом деле есть сложнейшая задача Контроля паразитического тока психики (Детерминированный Ток Психической Энергии, ДТПЭ). Уже Сократ и Платон отчетливо понимали, что "элементарные условия общественности", то есть этически здоровая позиция людей, требует психологической работы по изживанию болезненных элементов психики у молодежи. Потом Спиноза еще более доходчиво развил эту идею: психика есть арена борьбы двух психических сил, разумной и неразумной, справедливой и эгоцентричной, искренней и лицемерной, сочувствующей и злорадствующей. Задача воспитания – поставить под контроль Разума неразумную силу и тем самым предупредить все ужасы криминала, войн и взаимного противостояния на всех уровнях. Потом были Руссо, Фихте, Кьекегор, Рассел, а помимо них столпы гуманистической психологии Юнг, Хорни, Фромм, Маслоу, Роджерс, Франкл, Адлер, Олпорт – все это люди которые говорили разными словами одну и ту же мысль: чтобы общество стало здоровым, чтобы насилие, страх и противостояние перестали иметь место нужно, чтобы патогенная сила (энергия) психики была поставлена под контроль Разума. Так, знание законов Психической энергии и постановка их под Контроль позволили бы нам перейти от хаоса бед к стабильности благосостояния на всех уровнях общественной жизни: биологического, экономического, политического, духовного, этического. Здоровое государство может возникнуть только там, где известны законы психики и поставлены под контроль, то есть в пространстве интеллекта. Такое государство качественно отличается от любого спонтанно возникшего государства, будь то монархия или демократия. Разница состоит в том, что в последних царит хаос, о котором мы уже говорили, из-за агрессивного противостояния людей друг другу. В таком хаосе единственной упорядочивающей силой может быть только насилие правительства – так точно и Пейн характеризует государство, как необходимость силой подавлять безнравственность в отношениях людей. Так вот, спон-

танное государство, вне пространства интеллекта отличает ведущая центральная роль правительства, на котором держится вся общественная жизнь: тот малый порядок, что удается достигнуть, наказание преступников, регулирование стихийной экономики, партийных разногласий, защита и ведение войн и тд и тп И этот оплот порядка не может быть устроен как то иначе нежели на силовых ресурсах, обеспечивающих возможность применения насильственного установления порядка там, где язык интеллекта становится непонятным. Эта смесь правительства и доступа к средствам массового насилия (армия, полиция и тп) получила название власти. Таким образом, именно власть является отличительной характеристикой государств, обитающих вне контроля пространства интеллекта. Характерной чертой спонтанных государств является ощущение задавленности у отдельных индивидов его составляющих, так как государства как "машина насилия", пользуясь терминологией Ленина, не только несоизмеримо превосходит его силой, но и противостоит ему, вольно или невольно. И напротив, здоровое государство отличает весьма скромная роль правительства, так как хаос предупрежден остановкой паразитического тока психики, и общественный организм работает "как часы" на основе самодисциплины, обитающих в пространстве интеллекта людей. Здесь основная регулятивная функция общества падает на состав ученых воспитателей молодежи, так как именно в этом процессе закладываются основы контролируемой общественной жизни. Там, в воспитательной работе подрастающего поколения заранее предупреждаются все преступления и войны, которым никогда не суждено будет состояться, так что правительству остается только координировать работу слаженного механизма. Общество превращается в единый организм, где люди противостоят не друг другу а космосу в стремлении овладеть его законами и доступом к силам его энергий. Такая скромная роль правительства сама собой снимает вопрос ажиотажа вокруг "власти", поскольку и власти как таковой здесь уже нет, на ее место встал контроль. Общество управляется не

насильно через армию и полицию, а посредством самодисциплины и добросовестности, а главное способностью ориентироваться в пространстве интеллекта у всех членов общества, первой признак которой любознательность и трудолюбие. Так что Пейн был неправ, когда говорил, что общество со стабильно нравственностью невозможно и от того, государство в виде власти всегда будет иметь место. И прав был Фихте, когда говорил, что только "наукоучение", как способность вводить детей в пространство интеллекта даст стабильную нравственность и трудолюбие.

Однако, вместо Законов Психической Энергии, вместо единой истины, которая составляет асфальт пространства интеллекта, мы обладаем на сегодня хаосом противоречивых теорий, опровергающих одна другую и дающие объяснение узко ограниченным сферам человеческой психики.

Вместо изучения системы законов единой энергии мы имеем громадное множество так называемых социальных наук, которое продолжает делиться и множиться на новые подвиды. Такие социальные науки как "социология", придуманная Контом, вообще изначально не предусматривают психологического анализа, а только биологию и коллективные отношения животных. На самом деле, психология, психиатрия, социология (хотя я не представляю предмет этой науки), экономика, история, правоведение, политология, культурология, гносеология и все бесконечные подмножества каждой из этих наук составляют предмет одной дисциплины – системы законов психической энергии. Сам факт того, что сегодня с полной серьезностью исследования ведутся в рамках каждой из этих дисциплин как обладающей самостоятельным, обособленным объектом исследования, уже говорит о катастрофической ситуации в Пространстве Интеллекта, так как работа эта заведомо обречена на провал.

Ясно, что Пространство Интеллекта напрямую зависит от знаний в области Гносеологии, или говоря проще, от знаний законов самого Познания. И именно это уязвимое место и порождает общую катастрофическую ситуацию человеческого

пространства. Коротко говоря, на сегодня никто ничего не знает о законах познания. Ведутся ревностные споры со времен Платона и Аристотеля между эмпириками и идеалистами, между рационалистами и иррационалистами. Но споры эти легко было бы решить, если бы установили главное – как проверить истину на практике. Юм показал, что исходя из возможностей эмпиризма невозможно доказать на практике истинность выводов и пока его никто не смог оспорить. Только Кант сделал из философии Юма тот вывод, что познание вообще невозможно. Вот собственно вот это отсутствие общей основы, общего знаменателя относительно которого можно было бы соотносить различные теории – то есть связь теории с практикой, возможность проверить истинность выводов на практике – и стала тем камнем преткновения на пути у истины, который позволил расплодить бесчисленное множество теорий, никак друг с другом не согласующихся. Эти теории и представляют сегодня хаотический мусор, которым загажено интеллектуальное пространство, и который лишает это пространство его функции обеспечивать наличие контроля. Нет единой истины интеллектуального пространства – нет самого пространства и контроля законов социальной и природной жизни.

Тем успехам, которые человечество имеет в контроле физического мира, мы обязаны открытию ряда энергий, электрической, механической, атомной и др. И именно здесь и кроется разгадка связи контроля и практики. Ничего кроме энергий космоса не может быть познано, так как только законы энергий космоса можно проверить на практике путем наличия доступа к силе этих энергий! Этот вывод означает революцию в теории познания, так как отметает все исследовательские работы, которые не имеют объектом исследования законы какой-либо природной энергии – как ненаучные.

Таким образом, Истина Пространства Интеллекта вымощена системами законов различных природных энергий, одну из которых составляет психическая энергия человека. И эта Истина может быть проверена наличием доступа к силе исследуемой

энергии. Никакой метафизики и никаких противоречивых теорий. Знание об энергетическом строении космоса есть громадный шаг в прогрессе теории познания, так как оно раз и навсегда примиряет позиции эмпириков и идеалистов. И опыт и врожденные идеи имеют место быть, но это не любой опыт и не любые врожденные идеи. Опыт только как возможность контроля силы энергии на практике, а идеи как закономерности энергетического строения мира. Этих закономерностей очень много и большинство из них уже известны физике. Таким образом, Лейбниц, указав в качестве врожденных идей аппарат математической логики, охватил только инструментарий мышления, но не упустил из виду знания об энергетической структуре вселенной. Именно эти знания об энергетической структуре вселенной и составляет аппарат абстрактной мысли, необходимой для научных исследований любого порядка (а этот аппарат в свою очередь может быть построен только посредством логики и математики). Позиция Лейбница и Герцена в этом вопросе отличается одинаковой глубиной и проницательностью. Оба философа, так же как и Бертран Рассел (он прекрасно раскрыл эту позицию в сказке о машинке для сосисок) и некоторые другие понимали, что как эмпиризм, так и идеализм страдают крайностями, которые сведут процесс познания на нет, что необходимы в равной степени и абстрактное мышление и факты. В этом их заслуга. Но не один из философов не высказал понимания того, что помимо логики с одной стороны и фактов с другой стороны, необходимы еще знания об общей структуре строения вселенной, которые лягут в основу теории познания. Только Оствальд, "крупный химик и мелкий философ", по замечанию Ленина, впервые попробовал продвинуть процесс познания, исходя из энергетического строения космоса, но сделал неправильные выводы, за что и получил справедливую критику от Планка. Он считал, что энергетическое строение космоса позволяет нам получать доступ к силе энергий через Закон Сохранения Энергии, как универсальное знание для всех энергий природы. На самом деле Закон Сохранения Энергии только одна из множества основ энергетического

строения космоса, а главное достижение этого знания – наличие возможности проверки истины опытом.

Мне известны только два ученых, предвосхитивших открытие энергетического строения космоса – оба немцы, философ Лейбниц и Оствальд. Учение Лейбница о монадах, как о духовных сущностях с закрытыми окнами – это по сути энергетическая схема космоса. Отдельные природные энергии и впрямь имеют закрытые окна, так как каждая энергия отграничена от другой своей системой законов. В тоже время, как и говорил Лейбниц, отдельные вещи представляют собой сложную смесь этих духовных монад. И даже тот факт, что он назвал монады духовными был верным – ведь системы законов энергий, образуя их форму, являются элементами интеллектуального пространства. Оствальд прямо говорил, что космос имеет энергетическую структуру, представляя собой скопление различных природных энергий. И хотя его выводы для гносеологии были неверными, тем не менее, он правильно заметил, что энергетическая схема космоса имеет радикальные следствия для теории познания.

Пространство Интеллекта выпало из современной сферы научного анализа именно в силу лженаучных методов исследования, не основанных на связи теории практики. Эмпиризм и позитивизм, с их отрицанием роли абстрактного мышления, закрыли себе дорогу к рассмотрению законов природных энергий. В результате, как энергетическое строение вселенной, так и связь теории с практикой через контроль силы этих энергии были упущены ими из виду. Пространство и Время Ньютона, равно как и пространственно-временной континуум Эйнштейна не включают Пространства Интеллекта как особого пространства существования человеческой энергии. Так называемый материализм, с одной стороны показал полную неспособность установить связь теории с практикой, а с другой стороны вывел из сферы научного анализа интеллектуальное пространство. В этом состоит громадный ущерб нанесенный Материализмом развитию науки – не поняв истинного значения пространства

интеллекта, к которому апеллировала человеческая мысль с самого зарождения философии в Древней Греции, они просто отказались от признания его реальности на основе недоступности эмпирическим методам анализа.

Единственная сфера, где пространство интеллекта было подвергнуто тщательному изучению – это философия. Уже Сократ и Платон отчетливо видели, что человеческое пространство – есть особое пространство, отделенное от всего прочего физического мира, и это пространство образуемое Интеллектом. Затем, очень четко разделил космос на физическое и интеллектуальное пространство Декарт. Я мыслю, следовательно, существо – классическая формула существования психической энергии (Я) в своем особом интеллектуальном пространстве. Ну, конечно Спиноза, Гегель, Фихте, Кьеркегор, а также Гуссерль, Сартр и Хайдеггер в том смысле, в котором они отделяли особое человеческое пространство от всего прочего мира в связи с его особыми смыслообразующими качествами.

Эти господа, все без исключения скомпрометировали существо Пространство Интеллекта и этим сильно поспособствовали его выпадению из научного анализа. Я говорю, разумеется, о так называемой Метафизике, в которую они превратили теорию интеллектуального пространства. Существо Метафизики состоит в том, что Пространство Интеллекта признается так называемой самоопределяющейся субстанцией (иначе силой), никак не связанной с физическим миром. Вот этот характер замкнутости в себе, отгороженности от природного мира и составляет существо Метафизики, в которую эти уважаемые философы превратили пространство Интеллекта. Как можно видеть, такой характер самодостаточной изолированности от природы ведет к потере всякого смысла у понятия Интеллект, превращая его мышление о мышлении в абсурд. Но именно это определяет все известные философии об особом пространстве интеллекта: у Платона логика самодостаточно и связь с телом и реальным миром только мешает постижению истины, у Декарта мышление и материя принципиально не пересекаются, опять таки образуя параллельные

миры ничем не связанные, у Спинозы, который формально их объединил, единый разум-природа также определяет сам себя, всемогущ и самодостаточен, у Гегеля разум Абсолют – бытие для себя, способное к саморазвитию, даже у Хайдеггера, который открещивался от метафизики, считая себя материалистом, "бытие" оказывается "бытием для себя", - что очередной раз подтверждает, что материалисты такие же метафизики, как и идеалисты.

Таким образом, метафизика в ее современном значение – обозначает абсурдность теории, проистекающая из разрыва теории с практикой. И поскольку материализм, несмотря на то, что он гордится своей собачьей преданностью вещам, также абсурден из-за неспособности связать теорию с практикой, он даже более метафизичен, чем идеализм. Ибо идеализм, открывая реальную перспективу взаимоотношений человека и физического мира, все же намного ближе к реальности, чем материализм, который упорно стремиться втиснуть пространство интеллекта в царство автоматических энергий, лишенных мышления и способности к контролю. Поэтому в материализме сплошь и рядом "вещи" (они вещественность считают признаком научности) вдруг оказываются всесильными и самоопределяющимися, прямо как идеальные субстанции метафизиков. Так, у Ницше воля оказывается самоопределяющейся и ничем не ограниченной, у Сада Природа вдруг превращается в абсолютное зло, с абсолютной свободой, у Маркса материя оказывается саморазвивающейся, у Хайдеггера бытие определяет самое себя – и тд и тп множество примеров. Все потому, что свято место пусто не бывает: при создании абстрактных систем возможен либо научный подход, который приведет к понятию контроля законов природы, либо так или иначе теория примет вид самоопределяющейся всесильной силы, бесполезной для науки и абсурдной для практики. "Герцен метко замечает, что заядлые противники логики и философии из числа естествоиспытателей-эмпириков попадают в объятия теоретических мечтаний и вымыслов, "не уступающих иногда по нелепости самому трансцендентальному идеализму". Огюст Конт перед смертью объявил себя апостолом и священнослужителем

материалистической религии – что по моему самый наглядный пример метафизики материализма. "Гоббс, материалист Гоббс, - пишет Ломброзо – не мог остаться в темной комнате, чтобы ему тотчас не стали мерещится приведения". Еще более великий материалист Ницше – убивший как известно Бога для этих целей и объявивший всех метафизиков "потусторонниками". Этот самый Ницше красноречиво распространяясь о том, что Бога нет, тут же мимоходом заявляет, что есть Боги, сверхчеловеки, носители абсолютно свободной воли, которая знает "сама себя и умеет обратить себя к своей собственной выгоде".

Итак, ошибка Метафизиков состояла в том, что они вместо того, чтобы понимать Пространство Интеллекта Человека как связанное с физическим миром неразрывными узами Контроля законов природы, законов без которых нет пространства интеллекта, понимали это пространство как обособленное от физического мира и самодостаточное. В остальном позиция идеалистов оказалась несравненно ближе к истине, чем позиция материалистов. Но ни одна из этих позиций не является научной. Наука начнется только с открытием Пространства Интеллекта, соединяющего Контрольный Ток Психической Энергии и Детерминированные Энергии всей прочей природы, не имеющей доступа к мышлению.

Тут надо подчеркнуть, что нематериально только само пространство Интеллекта, выложенное законами энергий природы, но энергия человека, населяющая это пространство вполне материальна – ее материю составляют эмоции нашего Я. Отличие психической энергии от детерминированных энергий природы состоит в том, что обитая в пространстве интеллекта и видя законы других энергий и своей собственной, ПЭ способна к контролю этих законов и потому имеет доступ к силе всего космоса. Это делает ее силу равной силе всего космоса, в то время как другие энергии замкнуты и могут располагать только запасами своей собственной силы.

Понятию Метафизики противостоит, таким образом, понятие Научного Контроля, а вовсе не Материализм, как принято было считать до сих пор.

Марксизм, который претендовал на изживание идеализма из философии и установление "научного материализма", на самом деле оставил основную метафизическую составляющую гегелевской философии нетронутой – самоопределение "материи", способной к "саморазвитию". Так, человек стал пониматься, как "саморазвивающийся" организм в "борьбе" сильнейших за выживание.

Но в действительности Гегель представил извращенную теорию Развития, как "саморазвития".

Развитие возможно только как следствие научной контрольной деятельности человека в поисках законов природы – это накопление информации о законах природы и есть единственное развитие космоса, остающегося неподвижным в своей интеллектуальной форме. Таким образом, законы природы как форма космоса остаются неподвижными и только контрольная энергия человека развивается, познавая эти законы и расширяя свое пространство интеллекта. Это понимание развития устраняет всю метафизическую абсурдность из философии Маркса и Гегеля, лишая человека статуса "саморазвивающегося" духа или материи, что одно и тоже и превращая его в носителя научного контроля, чья активность детерминирована силовым полем Психической энергии.

Если это положение вещей когда-либо измениться, то мы об этом ничего не узнаем, потому что наша энергия перестанет существовать – она существует до тех пор, пока постоянство законов природы гарантирует эффективность научного мышления.

ГЛАВА 3. ЗАЛА МЕТАФИЗИКИ

Наконец мои приготовления были закончены, и я предстала перед Партией Рассела – Эйнштейна в Зале Метафизики с тем, чтобы прочитать вступительную лекцию о теории ПЭ. Авторитетные имена столпов Залы Метафизики буквально лишили меня дара речи.

Античная и ренессансная элита собралась поначалу на платформе идеалистов конечно же. Сократ, Пифагор, Платон, Плутарх, Декарт, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель, Кьеркегор, Руссо, Шопенгауэр, Гуссерль, Хайдеггер, Сартр, Толстой, Достоевский, Данте, Гете, Ретланд (Шекспир). Здесь же предпочитали располагаться самые знаменитые ясновидцы – Нострадамус, Иоанн Иерусалимский, Ванга, Эдгар Кейси, Владимир Немчин и другие, которых я не знала, но которые по-видимому, так же хорошо видели будущее, как и эти гении. Специфику этого крыла составляло положение Канта, от которого, как от рождества Христова, велся отсчет рационалистов и иррационалистов. Именно его философия стала тем цементирующим базисом, на котором держалось шаткое здание идеализма, представленного с одной стороны такими рационалистами как Платон, Декарт, Лейбниц, Фихте и Гегель, а с другой стороны такими дискредитаторами роли мышления и сознания в жизни человека, как Шопенгауэр, Ницше, Сартр. Я намеренно не называю Руссо, Кьеркегора и Хайдеггера, так как их философия – это не призыв отказаться от разума подобно последним авторам, это попытка эмпирически исследовать с помощью разума материю души. Но тогда их действительно не поняли, и они неволь оказались в фундаменте обезьяньей философии дарвинизма и фрейдизма. Канту очень нравилось его положение пупа философии, синтеза эмпиризма и идеализма, рационализма и иррационализма и он весьма успешно выполнял функции арбитра,

без устали примиряя ощетинившихся друг на друга искателей Души.

Материалисты были представлены не менее громкими именами: отец международного материализма Аристотель (Демокрит и Левкипп приходили, но им нечего было добавить к открытиям ядерной физики), отец международного гедонизма Эпикур, его горячие поклонники Диоген и Лукреций (Диоген весьма жалко смотрелся без своей бочки, лишенный главного козырного туза собачьей философии), Гоббс и Вольтер занимали переходное место между античным и современным материализмом. Де Сад, который любил иногда корчить из себя философа и серьезного человека, непременно подсаживался к ним, если заходил, хотя ему так никогда и не удалось уследить за нитью дискуссии. Впрочем, без Макиавелли он ходить не решался, так что у них получалась славная компания. Современный материализм, как известно, начинается с Дарвина, далее его подхватили Фрейд с одной стороны и Павлов и Скиннер с другой. Маркс, Энгельс и Ленин распространили дарвинизм на философию, историю и экономику. Так мы все и оказались в западне. Но об этом позже. Вильгельм Оствальд принадлежал к категории колеблющихся: он неловко переходил от материалистов к центристам и обратно, впрочем как и многие другие. Выготский и Пиаже и здесь продолжали спорить в каком направлении развивается мышление – от индивидуального к социальному, как утверждал Пиаже, или наоборот, от социального к индивидуальному, как настаивал Выготский. Кречмер и Ломброзо заседали среди материалистов словно инквизиторы собравшейся гениальной тусовки. Всем были известны их книги о Гениях: "Гениальность и помешательство" Ломброзо и "Гениальные люди" Кречмера, в которых они самым жестким образом сравнивали великих людей с мегаломаньяками и липеманьяками, и выраженными психопатами. Знаменитая сверхчувствительность гениев, превосходно ими описанная, заставляла последних недоверчиво коситься в их стороны. Особенно Ницше, которому Кречмер посвятил немало строк, с трудом заставлял себя усидеть на одной платформе с ними, но он считал это делом чести после того, как неодно-

кратно заявил, что человек – есть Воля Тела, а Бога он лично похоронил. Де Сад сначала было насторожившийся, когда узнал что Ломрозо тюремный психиатр, а он как никак большую часть жизни провел за решеткой, но не найдя своего имени в "Гении и помешательстве" успокоился. Достаточно ему досталось от других его коллег, представлявших его книги классикой сексуального маниакализма. Правда потом он все же расстроился, когда понял, что в Гениях его нет, потому что он не гениальный помешанный, а простой. Но самым расхожим анекдотом была внезапно загоревшаяся дружба между Лениным и Бисмарком, больше напоминающая вспышку страстной любви. Ультрароялист и Ультрасоциалист – никто и подумать не мог! Бисмарк, который был королем больше, чем король, принявший специальные законы о социализме, и жаловавшийся, что парижская коммуна стоила ему единственной бессонной ночи в жизни, и Ленин, учивший "свирепой, беспощадной и вечной борьбе" с мещанским тупоумием и гнетом буржуа! Вот ведь действительно неисповедимы пути господни! Впрочем, Ленин оставался скандальной личностью и здесь в Чистилище не меньше, чем на земле. Гоголь не мог смотреть на него, не осеняя себя крестным знаменем, и всякий раз старался сесть так, чтобы ему не было его видно из-за чьей-нибудь спины. В свое время он повредился умом от страха, что его "Мертвые души" могут привести к революции – до того удачно он высветил все отвратительные стороны помещичье сословие царской Руси. А Гоголь булл убежден монархистом, и писал Пушкину о божественной благости царской власти. И теперь Ленин представлялся ему дьяволом, претворившим его кошмары в жизнь. Ленин отвечал, что не намерен терпеть оскорбления от всякой истеричной барышни, и что ему и на земле хватало "плакальщиц по покойникам, которых исправно поставляла так называемая интеллигенция". Ибо Владимир Ильич не причисляет себя к понятию "интеллигенция", так что абсолютно невозможно понять, что он под этим термином разумеет.

Марио Пьюзо, прибывший в Замок менее 15 лет назад и еще не успевший в нем освоиться скромно молчал, внимательно

вслушиваясь в дискуссии великих людей. Ему бесконечно льстило, что он попал на Олимп Чистилища, прославившись на весь мир своими романами о Донах и мафии. По сути он всю жизнь занимался исследованием структур власти и только теперь начал отдавать себе отчет в том, что интерес его был намного глубже, что интересовала его власть и социальные системы в целом, а не только традиционные криминальные группировки Италии. Присмотревшись хорошенько к публике – которая все больше ему была мало знакома – он вынес твердое решение, что его место рядом с Доном Расселом, как он его в шутку про себя окрестил. Было что-то чрезвычайно забавное в том, чтобы величать этого скромного человека, с широко известной либеральной позицией – Доном. Не просто в силу контраста, а наоборот, потому что несмотря на свою природную застенчивость он действительно всю жизнь отчаянно рисковал собой ради других, умея расположить к себе всех, в ком тлела искорка разума остроумием, энциклопедической образованностью и великодушием. Однажды Рассел, услышав, как Пьюзо в шутку зовет его Доном, сказал ему:

- На земле я очень любил читать детективы, чтобы немного отойти от сложной работы. – он был очень вежлив. На самом деле он называл детективы "silly books", но говорил правду о том, что читал их часто, когда хотел расслабиться. – Как жаль, что ваших книг тогда я найти не сумел, вот где было разгуляться воображению. Я ведь тоже много теоретизировал о вопросах власти, и мне импонирует ваша позиция: я тоже считаю, что людьми правит любовь к власти. Только власть бывает разная, как и все в этом мире: хорошая и плохая, если говорить проще.

- Я почему-то сразу так и решил, что вам должны нравиться детективы. – улыбнулся ему Пьюзо. – Только ведь детективы тоже бывают разные, как все в этом мире: хорошие и плохие. – от него не скрылась ирония Рассела.

Рассел рассмеялся и с этих пор они подружились.

- Знаешь, Марио, я ведь и вправду Дон, - шутил он уже в своей дружеской манере, - я дважды сидел в тюрьме. Только никому не говори, это тайна.

- Знаю, знаю, Берти, - рассмеялся Марио, - один раз за то что способствовал миру во время первой мировой войны, а второй раз за то, что хотел предупредить атомную войну. Доны сидят в тюрьме по другим причинам.

- Да, но меня пытались убить и мой вертолет упал в воду, - стоял на своем Рассел. – Правда, враждебная семья осталась с носом, я оттуда выплыл, даром, что был в пальто и плыл в ледяной воде.

Все знали про этот несчастный случай. Тогда Рассел перед тем как сесть в вертолет узнал есть ли там отсек с открывающимся окном: Если я не смогу курить, я умру, - пошутил он. Оказалось, это была вовсе не шутка, вертолет упал в воду, и только окно спасло ему жизнь, пассажиры другого отсека утонули.

Но Пьюзо принял свое решение не только под влиянием личной симпатии, а исходя из трезвого анализа обстановки. Его итальянские предшественники – Данте и Макиавелли – были лидерами двух противоположных группировок, и противоположных представлений о власти и государстве. Оба сыны Флоренции, они стали свидетелями политической войны, раздиравшей их родину между республиканской и монархической формами правления. И оба как ни странно видели счастье государство в наличие сильного монарха. Разница заключалась только в том, что Данте представлял такого монарха наместником Бога, человеком исключительной нравственной чистоты и высоких моральных достоинств, безраздельно посвятившим себя делу служения народному благу. А Макиавелли напротив, описал Государя, который не видит ничего кроме личной выгоды и использует народ только как материал своего возвышения: не допускает его развития, соединения, чтобы ни в коем случае он не стал единой силой способной противостоять его воле. Разделяй и властвуй. Это лжец и лицемер, превративший тех, кем он хочет управлять в свою жертву. Не зря, де Сад так часто цитирует Макиавелли – его умишка хватило, чтобы понять такую чушь. Немудрено, что партии дантовцев и садистов прозвали в чистилище Белыми и Черными, тех, кто ждет на-

местника Бога и тех, кто ждет наместника Дьявола. "Доны" Пьюзо, как известно, представляют некоторое искусственное соединение злого и доброго монарха, что навряд ли можно встретить в реальной жизни. Этим собственно он и завоевал к себе внимание: умением вызвать симпатию к страшным и коварным мафиозо. Даже своего "Первого Дона", папу Александра Шестого Борджа, которого он сочинял всю жизнь, а опубликовал только после смерти, он сумел представить почти как достойного человека, несмотря на инцест, отравления, костры для еретиков и все прочее, чем знаменито правление средневековых пап вообще и Борджа в частности. Здесь Пьюзо, несмотря на большое желание изучить местный криминальный мир изнутри, не сумел даже приблизиться к порнографическому театру де Сада, такое глубокое отвращение внушал он ему всей своей персоной. Так, самые знаменитые итальянские писатели разных эпох заняли три различных крыла партии гуманистов-рационалистов.

Свифт принадлежал ко всем группировкам сразу и только поэтому занимал место в центре. Когда он обнаружил себя на Олимпе и немного осознал, что он продолжает жить и жить среди мировой культурной элиты, счастью его не было конца. Все обиды и злоключения земной жизни были забыты. Наконец он попал туда, куда всегда метил – на самый верх, к настоящим, а не натуженным сливкам обществам. Первое время он просто не мог поверить своему счастью и просто ходил и смотрел на своих кумиров и любимчиков, садился поболтать Платоном, слушал их нескончаемые дебаты с Аристотелем, потом переходил к столу за которым шли не менее ожесточенные схватки Декарта с Локком, Сократа и Эпикура. И когда он наконец наслушался, и поверил, что это не сон и его кумиры здесь рядом и он среди них равный среди равных, он с удовольствием выдохнул:

- Спасибо тебе, господи, что не пустил меня в тот свинарник, в который я так стремился, спасибо, что приберег меня для настоящего Олимпа.

Он с удовольствием отметил, что никто из его высокопоставленных врагов не прошел на Олимп -ни граф Оксфорд, ни виконт Болинброк, ни те многочисленные герцоги и фрейлины, которые задирали перед ним свой нос. А оно вон как все обернулось! Наконец-то его "разрывающееся от гордого презрения сердце" было удовлетворено. И вот только его любимой Стелы тоже не оказалось рядом, что чрезвычайно его опечалило, и несколько поубавило эйфорию. Тогда он поискал Ванессу, но и ее нигде не было. Впрочем, Свифт быстро оправился от этого удара. Он и при жизни не особенно чванился с любовью и всегда выбирал политические игры возможности тихой жизни с любимой.

И как только он осознал свое счастье и к нему вернулся дар речи, вместе с этим даром речи вернулся и острый как бритва язык. Вот кого ничуть не обескуражили партийные расприв Замке, вот кто чувствовал себя словно рыба в воде. Ему служащему с одинаковым успехом на стороне вигов и на стороне тори, было не занимать опыта в политических интригах. Правда, и тем и другим он служил безвозмездно, так как они отплатили ему черной неблагодарностью, но зато он набрался опыта, и этот опыт в конечном итоге осел в борьбе тупоконечников с остроконечниками и задников с передниками в его Гулливере. А ведь именно Гулливер доставил ему международную славу. И вот он на Олимпе! И без неблагодарных невежд, пользовавшихся его талантом. Здесь Свифт стал еще более популярным памфлетистом, чем был на земле, когда защищал сначала корону от народа, а потом народ от корона – и в обоих случаях с равным успехом. Только народ остался ему благодарен и сделал его своим героем, в отличие от власть предержащих, поспешивших его спровадить.

К всеобщему удивлению, это заседание почтил своим присутствием Ницше, который приходил крайне редко, верный своему презрению к ученым, которых он называл "могильщиками", роющимися в земле, или в лучшем случае безобидным механизмом "тик-так", веселящими его своей наивностью и неодушев-

ленностью. "Кающийся духом" как всегда был закутан в черный плащ по самые глаза, и хранил глухое молчание слушая о позоре своего бывшего кумира. Как много романтиков разочаровал Наполеон, и первым из них был он сам! Ницше занял свое место на платформе материализма. Это он окрестил идеалистов презрительным прозвищем "потусторонники". Этот Зал Ницше ненавидел больше всего, поскольку его оскорбляло, что он является столпом этого зала в виде безумца, а не автора теории безумия. Хотя он и кичился безумием "сверхчеловека – молнии" в Заратустре, здесь, среди людей, работающих с безумием профессионально, оно теряло всю свою романтичность и превращалось в ущербность самого унизительного типа. Лицо его выражало такое страдание, что каждый раз, когда я встречалась с ним взглядом, я чувствовала, как комок подкатывает к моему горлу, а в ушах звенело:

" Кто в силах отогреть меня, кто еще любит?
Лежу бессильно я, от страха цепенея,
Как перед смертию, когда уж ноги стынут,
Дрожа в припадках злой, неведомой болезни
Как молниею, поражен я глазом,
Насмешливо из темноты смотрящим!
И так лежу я, извиваясь,
Согбенный, скрюченный, замученный свирепо
Мученьями, что на меня наслал ты,
Безжалостный охотник,
Неведомый мне бог!" Заратустра Ницше

- Лейла, мы просим вас приступить к изложению тезисов вашей теории, - вывел меня из забытья голос Рассела. – Теория Психической Энергии. Чрезвычайно интересная теория. Прошу вас.

Я уже успела взять себя в руки, но все же не нашла в себе сил, чтобы рассказывать и зачитала им заготовленную статью. Я вспомнила, как Рассел писал, что поначалу так сильно стеснялся выходить с речью перед публикой, что каждый раз надеялся, что сломает себе ногу прежде, чем дойдет до трибуны. Это немного

рассмешило меня и придало уверенности в себе. Наконец, все было кончено. Я подняла на публику робкий взгляд, ожидая ожесточенной полемики.

К моему великому удивлению Эдгар Кейси, Ванга и Нострадамус первыми изъявили желание выразить свое мнение. Зал заволновался, такого еще не было.

- Сколько раз вы пытались сформулировать свою теорию?

- Очень много раз, - сказал я – это было так трудно, что я разъела себе всю слизистую, но не могла остановиться. Десять раз я публиковала эту работу, и только сейчас чувствую, что наконец-то сказала все.

- Я предсказывал, что эта теория будет долго выкристаллизовываться.

- Да, именно выкристаллизовывалась. Лучше не скажешь.

Встал Иоанн Иерусалимский и сказал

- А я предсказывал, что за веком дьявола последует век Бога, что болезни будут излечиваться до их появления, что новая философия света возродит мир, и люди узнают, что свет никогда не гаснет

- Я предсказывал, что "зверь" будет повержен, и работники света принесут людям мир, но тогда никто не понял, о чем я говорил. Зверь – это болезненный ток психики, превращающий людей в глупцов и злодеев. – сказал Нострадамус

- Я предсказывала, что появится Огненная Библия, что люди образуют единое братство, что духовность поднимется на невиданную высоту, что расскажут, что в старых книгах было правдой, а что ложью, - сказала Ванга

В Зале воцарилось напряженное молчание. Я не знала, как реагировать, и только благодарила их, хотя сама не знала за что.

Наконец, когда страсти улеглись, поднялся Дарвин, красный от негодования:

- Я внимательно выслушал вашу речь, молодая леди, но не уверен что все понял и понял правильно. Однако, что действительно не оставляет у меня сомнений – так это, что ваша теория объявляет мою теорию происхождения человека цели-

ком и полностью ложной. Вы станете возражать по этому поводу.

- Ни в коем случае. – твердо ответила я. Дарвин – та самая глыба, которая сорвалась и завалила вход в Пространство Интеллекта человеку и пока мы ее оттуда не уберем, мы будем обречены на скитания в животном царстве. – При всем уважении к вам лично, мистер Дарвин, и к вашей теории эволюции животного мира, распространение этой теории на человеческий род я считаю не только исключительно ложной позицией, но и крайне вредной. В этом отношении, Альфред Уоллес, с которым вы подружились во время одновременной публикации теории эволюции оказался значительно более проницательнее вас. И простите, если я скажу вам это прямо, но это не ему следовало публиковать свои соображения под названием "дарвинизм", а вам под названием "уоллесизм". Он видел, что Разум человека ставит его в принципиально другие отношения с природой, а вы его еще за это упрекали.

Уоллес густо покраснел – ему было и приятно за восторжествовавшую справедливость, и неловко за друга в одно и тоже время. Человек исключительной порядочности, тем обиднее, что Дарвин обошел его.

- В таком случае, не вдаваясь сейчас во все теоретические детали, для чего мне потребуется более основательное знакомство с теорией ПЭ, ответьте на простой вопрос. Для доказательства своей позиции я привожу факты такого количества, каким я уверен не может похвастать ни одна другая научная позиция, в чем же ваша пресловутая связь теории с опытом? Вы обвинили нас всех в ложной связи теории с опытом, поэтому очень любопытно услышать, как же выглядит истинная эмпирическая валидность теории.

Да, я хорошо помню, как он сравнивает себя с Крезом в своих воспоминаниях, по богатству фактического материала, который он использует в своих работах, и я видела все эти богатства в его теории происхождения человека.

- Видите ли, - деликатно начала я издалека, - вы не скрываете в своих работах, что с опаской относитесь к дедуктивному

мышлению, и думаете, что вполне можете компенсировать слабость теории количеством фактов. Ваше слабое место не факты, а дедукция. Нельзя построить полноценную теорию на одной индукции, как бы хороша она не была, и как бы богат не был фактический материал. Именно поэтому вы неспособны объяснить, почему дикари, которые даже в таком первобытном состояние несравнимо превосходят животных в уме, ведут себя намного глупее этих животных. На какие факты вы в этом случае можете сослаться или опереться? Не на какие! И вы чистосердечно признаетесь в своем "происхождении человека", что можете только предполагать, почему дикари отдают годовой запас пищи на жертвоприношения духам природы, истязают себя голодом и ритуальными плясками, убивают друг друга по обвинению в колдовстве и делают много других несуразных вещей, которые глупые животные никогда не стали бы делать. Гипотеза ваша весьма неправдоподобна, а тем более вывод о том, что это побочный продукт развития мозга. Чем вы же можете подтвердить этот вывод? Скажу, забегая вперед, что такое поведение дикарей на самом деле имеет очень простое объяснение в закономерностях Детерминированного Тока Психической Энергии (ДТПЭ), резко отличающих человека от законов биологического мира. И с этой точки зрения, все эти странности поведения, которые опровергают вашу гипотезу о законе биологического выживания человека, служат доказательством и фактическим материалом теории ПЭ. Поэтому я ссылалась на факты, обобщенные в работах Леви-Брюля.

Это только то, что касается жизни дикарей. В том, что касается жизни интеллектуалов, ваша теория еще менее правдоподобна и способна что-либо объяснить и тем более подтвердить фактами. Ведь вы собирали факты о жизни животных, а не человека. Ваш закон биологического выживания опять таки опровергается самопожертвованием всех великих ученых во имя развития науки, во имя доказательства истины, безо всякой связи с предполагаемым вознаграждением или наслаждением от удовлетворения биологических инстинктов.

Что касается теории ПЭ, то опять-таки все то, что говорит против вашей теории, доказывает справедливость моей теории. Жизни гениев и вообще людей высокой духовности и активного творчества – вот неисчерпаемые источники фактов в подтверждение особого энергетического поля и особого пространства существования человека.

Наконец, главное, чем не может похвастать ни одна биологическая теория человека – это способность к объяснению, профилактике и лечению психических расстройств. Все это в полной мере обеспечивает теория ПЭ. Когда психику рассматривают с биологической точки зрения, то все болезни трактуют как болезни мозга, не смотря на тот факт, что большинство психических расстройств не затрагивают не только мозга, но и способности мыслить. Так, при шизофрении – и это доказанный факт – люди долгое время не только отлично мыслят, но даже несколько лучше чем до болезни, и лучше, тех кто не болен. В результате такой недальновидности, вы уважаемый Чарльз, высказываете соображения о том, что больных психически людей не желательно поддерживать с эволюционной точки зрения, так как это препятствует прогрессу. Эти ваши мысли послужили Гитлеру руководством к действию, как известно. Я скажу больше – это лицемерие обвинять Гитлера и при этом признавать справедливость вашей теории происхождения человека. Если дарвинизм действительно отражает человеческую реальность также хорошо как и животную, то Гитлера винить ни в коем случае нельзя, ибо долг человека идти за истиной, куда бы она его не привела. А ваша истина состоит в том, что только жестокая борьба за выживание обуславливает прогресс, и что человек не вправе роптать на это, ибо без жестокого взаимного истребления мы никогда не достигли бы высокого звания человека. Все это выводы из вашей бредовой теории, Чарльз, а Гитлер только оказался настолько наивен, что поверил вам! – я уже совсем вышла из себя и потеряла всякую вежливость в обращении. Меня просто трясло от возмущения, когда я думала, что истинный виновник двух мировых войн

продолжается купаться в лучах славы ученого, а его наивные последователи погубили свои души, подняв народы на бессмысленную войну.

Я заметила, что Ницше как-то ожил, даже снял капюшон, и ловит каждое мое слово.

- Когда-то вы называли себя священником Дьявола, Чарльз, мне очень жаль, но вы даже представить себе не можете, как вы были правы. – подытожила я.

- Вы переходите границы, милая леди, обвиняя меня в таких страшных грехах как две мировые войны, - усмехнулся Дарвин. – Тем не менее, я должен вас поблагодарить за исчерпывающий ответ, - с трудом нашел в себе силы пробормотать окончательно расстроенный Дарвин, - я уже сказал, мне потребуется время, чтобы подготовиться к серьезной полемике.

- Я не вижу ничего принципиально нового в вашей теории,- вскочил с места Ленин, внимательно слушавший нашу дискуссию с Дарвином, - я в свое время в "Материализме и эмпириокритизме" дал четкий ответ на эту позицию моему коллеге по платформе материализма Оствальду. Сказать материальное движение или движущаяся материя – от этого суть дела не меняется. Если вы признаете, что человек есть материя, то не все ли равно, называть эту материю энергией или просто материей?

- Надо признать, Владимир Ильич, - к Ленину мне было както сподручней обращаться по имени отчеству, ведь мы все всосали с молоком матери имя вождя народа, - что в том виде, в котором энергетическую структуру космоса нам дал Вильгельм Оствальд, ваше замечание было вполне справедливо. Если не выделять Психическую энергию в особую энергию, движущуюся в особом интеллектуальном пространстве, то действительно никаких выводов из энергетической картины мира сделать нельзя. Потому что, психическая энергия у Оствальда, также как и у Фрейда – психическая только номинальна, а фактически она остается биологической. Суть энергетической структуры мира в том, что Контрольная энергия человека резко отличается от всех прочих детерминированных энергий природы своей способно-

стью к контролю энергий и доступом к их силе. Мы это видим на научно-техническом прогрессе.

- Допустим, я поверю, что это не бредовый идеализм в гегелевском роде, что же это меняет?

- Это меняет все, Владимир Ильич. Прежде всего то, что больше никому не надо верить на слово. Теория ПЭ обеспечивает "железное алиби" истинным теориям, потому что открывает доступ к силе изученных энергий. Следовательно, все другие теории отметаются.

- Так что же вы хотите сказать, что диалектический материализм был основан не на фактическом материале? Что мы подобно самой вульгарной платоновщине и гегельщине, основывали свои умозаключения на идеальных фантазиях и голой логике?

- Боже упаси. Я вовсе не сомневаюсь, что вы со своей стороны старались совершенно искренне и изо всех сил обеспечить надлежащую связь теории с практикой, но к сожалению безрезультатно, потому что без понимания энергетической структуры мира этого сделать невозможно. Как говорит Вильгельм Оствальд, это все равно что проводить химический анализ железнодорожной станции. Прежде чем переходить к обоснованию теории опытом, надо четко сформулировать какого рода энергию вы исследуете и как рассчитываете получить доступ к ее силе. В вашем случае непонятно о какой энергии идет речь. Если это биологическая энергия, то доступ к ее силе вполне изложен в медицинских науках, и нет никакой надобности в каком либо другом опытном материале. Исходя из того, что вы опирались на теорию Дарвина, вы должны были иметь в виду биологическую энергию. Однако, ваша теория строиться на совершенно другом опытном материале, что позволяет заподозрить изучение человеческой энергии. Но вы круто обходите весь психологический материал: такой пустячок как индивид и его психика вас не интересует. А то что вы называете фактами – социальную историю - оказывается химическим анализом железнодорожной станции. Нельзя анализировать общество и его историю в обход психике отдель-

ного индивида – в этом абсурдность марксизма. В результате связь с опытом оказалась номинальной, как например в случае с азиатским способом производства, когда с позиций марксизма невозможно было объяснить специфику восточного общества. Точно также и весь способ анализа общества через так называемое развитие производительных сил – всего лишь гипотеза, которая легко может быть опровергнута любой другой теорией. Вся суть в том, что вы можете кипятиться, кричать и обзывать всех дураками и тупицами, кто не согласен с вашим мнением, как вы это обыкновенно делали, но это не изменить того, что кроме страстного желания верить вам нечем доказать свою правоту.

- Очень любопытно, милая соотечественница! Я не могу обзывать женщину тупицей, хотя признаюсь, очень хочется, – рассмеялся Ленин – А как бы я мог доказать свою правоту с вашей позиции?

- Однако, если бы вы знали об энергетическом строении космоса, вы бы сразу поставили перед собой задачу четко сформулировать какую энергию вы хотите исследовать и что докажет, что вы контролируете ее силу. Тогда вы бы поняли, что это может быть только психическая энергия, и что наличие контроля над психической энергией подтверждается, прежде всего, умением работать с психическими патологиями: объяснять, предупреждать и лечить. Вы ушли в метафизические дебри самостоятельного развития социальных сил в обход психике отдельного человека, и в итоге объект исследования был утерян. Социальные процессы настолько расплывчатое понятие, что ничем не отличается от Абсолюта Гегеля и мира идей Платона, и оставляет ровно столько же шансов для его проверки фактическим материалом.

А если бы вы исследовали психическую энергию – то объект исследования и способы доступа к силе энергии были бы предельно ясны: психика индивида, ее здоровье и патология. Если мы находим ключ к решению этих задач, мы получаем доступ к силе психической энергии: к здоровью человеческого общества

и созданию условий для развития его творческих и контрольных (умственных) способностей.

- Я уже слышал это от Рассела, - небрежно бросил Ленин, - он говорил мне, что ошибка марксизма в том, что он игнорирует психологию. Я понял вас, спасибо. Ваша позиция: Оствальд плюс Рассел. Точка. Это ваше Пространство Интеллекта – только фиговый листок новой метафизики. Только клоуны-профессора могут купиться на такой откровенный подлог.

Мне хотелось ответить ему словами его друга Бисмарка, который также казался мало заинтересованным, – в нечленораздельных звуках, я не вижу аргументов. Как можно спорить с теми, кто вместо аргументов дерется? Впрочем, Ленин никогда не скрывал своего презрения к интеллигенции, а себя, как известно, относил к "передовому авангарду рабочего класса". Я улыбнулась и посмотрела на Рассела: он тоже тепло улыбнулся мне, давая понять, что понял шпильку Ленина, но просит меня о снисхождении, а сам он на моей стороне.

- Со своей стороны, - начал он, - раз уж зашла речь обо мне, я хочу сказать, что с самого начала абсолютно восхищен и очарован теорией Психической Энергии, настолько даже, что мне все еще не верится, что все это правда. Я имею в виду, правда, что наконец-то мы похоже нашли ключ к разгадке социальных проблем, ключ, поискам которого я посвятил всю свою жизнь. Мне настолько импонирует все, что я слышу, и настолько убеждает все, что я слышу, что мне почти нечего добавить. Нечего кроме громадной благодарности за то, что голод и боль бродяг, как вы удачно выразились Лейла, лишенных своего интеллектуального отечества, наконец-то удовлетворены. Ответы на вопросы, которые терзали меня всю жизнь и продолжали терзать и после жизни стали волшебным бальзамом, залечившим кровоточащую рану в сердце, и только теперь я понимаю, что это оттого, что мы вернули отчий дом, в котором можем обрести себе очаг и домашний уют. Спасибо вам.

Здесь раздались бурные аплодисменты, а я стояла и глотала слезы как дура, боясь в любой момент лишиться чувств от пере-

полнявшего меня волнения. Но Аристотель быстро привел меня в себя. Он перебрался на центральную платформу, подальше от Ленина, которого побаивался, но его гордая античная душа никогда бы в этом не созналась даже самой себе. Стагирит уверил себя, что для философа прославляющего золотую середину самое верное место будет в центре. Его как всегда интересовало, что меняет новая теория в его споре с Платоном. Он сильно обнадежился, услышав критику идеального мира "друга", и тот акцент на практическом знании, который мы все делали. Он сделал над собой усилие, чтобы обратится с серьезным вопросом к женщине:

- В вашей теории видимое противоречие – заметил мне создатель формальной логики, - вы только что объявили Мир Идей моего друга Платона не связанным с практикой и не проверяемым опытом, а с другой стороны утверждаете, что существует Пространство Интеллекта, которое гарантирует истинную связь теории и практики. Но ведь Мир Идей Платона – это и есть Пространство Интеллекта, он даже Бога называет, как известно великим геометром и математиком.

Вдруг я почувствовала, что теряю связь с происходящим. Со мной так бывало, когда я переносилась в пространство Интеллекта и начинала что-то напряженно обдумывать. Этот человек, одно имя которого ассоциируется с исключительной мудростью, стоял передо мной во всем своем неприкрытом невежестве. Напыщенный словно индюк со своими пошлыми истинами золотой середины и завистью к действительно великому Платону. Нет, не нравился мне этот ихний Стагирит, и работы его не вызывали у меня ничего кроме презрения. На крупицу истины – тома откровенных глупостей, по крайней мере во всем, что касается его трилогии, посвященной социальным наукам (душа, этика, политика). И меня радовало, что Бог выбрал именно женщину, чтобы наказать спесивость таких вот напыщенных дураков, считающих женщин недееспособными. Настоящие мужчины, подобные Расселу, Фромму, Адлеру, Льву Ландау и др никогда не унижают женщин, но

напротив борются за их права и поливают презрением "мужской шовинизм", как отвратительную пошлость.

- Вы должно быть прослушали, уважаемый Аристотель, я сразу оговорилась, что современная метафизика, в том числе и метафизика основанная на логике, не отражает истинного существа Пространства Интеллекта именно в связи с полным разрывом с практикой. Пространство Интеллекта выложено не абстрактными "идеями" – это термин, который в сущности не значит ничего и может означать все, и его истинное значение всецело негативно – то, что не "вещь". Пространство Интеллекта выложено Законами природных энергий и таким образом имеет не только фактическую связь с практикой, как возможностью контроля этих энергий, но и концептуальное единство, так как без энергий, составляющих материю, не было бы и ее формы – Законов Пространства Интеллекта. Но тем не менее, я стояла и стою на том, что метафизика, основанная на логике (то есть представление о внеземном царстве Разума, не связанного с материальным миром) ближе к истине, чем материализм, который вообще не видит особого Пространства Интеллекта.

Тут встал Свифт и заметил:

- Это то место в вашей статье, где вы рассказываете, что главная отличительная черта метафизики – что она все делает сама с собой?

По залу пробежала волна приглушенного смеха. Действительно было смешно слышать такие замечания от автора эротических приключений Гулливера.

- Мне все больше начинает нравиться ваша теория, - не унимался Свифт, - если я правильно понял, то метафизика – это мастурбирующая субстанция?

- Ну в целом, это вполне удовлетворительное определение, - вынуждена была признать я, хотя меня и позабавило это сравнение не меньше других.

- не зря я говорил, что философы – сумасшедшие, - засмеялся Свифт, - зачем изобретать мастурбирующую субстанцию, ко-

гда любовь так прекрасна? Хоть бы эти сумасшедшие не сводили с ума других, - закончил он своей любимой фразой. На земле в последний раз он произнес ее перед самой смертью, когда благодарные за "письма суконщика" ирландцы, устроили фейерверк в его честь.

- В таком случае, - не сдавался Стагирит, - какова ваша позиция в отношении происхождения идей? Они врожденны или приобретаются из опыта? Что об этом говорит теория ПЭ? Мы знаем законы природных энергий с рождения или приобретаем в процессе опыта?

Не трудно было догадаться к чему он клонит. Это одно из главных мест их разногласий с Платоном. Платон утверждал, что все наше знание (идеи) рождается вместе с нами, и мы просто по ходу жизни вспоминаем его. Аристотель ему возразил, что знание приходит к нам путем индукции из опыта, а наше сознание является при рождении всего лишь"чистой доской". Потом на эту доску наносятся знания по мере обобщения своего опыта в общие законы и правила. За это Аристотель прослыл тем, кто примешал к философии Платона "здравый смысл". Я конечно, не могу не согласится с тем, что частично Аристотель прав, но ровно настолько же насколько и Платон. И врожденные способности к абстрактному мышлению также необходимо имеют место быть вне всякого сомнения. Мне нравилось как красноречиво по этому вопросу изъяснялся Герцен.

Дискуссия эта между Платоном и Аристотелем растянулась на все последующие поколения философов и была унаследована психологией. Я оглядела напряженные лица присутствующих. Декарт и Локк вытянулись в ожидании моего ответа – это следующая пара дуэлянтов по теме. Вольтер доверительно сжал руку Локку, давая понять, что он как всегда на его стороне. Пиаже встал и пересел поближе к Декарту, видимо, место на платформе материалистов его больше не прельщало. Теперь они с Выготским оказались на противоположных платформах, как того и требовали их взгляды.

Психология Аристотеля, удалившего из Души все психическое, уже тогда положила начало вульгарному биологизму, который в двадцатом веке Конт подтвердит полным отказом от науки психологии в пользу биологии и социологии. Психику рассматривали ни как особую энергию со своими особыми стремлениями и чаяниями, не как нечто, движущееся в пространстве познания и рождаемых им эмоций, а как результат физиологических процессов – нервных, метаболических, кровотока. Так и "идеи", то есть знания стали рассматривать, как что-то что "вдавливается" в сознание под воздействием физиологических потребностей и обретается посредством них. Дарвин, Скиннер и Фрейд довели это учение до абсурда. Но именно Аристотель был первым, кто сказал, что Разум в научном смысле этого слова не участвует в формировании представлений о правилах социальной жизни (добродетели), а только житейская смекалка. Что это область чувств и опыта, и мораль образуется в результате научения через боль и удовольствие. Кто знаком с теорией условных рефлексов Павлова и бихевиоризмом Скиннера, - тот поймет, что две тысячи лет мало что изменили в воззрениях на психику со времен Аристотеля. Дарвин заявил, что животные никогда дважды не попадают в одну и ту же ловушку, что доказывает, что они способны учиться, а также то, что человек выучился таким же образом – через ошибки выживания на опыте. Он только не знал, что в отличие от животных, которые действительно научаются на опыте, дикарей опыт абсолютно ничему не учит (у Леви-Брюля собрано громадное число фактов по этому поводу). И все потому, что у дикарей мотивация поведения основана уже на силовом поле психического тока (пока детерминированного), и разум перестает служить цели биологического выживания (как на поле биологической энергии) и становится на службу гомеостазу Эгозащиты. Фрейд всего лишь повторил идею Аристотеля и Дарвина о том, что Добродетель или Совесть (принципы морали) формируются в результате биологического выживания, через механизмы боли и удовольствия. Вот к какой глобальной

катастрофе привела незначительная казалось бы недооценка врожденных способностей к абстрактному мышлению у человека. К полному выпадению его собственной энергии из научного анализа. Вместо психики стали изучать биологические "чучела", поскольку человек уже давно не животное: социологию, бихевиоризм, диалектический материализм, дарвинизм, психоанализ и тд и тп

Видимо я молчала слишком долго, потому что Вольтер вскочил со своего места и презрительно заметил:

- Многие писали романы о Душе, и только господин Локк скромно написал историю Души.

Это он говорил о том обстоятельстве, что Локк резко раскритиковал позицию Декарта о врожденных идеях и показал, каким образом на "чистую доску" сознания по мере накопления опыта наносятся так называемые идеи. И тут мне совершенно неожиданно на помощь пришел Лейбниц, философ, которому Рассел считал себя многим обязанным:

- Я тоже хочу выразить вам свое восхищение, уважаемый автор, - галантно улыбнулся он мне, поднимаясь. – Мне бесконечно импонирует ваша теория, как и моему другу Расселу, поэтому я думаю я выражу ваше мнение, которое впрочем отчетливо прозвучало в вашей статье, если скажу, что обе стороны правы в одинаковой степени. Индукция необходима также как и дедукция. Я всегда говорил, что врожденные идеи – это не готовые понятия ума, а лишь зародышевые состояния интеллекта, они еще не осознанны и лишь постепенно развиваются до полного сознания. Общие принципы, выводимые человеком из разума, содержаться в нем не в готовом виде, а в форме предрасположений, склонностей. Врожденными являются не частные принципы, а лишь общие принципы в виде определенных потенций. В этом моя позиция отличается от позиции Декарта.

- Блестяще, - зааплодировала я, - именно это я и хотела сказать.

- Что касается, известной формулы Аристотеля о "чистой доске" сознания, то есть о том, что в уме нет ничего такого, что

не пришло бы туда из ощущений и опыта, то я считаю, что ничего кроме УМА. – он сделал особый акцент на слово Ум.

- Абсолютно точно, - весело рассмеялась я. – Я с вами полностью согласна. Ум всегда есть – и до и после опыта. И доктрина о чистой доске сознания не стоит выеденного яйца. Ум и факты, получаемые через чувства – образуют единую систему познания.

- Именно на основании своих убеждений я разработал в свое время математическую логику, чтобы представить аппарат абстрактного мышления для постижения истины. А Берти продолжил потом мою работу. – он поклонился Расселу. – Однако, у меня к вам есть вопрос, Лейла. Я всегда считал, что законы природы в отличие от законов логики, не могут выведены путем умозаключения, и потому они случайны. Правильно ли я понял, что энергетическая система космоса – это такая же общая структура законов природы, как логика и математика – общая структура законов абстрактного мышления?

- Да, абсолютно верно, - как приятно говорить с умными людьми.

- Но в таком случае, к моей теории познания прибавляются помимо Законов математической логики с одной стороны еще Законы природы в виде основ Энергетики с другой. Это и станет Законом достаточного основания, который я так и не смог пояснить. Контроль изучаемой энергии на практике!

- Спасибо, Вильгельм. Вы меня просто выручили. Признаюсь, я потеряла дар речи от перенапряжения. – Каким-то чудом я вспомнила в последний момент его имя, видимо его очарование при встрече всколыхнуло мою память. Он всегда был для меня просто "Лейбницем".

Тут встал Лев Выготский, которому не давал покоя вопрос о том, кто же в их многолетним споре с Пиаже окажется победителем.

- Как же прикажете это толковать применительно к психологии ребенка?

- Несомненно, позиция Жана Пиаже выглядит значительно правдоподобнее, - твердо сказала я. – Наша способность к

мышлению в нас заложена и постепенно развивается, как только что доступно разъяснил Лейбниц. Человек развивается от индивидуального к социальному, от раскрытия способностей психики к возможности их применения в общении с окружающими. Это то самое развитие по образу эмбриона – то есть раскрытия заложенной схемы, которое вы противоставляете развитию в гегелевском смысле, как движение самоопределяющейся субстанции. Ваша позиция по сути метафизична и основана гегелевской метафизике, как и позиция Маркса, которая дала начало нашей отечественной психологии.

Пиаже гениально раскрыл стадии развития умственных способностей, как раскрытия некоей заложенной в человеке программы, то есть закономерностей его психики.

- Я согласен с Владимиром Ильичом, вы агрессивно настроены против материализма, и связь теории с практикой о которой вы говорите только фиговый листок новой метафизики.

Еще бы ему быть не согласным с Лениным! Вся отечественная науку все еще держится на его бреднях, как на китах.

- Если Материализм – это биологическая трактовка психики, то вы совершенно правы, я отношусь враждебно к этой теории, поскольку она на протяжении сотен и тысяч лет не давала нам возможности узнать главное. – Нервно сказала я. - Узнать самих себя, и в результате мы имеем то, что имеем – от нищеты и коррупции до наркомании и переполненных дурдомов. Это хваленный материализм дарвинистов? Это ваша связь теории с практикой? Что касается нашей связи – то ее еще только предстоит проверить, а пока она оправдывается всем психиатрическим, психологическим, биографическим и социальным материалом, накопившемся в истории человека, чем ваша теория похвастать не может: дай Бог, чтобы хоть какие-то единичные фактики показались правдоподобно объясненными. Мне бы только хотелось еще раз заострить ваше внимание, уважаемые господа. – обратилась я ко всей Зале. - Разум человека имеет качественное, а не количественное отличие от животного. На поле Психической Энергии разум служит совершенно

иным целям, в корне отличным от целей биологического выживания, которым он служит у животных (если эти крохи сообразительности можно назвать разумом). Животному он помогает выживать, человеку, даже с детерминированным током психики (то есть дикарям, далеким от логического мышления) – уже нет. Ученому человеку с развитым логическим мышлением, у которого уже активен Контрольный ток психической энергии – Разум помогает выживать, но только для целей совершенно другой мотивации, для работы над Контролем космоса. Вот эта разница между Разумом-служанкой инстинктов и Разумом – господином инстинктов, подчиняющих их своей, совершенно отличной от них мотивации сводит на нет все ваши теории биологического происхождения знаний.

Эйнштейн решил вмешаться, чтобы не обострить еще больше дискуссию:

- Спасибо за теорию, которая опровергает ужасную идею бихевиоризма о том, что мы добры только из страха перед наказанием и жаждой удовольствия. Меня всегда приводила эта идея в отчаяние, поскольку я считал себя материалистом. Я считал, что если никакой другой совести и доброты в человеке нет – то мы пропащие создания.

У меня к вам вопрос в отношении Пространства и Времени. Меня поразила идея о том, что Пространство Интеллекта может быть неразрывно связанно с физическим пространством через законы этого физического пространства. Действительно, в этом случае Пространство Интеллекта становится вполне исследуемой величиной. В этой связи я хотел бы знать во первых, как вы понимаете Время – то есть имеет ли Пространство Интеллекта свое собственное Время, и второй вопрос, в чем проявляется материальность психической энергии. Я уже понял что Пространство Интеллекта не материально само по себе, так как образуется за счет знаний, но связанно с материей, будучи его формой, выражая его законы. А вот как дело обстоит с психической энергией? Она материальна? Какого рода эта материя и чем она отличается от нашей биологии, то есть "Тела"?

- Да, несомненно, Пространство Интеллекта имеет свое Время, и это время также относительно в своем пространстве, как физическое время в физическом пространстве. В этом смысле теорию относительности никто не отменял, - рассмеялась я. – Однако, есть существенные различия между Временем Психики (контрольной энергии) и Временем детерминированных энергий. Физическое время течет кругами – это сезонов, суток, часов и тд и тп Это связанно с тем, что физические энергии движутся через гомеостаз, то есть через циклы равновесия и неравновесия. И только наша Контрольная энергия психики движется не кругами, а через рост в познании, в продвижении по Пространству Интеллекта, в развитии возможностей Контроля энергий природы, в накоплении научного знания. Только наше движение прямолинейно и имеет рост – тут Гегель был абсолютно прав, когда противопоставил круговое движение природы линейному движению духа. Это чистая правда. Отсюда и Время наше другое – это прямая от Прошлого к Будущему, такого времени больше нет нигде в природе, все остальное движется кругами.

- В чем же относительность этого Времени? – глаза Эйнштейна загорелись добрым радостным огоньком.

- Его относительность в том, что тот кто продвинулся дальше и глубже в Пространстве Интеллекта, кто знает больше и основательнее, то есть видит уровень законов природы, а не поверхностные "модусы", как говорит Спиноза, - время того человека течет несравненно быстрее, поток его энергии значительно мощнее, он успевает прожить за тот же годовой круг намного больше, чем невежа. Относительность тут в том, что коротко говоря, знающие люди и ученые живут намного более продолжительную жизнь на тот же отрезок физического времени (сто лет скажем), что и другие. Я думаю, что это объясняет пророческие способности таких великих людей, как Нострадамус, Ванга, Кейси, Иоанн Иерусалимский и других.

- Это очень интересная идея, с которой я не могу не согласится хотя бы исходя из собственного опыта. – рассмеялся Эйнштейн, - а что же в отношении материальности Психической Энергии?

- Это очень просто, уважаемый Альберт. – мне признаться было бы легче обращаться к этим гениям, где один гениальнее другого более официально, - Психическую энергию порождает Интеллект, так как поле Контрольного Тока ПЭ составляют полюса Интеллекта: Активный Интеллект (Мышление) и Пассивный Интеллект (Законы природы). Это Минус и Плюс, образующие поле нашей энергии: Минус мышления в потребности знать, в страдании без знания, Плюс законов природы, в радости, которое приносит нам процесс познания и контроля, в желании и любви к миру, которое он нам дарует. Сама же наша энергия – это поток эмоций жажды и радости знаний, который мы ощущаем как наше Я. Это Я общее у человечества, поэтому мы ощущаем его как Совесть, как Справедливость, как Сочувствие, как Доброту, как страдание когда другим плохо, или когда мы виноваты перед ними. Все это – материальное поле эмоций психической энергии, те самые чувства, которые отличают нас от животных, не имеющих поля ПЭ. Эгоизм, который создает ложное впечатление разделенности Я людей, - это следствие другого тока на теле КТ, мертвого паразитического тока, имеющего собственное силовое поле – Эго и СуперЭго. Это детерминированный ток психики (ДТПЭ), который отличает от контрольного отсутствие мышления. Это заурядный природный ток, без доступа к контролю энергий природы. Надо сказать, что Эго и Супер-Эго (Плюс и Минус) не имеют к нашему Я никакого отношения, так что Эгозащита – это растрата энергии своего Я на чужую мертвую энергию. Об этом собственно пишут все гуманистические психологи. И как бы примитивен ДТПЭ не был, он все резко отличается от биологической энергии животных в мотивации поведения дикарей, и не только дикарей.

- Простите, если я вмешаюсь, - опять встал Свифт, - но эта идея о Плюсах и Минусах в Душе, или в психике, как вы говорите, меня крайне заинтересовала. Не могли бы вы подробнее ее раскрыть, что такое Плюс и Минус и как они соотносятся с нашим Я?

- Плюс и Минус – это реальность не только психики, но и всего космоса, как элемент энергетического строения космоса. Все энергии имеют свой Плюс и Минус – это полюса, которые образуют силовое поле энергии.

Человек имеет три основных разновидности энергий: биологическую, и два различных психических тока – Контрольный Ток психики (КТ) и Детерминированный ток психики (ДТПЭ).

Силовое поле биологии, то есть нашего Тела, вам известно: это стремление от Минуса голода и жажды к Плюсу пищи и воды, от Минуса одного пола к Плюсу совокупления, от Минуса холода к Плюса Тепла, и тд и тп

Наша психика имеет свое силовое поле, отличное от биологического, хотя дарвинисты стараются представить это иначе. Причем, не одно а два совершенно различных поля: одно поле КТ, а другое поле ДТПЭ.

Наше живое Я – это силовое поле КТ, образуемое полюсами Интеллекта: Мышление (Минус) и Законы природы (Плюс): жажда и любовь знаний и мира и составляет наше Я как притяжение между этими полюсами.

Поверх нашего Я имеется силовое поле паразитического мертвого тока – своего рода психической "бактерии" – это поле неплохо описал Фрейд (но его великая ошибка была в том, что он описал его не как паразит на теле нашего истинного Я, а как наше единственное и истинное Я). Поле этого паразита образует уже не интеллект, а чувственные образы – Эго и СуперЭго, которые на самом деле есть Минус и Плюс чужой нам энергии, пожирающей энергию нашего Я. Эго – это только чувственный образ КТ (Я), но не само Я. Так, есть большая разница между человеком и его фотографией. А здесь выглядит так, как если бы люди, забыв о своих реальных Я, стали тратить всю энергию на свои фотографии, оставаясь голодными и холодными. Эгозащита – это неосознанное самоубийство.

- Вот я же говорил, - закричал вставая со своего места Руссо, который пришел по такому случаю на заседание партии, - я же говорил, что со временем докажут мою теорию о том, что Со-

весть и Справедливость, Доброта и Сочувствие – это врожденные эмоции, которые ничто не сможет изменить. Слава великому Богу я дожил до этого дня. И рад доказать вам, Вольтер, как глубоко вы ошибались, когда считали, что человек зол от природы. Я знал, что человек – сложное существо, и в нем две силы и знал, что путем воспитания, можно развить добрую силу и избавиться от плохой. Но вы в своем докторе Панглосе посмеялись над всем хорошим, глубокомысленно заключив, что всем всегда было, есть и будет плохо, и что зло нельзя изжить.

Дуэль Руссо и Вольтера также проистекает из противостояния Платона и Аристотеля, как почти все темы морального характера. Это вопрос о том имманентно ли зло человеку, или же это некое заболевание, от которого можно будет найти лекарство со временем и начисто излечится от него. Платон говорит, что Добро проистекает из Разума, а Зло из глупости, и поэтому путем развития ума можно изжить зло совсем. Аристотель говорит, что Зло равно как и Добро не имеют к Разуму никакого отношения, и оба в равной степени присущи человеку в силу его природы, и ему никогда не удастся избавится от злого в себе. Платон называет эгоизм чужой энергией, Аристотель называет его крайностью добродетели. Точно также и все последующие материалисты вслед за Аристотелем признают эгоизм – основной, здоровой и здравой мотивацией человека, так как биологическая призма позволяет видеть только противопоставленные желания индивидов. А взаимное противостояние – это и есть худшее и единственное зло для человека. Так биологизм обосновал, что Эгоизм и вражда всех против всех в борьбе за выживание – это истинная и неизживаемая природа человека, более того это благая природа человека, так как она ведет к прогрессу выживания сильнейших.

Так, Эгозащита, которая на самом деле является паразитическим мертвым током на теле нашего живого Я, получила научное обоснование и мощнейшую стимуляцию вместо остановки и спасения ресурсов Контрольного Тока. Ибо Контрольный Ток – это мощь доступа ко всей силе космоса через контроль его

энергий, а Эгозащита ДТПЭ – это меньше чем биологические ресурсы для выживания одного индивида, это прямое самоубийство и на биологическом и на психическом уровнях.

Биологи-материалисты говорили, что злое, как нормальный биологический эгоизм есть вечная природа человека, а первые психологи, такие как Платон, Спиноза, Кьеркегор, Руссо уверяли в обратном: психика имеет свою особую энергию и это энергия добра, то есть единство Я всех людей, сочувствующих и помогающих друг другу.

Из этих двух позиций родились противоречащие друг другу направления психологии: биологическая психология – дарвинизм, бихевиоризм, фрейдизм, социология, и гуманистическая психология (Юнг, Маслоу, Фромм, Хорни, Франкл, Роджерс, Адлер, Олпорт). Первая продолжала линию Аристотеля и настаивала на том, что Зло составляет истинную природу человека, а добро только внешние нормы приличия, сдерживающие дикого зверя внутри людей, вторая настаивала на обратном – истинная природа человека добро, а зло только поверхностное заболевание.

Вольтер, как истинный материалист и предвестник дарвинизма стоял на первой позиции, Руссо на второй – так они и вошли в историю как духовные дуэлянты и у Вольтера в этой дуэли весьма постыдная роль. Ему не следовало травить беднягу Руссо, заболевшего от всех своих горестей паранойей, называть его сумасшедшим и публиковать сведения о том, что он сдавал своих детей в воспитательный дом. Руссо не заслуживал такого отношения, ибо добрее и безобиднее человека трудно вообразить. Жан-Жак поставил своей задачей эмпирическое исследование собственной души, из которого он заключил, что энергия добра внутренне присуща человеку, и что со временем это обязательно докажут.

Не успел Вольтер и рта раскрыть, как ко всеобщему изумлению встал Ницше. Озираясь словно затравленный зверь, он вдруг гордо откинув капюшон спросил с большим пафосом:

- Согласны ли вы с тем, что Человек – это то, что должно преодолеть? Согласны ли вы с тем, что Человек – это только пе-

реходная стадия между обезьяной и сверхчеловеком? Что по земле прыгают маленькие человечки, отравляя все вокруг своим зловонным дыханием? Что маленькие человечки не дают жизни высшим людям и этому скоро придет конец? Сверхчеловек займет место человека?

Чем больше он силился владеть собой, тем меньше ему это удавалось, пока наконец его голос не стал дрожать так, что все сочувственно опустили головы, и в зале послышались деликатные покашливания. Ницше вздрогнул как от удара, но продолжал стоять в пафосной позе, стараясь изобразить на лице вызов. Сартр обреченно уронил голову на грудь. Он всегда чувствовал себя ответственным за "психов", как за "своих", и его злило, когда они пасовали перед "так называемыми нормальными". То был мир чужих и Сартр перед ним никогда не пасовал, он умел выдержать взгляд даже самого опытного врача, нисколько не смущаясь. По крайней мере эта сцена описана в "Тошноте" с большой тщательностью и силой эмоций.

Крик о помощи Ницше – это крик о помощи интеллектуала в разрушенном Пространстве Интеллекта. Ницше кричал сильнее других, потому что с одной стороны чувствовал острее, с другой стороны был недостаточно умен, чтобы интуитивно чувствовать истину подобно Платону, Спинозе, Расселу и другим и это делало его положение совсем безнадежным. Он оказался прав в том, что Человек – это то, что должно преодолеть, если под человеком понимать ДТПЭ (детерминированный ток психики), и конечно же именно ДТПЭ он и имел ввиду на интуитивном уровне. "Маленькие человечки" – это люди Эгозащиты, а Ницше не любит Эгозащиту, хотя теоретически ставит ее краеугольным камнем своей философии. Это одно из самых больших противоречий его "философии", которыми пестрят его работы.

"Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою - а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она в большей мере есть тот узел, на котором держится напасть.

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздает ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью" Заратустра Ницше

Но он не философ, а поэт, интеллекта ему не хватало даже для связного изложения. Его книги – это эпизоды коротких мыслей, противоречащих друг другу и не переходящих друг в друга. Именно так и выглядит бред сумасшедшего. Беда этого поэта в том, что он переложил все с больной головы на здоровую: добрых и праведных назвал маленькими человечками, а злых и жестоких – высшими людьми. Хотя все с точностью до наоборот. Сам факт имеет место быть: люди с Эгозащитой – это маленькие

человечки, так как они используют ресурсы нищей энергии, ни на что не способной, кроме циклов болезненных гомеостазов. Люди с развитым КТ, то есть Интеллектом, добротой и юмором – это высшие люди и сверхчеловеки в смысле "существа с возможностями превосходящими возможности всех прочих энергий природы" из-за своего доступа к контролю энергий природы.

Поэтому когда настоящие интеллектуалы, а не поэты как Ницше, читают его работы они краснеют от стыда: они понимают, что это правда, что мир интеллекта задавлен сегодня людьми "прыгающими по земле" на Эгозащите, но им чрезвычайно стыдно читать, что это люди "добрые и праведные" и в этом их вина. Мизантропами называли Руссо, Байрона, Свифта, Сартра, Селинджера и каждый из них считал своим долгом оправдываться, уверять, что они ничего не имеют против рода человеческого, напротив, это он почему-то не хочет оставить их в покое. Но эта мизантропия гениев - все тот же крик о помощи интеллектуалов в условиях разрушенного Пространства Интеллекта. Все та же неприязнь к "маленьким человечкам", превосходно себя чувствующим и вне человеческой реальности, с одним только дарвинизмом и фрейдизмом. Сильно ли маленькие человечки и сверхлюди Ницше отличаются от лилипутов и великанов Свифта?

Злость Ницше к "Добрым и Праведным" поначалу обескураживает, пока не поймешь, что он имеет ввиду не добрых и праведных, а конформизм, то есть изображение высокой нравственности просто из чувства приличия, как это и бывает при ДТПЭ. Большая часть людей в больном обществе имеет очень слабо развитый КТ (интеллект и поле доброты и юмора), и живет в основном Эгозащитой (конвенциальностью, конформизмом, насилием и подчинением, подражанием, завистью, злорадством). Такие "маленькие человечки" действительно изображают доброту и сочувствие из конформизма, то есть из страха оказаться не такими как все и не такими как "надо", хотя они не знают, зачем надо и почему надо. Но на самом деле люди Эгозащиты вовсе не добрые и Ницше прав когда говорит, что присмотревшись к их со-

страданию, вы увидите злорадство. Именно Эгозащита – основа всего самого злого, свирепого и тупого в человеке. Это лучше всех продемонстрировал Милграм в своих знаменитых экспериментах о подчинении авторитету: конформизм (некритическое подчинение авторитету) привел к тому, что люди, ради того, чтобы угодить авторитетным людям, причиняли по их приказу боль, которая они знали могла стать смертельной для них. Поэтому было бы логично, если бы Ницше обратил свою злость на "злых и жестоких". Но он увидел ДТПЭ только в конформизме простых людей, не плохих и не хороших, а только поверхностных и обрушился на них. В итоге и его философия и он сам потерпели полное крушение: Ницше сошел с ума и 12 лет не приходил в себя до самой своей смерти.

- Это несомненно так, - быстро заговорила я, чтобы дать ему время прийти в себя, - и не мне принадлежит честь этого открытия. Первым два тока в психике обнаружил Платон – и очень удачно описал их взаимодействие: разумная энергия, как источник всех добродетелей (справедливости, смелости, сочувствия, совести, юмора) и неразумная энергия, как источник всех пороков (злорадства, зависти, насилия, подчинения, глупости, подлости). Потом эту идею великолепно развил Спиноза, вслед за ним Руссо, Кьеркегор и Фихте. Наконец много сказал об этом и Рассел, и вся наша современная гуманистическая психология.

Тот, который глупый и порочный ток – он мертв и не имеет к нашей энергии никакого отношения. Эгоизм – это трижды коварный термин, потому что вред эгоизма не в том, что ты за себя против других, а в том, что ты прежде всего против себя, ибо Эго не есть Я. Человек, как носитель ДТПЭ, то есть Эгозащиты – это и вправду очень маленький, прямо таки крохотный человечек, к тому же заживо погребенный. Так что несомненно вы оказались правы в том, что Человека в смысле Эгозащиты (ДТПЭ) надо и должно преодолеть. Придет время, когда Эгозащиту научатся останавливать еще в детстве и дадут детям возможность полноценно развивать поле своего Контрольного Тока, то есть Интеллекта и общего Я человечества (доброта и совесть означают, что

наше Я едино для всех). Вот тогда землю заселят сверхчеловеки, которых сегодня раз, два и обчелся. Люди, как носители КТ – сверхчеловеки в том смысле, что они имеют доступ к неограниченным ресурсам космоса в силу своих контрольных (научных) способностей.

Но я думаю, мне не надо вам говорить Ницше, что вы дали мягко говоря, несколько иную интерпретацию процессу преодоления маленького человечка в сверхчеловека. Вы назвали высшими Злых, а низшими Добрых, что прямо противоречит истине. Вы назвали ученых дураками и могильщиками, а воинов – созидателями, что еще более вопиющая ложь. Это не говоря уже о том, что вы на каждом шагу противоречите сами себе, а не только объективной истине. Так, вы одновременно поете дифирамбы познанию и поливаете грязью ученых, но это только капля в море. Вы говорите, что воин – это тот, кто ставит"должен" выше "хочу" и восхищаетесь им, но основная мысль книги – "я хочу" освобождает. И много еще таких несуразностей вьется на поверхности вашей мысли, потому что вы никогда не доходите до самой глубины вопроса – до научного анализа, до законов психической энергии. Вы – поэт, и сами сетуете по этому поводу, потому что поэты врут. Я согласна с вами, и чем быстрее вы это осознаете, тем лучше для вас. Вся ваша поэзия - только один громкий крик о помощи, как вы и озаглавили одну из частей своей книги.

Я остановилась и перевела дух. Вроде бы кризис миновал и Ницше чуть успокоился. Он сел, что-то бормоча себе под нос, не обращая внимания на присутствующих. Я решила было, что он не понял, что я ему сказала, или обиделся на критику.

Рассел поспешил объявить заседание закрытым, так как все волновались за здоровье Ницше. Ах, как он страдал от "сострадания", от этих покашливаний и пауз, которые выдавали, что он чужой во всем этом огромном обществе, не желающем признавать его и восхищаться им. Как унижало его это сострадание, выдавшее его болезнь: не от злости бегу я, но он сострадания. Тогда-то он и решил, что маленькие человечки – это добрые и

праведные, те самые, которые не поняли его гения и пожалели его. Смех и сострадание – вот страшное оружие, а злость и гнев – только игрушки, так рассуждал Ницше.

Вдруг Ницше встрепенулся, поднял голову и сказал:

- Я любил войну больше вас всех или думал, что люблю: "любите мир как средство к новым войнам, и короткий мир больше, чем долгий! Никто не произносил еще таких воинственных слов: "Что хорошо? Хорошо быть храбрым. Благо войны освящает всякую цель. Посмотрите на меч, он сверкает желанием". Но теперь все кончено, потому что сила познания не совместима с войной, а велик тот, кто силен.

Война Умерла, разве вы еще не поняли? Сверхчеловек – Добр, а я поэт и я лгал. Я разбился об эту истину. Я знал, что придет тот, об кого я не достоин даже разбиться.

ГЛАВА 4. ПЛЮС МОЕГО МИНУСА

1. Плюс и Минус силового поля Контрольного Тока Психической Энергии – Активный и Пассивный Интеллект.

Главное, о чем нам надо знать, чтобы научиться разбираться в своей психике – это о существование двух различных токов психики, взаимоисключающих друг друга. Карен Хорни называла это противоборство двух энергий – центральным психическим конфликтом. Платон называл это конфликтом Разумной и Неразумной частей души, Спиноза конфликтом неразумных пассивных аффектов и активной любовью к разуму. Кьеркегор называл это конфликтом между истинным и неистинным Я, между отчаянием и счастьем. Вот об этом конфликте мы кратко и поговорим в этой главе с тем, чтобы сразу же окунуться в атмосферу загробного мира.

Итак, психических токов всего два – один мы назовем Контрольным Током Психической Энергии (КТ), а второй Детерминированным Током Психической Энергии (ДТПЭ). Связанно это с тем, что как верно заметили Платон и Спиноза – одна часть Души имеет своим источником Разум, а другая нет. Контрольный Ток – это эмоции любви к познанию и миру, продуцируемые Мышлением человека. Мы назвали его так в связи с его способностью к познанию законов природы и Контролю этих законов, с целью получения доступа к силе природных энергий. Ну например, контроль законов электричества позволяет нам пользоваться силой электрической энергии. То же можно сказать и о механической, атомной, тепловой энергиях. А главное о биологической энергии: медицина – это контроль биологической энергии с целью доступа к ее силе (Здоровью). Агрономия, ботаника, зоология и тд и тп науки – все суть способы контроля биологической энергии.

Контрольный Ток или истинное Я человечества – ощущается всегда как общее Я, как сострадание, потребность в справедли-

вости, совесть. Силовое поле КТ – общее для всех людей и составляет единое целое. Это выражается не только в стремлении помогать друг другу и в неспособности переносить боль других людей, но и в потребности сотрудничества, в разделение труда, без которого не может существовать научный интеллект.

"справедливость и доброта не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности.... Но когда ищущая выхода душевная сила отождествляет меня с моим ближним, когда я чувствую себя в его, так сказать, личности, то я потому именно и хочу избавления его от страданий, чтобы не страдать самому; я заинтересовываюсь им из любви к самому себе, и основание правила заключается в самой природе, которая побуждает меня желать себе благосостояния, в каком бы месте я ни существовал. Отсюда я вывожу заключение, что неправда, будто правила естественного закона основаны на одном разуме: они имеют более прочный и надежный фундамент. Любовь к людям, вытекающая из любви к себе, — вот принцип человеческой справедливости" Эмиль Руссо

Детерминированный Ток психики мы назвали так в связи с тем, что он ничем не отличается от всех прочих Детерминированных энергий природы, не имеющих доступа к мышлению, познанию законов природы и контролю этих законов. Но зато все эти энергии детерминированы законами природы. Наши психические токи также детерминированы законами природы, как и все прочие, но один еще и наделен мышлением и способностью к контролю себя и других энергий, а другой – просто рядовой природный ток, имеющий законы, обуславливающие его функционирование, но не имеющий мышления. Этот ток вреден для нашей психики только потому, что он течет через тело на-

шей интеллектуальной, творческой и счастливой энергии, превращая ресурсы этой голубой энергии космоса в механизмы заурядного детерминированного тока. К тому же он действует как все детерминированные токи через гомеостаз, то есть через циклы баланса – дисбаланса, а потому крайне болезнен и не способен дать удовлетворение, так как цели его иллюзорны, а правдивы только вечные циклы от баланса к дисбалансу. Нет и не может быть равновесия у любого (не только психического) детерминированного тока по определению, так как это означало бы его остановку, а для человека отсутствие равновесия означает вечную боль и отсутствие счастья.

Токов этих два – но только один из них необходим, в то время как второй ток – это паразит, который высасывает наши силы. Почти как в биологии, с той лишь разницей, что паразит этот неживой, наподобие электрической или механической энергий. Разница между живой и неживой энергией в том, что живые энергии основаны на самосохранении, в то время как неживые энергии не ощущают себя подобно животным и не сознают себя подобно человеку. Болезнетворные бактерии, живущие на нашем организме, используют наш организм, чтобы разжиться самим и этим губят нас. Подобным образом устроены механизмы второго психического тока – они перенаправляют силы нашего Я в русло неживого тока, и этим обескровливает наши интеллектуальные, творческие и добродетельные намерения. Это источник зла, тупости и страдания во всех масштабах и видах известных человечеству именно потому, что неживой ток не способен ни на сочувствие, ни на мышление, ни на счастье.

"Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым

с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек — не единое: я хочу — и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его — и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять» Эмиль Руссо

КТ и ДТПЭ физически представляют собой две различные системы эмоций, которые до сих ошибочно принимают за единую систему эмоций психики (хотя уже Платон дал очень хороший анализ принципиального различия между эмоциями КТ и ДТПЭ, а потом Спиноза великолепно дополнил его исследование), так как "тело" психической энергии составляют эмоции. Эмоции КТ – это эмоции потока, спонтанности, создающие ощущение естественности и комфорта, а эмоции ДТПЭ – это эмоции напряжения, натянутости, искусственности, создающие ощущение неестественности и дискомфорта. Главное отличие между эмоциями Контрольного Тока и Детерминированного – это их связь с волей и сознанием. Эмоции, поддающиеся управлению волей и/или согласные с ней – это эмоции Контрольного Тока, не поддающиеся воле и несогласные с волей неконтролируемые влечения и автоматизмы – это эмоции ДТПЭ. Первые приносят глубокую радость и удовлетворение, вторые – очень болезненны, всегда направлены к недостижимому источнику рая и потому всегда оставляют человека глубоко неудовлетворенным. Второе главное различие между системами эмоций КТ и ДТПЭ – это способность к удовлетворению, которая в первом случае положительна, а во втором отрицательна. И конечно "жизненность" эмоций КТ и "мертвенность" эмоций ДТПЭ – проводит четкую границу между этими двумя система эмоций. В первом случае это глубокие переживания радости, интереса, любопытства, увлеченности, захваченности, наслаждения своей активностью или при случае столь же глубокое переживание ненависти, гнева или сочувствия, во втором случае – это скука, тоска, неспособность на сильные эмоции, потеря смысла, радости и интереса жизни, ощущение "меня несет", как говорит Хорни, вместо "я иду".

Следующее необходимое условие разграничения эмоций КТ и ДТПЭ – это источник активности: движет ли человеком любовь к познанию и сочувствие, справедливость и совесть или же им движет тщеславие, ревность, зависть и злорадство, а знание навевает лишь скуку. Аристотель оказал громадное негативное влияние на развитие психологической мысли, подвергнув критику теорию Платона своей предурацкой доктриной "Золотой Середины". Вот если где можно согласиться с самым категоричным "Середины нет" Владимира Ильича Ленина – так это здесь. Платон показал, что Добродетель идет от разумной силы души, а порок – от неразумной, и потому, чтобы быть добродетельным надо подчинить разуму неразумную часть души. Хоть это звучит наивно, основной принцип Платон уловил верно – надо поставить ДТПЭ под контроль КТ, вскрыв его законы, и таким образом обезвредить его. Аристотель же насмеялся над теорией Платона и смешал все в одну кучу, где и добродетели и пороки – это не различные системы эмоций различных психических токов, а всего лишь крайности или середина одной и той же психической силы.

Но на самом деле Аристотель сильно ошибался. То, что принято называть Добродетелью, или иначе Нравственностью и Моралью – есть на самом деле порождение силового поля Контрольного Тока ПЭ, которое мы ощущаем как сочувствие, желание всех видеть счастливыми, боль от вида чужой боли, совестливость, не позволяющую нам причинять вред другим, справедливость и потребность в искренности и сотрудничестве. Вообще говоря, если вдуматься в эти характеристики, то станет ясно, что они говорят о том, что Контрольный Ток один и общий у всего человечества и таким образом проявляется его единство. Это и есть наше общее Я, поскольку если бы это Я не было у нас у всех общим, мы не страдали так друг за друга и не отдавали бы свои жизни ради справедливости и из сострадания. И уж конечно же мы не были бы так взаимозависимы во всем, что касается прежде всего интеллектуального труда и научного контроля.

Пороки, которые всем известны как тщеславие, больное самолюбие, зависть, злорадство, склонность к насильственным отношениям господства или подчинения, лень, несправедливость, лживость, лицемерие, хитрость, манипулирование людьми – это ни в коем случае не крайности предыдущих эмоций, как думал Аристотель, а совершенно другая система эмоций, порожденных совершенно другим психическим током.

Так по разному срабатывает Закон Сохранения Силы для Контрольного Тока и для Детерминированного Тока ПЭ:

- в первом случае сила человечества в доступе к неограниченной силе всего космоса через научный контроль силы его бесчисленных энергий; поэтому эта сила человечества проявляется в общем Я, так как поодиночке никакой научный контроль человечеству не доступен

- во втором случае, психический ток – это заурядный природный ток, лишенный мышления и возможностей контроля; и потому и сила у него крайне заурядная – всего лишь наибольшее напряжение собственного тока без доступа к другим энергиям космоса; Поэтому цель людей на ДТПЭ – это удовлетворение своего Самолюбия за счет унижения других, а поскольку это означает всеобщее противостояние, где каждый хочет выжить за счет смерти другого – то силы не будет ни у кого даже самой минимальной, достаточной для личного выживания. Не говоря уже о доступе к ресурсам космоса, для чего требуется мышление, энергия и покой для работы над своим образованием и общее Я человечества.

То, что мы привычно и интимно называем своим Я – есть наш живой, интеллектуальный, добрый и совестливый психический ток. Его силовое поле образуют Противоположные Полюса Интеллекта: Активный Интеллект(Мышление) и Пассивный Интеллект (Законы космоса). Бог наделив с одной стороны космос закономерностью, а с другой стороны людей мышлением для познания этих законов – создал силовое поле интеллектуальной энергии с притягивающимися друг к другу полюсами. Так мы ощущаем это притяжение как страсть к познанию и контролю.

Итак, наше Я – это и есть Контрольный Ток психики, образованный Противоположными Полюсами Интеллекта (Минусом и Плюсом) – Мышлением и Законами природы, Активным и Пассивным Интеллектом.

2. Плюс и Минус силового поля Детерминированного Тока Психической Энергии – Эго и СуперЭго.

Давайте сравним себя со своим фото. Возьмем самое удачное фото, где мы больше всего себе нравимся. В чем главное отличие? В том, что как бы точно оно не отражало нас – это всего лишь застывший кусок бумаги, а мы продолжаем жить, меняться, двигаться каждое следующее мгновение уже немного отличаемся от предыдущего.

Наконец, как бы мы не походили на самих себя – все же фото настолько же чужеродная вещь для нашего организма, как и любая другая вещь, не являющаяся его составной частью. Фото – это фото, несмотря на то, что это наше фото, а мы – это мы, и не при каких условиях мы не можем смешивать эти понятия.

Однако, представьте себе, что мы не поняли этой очевидной истины. Что мы, подобно аборигенам, смешали себя и фото и переживаем за наши изображения так, как если бы это были мы сами. Мы поселили эти фото в своих домах, а сами ушли спать на улицу. Мы топим дом, приносим туда еду, воду, ищем другие изображения, чтобы составить компанию своему фото, и удивляемся почему нам становится все хуже и хуже – ведь мы так много делаем для себя! Почему общество других масок нас не веселит, почему еда и питье, которые мы предлагаем своему фото, оставляют нас голодными, почему чтобы мы не делали мы остаемся несчастными? Почему?

Сейчас ответ вам кажется очевидным, и вряд ли кто поверит, что найдутся на земле нормальные люди, которые будут вести себя подобным образом. Однако, к великому сожалению, именно так и ведет себя большинство людей, которых принято называть сегодня нормальными и здоровыми людьми. И все потому, что люди не знают о наличие в своей психике "фотографии" их

истинного Я, которую они принимают за самих себя и отдают служению ей все силы.

Наше Я – это эмоции любви к познанию, к миру и людям Контрольного Тока ПЭ. Поверх этого Я располагается силовое поле мертвого психического тока, которое затягивает энергию КТ в свое собственное русло весьма хитрым образом – через "фотографию" нашего Я. Человек принимает фотографию в виде ощущения Эго за истинное Я и бросает все силы на его защиту – и таким образом энергия творчества и любви КТ превращается в энергию Эгозащиты и всеобщего противостояния ДТПЭ.

Вот как это происходит. Силовое поле ДТПЭ представлено как и любое другое силовое поле двумя противоположными полюсами: Плюсом и Минусом. Эти полюса силового поля ДТПЭ первым обнаружил Фихте и обозначил как Эго и не-Эго. Вслед за ним Фрейд обнаружил силовое поле ДТПЭ и обозначил его как Эго и Супер-Эго. Определение Фихте точнее так как оно передает энергетический смысл противостояния противоположных полюсов силового поля, но мы оставили определение Фрейда так как под этой формулой силовое поле ДТПЭ уже успело войти в историю науки.

Важно помнить, что Я и Эго – это не взаимнозаменяемые понятия, точно также как мы и наше фото не могут заменить друг друга ни в каком смысле. Я – это живой, меняющийся, функционирующий поток эмоций психической энергии. Эго – это только застывшая "маска" на теле КТ, являющаяся его образом, его отражением и фото. Эго – это не поток эмоций ДТПЭ, это всего лишь один из полюсов силового поля, порождающих другой психический ток, но не сам ток.

Разграничение это крайне важно, потому что оно поясняет разницу, хорошо зафиксированную в работах Роджерса, между спонтанностью и поточностью живого Я и застывшей "маской" ложного Эго, которое человек принимает за самого себя. Эго – это всего лишь физическая точка на теле нашего КТ, всего лишь часть механизма, запускающего паразитический ток, но даже не сам этот паразитический ток.

Эго, как мы уже выяснили – это только один из двух полюсов силового поля ДТПЭ, составляющих единое и неразрывное целое, подобно тому как мужской и женский пол составляют неразрывное целое биологической энергии, так что мы не сможем представить себе животный мир населенный только какимнибудь одним полом. Точно также невероятно, чтобы Эго существовало отдельно от СуперЭго. Это единая система и об этом необходимо помнить всем, кто хочет разоблачить свое Эго и избавиться от него, как от пожирателя энергии его живого и творческого Я.

Именно противостояние Эго противоположному полюсу – СуперЭго и запускает Эгозащиту, которая наконец таки и есть уже поток мертвого психического тока – ДТПЭ. Эго – это не ток, только точка, ощущаемая нами как "маска" натянутости и напряжения, а вот Эгозащита, которую запускают вместе Эго и СуперЭго – это уже поток детерминированного психического тока.

Эта Эгозащита, как вы видимо уже догадались и есть те самые затраты на сохранение своего фото, которые вам вначале показались такими нелепыми и такими невозможными. Однако, именно Эгозащита, разъедающая ресурсы живого и созидательного Я людей и составляет сегодня основное содержание деятельности людей. Не умея отличить поток Я от маски Эго, люди бросаются на защиту Эго от столь же химерической опасности мира в образе СуперЭго, каким химерическим отражением их Я является Эго.

"Он собственной отравлен красотою,
Он пленник лжи. В природе нет того,
Что создается творческой мечтою,
Являя всех достоинств торжество.
Но юность вымышляет божество,
И, веруя в эдем недостижимый,
Взыскует зрелость и зовет его,
И гонится за истиною мнимой,
Ни кисти, ни перу — увы! — непостижимой"
Чайльд Гарольд Байрон

Если Эго – это фото Я, то СуперЭго – это фото внешнего мира, причем абсолютно всего космоса разом. Такая громадная сила, уместившись всего лишь в точку на теле КТ, ощущается как тяжесть всемогущих и потому сверхъестественных сил. Так, второй полюс силового поля ДТПЭ порождает иллюзию сверхъестественных сил, которая жива и здравствует не только у абориген, но и в самом современном обществе. При активном ДТПЭ человек, таким образом, видит мир через Очки, или иначе, как говорил Кьеркегор через Кривое Зеркало: вместо себя и всего громадного разнообразия мира он видит противостояние Эго и СуперЭго, так как большая часть вещей "входит" в его психику через СуперЭго в качестве сверхъестественной силы. Фрейд называл этот феномен "загрузками СуперЭго" , давая понять, что вместо прямого контакта идет видоизменение мира в образ сверхъестественной силы СуперЭго.

"Воображение наше, по природе своей стремящееся подняться над миром, вскормленное фантастическими образами поэзии, рисует себе ряд людей, стоящих неизмеримо выше нас, и все, кроме нас, кажется нам необыкновенным, всякий другой человек представляется нам совершенством. И это вполне естественно. Мы на каждом шагу чувствуем, как много нам недостает, и часто видим у другого человека то, чего лишены сами, приписывая ему свои собственные качества, с несокрушимым душевным спокойствием в придачу. И вот счастливое порождение нашей фантазии готово" Гете Вертер

"Как много колдунов на этом свете!
Я о колдуньях уж не говорю.
Хоть юности я миновал зарю,
Желаний цепи, увлечений сети,
Но иногда к обману, точно дети,
Склоняются и зрелые умы,
Особенно, когда наш совратитель –
В одеждах пышных мощный повелитель.
Он, вознеся, свергает в бездну тьмы,
Где горечь пьем и смерть находим мы.

Остерегайтесь сталкиваться с силой,
Какой владеют эти ведуны.
Читатель друг! Коль чары вам нужны,
Пусть это будут чары вашей милой.

...

По моему, полезнее вождям
Уменье очаровывать невежду:
Облечь себя в священную одежду
И ею ослеплять глаза врагам.
Так римляне – мир падал к их ногам –
Одолевали при посредстве чуда.
В руках у них была пророчеств груда.
Юпитер, Марс, Поллукс, весь сонм богов
Водили их орла громить врагов.
Вакх, в Азию низринувшийся тучей,
Надменный Александр, Геракл могучий,
Чтоб над врагами властвовать верней,
За Зевсовых сходили сыновей:
И перед ними чередой смиренной
Клонились в прах властители вселенной,
На них взирая робко издали"

Вольтер Орлеанская девственница

Так получает свое объяснение широко распространенная вера в колдовские силы природы у абориген, которую раньше никому истолковать не удавалось и особенно срамное фиаско потерпел в этом вопросе Дарвин, дивившийся тому, почему аборигены так быстро потеряли инстинкт самосохранения.

"Когда солнце встает утром и обещает ясный день, я не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: вот божий дар, который они постараются отнять друг у друга! Они все отнимают друг у друга! Здоровье, доброе имя, радость, покой! И чаще всего по недомыслию, тупости и ограниченности, а послушать их, - так с наилучшими намерениями. Иногда я готов на коленях молить их не раздирать с такой яростью собственные внутренности" Гете Вертер

"Но пусть представят себе молодого человека, воспитанного по моим правилам, пусть вообразят себе моего Эмиля, непрерывные восемнадцатилетние заботы о котором имели одну цель — сохранить суждение неподкупным и сердце неиспорченным; пусть вообразят, как он, при поднятии занавеса, впервые бросает взоры на сцепу мира или, лучше сказать, поместившись за сценой, видит, как актеры берут и надевают свои костюмы, и считает веревки и блоки, грубое действие которых обманывает взоры зрителей. За первым изумлением скоро последуют чувства стыда и презрения к роду человеческому; он вознегодует, увидевши, как весь род людской, обманывая себя, унижается до этих детских забав; он огорчится, увидев, как собратья его терзают друг друга из-за призраков и обращаются в диких зверей из-за неумения довольствоваться тем, что они люди" Эмиль Руссо

Таким образом, загрузки СуперЭго, превращающие безобидные предметы вроде дерева или солнца в носителей сверхъестественных сил, "включают" Эгозащиту, так как внушают сильный страх тем, кто видит себя в качестве Эго, противостоящего СуперЭго. Фрейд подробно описал противоборствующий характер Эго и СуперЭго, но не сумел увидеть истинной причины этого противостояния, как противоположных полюсов психического тока. Он придумывал весьма смешные причины вроде "страха кастрации" например, где истинной является только "страх". Так и Леви-Брюль, ссылается на множественные свидетельства очевидцев, доказывал, что страх является основной эмоцией и мотивационной силой абориген.

Но не так ли дело обстоит и у нас? Разве не страх руководит поведением большинства людей, чья жизнь также как и жизни абориген сводится всего лишь к бессмысленной защите Эго от СуперЭго, а их истинное Я служит фоном и ресурсом для силового поля чужого, мертвого тока? "Как много колдунов на свете", - говорит Вольтер, указывая на тот факт, что и современный мир все еще страдает страхом колдовства.

"молодого человека нужно так хорошо ознакомить со светом, чтоб он был дурного мнения о всем, что там делается.

Пусть он знает, что человек от природы добр; пусть он это чувствует, пусть судит о ближнем по самому себе; но пусть он видит, как общество портит и развращает людей; пусть он находит в их предрассудках источник всех их пороков; пусть он склонен будет уважать каждое отдельное лицо, но пусть презирает толпу: пусть он видит, что все люди носят почти одну и ту же маску; но пусть знает также, что есть лица более красивые, чем закрывающая их маска". Эмиль Руссо

Стенли Милграм доказал, что современные колдуны, на которых намекал еще Вольтер – это социальные авторитеты, потому что именно социальный мир стал громадной силой, которая загружается в силу всего космоса СуперЭго. Если дикари боялись зверей и природной стихии, то современные люди боятся социальных гигантов и вообще социально значимых людей, располагающих властью, деньгами, славой или просто сколько-нибудь значительным авторитетом. Например, ученые Иельского университета – это большие авторитеты для цивилизации науки, и Милграм серией блестящих экспериментов, проведенных с тысячами людей в разных странах, что люди готовы пойти на самые страшные преступления против самих себя и других людей только из страха ослушаться приказов этих авторитетов.

Суть эксперимента состояла в том, что наняли актеров, которые должны были изображать боль от получения ударов электрошока. Актерами предложили роль "учеников". Пригласили испытуемых на роль "учителей", и объяснили им, что это эксперимент, который фиксирует роль наказания в процессе обучения. За каждый неправильный ответ им следует наказывать учеников электрошоком, причем в возрастающей степени. Перед "учителями" стояла шкала с ранжированием степени напряжения электрошока – от слабого до опасного для жизни. Большинство испытуемых дошли до самых верхних степеней напряжения электрошока из страха ослушаться приказов авторитетных ученых Йельского университета. И это несмотря на тот факт, что актеры-ученики разыгрывали страшную боль, стонали, кричали, умоляли их выпустить, уверяли, что у них

больное сердце, потом наконец замирали словно умерли – более 60 процентов испытуемых перешли через все это только ради проверки ничтожной цели эксперимента заданной авторитетами. Более того, сами они тяжело страдали, не хотели наказывать страдающих людей, просили экспериментаторов одуматься, но те не терпящим возражения тонов повторяли приказ – и обливаясь потом несчастные учителя садились выполнять свою работу, словно бы их кто-то заставлял насильно. Однако, стоило посадить на место управляющего авторитета-ученого – рядового человека (это был один из многочисленных вариантов эксперимента), якобы случайно, как мгновенно послушность улетучилась и все как один испытуемые стали на сторону несчастной жертвы- актера, истошно кричащего о помощи. Были конечно и здоровые люди, которые почти с первых слов жалобы актеров категорически отказывались слушать экспериментаторов, но к великому удивлению Милграма и его команды таких людей оказалось подавляющее меньшинство. Это были люди хорошо образованные, преимущественно в социальных науках.

Но разве не таким же образом калечит себя самих и окружающих большинство людей и в обычной жизни только из страха оказаться вне всемогущей социальной лестницы? Разве не страх заставляет сначала всех учить неизвестно что и неизвестно зачем? Разве не страх заставляет выбирать "престижную" профессию, далекую от наших интересов и лишенную всякого смысла? Разве не страх заставляет жениться и выходить замуж, когда собственная жизнь еще не устроена, а смысл отношений с другим человеком не понятен? Только в столь же редких случаях, как нормальное поведение на экспериментах Милграма, люди учатся, выбирают профессию и спутников жизни осмысленно, большей частью людьми управляет страх, который лежит в основе Эгозащиты. Поэтому таким маньякам как Наполеон и Гитлер всегда оказывалось так легко набрать армии насильников: страх и насилие составляют основу основ Эгозащиты, не знающей что такое интеллигентный контроль силы космоса.

Разве не страх в основе общества всеобщего противостояния, хотя все знают, что постоянная вражда и войны всех против всех равносильны самоуничтожению? Разве не страх делает насилие удовольствием и порождает маньяков? Разве не страх порождает все типы насилия наряду с насилием слабых и беззащитных? Если бы не те редкие единицы ученых, которые будучи гениальны от рождения имели такой развитый Контрольный Ток, что очкам Эгозащиты негде было пристроиться так, чтобы их мощный интеллект тут же их не разоблачил, - не было никакой цивилизации вообще, ибо все люди живущие Эгозащитой абсолютно ничем не отличаются от абориген. Вероятно, это и заставило сартра в свое время сказать, что в жизни нет "ну абсолютно никакого смысла". Разумеется, в жизни Эгозащиты, не имеющей отношения к Мышлению и Познанию – нет и не может быть никакого смысла, как мы это видим в посвященной магическим ритуалам и насилию над колдунами жизни абориген или в жизни социальных магических ритуалов и социального насилия современных людей. Но у тех нескольких десятков гениев, которые вопреки всему двигали научный прогресс был в жизни громадный смысл развития Пространства Интеллекта человечества и Контроля энергий природы, который никаким Сартрам и Шопенгауэрам не удастся опровергнуть с их дешевым "антиинтеллектуализмом". Потому что если опровергнуть смысл Научного Контроля, то нам останется подобно Сартру и Фрейду возвести страх и нелепости Эгозащиты в статус неизбежной реальности, тогда как это всего лишь дистанция по остановке болезненного психического тока, которую человечество скоро оставит позади.

Но открывая законы в различных сферах космоса ученые развивали не только свой собственный Интеллект и мощь своего собственного Контрольного Тока – они строили общечеловеческое Пространство Интеллекта, позволяя и другим развивать свой интеллект и силу своего КТ путем обучения уже открытым ими законам. Так современное человечество действительно значительно усилило мощь своей здоровой энергетики и способности к суждению и контролю.

Значение "Дон Кихота" Сервантеса часто толкуют неверно, понимая под поверхностными формулами "служения добру" основу помешательства благородного идальго. Напротив именно "добро" в смысле заявок Кихота на служение слабым и беззащитным и восстановление справедливости абсолютно ничего общего с его помешательством не имеет – мы разберем этот вопрос более подробно в главе о Добре и Зле. Главная мотивация Кихота – поиск величайшей Славы, никогда до тех пор невиданной во Вселенной, завоевание императорского или на худой конец королевского трона, женитьба на инфанте (что не мешает ему оставаться влюбленным в самую умную и самую прекрасную женщину во вселенной) и строгое разделение мира на слуг и господ, о чем он не раз напоминает Санчо. А именно Слава и Власть в купе с вертикальными отношениями господства и подчинения составляют социальную мотивацию Эгозащиты, которая никак не уживается с "Добром". Наверное поэтому все добрые дела идальго выходили шиворот-навыворот и все кому он "помогал" оказывались либо неблагодарными злодеями, освобожденными от заслуженного наказания, либо беззащитными бедолагами, которых он смертельно ранил своим копьем, а то и вовсе овцами.

Поэтому очень наивны люди, которые видят странность Дон Кихота в его "возвышенности" и неуместном "благородстве". Его странность составляет обнаженная Эгозащита, неприкрытая более обманчивыми заботами о каждодневном выживании, составляющим содержание жизни обычных людей. Сервантес показал, что Эгозащита противоположна как личному выживанию, так и благополучию окружающих, и добро здесь абсолютно не при чем. Так например Наполеон или Гитлер – это прямой образец Дон Кихота, без поверхностного нанесения служения добру, одна лишь голая Эгозащита в стремлении достичь величайшей славы и величия, подчинить своему престолу весь мир путем войны и насилия, путем приключений благородного рыцарства. Ибо у кого как не у Гитлера было больше патетики о благородстве "его народа" и об

его особенной расовой одаренности к господству и элитарности всякого рода.

Поэтому и Кьеркегор называет Эгозащиту тех, кто посвятил себя дурацкой цели "стать другим, не своим Я" (Эго) – донкихотством, основанном на кривом зеркале Эгосистемы, заставляющей людей воевать друг с другом как с ветряными мельницами: ибо для нормальных людей, чья сила в единении и научном мышлении и сотрудничестве, воевать намного более бессмысленно, нежели помешанному рыцарю драть мельницы во имя славы.

Чтобы безошибочно разделить в себе Я и Эго – задайте себе вопрос в каком пространстве вы движетесь? Я и Эго движутся в совершенно различных пространствах, одно в интеллектуальном, другое в физическом.

"Что это за люди, у которых все в жизни основано на этикете и целыми годами все помыслы и стремления направлены к тому, чтобы подняться на одну ступень выше! Можно подумать, что у них нет других занятий: наоборот, работы накапливается вороха, именно потому, что мелкие дрязги задерживают выполнение крупных дел" Гете Вертер

Пространство Я – это пространство Знаний, это поиски путей научного контроля своего взаимодействия со средой и с людьми. Здесь главное слово – научного, потому что силовой контроль имеет место как раз в физическом пространстве Эго. Если мотивация вашего поведения происходит из активности КТ – то вы будете много работать над расширением своего кругозора, над получением знаний, над анализом и синтезом этих знаний, над строительством Пространства Интеллекта, которое, к сожалению, на сегодня разрушено. Вы будете становиться профессионалом в какой-нибудь сфере, и будете стараться быть добропорядочным гражданином, другом и семьянином. Ваша мотивация потребность и любовь к знанию, потребность в справедливости и в благополучие других людей равно как и в своем собственном – но это что-то целое, где вы понимаете не может быть личного благополучия среди несчастья всех остальных людей. Все

это значительно облегчиться после того, как Пространство Интеллекта будет выстроено на единой истине законов Психической Энергии, так как находить информацию такой сложности для рядовых людей практически невозможно. Зато уже известные законы сможет усвоить любой средний человек.

Но если вы движетесь в Пространстве Эгозащиты – то вы видите перед собой только социальную лестницу и ранжирование силы по этой лестнице (ибо общество людей входит как "загрузка СуперЭго" в образе абстрактного силового давления). Здесь мотивация страха перед этой силой и потребности доказать другим свое собственное силовое превосходство и крайняя болезненность от ударов других людей по силе, которую вы им противопоставили. Это и есть сила Эго. Тщеславие, зависть, злорадство, потребность в насилии для контроля собственного страха – все это рождается здесь на поле силового противостояния Эгосистемы и составляет цельную систему. Здесь движение происходит не в интеллектуальном пространстве поиска и сбора знаний для доступа к научному контролю, а в силовом пространстве всеобщего противостояния для занятия наиболее превосходящей и подавляющей волю других позиции и именно это и порождает сопутствующие эмоции зависти, злорадства, соперничества и непримиримой вражды.

"Как иссушена моя душа! Ни одной минуты полноты чувств, ни одного счастливого часа! Ничего! Ничего! Я словно нахожусь в кукольном театре, смотрю, как движутся передо мной человечки и лошадки, и часто думаю: не оптический ли это обман? Я тоже играю на этом театре, вернее, мною играют как марионеткой, порой хватаю соседа за деревянную руку и отшатываюсь в ужасе" Гете Вертер

"Нет, одиноким быть не может тот,
Чей дух с природою один язык найдет.
Зато в толпе, в веселье света мнимом,
В тревогах, смутах, шуме суеты,
Идти сквозь жизнь усталым пилигримом
Среди богатств и жалкой нищеты,

Где нелюбим и где не любишь ты,
Где многие клянутся в дружбе ныне
И льстят тебе, хоть, право, их черты
Не омрачатся при твоей кончине —
Вот одиночество, вот жизнь в глухой пустыне!
Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малой,
Где чувство, мысль глушат весельем шалым, —
Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
И, путь слезам готовя исподволь,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль".
Чайльд Гарольд Байрон

Дарвин, как легко видеть стремился навязать пространство Эгозащиты – как единственно доступное человеку, подобно своему последователю Фрейду, в упор не видя истинное интеллектуальное пространство движения человека. Дарвин, Фрейд, Маркс, Ницше и его ученик Сартр – стали теоретическим оплотом Эгозащиты, утвердив ее в качестве абсолютной нормы, также как все прославленные полководцы подобные Македонскому, Цезарю, Наполеону, Гитлеру стали героями ее практики.

К счастью, было множество теоретиков указывавших на тот факт, что Эгозащита – это только поверхностное болезненное явление поверх истинного человеческого пространства, к которому она не имеет никакого отношения. Так, уже Байрон предсказывал, что придут времена, когда безумные уроды рабского мира "черни и тронов" станут казаться неправдоподобными вымершими мамонтами.

Платон, Спиноза, Руссо, Фихте, Кьеркегор, Рассел, Гуссерль, Фромм, Адлер, Хорни, Франкл, Юнг, Роджерс, Маслоу, Олпорт, Милграм, Пиаже, Леви-Брюль – вот основные имена людей понимавших, что Эгозащита составляет только поверхностный болезненный слой психики и что судить по ней о закономерностях

психики человека все равно, что судить о параметрах здоровья биологического организма по умирающему животному. Но именно так поступали Дарвин и Фрейд – они описали поведение, основанное на Эгозащите и считали что дали портрет типичного здорового человека.

Для избавления от ДТПЭ недостаточно только научиться распознавать в себе мотивацию научного контроля от мотивации Эгозащиты, недостаточно научиться распознавать когда вы на поле совести и сочувствия общего Я, а когда на поле страха и злорадства Эгосистемы – все это сделать не сложно после небольшой тренировки. Главная и основная задача – упорно строить Пространство Интеллекта, развивая свои познания о законах психики и законах других энергий природы. Но прежде всего о законах психики, ибо без контроля своего ДТПЭ и ДТПЭ других людей вы не сумеете не сберечь собственную энергию не защитить себя от агрессии Эгозащиты других людей. Только после того, как знания законов психики станут глубокими и когда вы начнете ориентироваться в обществе на основе интеллекта, можно будет говорить о том, что выздоровление имеет место быть и ваш КТ становится сильнее и счастливее день ото дня. Что значит ориентироваться в обществе посредством интеллекта? Обычно люди ориентируются по силовым признаком: какого положение на социальной лестнице? Сколько денег, власти, авторитета и тп? Какого положение родителей и детей? Или всех других, кто может оказать ему поддержку? Каковы собственно говоря связи? Это называется ориентироваться путем Физического Контроля Эгозащиты ДТПЭ. Но когда человек переходит к Научному (Интеллектуальному) Контролю он анализирует силу и здоровье психики людей, а не их место на социальной лестнице, поскольку последнее и непрочно и ничего не может дать для творческих ресурсов здорового Я. Насколько человек совестлив, справедлив, чуток, ответственен? Насколько трудолюбив, дисциплинирован? Как много времени посвящает работе над собой? Как хорошо умеет защищаться от агрессии

Эгозащиты ("доброта" здоровых людей вовсе не означает их беззащитности как считают христиане, нет чего более разрушительного и для себя и для больных людей, которым здоровые люди подставляют другую щеку, чтобы стимулировать их болезнь и разрушить собственное здоровье)? Насколько нетерпим к растрате созидательной энергии на Эгозащиту? Как много сил прилагает на борьбу с Эгозащитой? Или же напротив насколько склонен к интригам, сплетням, злорадству, клевете, насилию? Критичен и аналитичен или же труслив и податлив давлению "авторитетов"? Какой вид Эгозащиты – физический или интеллектуальный? Это маньяк и насильник или странствующий рыцарь подобно Дон Кихоту? Циклоиды и Шизоиды Кречмера оказались всего лишь носителями различных видов ДТПЭ – с Физической Эгозащитой и Интеллектуальной Эгозащитой. Таким образом, исследуя социальный мир интеллектом вы научитесь познавать не только людей, но прежде всего самих себя, поскольку только такой анализ позволит вам избавиться от иллюзии что ваша значимость определяется вашим местом на социальной лестнице. Как только вы увидите как много нездоровых людей с активной Эгозащитой наводняют высокие места на социальной лестнице – отношение к самим себе тоже резко измениться. А самое главное измениться мотивация и жизнь приобретет смысл. Вы перестанете жить из страха не понравиться сильным мира сего или быть осмеянными неизвестно кем. На место мотивации страха придет мотивация смысла и удовольствия посвятить себя какому-либо разбуженному интеллектуальному интересу, развитию здоровых отношений на полк КТ, приложить усилия к излечению общества.

Ведь не всегда же людям с Интеллектуальным Контролем придется изучать общество на предмет наличия и отсутствия Эгозащиты у его членов. Как только эта информация станет общедоступной и распространенной – от Эгозащиты станут избавляться уже на государственном уровне, так что скоро от нее и след простынет. Тогда и появится прочное, развитое сильное

Пространство Интеллекта, в которое будут вводить детей уже с первых лет обучения, как правильно предсказывал Фихте. И тогда больше уже не потребуются рыцари защищающие слабых и обиженных, просто потому что их больше не будет. Социальная неустроенность и каждодневные социальные катастрофы перестанут быть смысл жизнь – он сосредоточится вокруг освоения энергии космоса. Человечество станет единой крепкой семьей, заключив в клетку совсем не романтического и теперь уже не страшного дьявола ДТПЭ, и его интересы сместятся от проблем собственного семейства к проблемам освоения внешнего мира. Вот тогда-то космическая сила Контрольного Тока ПЭ и обнаружит себя в полной мере, ибо возможности научного контроля наконец получат шанс полностью раскрыться.

ГЛАВА 5. ЗАЛА ДОБРА И ЗЛА

Если вы внимательно следили за нашей мыслью о Полюсах двух силовых полей психики, то вы конечно догадаетесь, что вся мистификация проблемы Добра и Зла – высосана из пальца, ибо Добро и Зло есть не больше не меньше как Плюс и Минус каждого из силовых полей.

А поскольку силовые поля КТ и ДТПЭ сильно отличаются друг от друга – именно поэтому существуют в корне различные теории Добра и Зла, в зависимости от того, с какого поля судит о Добре и Зле автор теории.

Если рассуждения исходят из Эгосистемы, то мы получаем в качестве Плюса и Минуса, то есть в качестве Добра и Зла – Эгозащиту, как и следовало ожидать от ДТПЭ. Эгоизм противопоставляется Альтруизму, словно бы действительно любовь к себе и любовь к другим людям были взаимоисключающими понятиями, а не единым неразрывным целым. И именно Эгоизм и Альтруизм, как противоположные понятия (что на деле вовсе не является правдой!) и олицетворяют Плюс и Минус, Добро и Зло теоретиков, судящих о них с поля Эгосистемы. Это противопоставление любви к себе и любви к другим людям наглядно можно проследить на теории "экономии либидо" Фрейда: он прямо рассматривает либидо, сосредоточенное на объекте и либидо, сосредоточенное на Эго (нарциссизм) как расходования энергии в различных направлениях. То, что потрачено на себя, отнято у других и то, что потрачено на других, отнято у себя. У здоровых людей сотрудничество, общение, искренность, взаимопомощь – прнисят одинаковую пользу и одинаковую радость всем сторонам контакта.

Разница между этими теоретиками состоит лишь в том, выбирают эти люди в качестве Этики Добро или Зло, Эгоизм или Альтруизм. Одни, подобно Конту, которому мы обязаны изобре-

тением дурацких понятий Эгоизм и Альтруизм, выбирают Альтруизм; другие подобно де Саду, выбирают Эгоизм. Но представления о Добре и Зле у них абсолютно одинаковые, поэтому они абсолютно согласны между собой в том, что Эгоизм – это Зло, а Альтруизм – это Добро. И те, кто выбирает Эгоизм торжественно провозглашают себя Злодеями всех времен и народов, объявившими вечную войну Добро Альтруизма. И наоборот, те кто выбирают Альтруизм, не менее торжественно провозглашают себя почитателями Добра, давшими клятву вечной борьбы со Злом Эгоизма.

Здесь легко проследить тот факт, что понятия Добра и Зла зависят друг от друга, как верно говорили Гераклит и Хрисипп и не могут существовать друг без друга. Эгоизм – это Зло, только в том случае, если он противопоставлен Альтруизму, а последний может быть Добром только в том случае, если он противопоставлен Эгоизму. Это взаимозависимые понятия, существо которых вытекает из противопоставления друг друга, а иначе не могло и быть: ведь они образованны противоположными полюсами единого силового поля.

Однако, к счастью, для всех нас, это не единственная концепция Добра и Зла. Ведь есть еще люди с настоящим научным интеллектом, которые ведут свои суждения с поля КТ. Как понимают Добро и Зло эти люди?

Кьеркегор как-то сказал, что если у человека есть выбор, он всегда выберет Добро. Это его суждение полностью отражает реальность силового поля КТ. Во-первых, только здесь есть хоть какая-то свобода для выбора, так как имеется контроль, а во-вторых, этот выбор всегда делается в пользу Добра именно потому, что Я (КТ) людей не противопоставлены друг другу, как это имеет место при Эгозащите, а составляют единое целое – общее Я человечества. Там, где Плюсом для отдельного Я являются совесть, справедливость, искренность, сочувствие, там Плюсы всех людей будут совпадать образуя единое силовое поле и единую энергию человечества. А это означает, что любовь к себе не только не противоречит любви к другим людям, как думал

Фрейд, а наоборот, является неотъемлемой частью любви и к человечеству и к миру в целом.

Поэтому Кьеркегор приходит к правильному выводу, что наличие выбора по сути снимает проблему Добра и Зла, так что человек оказывается "по ту сторону добра и зла" (термин совершенно не к месту позаимствованный у него позднее Ницше). На силовом поле КТ – проблемы противостояния Добра и Зла не существует, как это имеет место на Эгосистеме (силовом поле ДТПЭ), потому что нет противоречия между собственным благом и благом других людей, всем выгодно и радостно быть справедливыми, честными, работящими, учащимися, сочувствующими, помогающими друг другу.

Но постольку поскольку есть еще другой больной ток, который разрушает эту гармонию активацией Эгозащиты – то и у здоровых людей существует представление о Зле, но это совершенно другое Зло. Главное отличие в том, что здесь Добро и Зло не являются взаимозависимыми понятиями, так как не составляют противоположных полюсов единого силового поля. Напротив, это совершенно различные энергетические системы, не только не нуждающиеся друг в друге для своего функционирования, но прямо вредящие друг другу. В данном случае, Зло – это паразитический ток на теле живой, разумной энергии человечества, и от него не только можно избавиться, но и нужно. Здесь Добро и Зло – не противоположные понятия, которые лишаются своего смысла вне борьбы друг с другом. Это просто различные системы, никак друг с другом не соприкасающиеся, и никоим образом не обуславливающие движение и существование друг друга. Добро – это интеллектуальная энергия любви к знанию, к миру и к человечеству, суть которой в строительстве пространства Интеллекта и осуществлению Контроля над энергиями космоса. Зло – это заурядная детерминированная энергия, движущаяся посредством циклических автоматизмов баланса-дисбаланса, лишенная цели и смысла движения помимо самого движения. Как же подобные системы могут составлять неразрывное целое?

В тоже время Добро и Зло Эгосистемы выражено зависимы друг от друга. Добро – это борьба со злом, подобно тому, как Дон Кихот понимал Добро в том, чтобы защищать обиженных, "исправлять кривду" и мстить за нанесенное зло. Также и в христианстве, Добро – это борьба с дьяволом, без которого рушится само понятие Добра. Но если мы обратимся ко Злу Эгосистемы, то увидим тоже самое – чтобы существовали злодеи подобные де Саду, необходимо существование Добра, которое они будут топтать и гордо именовать себя злодеями. Точно также и Ницше, призывая людей "становится лучше и злее", он имеет ввиду именно зло взаимного противостояния, то есть "Эгоизма" в контовском понимании, который противостоит "Альтруизму". Чтобы существовал такой гимн Злу, который Ницше исполнил в своем Заратустре, необходимо, чтобы существовало противоположное этому Злу понятие Добра. У Ницше это понятие Добра – есть христианская доктрина любви к ближнему и полному самопожертвованию себя другим, что и требовалось доказать.

Поэтому когда Лейбниц говорит, что Зло необходимо только для того, чтобы делать радость Добра слаще, Рассел правильно возражает ему, что такая теория в равной степени может утверждать, что Добро необходимо, чтобы делать радость Зла слаще (История западной философии). Если эти понятия необходимо дополняют друг друга, то нет большой разницы, занимает человек на этой системе координат позицию Добра или Зла, так как он остается на силовом поле Эгосистемы, которое с точки зрения истинной энергетики человечества все является Злом.

Получается, что Аристотель как всегда был неправ, пытаясь внести коррективы в философию Платона: общее для всего человечества благо существует, и это благо – силовое поле КТ, где люди всегда оказываются в единой точке взаимного желания добра и понимания. И конечно же невозможно себе представить, благо человечества, как СРЕДНЕЕ между КТ и ДТПЭ, как хотел уверить нас Аристотель в своей Этике, но только как полное изживание силового поля ДТПЭ с тела Контрольного тока психики. Теория психики Платона несравнимо превосходит пси-

хологическую теорию Аристотеля – собственно ровно в той мере, в которой истина превосходит ложь.

Такой же нелепой "серединой" погрешил и Адлер, правильно разгадав два различных энергетических потока в психике, но соединив их количественными, а не качественными отношениями. Он считал, как и Аристотель, что разница между больной и здоровой психокой не в действие различных сил, а в количестве взятой одной и той же силы: болезнь происходит от слишком большого комплекса неполноценности ведущего слишком большую компенсацию в виде страсти к насилию и власти, а здоровье от умеренного комплекса неполноценности, влекущего нормальную компенсацию в виде стремления к сотрудничеству. Также и Аристотель говорит, что Здоровье (Добродетель) – это всего лишь середина между крайностями, которые есть соответственно пороки и болезнь. Так, здоровая любовь к себе – это середина между Эгоизмом и Альтруизмом, Дружелюбие – середина между лестью и подхалимством, правдивость – середина между притворством и хвастовством, величавость – середина между – приниженностью и спесью, скромность – середина между бесстыдством и стеснительностью, негодование – середина между завистью и злорадством, благородство – середина между кичливостью и приниженностью. Ничего не может быть дальше от этих утверждений, так как тут соединяют в одно месиво две совершенно различные энергетические системы: чтобы родились здоровая любовь к себе, благородство, достоинство, величавость, скромность, правдивость и праведный гнев – необходимо находится на силовом поле КТ, а чтобы стали возможны те качества, которые он определил как крайности этих, необходимо перейти в совершенно другую энергетическую систему. Еще более отвратительный гибрид создал и Вольтер в своем "Мире, каков он есть". Рассмотрев все грехи больного ДТПЭ общества – бессмысленные войны, предательства и убийства, воровство, торговлю справедливостью в судах и торговлю должностями, жадность и стяжательство, несдержанность в биологических инстинктах – Вольтер в конце концов находит наипошлейшие оправдания для каждого из этих грехов, что долж-

но якобы доказывать, что зло не только неискоренимо, но еще и полезно и желанно. И в конце концов, ангел который должен был отчитаться за состояние добра и зла у людей лепит отвратительную статуэтку из всех видов металлов, которая больше напоминает смешение всех видов возможного дерьма, что должно служить вечным оправданием и памятником всем самым гнусным порокам человечества. "Вот как он взялся за составление доклада. Он заказал лучшему в городе литейщику отлить небольшую статую из всех имеющихся металлов, всех сортов глины и из самых драгоценных и самых простых камней. Он отнес эту статую Итуриелю.

- Разобьете ли вы эту прекраную статуэтку лишь от того, что в ней содержатся не одни лишь алмазы и золото?

Итуриель понял его с полуслова; он решил даже не помышлять больше об исправлении Персеполиса и предоставить миру оставаться таким каков он есть".

Неудивительно, что такая позиция Вольтера спровоцировала последующее возведение Зла в абсолютную максиму де Садом:

"Уж если на то пошло, не имеют ли люди, обладающие более философским складом ума, права сказать, вслед за ангелом Иезрадом из "Задига" что нет такого зла, которое не порождало бы добро, и что, исходя из этого, они могут творить зло, когда им заблагорассудится, поскольку оно в сущности не что иное, как один из способов делать добро? И не будет ли у них повод присовокупить к этому, что в общем смысле безразлично, добр или зол тот или иной человек, что если несчастья преследуют добродетель, а процветание повсюду сопровождает порок, поскольку все вещи равны в глазах природы, бесконечно умнее занять место среди злодеев, которые процветают, нежели среди людей добродетельных, которым уготовано поражение?" де Сад "Жюстина"

Болезнь рождается от Эгозащиты, запускаемой силовым полем ДТПЭ – и если оно активно, то уже совершенно неважно что выберет на нем человек Добро или Зло и тем более в каком количестве каждого из них. К чему привело "Добро" ортодоксального христианства "темного средневековья" всем известно.

Тот же Вольтер много писал о том, что священники поднимают больше шума, когда спорят о покрое рукавов своих сутан, нежели здравомыслящие люди по жизненоважным вопросам, не говоря уже о знаменитых войнах религиозных фанатиков. Костры святой Инквизиции, крестовые походы, Варфоломеевские ночи, преследование еретиков всех родов и масштабов самыми варварскими пытками, костры для ведьм и волшебников – всем этим мы обязаны "Добру" на поле Эгосистемы, понимаемому как Альтруизм, то есть самопожертвование и самоотречение в пользу других людей.

Велика ли разница между этим "Добром" и тем "Злом", которое защищал де Сад, провозглашавшим свои желания и прихоти "священными", а всех остальных материей для их удовлетворения? Разве убийство и насилие над всем добродетельным не так же возведено у него в закон, как убийство и насилие над всем "еретическим" в христианской теории "добра"?

И не потому ли Ницше стал кричать о том, чтобы "разбили добрых и праведных", что ощутил всю ложность принципа самопожертвования, ведущего к обостренному злорадству и скрытой ненависти. "Не прослушайте радости за их сочувствием", - плачет он и сокрушается, что это сочувствие уничтожило его. Правда, Ницше тоже не нашел ничего лучшего, кроме как занять противоположную позицию защиты Эгоизма, оставшись таким образом на поле Эгосистемы. Это и сделало его философию чрезвычайно нездоровой, прежде всего для него самого, так что он в конце концов вынужден признать, что "он не велик", то есть не способен к Эгозащите (еще бы!), и что он "убийца бога", и наконец, что он "разбился об эту истину". Так и было, усиленная Эгозащита в конечном итоге взорвала силовое поле КТ и он сошел с ума, и так и умер не приходя в сознание.

О фальши "добра" на поле ДТПЭ еще более наглядно говорится в пьесе Сартра "Дьявол и Господь Бог", написанной по идее Сервантеса.

"О, беспощадный голос! Разоблачай, разоблачай же мои мысли. Значит, все только ложь и притворство. И я не действо-

вал. Я только играл роль. Ах, поп, ты метишь прямо в точку. Ну, а дальше, дальше? Что этот шут затеял потом? Ты быстро выдохся, однако!

Генрих *(ему передалось исступление Гёца).* Ты отдавал, чтоб разрушать.

Гёц. В точку! Мне мало было умертвить владельца...

Генрих *(так же).* Ты решил развеять по ветру владенья.

Гёц. Я держал в своих руках старинные владенья Гейденштама...

Генрих *(все так же).* И ты швырнул их оземь, вдребезги разбив.

Гёц. Я хотел, чтобы моя доброта стала разрушительнее моих пороков.

Генрих. И это тебе удалось, смотри — двадцать пять тысяч трупов. За день добродетели ты перебил больше народу, чем за тридцать пять лет злодейства.

Гёц. Добавь еще, что убитые — те бедняки, кому я притворства ради роздал владенья Конрада.

Генрих. Черт возьми, ты их всегда терпеть не мог.

Гёц *(поднял кулак).* Пес! *(Останавливается и начинает смеяться.)* Чуть тебя не стукнул — значит, ты близок к правде. Ха! Ха! Вот мое больное место. Ну, дальше! Расскажи, как я их ненавидел, как использовал их благодарность для их же порабощения. Прежде я насиловал их души пыткой, потом насиловал добром"

Так что в конце концов, герои пьесы Сартра абсолютно запутываются между Полюсами Эгосистемы, которые Сартр и обозначает Добром и Злом (что конечно же не так) и не видят выхода:

"Господи! Господи! В этом ли вола твоя? Разве я, когда творил Зло, не искал этой ненависти к человеку, презрения к себе самому? Как же мне отличить: одиночество Добра не схоже с одиночеством Зла?"

"Господи, раз ты не даешь нам творить Добро, зачем вселяешь ты в нас столь сильное к нему стремление? Если ты не доз-

волил быть добрым, зачем ты лишил меня желания быть злым? *(Шагает.)* Забавно все-таки, что исхода нет!"

"Начало — преступление. Люди нынче рождаются преступниками. Я должен взять на себя часть их преступлений, если хочу завоевать хоть часть их любви и добродетели. Я возжелал чистой любви. Глупец! Любить — значит вместе с другими ненавидеть общего врага. Я разделяю вашу ненависть. Я возжелал Добра. Глупец! На земле теперь Добро и Зло неразделимы. Согласен быть злым, чтобы стать добрым"

Вот и вся теория Этики Сартра, который задался амбициозной целью создать новую философию, а закончил заурядной количественной теорией Добра и Зла, как нераздельных полюсов силового поля ДТПЭ. Самое забавное, что он почти слово в слово повторяет такую же количественную теорию Добра и Зла де Сада, именем которого обозначил "круг нечистой совести" – садомазохизм. Та же развязанная манера богохульствовать и фамильярничать с дьяволом, та же абсурдная иллюзия абсолютной свободы воли, и в конечном итоге та же полная потеря свободы, как это всегда бывает при Эгозащите.

Другое классическое произведение, отражающее количественную теорию Добра и Зла Эгозащиты – Фауст Гете. Если внимательно присмотреться к его героям, то сразу обнаружатся две взаимозависимые крайности – образ абсолютной добродетели и в тоже время слабости, ибо самопожертвование и отказ от разума делает христианских "добрых и праведных" абсолютно немощными, и с другой стороны образ абсолютной силы зла, умной, острой, эгоистичной, располагающей всеми благами молодости и наслаждения.

Гретхен Гете – это образ самопожертвования христианской добродетели, которая не способна ни на что, кроме того чтобы быть соблазненной и использованной, а потом горчайшими слезами оплакивать то, в чем она оказывается совершенно невиновной. Ибо если бы действительно кто-либо совратил такого слабоумного человека, то вся ответственность целиком и полностью лежала бы на совратителе. Оттого особенно неприятна сце-

на встречи Фауста и Гретхен в тюремной камере, где она плачет о том, как убила мать, ребенка и стала причиной смерти брата. Но именно эта сцена считается любовной кульминацией всего произведения, и оказывается, что Гете нам нечего предложить в качестве любовной лирики кроме сошедшей с ума от горя и без того не очень умной, беззащитной женщины. Но такова правда количественной теории этики: Добро – это слабость и полный отказ от себя (Альтруизм), драматичность которого может проявиться только на фоне страшных бед чинимых этому ничтожеству Злом. Ибо если предположить, что у Гретхен все хорошо и она свободна от злых происков Мефистофеля, то ее персона потеряет даже малейший колорит. Ни ума, ни знания жизни, ни друзей, ни талантов, ни профессии, ни страстной натуры Жанны д'Арк, ни планов миротворческой деятельности – вообще ничего, за что можно было бы не только любить или уважать, но элементарно не умереть от скуки рядом с этим существом. Поэтому для того, чтобы это бесцветность как-то обнаружилась, необходим черный фон абсолютного порока. Чтобы добродетельность Гретхен получила хоть какое-то значение и смысл необходимо, чтобы страшный злодей обрушил на это беззащитное создание всю мощь своей ненасытного злорадства: и вот мы уже имеем закованную в цепи девушку под тяжестью всех смертных грехов. Здесь она становится интересна как невинная жертва. Точно такой же образ слабоумного и абсолютно немощного, беззащитного, жертвующего собой Добра мы находим и у де Сада – и он точно также сгущает свет и тени посредством превращения идеальной дурочки Жюстины в кровавую жертву самых страшных, грязных и низких преступлений. И у Гете и у Сада – сюжет проходит между черными и белыми линиями, вырывая читателя из атмосферы психологической реальности и погружая его в атмосферу трагикомического донкихотства.

Соответственно Мефистофель – другой конец силового поля Эгозащиты. Это сила, всезнание, все возможные радости жизни, абсолютный эгоизм, подчиняющий себе желания всех прочих людей – одним словом, портрет маркиза де Сада, жившего ис-

ключительно для наслаждения и насилия над другими. И также как де Сад, Гете видит силу только в образе Зла, рисуя Добро в качестве его жертвы, так что только на небесах возможна перестановка сил.

"Добродетель вышла из этой истории такой истерзанной, такой униженной, какой ей и надлежит быть всякий раз, когда она осмеливается сразиться против порока с открытым забралом" де Сад Жюстина

Опять таки образ Мефистофеля светится только на фоне насилия над Добром – иначе он теряет свою сущность. Только как субъект толкающий Фауста к гибели, только как субъект, обрушивший на несчастную девчонку все семь кругов ада он приобретает свою индивидуальность и драматичность. Вне этих персонажей, сам по себе он ничего не представляет. А Фауст оказывается всего лишь Аристотелевской "серединой" между беспомощной Гретхен и коварным Мефистофелем – тем бессмысленнее выглядит его фигура, заряженная на грандиозные путешествия в пространстве и времени, но застревающая в абсурдных карнавалах ведьм и беседах со сфинксами. "Фауст" Гете – еще одна капля в кувшин с утверждением эгозащитного мировоззрения, хотя Гете как и христианство стоят здесь на стороне формального Добра.

Сократ и Платон были первыми авторами, которые увидели, что между Добром и Злом – качественная, а не количественная разница, а это значит, что эти понятия не зависят друг от друга и от Зла вполне можно и нужно избавиться. Аристотель, подобно всем приверженцам количественной теории Добра и Зла утверждал, как известно, что Зло неистребимо, и его присутствие в жизни людей естественно и необходимо.

Качественное разделение Добра и Зла на разумную и неразумную части души разрешило неразрешимую на поле Эгосистемы проблему: различение Добра и Зла и нахождение путей избавления от Зла. Позже теорию Платона развили Спиноза, Кьеркегор, Руссо, Рассел, Фихте, и столпы гуманистической психологии – Фромм, Хорни, Роджерс, Маслоу, Франкл, Олпорт, Юнг.

"мы видим и находим, что все хорошие страсти имеют такой характер и природу, что мы не можем без них существовать и сохраняться, и они как бы принадлежат нам существенно, как любовь, желание и все, что свойственно любви. Но дело обстоит совершенно иначе с теми, которые дурны и должны избегаться нами, так как мы без них не только можем существовать, но именно тогда только, когда освободились от них, становимся такими, какими должны быть. Также и любовь, может происходить из верных понятий или из ложных, и первая ведет к наивысшему благу, а вторая к нашей гибели" Этика Спиноза

В основе учения каждого из них понимание глубокого качественного различия между двумя энергетическими системами психики, несущими либо здоровье и добродетель, либо болезнь и порок. А это значит, здоровая психика может быть абсолютно здоровой и лишенной какой бы то ни было примеси зла чужеродного тока.

Вольтер высмеял такую точку зрения в своей повести "Кандид или оптимизм", которую написал как ответ на упрек в пессимизме, который сделал ему Руссо. Там утрированы все самые тяжелые испытания, которые действительно легко могут выпасть на долю человека в больном обществе на фоне постоянно повторяющегося высказывания Лейбница о том, что "все к лучшему в этом лучшем из миров". Так Вольтер хотел доказать нелепость надежд на построение когда бы то ни было здорового общества. Уже с него начинается это презрение к "духу серьезности" в попытках познать и поставить под контроль социальные процессы, которые у Шопенгауэра приобретут резко выраженную форму антиинтеллектуализма и полного отказа от любой социальной активности. Вольтер так и заявляет в конце повести, что людям остается только "молчать" и не пытаться искать истину и способы устроить здоровое общество, лишенное зла и пороков. По сути, неизбывность зла – общая позиция для всех сторонников количественной теории добра и зла.

Однако, другой точки зрения придерживались великие ученые, которые понимали, что Зло – это чужеродная сила, не име-

ющая органической связи с истинным Я человека, с его живой, разумной энергией. Все сторонники качественной теории Добра и Зла понимали, что общество можно и нужно вылечить от лени, невежества и подлости. И для этого необходимо правильно воспитывать подрастающие поколения, так что всех их можно назвать великими Воспитателями, разрабатывавшими системы избавления человечества от Эгозащиты. Уже Платон очень четко видел задачу воспитания здоровых, образованных, свободных от Эгозащиты людей – основой здорового общества. Спиноза также ставит цель терапии больного пассивными страстями общества путем развития способности контроля этих страстей разумом. Руссо пишет свой знаменитый труд "Эмиль, или о воспитании", а вслед за ним Фихте говорит о "наукоучении" и о задачах снятия Эгозащиты путем развития интеллекта в "Речах к немецкой нации". Наконец, Бертран Рассел посвящает несколько книг проблемам образования, прямо указывая, что все проблемы современного общества в неправильном образовании и воспитании молодежи, чьи мозги зомбируются пропагандой и отучаются от критического мышления и любви к науке.

К сожалению, никому из них не удалось создать действительно эффективную систему воспитания молодежи, хотя все они очень хорошо видели основное направление такого воспитания: развитие научного интеллекта, и снятие Эгозащиты путем постановки ее под контроль интеллекта. Однако, для того чтобы эта методика стала эффективной необходимо было открытие законов Психической Энергии, которое наконец имеет место быть. Так что мы больше можем не обращать никакого внимания на насмешки Вольтера над доктором Панглосом и приниматься за строительство здорового общества, в котором не будет места доисторическим порокам Эгозащиты.

ГЛАВА 6. ПЛАНЕТА ЧИСТИЛИЩА

Вечная жизнь, как выяснилось, вовсе не преподносится всем на блюдечке только по факту расставания с биологическим телом, то есть земной смерти.

В Башне Чистилища вдруг обнажилась со всей очевидностью истина, которая для большинства остается недоступной на земле: люди умирают не только на биологическом уровне, но и на психическом, и настоящая смерть именно психическая, а не биологическая, поскольку именно она связанна с вечностью, как уверял еще великий Кьеркегор. Он говорил, что даже потеря денег и имущества будет обнаружена немедленно и повлечет страшные переживания, и только потерю души люди с легкостью не заметят, как нечто абсолютно несущественное.

Если бы все обстояло иначе, у нас каралась бы не только насилие против тела человека, но и насилие на психическом уровне, которое практикуется гораздо более масштабно и дошло уже до виртуозности у многих закоренелых пиратов психического пространства. Но жизнь на психическом уровне уверенно отрицается как "ненаучная" доктрина, а вместе с жизнью и смерть, и возможность насилия и причинения вреда. Соответственно эта сфера - самая главная сфера жизни человека – совершенно игнорируется и законом и наукой, и отдается на откуп дилетантам-любителям, научившимся методом научного тыка пиратским набегам на психику неискушенных людей.

Но в Чистилище все обстоит совершенно иначе. Здесь, где люди расстались с биологической оболочкой тела и остались одной лишь массой психической энергии своих душ – циркуляция силы на психическом уровне обнажилось и стало основной заботой существования всех обитателей чистилища.

Здоровые души, как они мне предстали в чистилище, переливаются всеми цветами радуги, насыщены светом и блестят

словно полуденное солнце. Наиболее сильные личности, с громадным интеллектом, блестят так сильно, что на них больно смотреть. Поэтому, даже визуально, не вступая в контакт, в чистилище сразу можно определить с каким уровнем психической силы имеешь дело. У таких душ есть резервы, чтобы выглядеть так как они себя представляют, и они могут по желанию принимать любой самый роскошный вид, доступный их воображению и эстетическому восприятию – от самых холодных до самых теплых оттенков, от насыщенно темных цветов до слепящее светлых. Единственное, чего они сделать не в силах – это приобрести серо-прозрачные, матовые очертания иссякших источников психической энергии.

Ослабленные болезнями души моментально теряют яркость и способность излучения света. Они блекнут до тех пор пока не превращаются в неразличимые серые массы, превращаясь в призраков не отличимых от окружающей обстановки. Поэтому по силе излучения света и яркости красок сразу можно было судить об относительных силах душ – эти явно сильнее, те слабее, а этим уже скоро дорога в потемки нижних этажей башни, туда где вечная спячка и тьма навсегда стирают всякие воспоминания о былой жизни.

Смерть – такой же навязчивый страх в башне чистилища, как это ни странно звучит для тех, кто привык считать, что там можно бояться только мучений, как и на земле. Только здесь он приобретает значительно большие размеры, потому что иллюзии о том, что биологическая смерть кладет конец существовании окончательно развеиваются и люди начинают понимать, что на кон поставлен вопрос о вечной жизни, а вовсе не о временной. Быть вечно или не быть вовсе – так звучит вопрос здесь в чистилище, и именно это заставляет людей всерьез призадуматься о здоровье своей души, от чего они отмахиваются на земле под предлогом скоротечности жизни. Но здесь, где им дают надкусить яблоко вечной жизни и показывают как счастливо и беспечно может существовать в вечности здоровая сильная душа – желание жить достигает необъятных размеров, и точно

таким же становится и страх психической смерти, с которой все здесь очень хорошо знакомы.

Люди в чистилище погибают двумя способами: либо взрываются, предварительно надуваясь кроваво-красной огненной энергией, либо постепенно обескровливают свои психические соки, что внешне проявляется как утечка света и яркости. На психическом уровне взрыв переживается как шизофренический дебют, с острым приступом страха, дереализацией и деперсонализацией, а постепенная утечка психической энергии, как маниакально-депрессивный психоз, с полным эмоциональным отупением и потерей интереса к жизни.

Боязнь однажды побагроветь, превратится в огненный шар, а затем с дикими воплями превратится в один космический ужас, преследует всех обитателей чистилища кроме интеллектуальной элиты, каждый представитель которой является ходячим маленьким солнцем, излучающим энергию с той же яркостью, теплотой и щедростью. Поэтому ученые здесь являются центром всеобщего восхищения и обожания. Тысячи лет показали, что ни один ученый такого масштаба энергии не только не рискует со временем обескровиться постепенной растратой психических сил, но наоборот только становится все сильнее и сильнее, заряжаясь светом и теплом с каждым новым годом все больше. Но поскольку одного желания мало, чтобы подражать ученым, которых питает всепоглощающая страсть к познанию и любовь друг к другу, тем кому недоступно Пространство Интеллекта вынуждены ожесточенно бороться за крохи психической энергии, постоянно находится в позиции выживания, борьбы между жизнью и смертью. Именно поэтому большинство обитателей Башни Чистилища мечтает об открытии Дороги в Рай, которая раз и навсегда покончит с их страданиями из-за вечной нехватки питания – ведь она откроет Пространство Интеллекта для всех и сделает необъятные энергетические ресурсы, доступные сегодня только гениям, доступными для всех.

В таком жалком состоянии каждодневной борьбы за выживание нашла я обитателей чистилища, не считая конечно же ин-

теллектуальную элиту, блестевшую на их фоне словно звезды на ночном небе. Но даже здесь, на Олимпе интеллектуальная элита составляла меньше половины населения, что же тогда говорить о нижних этажах башни, где собирались души заурядных людей.

На момент моего посещения мира мертвых ни Рая, ни Ада я там не обнаружила, а только одну громадную Башню Чистилища, разделенную бессчетным количеством этажей. Ни одному из обитателей Башни так и не удалось узнать, сколько тысяч или миллионов этажей насчитывает этот самый Замок, и вполне возможно, что количество этажей в нем вовсе и не является постоянной величиной. "Этажом" обитатели Башни называют пространства, разделенные Лифтом Чистилища, пульт управления которым содержит только три кнопки – выше, ниже, и Олимп Чистилища, представляющий собой самый верхний этаж Башни. На этом самом Олимпе и произошли те события необычайной важности, о которых я чувствую себя обязанной поведать человечеству во всей полноте и правдивости, ничего не утаивая и не приукрашивая.

В остальном понятие "Этажа" вполне условно, поскольку все этажи имеют многоуровневую архитектуру, связанную множеством лестниц и переходов, впрочем не отнимающих слишком много времени на передвижение. Олимп и прочие Этажи Башни принципиально отличаются только в одном – доступом к информации. На Олимпе в так называемых Залах Чистилища сосредоточенна вся информация о развитии человеческой мысли и творчества в целом, а также вся информация о ходе исторического процесса на земле с самой развернутой и детальной регистрацией событий за все время существования человечества. Эти Залы Чистилища есть не что иное, как Научные Залы, наподобие наших библиотек, университетов и НИИ и Залы Искусства наподобие наших музеев, театров и концертных залов.

Нижние Этажи, о которых я знаю очень мало, так как почти не спускалась с Олимпа, в основном представляют собой некое сонное царство, где люди проводят большую часть своего времени в полузабытьи. Несмотря на тот факт, что архитектура ни-

чем не отличается от архитектуры Олимпа, и интерьер нижних этажей так же изысканно прекрасен, грандиозен и поражает масштабами своих пространств, несмотря на тот факт, что Света на тех этажах, на которые мне доводилось спускаться почти также много как и наверху, ничего не радует глаз обитателей этих роскошных покоев. Они почти не выходят из своих комнат, даже на прогулку в чудесный тропический лес, который окружает Башню словно зеленый океан крошечный остров. Связанно это с уровнем развития их Психической Энергии, оказавшейся очень низкой и не способной к самостоятельному существованию без Тела, то есть без биологической энергии. Будучи на земле, содержание их жизни составляли исключительно заботы о теле, о пропитании, пище, крове, сексе, детях, карьере, но тут в Чистилище, где жизнь сосредоточилась исключительно вокруг интеллектуального и прекрасного, где тела и его проблем больше не стало, этим людям пришлось очень туго, поскольку жизнь потеряла для них всякий смысл.

Даже самый факт их существования казался им настолько странным, что они предпочитали не думать об этом, поскольку эти мысли пугали их до состояния безумия. Вдруг со всей очевидностью обнаружилось пространство Интеллекта, в котором существует Душа и до и после смерти, но которое при жизни бывает затушевано физическим пространством обитания тела. Эйнштейн не разглядел этого пространства, самого главного и для человека и для космоса в целом – пространства активного интеллекта, пространства мышления, о котором упорно говорили философы начиная уже с античной Греции и заканчивая экзистенциалистами. Его картина единого четырехмерного пространства-времени оказалась ущемленной, поскольку она отражала только одну ось системы координат космоса, и не видела в упор перпендикулярную ось пространства-времени Интеллекта, проходящую сквозь физический мир подобно лучам Рентгена, высвечивая его закономерности. Все его выводы были верными, но лишь неполными: физическое время есть часть физического пространства и в этом смысле он правильно объединил пространство и время в единый

пространственно-временной континуум. Но психическое пространство проходит не в его трехмерном мире длины, высоты и ширины, а в закономерностях и абстракциях интеллекта и имеет свое собственное время, о котором хорошо сказано у Хайдеггера. Это особое пространство-время, также составляющее единый континуум, связанное неразрывными нитями с физическим пространством-временем. Вот в чем ошибались древние метафизики и картезианцы – это не параллельные миры, существующие независимо друг от друга, это перпендикулярные миры, составленные двумя четко отделенные осями координат, но при этом составляющие единую систему координат.

Но вернемся к нашей Башне Чистилища. Солнечный свет – а на планете Чистилища всегда солнечно, так как это другая солнечная система – распределяется весьма неравномерно между этажами чистилища, заметно убывая к основанию башни, как и следовало ожидать, поскольку Башня поистине гигантских и необъятных размеров. Но тем не менее свет доступен всем ее обитателям, поскольку замок окружает столь же гигантский лес, очень похожий на наш тропический лес своей флорой и фауной. Поистине ожившая красота природы, грациозно суетящаяся вокруг обитателей замка. Дикие звери, змеи и крокодилы, которыми кишат эти леса, больше уже не опасны для умерших, как вы понимаете, поскольку от них осталась лишь психическая оболочка, обитающая в пространстве неведомом животному миру. Последние просто не замечают гуляющих между ними теней. Вообще, этот комплекс – Башня и лес – составляют Планету Чистилища, вращающуюся вокруг своего Солнца, так что каждый кто уходил из Башни в надежде найти другое место жительства подобно Колумбу неизменно возвращался обратно в Замок, совершив кругосветной путешествие. И ночь и день также сменяют друг друга, как и на Земле, мне потом подробно рассказывал обо всем Данте в первый день нашей встречи, прежде чем я успела сама в этом убедиться.

Но даже этот чудесный мир не радует большинство обитателей нижних этажей, погруженных подобно зимующему медведю

в глубокую спячку большую часть своего времени. Единственное удовольствие обитателей нижних этажей – доступ к земному телевидению, поскольку Башня легко ловит все электоволны земли и исправно поставляет самое высокое качество всех электронных каналов передачи информации земли. Однако, глупые программы и, давайте говорить откровенно, идиотские фильмы и сериалы, здесь, в отсутствие тела и смысла жизни, которое оно составляло, многих только раздражает, и они предпочитают смотреть только новости. Но и ужасы, которыми полны сводки, а также болезненные мысли о нереализованных возможностях навеваемые событиями в жизни живых людей, отталкивает несчастные души от экранов их больших, энергоемких телевизоров. Эта монотонность, скука, тревожность и потеря ясности восприятия – и есть расплата за грехи жизни, но грехи совершенно иного рода, чем принято думать. Это грехи против пространства Интеллекта, против развития своих умственных и духовных возможностей, которым должна быть посвящена жизнь каждого человека на земле. Только тогда им гарантирован пропуск на Рай, где их ждет кипучая энергией жизнь, полная интереса, наслаждения, любви и радости единения с богом и с друзьями – радости, которую уже ничего не может разрушить или отнять.

Олимп Чистилища – это еще не Рай, хотя он стоит ближе всего к нему, так как там собираются люди громадного интеллекта и духовной силы, качество жизни которых напротив возрастает после расставания с телесной оболочкой, стеснявшей полет их психической энергии. Здесь кипит жизнь вокруг неразрешенных на земле интеллектуальных вопросов, благо Олимп снабжен самой искусной техникой и полнотой информации. Люди, посвятившие свои жизни учебе и профессионализму, знают, что работа – это не только труд, но и источник высочайшего наслаждения. Другой мощнейший резервуар глубокой радости жизни Душ на Олимпе – это Красота, которой Бог не менее щедро наделил сей переходный мир, нежели мир земной. Красота, которая составляет самую разительную

характеристику всей Планеты Чистилища – и Башни, и Леса, и окружающей космической сферы, является такой богатой духовной пищей для их тонких эстетичных душ, что о телесной пище никто из них и не вспоминает. Даже, созданные на земле величайшие художественные ценности, составляют неотъемлемую часть эстетического резервуара Чистилища, к которому постоянно обращаются обитатели Олимпа в поисках самых утонченных удовольствий. Наконец, самое невероятное счастье обитателей Олимпа, счастье о котором на земле они не могли и мечтать – это возможность общаться друг с другом. Эти великие люди, разделенные временем, все равно были хорошо знакомы, почитая и изучая труды друг друга, благодаря небо за то, что жили такие великие люди, подарившие им столько радости и показавшие дорогу в жизни. Это совершенно особая любовь друг другу людей с развитой духовной жизнью – счастье, которое невозможно ни с чем сравнить на уровне биологической жизни. Их восхищение друг другом столь велико, их радость общения друг с другом доставляет им такое удовольствие, тонкий юмор превращает жизнь в такой праздник веселья, а могучий интеллект возбуждает такой интерес, - что уровень эмоций накаляется до космических масштабов. Только эта интенсивность переживаний и позволяет приблизиться к пониманию термина счастье и наслаждение. Только здесь и начинается настоящая жизнь великих людей, как и предсказывал умирающий Сократ.

Олимп разделен на Залы Тела (биохимия, биология, ботаника, зоология, медицина и тп), Залы Техники (электромагнетизм, радиоактивность, химия и тп), Залы Искусства (в основном изобразительное искусство, литература и музыка) и наконец, Залы Души.

О Залах Души мы будем говорить подробно, поскольку именно Залы Души являются центром интеллектуальной жизни Чистилища, определяя пространство существования Душ, силу их энергии и направление движения. Всего на момент моего прибытия Чистилище насчитывало Десять Зал Души: Зал Про-

странства и Времени (его также называли Залом Метафизики, так как он стал центров дискуссий идеалистов и материалистов о метафизике), Зал Познания, Зал Добра и Зла, Зал Любви и Свободы, Зал Юмора, Зал Сумасшествия, Зал Воспитания, Зал Экономики, Зал Государства, и Зал Истории. Вот вокруг этих зал и происходили все поразительные события, о которых я собираюсь вам поведать на страницах этой книги.

Дело в том, что основным вопросом обитателей Олимпа естественно стоял вопрос о том, есть ли Рай и Ад помимо Чистилища и стоит ли им готовиться к продолжению своего путешествия после смерти, или они прибыли на конечную остановку. Поскольку на земле все эти вопросы решались, исходя из конкретной философской базы, то и здесь споры о метафизике возобновились с небывалой остротой. Залы Души буквально кипели от ежедневных горячих дебатов самых великий ученных и философов всех времен и народов, которые пытались выяснить существует ли Дорога в Рай или же планета Чистилища – это и есть и Рай и Ад и Чистилище вместе взятые.

Четкое осознание того, что Башня не может быть Раем пришло после того, как великие ученые и философы обнаружили вместе с собой на Олимпе также и самых закоренелых злодеев человечества, таких как Нерон, папы Александр Шестой Борджа и Лев Десятый Медичи, Гастон Орлеанский, Гитлер или Наполеон. Теоретики зла – де Сад, Ницше, Макиавелли, Гоббс, Фрейд - также оказались соседями по Олимпу. Тем более, что соседство это оказалось более чем обременительным из-за неспособности этих господ существовать, не мешая и не вмешиваясь в жизнь других людей. Ибо существо жизни злодеев как раз и состоит в паразитировании на других, они не являются самодостаточной энергией. Эту свою лихорадку они называют жаждой власти или жаждой подчинения, что по большому счету одно и то же и известно в психологии под термином садомазохизма.

Выяснилось, что на Олимп попадали те, кто оставил неизгладимый след в истории человечества, значительно повлияв на развитие культуры, науки и истории. На нижних этажах таких

людей стали называть столпами Зал Чистилища, поскольку каждый из них вместе с подробным перечнем работ и развернутой биографией был прикреплен к соответствующему Залу, и так это обозначение и сохранилось за обитателями Олимпа. Однако, столпами Зал Чистилища оказались не только те, кто во всех смыслах заслуживал этого термина, но и те, кого следовало гнать оттуда поганой метлой. Поскольку, к великому сожалению, злодеи также сильно влияли и влияют на жизнь человечества, как и люди позитивной энергии, Олимп оказался переполненным самой отборной сволочью, когда-либо порожденной землей. И очень многие глубоко страдали от этого, твердо уяснив себе, что Раем здесь и не пахнет. Другая причина расстройства счастливых обитателей Олимпа стала разлука с близкими: хоть они и обрели тех, кого любили даже больше своих кровных родственников – родственников по духу, все же многие были искренни привязаны к своим детям, родителям, братьям, сестрам и просто друзьям детства, которые не будучи столь выдающимися личностями не прошли на Олимп. Да и уединенность планеты Чистилища с ее монотонным распорядком жизни казалась многим несмотря на гигантские масштабы Замка каким-то карликовым существованием, изоляцией, оставлявшей их мечтать об открытии Дороги в Рай.

Надо сказать, что более низкий статус в иерархии чистилища нижних этажей подчеркивался не только отсутствием доступа к информации Залов Чистилища, неравномерным распределением света, но и возможностью передвижения в Башне. Всем разрешалось только путешествие вниз, вплоть до выхода в лес Чистилища, но никому не разрешалось подниматься выше этажа своего обитания, так что только Олимпийцы были абсолютно свободны в путешествиях по этажам находясь на самом верхнем его этаже, простым же смертным почти не представлялось случая взглянуть на Олимп своей Башни, и главное на знаменитые Золотые Ворота в Рай, о которых знали и говорили все обитатели Чистилища, но видели только олимпийцы. Правда бывали случаи, когда олимпийцам удавалось поднять своих родственни-

ков, любимых или друзей к себе на Олимп и оставить там, но никто не мог объяснить как и почему это происходило, потому что большей частью никому не удавалось не только поднять своих близких на Олимп, но просто найти их среди бесчисленного количества этажей Башни. Как потом выяснилось, это было связано с тем какие отношения связывали людей при жизни. Если это была настоящая любовь или дружба, которые позволяют соединять энергию людей воедино – то найдя своих близких, люди легко поднимали их к себе в Чистилище. Если же это были отношения влюбленности и самолюбия, суть которых в том, что между людьми устраивается мертвый психический ток, не давая им быть искренними, и понимать друг друга, но внушая только страх, противоборство и ощущение масок друг на друге, то людям не удавалось соединить свою энергию в единый поток и, соответственно, подняться вместе на Олимп.

Ворота в Рай располагались на самой крыше Башни, меня отвел к ним Данте в первый же день нашей встречи. Я читала вместе с ним знаменитую надпись на них, которую также все обитатели Замка знали наизусть, независимо от того, видели они ее своими глазами или нет. Эта надпись предписывала обитателям Олимпа найти Дорогу в Рай путем нахождения общей, единой истины в Залах Души. Там говорилось о том, что Дорога в Рай – не обычная Дорога, она проходит в Пространстве Интеллекта и выстлана законами Души человека, и что законы эти могут быть только одними, что и составляет истину, которую надо найти. Тогда, гласила запись, Ворота в Рай распахнуться и все обитатели Чистилища, кто сумеет сохранить к тому времени свою психическую энергию, будут спасены. Эта интрига вокруг Золотых Ворот в Рай завораживала воображение всего общества чистилища, возбуждая страстные споры вокруг фундаментальных философских и психологических проблем. Но прийти к консенсусу так и не удавалось, более того, чем больше они спорили, тем дальше от какого-либо общего мнения они оказывались. В основном трудности создавали Материалисты, то есть Аристотель, Эпикур, Гоббс, Ленин, Маркс,

Фрейд, Дарвин, де Сада, Ницше, Конт, Кречмер и др, которые продолжали настаивать на том, что духовной жизни, отдельной от жизни биологической одинаково не может быть как при жизни, так и после смерти. Они упорно отрицали, что их существование в Башне Чистилища можно назвать жизнью, считая это кратковременным недоразумением и высказывая самые фантастические идеи в объяснение этого недоразумения. Так или иначе, все их интересы были связаны только с их славой на земле, о которой они получали каждодневное подкрепление с телевидения земли и они под страхом Ада не желали расставаться с этой земной славой, продолжая отстаивать верность своих материалистических концепций, даже здесь в Чистилище, среди собрания Душ, представлявших собой сгустки психической энергии.

Надо также сказать пару слов о столпах Залов Искусства и Истории, многие из которых не отличались такой насыщенной интеллектуальной жизнью, как столпы Научных Залов. Эта прослойка чистилища основывала своеобразный богемный мир Олимпа, представленный тремя основными Театрами. Театры де Сада и Данте противостояли друг другу и находились в перманентном состоянии ожесточенной войны, с доходящим до крайности накалом страстей. Как известно, в основе всех садических сюжетов лежит надругательство над Добродетелью, над всем, что есть доброго и благородного, честного и совестливого в душе человека, а также над религией и ее Богом, которые это Добро отстаивают. У де Сада две главные героини в романах две сестры – Жюстина, добродетельная христианка, всегда готовая прийти на помощь ближнему, и Жюльета, развратная, подлая шлюха, живущая проституцией и злорадством. Первую насилуют, предают и всячески над ней издеваются, поскольку Добродетель иного не заслуживает, вторая живет в роскоши, обладает властью и наслаждается жизнью. В конце концов, Жюльетта поможет надругаться и над трупом своей убитой молнией сестры, молния – это знак того, что Природа, которую де Сад обожествляет, считая себя материалистом, тоже вступает в заговор против

добродетели на силе Зла. Сам де Сад жестоко издевался над проститутками, запугивал до смерти пистолетом, делал надрезы на коже ножом и главное заставлял их топтать распятие, ругаться над именем Бога. Такое поведение в психологии называют Нон-конформизмом, оно означает, что человек находится под чрезвычайным впечатлением от того над чем старается надругаться, то есть на самом деле придает очень большое значение вещам, которые стремиться представить ничтожными. Таким образом, все здание садической философии строиться на том самом Боге, которого он так жестоко отрицает и ругает и без которого не над чем будет издеваться и не будет предмета насилие над которым, доставляет "наслаждение". Это лживое "наслаждение" от надругательства над добродетелью вторая навязчивая идея его романов, именно потому превратившемуся в навязчивость, что на самом деле никакого наслаждения от запущенной до крайности психопатии получить не удастся. И чем меньше реального удовольствия в нонконформизме, тем навязчивее повторяет он слово "наслаждение" при кровавых актах насилия, убийства, кровосмешения, словно стараясь гипнозом вызвать в себе это неестественное состояние.

Эротический Театр, который сейчас в Чистилище называют чаще садовским, был открыт Нероном, не меньшим обожателем порнографического театра, чем де Сад. Но после пришествия на Олимп де Сада, и его скандальных постановок, принесших дурную славу Театру далеко за пределами Олимпа, театр стали именовать садовским или садистским, а компанию, постоянно собирающуюся в театре Садистами. Так что то, что впоследствии стало идеологической партией вокруг борьбы за открытие Дороги в Рай, начиналось как спонтанные собрания развратников и психопатов, помешавшихся на власти. Мессалина и Агриппина давно помирились и вместе играли в постановках Нерона, где убийство Нероном Агриппины и их страстные отношения как нельзя лучше выражали садический сюжет. А Мессалина и подавно стала любимой актрисой де Сада. К великой боли Октавиана Августа и его распутная дочь Юлия препочла эротический театр Нерона

Театру Цезаря – Шекспира. Здесь можно было встретить не только римских императоров вроде Нерона, Калигулы и Комода, но и средневековых королей прославившихся своей развращенностью: Людовик- Солнце и его знаменитый негодяй брат Гастон Орлеанский, начинявший женщин порохом, Людовик Пятнадцатый, знаменитый своей слабостью к девочкам-подросткам, которых разыскивали для него по всему королевству. Он был кстати первым королем посадивший де Сада в тюрьму, но здесь они легко примирились, поскольку сажали де Сада не за разврат, а за богохульства, на разврат знати смотрели сквозь пальцы. Фаворитка Людовика Пятнадцатого, м-м де Помпадур, герцог Ришелье и его сын герцог де Фронсак, граф де Шароле, любимым развлечением которого было отстреливание кровельщиков на крышах Парижа. "Желая избежать ответственности за убийство, он незамедлительно отправлялся к королю и просил его о помиловании, на которое, будучи принцем крови, вправе был рассчитывать. Говорят, однажды Людовик XV ответил ему так: «Сударь, вы имеете право на помилование, и я, разумеется, дарую его вам. Но я всегда готов даровать его тому, кто поступит с вами точно так же" (Морозова Е. Де Сад). Все же Людовик Пятнадцатый всего лишь страдал педофилией, а не манией убийства, как де Шаролэ. По странной иронии судьбы за грехи своих развращенных предков Людовика Четырнадцатого и Людовика Пятнадцатого рассчитался сын последнего, который вовсе не был ни развратником, ни негодяем, так что спасая его от гильотины Робеспьера Томас Пейн поставил под топор свою собственную голову. Людовик Шестнадцатый, казненный Робеспьером, помог США одержать победу в борьбе за независимость, послав туда солдат и этим поставил под удар свою корону. Он был так застенчив, что его секретари не решались доложить ему о разврате де Сада, "боясь оскорбить стыдливость его величества" (отец с удовольствием читал такую порнушку на ночь). Это был король, любимым развлечением которого были не девочки-подростки и не содомия, а слесарное дело. Говорят, он держался с большим достоинством перед смертью, чему я охотно верю.

Здесь же обитал английский король Генрих Восьмой, отец королевы-девственницы Елизаветы, тот самый, что снес голову ее матери Анне Болейн, а перед этим реформировал английскую церковь в протестантскую, чтобы на ней жениться. Он страдал при жизни ожирением, которое мешало ему даже ходить, и двух из своих четырех жен казнил – Анну Болейн и ее кузину. Обе кузины на зло своему мужу также посещали эротический театр де Сада и развлекались на полную катушку. Только Елизавета наотрез отказалась посещать "эти гнусные сборища", как она выразилась, предпочитая всем Театрам Театр друга своего последнего фаворита Эссекса. Как известно граф Ретланд, он же Шекспир, был близким другом графа Эссекса и вместе с ним участвовал в восстании против королевы. Фаворита Елизавета казнила, а Шекспира помиловала, но с тех пор его пьесы приобрели глубоко трагический характер. Семья Борджа – папа Александр Шестой, герцог Романьи его сын Чезаре Борджа, дочь Александра герцогиня Феррарская Лукреция Борджа, о которой говорили, что она была дочерью, женой и невесткой своего отца одновременно. Макиавелли и здесь не смог оставить своих кумиров семью Борджа, которых он воспел в "Государе". Семья Медичи, которая ненавидела семью Борджа со времен правления Александра, также предпочла Театр Нерона, так что у Макиавелли было много времени излить на них свою желчь за тюрьму, ссылку и опалу, из которой его не вернули, не смотря на то, что он посвятил им свое скандально известное цинизмом произведение "Государь".

Любимчиком де Сада был Папа Лев Десятый Медичи, однокашник Чезаре Борджа, который заставлял Леонардо де Винчи расходовать свой талант на дурацкие игрушки для своих праздных развлечений, и так и не отблагодарил бедного гения. Лев Десятый, знаменитый изобретением продажного искупления грехов, которое стоило церкви Реформации взбешенными развратом папского двора Мартином Лютером и Кальвином. Здесь же обитала Маргарита Наваррская - боль своей матери Екатерины Медичи и мужа Генриха Наваррского, "это существо", как на-

зывала ее "черная королева". От ненависти к партии, развратившей ее дочь, Екатерина Медичи подалась в оппозиционную партию – Театр Данте, где главным сюжетом постановок были казни развратников и опускание их в Дантов Ад. Гитлер с Евой Браун особенно любили постановки барона фон Мазоха, почему Гитлер и здесь продолжал слыть мазохистом, ведь ни для кого не было секретом, кто потрудился прочитать дневники его жены, что ему доставляли удовольствие игры в унижение. Сам Мазох, оказавшись в окружении всех своих любимых исторических персонажей, которых он не устает перечислять на страницах своих романов (благо он был человеком очень образованным) быстро позабыл о своей Ванде в мехах, и стал приударять за всеми сразу. Особенно он убивался по Екатерине Второй, но получил резкий отказ, она попросила его не позорить немцев своим пристрастием к унижению, и не сравнивать себя с ее орлами. Говорят, этот ответ очень рассмешил братьев Орловых, и заставил Фихте побагроветь от стыда и гнева. Ведь как никак она сама чистокровная немка, а Мазох имел слабость к славянам, подобно Ремарку и Бисмарку. Тогда Мазох нацелился на другого своего кумира, на этот раз действительно знаменитую славянку– "кровавую" султаншу Роксолану, ибо мазохистов, как и садистов возбуждает только "кровавая" романтика. Однако Хуррем-султан хоть и прошла благополучно на Олимп оказалась здесь со своим "львом" Сулейманом Великолепным и отнюдь не горела желанием менять своего великолепного супруга на такое пресмыкающееся отребье, каким казался ей этот престранный человек. Тогда Мазох решился поставить спектакль, пригласив на роль Роксоланны другого своего кумира - Лукрецию Борджа, которая была белокура и вполне могла сойти за славянку. Спектакль шел с оглушительным успехом, так как ненависть папского Рима к туркам была общеизвестна, и им доставлял особенное удовольствие сюжет, где любима я хасеки Сулеймана Великолепного в конечном итоге предпочитает отдаться немецкому возлюбленному, покорившему ее сердце невиданной роскоши мехами и рабской покорностью. Говорят, Сулейман, узнав об

этом извращенце был вне себя от гнева, но весь ужас его пожелания состоял в том, что меч и кинжал уже не могли помочь смыть позор и отомстить обидчику. "Я попал в Ад за свои грехи, - причитал он на плече у казненного друга-грека, - иначе я бы не встретил тебя здесь опять Ибрагим". Его неожиданно спас Чезаре Борджа – "брат и муж" Лукреции, который яро воспротивился участию сестры в этом спектакле. Одним словом, никому не пожелаю участи мазохиста, хоть в мехах, хоть в кринолине. И только, когда Мазох уступил наконец педерастическим приставаниям де Сада, он прочно обрел ту степень рабской униженности и служения пороку о которых мечтал. Так что термин Садомазохизм стал означать идеальную любовь в театре де Сада.

Фрейд и Ницше были почетными теоретиками Философии Зла эротического театра Нерона – Сада, возвысившими банальное тупоумие и разврат до формулировок научной и философской терминологии. Недаром Фрейд, по его собственным словам получал "громадное наслаждение от чтения трудов Ницше". Знаменитый создатель психоанализа наслаждался, наблюдая инстинкты сексуальности и агрессии – единственные инстинкты, которые он признавал мотивацией человеческого поведения – в действии. Как ни печальна истина, но долг ученого ее принять, говорил он. Де Сад абсолютно прав, когда утверждает, что наша природа – это природа сексуальности и страсти убийства, так давайте же смиримся с этой природой. И он опять таки прав, в том что человек бисексуален – Фрейд знал не понаслышке, что значит гомосексуальность, так как долгое время был влюблен в своего друга Флисса, и даже обменялся с ним кольцами. "Меня тянет к нему моя женская сторона", - говаривал он тогда. Не менее хорошо ему было известно, как здорово подчинять женщину своей воле. "Когда я вспоминаю о твоем письме Фрицу, - писал он Марте, - мне хочется уничтожить весь мир, даже если нас с тобой больше не будет. Я страшен в гневе, горе тому, кто тебя тронет". Его жена Марта однажды назвала его книги порнографией, когда принцесса Бонапарт спросила, читала ли она произведения супруга, за что Фрейд в ярости обозвал ее "мещанкой".

Действительно, куда нам простым смертным до развлечений истинный аристократов – так де Сад всегда оправдывал свое право делать с "жертвами" все что ему вздумается. И также как де Сад он жил с родной сестрой своей жены, и Марта молчала также, как в свое время молчала Рене-Пеланжи. Нет, положительно, они совсем неплохо спелись с сумасшедшим маркизом – самый знаменитый психиатр и самый знаменитый псих, устроивший в свое время эротический театр в Шарантонской больницы для умалишенных. Фрейд даже сумел пропихнуть свой "психоаналитический очерк" о Леонардо де Винчи, которого представил там прирожденным педерастом и дураокм, ум которого, как у всех дураков, находится на службе у срамного места. Леонардо де Винчи был так возмущен, что поклялся стереть с лица земли театр де Сада, и стал энергично участвовать во всех постановках дантовского театра и в работе партии Рассела-Эйнштейна, о которой я расскажу ниже.

И только Ницше страдал по настоящему в этом окружении, притворяясь, что ему нравятся эти "крокодилы" зла из жарких стран. Его смех, который он считал сопутствующим великой силе Зла, смех наслаждения свободой и пороком, оказался смехом висельника, парализующим нотами неизбывного отчаяния вместо того, чтобы поднимать настроение. Ему, человеку академического ума, было не спрятать от себя всей пошлости этой шутовской публики, и он глубоко страдал, не умея разрешить конфликт в своей душе. Мое сердце разрывалось, когда я смотрела на его искаженное гримасой улыбки лицо, из под которой проглядывали еле сдерживаемое отвращение и страх, страх за свою потерянную душу. И ему всегда было жалко до слез, когда в очередной пьесе де Сада Христа представляли жалким идиотом, а потом подвергали грубому надругательству, ему, с таким цинизмом и злобой высмеивавшему христианство на страницах своих книг и называвшему себя убийцей Бога, ему призывавшему "разбейте, разбейте добрых и праведных". Часто, он закутавшись в черный плащ по самые глаза уходил на постановки театра Данте, где все делали вид, что не узнают

его. Это только те скандальные истории, которые циркулировали в Чистилище, разумеется, я не знаю обо всех многочисленных зрителях порнографического Театра Нерона-Сада.

Театр Данте стал центром религиозного сообщества, противостоящего Философии Зла садистов обратной теорией – Победы Добра над Злом. Здесь образ Христа, оскверненный больными людьми, которыми без сомнения являлись убежденные садисты, обретал свои естественные светлые формы. Здесь его лучащаяся доброта и полный благородства облик вновь оживал, смывая горечь надругательства над дорогим образом во враждебном театре. Христа с большим успехом играл Данте, а святых дев и мучениц с удивительным правдоподобием играла Жанна-д'Арк. Говорят особенно хорошо у нее выходили муки смерти на костре. Данте стал героем этого сообщества в силу неотразимого очарования его Божественной Комедии, а главное в силу правдоподобности и мощи описанного им дантова Ада. Здесь собрались рьяные поборники христианства, большей частью фанатики и страстные ревнители аскетизма и самоотречения при жизни. Негодованию их не было конца, когда они обнаружили, что все закоренелые грешники продолжают развратничать и отлично себя чувствуют после смерти. Более того, они попали в одно место с ними, святыми аскетами! И что самое ужасное, они уже не могли ни устроить Крестовый поход, ни заживо сжечь, ни отлучить от церкви, пообещав Ад в загробной жизни. Они остались один на один с горькой истиной о том, что Зло восторжествовало и цинично издевается над ними. Вот где пригодился Дантов Ад! Следуя примеру развратников они организовали свой театр, где вели постановки о том, как должно было бы быть по справедливости. Вот где они дали волю своему воображению, придумывая все новые пытки для своих врагов, но как они не старались переплюнуть Дантов Ад им не удалось. Савонарола особенно любил ставить продолжительные постановки из Божественной Комедии, детально живописуя одну сцену Ада за другой, только меняя участников: теперь вместо врагов Данте там фигурировали представители партии садистов, на что Данте ни-

сколько не возражал. Частенько Савонарола помещал в Дантов Ад и папу Александра Шестого Борджа, приказавшего его заживо сжечь, негодуя, что встретил его почти что в Раю, на Олимпе Чистилища, развлекающегося в порнографическом театре. В постановках Лютера чаще фигурировал папа Лев Десятый Медичи, которого тот также пропускал через все круги Ада Данте. Леонардо де Винчи не пропустил ни одной постановки Лютера с участием папы Льва Десятого. Они вместе с его другом Франсуа Рабле считали эти постановки самыми забавными комедиями, которые они когда-либо видели и хохотали до слез. Тогда же они признались, что только теперь поняли, почему Данте назвал свое произведение о путешествии в Рай через Ад и Чистилище – Комедией. Вольтер жаловался, что они не используют его сцены о сожжении еретиков из Кандида и других его произведений, но все же исправно посещал театр Данте. Он настойчиво предлагал свою Орлеанскую Девственницу к постановке, чтобы Жанна д'Арк, примадонна театра Данте могла сама себя сыграть, но Жанна с негодованием отвергла это предложение. Ее глубоко обидело это "пахабное" произведение по ее словам, и Вольтеру ничего не оставалось как предложить ее Театру де Сада. Вот где Орлеанская девственница имела оглушительный успех, только Жанна исходила слезами, узнав, что ее роль сыграла англичанка Анна Болейн.

Кальвин предпочитал жечь на кострах ведьм, о чем красноречиво говорят протоколы Женевского муниципального совета о процессе над ведьмами Пигни в октябре 1545 года. "Из них следует, что Кальвин вмешивается в застопорившийся процесс, хвалит совет за прошлые казни и предлагает в добавление к ним, значительно увеличить количество жертв, то есть казнить всех, в том числе и волшебников, безвредных для людей и скота" (Кречмер Гениальные люди). Там же Кречмер отмечает: "Кстати, религиозное государство Савонаролы во Флоренции своей атмосферой во многом напоминает Женеву Кальвина". Кречмер и здесь был возмущен таким поведением защитников Добра и не раз им гневно выговаривал:

- Почему они так мрачны и угрюмы? Почему рядом с ними всегда палач? Эти великие люди превратили отрубание головы в систему (Робеспьер); они совершили гекатомбы людей во цвете лет, принеся их на алтарь Добродетели, а остальных или изгнали или замучили как в застенке, - и все во имя добра. Но разве добро – не доброта?

Ах, сколько раз вторили его голосу Руссо, Томасы Пейны, Расселы, Толстые критикуя религию "справа", за то, что она разрушает то, что должна теоретически отстаивать, но в конце концов преуспели только в том, что сыграли на руку критикам "слева" – нон-конформистам садического, ницшеанского типа, критикующим религию за то, что есть правильно и рационального, за отстаивание принципов совести и сочувствия. Вот и здесь в Чистилище споры между правыми и левыми критиками религии застряли на противостоянии Театров и острых дебатов в Залах Чистилища и не хотели сдвигаться с мертвой точки. Более того, Вольтер позволял себе не только критику справа, но и критику слева, прямо указывая в некоторых своих работах, что доброта в человеке наносная, и есть результат предрассудков воспитания, а зло заложено в его природе и всегда дает о себе знать. Во многом его работы можно считать предтечей де Сада.

Робеспьер, после неудавшихся попыток завоевать доверие своего кумира Руссо, нашел себе приют в театре Данте. Его ненависть к извращенной французской аристократии здесь, в чистилище только возросла, а опыта борьбы с ней ему было не занимать. Более того, приказ на казнь де Сада он отдавал лично, но по нелепой случайности ему удалось ее избежать. И если теперь его радовало, что по той же случайности он не стал палачом Томаса Пейна, хотя тоже отдавал приказ о его казни, то об оплошности с де Садом он искренне сожалел и всячески старался компенсировать своими постановками. Де Сад говорил в ответ, что его ничто так не возбуждает как постановка его казней Робеспьером и предлагал ему пополнить ряды педерастов. Тогда, в кровавые годы робеспьеровской революции, де Сад оказался вновь за решеткой только потому, что у него

не хватило духу претворить в жизнь то, о чем он так красочно изливался на бумаге. "Наслаждение" видом смерти и крови на деле обернулось мертвенной бледностью и слабостью, когда ему предложили подписать смертный приговор. Своей демагогией и лицемерием он сумел пробиться в правящие круги невежественных революционеров, претворившись политзаключенным во времена монархии, хотя был ярым ультрароялистом, который сидел по обвинениям в богохульстве и попытках отравления проституток. Но как только мечты его начали сбываться, и насмешница судьба поставила его буквально у конвейера гильотины, запущенного Робеспьером, де Сад моментально ретировался.

"Кровожадный на бумаге, де Сад, столкнувшись с государственной машиной террора, отшатнулся от нее. Комитет общественной безопасности направлял в Революционный трибунал все больше и больше «врагов республики», а председатель трибунала Фукье-Тенвиль, получивший право выносить приговоры на основании «революционной целесообразности», отсылал к парижскому палачу Сансону все новые и новые жертвы. Став председателем, гражданин Сад тоже получил возможность судить «подозрительных». Но нервы его не выдержали: видимо, наступил предел его лицемерию. Де Сад, с удовольствием описывавший ужасы в «Ста двадцати днях Содома» и в «Злоключениях добродетели», содрогнулся, увидев собственными глазами смерть, поставленную на конвейер. «Убийства ради наслаждения», которые совершали либертены на страницах его романов, были жестокой игрой ума, неким инструментом для исследования темной бездны разума. Когда же он отрывался от бумаги и оглядывался вокруг, то чувствовал, насколько ему претит развязанная государственными террористами вакханалия убийств. Де Сад не сумел провести даже одно заседание: ему стало дурно, и он покинул зал. Он понимал, что таким поведением вписывал в свое досье большой жирный минус, но поделать с собой ничего не мог. Впоследствии он писал Гофриди: «Я разваливаюсь, мне плохо, я кашляю кровью. Я написал вам, что меня назначили

председателем моей секции; я даже облачился в надлежащий костюм совершенно кошмарного вида! Вчера я вынужден был надевать его дважды; впрочем, во время заседания мне пришлось уступить свое кресло заместителю председателя. Они хотели, чтобы голос мой звучал так же ужасно и бесчеловечно. Я этого никогда не хотел. Благодарение Богу, я более не занимаю этой должности!" Е. Морозова де Сад

Зато Робеспьра это нисколько не пугало, хотя он был ревностным почитателем добродетели, над которой Сад издевался, топча распятие. "Эмиль" Руссо стал для Робеспьера библией. Наполеон по этому поводу говорил, что Робеспьер был чудовищем, но ничего не делал лично для себя, а всегда исходил из принципов благочестия, которые считал священными. В этом смысле он был порядочным человеком, - заключал он. Личное бескорыстие Бисмарка и Ленина также не ставилось под сомнение, и в этом отношении они тоже были несомненно исключительно порядочными людьми. Но здесь Руссо категорически отказался поддерживать с ним отношения, заявив, что он уже достаточно скомпрометировал его на земле своей невиданной жестокостью, которую почему-то связал с его именем, хотя сам он проповедовал только мирные способы социальных переворотов (Ленин от души смеялся над этим крайним тупоумием Жан-Жака). Русо был одним из редких на момент моего посещения везунчиком, которому удалось таки встретить свою любовь. Это воспетая им в мемуарах "маменька" госпожа де Варанс, они встретились в лесу, в котором он проводил большую часть времени на берегу озера. Самая любимая и важная в его жизни женщина и теперь после смерти была рядом с ним, а он как и желал того, мог наслаждаться прелестями самой оглушительной красоты природы. Сюда же к ним присоединились Лев Толстой и Чертков, другие его горячие поклонники. Все они предпочитали держаться вдали от политической жизни Башни Чистилища, считая свой долг выполненным на земле. Этот тропический лес, с трепетной прелестью слепящих бликов озера, стал их маленьким раем и о большем они и не

мечтали. Часто к ним присоединялся Кант, обожавший труды Руссо не менее Толстого. Гете с Байроном приходили реже, но регулярно. И все было бы прекрасно, если бы не жена Толстого, которая тоже прошла на Олимп и не давала ему покоя уже тут, хотя он надеялся отдохнуть от нее хотя бы после смерти. Робеспьер надоедал Руссо, выводя его до такой степени, что они наконец перестали чувствовать себя в Раю, и начиная осознавать, что их природная идиллия только иллюзия.

Екатерина Медичи, которая давно примирилась с прошлыми своими врагами гугенотами, теперь ставила Варфоломеевскую ночь с участием садистов, которых всегда всех сразу убивали за одну ночь. Генрих Четвертый, которого она обратила в католичество в результате этой ночи, не любил ходить на ее постановки, но Генрих Третий, любимый сын Екатерины, с которым они были неразлучны здесь в Чистилище, настаивал, что нехорошо огорчать мамам. Брат и муж Маргариты Валуа, оба правившие Францией и оба предательски убитые, оба обожавшие "шута" Шико, здесь вместе с последним всегда держались вместе. Мне нравилось смотреть на эту тройку, так часто разражавшуюся громким заразительным смехом, и ставших одной из центральных команд "золотой молодежи". Частенько к ним присоединялся Джордано Бруно, обязанный Генриху Третьему несколькими годами "спокойствия и безопасности" и рекомендациями в Англию, настолько Генриха поразили лекции молодого ученного. После Генриха уже ничего хорошего с ним не случалось вплоть до мученической смерти на костре. Все трое были очень благодарны Александру Дюма за то, что он увековечил их память в истории и часто ставили свои постановки в Театре Ретланда. Екатерина Медичи утешилась, обретя в лице Жанны д'Арк новую дочь, которой безмерно восхищалась и за добродетель и за отвагу, и за службу Франции, и перестала думать о своей заблудшей Марго.

Сам Данте отказывался принимать участие в постановке своего художественного шедевра, будучи погруженным в тяжелое горе разлуки с Беатричи. Его мечты встретить ее в Раю

обернулись оглушительным провалом. Вместо Беатричи он встретил на Олимпе самых отборных негодяев, от одного вида которых его мутило и бросало в дрожь. А его прекрасная Беатричи, будучи простой соседской девушкой, конечно же не прошла на Олимп Чистилища. Тогда когда он впервые встретил ее, ребенка девяти лет в ослепительном красном платье, чей-то голос сказал ему: "Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобой". Данте без устали искал ее на нижних этажах Башни вот уже семьсот лет среди погруженных в вечную спячку теней и пока не достиг никакого прогресса. Тоска его была безмерной именно от того, что здесь, в чистилище уже не было никакой надежды обрести ее, тогда как на земле он мог еще мечтать встретить ее после смерти, что он и выразил в своей комедии. Ведь его божественная комедия – это очень трудная дорога через Ад, и Чистилище к звездам Рая для встречи с ней, с любимой. Только ради этой встречи проделал Данте сложнейшую задачу и на страницах своей книги, пробираясь с любимым писателем Вергилием через Ад, и в жизни, покрывая сотни страниц стихами, чтобы воспеть невиданную чистоту и красоту своей возлюбленной. Правда в жизни она вышла замуж вовсе не за Данте, хоть и знала его с детства и прожила три года в браке, в потом умерла в возрасте 23 лет. Данте тоже был женат и имел детей, но ни в своем творчестве, ни здесь в Чистилище он не вспоминал о жене, а только о Беатричи, которая не была ему ни любовницей, ни женой.

Театр Цезаря – Ретланда, который попросту именовали Театром Шекспира (по псевдониму графа Ретланда, под которым он прославился на земле), был по настоящему популярен у интеллектуальной публики Олимпа, не одобрявших настоящие космические войны, развязанные в театрах садистов и дантовцев. Здесь собиралась так называемая "золотая молодежь" Олимпа, к которым относили всех гениев мирового искусства всех времен и народов. Здесь можно было встретить не только Цезаря и Клеопатру, Ретланда и Бэкона (его учителя), Октавиана Августа и Мецената, но и Перикла и Аспазию, Моцарта и

Бетховена, Леонардо де Винчи и Микеланджело, Моне и Ренуара, Вагнера и Шопена, лорда Байрона и его знаменитую дочь Аду Лавелас, Гете и Руссо, Достоевского и Марио Пьюзо, Томаса Пейна и де Лафайета, Людовика Шестнадцатого и Марию-Антуанетту, Бальзака и Александра Дюма, Льва Толстого и Черткова, Мольера и Чехова, Вольтера и Теккерея, Свифта и Стеллу, Пушкина и Лермонтова, Сулеймана Великолепного с Ибрагимом и Хуррем – султан, Шико и двух его королей Генрихов, Елизавету Английскую, Наполеона и Жозефину, Брамса и Штрауса, Дега и Ботичели, Сервантеса и Гоголя, Кьеркегора и Регину Олсен, Сартра и де Бовуар, Ремарка и Селинджера, и даже Владимира Высоцкого и Джона Леннона между прочим. Их особенно любили слушать Байрон, Цезарь и Македонский, когда они вечерами собирались в интимной закулисной обстановке. И еще многих, многих других, кого я или не вспомню сразу или же просто не узнала при встрече. Разумеется, далеко не все из них умерли до сорока лет, как многие гении, но я только потом поняла, что термин "золотая молодежь" закрепился за ними больше из-за их непреходящей душевной молодости, свойственной художникам и поэтам, в отличие от умудренных знаниями ученых, чувствующих на себе всю тяжесть вечных дорог интеллекта. Театр Шекспира разделился на две партии: Партию Шекспира и Партию Байрона, из-за кардинально различных взглядов на природу любви. Это разделение породило длинные дебаты и баталии, которые составляли существо духовной жизни театра.

Противостояние Байрона и Ретланда обострялось давнишним конфликтом, связанным с Елизаветой Первой Английской, той самой королевой Бесс, которая вошла в историю как королева- девственница. Дело в том, что граф Ретланд-Шекспир был близким другом последнего фаворита Елизаветы – графа Эссекса, на падчерице которого Ретланд был счастливо женат. Элизабет Сидни, дочь известного поэта Филиппа Сидни, приходилась Эссексу падчерицей, так как он женился на вдове Филиппа тайно от королевы. Королева страшно разъярилась, ко-

гда обнаружилось, что ее фаворит в тайне от нее женился на другой, но постольку поскольку сама она наотрез отказывалась выходить замуж за кого бы то ни было, чтобы не делиться ни с кем властью и сохранить ее всю целиком для себя, то ей пришлось смириться с этой новостью. Но чего только не наслушался Эссекс: какой низкий мезальянс он совершил, когда его руки была достойна любая владетельная принцесса.

Брак Ретланда с Элизабет Сидни, которой тогда было всего 15, как его Джульетте (той было 14!) оказался на редкость успешным и плодотворным, если за детей принимать бессмертные произведения этой четы: Уильям Шекспир – это брачная чета Ретландов, писавших свои произведения той любовью, которая жила между ними, и которых смерть также не смогла разлучить, как знаменитую шекспировскую пару (так и хочется добавить – малолеток! Право, несерьезно говорить о любви четырнадцатилетних детей). Правда в обычном смысле брак этот не мог принести плодов, поскольку он оказался...платоническим. Да, именно так, и как говорят, это связанно с лихой молодостью Ретланда, который подобно Эдгару Глостеру из Короля Лира, в молодые годы "был ленив, как свинья, и женщин имел больше, чем у турецкого султана". И даже вражда Эдгара и Эдмонда Глостера за отцовский титул графа была взята из жизни Ретланда, тяжело переживавшего зависть брата за то, что он унаследовал титул отца. Впрочем, Ретланд не заставил брата долго ждать – в 35 лет его не стало, а вслед за ним покончила с собой и его совсем еще молодая жена Элизабет. Его убил сифилис, которым он заболел "таким путем, как это обычно бывает", говоря словами Толстого, лечившегося от венерических болезней молодости, Ретланд не при каких условиях не хотел передать свой очаровательной жене. Вот почему их любовь осталась только духовным союзом.

Таким образом, Ретланд был обязан своему другу Эссексу самым большим сокровищем своей жизни – женой Элизабет. В свою очередь, когда Эссекс восстал против королевы, унижавшей не только его мужское, но и человеческое достоинство, и

поднял против нее вооруженный бунт, благородный Ретланд оказался тут как тут, сопровождая своего друга в опасном путешествии с оголенной для драки шпагой. Но бунт был подавлен, Эссексу отрубили голову, а его помиловали за его литературные достоинства, что делает Елизавете честь. Только великий человек может пренебречь личной обидой, даже больше чем обидой – угрозой жизни и чести, пусть миновавшей угрозой, и исходя из объективной оценки значимости личности вынести справедливый приговор. Да и к тому же, разве не она назвала его "дитем государства", сжалившись над сиротой, рано лишившегося отца?

Однако, Ретланд не оценил этой милости по заслугам. Он был готов к смерти, а оказавшись помилованным был отослан от двора. Здесь начинается самый продуктивный период его творчества, появляются на свет самые знаменитые трагедии, несущих в себе жар пылающего негодованием сердца поэта, лишившегося друга и веры в справедливость.

«Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье
И девственность, поруганную грубо ...
... Все мерзостно, что вижу я вокруг,
Но жаль тебя покинуть, милый друг!»

"В марте 1603 года умерла королева Елизавета 1. Ее смерть оплакана всеми поэтами Англии, кроме Шекспира – Рэтленда. Его осудили многие поэты. Воцарение Иакова 1 Стюарта – сына казненной Марии Стюарт. Следуя из Шотландии в Лондон, король остановился в Бельвуаре, был чрезвычайно милостив к Рэтленду, пожаловал ему почетные посты. Он был полностью восстановлен в своих правах, избавлен от штрафа. Но Рэтленд предпочитает оставаться вдали от двора. В этот период он тяжело переживает разрыв со своим другом Саутгемптоном, обвинившим Рэтленда в его откровенных показаниях на допросе, усугубивших положение подсудимых. Непосредственность Рэт-

ленда подвела !Одним из первых актов нового короля было создание «патента» для актерских трупп и, в первую очередь, для «Глобуса», актеры которого стали именоваться «слуги Его Величества». За год королю было показано труппой 11 пьес, в том числе семь шекспировских, две – Бена Джонсона и две других авторов".

Смерть королевы и впрямь была поэтической. Она пережила Эссекса всего на два года и умерла как говорят, когда узнала, что он просил о помощи, но интриги помешали ей узнать правду.

"Елизавета не сразу решилась подписать смертный приговор бывшему своему любимцу. Ее возмущала не дерзость, но непреклонность графа Эссекса, ни разу за время следствия не выразившего даже намерения воззвать к милосердию королевы. Она ждала раскаяния - он молчал, она ждала просьбы о пощаде, но гордый Эссекс не желал покупать жизнь ценой унижения. Утром 25 февраля 1601 года он был обезглавлен в подвальном этаже Тауэра. От внимания присутствовавших не ускользнули тревожные взгляды, которые бросал Эссекс, будто чего-то поджидая. Пушечный выстрел возвестил жителям столицы, что приговор над мятежником совершен, правосудие удовлетворено и душа бывшего временщика вознеслась к небу, как облачко порохового дыма. Враги Эссекса торжествовали, негодовавшая на них Елизавета со дня казни сделалась задумчивой и рассеянной; имя фаворита, неосторожно при ней произносимое, заставляло ее содрогаться. Воспоминание о графе Эссексе причиняло ей боль, королеве стоило больших усилий, чтобы воздерживаться от выражения своей безутешной скорби. В начале 1603 года графиня Ноттингем, находившаяся при смерти, пожелала видеть королеву и сообщить важную государственную тайну. Елизавета отправилась к графине и нашла ее в безнадежном состоянии, близком к агонии, но в полной памяти и ясном сознании.

«Известно ли вам, что граф Эссекс накануне своей казни желал видеть меня? - спросила она королеву. - Я посетила его в

Тауэре, и он умолял меня, именем всего святого, передать вам перстень... Этот самый... И напомнить...» Рыдания заглушили голос больной. Вырвав у нее из рук перстень, подаренный Эссексу после возвращения из Кадикса, Елизавета повторила: «Напомнить? Напомнить о чем?» «Напомнить о вашем обещании в обмен на перстень оказать ему милость, какое бы ни было его желание. Несчастный Эссекс, именем той минуты, отсылая вам перстень, просил о помиловании...» «А вы не исполнили его желания!» - вскричала Елизавета, вставая с кресел. «Мой муж, узнав об этом, запретил мне...» «Спасти жизнь своему сопернику? Он мог запрещать вам! Но вы, женщина, не должны были повиноваться! Эссекс, Эссекс...- прошептала королева, прижимая перстень к посиневшим губам и с выражением отчаяния в тусклых глазах. - Бог может простить вас, графиня, - продолжала Елизавета, с негодованием отодвигаясь от постели умирающей, - но я - я не прощаю и не прощу никогда!» Через два дня графиня Ноттингем скончалась и тем была, бесспорно, счастливее королевы. Вернувшись во дворец, Елизавета, сжимая перстень в руках, упала на постель, и до поздней ночи пробыла в полузабытьи. На все расспросы фрейлин и прислужниц она шептала: «Эссекс!.. Эссекс!..» Вечером 24 марта она погрузилась в паралитическое состояние, уставив недвижные, потухшие глаза в угол комнаты, и пробыла в этом состоянии девять дней, почти не принимая ни лекарств, ни пищи. «Эссекс!.. Эссекс!..» - изредка бормотала она помертвелыми устами, покачивая головой, будто тревожимая призраком казненного. 2 апреля она очнулась и на расспросы канцлера о выборе преемника невнятно назвала Иакова Шотландского. 3 апреля Елизаветы не стало".

Вот этой обиды и не мог теперь простить граф Эссекс Елизавете, а Ретланд не мог простить как незаслуженных страданий друга, так и своих собственных страданий, которым предала его королева после казни фаворита, назначив разорительный штраф и долгую разлуку с любимой женой. Отчимом Эссекса был тот самый Роберт Дадли, который предшествовал своему

пасынку в роли фаворита и который сам ей его представил, чтобы наконец уйти на заслуженный отдых, ибо ему также пришлось жениться тайно на матери Эссекса. И все трое оказались связанными не только родственными узами, но и ненавистью к своенравной и властолюбивой королеве, принесших их в жертву своему ненасытному тщеславию и упрямству. И потому не один из них не хотел ее прощать и принимать в Театр Ретланда. Однако, Цезарь настоял, заявив, что она будет его личной гостьей, так как зарекомендовала себя великой государыней, пекущейся о благе народа, и что не по мужски дуться на женщину за несостоявшуюся любовную историю.

Ретланд, Эссекс и Дадли смирились с решением Цезаря, но поклялись превратить жизнь Елизаветы в ад, чтобы она сама по своей воле убралась из их театра, и дала им спокойно жить хотя бы на том свете. А Елизавета все шептала "Эссекс" и молила о прощении, чувствуя, что лишившись короны и став обычной женщиной, намного острее ощущает свою любовь к нему. Но друзья были неумолимы. Они не только бойкотировали ее, но и не пропускали случая высмеять ее жестокость, властолюбие, и молодящуюся старость последних лет в каждой новой постановке Ретланда. "Старуха",- это благодаря написанной по ней пьесе за Елизаветой закрепилось это прозвище на Олимпе. Нельзя сказать, что портрет не соответствовал действительности, и именно это и было ей больнее всего. Ведь здесь все менялись, все начинали осознавать свои ошибки, почему же только ее одну так жестоко преследуют. В конце концов, она решила сдаться и уйти в театр Данте, но тут на Олимп подоспел Байрон и ее судьба круто изменилась.

Верный своей страсти защищать слабых, особенно, если в роли слабого оказалась прославленная английская королева, Байрон смело выступил на ее защиту и получил в награду всю любовь и благодарность истерзанной женщины. Зато с Шекспиром сразу начались проблемы, а они оба этого не желали, по настоящему восхищаясь друг другом в глубине сердца. Елизавета поняла, что за время изощренных пыток, которым ее подвергли

ее бывшие возлюбленные она, наконец, излечилась от любви к ним, а Байрон узрел в этой сильной, образованной, умной женщине идеал к которому всегда стремился. Не надо говорить, что здесь в чистилище, куда люди приходят, освободившись от тела, биологический возраст ничего не значит и человек выглядит лишь на силу красоты своей психической энергии. Любовь Байрона излечила ее, и положила начало непримиримой борьбе двух титанов поэзии.

Приход Байрона стал спасением и для Александра и Цезаря, терроризируемых Клеопатрой. Александра спасла дочь Байрона – Ада Лавлейс, в которую он влюбился с первого взгляда, усмотрев даже в том, что она носила имя женщины, которую он когда-то приравнивал к статусу матери, знак свыше. Но конечно, дело было не в имени. Неугомонный нрав, всесторонняя образованность, сила и отвага отца – все это покорило его всего и сразу. Цезарь, который был окутан сложным треугольником с Антонием и Клеопатрой, бывшей поочередно любовницей каждого из них, вздохнул, когда Александр наконец устроил свою судьбу и тоже поверил, что есть еще достойные его женщины, помимо роковой египетской царицы. И верно, Внимание Байрона к Елизавете, привлекло его внимание к Сиси, жене Франца Иосифа, австрийского императора, с которой Елизавета очень сдружилась в чистилище. Оказалось, что Сиси спортивна, обожает путешествовать, очень начитана, несказанно добра, и что немаловажно невиданная красавица с густым плащом непослушных черных волос. Цезарь был сражен и взят без боя. Клеопатра устроила ему истерику, грозилась как обычно уйти в театр Сада – и раньше это пугало его до такой степени, что он терял способность здраво рассуждать. Не только потому, что он ревновал Клеопатру – он вовсе не был уверен, что сохранил к ней еще какие-то чувства, но прежде всего из страха так осрамиться перед этим чудовищем. Итак уж не чувствовал себя мужчиной, когда вспоминал, как несколько раз чувствовал страх в его присутствии – страх в котором он не мог сознаться даже самому себе. Шутка ли, великий Цезарь испугался размазню и поддонка, из

самых низких отбросов общества! А теперь вдруг ему стало абсолютно наплевать: "Скатертью дорога!", - напутствовал он ее и публично объявил себя парой с красавицей Сиси. Что касается Франца Иосифа, то он сильно страдал, так как любил ее, но Сиси не смогла простить ему свекрови, державшей ее на дыбе все время ее замужества, и в конце концов косвенно способствовавшей гибели ее единственного и горячо любимого сына. И Франц немало способствовал гибели ее сына, которого отказывался понимать и политическому росту которого всячески препятствовал. А ведь он так хотел предотвратить первую мировую войну! Но не смог: убит, или застрелился, и война поглотила миллионы таких же невинных молодых жизней. Да и ее саму убили на одной из прогулок, потому что она рано приобрела привычку сбегать из дому, только чтобы избежать стычек с ненавистной свекровью. Клеопатре пришлось удовлетвориться Антонием и тут она ощутила, что ее любовь сходит на нет. Хорошо подоспела Жозефина с Наполеоном, и стала учить ее французским штучкам придворных кокеток, так что они и впрямь вскоре стали всерьез задумываться о театре Сада. Жозефина стала почти брезговать своим когда-то великим возлюбленным, которого больше ни во что не ставили.

Постановка Сервантеса о Наполеоне в образе Рыцаря Печального Образа не просто имела успех, она спровоцировала настоящую революцию в Башне. Сам Наполеон метался, словно рыба на сковороде, потеряв всякую надежду найти себе пристанище и здесь, в чистилище. Презрение "золотой молодежи", во главе с Александром Македонским, Цезарем, Ретландом, Лафайетом и Байроном уже давно невыносимо мучило его, кровоточа незаживающей раной. Но будучи прежде всего политиком, и человеком практики, он уговорил себя не обращать на это внимание, поскольку не видел для себя другого места в обществе Олимпа. Где ему Наполеону быть, как не со своими античными кумирами? Где ему быть, как не с теми, кто когда-то вдохновил его на великую войну по завоеванию мира? Где ему быть как не с теми, кому он был обязан своей всемирной сла-

вой на земле и всему великому, что было в его жизни? Всему тому, что позволило ему пережить горечь падения и выпить чашу унижений до конца. Нет, другого выхода у него не было, только здесь, с этими великими воинами его место, ибо он доказал, что он тоже один из них. Не идти же ему в самом деле в порнографический театр сумасшедшего де Сада и клоуна Нерона, не сумевшего воспользоваться властью римского императора, этого недоумка, убившего собственную мать! Наполеон содрогнулся при одной мысли об этом. Его знаменитая своей скромностью, преданностью сыну, здравостью суждений и сдержанностью мать благополучно прошла вместе с ним на Олимп, и здесь также как и там на земле, оставалась единственным преданным ему другом. Помимо всего прочего в театре де Сада собралась публика, которая имела все основания глубоко его ненавидеть: это прежде всего Бурбоны, чей трон он узурпировал, и вся французская аристократия, не простившая ему своего унижения. Это были Папы, которых он унизил еще больше, запугав и превратив в своих тряпичных кукол на веревочках. Особенно Александр Борджа зеленел от злости, когда вспоминал тот позор, которому он подверг папский престол на своей коронации, когда он выхватил корону из рук папы, словно это был какой-нибудь нерасторопный лакей, и сам надел ее себе на голову. И все это потому, что великий Наполеон не может как сотни королей до и после него стать на колено перед посланником божьим, в символ того, что он принял свою власть от Бога, и будет править от его лица. Множество причин преграждало ему путь и в партию Эйнштейна-Расеела: первая и главная состояла в том, что там собрались либералы, а он олицетворял деспотизм. Второй раз ему уже не удастся обмануть их своей показной приверженностью Свободе, которая когда-то позволила ему прийти к власти. Теперь все знали, что настоящая его цель только абсолютная власть. Томаса Пейна даже от вида этого "шарлатана" мутило, так что он старался избегать встреч в коридорах, не говоря уже о совместной работе. Во-вторых, там собрался весь цвет английской интелли-

генции и аристократии, ненавидевшей его за бессмысленную блокаду Англии, за смерть своего героя Нельсона (который тоже там присутствовал), и все это ради того, чтобы однажды спасаясь от своих же французов, добровольно подняться на борт английского судна и сдаться в плен. Героическая душа Байрона была тогда возмущена до предела, с горящими от стыда щеками за своего некогда кумира писал он гневные строки, изливая боль сердца на бумаге:

Все кончено! Вчера венчанный
Владыка, страх царей земных,
Ты нынче - облик безымянный!
Так низко пасть - и быть в живых!
Ты ль это, раздававший троны,
На смерть бросавший легионы?
Один лишь дух с высот таких
Был свергнут божией десницей:
Тот - ложно названный Денницей!

Наконец, в третьих, там собрались ученые, которые вели интеллектуальные дискуссии такого уровня сложности, что неподготовленному человеку не стоило и пытаться разобраться в предмете. А гордость Наполеона не позволяла ему учится у других и выглядеть дураков перед лицом самой блестящей интеллектуальной элиты всех времен и народов. Нет, его место было среди военной знати, и туда он и стремился.

Но постановка Сервантеса, вдруг разом обнажила его кровоточащую душу перед всеми, душу, которую он прятал от самого себя. Можно убежать от всего кроме правды, а его правда была ужасна, невыносима. Он был всего лишь сумасшедшим, всего лишь Рыцарем Печально Образа, воевавшим с ветряными мельницами, только его мельницы оказались живыми людьми, которые умерли ни за что. В разгаре своей славы на земле он бы не поверил, посмеялся, но после всего, что он пережил, истина уже давно настойчиво пробивалась в его сознание. Его обманули, эти великие люди, поливающие его теперь своим презрением, это они его обманули. Им он поверил, поверил в их напускное

величие, и загорелся их мечтами. Ах, зачем он сразу не понял, что они тоже клоуны в комедийном театре, как это стало очевидно сейчас!

Бертран Рассел, о партии которого мне осталось рассказать, быть завсегдатаем Театра Ретланда вместе со своим лучшим другом Эйнштейном. Ко времени прибытия Рассела в Башню Чистилища, работа вокруг поисков Дороги в Рай велась хаотично, и сводилась только к спонтанным дебатам и простой ругани философов, отстаивавших различные точки зрения. Особенно Шопенгауэр любил задать "перцу" Гегелю, понося на чем свет стоит его "треклятый рационализм". Шопенгауэр еще при жизни старался доказать Гегелю, что он ничтожество по сравнению с ним, назначив свои лекции на один с ним час. Он до сих пор не мог ни понять, ни простить, что ему тогда пришлось отказаться от преподавания, потому что все предпочли лекции Гегеля. Рассел, который хорошо знал не только философии всех столпов Залов Души, но и их жизни и взаимоотношения, начал с того, что постарался всех примирить. Как во времена Первой Мировой Войны, когда он организовал кипучую деятельность по налаживанию Мира, и прослыл великим гуманистом, Рассел теперь бросил все свои силы на налаживание Мира в среде великих философов. Как только страсти немного улеглись, он поставил перед ними стоявшую на повестке дня задачу: организованно приступить к исследованию Дороги в Рай. Эйнштейн во всем поддерживал своего друга, извиняясь, что так рад его прибытию, тогда как радоваться смерти друзей нехорошо. Они много шутили по этому поводу, поскольку их остроумие уступало только их учености. Так была открыта партия гуманистов-рационалистов, в которой впрочем вошли все философы и не только рационалисты: до того сильно было личное обаяние Рассела и авторитет его друга Эйнштейна. Партия была названа именем Рассела – Эйнштейна, как когда обращение ученых к миру для предупреждения угрозы атомной войны. С этих пор работа поисков Дороги в Рай впервые стала вестись

организованно, философы и ученые регулярно встречались и обсуждали острые вопросы и темы, происшествия в Башне, была четко продумана структура партии и аппарат управления и контроля. Должности Председателя, секретарей, заместителей, и помощников, аналитиков и агентов, ведущих работу на нижних этажах продуманы и распределены. Рассел же стал инициаторов гуманистической работы на нижних этажах, которая состояла в организации лекций и в целом интеллектуальной работы с целью оживления и укрепления духа людей. Одно его присутствие внушало людям веру в то, что Дорогу в Рай рано или поздно откроют, и время в Чистилище стали делить на дорасселовские и послерасселовские времена. До него на нижних этажах хозяйничали садисты, которые видели особое удовольствие в том, чтобы похваляться перед простым людом своим положением на Олимпе и требовать от них поклонения и подчинения себе. Они даже соперничали по количеству "вассальных этажей" у каждого: лидерами, как и на земле были Гитлер, Наполеон, де Сад и Макиавелли под прикрытием Борджа. Многие ученые и до Рассела глубоко возмущались такому поведению садистов – особенно Спиноза, Сократ, Платон, Фромм, Томас Пейн, Руссо, Кант и Толстой, не говоря уже об Эйнштейне, но никто не сумел организовать это возмущение в единую противостоящую садистам силам. Одни только детские игры в казни Театра Данте не могли представить реальную сдерживающую силам разгулу садистов. Но с приходом Рассела мощь народного возмущения обрела единую волю и беспределу садистов удалось положить конец. Они конечно по прежнему хозяйничали на вассальных этажах – но теперь уже там же энергично работали и агенты партии гуманистов-рационалистов – утешая, просвещая, помогая, защищая. Другой победой Рассела стало привлечение к сотрудничеству материалистов. Он был при жизни знаком с Лениным, дал ему положительную характеристику в своей работе о большевизме, за что Ленин остался ему благодарен. И здесь их встреча принесла свои плоды. Расселу удалось вызвать ин-

терес к исследовательской работе у Маркса и Ленина, которые были учеными по своей природе и призвать их к конструктивности. Теоретические задачи – пища интеллектуалов, они по настоящему голодны только когда им нечего решать и в конце концов аппетит ученых разыгрался с новой силой. Фракция материалистов основала левое крыло партии гуманистов-рационалистов, в то время как фракция идеалистов, которую возглавлял Гегель образовывала их правую оппозицию. Сам Рассел и другие ученые, поставившие себе задачу найти консенсус между крайними взглядами, заняли центральное положение в дебатах. Так начало работе было положено и поиски Дороги в Рай благополучно заскользили по хорошо налаженным рельсам.

ГЛАВА 7. ТЕАТР НЕРОНА-САДА

Страх потерять свою бессмертную душу от недостатка энергии во многом способствовал прочности сообществ Олимпа и их разрастанию. Тот факт, что люди быстро теряют энергию наедине с самими собой и напротив способны подолгу ее удерживать в обществе друг друга быстро стал общедоступен. По этой причине новых театров и партий почти не создавалось, и каждый стремился покрепче обосноваться в тех знаменитых театрах, в которых собрались уже наиболее мощные источники психической энергии. Здесь, в чистилище, законы экономии психической энергии становились определяющими. Именно вокруг них вращались все интересы и тревоги обитателей Олимпа. Как сохранить и приумножить энергию своей души? Как обезопасить ее от истощения или от взрыва? Как поднять уровень энергетики на такой уровень, чтобы можно было забыть о страхе и волнениях и начать, наконец, наслаждаться жизнью? Немногие ученые, мощность силы духа которых гарантировала им эти недосягаемые для массы блага, здесь справедливо заняли место всеобщих кумиров, которым старались подражать и от которых стремились заряжаться энергией.

Впрочем, элита Театра Нерона-Сада не относилась к их числу, хотя и ей были очень хорошо знакомы проблемы с нехваткой энергии. Но лидерам Театра серьезных кризисов пока удавалось избегать, а истощение рядовых членов партии, равно как и распад многих в результате взрывов они считали необходимыми издержками своего потребления. Им казалось естественным, что также как и на земле, здесь необходимо питаться, чтобы жить. Те рядовые члены партии, которые умирали в результате истощения от интенсивного расходования своей энергии в постановках Садистов, расценивались садистами как нормальное "расходование материала". Не могут быть одновременно быть сыты

волки и целы овцы, - говорили на это Нерон, де Сад, Гитлер и Фрейд. И никто не знал, что на это возразить. Говорили, правда, что каким-то чудесным образом членам партии Бертрана Рассела как то удается сохранять самый высокий уровень энергии в Башне и при этом среди ученых еще ни разу не было зафиксировано случая истощения или взрыва души. Но на это садисты только цинично ухмылялись:

- Либо там что-то нечисто, и от нас скрывают истинное положение вещей, - говорили они, - либо все дело в том, что они и не живут вовсе, вот и не тратят энергию. Вы посмотрите, мы наслаждаемся любовью, вся наша жизнь сосредоточена вокруг единственного источника наслаждения и смысла жизни – любви. А чем занята жизнь этих сухарей, этих "часовых механизмов", как говорит наш великий Ницше? Они сидят целыми днями уткнувшись в свои скучные книги и ничего не видят вокруг. Они уже умерли, вот почему они никогда не умирают. Видимо, это просто такой самый милосердный способ погибнуть здесь, сохранив еще в своей оболочке видимость жизни.

Такой самогипноз успокаивал садистов, но ему ничуть не поддавались другие театры и тем более сами ученые, которые были единственными людьми в чистилище, никогда не чувствующими проблем с запасами психической энергии. И уж конечно, им было что рассказать садистам о любви и о истинном наслаждении жизнью. Но они не видели в растрате своего времени на них никакого смысла. В отличие от Гитлера, который в свое время наивно возмущался, что никто не хочет верить его самоочевидным аргументам, ученые прекрасно понимали, что до тех пор, пока не будет выработано единое Пространство Интеллекта и способы научной проверки и доказательства единой истины – спорить с другими об их мнениях также безнадежно, как спорить о предпочтениях в пище.

Однако, в Театре Сада дело с запасами ПЭ действительно обстояло далеко не лучшим образом. Главное, что отличало этот театр от всех прочих – это отсутствие стабильности в уровне энергетики его членов. Лидеры театра действительно постоянно

нуждались во все новых "жертвах", чтобы пополнить свои моментально сгорающие ресурсы ПЭ и никогда не могли поднять уровень своей энергии даже до состояния простого покоя, не говоря уже о наслаждении. Это очередной подтверждало теорию гомеостаза Фрейда и заставляло всех смириться с непреложной научной истиной с одной стороны, а с другой стороны очередной раз убедиться в ложности всех других теоретиков психики, кроме своего кумира Фрейда.

Фрейд, как известно, утверждал, что мотивация психической энергии ничем не отличается от мотивации биологической энергии. Зверей толкает на поиски пищи - голод, на поиски партнера для размножения - желание спариваться, на поиски воды – жажда, на поиски тепла – холод и тп. Голод, жажда, сексуальный голод, холод – все это боль, дисбаланс, который толкает животное искать средства чтобы снять эту боль, этот дисбаланс и вернуться к состоянию покоя и равновесия. Тогда он сможет прилечь и немного расслабиться и отдохнуть, пока новый голод и жажда не толкнут его на поиски новых средств для временного покоя. И так эти круги от били к покою, от неравновесия к равновесию будут продолжаться всю жизнь животных и именно эти круги составят течение их биологической энергии. Этот круговорот между состояния дисбаланса и баланса получил название гомеостаза.

Точно также и жизнь людей, говорил Фрейд, не имеет в себе ничего другого, кроме круговорота между болью и временным покоем, между балансом и дисбалансом. Сексуальный голод – вот основная боль, которая держит человека в вечных поисках покоя. Но этот покой всегда только временный, замечает Фрейд, ибо природа специально устроила так, чтобы голод этот оставался неудовлетворимым, чтобы смысл жизни и мотивация к движению не были исчерпаны.

Вот и садисты, как никто другой сумели убедиться в правильности этой теории гомеостаза Фрейда. Чтобы они не делали, какие бы потрясающие пары себе не находили, через какое-то время они непременно теряли интерес друг к другу и уровень

энергии падал почти до нуля, так что новый голод и новая боль толкали их на лихорадочные поиски новых "жертв".

Источник энергии садистов находился в их тщеславии, самолюбие и влюбленности. Только когда они ощущали себя "господами", только когда имели в своем распоряжении людей, которыми могли командовать и кому могли приказывать, - их голод слегка притуплялся и они уже не так страдали от нехватки энергии. Поэтому главной отличительной чертой этого Театра стала зависимости от временных членов, которых они изнашивали на ролях рабов и подчиненных.

Самолюбие и Влюбленность – это два противоположных психических притяжения, действительно аналогичных двум противоположным биологическим полам, но ни в коем случае не равным им. Самка и самец – это противоположные притяжения биологической энергии. Противоположными их делает как форма гениталий, как бы дополняющих друг друга до целого, так и разный уровень силы самцов и самок, также способствующий их единению. Самка ищет защиты, а самец ищет объекта для демонстрации своей силы – вместе они образуют целое в заботах друг о друге.

Самолюбие и Влюбленность – это противоположные притяжения психической энергии. Они также противоположны по форме – Влюбленность ищет объекта для посвящения ему своих сил, Самолюбие ищет того, кто посвятит ему свои силы и утвердит его этим в его самолюбовании. Влюбленность отдает и слабеет, Самолюбие питается за счет донорства влюбленности. Здесь как и в животном мире, встречаются слабый и сильный, настроенный на отдачу и настроенный на приятие – одним словом, ключ и замок, который вместе образуют одно целое, будучи идеальными скважинами друг для друга. Однако, биологическая любовь и психическая любовь, несмотря на сходство энергетических механизмов – это совершенно разный уровень контакта. Одно дело – просто секс, совсем другое дело наличие влюбленности, которая сама по себе может принести намного больше переживаний (чаще дурных), даже без секса.

Именно потому, что это совершенно разные вещи, любовь оставалась доступной садистам даже после расставания со своим телом, то есть с биологической энергией. Она и была действительно их единственным источником питания, и как вы уже поняли весьма скудным источником. А все потому, что такая любовь – это соединение через захудалый ДТПЭ (детерминированный ток ПЭ), у которого очень низкие и нестабильные резервы циклов баланса-дисбаланса (гомеостаза). Самолюбие и Влюбленность – рождаются на силовом поле ДТПЭ в результате Эгозащиты и являются способом достижения временных балансов через соединение этих противоположностей.

Самолюбие – это стремление к подчинению своему Эго всего прочего мира, что всегда проявляется в страсти к насилию, в потребности к господству над другими, в субъективности и нежелании думать о потребностях и проблемах других людей. Так проявляется "верхняя Эгозащита", когда человек считает себя сильнее своего окружения.

Влюбленность – это стремление напротив подчинить свое Эго какой-то непреложной силе, какому-либо авторитету, который надежно укроет и отблагодарит своей протекцией и милостью. Эта позиция замечательно изложена в романах Захер-Мазоха в мечтах молодого человека быть рабом Богини, или же Дьволицы (Ради Бога не делайте ничего наполовину: если вы не можете быть богиней, будьте Дьяволом!). Такое обожествление людей необходимо и при Самолюбие и при Влюбленности, так как дело происходит через кривые очки Эгосистемы, рисующих весь мир в качестве сверхъестественной силы.

Ясно, что Самолюбие и Влюбленность не случайно выглядят словно "созданные друг для друга" – они действительно являются противоположными притяжениями одного психического тока, вполне заурядным энергетическим механизмом. И только тот факт, что до сих пор Самолюбие и Влюбленность ДТПЭ смешивали не только с Любовью Контрольного Тока психики, но главное с биологическим притяжением животных скрывало от людей существование противоположных притяжений на уровне

психики. Поэтому бедолага Маркс искал причины эксплуатации в экономических отношениях, к которым эксплуатация не имеет ровным счетом никакого отношения. Как бы богаты не были люди живущие на ДТПЭ, их Самолюбие и Влюбленность всегда будут требовать господ и рабов просто для того, чтобы сохранять свои энергетически противоположные заряды насилия и подчинения.

Но здесь в Башне, где люди остались наконец в девственной наготе своей психической природы, стало очевидно, что Самолюбие и Влюбленность прекрасно функционируют самостоятельно, нисколько не нуждаясь в так называемом "теле", то есть в биологической энергии и в сексе. Соединение Самолюбия и Влюбленности и здесь давало сильный накал эмоций, на время снимая любовный голод садистов, так что они нисколько не страдали от неспособности к сексу в биологическом смысле.

Главная задача любовных отношений садистов состояла в том, чтобы исправно поддерживать роли Господ и Рабов, которые гарантировали им незатухающую любовную игру в соединение двух противоположностей и служили единственным источником энергии. Громадное влияние в этом нелегком деле оказали труды Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, де Сада, Дарвина, Ницше, Фрейда и Гитлера.

Во всех этих трудах развивается мысль, которая упорно старается доказать, что мир людей поделен на два противоположных полюса – сильных и слабых, господ и рабов, мужчин и женщин – которым никогда не встретиться и никогда не быть равными, как считают некоторые простачки и "дурачки пацифисты", как любил говаривать Гитлер.

Знаменитые слова Аристотеля о том, что для варваров, "не способных к политической жизни" "быть рабами и справедливо и полезно" составляли в этой связи девиз Театра Садистов. Сам Аристотель хоть и являлся одним из самых высокочтимых героев театра, участвовать в нем наотрез отказался, полагая, что садизм был бы уже явной крайностью для любителя "золотой середины".

Но, конечно, никто не сказал о "пафосе дистанции" между господами и рабами лучше Ницше:

"Всякое возвышение типа "человек" было до сих пор - и будет всегда - делом аристократического общества, как общества, которое верит в длинную лестницу рангов и в разноценность людей и которому в некотором смысле нужно рабство. Без пафоса дистанции, порождаемого воплощенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытующе и свысока на подданных, служащих ей орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать подчиненных на почтительном расстоянии, совершенно не мог бы иметь места другой, более таинственный пафос - стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, словом, не могло бы иметь места именно возвышение типа "человек", продолжающееся "самопреодоление человека", - если употреблять моральную формулу в сверхморальном смысле" По ту сторону Добра и Зла Ницше

"Только после того, как создалось рабство подчиненных рас, аналогичная судьба начала постигать также и животных, а вовсе не наоборот, как думают многие. Исторически дело было так, что победители сначала запрягали в плуг побежденного человека и только спустя не- которое время стали запрягать лошадь. Только пацифистские дурачки могут рассматривать это как символ человеческой испорченности, не понимая того, что только так и могли мы придти к нынешней эпохе, когда господа пацифистские апостолы расточают перед нами свою мудрость. Прогресс человечества похож на восхождение по бесконечно высокой лестнице. По ней не взберешься иначе, как пройдя сначала по более низким ступеням. Так и арийцу пришлось пойти той дорогой, которую ему указывала действительность а вовсе не той, которую ему могла подсказать фантазия современного пацифиста. Пути действительности тяжелы и жестки, но эти пути только одни ведут человечество к цели. Между тем иные мечтатели лю-

бят выдумывать гораздо более легкие пути, на деле, увы, только удаляющие нас от заветной цели. Таким образом вовсе не случайностью является тот факт, что первые культуры возникли там, где арийцы пришли в соприкосновение с низшими народами и подчинили их своей собственной воле. Эти низшие народы явились тогда первым техническим инструментом, которым воспользовались арийцы в борьбе за новую культуру" Гитлер Моя борьба

Макиавелли оставался бесспорным теоретическим лидером Театра вплоть до рождения "Происхождения человека и полового отбора" Дарвина, авторитет и ни с чем несравнимая слава которого, перекрыли все видимое и слышимое до сих пор в науке. Вот где садистам подфартило так подфартило. Популярность и авторитет теории Дарвина настолько поднял возможности садистов к господству и безнаказанному насилию, что бывшие лидеры Театра согласны были поступиться личной славой ради таких невиданных барышей. Дарвин наконец-то научно обосновал то, чего еще Макиавелли вынужден был стесняться, и даже де Сад с трудом подбирал слова и облекал свои убеждения в романтическую форму наказания добродетельной Жюстины.

"Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ...Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. ***Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека***. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что ***борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития***" (выделено мной – ЛХ) "Происхождение человека" Дарвин

Не знаю как вам, а мне как-то с большим трудом представляются "множество счастливых семейств" по-соседству друг с

другом в условиях "достаточно жестокой борьбы за существование". У Дарвина явно было плохо с логикой. Тем не менее, эта колоссальная мысль о том, что "высокое звание человек" мы заслужили в результате жестокой борьбы за существование и что в этой связи только война способствует прогрессу, а мир деградации – переняли у Дарвина все великие теоретики садизма.

"Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впадать в бездеятельность и отступать в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими" Происхождение человека Дарвин

"То, чего им хотелось бы всеми силами достигнуть, есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, соединенное с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого; обе их несчетное число раз пропетые песни, оба их учения называются "равенство прав" и "сочувствие всему страждущему", - и само страдание они считают за нечто такое, что должно быть устранено. Мы же, люди противоположных взглядов, внимательно и добросовестно отнесшиеся к вопросу, - где и как до сих пор растение "человек" наиболее мощно взрастало в вышину,

- полагаем, что это случалось всегда при обратных условиях, что для этого опасность его положения сперва должна была разрастись до чудовищных размеров, сила его изобретательности и притворства (его "ум") должна была развиться под долгим гнетом и принуждением до тонкости и неустрашимости, его воля к жизни должна была возвыситься до степени безусловной воли к власти: мы полагаем, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, хитрость искусителя (искусство соблазна) и чертовщина всякого рода, что всё злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствует возвышению вида "человек", как и его противоположность" По ту сторону Добра и Зла" Ницше

"Никто не может сомневаться в том, что нашему миру еще придется вести очень тяжелую борьбу за существование человечества. ***В последнем счете всегда побеждает только инстинкт самосохранения. Под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, являющаяся только выражением чего-то среднего между глупостью, трусостью и самомнением, тает как снег на весеннем солнце. Человечество стало великим в вечной борьбе - человечество погниют при существовании вечного мира.*** Для нас, немцев, лозунг внутренней колонизации играет роковую роль уже по одному тому, что он тотчас укрепляет в нас то мнение, будто найдено какое-то спасительное средство своим "собственным трудом", тихо и мирно, как это соответствует пацифистскому настроению, обеспечить себе лучшее будущее. Это учение, принятое всерьез, для Германии означает конец всякому напряжению сип в борьбе за то место под солнцем, которое нам принадлежит по праву. Если средний немец придет к убеждению, что и на этом "мировом" пути он может обеспечить свою жизнь и свое будущее, это будет означать конец всяким активным попыткам действительно плодотворной защиты того, что жизненно необходимо для немецкой нации. Тогда пришлось бы сказать "прости" всякой полезной для Германии внешней политике, тогда пришлось бы поставить крест над всем будущим немецкого народа. В этом отлично отдает себе отчет еврейство. Не случайно то обстоятельство, что эти смертельно опасные для нашего народа идеи в нашу среду проводятся более всего евреями. Евреи слишком хорошо знают нашего брата немца, они прекрасно понимают, что средний немец легко попадается на удочку того шарлатана, который сумеет ему доказать, будто найдено всеспасающее средство внести поправки к законам природы и сделать излишней жестокую безжалостную борьбу за существование. Такой средний немец охотно слушает, когда ему доказывают, что господином планеты можно стать и без тяжкого труда, а просто при помощи ничегонеделания" (выделено мной – ЛХ) Гитлер Моя борьба

Здесь видно, что Ницше и Гитлер напрямую позаимствовали у Дарвина идею о том, что война есть причина высшего разви-

тия человека, а мир напротив – источник регресса и деградации. Надо сказать, что Ницше беспрекословно верил теории происхождения человека Дарвина и называл людьми "гордыми обезьянами" или еще – мостом между обезьянами и сверхчеловеком. Так или иначе чувствуется, что "открытие" Дарвина и для Ницше стало той научной основой на которой он построил свою теорию "воли к власти".

Маркиз де Сад, напротив, во многом предвосхитил и Дарвина и Ницше и Фрейда и тем более Гитлера: В этом его перещеголял только Вольтер, взгляды которого уже содержали зародыш дарвинизма и сильно способствовали развитию мировоззрения де Сада, с отцом и дядей которого Вольтер был лично знаком и даже находился в переписке.

"Вы скажете, что это породит состояние бесконечной войны. Пусть будет так: разве это не единственное состояние, которое нам ближе всего? Разве не для того создала нас природа? Люди рождаются одинокими, завистливыми, жестокими и деспотичными, они хотят получать все и ничего не отдавать, они постоянно сражаются за свои амбиции или свои права. Приходит законодатель и говорит им: «Перестаньте драться, сделайте взаимные уступки, и восстановится спокойствие». ...Между тем общество состоит только из сильных и слабых, и если договор не устраивает ни тех, ни других, как может он устроить все общество? Поэтому бесконечная война для всех предпочтительнее, так как она дает всем возможность свободно использовать свои силы и свою ловкость, чего лишает их договор несправедливого общества, слишком много отнимающий у одних и недостаточно дающий другим. Выходит, по-настоящему мудрый человек будет вести войну" де Сад Жюстина

"Самое первое и самое изумительное свойство природы – движение, которое происходят безостановочно, ***но движение это есть беспрерывная череда преступлений, поскольку только таким образом она его поддерживает: она живет, она существует, она продолжается лишь благодаря уничтожению. Тот будет ей полезнее всего, кто совершит больше злодеяний, кто,***

как говорят, наполнит ими мир, кто без страха и колебания бросит в жертву своим страстям или интересам все, что ему встретится на пути. Между тем как создание пассивное или робкое, то есть добродетельное создание, разумеется, будет в глазах природы самым никчемным, потому что оно порождает апатию и покой, которые погрузят все сущее в хаос, если его чаша перевесит. Вселенная держится равновесием, а оно невозможно без злодейств. Злодеяния служат природе, но если они ей служат, если они потребны и желательны, могут ли они повредить ей?" (выделено мной –ЛХ) де Сад Жюстина

Но не только одному Ницше суждено было построить свою теорию на великом "открытие" происхождения человека Дарвина, но и Гитлеру.

"У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство – крайне неблагоприятно для человеческой расы" Происхождение человека Дарвин

"Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их

размножение, именно, чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака" Происхождение человека Дарвин

Маркиз де Сад намного времени вперед предвосхитил эти рассуждения Дарвина:

" Зачем оставлять жизнь таким существам, как вы, которые не могут больше рассчитывать на поддержку своих родителей, либо потому что они сироты, либо потому что те их не признают, и которые поэтому являются тяжкой обузой для государства? Дегенератов, сирот, недоразвитых малышей следовало бы уничтожать сразу после рождения: первых и вторых потому что, не имея ни одной души, которая захочет или сможет заботиться о них, они сделаются для общества балластом и тяжкой обузой, третьих по причине их абсолютной никчемности. И та и другая категории являются для общества чем-то наподобие костных наростов, которые питаются соками здоровых органов, разлагают и ослабляют их, или, если вам больше понравится такое сравнение, наподобие растений – паразитов, которые, обвиваясь вокруг нормальных растений, разрушают их и используют в качестве своей пищи. Каким вопиющим заблуждением представляются мне милости, питающие это отребье... то же самое можно сказать об этих домах призрения, богато обставленных, которые по чьей-то нелепой прихоти строят для немощных, как будто род человеческий настолько уникален и ценен, что необходимо сохранять его вплоть до самого ничтожного существа; как будто нет больше людей на свете и как будто для политики и природы выгоднее их беречь, чем уничтожать." Жюстина де Сад

А теперь сравним как на эти положения смотрел Гитлер:

"Когда народы на нашей планете ведут борьбу за свое существование, когда в битвах народов решаются их судьбы, тогда все соображения о гуманности, эстетике и т. п. конечно отпадают. Ведь все эти понятия взяты не из воздуха, а проис-

текают из фантазии человека и связаны с его представлениями. Когда человек расстается с этим миром, исчезают и вышеупомянутые понятия, ибо они порождены не самой природой, а только человеком. Носителями этих понятий являются только немногие народы или, лучше сказать, немногие расы. Такие понятия как гуманность или эстетика исчезнут, если исчезнут те расы, которые являются творцами и носителями их. Вот почему, раз тот или другой народ вынужден вступить в прямую борьбу за само существование на этом свете, все подобного рода понятия сразу получают только подчиненное значение. Раз понятия эти идут вразрез с инстинктом самосохранения народа, которому теперь приходится вести такую кровавую борьбу, они не должны более играть никакой сколько-нибудь решающей роли в определении форм борьбы" Гитлер Моя борьба

"В результате скрещения двух существ, стоящих на различных ступенях развития, неизбежно получается потомство, ступень развития которого находится где-то посередине между ступенями развития каждого из родителей. ...Такое спаривание находится в полном противоречии со стремлениями природы к постоянному совершенствованию жизни. Основной предпосылкой совершенствования является конечно не спаривание вышестоящего существа с нижестоящим, а только победа первого над вторым. Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитие органических существ становится вообще невозможным. Результатом этого заложенного во всей природе стремления к расовой чистоте является не только строгое отграничение отдельных рас друг от друга, но и известная однородность внутри каждой из них. Лиса всегда остается лисой, гусь - гусем, тигр - тигром и т.д.; разница тут может заключаться только в большей или меньшей выносливости отдельных экземпляров, в

большем или меньшем уме, понятливости и т. д. Но никогда нельзя встретить лисы, которая обнаруживала бы какие-нибудь гуманные намерения по отношению к гусю, как никогда мы не встретим кошки, склонной к дружбе с мышами.

Борьба между теми и другими является результатом не столько прирожденной вражды, сколько результатом голода и любви. В обоих случаях природа смотрит на эту борьбу с полным спокойствием и даже с известным удовлетворением. Борьба за пропитание приводит к тому, что наиболее слабое и болезненное терпит поражение. Борьба самцов из-за самки обеспечивает право и возможность размножения только за более сильным. Но всегда и неизменно борьба только способствует здоровью и увеличению силы сопротивления данного рода и вида. Тем самым борьба является фактором более высокого развития" Гитлер Моя борьба

Таким образом, подобно тому, как Сад только логически развил философию Эпикура (не увидевшего своевременно, что его теория жизни ради телесных наслаждений ведет к нигилизму и субъективизму крайнего толка в стиле Сада), как Ницше только довел теорию Шопенгауэра о воле до логического конца как воле к власти, так и Гитлер всего лишь довел до логического конца теорию происхождения человека Дарвина. И здесь, на Олимпе Чистилища, Гитлер не уставал это повторять и требовать справедливости к себе:

- За что вы все ополчились на меня, - причитал он на заседаниях партии Рассела, особенно его ненавидевшего,- разве я сказал что-то чего не сказал всеми вами глубоко уважаемый Чарльз Дарвин? Разве не он говорил, что мы не должны щадить больных и слабых? Разве не он призывал к расовой чистоте через запрещение браков между слабыми и больными? Разве не Дарвин желал, чтобы борьба за выживание стала достаточно жестокой, чтобы дать толчок высшему развитию человека? Я всего лишь претворил в жизнь это основное требование дарвинизма – сделал борьбу достаточно жестокой, чтобы раскрылись все высшие потенции героического человека.

Надо сказать, что речь эта настолько сильно смущала всех обитателей Олимпа, и прежде всего, самого Дарвина, что Гитлер сделался прямо таки живым укором для всех тех, кто отчаянно отстаивал правоту дарвинизма в свое время. И тем не менее, пока что ничего взамен предложить не могли и от этого проблема Гитлера-Дарвина становилась вовсе невыносимой.

Но только не для садистов. Для последних, Гитлер был уникальной находкой, заметно приумножившей возможности садистов к запугиванию и внушению благоговейного авторитета, поскольку авторитет Гитлера как непревзойденного убийцы и истязателя, покорившего себе половину планеты как нельзя лучше способствовал целям создания "пафоса дистанции" между господами и рабами. А это была основная цель и основной источник энергии садистов. Дарвин категорически отказался от участия в Театре Садистов и даже не разрешил сделать себя ее почетным членом. Зато Гитлер стал одним из активнейших лидеров Театра, обещая садистам в скорейшем времени подчинить себе не только весь Олимп, но и всю Башню Чистилища. Они надеялись таким образом наконец-то утолить бесконечный голод власти, который не давал садистам ни минуты покоя. Но конечно напрасно, ибо они не знали, что ненасыщаемость – основа механизмов всех детерминированных токов, которая гарантирует их течение.

Итак, все чаяния садистов были связаны с укреплением и распространением в Башне "пафоса дистанции" между господами и рабами, так как это необходимым условием для питания их Самолюбия: только путем создания дополнительных притяжений Влюбленности в других они могли обеспечить питание своего ДТПЭ. Притяжение Влюбленности – это и есть способ превратить человека в раба незаметно для него самого:

"Теперь я понимаю знаменитую Манон Леско и ее бедного рыцаря, молившегося на нее даже тогда, когда она была уже любовницей другого, даже у позорного столба.

Любовь не знает ни добродетели, ни заслуги. Она любит и прощает и терпит все потому, что иначе не может. Нами руко-

водит не здравое рассуждение – не достоинства или недостатки, которые нам случится подметить, привлекают или отталкивают нас.

Нас влечет какая-то сладостная и грустная таинственная сила, под ее влиянием мы перестаем мыслить, чувствовать, желать – мы позволяем ей толкать себя, не спрашивая даже куда" Захер-Мазох Венера в мехах

К этому описанию притяжений ДТПЭ нечего было бы добавить, если бы Мазох использовал вместо слова Любовь, - которое здесь не к месту – слово Влюбленность, которое будет в самый раз. Любовь имеет место только между здоровыми людьми со свободным от притяжений ДТПЭ – Контрольным Током. И это чувство обладает всеми характеристиками КТ – здесь есть и сознательность, и воля, и взаимное доверие, и искренность, и интерес прежде всего к достоинствам и способностям друг друга, без которых такая любовь возникнуть не сможет. В случае же с притяжениями ДТПЭ действительно может иметь место только непонятное для разума и противное воле неконтролируемое влечение, которое к тому же имеет в себе больше отрицательных эмоций ("грусти"), чем положительной "сладости". Эта смешанная с ненавистью, глубоко болезненная любовь действительно противна разума, так как притяжения ДТПЭ ничего общего с мышлением не имеют.

Вот почему люди подобные Мазоху охотно отдают себя в руки "господ", позволяя добровольно превращать себя в рабов: Влюбленность имеет в себе "сладость," которая обещает им золотые горы, но никогда не держит своего обещания, что собственно и видно из развязки знаменитого романа Мазоха. Фрейд также указывает в своих работах, что состояние Влюбленности больше всего напоминает состояние гипноза, под которым человек добровольно отдают свою волю в полное распоряжение другого человека, ставшего для него вдруг непререкаемым авторитетом.

Опять таки очень важный момент, который выпал из теории марксизма. Рабство возникло не в результате биологического насилия физически более сильных людей над физически более

слабыми, - никакой силы не хватило бы, чтобы сдержать возмущение прижатых к стенке людей, как это много раз показывала история. Рабство – это прежде всего следствие добровольной отдачи своей воли в распоряжение боготворимых людей, подобно тому как аборигены добровольно отдавали свою энергию на жертвоприношения воображаемым духам природы. Без Влюбленности – нет и не может быть рабства, как в откровенной античной форме, так и в завуалированных современных формах эксплуатации "наемных рабочих". Чтобы эксплуатация "громадного большинства ничтожным меньшинством" стала возможной, нужно чтобы большинству это хотя бы отчасти нравилось, иначе оно смело бы это ничтожное меньшинство с лица земли в считанные секунды. И здесь важно понимать, что Влюбленные рабы являются прежде всего психическими донорами, питающими Самолюбие господ, а не поставщиками физического труда, как думали марксисты. Ибо экономические проблемы давно уже были бы решены, если бы искусственно разделяемое на полюса господ и рабов общество не создавало столько бессмысленных проблем, требующих бесконечных расходов на черные дыры войн всех уровней и масштабов.

Вот и садисты в чистилище были озадачены только одной проблемой – как сохранить это разделение на господ и рабов, чтобы не потерять свой источник питания, черпаемый во Влюбленности в них рабов. Фрейд в свое время писал Марте, что "люди состоят из мужчин и женщин и это различие есть самое значительное различие между людьми", критикуя Милля за призыв к "абсурдной эмансипации женщин". Со всей ясностью и Дарвин высказывается в том же роде в "Происхождении человека", подчеркивая умственную и физическую неполноценность женщин. Как известно та же позиция была свойственна Аристотелю, Ницше и Гитлеру. Последний сравнивал с женщиной толпу, уверяя что и женщина и толпа только ищут силу, чтобы ей подчиниться. О де Саде уже говорить не приходится – для него женщина была меньше, чем пустым местом, поскольку пустое место по крайней мере ни в чем не

виновата, а у де Сада женщина была виновата во всех смертных грехах.

"Женщина, - говорит Фрейд – это совсем другое существо, которое мы мужчины, должны всячески оберегать" "Нежизнеспособна, - продолжает в письме Марте Фрейд, - и его (Милля) мысль о том, что женщины, также как и мужчины должны бороться за свое существование. Выходит, я должен думать о моей нежной, любимой девушке, как о конкурентке".

Здесь со всей ясностью опять проявляется дарвинская позиция: активная жизненная позиция непременно принимает вид "борьбы за существование", где все конечно же конкуренты, конкурентки и даже самые что ни на есть ярые враги. На самом деле вражда возникает между "Самолюбиями", а не между разумными людьми, ставящими задачи совместного контроля энергий космоса.

В результате своей "нежной любви" и усердных стараний оберегать Марту, Фрейд превратил ее домработницу, лишенную не только прав, но и всяких жизненных интересов, что явилось закономерным следствием поглощения Самолюбием Влюбленности. Недаром он ей часто писал, что в его характере есть "что-то деспотическое" – скромничал, прямо скажем, одна сплошная деспотичность. "Когда я вспоминаю о твоем письме Фрицу, мне хочется уничтожить весь мир, даже если нас с тобой больше не будет. Я страшен в гневе, горе тому, кто тебя тронет". На самом деле, ничего страшного – вполне закономерная ревность Самолюбия. Даже Сад, известный своей крайней развращенностью, строго отчитывал свою жену по малейшему поводу, который мог дать пищу кривотолкам или же его чувству собственника.

Не случайно поэтому мы находим в теории Фрейда очень проницательное описание притяжений Самолюбия и Влюбленности, как противоположных и взаимновлекущихся сил, но не находим ни слова об истиной любви, основанной напротив на сходстве, и даже на единстве Контрольного Тока людей (общего Я человечества). Зато вот как здорово Фрейд передал характер рабской самоотдачи Влюбленности и ее поглощения Самолюбием:

"Если сексуальная переоценка и влюбленность продолжают повышаться, то расшифровка картины делается еще яснее. ... "Я" делается все нетребовательнее и скромнее, а объект все великолепнее и ценнее; в конце концов он делается частью общего себялюбия "Я", и самопожертвование этого "Я" представляется естественным следствием. Объект, так сказать, поглотил "Я". Черты смирения, ограничение нарциссизма, причинение себе вреда имеются во всех случаях влюбленности; в крайних случаях они лишь повышаются и, вследствие отступления чувственных притязаний, остаются единственно господствующими. ... Молчит критика, которая производится этой инстанцией; все, что объект делает и требует - правильно и безупречно Совесть не применяется к тому, что делается в пользу объекта; в любовном ослеплении идешь на преступление, совершенно в этом не раскаиваясь. Всю ситуацию можно без остатка резюмировать в одной формуле: объект занял место "СуперЭго"

"Представление о сверхмогущественной и опасной личности, по отношению к которой можно было занять лишь пассивно-мазохистскую позицию, которой нужно было отдать свою волю и быть с которой наедине, "попасться на глаза", казалось рискованным предприятием. ...От влюбленности явно недалеко до гипноза. Соответствие обоих очевидно. То же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики как по отношению к гипнотизеру, так и по отношению к любимому объекту Та же поглощенность собственной инициативы, нет сомнений, что гипнотизер занял место "СуперЭго" Фрейд

И конечно, маркизу де Саду очень хорошо знакомы симптомы Влюбленности, которую ему не раз и не два удавалось внушать с самой внушительной силой, превращая своих женщин в настоящих рабынь, готовых ради него жертвовать собой и своей жизнью и превращавших свое существование в служение ему.

" Как бы ни были низки намерения Брессака в отношении нее, с самого первого дня, когда она его увидела, у нее не было сил побороть в себе сильнейшее чувство нежности к этому человеку. Чувство благодарности в ее сердце усиливало эту

внезапную любовь, ежедневное общение с предметом обожания придавало ей новые силы, и в конце концов несчастная Жюстина беззаветно полюбила злодея, полюбили так же страстно, как обожествляла своего Бога, свою религию... и свою добродетельность. Она часами думала о жестокости этого человека, о его отвращении к женщинам, о его развращенных вкусах, о непреодолимости моральной пропасти, которая их разделяла, но ничто на свете не могло погасить ее страсть. Если бы Брессак потребовал у нее жизнь, захотел бы ее крови, Жюстина отдала бы все и была бы в отчаянии от того, что не может принести еще больших жертв единственному идолу своего сердца. Вот она любовь! Вот почему греки изображали ее с повязкой на глазах" де Сад Жюстина

Именно страх и обожествление бросаются прежде всего в глаза в романе Мазоха "Венера в мехах", что видно даже из названия. Он так и называет свою героиню "божество" и постоянно признается в сильном чувстве страха, которое она ему внушает. Но этот страх источник глубоких эротических переживаний посредством которых "божество" высасывает его душу одним поцелуем и потому он согласен и на страх.

"Я завидовал королю Гунтеру, которого властная Брунхильда связала в брачную ночь; бедному трубадуру, которого его своенравная госпожа велела зашить в волчью шкуру, чтобы затем затравить его, как дикого зверя. Я завидовал рыцарю Цтираду, которого смелая амазонка Шарка хитростью поймала в лесу близ Праги, затащила в Девенский замок и, позабавившись с ним некоторое время, велела колесовать...С тех пор я с настоящей жадностью набросился на книги, в которых описывались самые ужасные жестокости, и с особенным наслаждением рассматривал картины, гравюры, на которых они изображались: кровожадных тиранов, когда-либо сидевших на троне, инквизиторов, подвергавших еретиков пыткам, сожжению, казням всякого рода, всех женщин, отмеченных на страницах всемирной истории своим сладострастием, своей красотой, своими насилиями - вроде Либуше, Лукреции Борджия, Агнесы Венгерской, короле-

вы Марго, Изабеллы, султанши Роксоланы, русских цариц минувшего столетия, - и всех их я видел в мехах или в подбитых горностаем мантиях" Венера в мехах Захер-Мазох

Насущной задачей Садистов стала необходимость сохранить эти два полюса социального поля – полюса господ и рабов – поскольку только между этими полюсами текла их энергия "любви", как соединение Самолюбия господ и Влюбленности рабов.

" Ни к чему иному гетевское "Ты должен быть либо молотом, либо наковальней" не подходит так превосходно, как к отношениям мужчины и женщины, с этим, между прочим, согласилась и госпожа Венера из твоего сна. В страсти мужчины заключена власть женщины, и она умеет ее применить, если мужчина окажется недостаточно осмотрительным. Перед ним только один выбор: быть или тираном, или же рабом женщины. Стоит ему хоть немного поддаться, - и голова его тотчас оказывается под ярмом, а сам он вскоре почувствует на себе хлыст" Венера в мехах Захер-Мазах

Ясно, что Молот и Наковальня Гете – это Плюс и Минус силового поля Детерминированного тока психики, то есть Эго и СуперЭго. Именно этот факт и обуславливает противоположные притяжения Самолюбия и Влюбленности: Самолюбие – это притяжение ДТПЭ, образуемое внутренним локусом Эгосистемы, то есть признанием Эго сильнее СуперЭго, а Влюбленность – это притяжение ДТПЭ, образуемое внешним локусом Эгосистемы, то есть признанием СуперЭго сильнее Эго. Соответственно этому, Самолюбие и Влюбленность и приобретают строго симметричные формы притяжения к противоположным полюсам Эгосистемы и образуют части единого механизма.

Для людей живущих Эгозащитой действительно необходимо разделение социального мира на полюса силы и слабости, на господ и рабов, на мужчин и женщин в этом силовом, а не в биологическом смысле. Иначе их односторонние притяжения останутся без пары для получения коротких балансов экстаза. Поэтому Мужчины и Женщины в мировоззрение людей с Эгозащитой обязательно приобретают вид противоположных полюсов

общества, а также "самого главного разделения людей", как говорил Фрейд. Ведь вся их жизнь оказывается заключенной в узкие рамки коротких балансов между притяжениями ДТПЭ: я – господин, ты – раб, или наоборот я – раб, ты – господин – надо во чтобы то ни стало поддержать это "равновесие" – вот собственно и весь смысл жизни людей с активной Эгозащитой. А поскольку между мужчинами и женщинами также существует биологическое различие, которое может дарить радости сексуального оргазма – то наиболее удобно совмещать психический гомеостаз слияния противоположных притяжений ДТПЭ с биологическим гомеостазом сексуальных сношений. Так, именно разделение на Мужчин и Женщин в виде полюсов "силы" и "слабости" Эгосистемы и оказалось "главным разделением среди людей". На женщин и мужчин одеваются ярлыки Плюса и Минуса Эгосистемы, а жизнь сводится к удушающей атмосфере бездуховности автоматических компульсий циклов коротких гомеостазов заурядного детерминированного тока психики. Здесь появляются те самые ноогенные неврозы потери смысла жизни, о которых так много говорили Франкл и Кьекегор. Кьеркегор дает потрясающую характеристику трагедии потери духовности, способности и потребности в мышлении и познании истинного Я КТ под автоматизмами тупого и мертвого тока низкой чувственности ДТПЭ.

"чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол — это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почти всегда, когда некто кажется счастливым и полагает себя таковым, на самом деле, в свете истины, являясь несчастным, он весьма далек от того, чтобы желать избавления от своей ошибки. Напротив, он гневается и считает худшим своим врагом того, кто пытается это сделать, полагая разбойным покушением и почти убийством то, как это делается, то есть, как обычно говорят, погубление своего счастья. Почему же? Попросту он является жертвой чувственности,

и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств — приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего... Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом. Несмотря на все свое тщеславие и самолюбие, люди обыкновенно имеют весьма смутное представление или даже вовсе никакого о том, что значит быть духовными, быть тем абсолютом, каким может быть человек; однако, оставаясь тщеславными и самолюбивыми, они все же являются такими... между собой. Представим себе некий дом, каждый этаж которого: подвал, первый, второй этаж и т. д. — имел бы свой определенный разряд жильцов; сравним теперь жизнь с таким домом: смешно и жалко, но разве большая часть людей не предпочитает в этом своем доме подвал? Все мы являемся синтезом с духовным предназначением, такова наша структура, но кто отказывается жить в подвале, в категориях чувственного? Человек не просто предпочитает жить там, ему это нравится настолько, что он гневается, когда ему предлагают этаж хозяев — всегда свободный и ожидающий его, — ибо, в конце концов, ему принадлежит весь дом" Болезнь к смерти Кьеркегор

Классические союзы "Самолюбие господ" –"Влюбленность рабов" представляли супруги де Сад и супруги Гитлер. Де Сад так влюбил в себя свою жену Рене-Пелажи, что она не просто ослепла, как сам он замечает в отношении влюбленности, но буквально лишилась разума, как говорит Мазох о влюбленности. Она тщательно выполняла все его придирчивые, педантичные требования по поставке ему продовольствия в разные тюрьмы в которых он сидел, она безропотно сносила все несправедливые упреки в неверности и строжайшие рамки поведения, которые он ей устанавливал, она наконец вместе с ним занималась подборов проституток для его эротических театров, которые представляли собой не больше не меньше как самые извращенные оргии. Она пошла еще дальше и помогла ему соблазнить собственную сестру и встала на его сторону против родной матери, пытавшейся спасти что-нибудь для вну-

ков, детей де Сада, о которых он совсем не думал. Она даже ходила жаловаться на мать за то, что та якобы притесняет ее бедного мужа, который просаживал все деньги семьи на возмутительные оргии. Морозова говорит, что Сад отвел своей жене роль смотрительницы публичного дома, что было бы недалеко от истины, если бы она не была для него гораздо большим объектом эксплуатации. Издевательства Гитлера над робкой душой Евы Браун становятся ясны из ее дневников, в которых она причитает, что лучше бы ей было полюбить дьявола, чем Гитлера и постоянно размышляет о самоубийстве. Это все нормальные состояния людей, находящихся на "сладком и грустном" притяжении Влюбленности.

"Впасть в ошибку при разрешении основной проблемы "мужчина и женщина", отрицать здесь глубочайший антагонизм и необходимость вечно враждебного напряжения, мечтать здесь, может быть, о равноправии, о равенстве воспитания, равенстве притязаний и обязанностей - это типичный признак плоскоумия, и мыслителя, оказавшегося плоским в этом опасном пункте - плоским в инстинкте!" По ту сторону добра и зла Ницше

«Поставив этих низменных созданий на их истинное место, мы начинаем ощущать, что созданы исключительно для того, чтобы пользоваться нашими жертвами для удовлетворения наших страстей, и карать следует их неповиновение, а не наши капризы», — писал Сад в «Новой Жюстине».

Де Сад назвал Башню Чистилища своей Башней Зла, которую ему так и не удалось построить на земле, и которую ему предоставил сам Дьявол после смерти. Запугивание, как известно, самый верный способ внушить себе влюбленность, если соединить угрозы с лаской и постоянно их чередовать. Сад владел этим искусством мастерски: обожаю заставлять плачущих девиц наслаждаться против их желания", писал он в Жюстине. Однако, запугивание было не только частью его вымыслов, но и реальными криминальными историями за которые он не раз попадал в тюрьму. Морозова пишет, что хотя он не причинял серьезного

физического вреда своим жертвам – так что даже если делал надрезы на коже, то тут же втирал специальную мазь для заживления – психический ущерб был всегда колоссальным, так как запугивал он бедных жертв своей похоти до полусмерти.

"В этот домик менее чем через полгода после свадьбы де Сад завлек некую Жанну Тестар, работницу, днем изготовлявшую веера, а вечером промышлявшую проституцией. Что на самом деле произошло между ними, уже не узнает никто: вряд ли перепуганная до смерти девица могла дать объективные показания. Но даже если страсти, рассказанные ею, преувеличены всего лишь наполовину, ей было отчего испугаться. Как только они вошли в комнату, клиент Жанны, на вид хрупкий молодой человек с голубыми глазами, запер за собой дверь, положил ключ в карман и принялся богохульствовать, время от времени выкрикивая страшные проклятия в адрес Господа и всех святых. Затем, схватив Жанну за руку, он потащил ее в соседнюю комнату, сплошь затянутую черной тканью, и, указав на развешанные на стенах всевозможные плети и хлысты, велел ей выбирать орудие, которым он сначала отхлещет ее, а затем она — его. Заявление девицы о беременности не только не усмирило молодого человека, но, напротив, распалило его. Он заставил ее рассмотреть все висевшие на стенах непристойные гравюры, приказал швырнуть на пол распятие и топтать его ногами, вынудил выслушать отвратительнейшие богохульные стишки, а потом, угрожая пистолетом, принудил удовлетворить его страсть самым непотребным образом. Зловещим шепотом, страшно вращая глазами, он говорил ей, как в следующее воскресенье они возьмут облатки, придут сюда и здесь устроят настоящую оргию, во время которой подвергнут надругательству дурацкие предметы отвратительного культа. Срываясь на крик, он убеждал ее, что Бога нет, что в эту химеру верят только полные идиоты, а потом потребовал, чтобы она взяла кнут с железным крючком на конце, раскалила железо и отстегала его как следует. Жанна трепетала, и остаток ночи провела в тщетных попытках направить страшного клиента в русло традиционных услуг, оказываемых девица-

ми легкого поведения, в то время как тот порывался то сделать ей промывание желудка, то использовать розги. Когда явившаяся утром сводня наконец освободила ее из заточения, Жанна помчалась в полицию, где рассказала обо всем, что довелось ей пережить. Инспектор Марэ, опытная ищейка из отдела полиции нравов, провел небольшое расследование, опросив еще нескольких проституток, составил обвинительный акт и отправил его на рассмотрение королю. Так началось первое заключение маркиза продлившееся две недели, — с 29 октября по 13 ноября 1763 года. Расходы по содержанию узника были возложены на его семью" Е, Морозова де Сад

Здесь, в Башне Чистилища эта слава маркиза-живореза Саду очень пригодилась – он намеренно подчеркивал свои связи с дьяволом и свою твердую позицию надругательства над Богом всевозможными отвратительными постановками с главной темой богохульства. Как известно, Дарвин в свое время тоже называл себя священником Дьявола, правда, в другом контексте, но думается с неменьшей гордостью. Как известно, Гитлер тоже любил блеснуть темпераментом перед толпой, разряжаясь потоком гневных эмоций и возбуждая к себе притяжение влюбленности. Гитлер как никто владел искусством внушить влюбленность не только женщинам, но и массам, в связи с чем, он всегда подчеркивал, что толпа – женщина, как по глупости, так и по поиску силы, которой можно было бы подчиниться. Сад совмещал славу Дьявола с навязчивой пропагандой так называемого "Наслаждения", которое дает "преступление". Даже сам термин основной активности всецело негативный, говорящий о том, что никакого другого смысла эта активность не несет, кроме борьбы двух полюсов Эгосистемы – преступить СуперЭго, в этом истинный смысл "Зла" садистов. Поскольку отвлеченного понятия "преступление" нет и быть не может – преступление всегда переход через границы чего-то конкретного. В данном случае через границы христианской морали и общечеловеческой нравственности.

"Жюстина, и я обещаю за два года сделать тебя богатой. Но не думай, что я поведу тебя в храм богатства и роскоши тропин-

ками скромности: чтобы добраться туда, человек должен заниматься самыми разнообразными пакостями и интригами. Воровство, убийство, грабеж, поджог, распутство, проституция – вот добродетели нашего общества, и других мы не знаем" де Сад Жюстина

В той маниакальной навязчивости, с которой Сад старается внушить своим читателям, что "преступление" – это источник самых сладких наслаждений, с тем болезненным пылом, с которым он уверяет, что только преступление ведет к счастью становится очевидным обратная сторона маниакального психоза – уплощение живых эмоций радости жизни, потеря вкуса жизни и отчаянный поиск "наслаждения" в воображении, в фантазии, так как действительность давно превратилась в мертвенную стихию пропагандируемого им разрушения.

"В лунном свете все увидели юношу лет пятнадцати, прекрасного как Амур.

– Я убил отца и мать, – продолжал злодей, – я изнасиловал девочку, которой не было и десяти лет, и теперь будет справедливо, если я прочищу задницу сынку. С этими словами он удалился с мальчиком за стог сена, служивший шайке укрытием. Вскоре послышались глухие крики и стоны, перекрываемые довольным ревом развратника, потом первые сменились воплями, которые говорили о том, что предусмотрительный разбойник, не желал оставлять следов своего преступления, насладился сразу двумя удовольствиями – сладострастием совокупления и сладострастием убийства. Вернулся он, весь забрызганный кровью" де Сад Жюстина

Для кого спрашивается, печатаются подобные произведения сейчас? Как нормальному человеку реагировать, глядя как такую тяжелую пропаганду насилия выкладывают в свободный доступ незащищенным детским умам? Или это не у нас год от года маньяки и педофилы становятся все активнее и многочисленнее, а насилие давно уже в ореоле почеты и славы "настоящего мужчины"? Давайте добавим им красок о бесконечной сладости убийств и насилий над детьми, давайте покажем какое неопису-

мое наслаждение великий и "божественный" маркиз де Сад находит в этом изысканном мероприятие! Даже Гитлер понимал, что простые люди не видят интеллектуальной критики, они воспринимают только эмоции. А эмоциональный посыл от публикации таких книг только один: убийство и низость – это наслаждение, маркиз де Сад – это большой философ с тонким умом, а не вдребезги больной дегенерат, и государство допускающее публикацию подобных произведений, рекомендует вам их.

Нет пределов больной фантазии Сада в изыскании наиболее чудовищных впечатлений, подобно тому как фантазия Мазоха не имеет пределов в изыскании наиболее страшных страданий: изнасилование матери, убийство матери " с особым цинизмом", изнасилование дочери, вивисекция дочери для изучения работы живого сердца, массовое изнасилование и разврат детей в школе, отравление воды для массовых убийств и тому подобные маниакальные фантазии, которые всенепременно сопровождаются бурными восторгами по поводу того, сколько безмерного, бесподобного, неслыханного и невиданного "наслаждения" и "счастья" эти замечательные происшествия ему доставили. "Даже мысль о преступлении не может не быть вознаграждена – говорит он в этой связи в Жюстине, - не говоря уже о совершении преступления". Однако, его мысли о преступлении были глубоко наказаны убийством его старшего сына – кто-то пристрелил его просто так, для развлечения, следуя советам его отца, и даже не потрудился ограбить.

И все это пишет человек, который тяжело переживал смерть отца, который желал своей дочери "ума и добродетели" прежде, чем красоту, который отказался подписать даже единственный смертный приговор, оказавшись в правлении Республики Робеспьера. Вот как Бог посмеялся над этим маньяком, не жалевшим сил и слов для прославления "величайшего из великих наслаждения" преступлений – просто поставил его у конвейера смерти там, где казнили его собратьев по классу, аристократов, к которым он принадлежал от рождения, состоя в родстве с королевским домом. Настоящий садист должен был бы обрадоваться та-

кому шансу как наивеличайшему из всех возможный небесных "счастий" – вот где получай себе наслаждение каждый день, отправляя на гильотину роты своих собратьев. Ведь чем подлее, чем вероломнее и коварнее преступление садиста – тем больше удовольствие, из него извлекаемое. Куда же больше подлости и низости, чем казнить своих же, втершись к доверие к ненавистным "жабам" республиканцам. Но де Сад предпочитает отказаться от этой манны небесной ценой опасности собственной жизни, да еще заявляет что эти люди могли подумать, что он "такой же бесчеловечный как они" ! Вот где смеялся Бог слушая, как лопочет истину человеческой морали этот глубоко больной человек, столкнувшись с реальностью зла, которое он прославлял, даже не ведая что это такое.

Сад также как и Гитлер хорошо понимает, что обращаться к "женщине и толпе" надо через чувства, а не через разум. Поэтому свою пропаганду преступления он строит на прославлении "наслаждений", "успехов" и "счастий" связанных со злом. И поскольку он не только не может доказать то, что естественным образом вызывает самое глубокое отвращение у сколько-нибудь живого еще психически человека, но и привести реальные примеры людей способных наслаждаться в состоянии разложившейся психики, то ему не остается ничего другого как долбить мозги словно молотком навязчивой рекламой того, в чем ему хотелось бы доказать всему миру свою уникальность

"Я, разумеется, не из тех вещей, которым мир придает большое значение, относительно него как раз бывает меньше всего любопытства; рискованно как раз показать, что оно у тебя есть.

Худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря — ноги, состояния, женщины и тому подобного — не замечаются столь мало"

"Таково состояние отчаяния. И пусть даже отчаявшийся и не подозревает об этом, пусть ему удастся (все так же в отчаянии, о

котором он и не подозревает) потерять свое Я, потерять его настолько успешно, что от него не останется даже следов, — все равно вечность заставит раскрыть отчаяние его состояния и пригвоздит его к собственному Я; так мука всегда остается в том, что невозможно избавиться от себя самого, — и человек вполне обнаруживает всю иллюзорность своей веры в то, что от этого Я можно избавиться. И к чему изумляться такой строгости? Ведь это Я — наше владение, наше бытие — это одновременно величайшая уступка вечности человеку и ее вера в него" Кьеркегор Болезнь к смерти

Сам Сад был шизоидом, как и Ницше и Гитлер, но его партия была основана по принципу Гитлера – на массе людей, мало способных к интеллектуальной активности. Гитлер много писал о том, что для тех, кто хочет власти ставку надо делать, прежде всего, на неграмотные слои общества, а не на "так называемую интеллигенцию" и не на "так называемый разум". Эмоции, самые примитивные эмоции и короткие, односложные лозунги, понятные даже имбицилам – и всем этим бомбардировать сознание, не давая передыху, в точности по примеру коммерческой рекламы! Таковы слова Гитлера о путях успеха на поле завоевания власти! "Какое счастье для политиков, что массы не умеют думать!"- любил говаривать фашистский вождь. Но сами они конечно же были интеллигентами, а это резко меняет характер ДТПЭ (если речь идет об интеллекте на поле Эгосистемы, а не о настоящем научном интеллекте КТ!), то есть характер расстройства психики, с циклоидного на шизоидное.

С шизоидным ДТПЭ мы познакомимся в театре Данте, поскольку там он представлен у большинства участников, здесь большинство за циклоидным ДТПЭ простых людей, которых Кьеркегор называл "непосредственными" или "не способными к рефлексии". Ницше называл их "маленькими человечками", и вместе они обозначали их как "нищих духом".

Речь идет о людях с физической Эгозащитой, в основе которой лежит действующий гомеостаз ДТПЭ – циклы коротких равновесий Самолюбие-Влюбленность, формирующих отношения

господства и подчинения на манер восточных обществ. Ту важно помнить, что несмотря на то, что ДТПЭ сам по себе вреден человеку и сказывается в бессмысленных растратах его громадной духовной энергии на автоматизмы заурядного детерминированного тока, он может быть нормально функционирующим, как у циклоидов и со сломанным гомеостазом, как у шизоидов. В первом случае исправно работает соединение людей через Самолюбие-Влюбленность, гарантируя вековую стабильность (равно как и вековой застой) восточных обществ. Во втором случае способность к слиянию оказывается утраченной и на ее место становится ожесточенная война всех и вся, наподобие греческих и римских междоусобных войн, уничтоживших античность.

Тем не менее, как справедливо замечает великий Кьеркегор – благополучие циклоидов только самое поверхностное, так как под этой мнимой гармонией благополучного соединения людей через Самолюбие-Влюбленность таится страшная трагедия растраты громадной человеческой духовности на автоматизмы тупого, нищего механизма.

"Немного иначе дело обстоит с обывателями, ведь их пошлость также прежде всего лишена возможного. Тут отсутствует дух, тогда как в детерминизме и фатализме он отчаивается; однако отсутствие духа — это также отчаяние. Лишенный всякого духовного ориентира, обыватель остается в сфере вероятного, откуда никогда не узреть возможное; потому у обывателя нет никакого шанса обрести Бога. Всегда лишенный воображения, он живет внутри некоего банального итога опыта, полагаясь на течение обстоятельств, пределы вероятного, обычный ход вещей, — и неважно уже, является ли он виноторговцем или премьер-министром. У обывателя нет более ни Я, ни Бога. Ведь чтобы обрести и то и другое, нужно, чтобы воображение подняло нас над туманами вероятного, вырвало нас из его пределов и, делая возможным то, что превышает меру всякого опыта, научило бы нас надеяться и бояться или же бояться и надеяться. Однако у обывателя ведь нет воображения, и он не хочет воображения, даже ненавидит его. Стало быть, здесь нет

и спасительного средства. А если существование порою и помогает ему, посылая ужасы, превосходящие его пошлую попугайскую мудрость, он отчаивается, иначе говоря, становится очевидно, что его положение отчаянное, но что ему недостает возможного веры, чтобы стать таким перед Богом и спасти свое Я перед неминуемой гибелью"

Внешне все выглядит благополучно, люди легко организуются в группы, женятся, рожают детей, работают над приобретением пропитания – правда, весьма скудно в этом преуспевают, как показывает тысячелетняя история востока – но тем не менее, государство существует, семья, пусть даже с многоженством и полным подчинением женщин, функционирует, воспроизводя своих членов. Здесь нет ни отчаянной борьбы за свободу греков, ни отчаянной ревности угнетенных женщин, ни отчаянного рвения к прогрессу. Все катится, словно самокат по предустановленным рельсам господства и подчинения, будь государство или семья и ничего другого люди не требуют. Был бы гомеостаз ДТПЭ – была бы возможность соединять Самолюбие и Влюбленность, а все остальное никому не интересно. Вот собственно на этом сведение всех человеческих ценностей к радостям взаимоотношений господ и рабов и построен успешно функционирующий механизм рабочего (не сломанного) ДТПЭ.

Но под этой внешней гармонией во всем просвечивает духовная нищета и отсутствие не только космической сила Контрольного Тока, но самых элементарных духовных интересов, глубины переживаний, потребности в познании, в контроле, в единении с космосом через активность мышления, которая составляет основу нашего существа.

"Эта форма отчаяния в целом совершенно ускользает от людей. Ценой потери своего Я такой отчаявшийся тотчас же обретает бесконечную ловкость, благодаря которой его всюду охотно принимают и он достигает успеха в мире. Здесь уже нет никакой помехи, здесь Я и его бесконечность перестали быть стеснительным препятствием; круглый как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета. Его не только не принимают за

отчаявшегося, напротив, это как раз такой человек, какой нужен. И вообще мир не знает — и на то есть причины, — где есть нечто, заставляющее трепетать. И само это отчаяние, которое облегчает жизнь, вместо того чтобы ее стеснять, — отчаяние, которое наполняет вас благодушием, конечно же никогда не будет сочтено отчаянием"

"Стало быть, обычный человек весьма ошибается, когда видит в отчаянии исключение; напротив, оно есть правило. И неверно также, что, как полагают, все те, которые не считают себя или не чувствуют себя отчаявшимися, не являются таковыми, а отчаявшимися являются только те. кто утверждает, что они таковы. Совсем напротив, человек, который настаивает на своем отчаянии без обезьянничанья, не так уж далек от исцеления, он даже гораздо ближе к такому исцелению — в диалектической степени,- чем все те, которых не считают и которые сами не считают себя отчаявшимися. Правило здесь состоит в том (психология здесь, без сомнения, обеспечит меня им), что большая часть людей живет, не особенно задумываясь над своим духовным предназначением... **отсюда и вся эта ложная беззаботность, это ложное довольство жизнью и так далее — то, что как раз и есть само отчаяние.**"

"По сути, он поворачивается спиной к тому внутреннему пути, которым ему надо было следовать, чтобы быть действительно истинным Я. Всякий вопрос о Я, об истине остается своего рода запретной дверью в глубинах его души. И ничего нет за нею. Он обретает то, что на своем жаргоне называет своим Я, иначе говоря, то, что он сам способен отделить от своих способностей, талантов и прочего... Все это он, конечно, обретает, но так, что оно повернуто вовне, к тому, что называют жизнью, действительной жизнью, активной жизнью; у него устанавливаются лишь весьма благоразумные отношения с той малой долей рефлексии о себе самом, которая еще сохраняется, и он боится, как бы вновь не объявилось то, что таится в глубине. Медленно и постепенно ему удается даже забыть об этом: со временем оно станет для него почти смешным, в осо-

бенности когда он окажется в хорошем обществе, вместе с другими значительными людьми действия, имеющими вкус к реальности и взаимопонимание с нею. Прекрасно! Все складывается, как в романах со счастливым концом — он уже несколько лет как женат, активный и предприимчивый человек, отец семейства и добрый гражданин, возможно, даже великий человек; в доме его слуги, говоря о нем, наделяют его неким Я: "сам хозяин!"; он именит; его обращение с людьми выказывает человека, умеющего воздавать им должное, да и себе он воздает должное, своей собственной личности, — а если судить по этому должному, то совершенно не подлежит сомнению, что личность у него есть. В христианском .лире он христианин (точно так же как был бы, язычником при язычество и голландцем в Голландии), который занимает свое место среди благовоспитанных христиан. Его часто волновала проблема бессмертия, и он не раз спрашивал у пастора, действительно ли оно существует и действительно ли там можно вновь узнать себя: об этом, впрочем, он мог бы не слишком беспокоиться, ибо у него нет Я" Кьеркегор Болезнь к смерти

Вот именно это внешнее благополучие Театра Сада продолжало вводить в заблуждение и здесь прочих обитателей Чистилища. Театр Сада сумел раскинуть свое влияние далеко за пределы Олимпа и подчинить своему влиянию многие этажи Башни Чистилища.

***

Такое положение вещей не могло не вызвать отвращения и резкого осуждения всего общества Олимпа, как в свое время имело место быть на земле, где он провел большую часть жизни за решеткой. Театр Данте видел своей главной целью уничтожение этого дьявольского рассадника, а театр Цезаря был возмущен свыше всякой меры. Вся золотая молодежь театра – Цезарь, Александр, Антоний, Байрон, Ретланд, Эссекс, Лафайет, Кьеркегор – все поднялись, чтобы оказать поддержку Театру Данте в уничтожении театра Сада, мечтавшего превратить всю Башню чистилища в свою Башню Зла.

Полные самого благородного возмущения ворвались они в театр Сада и стали возмущенно выговаривать его членам за поношение гуманистических ценностей и разложение всего самого возвышенного и прекрасного человека, за низведение человека на ступень гораздо более низкую, чем животное.

Какого же было их удивление и унижение, когда они услышали только хохот и глубокое удовлетворение от сознания того, что они сумели пробудить в величайших воинах и перьях всех времен и народов таким сильные эмоции! Каким другим способам им еще удалось обратить на себя внимание этих небожителей, не замечающих никого кроме общества себе подобных?!

- Как я тронут, как тронут вашим визитом, - хохотал в полном восторге Сад, - ах, дайте мне спустить, дайте мне спустить на ваши знаменитые исторические фигуры!

Садисты не замедлили его поддержать, и в мгновение ока началась такая вакханалия, которая на все оставшиеся времена отбила у золотой молодежи театра Цезаря желание посещать садистов в пылу благородного возмущения. Дело в том, что только в театре садистов умели достичь любовный разрядки в том старом земном смысле, к которому все привыкли, но никто не знал почему это так. Да, говорили еще, что любовные союзы ученых намного гармоничнее, стабильнее и счастливее, но это больше напоминало единение Данте и Беатричи в облаке царства небесного, чем живую любовь через совокупление, к которой привыкли на земле. Поэтому против своей воли, заслуги театра Сада в способности любить по земному не могли не ценить, и даже немного не завидовать. Ведь никто не знал, что эта параллель с земной любовью происходит от того, что Самолюбие и Влюбленность – тоже противоположные полюса детерминированного тока, подобно тому как мужские и женские гениталии – противоположные полюса биологического тока. И что в этой аналогии мало завидного, потому что такая любовь нестабильна, требует постоянно новых жертв для "питания", новых влюбленностей, что наконец это мертвый ток с весьма поверхностными возможностями эмоциональных переживаний, и что движет эти

током боль, голод, нехватка энергии, а вовсе не "наслаждение", которое так широко рекламировал Сад. Разумеется, это была только психическая разрядка, так как тела у них давно не было, но весь процесс настолько напоминал биологическое возбуждение, что им легко было вспомнить свои переживания и представить себя в тех позах и состояниях, которые они переживали. Без сильного чувства психического возбуждения им бы это не удалось, как не удавалось другим, вот это то и ставило других обитателей Олимпа в тупик.

Но ведь в Театре Цезаря никто этого не знал, и все считали, что союзы Самолюбий и Влюбленностей действительно так полны наслаждений, как они расписывают, и что это наслаждение им недоступно. Будучи по прежнему образцами благородства и добродетели они с негодованием отказывались от любых удовольствий, требующих жертв и чудовищной доктрины абсолютного зла Сада, но это не мешало им думать, что хорошо было бы вернуть себе способ любить без этих извращений. Тогда еще никто не знал, что союзы ученых и были такой полноценной психической любовью, не требующей ни противоположных полюсов, ни жертв, ни насилия и страдания, а только способности обитать в пространстве интеллекта, где только и могли встретить пары для такой любви.

И пока об этом ничего не было известно, Сад оставался силен своей ложной пропагандой, своим откровенным презрением к "метафизики" и превозношением отношений господ и рабов как основы эротики и любви вообще. А вкупе со своим образом дьявола он невольно стал внушать страх скрытой силой, которую благородные цезари не могли разгадать.

И вот тогда когда их окружило мастурбирующее общество порнографического театра, демонически хохочущее им в лицо и они вдруг осознали, что они уже не великие воины, а бестелесые беззащитные души, им в первый раз в жизни стало страшно, ибо все они обладали одаренными, чувствительными душами, питающими глубокое отвращение ко злу. И этот страх похоронным звоном отзвонил в их душах полную победу зла на Олимпе,

и полное поражение их благородного отважного стремление защитить добродетель.

Они покинули театр под всеобщий хохот и потом еще долго не могли смотреть друг другу в глаза, так и не решившись заговорить об этом. Но с тех пор, они чувствовали себя такими несчастными, что их вечности их душ действительно грозила опасность.

***

Другой головной болью садистов был один из их наиболее авторитетных лидеров – Ницше. Чего они только не делали, чтобы угодить ему, но отношения все больше и больше ухудшались по непонятным для обеих сторон причинам. Вроде бы их идеология идеально совпадала, вроде их цели и мировоззрение были совершенно идентичными, но Ницше оставался не просто равнодушным к постановкам эротического театра, но и не скрывал своего отвращения к ним. Ах, разве так он представлял сверхчеловека! Слишком мала еще разница между самым великим человеком и маленькими человечками, - говорил он когда-то. Потом он стал говорить, что она ничтожна. И наконец его стали посещать мысли о том, что ее вообще нет или даже что она отрицательна! Эти люди вовсе не великаны, а лилипуты, которые меньше даже тех, кого он считал маленькими христианами, не способными к величию духа. Но у этих духа вообще нет! Вот в чем все больше убеждался Ницше и что разъедало его изнутри словно раковая опухоль. Разве эта жалкое прозябание между притяжениями Самолюбия и Влюбленности – дух? Все чаще приходили ему на ум слова из его Заратустры, когда он наблюдал спектакли и социальную жизнь театра.

"Я люблю лес. В городах трудно жить: там слишком много похотливых людей.

Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины?

И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят -- они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной.

Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух!" Заратустра Ницше

Эта эволюция происходила в Ницше постепенно, но тем ближе становился кризис, который окончательно разведет гения и маньяков, злоупотреблявших его "избытком духа". Сначала Ницше стал замечать, дефицит не только высокой духовности, которая одна только и может быть признаком величия, которое он искал, но даже и элементарной энергии для поддержания своей жизнедеятельности. То, что он по простоте душевной считал проявлением величия – пафос дистанции господ и рабов – оказалось напротив проявлением жуткого энергетического дефицита, выливавшейся в отвратительную узкую практичность и подлое приспособленчество, бесконечно далекие от всего, что делает дух духом, наполняя его избытком энергии и величия.

"Цинизм есть единственная форма, в которой пошлые души соприкасаются с тем, что называется искренностью; и высшему человеку следует навострять уши при каждом более крупном и утонченном проявлении цинизма и поздравлять себя каждый раз, когда прямо перед ним заговорит бесстыдный скоморох или научный сатир". Ницше По ту сторону добра и зла

"Презрением клеймят человека трусливого, малодушного, мелочного, думающего об узкой пользе, а также недоверчивого, со взглядом исподлобья, унижающегося, - собачью породу людей, выносящую дурное обхождение, попрошайку-льстеца и прежде всего лжеца: все аристократы глубоко уверены в лживости простого народа. "Мы, правдивые" - так называли себя благородные в Древней Греции" Ницше По ту сторону добра и зла

Ах, как трудно было ему обнаружить искренность в театре Сада, насквозь пропитанного ложью и цинизмом, которые он не просто презирал, но органически не переносил. Как тяжело ему было выносить эту нищету духа, которая не только не способна давать от "избытка своего" подобно Ницше, но напротив постоянно в поисках хищнической поживы и узкой выгоды.

Но больше всего его возмущала обстановка борьбы мелких тщеславий, которые в одно и тоже время хотели сохранить его авторитет для своего театра, а с другой стороны отчаянно завидовали его славе и ревновали, старались перещеголять его. Его, Ницше стали обвинять в тщеславии, когда единственным его желанием всегда было служить истине и идти за ней, куда бы она его не повела.

"Не есть ли оскорбленное тщеславие мать всех трагедий? Но где оскорблена гордость, там вырастает еще нечто лучшее, чем гордость" Ницше Заратустра

"Тщеславный человек радуется каждому хорошему мнению, которое он слышит о себе (совершенно независимо от его полезности, а также не обращая внимания на его истинность или ложность), точно так же как от всякого дурного мнения он страдает: ибо он подчиняется обоим, он чувствует себя подвластным им в силу того древнейшего инстинкта подчинения, который проявляется в нем. - Это "раб" сказывается в крови тщеславца, это остаток лукавства раба - а сколько "рабского" осталось, например, еще до сих пор в женщине! - силится соблазнить на хорошее мнение о себе, и тот же раб падает тотчас же ниц перед этими мнениями, как будто не сам он вызвал их. - И говоря еще раз: тщеславие есть атавизм" Ницше По ту сторону добра и зла

И ему приходилось жить в этой смердящей обстановке мелкой борьбы ничтожный тщеславий, да еще, что хуже всего считаться идеологом и моральным авторитетом, оправдывающим всю эту вакханалию, внушавшую ему самое глубокое отвращение.

Саду удалось на какое-то время успокоить Ницше, посвятив ему в вечные подруги свою знаменитую родственницу – Лауру, воспетую знаменитым Петраркой. Ницше был польщен и очарован, но это продолжалось недолго. Скоро он увидел, что прославляемый им идеал послушной женщины на деле его вовсе не прельщает, как бы красива она не была. Оказалось, что низкий уровень интеллекта настолько лишает интереса всякое общение

с женщиной, что все ее прелести самки больше не способны что либо для него изменить.

А потом пришел Гитлер и все стало из рук вон плохо. "Каких там только не было чудовищ, писал когда-то Ницше о приеме у Вагнера, - даже антисемиты", которых он ненавидел больше всего. И тут надо же такая пакость: ярый антисемит, лепечущий страшный вздор, и прикрывающийся при этом его теорией сверхчеловека и героя войны! Как же такое могло случиться! Да еще человек пренебрегающий истиной объективности в пользу пошлой пропагандистской лжи, и не только не стесняющийся этого, но напротив ставящий себе это в заслугу. "Тьфу, - говорил Ницше, - быть первым среди черни", но только не Гитлер, который подобно Ленину пренебрегал именно интеллигенцией, не реагировавшей на его примитивную пропаганду, но не чернью, не массой, которая служила для него главным источником власти и силы.

Как жестоко посмеялась судьба над Ницше, преподнеся ему сверхчеловеков в лицах Сада и Гитлера! Неужели, все то громадное зло к которому он призывал для достижения величия и избавления от пошлости и тщеславия лишенных духовности маленьких человечков – могло привести лишь к выживанию таких моральных уродов?! Но кто же тогда он сам?! И какова его личная вина и ответственность за все те громадные несчастья, которые свалились на человечество в результате пропаганды зла, начатой Садом и успешной развитой им, Ницше.

Вскоре Гитлер стал открыто конкурировать с Ницше, возненавидев его за его насмешки над антисемитизмом Гитлера и над его нацизмом: Ницше напротив всегда считал немцев посредственностями, от которых он и спешил скрыться, не умея вынести вида этих "маленьких человечков". Гитлер тоже писал: "Я стал спрашивать себя неужели эти люди – мой народ?" Но в конце концов Гитлер успешно убедил себя, что такими безнадежными дураками их сделали проклятые евреи своей бесстыдной пропагандой и удачливостью в литературном жанре, но что когда он, Гитлер, обращается к их разуму, ему удается убедить их в своей

правоте – а это и есть вернейший признак гениальности немецкого народа. Только еврейские идиоты были способны отказываться от священной истины Гитлера и именно за это он и "начал постепенно их ненавидеть".

"Пусть запомнят это все тщеславные писаки нашего времени: великие перевороты в этом мире никогда не делались при помощи пера.

Нет, перу предоставлялось только теоретически обосновать уже совершившийся переворот.

Испокон веков лишь волшебная сила устного слова была тем фактором, который приводил в движение великие исторические лавины как религиозного, так и политического характера". Моя борьба Гитлер

Так Гитлер напоминал Ницше, что он всего лишь тщеславный писака, но именно Гитлеру отводится роль сделать театр Сада господином Олимпа Чистилища. Негодованию Ницше не было конца. В запале он забыл всякие рамки приличия и высказал этому чудовищу-антисемиту все что он думал о его пошлой лживости, лицемерии и подозрении во всех тщеславия, которого у таких гениев как Ницше нет и быть не может.

Дело закончилось тем, что Гитлер окончательно установил факт еврейского происхождения Ницше – подобно тому, как в свое время было установлено относительно Ремарка – и отказался в будущем считать его частью "своего народа".

Только здесь Ницше стало плохо по настоящему, и он превозмогая гордость отправился в театр Цезаря, навестить своего самого любимого друга – Вагнера, с которым они с самой их ссоры еще при жизни так и не оживляли старо дружбы, хотя страдали оба. Как-то Вагнер зашел к его сестре и сказал: передайте вашему брату, что с тех пор как мы расстались, я одинок". Но это ничего не изменило, потому что Ницше к тому времени уже стал отшельником, боящимся не только общества, но и своей собственной тени. Именно болезнь, как-то незаметно развившаяся и накрывшая его с головой положила конец этой прекрасной, искренней, глубокой дружбе двух гениев.

И вот только теперь он нашел в себе силы отыскать старого друга и пожаловаться ему на все ужасы происходившие в театре Сада.

- Переходи к нам, Фридрих! Я так рад тебя видеть, если бы ты только знал как! – выдохнул от переполнявших его чувств Вагнер

- Не могу, друг, ты ведь знаешь я "жених истины", - усмехнулся Ницше, - пока я не найду научный оснований, которые меня убедят в неправоте моей теории, я не могу отказаться от нее, как бы больно мне не было. Ты знаешь, боль ничего не решает для героя там, где долг и долг и любовь к истине безраздельно руководят всей его жизнью.

- Знаю, знаю, только неужели ты за двести лет, что прошли с тех пор так и не понял, что нет истины в твоем учении? Смирись с тем, что был не прав, если тебя действительно тревожит истина, а не тщеславие. Сейчас ты мегазвезда на земле – и твое тщеславие должно было бы насытиться даже если бы оно у тебя было. Но зато совесть, дружище, я же знаю тебя "кающегося духом" и "совестливого духом"! Как должна страдать твоя совесть, когда ты поймешь, что слава которую ты так отчаянно ждал только во много раз отягчит твои грехи?

Трудно сказать, какое влияние оказали эти слова друга на Ницше. Он вскочил убежал и больше с тех пор никогда не приближался к Вагнеру. Только его душа стала совсем прозрачной и начинала приобретать тот серый нездоровый оттенок, который не предвещал ничего хорошего.

ГЛАВА 8. ТЕАТР ДАНТЕ-ЛЮТЕРА

Театр Данте также испытывал немалые трудности в хлопотах о поддержании уровня психической энергии на жизнеспособном уровне и это сильно удручало обитателей театра. Чем больше они стремились к вечной жизни, тем больше они боялись, что уровень их энергетики недостаточно высок, чтобы поддерживать души вечно.

В отличие от театра Сада, где основным источником питания было совокупление Самолюбий и Влюбленностей, для чего поддерживали разделение их общества на господ и рабов, - в театре Данте питание осуществлялось через интеллектуальную Эгозащиту, посредством христианской философии, чтения и постановок священных книг, жития святых и другой христианской литературы.

Разделение общества на господ и рабов потеряло свой смысл и участники театра Данте превратились в равных друг другу братьев и сестер, имеющих, правда, одного общего врага – дьявола. В этом последнем и была вся причина недостаточного уровня энергетики душ театра – все что удавалось насобирать путем проповедей, лекций, молитв, постановок и дискуссий непременно расходовалось на жуткий страх, ненависть и борьбу с дьявольским отродьем, которыми кишел Олимп Чистилища.

В том, что театр Сада есть дьявольское посольство в чистилище, никто из дантовцев не сомневался ни на одну минуту. Предпринятая Садом демонизация своего образа прошла настолько успешно, что христианское население всей Башни чистилища было уверено, что он и есть дьявол поджидающий их души для отправки в ад. Тот факт, что только в театре Сада по прежнему могли предаваться греху сладострастия и стал основным доказательством его демонизма. Ведь слыханное ли дело – остаться без тела и продолжать безобразничать с девками,

как ни в чем не бывало! Ясное дело, только дьяволу это под силу!

Что касается дантовцев, то им это действительно не было под силу, хотя и по совсем другим причинам, чем они сами были в состоянии предположить. Дело в том, что проповеди, христианская философия и молитвы позволяли им достичь устойчивого равновесия Самолюбия и тем самым устраняли потребность во Влюбленности. Весь секрет был всего-навсего в том, что то, что они называли "любовью к Богу" было на самом деле устойчивым Самолюбием, достигнутым интеллектуальной Эгозащитой. В результате этой внушенной себе молитвами любви к всемогущей силе, частью которой они являлись, им уже не требовалось доказывать себе путем насилия над рабами, что они обладают силой. Так, проповеди и молитвы вытеснили потребность в соединении Самолюбие-Влюбленность, которая продолжала существовать в театре Сада как нормальный гомеостаз детерминированного тока психики. Но поскольку никто не понимал энергетической подоплеки того, почему дантовцы не могут, а садисты могут, то все относили это на счет дьявольских происков.

Зато дантовцы посвящали все свои силы отчаянной борьбы с дьяволом, давая выход пожиравшему их страху в постановках Дантова Ада о наказаниях садистов. Страх и ненависть к дьяволу были основной эмоциональной тональностью театра Данте, что и стало причиной низкой энергетики его участников. В тоже время, интеллектуальная Эгозащита давала устойчивое и сильное притяжение Самолюбия, которое было бы богатым источников энергии, недоступным садистам, если бы они не растрачивали почти все, что имели на сильный страх и ненависть к дьяволу, которые были им неподвластны.

Однако, на самом деле все обстояло значительно менее драматично, чем это казалось со стороны. На самом деле, борьба шла вовсе не между Добром и Злом, как думали все те, кто видел добро и зло через Эгосистему. Борьба шла всего лишь между различными видами зла: цикличным ДТПЭ и шизоидным ДТПЭ.

Дело в том, что Разум, то есть Интеллект, который принято считать однородным может иметь три совершенно различных качества. В двух из этих трех случаев интеллект является только вспомогательным механизмом в течении детерминированных автоматизмов природы, а в третьем случае – он самостоятельный источник энергии. Ясно, что речь о самой благородной энергии космоса – Контрольном токе человека.

Первый вид интеллекта – его "сотрудничество" с биологической энергией. Про этот тип мышления вполне удовлетворительно написал Дарвин. Это такое мышление, которое помогает животным решать свои насущные проблемы, связанные с отправление их биологических инстинктов. Ясное дело, что такой интеллект всегда характеризуется крайне низкой активностью, полным отсутствием абстрактного мышления и даже какого бы то ни было приближения к логическому мышлению.

Второй тип Интеллекта – его "сотрудничество" с ДТПЭ. Здесь интеллект включается в Эгозащиту, и его функцией остается помощь в осуществлении течения ДТПЭ, никакой самостоятельной значимости интеллект на поле Эгосистемы не имеет, как и на поле биологических инстинктов. Однако, здесь он отличается высоким развитием абстрактного мышления и формальной логики, что проявляется в построении метафизического мировоззрения и доказательством примата Эго над СуперЭго в философских системах, и в литературных романах. Главное свойства интеллекта здесь в том, что он никак не связан с отражением истины, а только помогает обосновать Эгозащиту, как бы нелепо это не звучало. И потому такой интеллект крайне вреден для КТ – ведь он стимулирует ток-паразит, растрачивающий его энергию ума, доброты и космической силы.

"То же приключается и со знанием, которое становится воображаемым. Здесь также действует закон прогресса Я,- если действительно необходимо, чтобы Я стало собою, то знание должно приходить вместе с сознанием, так что чем больше оно узнает тем больше узнает себя Я. Если же это не так, знание, по мере своего прогресса, превращается в ужасное — осведомлен-

ность, в которой человек, чтобы образовать себя, на самом деле себе растрачивает, — подобно напрасной растрате человеческих жизней ради строительства пирамид, — или же растрата тех голосов в русских рожках, которые должны были в нужный момент вытянуть одну-единственную ноту" Кьеркегор Болезнь к смерти

Так называемый "антиинтеллектуализм", существо которого выразил впервые Шопенгауэр в "Мире как воле и представление" также есть всего лишь разновидность интеллектуальной Эгозащиты. Потому как не думаете же вы в самом деле, что можно доказать ненадобность интеллекта путем написания томов, заполненные образцами высочайшей абстракции формальной логики человека. Шопенгауэр говорит, что все, что мы воспринимаем через сознание и познание – есть всего лишь представление в кантовском смысле "явлений", не отражающих существо предмета. И только отказавшись от сознания мы можем почувствовать истину о мире, так как станем частью мировой воли. На деле – это выход на силовое поле Эгозащиты с превращением интеллекта в способ Эгозащиты. Недаром характер Шопенгауэра отличался выраженной шизоидностью. Глупость подобной аргументации, опровергающей способность человека к познанию на том основании, что якобы мысли человека есть часть его личной природы и не имеют ничего общего с внешним миром, а только приписывают ему то, чего в нем нет, - основана на непонимании единства двух полюсов Интеллекта: Активного интеллекта мышления и Пассивного интеллекта законов природы. Познание – это всего лишь встреча полюсов интеллекта, которые объективны для всего космоса, равно как и для человека.

Другим наиболее ярким представителем антиинтеллектуализма несомненно является Сартр, шизоидность которого еще более выпукла, как мы увидим ниже. Вот и Данте писал, что Бога можно познать только отказавшись от разума.

"Безумен тот, кто думает, что знаньем
Проникнуть может в тайны божества
Осилить скудным разумом сиянье

Единого в трех лицах естества.
О смертные! Падите на колени,
Пред Ним, не тратя попусту слова.
Когда б могли, не ведая сомненья
Вы все непостижимое понять
Тогда бы для людского искупленья
Спасителя не стоило рождать
Я думаю, Марии Благодатной...
О вечные безумцы! Все познать
Они стремились в жажде непонятной.
Но тайна ускользнувшая опять
К ним возвращалась пыткой неоплатной.
Таков был Аристотель, и Платон,
И многие другие..."
Данте Божественная комедия

Наконец, третий вид Интеллекта – и есть истинный Интеллект во всей его красе. Это научный интеллект объективного мышления, порождающий свою собственную энергетику в процессе познания – Контрольный Ток человека. Самое существенное отличие Интеллекта здесь то, что он больше не является прислужником в чужих энергиях, помогающим отправлению их механизмов, - нет, он наконец-то становится самоцелью, ставя основной задачей порождаемой им энергии процесс познания и контроля законов природы. Все ресурсы энергии оказываются мобилизованными именно для этой задачи – как биологические, так и психические, так что теперь "тело" только источник энергии для контрольной деятельности интеллекта. Так, интеллект из служанки тела у животных превращается в его господина у людей. Но ведь Дарвин, который утверждал, что у нас нет оснований разделять" царства" человека и животных в качественно различные группы, не мог этого знать. "Они строят большие здания, - пишет Дарвин о муравьях, желая продемонстрировать их интеллект, - содержат их в чистоте, запирают свои двери на ночь и приставляют к ним сторожей. Они прокладывают дороги и даже туннели под реками. Они собирают пищу для

общины. Они собирают семена и задерживают их прорастание; влажные зерна они выносят на воздух для сушки" Происхождение человека

Эти факты, которые Дарвин приводит, чтобы доказать наличие аналогичного человеку интеллекта у муравьев на самом деле доказывают только наличие интеллекта-служанки биологических инстинктов. Качественное отличие интеллекта человека в том, что никому кроме самого себя не прислуживает, и потому движется в своем собственном пространстве законов космоса. Человек мыслит вовсе не для того, чтобы подобно муравьям удовлетворять свои инстинкты – наоборот, он контролирует здоровье своего тела, чтобы поставить все силы тела на службу потребностям познания и контроля. И это легко видеть в том, с какой уверенностью ученые всех времен и народов жертвовали жизнью, здоровьем и личным благополучием для достижения поставленных научных задач.

Данте несомненно ошибался, когда говорил, что Разумом Бога не понять. Как раз наоборот, единственный шанс достучаться до Бога – развивать объективный интеллект научного контроля вселенной. Никто не сказал об этом лучше Томаса Пейна:

"Человек может раскрыть Бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум, и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно, кому читать Библию – лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?" Век Разума Пейн

"Я отвечаю: да, есть слово божье, есть откровение. Слово божье есть видимый нами сотворенный мир, мироздание; и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком. ... Хотим мы знать, что такое бог? Изучай не книгу, именуемую Писанием, которую может создать человеческая рука, а писание именуемое мирозданием" Век Разума Пейн

Но вернемся к различиям между двумя видами ДТПЭ, производимыми вмешательством интеллекта в качестве "служанки" Эгозащиты.

Появление Интеллектуальной Эгозащиты ознаменовало появление нового вида ДТПЭ, а именно шизоидного ДТПЭ, который по ряду характеристик качественно отличается от ДТПЭ, основанного на Физической Эгозащите. Лучше всех различия между циклоидным и шизоидным ДТПЭ описал Кречмер в своей знаменитой работе о характерах.

Но тем не менее, и Кречмер не понял энергетических процессов, которые привели к качественно различным характеристикам этих двух видов детерминированных токов психики. Суть состоит в том, что Интеллект, вторгаясь в чуждую для него сферу (его место в активности КТ), ломает гомеостаз детерминированного тока психики путем установления стабильного притяжения Самолюбия. Ведь мы помним, что детерминированные токи природы движутся через циклы, круги между кратковременными балансами и дисбалансами именно потому, что стабильное равновесие означает смерть, остановку неинтеллектуальных природных энергий. Их движение как раз и состоит в переменах между равновесиями и неравновесиями, и если эти перемены исчезнут, то исчезнет и течение этих энергий, то есть они перестанут существовать.

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что вторжение Интеллекта на поле Эгозащиты детерминированного тока психики стало причиной его разрушения. "Сломанный гомеостаз" ДТПЭ – это и есть знаменитая шизоидность, известная как предтеча тяжелых шизофренических психозов. В этом смысле интеллект сослужил хорошую услугу, разрушив ДТПЭ и подготовив полное устранение его механизмов.

И эта загадочная шизоидность проявляется в том, что слабое притяжение Влюбленности становится абсолютно не доступным для тех, кто логически себе доказал, что он властелин мира или же продолжение всемогущей божественной воли, которая не на этом так на другом свете приобщит его к своему всемогуществу.

Отсутствие Влюбленности делает ДТПЭ негибким в жизненных маневрах: там, где обычный человек прогнется и уступит силе, шизоид с непоколебимым притяжением Самолюбия будет

подобно Дон Кихоту драться с бесчисленными армиями и страшными чудовищами, свято веря в свое всемогущество.

"Раз только там насилье, где теснимый
Насильнику не помогал ничуть,
То эти души им не извинимы;
Затем что волю силой не задуть;
Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть.
А если в чем-либо она покорна,
То вторит силе; так и эти вот,
Хоть в божий дом могли уйти повторно.
Будь воля их тот целостный оплот,
Когда Лаврентий не встает с решетки
Или суровый Муций руку жжет, —
Освободясь, они тот путь короткий,
Где их влекли, прошли бы сами вспять;
Но те примеры — редкие находки"
Данте Божественная комедия

С другой стороны, устойчивое Самолюбие, черпаемое из собственного интеллекта, лишает шизоидов потребности во Влюбленностях для "зарядки батареек" ДТПЭ и соответственно, способности к соединению притяжений Самолюбия и Влюбленности, как это имеет место при нормально функционирующем гомеостазе. Поэтому дантовцы очень гордились тем, что у них отсутствует потребность использовать других людей подобно садистам для поддержания своей энергии.

"Любовь людей – послушна их стремленью –
Не Богу, ни природе не мила.
Но все ж присуще каждому творенью
Желание – подальше быть от зла.
Любовь земная три удела прочит,
В трех воплощениях смысл свой обрела:
Один о возвышении хлопочет,
И, раскусив, что слаб его сосед,
Он властвовать над тем соседом хочет.

Другой сулит не мало разных бед
Сопернику, что всем на удивление,
Живет в довольстве, счастьем обогрет.
А третий жаждет мстить за оскорбление,
И для расправы он не ждет суда,
А верный выход видит в преступление.
Все трое друг мой попадут сюда,
Дабы очистить грешное сознание.
Но есть любовь иная, что всегда
Стремиться к счастью...Все полны желанья
Заветных благ достичь, но не для всех
Любовь такая; нет ей наказанья
В кругу, где мы, коль не присущ ей грех.
Есть благо на земле, что не приносит
Нам счастья – это благо злых утех,
А не добра. И тот кто жадно просит
от жизни сих даров, в которых нет
Стремленья к Божеству, тот переносит
В иных кругах мученья. Вот ответ"
Данте Божественная комедия

Если далее посмотреть стихи Данте о том, с какой неестественной для зрелого мужчины нежностью он выражает любовь к себе и с каким нескрываемым злорадством наслаждается мучениями своих личных врагов в Аду, не умея дать объективных обоснований их погружения в пучину ужаса, то становится очевидно, что по крайней мере к истинному праведному гневу примешана хорошая доля и болезненной ненависти Эго к СуперЭго. Не говоря уже о том, что он поместил в Ад все величайшие умы человечества просто потому, что они не христиане!

"В этот миг,
Как ночью мать, вскочившая с постели,
Едва раздался о пожаре крик,
Из колыбели сына вынимает
(Поскольку материнский страх велик)
И, выбив дверь, из дому выбегает,

Едва прикрыв худую наготу,
И лишь дитя в объятиях сжимает, -
Так и меня схватил в минуту ту
Наставник мой и на спине скатился
Вниз со скалы все крепче на лету
Меня сжимая".
"Потом поэт, обняв меня как брата
Поцеловал и молвил: "О стократ
Блаженна мать, носившая когда-то
Тебя во чреве, чистая душа,
Не знающая смуты и разврата.
Запомни: этот пес всю жизнь греша,
вознесся высоко в своей гордыне.
Неукротимой злобою дыша,
Он даже здесь беснуется доныне.
А вместе с ним и множество владык
В зловонье этой гибельной пустыни,
Как свиньи будут чавкать всякий миг
И срам свой выставлять на обозренье
Всеобщее, коль их позор постиг"
"Учитель, я горю от нетерпенья,
Я все отдам за то, чтобы взглянуть
Как будет это жалкое творенье
В вонючей жиже медленно тонуть!"
Данте Божественная комедия

Всякая религия, несмотря на содержащееся в ней рациональное зерно, оказалась всего лишь интеллектуальной Эгозащитой, а вовсе не истиной, которая возможна только в научном мышление КТ, имеющего мало общего с мышлением Эгозащиты.

"Религия же старой эпохи, которая отделяла духовную жизнь от божественной ... и которой Бог был нужен как нить, для того чтобы выводить эгоизм и за пределы смерти бренного тела — в другие миры, укрепляя на них страхом и надеждой слишком ослабевших для этого мира; эта религия, явным образом бывшая служанкой эгоизма, должна быть, конечно, погребена вме-

сте со старой эпохой, ведь в новую эпоху вечность настает не по ту лишь сторону гроба, но для нее она оказывается посреди ее современности, эгоизм же отрешен и от власти, и от службы и потому, уходя, забирает с собой и свою служанку" Речи к немецкой нации Фихте

И в этом не трудно было убедиться в активности христианства, развернувшего жестокие войны и фанатическую резню, а распущенность римских пап и преступления святой Инквизиции против человечества вошли в историю. Впрочем, Данте вовсе не думает оспаривать этого факта и уверенно подвешивает римских пап над раскаленными углями.

Когда-то лучшие друзья Томаса Пейна отвернулись от него за прекрасно обоснованную критику христианства как религиозного атеизма, мешающего истинному познанию Бога и сильно ошиблись: такой реакции заслуживает критика Бога де Садом, или Ницше и Фрейда, но никак не Томаса Пейна, истинного служителя Бога.

"Когда мы читаем непристойные историйки, описания сладострастных похождений, жестоких и мучительных наказаний, неутолимой мстительности, которыми заполнено более половины Библии, нам скорее следовало бы назвать ее словом демона, а не словом божьим. Это история безнравственности и злобы, послужившая развращению и озверению человечества. Что касается меня, я ненавижу ее, как ненавижу все жестокое" Томас Пейн Век Разума

"Преступная связь церкви и государства, где бы она не имела место, у евреев, христиан, турок, так эффективно запретила, под угрозой различных кар и взысканий, всякую дискуссию по установленным верованиям и основным принципам религии, что до тех пор пока не будет изменена система правления, эти вопросы не смогут быть честно и открыто поставлены перед миром. Но когда это будет сделано последует революция в системе религии. Человеческие вымыслы и вмешательство попов будут уничтожены, и человек вернется к чистой, незапятнанной, девственной вере в одного бога и не более...Христианская религия

еще несколько более чем идолопоклонство древних язычников, приспособлено к целям власти и обогащения; и на долю разума и философии все еще остается уничтожить низкую ложь" Пейн Век Разума

Из этих цитат видно, что Пейн критиковал в религии именно то, что превращало ее в Эгозащиту и мешало истинному видению Бога через объективный интеллект и добросовестность Контрольного Тока. Поэтому, то рациональное зерно, которое содержится в учении Христа, как попытки обосновать необходимость отказа от Эгозащиты он всячески прославляет:

"Все сказанное здесь, никоим образом неприложимо, пусть даже с малейшим неуважением, к реальной личности Иисуса Христа. Он был добродетельным и привлекательным человеком. Нравственность, которую он проповедовал и практиковал была в высшей степени благородной" Век Разума Пейн

Совершенно с другой стороны подходит к критике религии современник Пейна Сад, который тоже делает претензию обосновать свою позицию "разумом", которому противоречит Библия. Он, как и следовало ожидать, обрушивается как раз на то рациональное, что содержится в этой религии, сделавшей попытку обосновать необходимость снятия Эгозащиты. Главная аргументация Сада не в том, что религия лицемерит и проповедуя добро, на деле способствует поддержанию и развитию того, что больше всего проклинает на словах – гордыни, властолюбию, тщеславию, корыстолюбию и тп. Нет, его главная аргументация как раз направлена против всего правильного и разумного содержащегося в религии: не сметь прославлять совесть, доброту и сочувствие, когда "разум" Сада хочет только эгоизма, злорадства и насилия. Поэтому ни в коем случае не стоит смешивать критику религии Сада, Ницше и Фрейда, направленную против обоснования естественности и первичности доброты и сочувствия в человеке, с критикой Пейна и Рассела, которые напротив, поддерживая это положение, говорят о том, что вся беда в том, что на деле религия ведет как раз к обратным результатам. Так оно и есть: будучи способом Эгозащиты, она расстраивает

поле КТ, а значит разум, которым можно познать Бога и доброту общего Я человечества.

Сам Данте, именует себя "ребенком" и "желторотым птенчиком", боящимся даже задать "учителю" Вергилию вопрос.. Интересно, что Сад и Ницше, также чувствуют себя детьми. "Кто я, святая Руссе, если не ребенок?" – писал Сад из тюрьмы в Венсенском замке. "А ну-ка, женщины, найдите в мужчине ребенка", - кокетничает Ницше в Заратустре, и не надо быть гением, чтобы понять о каком мужчине идет речь.

"Так к матери своей порой стремится
Ребенок огорченный чем-нибудь,
Или когда чего-нибудь боится,
И падает, рыдает к ней на грудь
Так точно обернулся я к поэту"
"Ну что, - он улыбнулся, - оставаться
Ты здесь уже не хочешь, сын мой, да?
Вот так способен взрослый усмехаться,
Когда на блеск румяного плода
Ребенок направляет взор свой кроткий"
"Как желторотый птенчик, что подчас
Вздымает крылья, как большая птица
Но падает в гнездо за разом раз, -
Так я хотел к поэту обратиться
И слов не находил..."

Однако, если бы вам довелось почитать о том, с какой решимостью этот "желторотый птенчик" раскраивает людям черепа и брюхо, обвешивает их жуткими насекомыми и вампирами, хлещет их ледяным дождем или топит в болотах, подразумевая при этом справедливое наказание в Аду, - он не показался бы вам таким уж безобидным ребенком. Даже в том случае, если его уверения учителя со слезами на глазах в своей безгрешности "чист я, чист" – действительно являются чистейшей правдой. Не стал бы здравомыслящий человек разводить все эти ужасы, безо всякого научного обоснования и предназначения и так уверенно от лица Господа Бога сажать людей в Холокосты и Освенцимы.

Но здесь в этом прибежище лишенных тела шизоидов, Дантов Ад пришелся как нельзя кстати: на место слиянию Самолюбия и Влюбленности, которое стало недоступно здесь, поставили борьбу с Дьяволом, как единственным смыслом жизни шизоидной Эгозащиты.

В итоге, все общество Эгозащиты оказывается представленным одними притяжениями Самолюбия, без потребности и способности к притяжениям Влюбленности. Так и происходит полная потеря соединения людей – так как активная Эгозащита мешает нормальному соединению через КТ, а сломанный гомеостаз мешает соединению уже и через ДТПЭ. Если абсолютная зависимость друг от друга – характеристика союзов Самолюбие-Влюбленность, то аутизм и полное одиночество характерно для общества одних только Самолюбий. Это две крайности зависимости и аутизма, отсутствующие при здоровом соединение через КТ, где люди и не одиноки и не зависимы и умеют распределять время между общением, которое любят и уединением, которое любят не меньше.

Когда-то в своих философских письмах Вольтер писал об отвратительном обычае разделять мужчин и женщин по разным жилищам и запрещать им всякие контакты до конца жизни, несомненно имея ввиду мужские и женские монастыри. С тем, что этот обычай отвратительный спорить не приходится, поскольку он действительно противоестественен как с биологической, так и с психической точек зрения. Мужчинам и женщинам, также впрочем, как и всем людям полагается жить сообща и во всем сотрудничать друг с другом, хотя временное уединение также необходимо как голодание и пост при здоровом питание.

Люди также могут соединяться через Контрольный ток психики, но это будет качественно другое соединение. Главное отличие, прежде всего в том, что соединение через Контрольный ток означает реальное соединение истинных Я людей, в то время как соединение через притяжения Самолюбия и Влюбленности – это течение ДТПЭ между истинными Я, которые остаются разделенными. Когда же люди действительно соединяются, то

это ощущается как полное взаимопонимание, искренность, общие интересы, сочувствие и уважение. Самолюбие и Влюбленность соединяются совершенно иначе – это разговор "масок", "ролей", которые противостоят друг другу и боятся друг друга. Тем не менее, в обоих случаях имеет место соединение, которого может не быть вовсе.

Нарушенную способность к слиянию через соединение Самолюбия и Влюбленности дантовцы воспринимали как свою безгрешную и невинную натуру и очень этим гордились, хотя пока что говорить о безгрешности было рано, ибо ДТПЭ продолжало существовать, хоть и со сломанным гомеостазом на костылях Интеллекта, но все еще живое как никогда в устойчивом притяжении Самолюбия.

"Но от любви природной, изначальной,
Ты отличай телесную: она
Зажечься может искрою случайной
И рамками сознанья стеснена,
То вниз падет, то вверх опять стремится,
Всем приходящим благам так верна,
Что вечных благ не замечает: снится
Ей наслаждение плотское одно,
В котором грех мечтает поселиться.
Любви ж природной злобы не дано.
Она не оскорбляет Провиденья,
И ей в греховность впасть не суждено"
Данте Божественная комедия

На земле Дьявол был отвлеченной фигурой, а тут в чистилище они могли видеть его каждый день в образе маркиза де Сада и это не прибавляло несчастным дантовцам бодрости духа. Более того, было несколько случаев когда садистам удавалось внушить участникам театра Данте сильную Влюбленность и соблазнить их.

Можно себе представить как забавляла садистов эта охота на добродетельные души дантовцев, которые в этом смысле были прямо таки подарком для них, где их больше всего возбуж-

дал внушаемый ими страх. Этот страх, отнимавший энергию у дантовцев был одной из статей энергетического дохода садистов, питавшими им свое притяжение Самолюбия. "Преступление всегда интересуется добродетелью", - говаривал Сад, выбирая себе очередную набожную жертву на роль "страданий несчастной добродетели". Театр Цезаря-Ретланда был глубоко возмущен, и бывшие земные герои то там то сям не выдерживали и взрывались бешеным гневом, но гнев этот лишенный всякой возможности физически навредить им, только смешил и возбуждал садистов, которые стали всеобщим наваждением в Башне Чистилища.

Данте, в этой связи почти ежедневно читал проповеди о том, какая громадная разница между хорошей и злой любовью, подчеркивая, что только дураки думают, что всякая любовь хороша! Будучи человеком скромным, он читал ее от лица Вергилия. Меня поразила эта его проповедь своей проницательностью!

"И мысль свою не в силах утаить,
К учителю я с речью обратился:
"Наставник мой! Ты свет сумел пролить
На тайну тайн; теперь я просветился
И понял все, что ты мне рассказал,
Но все же я просить тебя решился,
Чтоб ты характер мне обрисовал
Любви, вполне достойной и прекрасной,
И той любви, которая похвал
Не может заслужить...Дай беспристрастный
Ответ". И мне тогда ответил он:
"Возвысь же до меня рассудок ясный,
И ты поймешь загадкой озарен,
К чему слепцов приводит заблужденье.
Они (поскольку разум омрачен)
Руководят другими без смущенья.
Сердца людей, способные любить,
Стремятся, сын мой, каждое мгновенье
К тому, что им приятно. Позабыть

Уже приманку эту невозможно.
Воображенье может пробудить,
Украсить то, что любо, хоть и ложно,
Все прелести земные находя
В своем предмете, что отнюдь несложно,
За ним с упорной нежностью следя.
Тогда и дух пленяться начинает
Тем существом, за сердцем вслед идя...
Вот это чувство (кто его не знает?) –
И есть и есть земная, плотская любовь;
Второй натурой мир ее считает, -
Она желаньем зажигает кровь...
Но как огонь всегда наверх стремится,
Сильнее разгораясь вновь и вновь,
С материей такой желая слиться,
Которая сливаться жаждет с ним, -
Так и любовь сама не усмирится.
Она с предметом избранным своим,
В пылу неутолимого желанья,
Горит, вздымаясь, пламенем одним,
Но все ж не доживет до обладанья.
И ты легко ошибку тех поймешь,
Которые дошли до осознанья
(Уже мой друг, ты слышал эту ложь)
Что всякая любовь всегда похвальна,
Какую только в мире не найдешь.
Такое заблуждение печально"
Данте Божественная комедия

Тем не менее, как не мудра эта лекция о двух типах любви, она явно слишком слаба, чтобы защитить человека от обольщения, попадись он в руки "опытного злодея", как говорит Сад. Судьба их было более чем печальна: их использовали в качестве эротических рабынь, а потом их души либо взрывались, либо постепенно изнашивались и исчезали. Возможно, им можно было бы помочь, если бы в Театре Данте не было культа Свобод-

ной Воли, который взваливал всю вину в конечном счете на самих жертв. Стоило кому-то стать жертвой садистов, попасть в круговорот эротических сцен и забав подонков, как он к тому же оказывался еще и сам виновен во всем, что с ним произошло.

"Но сила есть особая у нас,
Которая должна сопротивляться
И подавлять любовь из раза в раз
Свободной волей стала называться
Та сила".
Данте Божественная комедия
"Поверьте, лишь свободной воли нить
Возносит прямо в горние селенья тех
Кто сумел прощенье заслужить"
"Причину зла – я прежде это слышал
На Небе ищут; также я слыхал,
Что зло – в земле таится, а не свыше".
Опять вздохнула бедная душа:
"Мир болен слепотой и выше крыши,
Увы, не поднимается, греша.
Вы на земле своей живя без цели,
Пришли к тому, что небо каждый шаг
Ваш направляет. Если б в самом деле
Решили звезды всем руководить,
То вы б свободной воли не имели.
И что ж, безвинных стали бы казнить
(нисколько не сочувствуя их боли),
Которые не могут отвратить
Того, что им назначено судьбою?
Нет, счастье смертных в собственных руках,
Все люди – властелины над собою.
Ответа не ищите в небесах:
Есть сила та, что Разумом зовется.
И взвесить вы способны на весах
Добро и зло. Покуда сердце бьется

Свободно, вам соблазны не страшны
И зло всегда в осадке остается.
Но все ж притом вы понимать должны,
Что воля Бога этот мир объяла.
Ее права никем не стеснены.
И только эта воля отстраняла
От всех людей влияние планет
И мир непоколебимо охраняла.
А если стал порочен целый свет,
То был тому единственной причиной
Сам человек – лишь он источник бед".
Данте Божественная комедия

Культ Свободной Воли – общий для всех шизоидов, поскольку именно путем убеждения себя в абсолютной силе и свободе Эго и состоит интеллектуальная Эгозащита. Ненависть к СуперЭго, какие бы обличия это СуперЭго не принимало – Дьвола, Материального мира, противоположного пола (Женщина, Мужчина) или даже Бога, как у Сада – также обще для всех шизоидов, поскольку они остаются на поле Эгосистемы, где их всемогущему Эго по прежнему противостоит противоположный полюс СуперЭго. Только теперь этот полюс больше не требуется для достижения равновесия, так как его заменил Интеллект. И остается только одна голая ненависть. Если человек видит в качестве СуперЭго – Дьявола он ненавилит и боится Дьявола, если он видит в качестве СуперЭго – Бога – он ненавидит и боится Бога. Этим и объясняется такая необузданная ненависть Сада к Богу, она была всего лишь слепком схемы ненависти к Дьяволу у таких же шизоидов как он. Ясно, что в данном случае, "Бог" и "Дьявол" – это только "загрузки СуперЭго", как говорил Фрейд, и они ничего общего не имеют с философским смыслом этих понятий.

Здесь следует сразу оговориться, что все теоретики театра Сада – как вообще любые теоретики на поле Эгосистемы – также были шизоидами, хотя и возглавляли людей с физической Эгозащитой и нормальным гомеостазом. Так всегда и бывает – самые страшные злодеяния происходят когда шизоиды, - интел-

лектуалы и люди стальной воли по своей природе, - возглавляют циклоидов (то есть людей с физической Эгозащитой и нормальным гомеостазом ДТПЭ типа Самолюбие-Влюбленность). И все потому, что ненависть шизоидов ко всему миру, в котором они видят проклятое СуперЭго, не желающее освободить дорогу доказанной абсолютной свободе их Эго гипнотически влияет на примитивные души людей с физической Эгозащитой, увлекая их за собой. В то же время интеллект размягчает сердца шизоидов, делая их чувствительность слишком тонкой для воплощения своей ненависти в жизнь – и тут боевая сила в качестве грубых циклоидов оказывается как нельзя кстати. Сад, как известно, сам не смог даже смертный приговор, не говоря уже о его приведении в жизнь. Доброта Наполеона была также известна как и его отвага – он помогал всем, кого знал с детства или с юности и не мог выносить вида страданий и горя других людей. Гитлер был известен крайней сентиментальной привязанностью к "своему народу", которую он вовсе не выдумывал и которому он противопоставлял все прочие народы и расы в качестве ненавистного "суперЭго". В самый разгар затеянной им человеческой бойни он не может есть мяса и валяется неделями в постели, причитая, словно ребенок, что на нем одном лежит ответственность такого масштаба, которая убивает его. И это при том, с какой страстностью он краснобайствует в своих мемуарах о героической ответственности "вождя" за "свой народ", которая не по плечу только продажным трусам-политиканам, думающим о мелкой личной выгоде.

Самые яркие примеры необычайной успешности военных компаний циклоидов под предводительством шизоидов – это ужасы французской революции, которым предшествовала популярность садических романов с дифирамбами Злу, возведенному в Абсолют. И хотя Робеспьер формально был на стороне Добра и прикрывался именем Руссо (к которому не имел никакого отношения), на самом деле он был выраженным шизоидом, так же как и Сад. Другие примеры – Наполеоновская и Гитлеровская мировые войны, унесшие миллионы жизней ради самой

бессмысленной бойни, которую только можно было вообразить. Гитлеровским войнам предшествовали работы другого видного шизоида – Ницше, громогласно заявлявшего о необходимости "уничтожения миллионов недоделанных и неполноценных", и при этом обладая таким нежным сердцем, которое заставило его покрыть жаркими поцелуями лицо издыхающей лошади. Таким образом, сами по отдельности – циклоиды и шизоиды не смогли бы претворить в жизнь всех тех немыслимых злодейств, которые достигли пика в последнюю мировую войну, так как одни не смогли бы себе этого вообразить, а другие навоображав, не смогли бы претворить в жизнь. Но вместе циклоидное и шизоидное ДТПЭ уже много раз являло лицо настоящего Дьявола по уровню бесчеловечности и тотального разрушения всех ценностей здоровой психики человека.

Вот и в Башне Чистилища – логовом Дьвола прозвали то самое опасное объединение шизоидного и циклоидного ДТПЭ, которое порождало крайнюю степень распада и деградации и на земле.

Философские произведения Ницше, подобные "По ту сторону добра и зла" и "Воле к власти" можно считать классическим образцом интеллектуальной Эгозащиты, развивающей мощное шизоидное ДТПЭ. И конечно абсолютная Свобода Воли с ненавистью и объявлением "свирепой войны" всем тем, кто мешает ее осуществлению в основе этой философии. Шизоидная Эгозащита проявляется двояко: всесильное Эго либо объявляет войну всему прочему миру, не желающему признать ее всесилие, либо, подобно христианской религии, отказывается признавать этот мир реальным, обособляясь от него и "умерщвляя плоть" для избавления от всего неподвластного абсолютной воле Эго. У Ницше первый вариант шизоидности, у Шопенгауэра второй, но это ничего не меняет. Наверное поэтому Ницше в Заратустре, при всей своей ненависти к христианству признается, что Христос "родственен нам", и что он хочет, чтобы его воины проходили мимо Христа с "опущенными мечами", потому что он тоже "благороден". Свое устойчивое Самолюбие Ницше называет "есть во

мне самодовлеющее озеро", которое полнится избытком энергии, но только почему-то очень тяжело для него и не дает ему счастья. Ницше – вне всякого сомнения – войдет в историю как человек, давший точнейшую и объемнейшую характеристику шизоидной психики, причем ценой собственной вивисекции, которая и свела его в конечном итоге могилу.

Так же и Александр Македонский после своего знаменитого посещения Диогена-киника остался под большим впечатлением и признался друзьям, что если бы он не был тем кем был, он хотел бы быть только Диогеном. Либо абсолютная власть над средой, либо абсолютный отказ от мира киников. Так расшифровывается его признание.

Есть еще один яркий пример неспособности интеллектуального Эго к кооперации с внешним миром, вынуждающее его либо объявлять ему войну, либо отказываться от него вовсе. Это междоусобицы древних греческих полисов, уничтожившие в конечном итоге не только Древнюю Грецию, но и весь античный мир, включая Византию с одной стороны, и пришедший на смену античности христианский культ отречения от земного мира с другой стороны.

Этой неуживчивости противостоит многовековая стабильность восточных государств, где гомеостаз ДТПЭ как циклы слияний Самолюбия-Влюбленности остается целым невредимым благодаря невмешательству Интеллекта не в свое дело. Здесь мы наблюдаем вместо всеобщей войны гордых Самолюбий античности – гибкое здание из Влюбленностей в вышестоящих и Самолюбий к нижестоящим.

Господа и слуги на востоке не имели резких границ, в то время как свободные и рабы представляли два ни в чем не пересекающихся мира на западе. Ясно, что этот факт легко объяснить, если увидеть в отношениях господ и слуг на востоке – дополняющие друг друга до равновесия Самолюбие-Влюбленность, нуждающиеся друг в друге и благоволящие друг другу. Совсем другое дело с греками, которые уже уравновесили свое Самолюбие невиданной до тех пор силой формальной логики,

и вовсе не нуждались во Влюбленности рабов для этих целей. Этим объясняется отсутствие всякой симпатии к рабам в античности и жуткий страх уподобиться их участи, который разросся до размеров всеобщего психоза и войнам, уничтожившим античность.

Вот также обстояли дела и в театрах Сада и Данте: садисты вкушали сомнительные радости соединения Самолюбия и Влюбленности, а дантовцы отчаянно воевали с СуперЭго в лице Дьвола. Сам Сад, будучи шизоидом именно воевал с рабами, подобно античному миру, и также ненавидел их. Поэтому заметка о том, что его романы лишены эротики вопреки общепринятому мнению, а вместо нее предлагают только сцены торжествующего насилия, абсолютно справедлива. И именно потому, что ему лично было недоступно наслаждение от контактов с Влюбленностями в силу его шизоидного ДТПЭ, он так клял христианскую мораль, которая как он считал своими предрассудками испортила ему все удовольствие Поэтому придумывал все новые гадости, стараясь доказать себе, что уже избавился от этих "химер", но так и не смог почувствовать ничего похожего на "наслаждение". А все потому, что реальной причиной было шизоидное ДТПЭ, которое делает его носителей своего рода девственниками, подобно Ницше например, который называл себя "женихом истины". Простые люди, ищущие баланса Самолюбие-Влюбленность, не думают о метафизике, им наплевать, где добро, а где зло, лишь бы было взаимное притяжение. Сад рисует драматичную борьбу добра и зла, в которой своему Эго отводит место Зла в христианском понимании силы и эгоизма, а СуперЭго наряжает добром и Богом. Дальше обычная логика шизоидной борьбы с СуперЭго: насилие над тем, в каком образе оно выступает, в данном случае в образе добродетели. Та участь, которая уготована в садических романах добродетели – это Дантов Ад наизнанку. У Сада позиция власти над миром, у Данте позиция отказа от мира, но оба не переносят его до нервной горячки. Один идет путем насилия над миром, другой путем полного отказа от него.

"А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живет — не утолен"
Данте Божественная комедия
"Врожденное и вечное томленье
По божьем царстве мчало наш полет,
Почти столь быстрый, как небес вращенье.
Взор Беатриче не сходил с высот,
Мой взор — с нее. Скорей, чем с самострела
Вонзится, мчится и сорвется дрот,
Я долетел до чудного предела,
Привлекшего глаза и разум мой;
И та, что прямо в мысль мою глядела, —
Сияя радостью и красотой:
"Прославь душой того, — проговорила, —
Кто дал нам слиться с первою звездой".
Казалось мне — нас облаком накрыло,
Прозрачным, гладким, крепким и густым,
Как адамант, что солнце поразило.
И этот жемчуг, вечно нерушим,
Нас внутрь воспринял, как вода — луч света,
Не поступаясь веществом своим.
Коль я был телом, и тогда, — хоть это
Постичь нельзя, — объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето,
То жажда в нас должна вспылать огнем
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с божеством.
Там то, во что мы верим, станет зримо,
Самопонятно без иных мерил;
Так — первоистина неоспорима.
Я молвил: "Госпожа, всей мерой сил
Благодарю того, кто благодатно
Меня от смертных стран отъединил"
Данте Божественная комедия

Итак, театр Сада жил культом подчинения рабов господам, где циклоиды отдавались взаимному влечению Самолюбий и Влюбленностей, а шизоиды отдавались своей болезненной потребности во власти. А театр Данте жил культом Свободной воли всех братье и сестер и где смысл жизни был сосредоточен вокруг борьбы ангелов и чертей, мешающих свободной воле ангелов восторжествовать над злом.

"О Заратустра, - снова заговорили звери, - это говоришь ты, как тот, кто пресыщен добром. Разве не лежишь ты в лазоревом озере счастья?" - "Плуты, - отвечал Заратустра, улыбаясь, - как удачно выбрали вы сравнение! Но вы знаете также, что счастье мое тяжело и не похоже на подвижную волну: оно гнетет меня и не отстает от меня, прилипнув, как расплавленная смола".Так говорил Заратустра Ницше

Устойчивое притяжение Самолюбия дает "избыток" энергии, о котором много хвастается Ницше в Заратустре, не уставая говорить о том, что он дарит свою мудрость от великой своей щедрости и пресыщенности добром, а вовсе не из нужды. Так сказывается участие интеллекта даже в качестве слуги. Но поскольку дело происходит на поле Эгосистемы, то этот избыток энергии оказывается сплошным потоком в сломанном бочке унитаза: все запасы тут же растрачиваются на войну с СуперЭго в образе внешнего мира, что хорошо видно на душившем Ницше "отвращении" к миру и его призыве к всеобщей войне ради самой войны.

Счастье – это равновесие психики. Устойчивое Самолюбие – дает иллюзию счастья, как найденного равновесия. Его-то бедолага Ницше и называет – озером счастья, в котором он лежит. Но счастье это оказывается тяжелым, оно его гнетет, оно мешает ему как прилипшая смола. Это тяжесть мертвого притяжения ДТ-ПЭ на теле истинного Я – КТ.

Как всегда, Ницше, с потрясающей проницательностью анатомирует собственную шизоидную психику. Недаром же он называл себя психологом!

"Такого рода отчаяние не встречается повсеместно, герои подобного тирад, но сути, бывают лишь среди поэтов, даже сре-

ди самых великих из них, которые всегда сообщают своим творениям такую "демоническую" идеальность в том смысле, как ее понимали древние греки. Однако это отчаяние встречается в их жизни" Кьеркегор Болезнь к смерти

Если нормальный гомеостаз ДТПЭ с его отменно функционирующими балансами Самолюбие-Влюбленность – это обнищание духом, растрата энергии любви к познанию, совести и доброты на автоматизмы страха и благоговения перед сверхъестественными силами воображения, то сломанный гомеостаз ДТПЭ – это "упертость негативного, дьявольского духа", как говорит Кьеркегор, подразумевая интеллектуальную Эгозащиту.

"Мы начали с самой низшей формы отчаяния — отчаяния, когда не желают быть собою. Однако то, с чем мы имеем дело теперь, отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. Причем человек желает быть собою не вследствие стоического пристрастия к самому себе или же идолопоклонства перед собою, когда это можно, конечно, счесть ложью, но в определенном смысле также стремлением к самосовершенствованию; нет, он желает этого в ненависти к существованию и сообразно своему несчастью. И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее." Кьеркегор Болезнь к смерти

Ах, как слышна тут "демоническая упертость" Ницше против Бога, его страх и стыд перед Богом за то, что он его "убил", его ночной кошмар увидеть вместо себя отражение циничной ухмылки дьявола в зеркале. И поскольку устойчивое равновесие Эго – это только иллюзия из-за всегда остающегося противоположного полюса Эгосистемы – СуперЭго, то весь "демонизм" интеллектуальной Эгозащиты непременно сводится к ожесточенному противостоянию с внешним миром, к выпуклому субъективизму и эгоизму, которые и принято называть Злом, разрушающим общее Я человечества.

"Возможно, испытующее Я, подобное уже описанному, желая предварительно сориентироваться в своем конкретном Я, наталкивается на некоторую трудность, на то, что христиане назвали бы крестом, то есть на некое фундаментальное зло, каким бы оно ни было. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству" Кьеркегор Болезнь к смерти

Нормальный гомеостаз ДТПЭ и сломанный гомеостаз ДТПЭ провоцируют разные болезни КТ, поэтому нормальный гомеостаз ДТПЭ часто вообще не замечают в качестве болезни, и только шизоидный, который приводит к бурному взрыву поля КТ обозначают как патологичную "преморбидную" психику.

- Нормальный гомеостаз ДТПЭ (циклы балансов Самолюбие-Влюбленность) приводит в конечном итоге к полному истощению ресурсов КТ, за счет которых течет этот ток, что известно как маниакально-депрессивное расстройство циклоидов Кречмера

- Сломанный гомеостаз ДТПЭ (устойчивое Самолюбие без способности к Влюбленности) приводит к взрыву силового поля КТ за счет возникновения непримиримой войны между полюсами Эгосистемы – Эго и СуперЭго.

Рано или поздно воюющий с СуперЭго шизоид получает смертельный удар по Эго, так как до тех пор пока он остается на силовом поле ДТПЭ говорить о какой-либо свободе просто нелепо, человек остается заложником автоматизмов этого тока. И то что, сломавшийся механизм рано или поздно приведет к окончательному столкновению и взрыву двух противоположных полюсов Эгосистемы не так уж трудно предвидеть.

Удар по Эго - это тот самый момент, после которого шизоидность резко или постепенно переходит в шизофрению, так как

взрыв Эгосистемы приводит к взрыву и КТ, на котором держатся все жизненные силы любой психики. Для Ницше таким ударом стала ссора с боготворимым им Вагнером, для Свифта разочарование в министрах тори, на службу которым он поставил все свои силы и таланты, а в благодарность не получил даже приема у королевы, не говоря уже о месте декана в Англии, для чего он много хлопотал и унижался. У Сартра Удар по Эго прошел в отрочестве, когда сверстники отказывались принимать его как равного, а девочки не замечали. Это чувство одиночества и обиженности он пронесет через всю жизнь. Сад, как известно не был способен к контактам со своим классом аристократов, предпочитая общество слуг, которых он заставлял исполнять средневековые ритуалы вассальной преданности. А в детстве он жестоко избил маленького принца Конде, пытавшегося указать ему место Влюбленности рядом с Самолюбием принца. Но для шизоида это означает только Удар по Эго, тогда как для циклоида – всего лишь переход с Самолюбия на Влюбленность. У шизоидов этот переход закрыт, и именно это обстоятельство и приводит со временем к накапливающимся Ударам по Эго, которые взрывают Эгосистему.

Однако, у шизоидов намного больше шансов догадаться о наличие на теле их психики паразита и нейтрализовать его до того, как этот паразит взорвет их психику – именно в связи с большей активностью интеллекта и в связи с большим накалом страданий.

И в этом случае, шизоидность может стать тем "божественным счастьем", о котором Кьеркегор писал, как об отчаяние, которое открывает глаза и позволяет излечится от него.

"отчаяние является болезнью, а это значит, что худшим из несчастий было бы вообще его не испытать никогда… но подцепить отчаяние — это божественный шанс, хотя он и самый опасный из всех, если исцеляться не желают. Однако истинно также, что, за исключением этого случая, исцелиться — это счастье, а несчастьем является болезнь" Кьеркегор Болезнь к смерти

В этом случае есть только один способ излечиться – снять Эгозащиту, остановить таким образом Физический Контроль ДТПЭ. Когда человек отказывается от Эго сознательно – он ставит на место Физическому Контролю закона сохранения силы Интеллектуальный Контроль. Поэтому хотя удары по Эго пройдут болезненно и может даже очень болезненно в зависимости от уровня квалификации и обстоятельств – тем не менее конечным результатом будет полное излечение от ДТПЭ. Если же Удары по Эго проходят без участия интеллекта, просто через автоматизмы ДТПЭ – то следует ожидать обратного результата, распада психики.

Поэтому Кьеркегор говорит, что для того чтобы обрести свое Я, его надо сначала потерять. Эта путаная терминология и сделала его работы труднодоступными: он конечно же имел ввиду потерю не Я, а Эго.

"Но отчаяние, ведущее к вере, не существовало бы без помощи вечности; благодаря ей человеческое Я находит в себе храбрость утратить себя, чтобы заново обрести.

такая дорога как раз тебе подходит — дорога, которая через отчаяние в Я приведет тебя к твоему Я. Все, что ты говоришь о слабости, справедливо, однако отнюдь не в ней ты должен отчаиваться; надо разбить свое Я, чтобы стать собою, а потому перестань отчаиваться в этом".Кьеркегор Болезнь к смерти

ГЛАВА 9. ПАРТИЯ РАССЕЛА-ЭЙНШТЕЙНА

В отличие от нищенских энергетических ресурсов ДТПЭ, которые держат людей всегда на грани нервного и физического краха, энергетические ресурсы развитого КТ – это источник душевной глубины, стабильности и доступа к силам других энергий, в силу наличия научного контроля.

Чтобы энергетика психики была неисчерпаема и стабильно недостаточно просто остановить паразит ДТПЭ, высасывающий энергию КТ на Эгозащиту. Необходимо также иметь развитый научный интеллект, который расширит Пространство Интеллекта для обитания Я КТ.

Вот чем объясняется исключительное психическое богатство членов партии Рассела-Эйнштейна, в состав которой входили в основе своей самые именитые ученые и философы. В условиях разрушенного Пространства Интеллекта только гениям удается интуитивно ориентироваться в нем, строя для себя абстрактные философские и мировоззренческие системы, которые приближают их к истине. Но это только в условиях Разрушенного Пространства Интеллекта. Придет время, когда открытие законов ПЭ сделает это Пространство доступным для каждого смертного и тем самым не только освободит их от террора ДТПЭ, но и снабдит неисчерпаемыми ресурсами самой блаженной и мощной энергии космоса, обладающей своим собственным временем, то есть вечностью.

Но пока что только партия Рассела-Эйнштейна могла похвастать таким невиданным энергетическим богатством, которое гарантировало ее членам хорошее настроение, глубокую радость в работе, будь то познание или контроль при использовании знаний, счастье общения друг с другом, непоколебимое

равновесие, происходящее из обитания в Пространстве Интеллекта.

Особое счастье в отношениях друг с другом имело под собой специфику соединения энергии КТ людей. Дело в том, что КТ каждого человека обладает относительной автономией от всех остальных людей, так как его силовое поле имеет своим Плюсом не других людей (как у ДТПЭ, видящих в других людях СуперЭго, т.е. Плюс Эгосистемы), а Законы природы. Эти законы, являясь Пищей мышления, и питают КТ каждого человека. Таким образом, мы можем представить общество людей со здоровым КТ (т.е.лишенным ДТПЭ), как идентичные потоки энергии между общих для них полюсов Мышления и Законов природы. Для большей ясности, проведите на листе бумаги две полосы, черную и белую – одну сверху, другую снизу. А между ними затушуйте красным цветом. Этот красная тушевка и будет Общее Я человечества, слитое воедино между полюсами Интеллекта, где Я отдельных людей во всем идентичны друг другу (за исключением может быть чуткости восприятия и способностей мышления). Поэтому здоровые люди видят все общество людей идентичным в своей сути собранием равноправных личностей, не разделяя общество на противоположные полюса мужчин и женщин, господ и рабов.

Иначе обстоит дело с соединением людей через ДТПЭ. Они видят свой Плюс друг в друге, а потом их отношения основаны не на равенстве, понимании, сочувствии и поддержке, а на противостоянии и эксплуатации. Здесь люди перестают быть товарищами, питающимися нейтральной пищей Интеллекта и превращаются в хищников и жертв, в плюсы и минусы, где одни идут на корм другим. Поэтому здесь "любовь" и "дружба" носят характер взаимной зависимости, где люди не помогают друг другу найти пищу вне себя, а потребляют друг друга в пищу: Самолюбие ест, а Влюбленность истощается. Здесь вам потребуется перевернуть ваш рисунок и поставить черную и белую полосы "на ноги" – теперь эти полосы не полюса интеллекта между которыми существуют люди, а сами люди, а красная тушевка –

это притяжения Самолюбия и Влюбленности ДТПЭ, текущие между ними, поедающие их энергию, и не имеющие к ним никакого отношения. Это легко понять хотя бы из того, что Самолюбие и Влюбленность никогда не достигают своих целей никогда не насыщаются – так как это остановило бы циклы гомеостаза ДТПЭ. Таким образом, люди оказались разделенными активностью чужеродного тока, блокирующего их интеллектуальную деятельность. Поэтому Аристотель, Фрейд, Ницше настаивали на том, что общество состоит из противоположных полюсов Мужчин и Женщин, без которых они не видели смысла своего существования. На самом деле это были полюса Эгосистемы психики, а вовсе не гениталии противоположных полов биологического мира.

Напротив, "Роман с Интеллектом", который питает людей со здоровым КТ, делает их прежде всего относительно независимыми друг от друга, так как их пища, их Плюс находится вне человеческой среды. В этом смысле, "великая романтическая любовь" к другому человеку наподобие любви Ромео к Джульетте или Вертера к Лоте для здорового человека невозможна. И все потому, что вся фатальность любой "великой" любви к человеку всегда основана на том, что люди видят друг в друге свой психический Плюс, то есть психическую пищу своей энергетики. Для здоровых людей таким Плюсом может быть только Пассивный полюс Интеллекта, противостоящий активному полюсу их Мышления. Но именно это и делает их отношения друг с другом истинно дружескими, свободными и равными. С другой стороны, эта независимость только относительна, так как для развития своего интеллекта они нуждаются в помощи друг друга, без разделения труда не было бы ни науки, ни контроля, а ведь именно они составляют существо Пространства Интеллекта. Поэтому относительная свобода людей друг от друга дает им наилучшие возможности устанавливать тесные дружеские контакты и помогать друг другу во всем. Немудрено поэтому, многие гении подобно Ньютону "никогда не приносили жертв Венере", как выразился Ломброзо. Их "Роман с Интеллектом" делает "Романы с

людьми" невозможными, хотя и обеспечивает настоящую дружбу и истинную любовь. Но "Роман" – это источник жизни психики, Плюс необходимый для течения психической энергии и этот Роман должен быть всегда только интеллектуального толка, а люди друг другу не роман, а только поддержка и продолжение их собственной энергетики.

Очень легко отличить здоровых людей, у которых "Роман с Интеллектом" от людей с Эгозащитой, поглощенных "Романом с другими людьми". Первые, называют себя "женихами истины", а свои труды от брака с наукой – рождением детей. Маркс называл первый том капитала младенцем, а себя роженицей, вылизывающей свое только явившееся на свет дитя. Также впрочем как и Кьеркегор и Ницше и многие другие. Эта "беременность" от соединения полюсов Интеллекта очень четко ощущается в виде нестерпимого желания высказать увиденную вдруг истину. Эта тяжесть давит и разрывает сознание, пока ты не дашь ей дорогу на свет божий. Это вполне очевидная, четко ощущаемая психическая беременность в прямом смысле слова, без всяких намеков на метафору. Поэтому у здоровых людей всегда на подходе очередной ребенок от брака полюсов Интеллекта: если это не произведения науки и творчества, то это продукты профессионализма. Вот почему здоровых людей все знаменитые психологи именуют продуктивными личностями – просто потому, что их Я есть результат брака полюсов Интеллекта и свою энергетику они ощущают как непрекращающийся роман с духовной пищей космоса.

Люди с Эгозащитой, подобно Гитлеру, будут обосновывать необходимость в эксплуатации других людей для выживания, в необходимости "пафоса дистанции" между господами и рабами по той простой причине, что их психической пищей служат другие люди. Насилие и подчинение – это специфика течения ДТПЭ точно также как познание, контроль (труд) и сотрудничество – это течение Контрольного тока психики. Первые непродуктивны потому что они либо поглощают друг друга, либо уничтожают в соперничестве за превращенных в пищу людей, то есть в про-

цессе конкуренции хищников за жертв. Вторые продуктивны не только потому, что имеют доступ к познанию и контролю, но и потому что помогают друг другу во всем и сохраняют энергию для труда.

Так, два различных "Романа" в основе жизни здоровых людей и людей Эгозащиты обуславливают обильную продуктивность первых и бесплодность вторых, равно как и принципиально различные отношения между людьми, существо которых превосходно выразил Бертран Рассел.

"Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения" Борьба за счастье Рассел

Однако, несмотря на свою гениальную интуицию и проницательность, позволившие ему "почувствовать" законы ПЭ и выразить их насколько это оказалось в его силах на страницах своих многочисленных книг и в своей активной общественной деятельности, сам Бертран оказался проповедником теории познания, закрепившей ситуацию с Разрушенным Пространством Интеллекта. А ведь именно состояние Пространства Интеллекта в конечном итоге гарантирует психическое здоровье человече-

ства. Можно сколько угодно говорить о вреде Эгозащиты и о благах общего Я человечества – что он и делал со своими детьми – но никакого результата не будет, если Пространство Интеллекта разрушено многочисленными противоречащими друг другу истинами и нет никакой возможности обрести контроль ситуации.

Согласно своему кредо в отношении научного мышления и познания Бертранд Рассел приглашал на заседания партии гуманистов-рационалистов участников всех политических группировок Олимпа с тем, чтобы добиться как можно более объективного представления о состоянии дел на Олимпе и о возможностях найти пути в Рай, если они существуют.

"Научный ум и не скептичен и не догматичен. Скептик считает, что истина не познаваема, а догматик считает, что она уже открыта. Ученый считает, что истина познаваема, но еще не познана, во всяком случае в вопросах, которые он исследует. Но даже сказать, что истина познаваема, значит сказать больше, чем то, во что верит настоящий ученый, поскольку он не считает свои открытия окончательными и абсолютными, но только как приближения к истине, которые претерпят коррективы в будущем. Отсутствие окончательных выводов лежит в основе научного подхода. Взгляды ученых, таким образом, всегда только пробные и не догматичные. Но поскольку они вытекают из его личных исследований, они личные, не социальные. Они зависят от того, что ученый сам утверждает, исходя из своих наблюдений и полученных выводов, но не из того, во что общество считает целесообразным верить для хорошего гражданина. Этот конфликт между научным подходом и правительственным использованием науки может привести к полной остановке научного прогресса, поскольку научные технологии будут все больше использоваться с тем, чтобы насадить ортодоксии и легковерие. В целом, познание истины трудно примирить со стандартными гражданскими идеалами" Образование и здоровое общество Рассел

Принцип по которому Рассел устроил партию гуманистов-рационалистов на Олимпе всецело соответствовал его пониманию

процесса познания, то есть научного мышления, позволяющего приближать нас к истине. Именно приближать, поскольку Рассел твердо верил в то, что истину познать окончательно невозможно, и что любое явление может иметь по меньшей мере две точки зрения. Если же кто-либо настаивает, что знает абсолютную и единственную истину о предмете, так что не может быть второй точки зрения и не может быть коррекции этих знаний в будущем – то он просто-напросто догматик и невежа, не имеющий ничего общего с наукой. Либо дураки, либо пропагандисты, подобные Гитлеру, Ленину или Сталину опираются на догмы, на непоколебимые истины. Люди широкого ума и прежде всего ученые – это люди относительных знаний, подлежащих коррекции будущими открытиями, это люди допускающие и принимающие противоречащие им точки зрения. Религия учила догмам и делала людей глупыми, апология высших классов учит людей догмам и делает их глупыми, апология национализма, путем подачи детям предвзятой информации по истории также делает их глупыми, не давая изучить вопрос объективно, с точки зрения всех стран участвовавших в этих исторических событиях. Такова точка зрения Рассела на процесс познания.

В этой связи его дочь, обучавшаяся по его методике в специально созданной им для этого школе, писала:

"Помимо того, что материал был трудным, он часто был противоречивым. Мой отец не хотел, чтобы его образование было пропагандой; он всегда стремился к тому, чтобы мы были способны изучить предмет с обеих сторон и только потом составили свое собственное мнение. "Изучить вопрос с обеих сторон" означало выслушать все противоречащие друг другу аргументы по теме и проанализировать имеющиеся факты. В итоге, такой подход избавлял нас от той несносной пресноты "объективной" информации, из которой предварительно удаляют все спорные элементы. Учителю разрешалось поделиться с нами своими предпочтениями по излагаемому вопросу, но при условии, что он должным образом донесет до нас и противоположную точку зрения. На практике, в Бикон Хил, "составить собственное мне-

ние" означало соглашаться с моим отцом, потому что он знал настолько больше нас и спорил несравненно лучше нас; и еще потому, что аргументы "другой стороны" всегда излагал кто-то, кто был не согласен с ней. Например, нам ни разу не дали убедительной презентации христианской религии из уст истинного христианина". Катарин Тейт "Мой отец Бертранд Рассел"

Сам Рассел так объяснял свою позицию в отношении научного познания:

"В определенном отношении у сторонника перемен больше шансов дать хорошее образование, нежели у сторонника статуса-кво. Одного животного навыка достаточно, чтобы приучить человека придерживаться традиционных путей, точно также как лошадь предпочитает спускаться вниз всегда по одной и той же тропинке. Никаких более сложных умственных процессов не требуется для консерватизма. Сторонник перемен, напротив, должен иметь определенный уровень воображения с тем, чтобы быть способным представить себе что-либо отличное от существующего в наличие. Он также должен быть способным к ценностному суждению наличного, и поскольку он не может не знать, что позиция статуса-кво также имеет своих сторонников, он должен понимать, что имеется как минимум две точки зрения возможных для человеческого существа" Образование и здоровое общество Рассел

"Ортодоксия – это могила интеллекта, вне зависимости от предмета ортодоксии. И в этом смысле радикальная ортодоксия ничем не лучше реакционной ортодоксии. Один из наиболее важных пунктов в которых индивидуальная культура входит в конфликт с образованием граждан состоит в научной позиции в отношении невыясненных вопросов. Наука выработала определенную технику, которая в существе своем есть техника открытий, другими словами техника перемен. Научный тип мышления, в широком смысле, тот, который способствует открытию, но не тот, который способствует непоколебимой вере в существующие принципы науки. Хорошо образованный гражданин скорее всего мало способен к открытию, постольку поскольку его будут

сдерживать авторитеты старших и лучших, преклонение перед великими людьми прошлого, и ужас перед всеми подрывными доктринами" Образование и здоровое общество Рассел

Единственное, что он считал действительно важным для научного мышления – это сохранение системы формальной логики, то есть требование внутренней непротиворечивости философский и научных систем. И на этом собственно и построил и свою философию логического анализа, и свою критику западной философии.

Не надо говорить, какой вред такая точка зрения могла нанести поискам Дороги в Рай, которая представляет собой Единую истину закономерностей психической энергии, лежащей во всех превращениях социальных процессов – от семейных и романтических отношений до экономики, права и политики.

Эйнштейн действительно подкорректировал информацию, добытую для нас Галилеем и Ньютоном о законах механической энергии, но он ни в коем случае не упразднил этой информации и не доказал ее ложности. Все что мы знали о механической энергии до Эйнштейна осталось верным и после него. Поэтому безапелляционное заявление Рассела о том, что единой истины нет и любое познание только материал для будущих коррекций – чревато как минимум внутренним противоречием. Если это верно, то верно также и то, что его утверждение не является истиной. Но помимо внутреннего логического противоречия, на которых он сам любил основывать анализ теорий других, имеется также нестыковка с практикой. Вся информация, которую мы когда-либо получали о закономерностях энергий, никогда не претерпевала никаких значительных изменений, так что мы как имели доступ к силе этих энергий путем контроля известных нам законов, так и имеем и ничего – ровным счетом ничего – не изменилось. Либо есть абсолютная истина, состоящая в открытие законов природных энергий – либо процесс познания невозможен, потому что нет никакой другой надобности в знаниях, кроме контроля энергий природы, и никакой другой возможности про-

верить истинность открытых законов кроме доступа к силе открытых энергий.

Та методика познания, о которой говорит Рассел – это чистейшей воды метафизика, то есть способ построения воздушных замков из оторванных от действительности абстракций. Наличие нескольких точек зрения на предмет говорит не об объективности мышления, а попросту об отсутствии знаний на данный момент. Я не думаю, что сам допускал две точки зрения на теорию относительности Эйнштейна или на таблицу Менделеева. Эти знания уже часть нашего Пространства Интеллекта, и как бы мы не расширяли и не углубляли эти знания впоследствии, ничего не изменится в отношении уже познанного. Например, теория Психической Энергии дополняет теорию относительности Эйнштейна, подобно тому, как в свое время теория Эйнштейна дополнила мировоззренческую картину Ньютона. Но это вовсе не означает, что мы отказываемся от старой истины в пользу новой истины. Это прогресс, но никак не перемены. Эйнштейн доказал, что физическое пространство есть единый пространственно-временной континуум, так как пространство может воздействовать на время, а время на пространство. Теория ПЭ доказала, что помимо четырехмерного пространственно-временного континуума Эйнштейна существует также обособленный пространственно-временной континуум психической энергии, существующей в пространстве Интеллекта и в прогрессивном, линейном времени, качественно отличающемся от цикличного времени физического пространства. Что же нам теперь сказать, что коррекция добытых Эйнштейном знаний означает, что абсолютной истины не существует? Неправда, ничего не изменилось в истине, открытой теорией относительности, она только расширилась.

Поэтому термины типа "догматизм", "статус-кво", ортодоксия", брошенные с таким презрением в отношении абсолютной истины не только ни в коем случае не уместны, они еще к тому же и очень вредны. Именно потому вредны, что выставляя процесс познания как в принципе лишенный крепкого базиса, фунда-

мента и всегда подверженный неопределенным колебаниям, он перебрасывает мышление с научной сферы в метафизическую, действительно не связанную ничем, кроме законов логики. Метафизическое мышление – всего лишь часть механизма ДТПЭ, не имеющее ценности как источник самостоятельной энергии. И только научное мышление – это та активность, которая действительно приносит плоды.

Бояться "Догматизма" можно было обоснованно во времена Рассела, когда еще не было открыто способов контроля истинности знаний опытом, то есть связью с практикой. Тогда действительно, застывшее представление о чем-либо ложном, было чревато полным крушением научного мышления в этой области. Например, марксизм и стал для нас таким догматизмом, закрывшим все двери к развитию социальных наук. Однако, это вовсе не повод бояться абсолютной истины, поскольку эти вещи очень легко отличить друг от друга. Так, марксизм не отражал закономерностей природной энергии и следовательно вообще не мог претендовать на познание истины. Наши возможности к познанию, равно как и потребности ограничены способностью познавать законы природных энергий. И мы имеем безоговорочно надежный способ к проверке истинности наших знаний – доступ к силе этих энергий на практике через контроль открытых законов. Если законы дают доступ к силе энергии – значит эти законы и есть искомая истина, а если нет, то до истины еще далеко. И нет ничего страшного для науки в том, что согласится с тем, что данные законы являются абсолютной истиной – по крайней мере пока они исправно обеспечивают доступ к силе данной энергии. Более того, не признавать наличия абсолютной истины очень опасно именно потому, что это ведет к апологии метафизического мышления, не имеющего связи с практикой.

Марксизм не только не ставил себе целью познание законов природной энергии (в данном случае психической энергии), но даже если бы он вдруг заявил, что это не так, и он изучал социальную энергию (допустим для примера) все равно

его догматический характер легко было бы доказать, так как положения марксизма ни в коем случае не дают доступа к силе социальной энергии. Дело не только в том, что марксизм разорил нашу страну экономически и привел к научному банкротству из-за метафизичности мышления, но прежде всего в том, что социальная энергия не существует отдельно от людей. Следовательно, каждый отдельный человек носитель этой энергии. Но каким же образом марксизм позволяет контролировать психику отдельного человека? Неужели он содержит теорию психологии и мы ее просмотрели? Нет, не содержит, и никакого доступа к силе психики отдельного человека марксизм вам не откроет. Он не расскажет вам, чем отличаются кречмеровские циклоиды от шизоидов, не расскажет, почему гении так сильно отличаются от обычных людей, не расскажет, почему одни люди ради эгозащиты продадут собственную семью, а другие испытывают к эгозащите такое отвращение, что отдадут состояние и жизнь на борьбу с ней. Не расскажет почему одни люди сходят с ума, а другие нет, не расскажет, почему одни страдают маниакальными психозами, а другие шизоидными, не расскажет почему одним нравится воевать, а другим трудиться. Если теория, претендующая на открытие законов движущих общественные процессы, не способна проконтролировать силу психики отдельного индивида – то есть показать границы здоровья и болезни психики и способы достижения наилучшего здоровья и силы – эта теория не имеет права претендовать на статус науки, изучающей законы человеческой энергии. А если в качестве таких законов брать законы биологии, подобно Марксу и формальной логики, то – ответ еще проще: эти законы не дадут доступа к силе психики, доказав таким образом, что человек уже давно не животное, и в то же время намного больше чем просто логика. Человек – носитель психической энергии.

Вот таким простым способом можно отделить догматизм от абсолютной истины открытых законов природной энергии: наличествует доступ к ее силе или нет. Законы Психической энер-

гии позволяют не только объяснить Весь накопленный в социальный науках фактический материал, но и произвести синтез всех серьезных течений психологии. И конечно, главное – знание этих законов дает доступ к силе психики индивида, указывая однозначные пути сохранения психического здоровья, предотвращения болезней и развития энергетического потенциала здоровой психики.

Что же касается необходимости в наличие "по меньшей мере двух точек зрения", то я не думаю, что Рассел согласился бы, что открытие кровообращения Гарвея или же закон притяжения Ньютона можно рассматривать с какой-нибудь альтернативной точки зрения. К сожалению, я мало компетентна в технических науках – но точно знаю, что если бы каждый ученый имел свою точку зрения на работу самолетов и компьютеров, то ни один самолет не взлетел бы в воздух и я бы сейчас не печатала эту работу на компьютере.

"Научный оптимизм моего отца был велик и он надеялся что мы его разделим вместе с его способностью к непредвзятому анализу вопроса с обеих сторон. Но эти вещи нелегко соединить; настроенность на справедливость расстраивала нашу волю и сбивала с толку наши надежды, что делало для нас невозможным дерзкое противостояние врагам, общественным или личным. Поскольку всегда сохранялась вероятность того, что враг был прав. Мой отец справлялся с этой проблемой путем своеобразного интеллектуального фокуса: когда ему хотелось высказать свое возмущение злом, он временно откладывал объективность в какой-то другой отдел своего сознания. Нам так и не удалось выучить этот фокус, и я думаю, он был несколько разочарован нашими колебаниями, не понимая, что он сам научил нас им" Катарин Тейт "Мой отец Бертранд Рассел"

Дочери Бертранда на момент моего посещения Чистилища там не оказалось, поскольку она жива-здорова, но он конечно же, уже был осведомлен о книге, которую она о нем написала после его смерти. Нельзя сказать, что его совсем не расстроило, что его маленькая Кэт называет его самого утопистом, а его

взгляды нереалистичными и оторванными от действительности, что она обвинила его в своей тотальной несчастливости и в психической болезни, постигшей ее брата Джона. Нет, ему было так больно, как только может быть больно нежному и любящему отцу, отдавшему все силы, которые у него были, чтобы сделать своих детей счастливыми. Ведь это он написал в своей книге о счастье, что самое большое счастье ему доставили не книги, не любовницы, а рождение детей.

Но с другой стороны он был приятно удивлен и даже горд, что его маленькая Кэт, которую он впрочем всегда считал способной девочкой, сумела открыть свое сердце, по расселовски, по папиному дерзко и смело анализируя самые интимные, самые болезненные вопросы и ища на них объективные ответы, анализируя все так как он ее учил – стараясь принимать во внимание и позицию противной стороны, которую впервые в жизни для своей дочери представлял он сам. Да, он был польщен ее благородным бунтом, ее отчаянной решимостью взять свою судьбу в свои руки, найти ответы на вопросы, которые он невольно ей задал и оставил без ответа всей своей жизнью.

Но опять таки и это не исчерпывало его чувств. Ведь он знал точно, знал на все сто, что она не права, обвиняя его в утопизме и нереалистичности. Он видел, как ясный день время когда придет то, общество для которого он старался воспитать в своих детях высокую культуру общего Я человечества. И теперь уже видел и то, что ему это не удалось, что вместо того, чтобы сделать их счастливыми, он разрушил им психику, разрушил до такой степени, что его старший и самый любимый сын Джон сошел с ума. "Разбейся, сердце!" – только эти шекспировские слова звучали в его мозгу с тех пор, как он осознал эту чудовищную несправедливость.

Однако, отступать от истины было также невозможно и теперь, как когда-то на земле. И там, истина была единственным светочем, за которым он готов был спуститься в ад и пересечь космос и здесь, истина осталась той путеводной звездной, которая вдохновляла и направляла все его существо. А истина

состояла в том, что его поняли, хотя он нес свет правды о Контрольном Токе Психической энергии людям, хотя он был ангелом, посланным на землю Богом, чтобы поддержать ее в страшные времена двух мировых войн, не знавших себе равных по уровню цинизма, жестокости и масштабов разрушения. И теперь как бы больно ему не было, как бы не кровоточило сердце от того, что даже самые родные, самые близкие не только не поняли того, что Бог поручил ему рассказать людям, но еще и обвинили его во всех своих несчастьях, - он должен был продолжать работу, ничего другого не остается служителю истины, и место пребывания ничего не меняет.

Бертранд Рассел был прав в том, что он не был Утопистом и что его социальные теории не были нереалистичными – ошибалась его дочь. Но он был не прав в своей теории познания, которая определила ложные методы достижения здорового общества будущего, правильно им разгаданного и увиденного. Его подход к науке как к относительной истине, не имеющей прочной привязки к практике, его привычка исключать из поля науки психическую жизнь чувств и эмоций и сводить все поведение к логике – все это стало мощными стимуляторами как раз противоположного науке метафизического мышления, которого он так боялся. И сейчас, уже здесь на Олимпе он не видел своей ошибки и продолжал настаивать на том, что научный подход требует различных точек зрения, а не единой истины, которая позволила бы поставить под контроль сначала болезни психики, а потом и болезненные социальные процессы.

Поэтому партия Рассела-Эйнштейна создала все условия для привлечения к дискуссия представителей всех исповеданий и философских систем, ученых всех сфер познания и различных мировоззрений. Широко известная способность Рассела быть "идеальным хозяином", образцово развлекавшим своих гостей даже когда ему стукнуло за девяносто, его терпимость, юмор и широчайшая эрудиция стали магнитом, привлекавшим мыслителей и сторонников различных течений. И никто уже не представлял себе Олимп без партии гуманисто-рационалистов

с обворожительным Бертраном Расселом в роли спикера – ни лютеране, ни садисты, ни золотая молодежь шекспировского театра, ни тем более многочисленные ученые Залов Техники Олимпа.

Вскоре прибывшие спонтанно разделились на левую платформу материалистов и на правую платформу идеалистов, и каждая упрекала противоположную платформу в метафизичности. Материалисты называли метафизиками идеалистов, а идеалисты называли метафизиками материалистов. И только ученых Залов Техники, занявших центральную позицию вместе с партией Рассела никто не называл метафизиками. Сам Рассел почувствовал себя в замешательстве, оказавшись в чистилище, живым духом после потери тела, так что не мог уже с былой уверенностью утверждать относит ли он себя к материалистам или к идеалистам, и предпочитал занимать нейтральную позицию ученого, как и большая часть его партии гуманистов-рационалистов.

Левую платформу занимали самые знаменитые материалисты всех времен: Демокрит, Левкипп, Аристотель, Эпикур, Диоген, Лукреций, Локк, Вольтер, Дарвин, Сад, Ницше, Фрейд, Конт, Хайдеггер, Маркс, Энгельс, Ленин, Гитлер. Здесь же находились знаменитые психиатры, стоявшие на позициях материализма – Павлов, Скиннер, Кречмер, Ломброзо, Выготский. Эмпирики Юм и Беркли в конце концов сбежали на центральную платформу Рассела, заявив, что идеалистам действительно далеко до метафизики материалистов.

Правую платформу представляла не менее блестящая компания: Парменид, Пифагор, Сократ, Платон, Плутарх, Данте, Лютер, Декарт, Лейбниц, Спиноза, Фихте, Кант, Гегель, Кьеркегор, Шопенгауэр, Гуссерль, Сартр. А также все самые яркие представители гуманистической психологии – Юнг, Фромм, Франкл, Хорни, Маслоу, Роджерс, Адлер, Олпорт, Пиаже, Леви-Брюль, Милграм. Наконец, здесь же заседала загадочная каста великих прорицателей: Иоанн Иерусалимский, Нострадамус, Эдгар Кейси, Ванга и многие другие. Они с радостью согласились принимать участие в дискуссиях партии Рассела-Эйнштейна, в один го-

лос заявив, что Рассел – один из немногочисленных ангелов небесных, посланных на землю поддержать ее в самые трудные времена двух жесточайших мировых войн человечества. И тот факт, что формально Рассел признавал себя атеистом, а на деле жил как "истинный общественный герой", пожертвовавший не только личной жизнью, но и счастьем и здоровьем своих детей для блага общества, как он его понимал, - только доказывал, что Бог – не дешевое Самолюбие, ждущее коленопреклонений и восхвалений. Бог – великий Интеллект, которому важно только, чтобы предустановленная им гармония не нарушалась, а в какие слова облекут это его служащие, будут ли они называть себя атеистами или его служителями – неважно; важно, чтобы они делали работу, которая согласованна с Пространством Интеллекта, местом обитания Бога и людей, несущих в себе частичку его божественного духа.

Вот таким образом, Расселу удалось собрать и оживить в лоне своей Партии самые интересные исторические дискуссии. И это было бы хорошо и даже прекрасно, если бы Партия эта также была разновидностью Театра, имевшего цель развлекать, а не задумывалась как научное учреждение с целью поисков истины. Ибо для поисков истины мало наслаждаться элегантностью и тонкостью абстрактного мышления или же гармонией формальной логики многочисленных разрозненных точек зрения, важно прежде всего стремиться найти один общий базис истины, который объединит все рациональное в них и сумеет доказать обратной связью с практикой свою верность. В первом случае – когда гармонией и высотой мысли наслаждаются как музыкой –действительно прекрасно иметь множество различных точек зрения, и особенно если они оттенены в противостоянии друг другу, заостряя драматизм полета абстрактной мысли, во втором случае – множество противоречащих друг другу точек зрения, вне зависимости от того, какое блаженство они способны доставить нам своей эстетичностью – разрушают Пространство Интеллекта хаосом и отсутствием единой для всех объективной истины.

Нечего и говорить, что метод Рассела превосходно сработал в первом смысле и ровным счетом ничего не дал во втором. На заседания Партии гуманистов-рационалистов приходили как на интереснейшие интеллектуальные Шоу, приходили посмотреть на кулачные и петушиные бои знаменитейших философов всех времен, поучаствовать в них по мере сил и возможностей и народов и получить наслаждение. Это был всего лишь еще один – хоть и весьма оригинальный – театр среди других театров Олимпа Чистилища. К сожалению, своей роли поисков Истины он нисколько не оправдал.

Вместо истины образовались "горячие темы", вокруг которых постоянно кипели ожесточенные страсти противоборствующих философских систем, за что они получили прозвище "петушиных" или "кулачных" боев. Невозможно себе вообразить всеобщий ажиотаж, когда на ринг выходили абсолютные олимпийские чемпионы по вопросам Эгоизма, Свободы, Развития, Эксплуатации войны и Трудолюбия мира, Воспитания, Пропаганды, Прав Большинства и Привилегий меньшинства Элиты, Централизации или децентрализации власти, Эмансипации или порабощения Женщин, Непротивления Злу или Защитной агрессии и в яростном пылу впивались зубами в глотки друг друга. Энтузиазму зрителей не было конца. Какие гладиаторы могли противостоять схватке Платона и Аристотеля? Сократа и Канта? Шопенгауэра и Гегеля? Ленина и Ницше? Гитлера и Энгельса? Бисмарка и Рассела? Маркиза де Сада и Томаса Пейна? Дарвина и Фихте? Фромма и Фрейда? Кьеркегора и Сартра? Вольтера и Руссо? Эпикура и Льва Толстого? Пиаже и Выготского? Маслоу и Скиннера? Байрона и Гитлера? Беркли и Лейбница? Декарта и Локка? Спинозы и Фрейда?

И, конечно, эти профессионалы в тяжелом весе часто менялись партнерами и бои приобретали новую остроту. Невозможно передать восхищение обитателей театра интеллектуальными шоу Партии Рассела-Эйнштейна, но к сожалению дальше восхищения дело не пошло.

Противостояние Левой и Правой платформ приняло во многом характер традиционного противостояния Платона и Аристо-

теля, от чего их иначе еще стали именовать аристотелевской и платоновской платформой.

Дискуссия эта растянулась на все последующие поколения философов и была унаследована психологией. Линию Аристотеля продолжил Эпикур, потом Локк и его верный почитатель Вольтер, маркиза де Сад во многом породил Вольтер. За Садом уже идут современные столпы вульгарного биологизма: Дарвин, Ницше, Фрейд, Маркс, Гитлер, Скиннер, Конт.

Линию Платона продолжил Декарт, Лейбниц, Спиноза, потом Руссо, Фихте, Кьеркегор, Рассел, и наконец, гуманистическая психология: Юнг, Фромм, Хорни, Маслоу, Роджерс, Олпорт, Адлер, Франкл.

Это противостояние древнегреческих учителя и ученика – Аристотель против Платона - порождало новые пары дуэлянтов на протяжении всей истории этической мысли человечества: Эпикур и Плотин, Декарт и Локк, Руссо и Вольтер, Спиноза и Ницше, Лейбниц и Шопенгауэр, Кьеркегор и Сартр, Рассел и Маркс, Пиаже и Выготский, Фромм и Фрейд, Маслоу и Скиннер, Дарвин и ваша покорная слуга.

Поэтому, чтобы передать существо основных дискуссий Партии Рассела нам необходимо дать детальный анализ противостояния столпов древнегреческой философии. Именно с этого противостояния начинается дилемма Эгоизм-Альтруизм, так до сих пор и нерешенная ни на философском, ни на научном уровнях.

Философия Платона, если отвлечься от гносеологического аспекта и сосредоточиться на психологическом, - была самой первой попыткой в истории изложить Закономерности Психической Энергии, и весьма успешной попыткой.

Платон видел главное – Я человека в Пространстве Интеллекта, обособленное от физического пространства детерминированных энергий, которые он называет "Телом". Он понимал, что человек живет "Романом с Интеллектом", так как его пищу составляет истина, то есть познание.

"И напротив у нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе

как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда, конечно у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум" Платон "Федон"

Из этой цитаты наглядно видно, что Платон ни в коем случае не определяет Разум как служителя телу, а видит собственное поле интеллектуальной энергии, отграниченное от детерминированных энергий природы. Платон понимал также, что Контрольный Ток ПЭ (Разумная душа у Платона) – это источник контроля и управления, в то время как рядовые энергии космоса всего лишь объект управления. Но главное он понимал, что силовое поле КТ – врожденное, что закономерности стремления к доброте, к справедливости, к добродетели заложены в нас закономерностями природы и уже ничто не может их изменить. Он также понимал, что это поле имеет своим источником разум, и что поэтому все добродетели, то есть поле КТ – от разума. И общее Я человечества, отраженное в том, что истинные философы "богаты не золотом", но искренним стремлением принести благо всему государству.

С другой стороны он видел и тлетворное влияние ДТПЭ на поле КТ, и не менее точно отразил характеристики силового поля Эгосистемы: глупость и невежество, разрушающие волю автоматизмы, мотивация боли, неспособность противостоять болезненным потребностям к насилию, ненасыщаемость потребностей насилия, незатухающая боль, требующая все новых, неспособность к дружбе и искренности, господство и рабство вместо понимания и доброты, деградация вместо развития разума и духа.

Сущность влияния Аристотеля на историю философии состоит в том, что он своими псевдонаучными теориями с вульгарной биологизацией человека раз и навсегда похоронил вот это величайшее открытие Платона закономерностей Психической Энергии. То, что принято называть "здравым смыслом", который Аристотель якобы внес в оторванную от реальности философию Платона, на самом деле есть атомная бомба, которая подорвала все самое существенное и важное, что содержалось в этой философии и направило развитие науки в тупиковое русло.

Именно Аристотель первым назвал сознание человека – чистой доской, на которую якобы опыт наносит все то, чем становится человек впоследствии, и таким образом, отказался от присущих каждой энергии и ПЭ в том числе постоянных и общих для всех носителей закономерностей. Именно Аристотель раскритиковал "интеллектуализм" этики Платона, заявив, что Добродетель не имеет никакой связи с Разумом, а происходит из опыта и научения, став таким образом первым бихевиористом. Именно Аристотель определил Разум как служанку тела, опровергнув положение Платона о "благе самом по себе", то есть о собственном силовом поле Интеллекта, независимом от детерминированных энергий природы, и в частности от тела. И именно Стагирит учил искать источники чувств в физиологии человека – в работе сердца, печени, крови, - но никак не в активности разума или его силового поля.

Наконец, хотя он формально и признал мудрость Платона в разделении души на две части на деле его пошлая теория "золотой середины" смешала КТ и ДТПЭ в единую энергию и конечно же сделала Зло неизлечимым и неизвинимым, потому что ушел элемент насилия больного тока над здоровым. Пороки предстали не следствием душевной болезни, как правильно замечал умница Платона, а всего лишь крайностями единой души, а зло потому теперь было следствием свободной воли, а не насилием автоматизмов чужого тока над волей и сознанием здорового Я человека. Аристотель не понял того, что так хорошо видел Платон: автоматизмы детерминированных токов насилуют поле КТ, если человек недостаточно умен и образован, чтобы поставить их под контроль, поэтому он заявляет о том, что утверждение Платона о том, что никто по своей воле не станет творить зла – ложно, и что порочные люди не только неизлечимы, но и несут полную ответственность за содеянное ими.

Так, все пороки, порождаемые Эгозащитой, то есть активностью чужого, мертвого тока поверх истинного Я человека, признаются всего лишь крайностями единого Я человека, тогда как середка выступает в качестве "добродетелей":

- Эгоизм – это всего лишь крайность нормальной любви к себе, а вовсе не активность силового поля ДТПЭ.

- Правдивость – это середина между Притворством и Хвастовством, а вовсе не следствие здорового КТ, тогда как лицемерие и тщеславие порождения ДТПЭ

- Дружелюбие – это середина между лестью и враждой, а вовсе не здоровье КТ, очищенного от противостояния Эго со всем миром и от его лицемерия и рабства.

- Чувством собственного достоинства – среднее между своенравием и подхалимством: еще один пример смешения уверенности в себе здорового КТ и оппортунизмом и лицемерным приспособленчеством ДТПЭ.

"ведь свойственное каждому чувство любви к себе не случайно, но внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, н о он заключается не в любви к самому себе, а в большей, чем должно степени этой любви; то же приложимо и к корыстолюбию; тому и другому подвержены так сказать, все люди" Политика Аристотель.

Эти два ни в чем непересекающиеся пространства Детерминированного и Контрольного Токов ПЭ Аристотель смешивает в единую кучу своей теорией "золотой середины" и мнит себя научным реформатором великих открытий Платона.

Но на деле он становится отцом страшной идеи "научного Эгоизма", которая с этих пор обеспечивает научное оправдание Эгозащите и получает все большее и большее развитие по мере роста авторитета наук.

Научный Эгоизм – это попытка представить человеческую Эгозащиту, как биологически оправданную необходимость "борьбы за существование". Общее Я поля КТ было признанно "метафизическими бреднями" вместе со всей прочей философией Платона и на повестку дня встал вопрос о "научном" изучении психики. Для этого Разум превратили в служанку биологии и решили, что такой подход вполне "материален", чтобы быть признанным научным.

Так, уже Эпикур решившись на создание "научной" этики,

привязывает духовный мир к биологии тела, заявляя, что "наслаждения души есть созерцание наслаждений тела". И как всякий биологизатор духа он считает необходимым называть себя Эгоистом, способным полюбить других людей только ради выгоды, которую они могут дать. Рассел правильно замечает, что будучи человеком очень широкой души, Эпикур клеветал на себя, чтобы не противоречить своей теории "научного Эгоизма". Он так и не понял, что из его логических посылок вытекает философия де Сада, философия циничного зла, возведенного в абсолют. Если Эгоизм в смысле удовлетворения своих телесных нужд и впрямь лежит в основе всей общественной и духовной жизни человека, то это значит, что правильное поведение, ведущее к счастью в том, чтобы максимизировать эти удовольствия, устранить всех своих соперников в борьбе за эти удовольствия, и безжалостно использовать всех прочих людей как материал для своих удовольствий. Именно эти выводы логически следуют из теории "научного эгоизма" и маркиз де Сад благодаря своей обостренной Эгозащите интуитивно уловил их, прямо показав к чему должна вести теория биологического эгоизма, исходя из своих собственных аксиом. Но Эпикур этого не понял, а потому вся его философия гедонизма провалилась на самом корню. Вместо того, чтобы предаваться наслаждениям он пугал людей крайней степенью аскетизма и аутизма, отгородившись от общественной жизни в дружеских беседах своего сада. И вопреки своей теории Эгоизма он искренне любит своих друзей, хоть и старается придумать животные причины, побуждающие его к этому. И все потому, что в отличие от Сада Эпикур был здоровым человеком, искренне желавшим найти истину и следовать ей. Но то, что он считал истиной разошлось в тем, что он чувствовал и это и обусловило практический провал его философии. Даже половая любовь, не говоря уже о гурманстве, попадает у великого пропагандиста наслаждений тела под запрет – насколько в этом вопросе Сад оказался последовательнее первого учителя гедонизма. Эпикур в конечном итоге оказался таким же апологетом избавления от тела ради

душевного счастья как Сократ и Платон, абсолютно противореча тем самым теории биологического эгоизма, конечно же.

«Тем самым он на практике приводит к пониманию окончательной цели мудрого скорее в виде отсутствия боли, чем в виде наличия наслаждения. Желудок может являть собой корень всех вещей, но боль в желудке перевешивает наслаждение обжорства; и вот Эпикур живет на одном хлебе с небольшой прибавкой сыра по праздникам. Такие желания, как быть богатым, или жажда почета тщетны, ибо они заставляют человека метаться, когда он мог бы быть удовлетворенным. «Высшее благо из всех – благоразумие; это более драгоценная вещь, чем даже философия». Философия, как он ее понимал, была практической системой, предназначенной для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь; она требует только здравого смысла, а не подготовки в области логики или математики, или другой какой-либо сложной подготовки, предписанной Платоном. Он заклинает своего юного ученика и друга Пифокла избегать всякой формы культуры. Естественным выводом из его принципов было то, что он советовал воздерживаться от общественной жизни, так как чем выше власть, достигнутая человеком, тем пропорционально больше число завистников, жаждущих причинить ему зло. И если он даже избежит неудачи извне, в таком положении невозможно спокойствие ума. Мудрый постарается прожить незаметно, чтобы не иметь врагов.

Половая любовь как одно из самых «динамических» наслаждений, разумеется, попадает под запрет. «Половое сношение, – заявляет философ, – никогда не приносило добра человеку, и счастлив он, если эти сношения не принесли ему вреда». Он любил детей (чужих) и во имя удовлетворения этой склонности, по-видимому, надеялся на то, что другие люди не последуют его совету. И действительно, он любил детей, видимо, в противовес собственному высшему суждению, ибо считал брак и деторождение отвлечением от более серьезных стремлений. Лукреций, следовавший за ним в отрицании любви, не видит беды в половых сношениях, лишь бы они были лишены страсти.

Самое благоразумное из общественных наслаждений, по мнению Эпикура, – это дружба. Эпикур, как и Бентам, считает, что все люди во все времена заботятся только о собственном удовольствии – иногда мудро, иногда неумно; но – опять же, как Бентам, – он постоянно увлекаем своей собственной доброй и привязчивой натурой на путь того восхитительного поведения, от которого, по собственным теориям, должен был воздерживаться. Он явно любил своих друзей вне зависимости от того, что мог получить от них, но убеждал себя в том, что он такой же себялюбец, эгоист, каковы должны быть, по его учению, все люди. Согласно Цицерону, он считал, что «дружба не может быть отделена от наслаждения, и потому ее надо культивировать, так как без нее мы не можем жить ни без страха, ни даже с удовольствием». Но кое-когда он, однако, забывает свои теории. «Всякая дружба желательна сама по себе», – говорит он и добавляет: «Хотя она возникает из нужды в помощи» Рассел История западной философии

Однако, не маркиз де Сад стал тем, кто возвел научный биологизм в ранг научной догмы, а Чарльз Дарвин, и вслед за ним, почти повторяя слово в слово аргументы своего учителя – Зигмунд Фрейд. Именно на теориях этих двух столпов биологизации человеческой духовности держится и по сей день аргументация научного Эгоизма. Основные аргументы Дарвина мы находим уже у Вольтера:

"В день когда его мать разрешается им и его душой, в его доме рождается также собака, кошка и канарейка. К концу третьего месяца я научаю канарейку исполнять менуэт, по истечении полутора лет превращаю собаку в превосходного охотника, кошка уже после шести недель проделывает все свои штуки, а ребенок, когда ему исполняется четыре года, не делает ничего. Я, человек невежественный и грубый, будучи свидетелем этой поразительной разницы и никогда раньше не видав ребенка, сразу предполагаю, что собака, кошка и канарейка – весьма разумные создания, маленький же ребенок –автомат... Наконец, с возрастом он достигает бесчисленного количества познаний. И

что я тогда должен о нем подумать? Поверю ли я, что он – совсем особая натура? Разумеется, нет, ибо вы, наблюдая с одной стороны глупца, а с другой – г-на Ньютона, утверждаете тем не менее, что они существа одной и той же породы; следовательно, я с еще большим основанием должен настаивать на том, что моя собака и мой ребенок в основе своей принадлежат к одному и тому же виду и между ними существует лишь количественная разница. ...Я замечаю между ними во сто крат больше связи, чем можно найти между неким интеллектуалом и неким другим человеком, полностью слабоумным" Вольтер Философские письма

Дарвин мало что изменил в своей аргументации, даже пример с Ньютон и дикарями остался тем же – главное он сохранил определение разницы между людьми и животными как количественное и настаивал на причислении людей и зверей к "одному царству". Вольтер апеллирует к Локку, повторившему идею Аристотеля о том, что человек рождается с "чистой доской" сознания, на которую впоследствии опыт наносит все то, что представляет собой взрослый человек – идеи, нормы поведения, мировоззрение, привязанности и антипатии. Дарвин согласен и с этой позицией: его обезьяна превращается в человека путем постепенного накопления знаний и опыта, а "знания" – это как и следовало ожидать, служба интеллекта удовлетворению биологических потребностей и в целом задаче биологического выживания.

"Но можно показать, что основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животным не существует. С другой стороны мы должны согласится, что различия между одной из низших рыб и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между человеком и обезьяной.... Точно также нельзя ничтожной разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром. Различие подобного рода между величайшими людьми наиболее развитых рас и последними из варваров тоже связаны между собой тончайшими переходами. Поэтому можно думать, что они переходят од-

но в другое и развиваются постепенно" Происхождение человека Дарвин

В целом, аргументы Дарвина в пользу количественных различий между Интеллектом животных и человека сводятся к следующему:

- животные обучаются на опыте, например, они никогда не попадают в одну и ту же ловушку, или же щука научается, что рыб за стеклом нельзя съесть только после того, как долгое время больно бьется об стекло. Значит и дикари научаются на опыте.

- между некоторыми животными разница в умственных способностях больше, чем между обезьяной и человеком

- все элементы человеческой психики в зачаточном состоянии можно обнаружить у животных: внимание, память, воображение (у них есть сны, утверждают Вольтер и Дарвин), зачатки обобщения (!), самосознание в виде воспоминаний об удовольствиях охоты у собаки. Но это только количественная разница, так что слон, двигающий струей воздуха предмет и медведь двигающий струей воды хлеб,равно как и дикарь – с помощью грубого процесса рассуждения столь же верно приходят к верному решению, как и философ после длительного ряда логических рассуждений.

-речь – это не инструмент абстрактного интеллекта, как вы подумали, а всего лишь результат тренировки голосовых органов в наследственной передаче

- и наконец, умственные способности – вне всякого сомнения, считает Дарвин – развивались путем Естественного Отбора, так как нет сомнений в том, что более успешные племена вытесняют менее успешные, а более образованные цивилизации вытесняют менее образованные.

На этом Дарвин закругляется, заявляя, что "этого вывода вполне достаточно", и что "у него не достает ни уменья, ни знания, чтобы взяться за это"! Раньше надо было думать об этом, когда Уоллес говорил, что "естественный отбор мог дать только незначительные преимущества в развитии мозга"! Но Дарвин

его яростно оспорил: "Надеюсь, вы еще не окончательно загубили моих и своих детей".

"Способность следить за длинной цепью чисто отвлеченных идей очень ограничена у меня, и поэтому я никогда не достиг бы успехов в философии и математике. – признается Дарвин. – ...Это естественно вызвало у меня сильное недоверие к дедуктивному методу рассуждения в науках, имеющих одновременно теоретический и практический характер" Воспоминания о развитии моего ума Дарвин

Неудивительно, что человек с низкой способностью к абстрактному мышлению не увидел качественной разницы между Интеллектом животных и людей, потому что именно абстракции дедукция в первую очередь ее и составляют. Однако, вернемся к его аргументам.

Опыт наверняка обучает животных, раз Дарвин это утверждает, такого рода сведения он собирал добросовестно. Но дикарей опыт нисколько и ничему не обучает – достаточно пролистать фундаментальный труд Леви-Брюля "Первобытное мышление". Сколько бы раз дикарь не убеждался на опыте, что его талисман не может спасти его от бед, он никогда не придет к выводу, что магии нет. Он найдет множество других причин – или он сам виноват, так как нарушил табу, или злой колдун заколдовал его талисман, или еще что-то более нелепое. Таким образом, человек не мог развиваться "постепенно" путем наслаивания опытной информации на "чистой доске" обезьяньего мозга.

А что касается разницы между животными в успешности приспособления – то какой бы большой не казалась она Дарвину, интеллект любых самых умных и самых тупых животных всегда будет качественно идентичен: интеллект, поставленный на службу приспособлению к среде, биологическому выживанию, и абсолютная недоступность не только научного мышления, но и самой элементарной логики.

Разница же между обезьяной и даже самым диким человеком громадна в результате качественных перемен Интеллекта:

во-первых, даже у дикаря Интеллект перестает уже служить задачам биологического выживания и включается в Эгозащиту психического детерминированного тока (ДТПЭ). Это и объясняет ту бредовость первобытного мышления, которая резко отделяет мир биологического выживания животных, от мира магической Эгозащиты дикарей. Дарвин не нашел ничего лучшего для объяснения этого феномена, кроме как сослаться на примитивную философию дикарей, решивших объяснить себе мир. Но даже если бы это было так, примитивная философия не могла полностью снять с повестки дня основной биологический закон – сохранение жизни. Однако, Эгозащита путем растрачивания сил на дурацкие ритуалы, жертвоприношения, самоистязания, зверские войны по обвинению в колдовстве, остановку технического прогресса из-за суеверий, массовые самоубийства с целью обнаружения колдунов и много другого – самым наглядным образом доказывает, что дикарями уже не движет основной биологический закон выживания. И это уже не "причуды" дикарей, как говорит Дарвин, а самое что ни на есть новое энергетическое поле – поле психической Эгозащиты. Уже здесь Интеллект претерпевает качественные перемены по сравнению с интеллектом животных, хотя это еще не связанно собственно с характеристиками настоящего интеллекта. Но уже здесь очевидно, что разум перешел с поля биологического выживания на поле Эгозащиты ДТПЭ. А Дарвин продолжает утверждать, что разница между двумя насекомыми больше, чем между обезьяной и человеком!

Когда же он так бесцеремонно сравнивает "разум" медведя, догадавшегося струей воды приблизить к себе хлеб и Интеллект философа, строящего логические системы – сразу выдает себя, как дилетанта в области абстрактного мышления. Если бы он поднатужился и последил бы таки за "длиной цепью чисто отвлеченных понятий" он бы понял, что зрелый интеллект двигается уже совершенно в другом пространстве, построенном на своих собственных законах мышления и контроля.

Все те зачатки психики, которые он якобы обнаружил у животных, включая простейшие обобщения и проблески самосознания, даже если предположить, что это правда (хотя называть это способностями к абстракции и самосознанию откровенно нелепо), ничего не меняют до тех пор, пока не влекут за собой качественных перемен в мотивации и способах взаимодействия со средой.

Человеческий Интеллект отличается не механическим перечислением его способностей, а назначением, которое он находит в научном контроле вселенной. Если бы Дарвин вместо перечисления способностей своих собак показал бы хоть одного пса, способного к контролю энергий природы – вот тогда я безоговорочно согласилась бы с ним, что между нами количественные различия. Но до тех пор, пока его обезьяны и псы только поражают проблесками внимания, памяти и воображения, а на деле остаются инстинктивными существами, использующими разум только, чтобы подвинуть себе кусок хлеба чудовищное святотатство сравнивать их с контрольной энергией космоса, существующей в Пространстве Интеллекта.

Пространство Интеллекта выложено законами энергий природы – не любыми законами, а именно законами энергий природы, истинность которых легко проверить наличием доступа к силе этих энергий. Человек, который постигает эти законы, переходит из физического пространства животного и автомата ДТ-ПЭ в Пространство Интеллекта, где целью жизни становится контроль законов природы, а способами движения расширение и углубление знаний. Здесь, истина больше не средство с помощью которого питается тело, происходит "приспособление к среде" и биологическое выживание. Здесь истина – это цель движения, это и есть та самая пища, ради которой двигаются и ради которой добиваются доступа к силам других энергий: удовлетворить потребность интеллекта в контроле космоса, а вовсе не потребность тела в обжорстве.

Здесь Разум и тело меняются своими местами: теперь тело служит разуму, который контролирует его здоровье, чтобы удер-

жать свою истинную психическую жизнь. У животных напротив, разум слуга тела, он только средство для целей его инстинктов и его биологического выживания. Но поле КТ ставит биологию на службу психической энергии вплоть до того, что если бы действительно возникла нужда и возможность в избавлении от своей биологии, то как говорил Платон, ученые с великой радостью отказались бы от этой тюрьмы, поедающей их время и досуг на свое содержание, не говоря уже о его временности и изнашиваемости.

Лучше бы Дарвин показал обезьяну, которая согласна пожертвовать своей жизнью ради научных достижений, подобно Джордано Бруно, Роберту Гуку, Ломоносову, Галилею, Леонардо де Винчи и бесчисленному множеству других ученых с радостью рисковавших жизнью для расширения Пространства Интеллекта человечества.

"Правда, значит, что человек — царь земли, им населяемой; ибо он не только укрощает животных, не только распоряжается стихиями, благодаря своей изобретательности, но даже один только на земле и оказывается умеющим распоряжаться ими; он даже присваивает себе через созерцание самые светила, к которым не может приблизиться. Пусть мне покажут другое на земле животное, которое умеет пользоваться огнем и заставит восхищаться солнцем. Как! Я могу наблюдать, познавать существа и их отношения, могу чувствовать, что такое порядок, красота, добродетель, могу созерцать Вселенную, подняться до руки, ею управляющей, могу любить добро и творить его — и после этого мне равняться со зверями! Низкая душа! Это твоя мрачная философия делает тебя подобным зверям; или, скорее сказать, ты тщетно хочешь унизить себя: твой гений свидетельствует против твоих принципов, твое благожелательное сердце обличает твое же учение, и даже твое злоупотребление своими способностями, к твоей досаде, доказывает их превосходство" Эмиль Руссо

Что касается глубокомысленного заключения Дарвина о том, что "умственные способности развились в результате естественного отбора", то нелепость этого утверждения должна по-

казаться самоочевидной всем, кто хоть бегло знаком с историей. Как известно, античность, знаменитую своей великой философией одолели безграмотные варвары, вооруженные топорами. Невозможно сравнить интеллектуальное превосходство Древней Греции над Древним Римом, который всему научился у Греции. Однако, ни для кого не секрет, что Греция вошла в состав Римской Империи и потеряла свою государственность. Еще больше был разрыв между Римом и варварами, но и они одолели Рим, Наследница утонченного интеллекта Греции и Рима – Византия неизмеримо превосходила турецкую культуру на тот момент, но опять таки турки успешно завоевали Византию. И все потому, что сначала Греция, а потом Рим и Византия сами себя уничтожили нескончаемыми внутренними войнами. Потом были две тысячи лет в течении которых варвары созревали до стадии самоуничтожения античности. И наконец, созрели: сначала Наполеон с античными лозунгами завоевания мира, потом Первая мировая война, а потом и сумасшедший Гитлер, новый господин планеты. А что мы видим сейчас? Опять цивилизованный мир на грани самоуничтожения, мы живем на зыбком "балансе сил ядерных держав", который в любой момент может быть надломлен. И ничего нового не произойдет: просто интеллект сам себя уничтожит и даст дорогу новым варварам созреть до этой стадии самоуничтожения. Это всего лишь навсего лишь – шизоидный интеллект, то есть логическое мышление на поле Эгосистемы, которое Дарвин так неловко проморгал. И этот шизоидный интеллект не только не ведет более образованные нации к выживанию, но напротив является самым верным средством самоуничтожения. Другое дело истинный научный интеллект КТ – этот не только остановил бы варваров, но создал бы для них условия жизни, которые со временем привели бы инкорпорации варваров в общечеловеческую среду Интеллектуального Контроля. Однако, по одиночке ученые не выживают, и Дарвин не мог этого не признать: он соглашается, что доброта, чуткость и благородство ведут к вымиранию в среде подлости и злорадства. На этом ос-

новании глупые люди решили считать порядочность и доброту слабостью.

"Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых и предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную природу" Происхождение человека Дарвин

Получается, что Интеллект развивался какими угодно путями, но только не стал результатом "естественного отбора" Дарвина.

Нам осталось рассмотреть самую интересную теорию Дарвина о происхождении "общественного инстинкта" и "нравственности" – теорию, впоследствии всецело позаимствованную у него Фрейдом.

Дарвин здесь как и везде следует локковскому принципу нанесения на "чистую доску" психики идей опыта. Таким образом, и общее Я поля КТ предстает постепенным количественным наслоением опыта взаимопомощи животных, который помогал им выживать. Так что согласно Дарвину, "общественный инстинкт", то есть общее Я поля КТ также произошел путем естественного отбора из передачи по наследству способствующего выживанию свойства, как и Интеллект.

Ясно, что истина бесконечно далека от этой нелепицы. Во-первых, переход к силовому полю КТ совершился скачком и означал качественное отделение "человеческого царства" Психической энергии от "животного царства" Биологической энергии, а не наслаивался постепенно в результате количественных преобразований все той же биологии. Во-вторых, общее Я поле КТ – абсолютно, то есть включает абсолютно всех носителей КТ, всех здоровых людей с чистым от ДТПЭ полем КТ. На жаргоне Дарвина это означало бы, что "общественный инстинкт" человека в отличие от "общественного инстинкта" животных не ограничивается только своим стадом или семейной

группой, а непременно распространяется на весь человеческий род, при условии, что он здоров. Общее Я поля КТ включает в себя только здоровых членов общества, то есть только тех, чье психическое поле не является донором паразита-ДТПЭ. Поэтому, войны между людьми, которые Дарвин рассматривает, как доказательство того, что "общественный инстинкт" человека также ограничен собственным стадом или семьей, на самом деле доказывают только то, что поле КТ загажено Эгозащитой ДТПЭ. Как только человечеству удастся остановить этого паразита, пожирающего его энергию, войны перестанут иметь место быть где бы то ни было и когда бы то ни было в человеческой среде.

Наконец, утверждение Дарвина о том, что "человек не имеет особых инстинктов как помогать ближним" легко опровергнуть простой экстраполяцией "общественного инстинкта" на царства животных и человека. Для животного мира единство всех организмов невозможно, так как это приведет к его уничтожению. Вообразите, что весь животный мир стал одной дружной семьей и готов "жертвовать жизнью друг за друга", как Дарвин определяет сущность "общественного инстинкта". Если лев готов жертвовать жизнью за косулей и бизонов, то чем он спрашивается будет питаться? Ясное дело, что в несколько недель все животное царство прикажет долго жить.

Но совершенно иначе обстоит дело с людьми. Общее Я поля КТ функционально необходимо для целей Контроля энергий космоса, доступ к силам которых способен обеспечить человечество таким изобилием в технике и питании, что далеко не все, что будет добыто, смогут потребить. Поэтому здравомыслящему человеку жаргон звериного "выживания" и "естественного отбора" в применении к научному интеллекту человека невыносимо режет слух: как можно сравнивать космическую силу Психической энергии, для которой вопросы биологического выживания даже сейчас уже давно сняты благодаря прогрессу науки с нищенской энергией автоматизмов животных? Что может быть общего между господином вселенной – человеком, имеющим до-

ступ к энергии всего космоса, благодаря особой контрольной энергии, и рядовым детерминированным током животных, перебивающихся в надежде "выжить" за счет уничтожения друг друга? Общее Я всего человечества необходимо для его выживания, единение животных гарантирует им всеобщую гибель. Так просто решается вопрос о качественном различии "общественного инстинкта" человека и животных. А также о том, что бесконечные войны человечества есть доказательство ограниченности единения и в среде людей, подобно животным. Эти войны уничтожают фундаментальную энергию КТ человечества, расстраивая не только общее Я КТ, но и Пространство Интеллекта, для которого необходимы досуг, покой и напряженный труд.

Но у Дарвина, конечно, все выглядит иначе: "борьба за выживание еще не была достаточно жестока, чтобы поднять человека на высшую степень развития", - опять говорит он смешивая силы детерминированных энергий и возможности контроля человека. Если что-то и мешает прогрессу человечества – так это войны, которые блокируют труд по накоплению знаний и развитию контроля природных энергий. И всякий, кто вторит за Дарвиным и Гитлером, и называет человеческий прогресс "цивилизацией" войны смешивает не соединимые понятия – войну и цивилизацию. Следующий шаг в развитии прямо противоположен "борьбе за существование" голодных животных Дарвина: это остановка ДТПЭ, восстановление единого Я поля КТ, построение и расширение Пространства Интеллекта, выложенного знаниями о законах энергий природы и своей собственной энергетики. И весь этот энергоемкий труд будет сопровождаться абсолютным миром и покоем, необходимыми для плодотворной активности интеллекта.

Третья фундаментальная ошибка Дарвина в его потугах изложить теорию психики вне подходящих "знаний и умений" уже знакомое нам смешение силовых полей КТ и ДТПЭ, и попытка выведения общего Я поля КТ из Эгосистемы ДТПЭ. Подобно тому как Эпикур пытался вывести свою любовь к друзьям из эгоистических потребностей в помощи или чего-нибудь еще, точно

также и Дарвин старается доказать, что Эгозащита не только первична по отношению к совести и доброте поля КТ, но даже является его базисом.

Он заходит намного дальше Эпикура и утверждает, что все самые благородные стремления человека имели своим происхождением Тщеславие и страх позора, и что Совесть – это ни больше ни меньше, как совокупность общественных норм, усвоенная в детстве под давлением общества. Вам это никого не напоминает? Один к одному теория Совести Фрейда, не так ли?

"В самом деле, мистер Бэйн ясно показал, что любовь к похвале, честолюбие и еще более сильный страх перед презрением и позором "представляют результаты симпатии". Следовательно человек находится под сильным влиянием личных желаний, одобрения и порицания общества, выраженных в движениях или в словах; и общественные инстинкты, которые вероятно были приобретены человеком в весьма грубом состоянии, - быть может его обезьянообразными родоначальниками, - остаются до сих пор побудительной причиной благороднейших поступков"

"Точно также повторяется и для нас. Даже когда мы остаемся совершенно одни, как часто помышляем мы с чувством удовольствия или скорби о том, что думают о нас другие – о воображаемом их одобрении или осуждении; а ведь все это вытекает из симпатии, представляющей основу общественного инстинкта. Человек в котором бы не было и следов подобных чувств, справедливо считался бы нравственным уродом" Происхождение человека Дарвин

Здесь ясно видно какую чудовищную мешанину предъявляет Дарвин в качестве понятия "Совести". Любовь к похвале и страх позора – это очевидное поле Эгосистемы, именуемое в психологии Тщеславием и Конформизмом, то есть подражанием силе и неспособностью к собственному мнению. Дарвин выводит эти очевидные признаки болезни души из "симпатии общественного инстинкта", то есть из общего Я поля КТ как он его понимает. Мало того, что он смешивает поля КТ и ДТПЭ и выводит КТ из ДТ-

ПЭ, он еще и провозглашает Тщеславие и Конформизм – основой самых благороднейших поступков, а тех людей, которые ими не владеют "нравственными уродами". Таким образом он возводит Эгозащиту ДТПЭ, служащую источником всей порочности и разложения общего Я поля КТ в ранг источника и охранителя нравственности и "общественного инстинкта" симпатии между людьми! Вот что значит лезть не в свое дело! Не знаешь – молчи! С каких пор ученые, посвятившие свою жизнь коллекционированию фактов биологического мира, не способные к философии и математике, стали решать сложнейшие вопросы философии и психологии? Возможно, разгадка кроется в том, какую огромную роль тщеславие играло в жизни Дарвина, о чем он широко распространяется в своих мемуарах.

Из этой истории происхождения нравственности закономерно следует вся фрейдовская концепция "звериной природы человека", чьи дурные наклонности и жажда убийства с большим трудом сдерживаются искусственно накладываемыми запретами извне:

"Добродетели, которым должны в общих чертах следовать неразвитые люди, для того, чтобы ужиться обществом, суть именно те, которые и до сих пор считаются наиболее важными. Никакое общество не ужилось бы вместе, если б убийство, грабеж, измена и т.д. были распространены между его членами; вот почему эти преступления в пределах своего племени "клеймятся вечным позором", но не возбуждают подобных чувств за этими пределами" Происхождение человека Дарвин

Так окончательно устанавливается точка зрения на звериную природу человека, которая слышна уже у Аристотеля, набирает силу у Вольтера, доходит до апогея у Сада и Ницше, и наконец, получает "научное подтверждение" в теории эволюции Дарвина и психоанализе Фрейда. Этой точке зрения противостоят труды Платона, Спинозы, Руссо, Кьеркегора, Рассела, Фихте, указывавших, что зло – напротив, наносное болезненное образование, искажающее истинную природу человека.

"Если нравственная красота сообразна с нашей природой, то человек лишь настолько может быть здрав умом и хорошо организован, насколько он добр. Если же она не такова, если человек по природе зол, то он не иначе может перестать быть злым, как извратившись, и доброта в нем есть лишь порок, противный природе. Созданный на то, чтобы вредить себе подобным, как волк создан для того, чтобы истерзать свою добычу, человечный человек был бы таким извращенным животным, каким будет жалостливый волк, и одна добродетель доставляла бы нам угрызения совести" Эмиль Руссо

Дарвин доказывает не только искусственное насаждение нравственности поверх звериной агрессивности людей для целей самосохранения, но и ограниченность этой искусственности нравственности пределами своего "племени" или семьи: "Один индеец племени тег выражал самое искреннее сожаление, что ему не удалось убить и ограбить стольких же путешественников, как его отцу. В грубом состоянии цивилизации грабежи иностранцев считаются везде делом весьма почетным. Дикари большей частью весьма равнодушны к страданиям иностранцев и даже наслаждаются этим зрелищем" Происхождение человека Дарвин

Из этого следует, что угрызения Совести – это не удар по общему Я человечества, не боль от того, что причинил зло любимому существу, а всего лишь удар по Эго, как это понимал Фрейд: стыд от того, что осрамился перед общественным мнением. Более того, если "животный инстинкт" сильнее "общественного инстинкта" – то угрызений совести и вовсе не последует даже в форме страха за свое тщеславие и свой общественный имидж.

В итоге этой жуткой цепочки рассуждений Дарвин оказывается в закономерном тупике: с одной стороны он утверждает, что "Общественные нормы" воспитывающие "симпатию и общественный инстинкт" есть результат потребности выживания, с другой стороны он не может не видеть, что эти нормы у дикарей равно как и у цивилизованных людей часто нелепы до крайно-

сти. Как же тогда объяснить, что потребности "выживания" ведут к образованию нелепых норм, прямо препятствующих выживанию?

"Общественное мнение нередко руководится каким-нибудь грубым опытом относительно того, что в конечном итоге лучше для всех членов общества. Но это мнение нередко бывает ошибочно вследствие невежества и недостатка рассуждающей способности. Вот отчего самые странные обычаи и предрассудки достигли всемогущей силы во всем мире, совершенно наперекор истинному благосостоянию и счастью рода человеческого. Мы видим это в ужасе индуса, оставляющего свою касту и в бесчисленных других примерах. Как произошло так много нелепых правил поведения, равно как и такое множество нелепых религиозных верований, мы не знаем. Не знаем и того, каким образом во всех странах света они так глубоко вкоренились в уме людей. Достойно однако замечания, что убеждение внушенное с постоянством в ранние годы жизни, когда мозг впечатлителен, по-видимому принимает характер инстинкта, а вся сущность инстинкта состоит в том, что ему следуют независимо от рассудка" Происхождение человека Дарвин.

Зато мы совершенно точно знаем источник происхождения нелепых верований и норм поведения, берущих начало в СуперЭго, которое Дарвин и Фрейд именовали Совестью. Эти верования рождаются в результате внедрения интеллекта на поле Кривого Зеркала Эгосистемы, отражающего мир как противостояние силы Эго и всемогущей силы космоса, предстающей оттого "сверхъестественной". Здесь, в попытках помочь несуществующему Эго противостоять несуществующим сверхъестественным силам и рождаются нелепые верования дикарей и цивилизованных людей. Поэтому Леви-Брюль говорит, что в каждом примитивном обществе существует система предрассудков, лишенных логики и полной противоречий, передающихся из поколения в поколение. И напрасно Дарвин и Фрейд пытались рационализировать этот бред Эгозащитной активности недоразвитого интеллекта как установление норм поведения способствующих выжи-

вания – анализ этих норм показывает, что они лишают человека даже малейшего шанса выжить, не говоря уже о полной научной непригодности этого типа активности интеллекта, лишенного не только связи с практикой, но элементарной логики. А ведь именно логика превращает интеллект хотя бы в формальное орудие мышления.

К сожалению, война объявленная Аристотелем Платону до сих пор была необычайно успешной. Все сторонники психологии Платона оказывались биты сторонниками Аристотеля. Так, Вольтер, который не может сравниться с Руссо не только как ученый, но даже и по своим моральным характеристикам, будучи пораженным тщеславием своей Эгозащиты, тем не менее одержал уверенную победу над этим добрым и несчастным гением. А ведь Руссо уже тогда видел всю нелепость теории Дарвина, представленной отчасти в трудах Локка и Вольтера. Он подобно Платону утверждал, что сознание не является "чистой доской", на которую опыт наносит "идеи", но что человек рождается с полем доброты и справедливости КТ, и эта предрасположенность к общему Я человечества и есть "природный человек" Руссо.

"Есть, значит, в глубине душ врожденное начало справедливости и добродетели, в силу которого, вопреки нашим собственным правилам, мы признаем свои поступки и поступки другого или хорошими или дурными; это именно начало я называю совестью. Но при этом слове со всех сторон, я слышу, поднимаются вопли мнимых мудрецов. «Заблуждение детства, предрассудки воспитания!» — кричат они в один голос. В уме человеческом ничего нет, кроме того, что входит туда путем опыта, и мы о всякой вещи судим лишь на основании приобретенных идей. Они идут дальше; они осмеливаются отвергать это очевидное и всеобщее согласие всех наций и в противовес бьющему в глаза единообразию людских суждений стараются отыскать во мраке какой-нибудь темный, известный им одним пример,— как будто все природные наклонности уничтожаются испорченностью одного народа, как будто раз есть уроды, то уже нет вида" Эмиль Руссо

Руссо понимал также и эмоциональную основу силового поля КТ, которое беря свое начало в Интеллекте, превращается в поток эмоций любви к познанию и миру, и ощущается нами уже чувственно как любовь к справедливости, как неспособность переносить страдания других людей, как угрызения совести от нанесения вреда общему Я КТ. Совесть, другими словами, не развивается из чистой доски сознания животного путем тщеславного желания получать похвалу и страха позора, но является врожденным ощущением силового поля Контрольной энергии психики, вскрывая единство Я человечества в доброте и сострадании своей чувственности.

"*справедливость* и *доброта* не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности.... Но когда ищущая выхода душевная сила отождествляет меня с моим ближним, когда я чувствую себя в его, так сказать, личности, то я потому именно и хочу избавления его от страданий, чтобы не страдать самому; я заинтересовываюсь им из любви к самому себе, и основание правила заключается в самой природе, которая побуждает меня желать себе благосостояния, в каком бы месте я ни существовал. Отсюда я вывожу заключение, что неправда, будто правила естественного закона основаны на одном разуме: они имеют более прочный и надежный фундамент. Любовь к людям, вытекающая из любви к себе, — вот принцип человеческой справедливости. В евангелии сущность всей морали вытекает из сущности закона." Эмиль Руссо

С какой гениальностью Руссо впервые разрешает утверждаемое Эгозащитой противопоставление Любви к себе и Любви к другим, в полной мере сохраненное в христианстве.

Позже об этом с не меньшим красноречием будет говорить Эрих Фромм, очень четко пояснив, что нет разницы между любовью к себе и любовью к другим людям, поскольку Я человечества суть общее. Но Дарвин, Фрейд и Конт (которому мы обязаны терминами Эгоизм и Альтруизм) этого не понимают, для них любовь к себе противоположна любви к другим, так что человек либо Эгоист, заботящийся о себе, либо Альтруист, забывающий свою нужду и отдающий себя другим. На самом деле, как правильно говорит Фромм, эгоист думает о себе еще меньше, чем о других, так как Эгозащита наносит вред прежде всего энергетике самого человека (вспомните пример с тратой энергии на свое фото вместо себя). А альтруист лицемерен в своей любви к другим также как и в своем отречении от себя – невозможно почувствовать нежность к тем, кто хочет ее ценой твоего собственного разрушения. И только общее Я человечества, как тождество любви к себе и к людям, как совесть, сострадание и справедливость позволяют человеку наконец-то стать самим собой, а не быть жертвой автоматизмов ДТПЭ.

Озадачившие Дарвина догматичные нелепицы Эгозащиты всегда сводятся к тому, чтобы превратится в сверхсилу СуперЭго, разрушая тем самым естественность "природного человека" поля КТ. В этом расшифровка предрассудков Эгозащитного сознания дикарей и неумных людей, неистово придерживающихся престижных норм поведения вне зависимости от их содержания или же беспрекословно подчиняющихся авторитетам, не вникая в суть их приказов, как показали эксперименты Милграма. Таким образом, человека Эгозащиты легко узнать по тому, как он боится быть самим собой и отойти хоть на шаг от бредовых предписаний Эгозащиты в превращении себя в кумира СуперЭго.

Поэтому то, что Дарвин и Фрейд называют "Совестью" – есть на самом деле страх удара по Эго, в то время как истинная Совесть – это удар полю КТ, то есть по истинному Я человека, а не по Эго. Ясно, что страх удара по Эго также имеет место быть и в этом смысле Дарвин и Фрейд ничего не приду-

мали, но это вовсе не значит, что это совесть. Это автоматизмы ДТПЭ, управляющие поведением человека через боль и страх вопреки его собственной выгоде и желаниям. Совесть же – это ощущение единства Я человечества , проявляющаяся как боль каждого отдельного Я от сознания боли других людей и тем более от сознания своей причастности к нанесению этой боли.

Очень интересное разграничение боли на поле ДТПЭ и боли на поле КТ дал Кьеркегор, обозначив их как комичное отчаяние во временном людей, желающих стать кем-то другим, и как истинное отчаяние в вечном людей, которые осознали потерю своего Я.

Фромм раскрыл разницу между болью Эгосистемы и болью поля КТ как Авторитарную и Гуманистическую Совести соответственно. Все то, что Дарвин с таким усердием изображает как истинную Совесть человека принимает у Руссо, Кьеркегора и Фромм закономерное место всего лишь поверхностного болезненного образования поверх истинной психики человека, разрушающего его "природу", его "естество" своей чужеродной энергией. Активность авторитарной совести, которую Дарвин правильно изобразил как тщеславное ожидание похвалы и страхе перед позором, свидетельствует на самом деле не о нравственности человека, как он себе это представлял, а напротив, о деградации подлинной природы человека, о его приближении к своей "психической смерти".

"Если совесть опирается на суровый и неприступный иррациональный авторитет, развитие гуманистической совести может оказаться почти полностью подавленным. Тогда человек становится целиком зависим от внешних сил и утрачивает возможность заботиться о собственном существовании и чувствовать ответственность за него. Все, что ему остается, это одобрение или неодобрение этих сил, которые могут быть государством, вождем или не менее всевластным общественным мнением. Даже самое безнравственное, с гуманистической точки зрения, поведение может восприниматься с авторитарной точки зрения как "долг". Человек для себя Фромм

Дуэль Фромма и Фрейда стала современным продолжением дуэли Платона и Аристотеля, Декарта и Локка, Спинозы и Ницше, Руссо и Вольтера, Кьеркегора и Сартра, Толстого и Сада, Рассела и Гитлера. Эта дискуссия о доброй или злой природе человека растянулась на века и вылилась в два самых влиятельных течения психологии: гуманистическую психологию, видящую природой человека как Доброту общего Я, и психоаналитическую теорию, утверждающую, что природа человека раскрывает себя в звериных инстинктах, а культура – это смирительная рубашка для зверя, позволяющая нам оставаться живыми.

"Большую часть человеческих страстных влечений невозможно объяснить силой инстинктов. Даже при полном удовлетворении голода, жажды и сексуальных влечений "он", человек, не удовлетворен. В противоположность животному, у человека самые непреодолимые проблемы этим не разрешаются, а с этого только начинаются. Он стремится к власти, или к любви, или к разрушению, он рискует своей жизнью ради религиозных, политических или гуманистических идеалов, и эти стремления как раз и составляют то, что определяет и характеризует особенность человеческой жизни. И правда, "не хлебом единым жив человек" Человек для себя Фромм

Здесь Фромм отделяет оба психических тока – доброту и разум КТ и тупость и зло ДТПЭ – от биологической энергии животных, противопоставляя свою точку зрения точке зрения Дарвина и Фрейда.

"Чем больше я углубляюсь в себя, чем больше размышляю, тем яснее читаю начертанные в душе моей слова: «Будь справедлив, и ты будешь счастлив»...Совесть есть голос души, страсти — голос тела. Удивительно ли, что эти два голоса часто противоречат друг другу? и тогда которого слушаться? Рассудок слишком часто обманывает нас; мы приобрели полное право отказывать ему в согласии; но совесть не обманывает никогда; она — истинный путеводитель человека; она для души то же, что инстинкт для тела; кто следует ей, тот повинуется природе и не боится сбиться с пути", - так Руссо разделяет

психическую энергию КТ от биологической энергии звериных инстинктов.

Однако, звериная природа человека Дарвина требовала совершенно иного хода событий. Война, благословляемая им, как "достаточно жестокая борьба за существование, которая поднимет человека на высшую ступень развития", не заставила себя долго ждать. Ведь его теория донельзя обострила Эгозащиту. Две мировые войны стали следствием широкого общественного потрясения, произведенного "открытием" Дарвина.

“Среди великих держав существовал определенный фатализм - разница в развитие должна непременно привести к войне между ними. Сильные должны обязательно напасть на слабых и разделить добычу между собой”

“Пять великих европейских наций вступили в войну друг с другом не ради каких- то конкретных территорий. Да и сама война по своему характеру отличалась от всех войн, которые велись в посленаполеоновской Европе в 19 веке. Это была битва гигантов за господство в Европе и во всем остальном мире, похожая на международное умопомешательство. Имело самое широкое распространение мнение о том, что после того, как эта битва будет завершена, наступит конец имперских амбициям побежденных, зато перед победителями откроются новые блестящие перспективы. Возникла иллюзия, что это война навсегда покончит с борьбой за власть над миром” Гренвилл История 20-го века

Что касается Гитлера, то он настолько примерный ученик Дарвина, что читая его мемуары, я негодовала о том, какое лицемерие обвинять Гитлера и не замечать, что его теория всецело базируется на "Происхождении человека" Дарвина. А может наши именитые дарвинисты вовсе и не читали Гитлера и не знают, что он всего лишь проповедовал освещенную Дарвином агрессию к иностранцам, не входящим в племя человека, как нормальное для животного и человека ограничение "общественного инстинкта"? О чем еще хлопотал Гитлер как не о "счастье своего народа" за счет эксплуатации иностранцев? И не теорией ли

эволюции о борьбе за выживание племен он все это обосновывал?

"Такое спаривание находится в полном противоречии со стремлениями природы к постоянному совершенствованию жизни. Основной предпосылкой совершенствования является конечно не спаривание вышестоящего существа с нижестоящим, а только победа первого над вторым. Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитие органических существ становится вообще невозможным. Результатом этого заложенного во всей природе стремления к расовой чистоте является не только строгое отграничение отдельных рас друг от друга, но и известная однородность внутри каждой из них. Лиса всегда остается лисой, гусь - гусем, тигр - тигром и т.д.; разница тут может заключаться только в большей или меньшей выносливости отдельных экземпляров, в большем или меньшем уме, понятливости и т. д. Но никогда нельзя встретить лисы, которая обнаруживала бы какие-нибудь гуманные намерения по отношению к гусю, как никогда мы не встретим кошки, склонной к дружбе с мышами. Борьба между теми и другими является результатом не столько прирожденной вражды, сколько результатом голода и любви. В обоих случаях природа смотрит на эту борьбу с полным спокойствием и даже с известным удовлетворением. Борьба за пропитание приводит к тому, что наиболее слабое и болезненное терпит поражение. Борьба самцов из-за самки обеспечивает право и возможность размножения только за более сильным. Но всегда и неизменно борьба только способствует здоровью и увеличению силы сопротивления данного рода и вида. Тем самым борьба является фактором более высокого развития" Гитлер Моя борьба

Бертран Рассел, который вне всякого сомнения был ангелом небесным, посланным на землю в период этих страшных испы-

таний, чтобы смягчить боль и утешить страждущих, несмотря на тот факт, что не смог полностью отказаться от теорию Дарвина, резко выступил против основных ее постулатов: необходимости войны и конкуренции как двигателей прогресса, и неизживаемости агрессивных инстинктов, разлагающих совестливость и доброту человека.

"Я хочу подчеркнуть как можно более сильно, что я абсолютно не согласен с теми, кто заключает из борцовских импульсов человеческой природы, что человечество нуждается в войне и других деструктивных формах конфликта. Я согласен, что импульсы борьбы играют существенную роль в нашей жизни, но можно предупредить вредные формы их реализации. Жадность постепенно сойдет на нет, если устранить угрозу бедности. Любовь к власти может быть удовлетворена многими путями, не несущими вреда человечеству: контролем природы, который проистекает из открытий и изобретений, созданием прекрасных книг и произведений искусства, и путем эффективного убеждения. Энергичность и стремление реализовать себя благотворны, если они находят правильное приложение, и вредны при неправильном приложении – как пар, который может, либо двигать поезд, либо взорвать котел" Власть и личность Рассел

"Конкуренция вредна не только как фактор системы образования, но также в качестве идеала для подрастающего поколения. Мир в действительности нуждается в организации и сотрудничестве, а не в конкуренции; все веры в полезность конкуренции давно стали анахронизмом. И даже если бы конкуренция была полезной, она не может быть предметом восхищения, поскольку она основана на эмоциях враждебности и жестокости. Концепция общества как органического целого очень трудны для восприятия теми, чье сознание пропиталось идеями конкуренции. Этически таким образом, не меньше чем экономически, нежелательно учить молодежь конкуренции" Образование и здоровое общество Рассел

Если и был на земле человек, жизнь которого наиболее наглядным образом доказывала бы, что в основе человеческой

природы доброта и справедливость общего Я людей, порождаемая научным интеллектом – то это несомненно Бертран Рассел. Вот кого бы не смогла испугать "длинная цепь чисто отвлеченных понятий" и кто был истинным математиком и философом от рождения! Он не только отказался от привилегий своего аристократического сословия и пожертвовал наследство на благотворительные цели, но и посвятил свою жизнь урегулированию двух мировых войн, выпавших на его время. В последние годы жизни он организовал общество содействия Миру, в котором развернул широкую компанию против угрозы атомной войны. В эти же годы он сотрудничает с Сартром в специально организованном комитете по расследованию военных преступлений во Вьетнаме. Однако, это далеко не все, чем он пожертвовал ради прекрасного будущего человечества, к которому никогда не переставал стремиться. Мало кто знает, что его отчаянные попытки воспитать из своих детей здоровых членов общества, благодаря которым все пороки и зло будут искоренены, окончились печальной неудачей и распадом психики его любимого старшего сына.

Общее Я поля КТ можно ощущать естественным образом без какого-либо специального обучения или воспитания благодаря мощному интеллекту подобному его собственному интеллекту. Но для людей со средним интеллектом или даже просто талантливым людям (а не гениям каковым был он сам) в условиях эгозащитной цивилизации требуется специальная терапия по снятию Эгозащиты, путем замены Физического Контроля силы психики на Интеллектуальный контроль. В процессе этой замены человек ощущает на опыте свою силу от контроля собственного Эго и Эго других людей и процесс отказа от Эгозащиты приносит большое удовлетворение. Если же пытаться снять Эгозащиту простым внушением правил общего Я, которые человек ощущает только как призыв пожертвовать собой ради других и как нечто, что разрушает его силу, то он либо откажется, либо воспримет эти нормы под давлением авторитета, то есть путем парадокса Дон Кихота: построение Эгоза-

щиты на формальных принципах отказа от Эго. Этим парадоксом страдали впрочем почти все религиозные люди. Обучая детей не быть эгоистичными, всегда видеть своей целью общее благо человечества, быть объективными по отношению к любому оппоненту, стараясь встать на точку зрения последнего - без предварительного периода развития поля КТ – он добился только развития метафизического мышления и как следствия распада психики. Может ли быть более страшная жертва, положенная на алтарь человечества, чем такая страшная смерть родного сына, в которой тебе некого винить кроме самого себя? Даже аналогичная библейская история не идет ни в какое сравнение с болью, которую несет психическая смерть любимого существа.

ГЛАВА 10. ЗАЛ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

На следующий день к моей великой радости меня посетил Бертран Рассел. Он казался смущенным и выразил мне восхищение по поводу Теорию Психической Энергии, заявив, что эта теория впервые дала ему успокоится в отношении научного базиса морали добра, который он тщетно искал всю жизнь и поиски которого упорно продолжал здесь в Чистилище.

- Театр Цезаря-Шекспира проводит регулярные дебаты о Свободе и Политике по древнему эллинскому обычая. Вы приглашены на сегодняшнее собрание. - сказал он мне улыбаясь своей ироничной улыбкой с искрящимися юмором и добротой глазами. – Я подумал, вам будет неудобно идти одной, я с удовольствием составлю вам компанию.

- Спасибо огромное. – я крепко обняла его и он смутился от неожиданности. – Спасибо и за это чудесное приглашение и за все, что вы сделали при жизни.

- Меня часто обнимали на улицах, - засмеялся он, - и не всегда только женщины. Но мне всегда было приятнее, когда благодарность выражали хорошенькие женщины.

Я рассмеялась вместе с ним.

- Волшебно, когда я думаю в каком обществе я вдруг очутилась! И даже несчастные садисты не могут испортить мне праздника говорить с вами и со всеми писателями и художниками, которых я обожаю.

- Да, этим праздником я тоже жил тридцать лет, когда попал сюда. – добродушно улыбнулся он мне вновь. – И живу до сих пор, но со временем все больше чувствуется потребность найти ту самую Дорогу в Рай, о которой написано на Золотых Воротах Башни. Все же для вечности эта Башня и этот лес весьма и весь-

ма тесноваты.

- Я согласна с вами на все сто. Но вы ведь понимаете, что мы не найдем эту Дорогу, если не найдем единую истину. А вы вроде бы не считаете такой подход научным?

- Почему же, я только писал что на тот момент еще не было выработано надежных средств проверки истины, и оттого всякое утверждение, что найдена окончательная истина на деле сводилось к догматизму и на корню пресекало поиски действительного положения вещей. Но меня глубоко потрясла ваша теория научного контроля закономерностей энергий космоса – очень может быть что это выход из положения, и мы вскоре построим Дорогу в Рай из законов Психической Энергии! Что это? Вы плачете? Сейчас же прекратите, я не могу выносить вида слез. С чего бы это?

- Я уже прекратила... - силилась я взять себя в руки, но только еще сильнее разревелась. – Я так долго...так долго старалась доказать всем то, что мне давно открыл Бог...но никто меня не слушал...я столько мучилась с этой теорией...столько мучилась... но никто не хотел понимать...а я знала, что правда...и это меня убивало... - всхлипывала я у него на груди.

- Знаешь, - вдруг совсем по свойски сказал мне Бертран, гладя меня по голове, - я всегда мечтал, чтобы моя Кэт была такой как ты: жадной до знаний и науки, сильной, бесстрашной, посвятившей себя строению здорового общества, презирающей мелкий личный интерес. Ты даже в своей книге называешь себя мальчиком, настолько тебе противна пассивная роль, отведенная в больном обществе женщинам. Такая дочь была бы мне и сыном и дочерью, моей гордостью и моим утешением. Кэт меня не поняла, и обвинила в полном крахе своей жизни, а Джон... Джон.... И здесь ты мне как родная. Ты ведь пережила то, что погубила Джона.

- Да, - тихо сказала я, уже совсем успокоившись, - у меня тоже был психоз. Так было задумано Богом. Именно психоз открыл мне закономерности психики. Но для обычного человека, даже самого одаренного, ведь шизофрения возможно только у

очень одаренных людей, - она смертельна, потому что они не смогут самостоятельно восстановить поле КТ и Пространство Интеллекта. Мне было очень больно читать о трагедии постигшей Джона.

Бертран уже взял себя в руки и глаза его вновь лучились юмором и добротой.

- Ну так значит собирайся, мы идем в Зал Любви и Свободы.

- Уже бегу!

Боже, была ли я счастлива в этот момент!

Я уже поняла, что мой наряд средневековой принцессы инфантилен до крайности, потому подобрала элегантный брючный костюм. И правильно сделала. Когда мы вошли в Театр, моему зрелищу предстала потрясающая картина: великие воины, политики, поэты и мыслители античности сидели в майках, рубашках и джинсах и увлеченно спорили друг с другом, часто прерывая аргументацию душевным смехом, переполнявшим своими раскатами весь театр.

Они сидели за овальным столом, растянувшимся на весь простор помещения и щелкали мышками своих ноутобуков. Изысканность цветовой гаммы и архитектурных форм, поражавшие меня повсюду в Башне, создавали и здесь непередаваемое настроение вечности прекрасного и великого.

Множество восхитительных произведений искусства, обвитых экзотичными растениями, шум родниковой воды, бьющей из маленьких амуров и нимф – и на этом фоне непринужденно болтающие друг с другом античные герои, принарядившиеся в джинсы подобно простым парням американской демократии! Рассел понимающе смотрел на мой восторг, давая мне время прийти в себя.

- Это Гомер, - шептал он мне на ухо, - поочередно указывая на членов застолья, пока нас не замечали, - вон в том углу Плутарх, это Антоний и Цезарь, там дальше Октавиан Август и Марк Аврелий, ближе сюда Байрон со своим другом Вальтером Скотом, а это Томас Пейн и маркиз де Лафайет, рядом с ними Жан-Жак Руссо и Лев Толстой. Платон и Сократ за спинами Байрона и

Шекспира. А это вышел Александр Македонский. Он сел с Гомером, которого обожает, он очень скучает здесь по своим греческим воинам, которые не прошли на Олимп. Рядом с Гомером - Ликург и Солон – легендарные законодатели Спарты и Афин. Перикл сидит с Аристотелем. А этот высокий парень - Пол Хлебников, он сидит рядом с Владимиром Высоцким Джоном Ленноном. Редко кто из современных героев попадают в этот узкий круг античных героев. Вон тот утонченный парень – Серен Кьеркегор, и конечно, как всегда спорит с Жан-Полем Сартром, - усмехнулся Бертран.

- А кто вон те весельчаки, что смеются без умолку? – спросила я тоже шепотом.

- Это Свифт, Гоголь и Сервантес. С тех пор как они в Театре Цезаря-Шекспира, они излечились от всех своих недугов и счастливы как никогда

- А вон тот одноглазый военный, единственный в своей исторической форме – тот самый адмирал Нельсон, который был убит во время решительного боя Наполеону?

- Он самый. Наполеона здесь не любят, хотя прямо ему никто не запрещал приходить. Поэтому он иногда все же объявляется

- А тот парень с пышными усами, который о чем-то ожесточенно спорит с Лениным – это ведь Ницше?

- Да, тут Гитлера и Ницше так и отличают – по маленьким и большим усам.

Рассел сказал это громче, чем рассчитывал и привлек внимание великолепной компании.

- Это та самая Лейла Хугаева, автор теории Психической Энергии.- наконец представил он меня загадочно улыбаясь, когда все взоры были устремлены на нас. – Прошу умерить античный пыл героев, - расхохотался он, слившись воедино с веселой атмосферой Театра.

Нас приняли очень гостеприимно, и сразу было видно, что Бертран органичная часть этой компании великих героев, без которого всем чего-то не достает. Я поблагодарила небо за что

одела брючный костюм, к женскому обществу здесь явно не привыкли: спектакли там да, там собирался весь цвет прекрасной половины театра, но политические дебаты они старались избегать.

Тем не менее, все, даже Аристотель, знаменитый своим презрением к женщинам, проявили большую галантность и уважение, поприветствовав меня также как и Рассела: все вставали по очереди и жали нам руки, с той лишь разницей, что мне, как незнакомому человеку они считали нужным представиться.

- Томас Пейн! – улыбнулся мне элегантный мужнина

- Джордж Байрон! – обольстительная улыбка самого знаменитого Дон Жуана в мире

- Вальтер Скот! – ах как я зачитывалась "Айвенго" и "Квентином Дорвардом" в детстве!

- Джонатан Свифт! – о нем я больше знала из трудов Ломброзо, увы, но все что я знала меня глубоко трогало.

- Гай Юлий Цезарь! – каков красавец! Я даже зажмурилась, чтобы не упасть. Или мне от его славы показалось, что он так хорошо собой.

- Александр Македонский, сын Филлипа! – как! Он уже не сын Зевса? Здесь действительно прогресс. И этот тоже хорош как юный Бог.

- Граф Ретланд, на земле известный как Уильям Шекспир! – ну конечно, и это имя нам знакомо. Неужели это все со мной происходит.

- Сулейман Великолепный, падишах османской империи! – вот кого я не ожидала увидеть среди греческих героев. Бертран потом рассказал мне, что его представил в театре его друг-грек Ибрагим Паргаллы, приходившийся ему зятем и служивший его великим визирем, которого он сам же и сослал в Чистилище раньше срока. Говорят его начитанность, верность и любовь к друзьям, воспетая им в стихах, справедливость по отношению ко всем, позволившая ему возвысить до ранга султанши свою пленную рабыню, наряду с военными успехами - покорили сердца героев.

- Авраам Линкольн! – и этого великого президента убили как Александра и Цезаря. Было что-то чрезвычайно гнетущее в том, как погибали самые достойные люди, а если оставались жить, то какие суровые лишения и гнет становились их судьбой.

- Серен Кьеркегор! – это его знаменитая чуть кривая ухмылка. Я бы узнала Серена даже если бы мне никто не говорил, что я на том свете и кто-то из этих людей Кьеркегор.

- Лев Толстой! – вот чью руку я пожала со всей душевной теплотой, на которую была способна. Мировая душа, светоч русской земли, ангел, заболевший болью человечества. И как преобразился! Он и при жизни был спортивным: пока был графом, тягал гири и занимался гимнастикой, когда стал пророком, косил и копал за десятерых.

- Барух Спиноза, еврейский сапожник! – Баруха я обняла, хотя и шокировала его этим немного. Ну и что, что он как и Толстой любил шить сапоги, это только показывает свободу от предрассудков и страсть КТ к творчеству любого рода.

Наконец-то, это пытка огнем небесных светил была закончена и мы чинно уселись за столом. Меня нисколько не удивило, что речь шла о Свободе, с той старой древнегреческой патетикой, которая резко отделила западный мир от восточного. Только античность Запада вращалась вокруг проблемы Свободы, словно планеты вокруг солнечного светила, находя в этом вращении и смысл жизни, и отвагу для войн. Здесь быть свободным или быть рабом означало честь или бесчестье, за которые проливали реки крови. На востоке воевали за власть, за славу, за богатство. И только на западе жили и умирали ради Свободы.

- Кто действует открыто, не желая
Других вязать и сам закован быть,
Тот никогда в разгуле рабства диком
Не станет отвечать шакальим крикам.
Шакалы! Да! Я имя им нашел,
Поистине достойное званье;
Случалось мне у разоренных сел
Их мертвенное слышать завыванье.

Но всех, как наименьшее из зол,
Шакал еще достоин оправданья;
Шакалы служат льву, я видел сам,
А люди - угождают паукам.
О, только разорвите паутину
Без паутины их не страшен яд!
Сплотитесь все, чтоб устранить причины,
Которые тарантулов плодят!
Когда же рабски согнутые спины
Все нации расправить захотят?
Защите поучитесь героической
У шпанской мухи и пчелы аттической.

Декламация Байрона из Дон Жуана, как всегда сорвала громкие аплодисменты всех присутствующих.

Вскоре вокруг темы закипели такие страсти, что о моем присутствии начисто забыли. Свобода демоса античности, породившая современную демократию, спинозовская свобода, как осознанная необходимость, кьеркегоровская свобода как синтез необходимого и возможного, пейновская свобода от догматизма церкви и абсолютной власти монархов, расселовская свобода индивидуума от гнета демократического государства, сартровская абсолютная свобода личности, свобода большинства, свобода меньшинства, свобода аристократии – не было видно конца и края различным точкам зрения и концепциям.

- "В хорошей и здоровой аристократии существенно то, что она чувствует себя не функцией (всё равно, королевской власти или общества), а смыслом и высшим оправданием существующего строя - что она поэтому со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради неё до степени людей неполных, до степени рабов и орудий. Её основная вера должна заключаться именно в том, что общество имеет право на существование не для общества, а лишь как фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для выс-

шего бытия: ее можно сравнить с теми стремящимися к солнцу вьющимися растениями на Яве, - их называют Sipo Matador, которые охватывают своими ветвями ствол дуба до тех пор, пока не вознесутся высоко над ним, и тогда, опираясь на него, вволю распускают свою крону и выставляют напоказ свое счастье" – говорил Ницше текстом из "По ту сторону добра и зла"

- Напротив, - негодовал в ответ Ленин, - мы должны опираться на бедноту, на беднейшие слои крестьянства, и главное на пролетариат, у которого вообще нет никакой собственности. При этом мы должны вести жесткую борьбу с кулаками! Трудящиеся составляют большинство и они не могут быть средством для ничтожного меньшинства, весь аристократизм которого только в их лени и тупости.

Аристотелю показались безобразными такие крайности, и напомнил господам о правиле "золотой середины":

- "В каждом государстве есть три части: очень состоя тельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред" Политика Аристотель.

- Все средние решения либо обман народа буржуазией, - кричал Ленин вне себя, - либо тупость мелкобуржуазных демократов! Никакого иного решения нет: или Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, или самый реакци-

онный, самый бешеный, самый душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики. Середины нет! Или-Или! Только люди безнадежно тупые могут все еще допускать средние решения, и на них следует махнуть рукой!

Платон каждый раз хохотал до слез, когда слушал как отделывает его зарвавшегося ученика Ильич. Но хохотал не он один, даже Ницше не смог удержаться от искреннего смеха. Особенно всех забавляло, когда Ильич и Аристотель начинали выяснять роль Пролетариата в государстве:

- "Ремесленники не принадлежат к гражданам, как и вообще всякий другой слой населения, деятельность которого направлена не на служение добродетели. Это очевидно из предпосылки, что быть счастливым возможно только в единении с добродетелью, а государство не может считаться счастливым, если принимается во внимание лишь какая-либо часть, а не вся совокупность граждан. Ясно и то, что право собственности должно принадлежать именно этим, раз землепашцы должны быть рабами или варварами-периеками" – говорил Аристотель. – "Ремесленными я называю такие занятия, искусства и предметы обучения, которые делают тело и душу свободнорожденных людей непригодными для применения добродетели и для связанной с ней деятельностью".

Следует ли после этого удивляться гибели античной Греции?

Со слов Аристотеля выходило, что Рабочие (ремесленники) и Крестьяне (землепашцы) – самый низкий люд, не способный ни к добродетели, ни к политике. Ленин напротив полагал, что только пролетариат и беднейшее крестьянство способны вывести человечество к вершинам производственного и нравственного прогресса, только они способны наладить нормальную политическую жизни без эксплуатации и угнетения. И конечно им не удавалось никогда прийти хоть к сколько-нибудь разумному компромиссу, потому что оба были одинаково неправы в соотнесении Интеллекта и Работы. Аристотель считал, что все работ-

ники, будь то ремесленники или крестьяне – не интеллигенты, так как у них нет досуга для высокой философии, и их работа равно калечит им тела и души. Элиту же он понимал как проводящую дни в досуге, заполненном музыкой и рисованием – но ни в коем случае не на профессиональном уровне, ибо это превратит их в ремесленников! Ясно, что Аристотель не понял главного: Интеллект и Работа (Контроль) – суть проявления истинной энергии человека, и ни в коем случае не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Именно интеллект делает Труд не только желанным и привлекательным, но и необходимым, как способ течения контрольной энергии.

Ленин сделал ту же ошибку: разделил Труд и Интеллигенцию в два враждебных лагеря, но в отличие от Аристотеля определил лучшим Труд, а Интеллигенцию назвал "говном нации", "плакальщицей по покойникам", "глупенькими либералами", "мелкобуржуазными демократами" и тому подобной не менее лестной лексикой нежели у Аристотеля в отношении трудящихся. Разделить Труд и Интеллект – значит закрыть себе дорогу ко всякому пониманию существа психической энергии человека.

- Скажите им, - хоть поздно говорить,
Что чванство не способствует величью,
Что лишь гуманность может озарить
Достоинством правителя обличье., - громко продекламировал Байрон

Александр и Цезарь как всегда вздрогнули при этой провокации своего друга: они болезненно реагировали когда затрагивали высокомерие правителей: разве они не пожертвовали всем ради своего народа? Как несправедливо всегда сводить истории их жизни к дешевому тщеславию и стремлению лишить свой народ свободы! Их аргументы также были всем давно знакомы и тем не менее, каждый раз все начиналось сначала в надежде найти наконец удовлетворительные ответы на все вопросы. Великие полководцы жаловались на греческую демократию в ответ на обвинения в заносчивости и узурпации власти над свободными гражданами, предъявленные им еще

при жизни и ставшие их смертным приговором. На это друзья отвечали словами Шекспира из трагедии "Антоний и Клеопатра", которую уже десятки раз ставили в театре:

"Завещано седою стариною
Кто наверху, тот плох, я был хорош,
Пока взбирался. Кто скатился сверху,
Опять приятен. Вот любовь толпы".

- Правы были и Платон и Аристотель, - кипел Цезарь, - когда говорили, что демократия – худшее из государственных устройств! И знаете почему? Потому что в ней правит зависть, черная зависть невежественной и неблагодарной черни, уничтожающей все лучшие ростки в государстве. Как тот тиран в "Политике" Аристотеля, который вместо ответа на вопрос как навести порядок в обществе стал вырывать самые высокие колосья, пока все поля не сравнялось до уровня посредственности, так и нас убили вовсе не потому, что наша власть кому-то не нравилась. Да, все признавали, что на тот момент только эта власть могла спасти Рим от потоков крови междоусобиц, от которых все не просто устали, но перестали ощущать себя людьми, только загнанными животными. И кто же принес им мир? Кто помог римлянам ценой страшных мучений и постоянного риска жизни, путем невероятных лишений и самодисциплины – кто помог римлянам обрести этот покой в конце концов? Или может быть то благоденствие, которым наслаждались римляне при Октавиане – это не результат моих мучений длинною в жизнь? Но они не смогли вынести блеска моей славы, она раздавила их. Они убили меня и оставили царскую власть, ради которой они якобы меня убили. Они настолько были согласны с моей правотой, что даже саму царскую власть назвали моим именем, так что после меня всех римских императоров называли цезарями.

Вот что мне обидно. Что меня называют узурпатором там, где я только выполнял свой долг. Чего они так испугались моего превосходства? Допустим, природа одарила меня гораздо богаче, чем многих. Но ведь это проявлялось только в том, что я делал для других больше, чем кто бы то ни было. Так неуже-

ли этого надо бояться? Неужели так страшно выразить свое восхищение человеку, все превосходство которого состоит лишь в том, что он больше полезен, чем остальные? Нет, не нравится мне такая свобода! Это не свобода, это самая обыкновенная зависть и злорадство ничтожеств, ненавидящих всех и вся только потому, что сами ни на что не способны.

- Юлий, ты прав во всем, кроме одного пункта, - поправил друга Александр. – Все же и в нас есть вина, хотя я думаю, что моя гораздо больше, чем твоя, потому что я позволял себе намного больше пошлой заносчивости, чем ты. Я согласен, на тот момент, мы сами были во многом невежды и не понимали, что причисляя себя к богам и отказываясь быть самими собой, мы теряли свою свободу также как и наши рабы. Тут я согласен с тобой Серен и с Фроммом, чьи работы тщательно изучил.

Но во всем остальном Цезарь прав как всегда. И лучше всего об этом рассказано в данной с Цезарем сравнительной биографии у Плутарха. И наша щедрость, которая оставляла нас бедняками и делала наших подданных богачами, и наша любовь к друзьям, и наше самопожертвование, и жесткие лишения, преследовавшие нас всю жизнь, которым мы добровольно подвергали себя во имя высшей цели – все это свидетельствует о справедливости наших претензий на власть, ибо такие правители – жертвующие собой и берущие на себя всю самую трудную часть, а добычу раздающие подданным – это дар небес, угодный каждому. Я тоже объявляю греческую демократию атавизмом, недопустимым в цивилизованном обществе. Особенно мне больно вспоминать, как мучился я, стараясь угодить грекам, потому что считал исключительно благородной их любовь к свободе, и как они смеялись надо мной. Один только Клит, из-за которого я чуть не покончил с собой, стоил мне таких тяжелых минут в жизни, после которых я чтобы хоть как-то защититься от полного психического распада и в самом деле стал деспотом и силой решал вопросы там, где раньше только мягко пожурил бы друзей.

"Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие две-

ри, с превеликой дерзостью читая ямбы из "Андромахи" Еврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов...

Тут Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали телохранители, они схватили его за руки и насильно унесли в спальню. Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны" Плутарх Сравнительные жизнеописания

"Этот Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену" Плутарх Сравнительные жизнеописания

В зале послышались смешки. Всем была известна слабость Александра к самовосхвалению, и над ней часто подшучивали в дружеском кругу. Но никто также и не отрицал, что он говорил правду, так как всем были известны неслыханная щедрость обоих полководцев, их мужество и самодисциплина.

"Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого - деревней, третьего - доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его: "Что же, царь, оставляешь ты себе?" "Надежды!" - ответил Александр. "В таком случае, - сказал Пердикка, - и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю". Пердикка отказался от пожалованного ему имуще-

ства, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру. Тем же, кто просил и принимал его благодеяния, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии. ...Провозглашенный царем Азии, Александр устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области. Стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, что власть тиранов должна быть повсюду уничтожена и все государства становятся свободными и независимыми. Платейцам же он отправил особое послание, обещая заново от строить их город, ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции.Сына Мазея, одного из влиятельнейших людей при дворе Дария, Александр жаловал второй сатрапией, еще более обширной, чем та, которой он уже управлял, но сатрап не принял дара и сказал царю: "Некогда был один Дарий, теперь же ты создал много Александров" Плутарх Сравнительные жизнеописания

"Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени. Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Об этом свидетельствует вся его жизнь, которую, как коротка она ни была, он сумел заполнить многочисленными и великими подвигами. В свободные дни Александр, встав ото сна, прежде всего приносил жертвы богам, а сразу после этого завтракал сидя; день он проводил в охоте, разбирал судебные дела, отдавал распоряжения по войску или читал. Во время похода, если не надо было торопиться, Александр упражнялся в стрельбе из лука или выскакивал на ходу из движущейся колесницы и снова вскакивал в нее"

"Возлагая труды на себя и побуждая к доблести других, Александр не избегал никаких опасностей, а его друзья, разбогатев и возгордившись, стремились только к роскоши и безде-

лью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепенно дошли до того, что осмеливались порицать царя и дурно отзываться о нем. Сначала Александр относился к этому очень спокойно, он говорил, что царям не в диковину слышать хулу в ответ на свои благодеяния. Действительно, даже самое малое из того, что он сделал для своих приближенных, свидетельствовало о его большой любви и уважении к ним. ... Можно только удивляться тому, сколько внимания уделял он своим друзьям. Он находил время писать письма даже о самых маловажных вещах, если только они касались близких ему людей. ... Позднее, однако, его ожесточили многочисленные измышления, скрывавшие ложь под личиной истины, и в эту пору, если до него доходили оскорбительные речи по его адресу, он совершенно выходил из себя, становился неумолимым и беспощадным, так как славой дорожил больше, чем жизнью и царской властью" Плутарх Сравнительные жизнеописания

- Согласен друг, - кивнул Цезарь, - и я жил словно на острие раскаленного копья, постоянно переживая оттого, что скажут обо мне философы и свободолюбивые греки. И все потому, что я не мог понять, что их теория свободы ложна на корню, что они не правы, когда называют свободой хаос и разгул самых низких страстей, подобным зависти и корыстолюбию, которое Аристотель признает естественным. Нет, это неестественно, дорогой Стагирит, и мы с Александром подтвердили это всей своей жизнью.

"В другой раз сенат назначил ему какие-то чрезвычайные почести. Цезарь сидел на возвышении для ораторов. Когда к нему подошли консулы и преторы вместе с сенатом в полном составе, он не поднялся со своего места, а обращаясь к ним, словно к частным лицам, отвечал, что почести скорее следует уменьшить, чем увеличить. Таким поведением он вызвал, однако, недовольство не только сената, но и среди народа, так как все считали, что в лице сената Цезарь нанес оскорбление государству. Те, кому можно было не оставаться долее, тотчас же покинули заседание, сильно огорченные. Тогда Цезарь, поняв, что

их поведение вызвано его поступком, тотчас возвратился домой, и в присутствии друзей откинул с шеи одежду, крича, что он готов позволить любому желающему нанести ему удар" Плутарх Сравнительные жизнеописания

Жизнь Цезаря была не менее безупречной с точки зрения самодисциплины и служения своему народу, нежели жизнь Александра.

"Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличались, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. ...Подобное мужество и любовь к славе Цезарь сам взрастил и воспитал в своих воинах прежде всего тем, что щедро раздавал почести и подарки: он желал показать, что добытые в походах богатства копит не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях, но хранит их как общее достояние и награду за воинские заслуги, оставляя за собой лишь право распределять награды между отличившимися. Вторым средством воспитания войска было то, что он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности. Любовь его к опасностям не вызывала удивления у тех, кто знал его честолюбие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе" Плутарх Сравнительные жизнеописания

"А Цезарь, прибыв в лагерь Помпея и увидев трупы врагов и продолжающуюся резню, со стоном воскликнул: "Вот чего они хотели, вот до какой крайности меня довели! Если бы Гай Цезарь, свершитель величайших воинских деяний, отказался тогда от командования, надо мною был бы, вероятно, произнесен смертный приговор". Азиний Поллион передает, что Цезарь произнес эти слова по-латыни, а сам он записал их по-гречески. Большинство убитых, как он сообщает, оказалось рабами, павшими при захвате лагеря, а воинов погибло не более шести ты-

сяч. Большую часть пленных Цезарь включил в свои легионы. Многим знатным римлянам он даровал прощение; в числе их был и Брут - впоследствии его убийца. Цезарь, говорят, был встревожен, не видя Брута, и очень обрадовался, когда тот оказался в числе уцелевших и пришел к нему. Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Теодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся и, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были взяты в плен царем, он привлек к себе и облагодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное - возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан" Плутарх Сравнительные жизнеописания

Но здесь, на Олимпе, Цезарь не стал повторять этой ошибки дважды и прощать Брута – пускай хоть вечность будет ему наказанием за неслыханное вероломство, которое он прикрывал любовью к свободе, но в котором не было ничего кроме зависти к его славе. В итоге все театры Олимпа отказались принять к себе Брута, объявив ему, что его прощение только в руках того, кого он предал. Сад не принял его просто из влюбленности в Цезаря, хотя вовсе не считал его поведение предосудительным. Но где у него еще будет шанс так выслужиться перед обожаемыми героями на милость которых он не переставал рассчитывать.

- Спасибо за добрые слова в отношении моей "Политики",- встал Аристотель. – Я со своей стороны всецело вас поддерживаю, хотя Александр и отказывается признавать во мне своего учителя, от чего не перестает болеть мое сердце. Ведь ты мне как сын Александр, чтобы ты обо мне не думал. – грустно выдохнул Аристотель. – Я всегда говорил, что самое справедливое государство то, в котором правит полный Добродетелей Царь – правда посредством Закона. Закон делает государство государством, и добродетель правителя или правителей. В этом мы с Платоном едины: пока не станут править философы, щедро наделенные добродетелями, не бывать счастью в государстве ни для кого. И если бы мне надо было выбирать самого благород-

ного царя, я не нашел бы царей лучших, чем вы. Мне глубоко противен эллинский обычай согласно которому лучших изгоняют из города после того, как они прославятся своими выдающимися деяниями. Вас тоже изгнали – но вы были слишком знамениты для тесной земли, так что изгнать вас можно было только в чистилище.

Размолвка Александра с Аристотелем, которому тот уверено предпочел Платона, называя предательством его слова о том, что "Платон якобы ему друг, но истина дороже" стала здесь легендарной. Аристотель отреагировал на это философски: "Мой ученик отвернулся от меня в отместку за то, что я отвернулся от своего учителя". И отказался давать дальнейшие комментарии.

- Ну это уже слишком, - не выдержал Томас Пейн, поднимаясь во весь рост и гневно раздувая ноздри. – Что это за пропаганда монархии в 21-й век! Господа, с тех пор как добродетельные цари и щедрые полководцы были в моде прошло уже две тысячи лет! Неужели мне надо вам об этом напоминать? Неужели вы сами не понимаете, что потребность в царях отпала вместе с потребностью в войнах, и что теперь люди зарабатывают себе на жизнь не римским грабежем – извини за откровенность Юлий – а наукой и трудом. Конечно, я еще при жизни имел возможность убедиться, насколько несовершенна греческая демократия и даже был сильно разочарован. Но я хочу повторить сейчас со всей возможной ясностью, что какой бы хромой эта демократия не была, какой бы несовершенный вид свободы она не несла – она в сто, нет в тысячу раз лучше любой монархии и любой тирании и самым что ни на есть ангелом небесным в роли царя. Потому что у власти, особенно такие страстные полководцы как вы, господа, обычно расположены забывать о добродетелях, которых привели их наверх и помнить только об оскорблениях, которым их подвергли бывшие друзья. И чего уж греха таить, Александр, позор который ты уготовил грекам, стараясь принудить их падать ниц, также хорошо описан в расхваливаемой тобой книге Плутарха, как и то, что родственнику Аристотеля пришлось отдать свою жизнь, чтобы предостеречь от

этого позора, прежде всего тебя, а не их, ибо стыд всегда на том, кто сильнее. Неужели ты думаешь, что если бы тебя не остановили, ты опомнился бы и стал бы "добродетельным правителем"? Детство давно закончилось, господа, пора уже оставить эти грезы о добрых монархах, жертвующих собой народу. Последним таким был Гитлер, если я не ошибаюсь.

- Друзья, - поспешил вмешаться Байрон, - в свободном мире нет ни черни, ни царей. Я согласен. Вы знаете, я всегда на вашей стороне против предателей, но я всегда прямо говорил вам, что нет ничего более "рабского", чем соблазнится властью. Я отвечу вам стихами из Дон Жуана.

"Довольно демагогов без меня:
Я никогда не потакал народу,
Когда, вчерашних идолов кляня,
На новых он выдумывает моду.
Я варварство сегодняшнего дня
Не воспою временщику в угоду.
Мне хочется увидеть поскорей
Свободный мир - без черни и царей".

- Я должен согласиться с Александром и Цезарем в том, что греческая демократия не выход, хотя это и не говорит в пользу монархии, тут Томас тоже несомненно прав. – сказал Рассел. – Нельзя забывать, что быть рабом одного только немного хуже, чем быть рабом всех. Монархия делает нас рабами одного человека, а демократия рабами всех. - я узнала эту его знаменитую формулу демократии. – Сделайте простые арифмитические вычисления и вы увидите, что ваша доля влияния на свою судьбу и на судьбу других людей, которую определяет ваше участие в выборах равна всего лишь одной двухсотмиллионной или и того меньше. Демократическое мышление содержит в себе недостатки, которые не уступают аристократическому мышлению, а возможно даже превосходят его. Когда оно говорит "я также хорош как ты" –это нормально, но когда оно заявляет "Ты не лучше меня" – это уже тяготит и становится препятствием для развития исключительных способностей. И здесь мне нечего добавить к

позиции Аристотеля, который говорит, что демократия ведет к уничтожению лучших людей. В свое время мне тоже довелось пережить тяжелый остракизм в Америке, и я признаться до сих пор не знаю, чем можно это объяснить, кроме ненависти к тем, кто в чем-то добивается большего успеха. Более того, и предостережения Платона о том, что демократия в конечном итоге закономерно приводит к тирании абсолютно оправдались. Разве на деле в Америке не правит плутократия и бюрократия? Разве выборы не есть только формальная свобода большинства? Разве правительство стран и крупных компаний не являются маленькими корольками в своих владениях? Разве централизация власти не подавила давно уже инициативу индивидуумов? Разве пропаганда не воспитывает в детях национализм и тупоумие, рассчитанные только на то, чтобы сделать их орудием в руках власти и нисколько не заботящееся об их собственном благе?

Я со своей стороны давно пришел к выводу, что наша наука все еще недостаточно развита, чтобы мы смогли дать ответы на такие сложные вопросы. Ясно одно, ни капиталистическая демократия, ни тем более тоталитарный коммунизм или диктатура монархии не являются дорогой к свободе. Элита в обществе должна быть, но это элита Интеллекта, а не денег и оружия. Это люди, которые отличаются от остальных только способностью принимать правильные решения. А для того, чтобы таких людей было больше мы должны следить за объективностью образования, за тем, чтобы не позволить пропаганде сделать наших детей тупыми и не способными к критическому мышлению.

- О том, что правителями должны быть философы, я сказал очень давно. – поднялся Платон. – Но ты Берти, почему то обозвал меня "адвокатом тоталитаризма" в своей истории западной философии. А я и сейчас еще уверен, что твоя теория – это утопия, и что философы не смогут править без опоры на стражей, которые защитят их от людей не способных к постижению божественной истины. Почему вы не хотите понять, что нет ничего деспотичного в навязывании воли лучшего человека худшему, который не способен не только к постижению истины, но к са-

мой элементарной самодисциплины, так что без надзора спиваться или становится преступником и бродягой. "Не потому ли, что, когда у человека лучшая его часть ослаблена, так что ему не под силу справиться с теми тварями, которые находятся у него внутри, он способен лишь угождать им? Как их ублажать - вот единственное, в чем он знает толк. ... Для того чтобы и такой человек управлялся началом, подобным тому, каким управляются лучшие люди, мы скажем, что ему надлежит быть рабом лучшего человека, в котором господствующее начало - божественное. Не во вред себе должен быть в подчинении раб, как это думал Фрасимах относительно всех подвластных; напротив, всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое; если же этого нет, тогда пусть оно воздействует извне, чтобы по мере сил между всеми нами было сходство и дружба и все мы управлялись бы одним и тем же началом. ... Да и закон, поскольку он союзник всех граждан государства, показывает, что он ставит себе такую же цель. То же и наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они - некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу" Государство Платон

- Просто потому, уважаемый Платон, - встала тут уже и я, понимая, что меня пригласили из мира живых не для того, чтобы я скромно слушала, - что до тех пор, пока не были открыты пути установления единой истины, никто не мог сказать, кто прав, а кто виноват. Вот ты говоришь, что пьяница и бродяга – это плохо, но на каком основании мы должны тебе верить? Ты знаешь, логические доказательства в стиле Сократа давно не в моде, а доказать свою теорию психики на практике ты не можешь. Вот например Сартр, который утверждает, что "дух серьезности" – это плохо, и что "пиво и любовь" и есть смысл жизни с тобой не согласится. Я то бы еще согласилась, потому что твоя точка зрения на добродетель мне импонирует, но одной симпатии для на-

вязывания своей воли всем другим недостаточно. Нужно, чтобы были научные доказательства твоей правоты, и если они появятся, то это уже не "рабство", как ты говоришь, напрасно пороча процесс приведения людей к единой истине – а всего лишь контроль закономерностей природы.

Сартр не дал Платону ответить. Он вскочил и затараторил словно ужаленный:

- Это чудовищное насилие над личностью! Как можно навязывать другим людям свои убеждения, какими хорошими они не казались бы вам лично! Разве вы не понимаете, что единой истины нет и быть не может? Разве вы не понимаете, что сама специфика человечности состоит в том, что каждый абсолютно свободен самостоятельно выбирать свой жизненный путь, что личность не связанна не только с другими людьми в этом выборе, но даже со своим прошлым? В каждый данный момент мы рождаемся заново и заново выбираем себя, выбираем какими нам быть, что нам делать и что нам думать. Этот процесс бесконечного творчества, бесконечного становления и есть специфика человеческой субъективности.

А вы юная девушка, автор Теории Психической Энергии, прежде чем претендовать на революционную теорию, ознакомьтесь с философией Канта, Шопенгауэра и Ницше. Тогда вам станет ясно, что интеллектуализм в далеком прошлом, что попытки познать мир и найти в нем закономерности – это иллюзия воображения, всего лишь врожденные фантазии, ничего общего не имеющие с внешним миром. И когда вам станет ясна эта очевидная истина, вы поймете, как глупо настаивать на открытие какой-то одной единственной истины, и приучать всех якобы к научному контролю психики, а на самом деле еще один изощренный способ насилия над людьми. Мы тут все давно сыты этими сказками, они не только не убедительны, но даже не оригинальны.

Я смотрела на этого выскочку и думала, как много зла принес он своей болезнью, которую так страстно стремился навязать людям, чтобы хоть как-то снизить свои страдания. Этот отвратитель-

ный пафос древности об абсолютной свободе личности, происходящий из шизоидного ДТПЭ, который всегда выливается в утверждение, что "ад – это другие", которым Сартр завершил свою социальную теорию. И тогда, начинается работать мясорубка взаимного уничтожения их величеств абсолютных свобод, для каждого из которых свобода другого становится ограничением собственной абсолютной свободы. И у кого как не у Сартра этот психоз разваливающего психику ДТПЭ проявился в большей мере? "СТРАХ", - который он возвел в абсолют и в норму для всех людей, только чтобы избавится от навязчивой мысли, что он "старый псих", - на самом деле был его болезнью шизоида, и не имел никакого отношения к здоровой психике научного контроля.

- Я не знаю философии более отвратительной, - поднялся Платон, видя, что я замешкалась. – Я не знаю, что меня больше отталкивает в этих каракулях, которые ты называешь свободой: стремление доказать интеллектом, что интеллекта нет – слыханная ли тупость?, - или же смешение пороков и добродетелей в одну кучу "субъективной человечности", которая всегда на деле оказывается объективной ненавистью друг к другу. Я уже не говорю, о твоей статье Экзистенциализм – это гуманизм, где ты лезешь из шкуры вон, чтобы натянуть необходимость общих для всех принципов добродетели на свою кастрированную теорию абсолютной свободы выбора у каждого. Ты ведь сам понимаешь, что это невозможно, что либо общие для всех добродетели, либо зло и добро на личный выбор каждого и что совместить одно с другим нельзя? Не поэтому ли ты не любишь эту статью?

- Доказать интеллектом, что нет интеллекта – невозможно, дорогой Сартр, - встала наконец и я. – если вам очень надо вам надо попробовать сделать это без интеллекта: попрыгайте например, или побегайте, или скорчите нам рожу: все лучше, чем использовать тома крученного абстрактного мышления, чтобы доказать, что мышления не существует. Все попытки свести мировоззрение к анти-интеллектуализму заканчиваются не утратой интеллектуального мировоззрения как льстили себя надеждой Шопенгауэр и вы, а всего лишь метафизическим, эгозащитным

интеллектом, обостряющим шизоидное ДТПЭ. Опять таки вы и Ницше – классика шизоидной психики, ваш роман "Тошнота" и его "Заратустра" – по праву могут считаться классическим изображением шизоидной психики. Не мудрено, что вы влюбились в его работы с первого взгляда. Но это другая тема, что же касается шопенгауэровского утверждения, что законов в природе не существует, и все наши знания только попытка приписать миру свои фантазии – меня право удивляет, что находятся в мире здравомыслящие люди способные повторять подобную чушь. Канту эта идея передалась по наследству от вульгарных эмпириков Беркли и Юма, которые вообще отказывались признавать наличие и значимость абстрактного интеллекта, что уже само по себе является несусветной чушью, и это хорошо доказал Лейбниц. Но Кант хотя бы остановился на том, что сделал вывод о непознаваемости мира, раз законы – это выдумка человека. Шопенгауэр же пошел дальше и развил идею о познание без интеллекта! Вот где величайшая из идей познания! И все это можно было бы простить людям, которые еще не видели, на что способна наука, но вам, человеку, который много летал на самолетах, пользовался холодильником и телевизором, знакомым с тем, что такое компьютер и вся современная техника – как вы можете повторять эту чушь о том, что человек приписывает законы природе, которых в ней нет?

Зато, интеллектом возможно доказать, что интеллект существует, и слава Богу, потому что это основа нашей энергетики. Доказали это уже много раз, открыв механическую, электрическую, атомную, тепловую, химическую, биологическую энергии. Все законы, открытые в рамках этих наук успешно работают, открывая человечеству доступ к силам этих энергий. Или вы это будете оспаривать?

Что касается человека, то в его ситуации ничего не меняется. Также как существует одна таблица Менделеева для всех химиков, как существуют одни уравнения Максвелла и одна теория относительности для физиков, как существует одна система кровообращения для всех медиков – точно также существует

одна система законов психики, изучение которой и должно быть положено в основу воспитания.

У меня очень простая теория свободы.

Чтобы достичь личной свободы – человеку необходимо оставаться самим собой, тут выводы Александра были абсолютно точными. Но для того, чтобы оставаться самим собой надо знать закономерности своей психики и уметь останавливать чужой и мертвый ток, пожирающий наше Я своими автоматизмами. Верно, когда мы хотим быть кем-то другим, соответствовать идеалу или отдать свою волю в чужое распоряжение, мы теряем вместе с собой свою свободу. Но для того, чтобы оставаться самими собой ни в коем случае нельзя отказываться видеть в себе закономерности, подобно Сартру, и утверждать, что "мое" – только то, что я сам себе придумал. В этом случае, интеллект просто напросто переходит на поле Эгозащиты, а значит происходит обратный процесс – свобода заканчивается активацией чужого и мертвого тока. Что собственно и показала вся ваша жизнь и ваше творчество, где вы признали всех одинокими, обреченными на страх и на свободу. Если свобода ассоциируется у вас с "обреченностью" – ясно без слов, что там от свободы нет ничего кроме слова, и что вы только сбиваете с толку с других, навязывая им свою болезнь, чтобы было не так страшно и не так одиноко. Что же касается одиночества и страха – так это прямое и классическое следствие любой Эгозащиты, и в особенности шизоидной, которая из-за сломанного гомеостаза ведет к аутизму и к обреченности Эго на смерть от ударов СуперЭго. Неслучайно поэтому, Ницше у которого вы позаимствовали теорию свободы, как собственных "скрижалей" личности, жаловался на то, что даже "свое нести тяжело", не говоря уже о правилах которые навязывают другие. То, что было нести тяжело ему – не было "своим", от того оно и было тяжелым – это была всего лишь интеллектуальная Эгозащита. Вы только посмотрите на этих античных героев – разве похож кто-нибудь из них на страдающих страхом и одиночеством? Разве любовь друг к другу не делает их счастливыми? Разве вся их жизнь не была доказательством

того, что им неведомо что такое страх? И это напрямую связано с мощью поля КТ, делавшего их такими добрыми и чуткими к дурзьям.

Поэтому для личной свободы необходимо не выдумывать себе свои личные законы и правила, а приобрести знания об общих для всех людей законах психики и научится снимать Эгозащиту. Тогда освободив свою психику от чужого тока, вы почувствуете свободу, и тот факт, что Контрольный Ток психики (истинное Я) тоже имеет закономерности ничего не изменит в вашем ощущении своей свободы, потому что несвобода происходит не от того, что мы имеем закономерности, а от того, что это закономерности чужого тока. Ибо КТ имеет относительную свободу воли, позволяющую ему контролировать энергии природы и получать доступ к их силе – это больше свободы, чем мы можем вынести, поскольку этот контроль отдает в распоряжение человека всю силу космоса.

Общественная несвобода происходит от того, что одни люди навязывают свою волю другим людям, или же от того, что экономический и политический хаос вынуждает человека находится на животном уровне "каждодневного выживания", не давая ему досуга для развития своего интеллекта и профессионализма, то есть поля КТ его истинного Я. Так что люди вынуждены делать ненавистную им работу, общаться с ненавистными людьми и в целом влачить ненавистное им существование. Это самая распространенная форма рабства современного мира.

Это происходит от того, что теории подобные сартровской признают человека – самостоятельной политической и экономической единицей. В результате каждая такая единица оказывается раздавленной мощью государства, и превращена в "раба всех", как это называет Рассел. На деле той толикой свободы, что доступна в таком обществе, пользуются только люди в правительстве, от чего эти должности и приобретают неадекватный их реальному значению престиж. Ведь государство в таком случае – всегда "это я" правителей, и всегда просто потому, что сила народа оказалась уничтожена их разделением и противостоянием

друг другу. Так великая абсолютная свобода Сартра оказывается причиной полной немощи индивида перед государством, плутократией и бюрократией.

Греки придумали способ контролировать власть таких государств через выборность, подотчетность, срочность, возмездность и коллегиальность. Вот в этот контроль власти и играют сейчас во всем мире: кто кого надурит – власть народ или народ власть? Удастся очередному политикану протащить свою грязную, мелко эгоистичную аферу, прикрывшись образом отца народа, или проницательные борцы за свободу разоблачат очередного тирана? И эта ненависть к правителям, культивируемая еще греческой завистью ко всем, кто поднимался чуть выше массы, и это обожествление трона как олимпа человеческого счастья, и оттого всегда активная готовность поверить в любой бред о подлых и хитрых правителях, добравшихся до божественного нектара через их головы.

Это все равно, что давать хромому костыли и внимательно следить, чтобы он не упал. Жизнь, которая на самом деле есть труд, спорт и развитие, превращается только в контроль болезни. Таков смысл греческой демократии, контролирующей власть вместо того, чтобы вылечить эту болезнь и заменить власть на контроль.

Контроль – это институты контроля ДТПЭ, которые путем образования и постижения законов психики, позволят снимать Эгозащиту у людей еще в детстве и отрочестве. Так будет остановлена болезнь, которую греки контролировали подозрительностью и недоверчивостью к правителям и судебными наказаниями к преступникам. Человека надо перестать считать самодостаточной хозяйственной и политической единицей и сделать все имущество и управление общим – участие в выборах, которое якобы есть реализация политической самостоятельности, на самом деле лишает человека возможности влиять на свою жизнь. Общее управление – это институты контроля ДТПЭ, общие для всех, которые обеспечат безопасность, необычайный экономический подъем за счет стимуляции научного мышления

и контроля энергий природы и равное распределение благ для всех.

Все товары станут равнодоступными для всех, уровень биологического выживания возьмет на себя государство, оставив за человеком только задачи научного контроля. Так будут решены все проблемы, которые делали человека несвободным:

- больше никто не будет подчиняться чужой воле, будь то добродетельный монарх, или же подлый тиран. Все будут одинаково управляемы контролем закономерностей психики и других энергий природы.

- не станет несвободы от политического выживания, так как остановка ДТПЭ гарантирует безопасность от агрессии Эгозащиты. Преступность и криминал прикажут долго жить.

- не станет несвободы от экономического выживания, поскольку остановка ДТПЭ впервые позволит активизировать потенциал космической энергии КТ, имеющего доступ к силе всего космоса за счет освобождения энергии научного контроля из под Эгозащиты. Это сделает человечество таким богатым, что всеобщий безвозмездный доступ к нуждам физического выживания станет самоочевиден и будет раз и навсегда снят с повестки дня.

- появится свобода в выборе творческих профессий КТ, делающих человека счастливым: жизнь сосредоточится вокруг освоения сил космоса, также как раньше все силы уходили на игры в выживание в социальных джунглях. Социальных джунглей не станет, люди станут одной семьей, а развитие сосредоточится в освоение сил космоса.

Таким образом, все опять упирается в Разрушенное Пространство Интеллекта – множество гипотез вместо одной истины законов Психической Энергии не только не дают нам увидеть истину, но еще и направляют по ложному следу.

Я села, не зная, смогла ли я убедить кого-то из присутствующих. Воцарившаяся тишина меня сильно нервировала. Наконец, зал разразился аплодисментами и у меня отлегло от сердца. И когда уже было совсем расслабилась, встал Ленин и заговорил со своей обычной страстностью:

- Платон абсолютно прав в том, что только Диктатура может гарантировать реальную власть. Только глупенькие либералы могут думать, что вопросы власти может решать мирным путем. Проведения социализма в жизнь требует принуждения именно в форме Диктатуры. Величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом было бы считать, что переход к свободному обществу возможен без принуждения и без диктатуры. Только люди безнадежно тупые могут еще заблуждаться в этом.

Я посмотрела на Рассела, который был лично знаком с Лениным при жизни и сейчас улыбался своей обычной ироничной улыбкой, понимая, что это камень в его огород пацифиста.

- Но Платон конечно круто ошибается в том, кто эту власть представляет. Интеллигенция вместе с мелкобуржуазными демократами проституировала идеалы свободы трудящихся, и ей нельзя доверять. Только Рабочий класс, только Авангард рабочего класса может быть проводником диктатуры трудящегося большинства. Государство есть машина для насилия господствующего класса над эксплуатируемым классом, и потому пока существует государство – существует насилие одного класса над другим классом. Государство и Свобода – антитезы. Если есть государство – нет свободы, и наоборот, если есть свобода – то нет государства. Наша цель уничтожение государства вообще, но на время переходного периода нам не обойтись без диктатуры пролетариата!

Я вижу это все те же старые мелкобуржуазные теории "добровольной уступки" власти, игнорирующие реальность непримиримой борьбы классов. По вашему, буржуа добровольно согласятся на "воспитание" (извините за выражение), которое лишит их извечного эгоизма. Корень зла в том, что так называемая демократическая публицистика поддерживает эту сонную, мещанскую, тупоумную, холопскую иллюзию, вместо того, чтобы бороться с ней. Это может быть в детской "добровольная уступка" указывает легкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно вернуть его вполне легко. Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия, кроме рос-

сийского интеллигента не многие решаться. Диктатура Пролетариата – есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага – буржуазии, называйте вы их хоть эгоистами, хоть плюсами и минусами – это дело не меняет. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями. Было бы комедией пытаться "убеждать" и вообще "психологически влиять" на них!

- А как вы сможете определить, что переходный период закончился и можно снимать диктатуру и делать людей свободными? – спросил его Рассел

- Когда мы увидим, что люди привыкли к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения. Самоуправление – это самоконтроль громадным большинством населения, поэтому для уничтожения государства необходимо превращение функций Госслужбы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения.

- Это понятно, и вот Томас Пейн также стоит на вашей точке зрения и говорит, что государство нужно только для того, чтобы защищать всех нас от порочности и своекорыстности людей и что если бы люди были способны, как вы говорите к "соблюдению элементарных условий общественности", то не было бы и надобности в судах и полиции. Только он не видит способа приучить людей к этим элементарным правилам этики. Признаюсь, я также потерпел полное фиаско, стараясь воспитать в людях элементарную по вашему этику добропорядочности.

Я как раз вас и спрашиваю, а как именно вы добьетесь того, что люди перестанут быть порочными и своекорыстными настолько, что можно будет обходится без органов право порядка и без государства?

- Пусть моськи буржуазного общества визжат и лают по поводу каждой щепки при рубке большего, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают.

Ни одно глубокое и могучее народное движение не обходилось без "грязной пены" из авантюристов, жуликов, хвастунов и горлопанов, бестолочи, суматохи, суетливости и никчемных вождей.

Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к угнетателям и эксплуататорам, а это воспитание, данное жизнью, заставляет искать союза с рабочим против спекулянта, торгаша, капиталиста. Тут нельзя добиться решения также легко как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал трудящихся крестьян, чтобы уничтожить сопротивление богатейших крестьян, рождающих капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом порядке. Этого можно добиться подчинением воли тысяч воле одного. Бесприкословное подчинение единой власти для успехов процессов работы по типу крпуной машиной индустрии безусловно необходимо.

- Вы уже говорили мне, как вас забавляет сопротивление крестьянства при так называемом раскулачивание при нашей встрече. Сейчас я хотел бы понять, как именно надо перевоспитать крестьян, чтобы они добровольно согласились отдавать свой труд чужим людям?

- Для этой цели надо сначала воспитать Авангард пролетариата, который будет направлять и организовывать новый строй, будет учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых. Авангард пролетариата – это сознательные рабочие, а не наш брат интеллигенция, которому до представителя угнетенного класса, с его поразительной ясностью взгляда, удивительной прямотой и простотой, далеко как до звезды небесной.

- Я думаю, вы сами не сможете отрицать, что это чистая демагогия. – сказала уже и я, устав от этих бессодержательных виляний, в которых Ленин не только был мастером, но и учил других применять этот метод везде, где это поможет утвердить власть. – мало того, что вы только что публично отреклись от психологии и от психологического воздействия на кого бы то ни

было как от ерунды, вы еще и проводите такую неестественную классификацию как "сознательный рабочий" и "интеллигент", словно это и в самом деле разные вещи. Каждый интеллигент есть сознательный рабочий, потому что существо интеллекта всегда проявляется в расположенности и в способности к труду, в отличие от эгозащиты.

На самом деле причины по которым вы отворачиваетесь от интеллигенции те же, что и у Гитлера: интеллигенция не доступна той абсолютно монархической власти, которую в конечном итоге подразумевает ваша так называемая диктатура пролетариата, хотя очевидно, что это будет диктатура узко коррумпированной прослойки силовых структур в любой организации где ставка делается на силу. Посмотрите на нас, мы здесь все всего лишь интеллигенты, такие каких скоро будет большинство, ибо рабочий класс – это ресурсы интеллектуальной энергии и мне очень жаль, что вам ничего об этом неизвестно. И скажите видите ли вы среди нас, рабочих будущего кого-либо кто согласился бы с теорией государства как "машины для насилия" и с добровольным подчинением себя монархической власти? Именно интеллигенцию вы обзываете "глупенькими либералами", именно к ней как к "мелкобуржуазной демократии" уходят все обвинения в предательстве и проституировании идеалов свободы и равенства и все только потому, что интеллигенция искала цивилизованного выхода из конфликта. Вы так ловко окрестили интеллигенцию буржуазией, противопоставив ее рабочим и крестьянам, что не оставалось другого выхода как поверить, ведь они и вправду образованные и неагрессивные люди в отличие от заведенной страстным оратором неграмотной толпы. И Гитлеру мешала интеллигенция в лице например Лауэ или Ремарка, и он делал ставку на массы и на пропаганду, и радовался тому, как легко управлять неграмотной массой. Только вы окрестили свою пропаганду борьбой угнетенного класса с угнетателями и оттого предстали нравственной иконой, а на самом деле методы вашего управления обществом ни чем не отличались от гитлеровских: ни тем, что власть опирается на неграмотную, легковнуша-

емую толпу, ни тем, что интеллигенция изолируется от общества и признается врагом народа, ни культом власти едином вождя с высокой централизацией и концентрацией власти. Именно интеллигенция была наиболее опасная оппозиция, с которой вам приходилось бороться за власть и за оправдание чудовищного варварства и жестокости так называемой "диктатуры пролетариата".

А на деле только интеллигенция и представляет собой рабочие резервы любого государства и только интеллигенция способна на добровольный отказ от Эгозащиты, потому что он требует не "рабочего воспитания", а соответствующего развития умственных способностей и знаний. Вот посмотрите на знакомого вам Бертрана Рассела – разве его к добровольному отказу от своего наследства принудила диктатура пролетариата? Разве он добровольно посвятил свою жизнь служению человечеству под давлением рабочего авангарда? Разве не стало это его сознательным решением, выработанным высоким интеллектом и всесторонней образованностью?

Поэтому ваша теория государства, которая на словах провозглашала стремление к уничтожению государства и всякого насилия стала настоящей ловушкой насилия: избавляясь от интеллектуалов, как от врагов народа, не желающих принимать тупые догматы как истину, и в тоже время ожидая времен, когда крестьяне начнут отказываться от Эгозащиты по наущению авангарда пролетариата – вы сделали свое государство диктатуры пролетариата бесконечным, потому что при таких условиях Эгозащита никогда не будет снята, и "условия элементарной общественности" никогда не будут приняты.

Я уже не говорю о том, что снять Эгозащиту можно только посредством знания законов Психической энергии, которая полностью опровергает постулаты марксизма с его нелепой классовой борьбой и общественной эволюцией как развития производственных сил.

Что же касается определения государства – то конечно, оно есть что угодно, но только не машина для насилия одного

класса над другим. Во-первых, государство, как и человек, бывает здоровое и нездоровое в зависимости от того, представлено большинство здоровыми людьми или людьми с Эгозащитой, и прежде чем, делать какие-то выводы, надо всегда точно указать какой тип государства имеется в виду. Здоровое государство – это общее Я человечества, представленное единым полем КТ – то есть пониманием, искренностью, любовью, сочувствием, совестью, справедливостью - , а также единым Интеллектуальным контролем, то есть разделением труда в общей задаче овладения доступом к силам космоса. И называть этот организм человеческой энергии – машиной насилия просто кощунственно.

Но даже нездоровое государство не является машиной насилия, хотя и основано на гомеостазе ДТПЭ – подчинения Влюбленностей Самолюбиям. В вашей трактовке такое государство предстает сознательным механизмом по угнетению кого-то, но на самом деле это спонтанное образование, рождающееся в обществах с активной Эгозащитой и не сломанным гомеостазом детерминированного тока психики. Конечно, вы абсолютно правы в том, что очень вредное образование, но выход совсем не в том, чтобы переносить это вредное образование на здоровое общество и хвастать тем, что мы побили эксплуататоров и теперь сами стали их угнетателями, запустив "машину насилия" против них. Чем же тогда мы отличаемся от них? Выход как раз в переходе к здоровому государству, в котором нет и тени насилия, при том, что это самое сильное государство какое можно вообразить.

- Расскажите ей Бертран о своих впечатлениях в России. Я помнится читал вашу книгу и нашел ваши отзывы в основном объективными и благожелательными. Вам она поверит.

- Мои выводы касались вашей личности и социализма как теории общественного устройства и я все еще стою на том, что вы хоть и заблуждались в методах, но искренне желали счастья России. Я постарался быть максимально объективным и даже немного предвзятым в вашу сторону, потому что мне не хоте-

лось радовать своих капиталистов полным провалом всех моих иллюзий связанных с российским большевизмом. Я долго думал писать или не писать, потому что если писать – то правду, а правда была не в пользу социализма, который я всю жизнь пытался найти в какой-нибудь человеческой форме. Потом я написал "Теорию и практику большевизма", но высказал там только общие мысли и в каком-то смысле апологию

Но мои реальные чувства я высказал много позже в своей биографии. С тех пор ничего не изменилось, так что если вы хотите услышать я просто процитирую:

" Мне показалось время, которое я провел в России одним нескончаемым кошмаром. Я выразил в печати результаты своих размышлений по поводу большевизма, но я не ничего не сказал о чувстве всепоглощающего ужасе, которое переполнял меня все время, пока я там находился. Жестокость, нищета, подозрительность, преследования наполняли весь воздух которым мы дышали. Все наши беседы прослушивались. В середине ночи раздавались выстрелы, и мы знали, что это убивают в тюрьмах идеалистов. Все лицемерили, притворяясь равными и всех называли "товарищами", но удивительно как по разному можно произносить это слово в зависимости от того обращаются к Ленину или же к ленивой прислуге. Однажды в Петрограде (так он назывался тогда) четыре пугала в тряпье, с заросшими щетиной лицами, грязными ногтями и спутанными волосами пришли меня навестить. Они оказались четырьмя наиболее знаменитыми поэтами России. Одному из них было позволено зарабатывать на жизнь преподаванием рифмы, но он жаловался что они настаивали что он должен делать это с марксистской точки зрения, и что он под страхом смерти не может вообразить, как бы Маркс подошел к рифмованию. Таким же оборванным оказалось общество математиков Петрограда. Я посетил собрание этого общества на котором зачитывали доклад о неевклидовой геометрии. Я ничего не понял, кроме формулы, которую он написал на доске, но формула была написана верно, так что можно было заключить, что доклад был компетентным. Никогда в Англии я не

встречал бродяг которые выглядели бы такими униженными как математики в Петрограде. Мне не позволили увидеть Кропоткина который вскоре умер. Управляющие классы имели тот тип самоуверенности который у нас соответствует самоуверенности выпускников Итона или Оксфорда. Они верили, что их формула решит все трудности. Наиболее умные понимали, что это не так, но не смели в этом сознаваться. Однажды, во время беседы тет-а-тет с одним физиком по фамилии Залкинд, он стал говорить что климат оказывает сильное влияние на характер, но в тот же момент он осекся и сказал: конечно же это не так; только экономические причины могут влиять на характер". Я чувствовал, что все что я по настоящему ценил в человеческой жизни было разрушено поверхностной и узколобой философией, и что это повлечет несчастье миллионов людей. С каждым днем, который я провел в России, мой ужас нарастал, пока я наконец полностью не лишился душевного равновесия"

Вдруг я почувствовала как все напряглись и спрятали глаза, словно не хотели кого-то замечать. Я обернулась и увидела Гитлера, которого невозможно было не узнать. Холодная дрожь пробежала по моему телу при виде этого монстра всего в нескольких шагах от меня. Бертран потом говорил мне, что Гитлеру все порядочные люди объявили бойкот на Олимпе, но никто не мог воспрепятствовать ему приходить на политические дебаты, которыми тот был болен еще при жизни. Часто его появление заставляло всех расходиться, если дискуссия не была очень интересной.

- Серьезная пропаганда существует не для того, чтобы удовлетворять потребность пресыщенных интеллигентов в интересном разнообразии, а для того, чтобы убеждать прежде всего широкие массы народа. – он явно был в курсе содержания нашей беседы. - Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигентами, нужна не пропаганда, а научные знания. Как рекламный плакат сам по себе не является искусством, так и пропаганда по содержанию своему не является наукой. Все искусство плаката сводится к умению его автора

при помощи красок и формы приковать к нему внимание толпы. То же в известной степени можно сказать относительно пропаганды. Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование немногим отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступным ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события, необходимости, о которых масса до сих пор не имела и понятия. Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т. д. Вот эту простую, но и великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным образом. И вот, так же как в нашем примере с плакатом, пропаганда должна воздействовать больше на чувство и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум. Дело идет о том, чтобы приковать внимание массы к одной или нескольким крупным необходимостям, а вовсе не о том, чтобы дать научное обоснование для отдельных индивидуумов, и без того уже обладающих некоторой подготовкой.

Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды. И уж во всяком случае не тем, насколько удовлетворены постановкой пропаганды отдельные ученые или отдельные молодые люди, получившие "эстетическое" воспитание.

Задача пропаганды заключается, например, не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту. Задача военной пропаганды заключается в том, чтобы непрерывно доказывать свою собственную правоту, а вовсе не в том, чтобы искать объективной истины и доктринерски излагать эту истину

массам даже в тех случаях, когда это оказывается к выгоде противника.

- Какая неслыханная мерзость! – вскочил Томас Пейн со своего места. – Только мы избавились от церковных химер, порабощавших человеком посредством такой вот пропаганды, как народился этот урод с его отвратительными методами "пикапа" в отношении черни. Каков цинизм! Они даже не хотят скрывать, что избегают интеллигенции только потому, что на ней не построишь диктаторской власти!

- Да, именно о таком тупоумии я и писал в "Образовании и здоровом обществе", - ответил ему Рассел, - Диктаторы предпочитают действовать на чувства и воспитывают тупость в детях, чтобы можно было подчинить их своей воле.

А ведь именно такая исключительно объективная позиция отличала всегда Рассела во время обеих мировых войн, когда он прямо заявлял, что глупо притворятся, как будто все немцы негодяи, или говорил, что жестокости имели место со всех сторон. И именно Рассел настаивал на создании абсолютно объективных учебников истории международными комиссиями ученых для того, чтобы избежать какой-либо национальной субъективности и апологии. Насколько Расселу были ненавистны пропаганда и субъективизм, настолько они были симпатичны Гитлеру.

- Я догадываюсь, что вы тоже евреи – ничем другим невозможно объяснить ваш противоестественный пацифизм, противный природе. Только дурачки-пацифисты могут верить в то, что можно добиться процветающего общества самодостаточным государством, без порабощения других рас. – развернулся он ко мне, явно критикуя мою теорию. – И здесь я поддерживаю Ленина на все сто процентов. Интеллигенция поставляет только плакальщиков по покойникам – это лучшее выражение Ленина! Кто хочет жить, тот должен бороться, а кто в этом мире вечной борьбы не хочет участвовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь! Пусть это жестоко, но это так! И хотя мне смешно слушать о вечной классовой борьбе марксизма, они по крайней мере правы в том, что только глупенькие либералы могут думать о

добровольной уступке власти. На самом деле борьба идет между расами, а не между классами: вот вам еврейский ум, Маркс, готовый посвятить свой Капитал Дарвину, не понял основной его идеи! Евреи слишком хорошо знают нашего брата немца, они прекрасно понимают, что средний немец легко попадается на удочку того шарлатана, который сумеет ему доказать, будто найдено всеспасающее средство внести поправки к законам природы и сделать излишней жестокую безжалостную борьбу за существование. Такой средний немец охотно слушает, когда ему доказывают, что господином планеты можно стать и без тяжкого труда, а просто при помощи ничегонеделания.

Необходимо подчеркнуть со всей силой: всякая внутренняя колонизация в Германии должна иметь в первую очередь задачей лишь устранение известных социальных зол и прежде всего устранение всякой спекуляции землей, но никогда внутренняя колонизация не будет в состоянии обеспечить будущее нашей нации без новых территориальных приобретений.

Если мы будем поступать иначе, то в кратчайший срок мы исчерпаем не только наши земельные территории, но и наши силы вообще.

- Ничегонеделание – это когда такой балбес и лентяй как ты, который не хочет учиться и получать профессию мечтает днями и ночами о том, как бы ограбить соседей и зажить на их трупах счастливо! – вскипела наконец и я. – Ничего неделание – это игрушки в героев и воинов, а серьезный труд – это профессионализм и учеба. Конечно, если отказаться от интеллигенции, то невозможно будет прожить самодостаточным трудом и будут требоваться все новые и новые рабы, потому что источник человеческого богатства в Интеллекте. И богатство это величиною с космос – никогда человек не потребит всего, что дал в его полное распоряжение Господь Бог, а будет только упражнять свою способность в контроле, которая составляет смысл его жизни. Все, кто презрительно фыркая, исключают интеллигенцию как базисную силу государства неизбежно превратятся в нищих попрошаек или будут на голову разбиты подобно тому, как про-

изошло с тем жутким движением, которое вызвало твое промывание мозгов бедным людям.

И все кто сравнивает ресурсы человеческой энергии с ресурсами животного мира – сравнивает силу космоса с силой животного. Человек не просто самодостаточен – он изобилен, а война требуется не для решения экономических или политических задач, а исключительно для течения паразитического тока по интеллектуальной энергии человека. Другими словами, только больным людям, которые давно уже превратились в зомби, в живых мертвецов, и теперь жаждут крови других людей.

К моему удивлению в этот момент к Гитлеру вплотную подошел Ницше и с маской глубокого презрения, застывшего на его лице сказал:

- Если кто-то и мог открыть мне глаза на всю бредовость моего прославления зла эгоизма в поисках величия – так это ты! Что может быть хуже чудовища-антисемита? Ты отвернувшийся от истины, и объективности, а кому же не надоело уже до смерти все субъективное с его проклятым крайним солипсилюбием? Тьфу, среди отребья казаться первым!

Он круто развернулся и ушел. Тут все сбежались к Сартру, которому вдруг стало плохо, и я подумала, что это конечно, приступ "тошноты", описанный в его романе, который на самом деле есть страх, дереализация и деперсонализация от удара по Эго. Ну конечно, его интеллектуальную. Эгозащиту поколебали и у него прошел Удар по Эго. Но ведь избавление от Эго состоит как раз в том, чтобы его разбить – правда под контролем Интеллекта. Ах, если бы он послушал Кьеркегора, всегда говорившего ему что спасение в том, чтобы потерять свое Эго, чтобы потом найти Я. Но он не слушает - ни за что на свете не хочет он отказаться от Эгозащиты, а в результате терпит эти жуткие приступы кататонии. Да еще старается навязать свою Эгозащиту другим, чтобы не было так одиноко и так страшно.

- Так я все же не понял, - обратился ко мне Цезарь, когда Сартра благополучно проводили в его комнату и Гитлер наконец оставил нас одних, - каким образом теория ПЭ позволяет

предотвратить зависть? Неужели тот факт, что всеми будут одинаково управлять знания объективной природы человека и космоса упразднит различия между людьми до такой степени, что не будет больше худших и лучших, что те кто меньше знает и меньше может не будут завидовать тем, кто знает больше, кто более талантлив как ученый?

- Нет, всеобщий переход на поле КТ конечно же не устранит полностью различий в степени одаренности между людьми. Хотя он устранит различия в так называемом "характере". Ведь характер – это всего лишь тип болезни личности – цикличное ДТПЭ дает оппортунистический характер конформизма, шизоидное ДТПЭ дает склонный к аутизму бескомпромиссный характер противостояния со средой.

Здоровые люди идентичны настолько насколько идентично поле КТ и Интеллектуальный Контроль у всех, что выражается в общем Я человечества. Это проявляется в понимании друг друга, которое сейчас редко даже в семьях, в знании наперед, что другие люди также нетерпимы к несправедливости, подлости и насилию, что они не способны выносить несчастья друг друга и стараются во всем друг друга поддерживать и тп. Вся эта эмоциональность поля КТ – идентична для всех здоровых людей, так как это и составляет ее закономерности. Точно также обстоит дело и с Интеллектом – знания едины для всех, так как они составляют едино Пространство Интеллекта, в котором движется Контрольный Ток ПЭ.

Но все же остаются различия в степени одаренности. Это значит, что кто-то будет чувствовать тоньше и острее, что творческие способности будут разнится, что способность к абстрактному мышлению у кого-то будет выше, а у кого-то ниже, и как следствие, кто-то будет работать быстрее, эффективнее и качественнее, чем другие.

Но все это не может вызвать ничего кроме восхищения и благодарности в сердцах здоровых людей, даже если они одарены от природы меньше. Ведь даже ваша жизнь, Гай Юлий, показала, что ваша одаренность шла только на щедрые подарки

своим соплеменникам, как и у Александра, и что вы ничего не оставляли себе, кроме самой работы. Хотя в античности она и приняла вид войны, невозможный при современном уровне развития науки, тем не менее, у вас несомненно просматривается очень щедрая одаренность КТ.

Одаренные здоровые люди – это не больше не меньше дополнительный источник энергии для всех окружающих, так что завидовать самим себе почину не будет. Более того, зависть происходит больше от несчастливости людей, чья энергетика поражена Эгозащитой, поскольку ДТПЭ не способен дать стабильного равновесия психики, отвечающего за ощущение счастья. Болезненность его гомеостазов – нормальных и сломанных – превращает людей в комки непреходящей боли, и оттого все остальные существа, особенно те, кто кажется им более успешным вызывают у них жгучую зависть и злорадство при виде их поражения.

Самого обычного здоровья КТ, очищенного от ДТПЭ, безо всякой особенной одаренности, будет достаточно, чтобы устранить это состояние перманентной несчастливости, и дать людям устойчивый баланс Пространства Интеллекта. Радость профессионализма, счастье дружбы позволят видеть в более одаренных людях только таких же счастливых людей, только с большей отдачей и с большей концентрацией на работе.

Когда уже все собрались расходиться, Бертран обратился ко мне публично, давая понять, что истина превыше всего.

- Лейла, я тебе уже говорил, что в целом мне не просто интересна твоя теория, но она как-то все ставит на свои места, давая наконец успокоение после стольких лет тщетных поисков.

Но у меня возникли опасения из-за того как ты настаиваешь на единой истине: не станет ли эта теория очередным догматизмом наподобие марксизма. Это было бы ужасно. Мне бы никогда не хотелось пережить второй раз то, что я тогда пережил в России. Ты знаешь, догматизм – это могила всякой науки.

- Знаю, конечно. Вред, нанесенный марксизмом гораздо шире несчастья одной страны. Марксизм превратил понятие еди-

ной научной истины в клоунаду из-за формальной связи между теорией и практикой. Догматизм отличается от единой истины систем законов природных энергий отрывом от практики, от обратной связи с энергиями. В случае с марксизмом все так плохо именно потому, что на словах эта связь клятвенно утверждается, а на деле полностью отсутствует: потому как связь с практикой может обеспечить только теория имеющая дело с какой-либо природной энергией, и доказывающая свою верность доступом к силе этой энергии.

Таким образом, догматизм – это могила науки, а единая истина системы законов природной энергии – это единственный способ научного контроля.

- Пусть так. Меня, признаюсь, поражает оригинальность этих рассуждений, и я даже несколько разочарован, что не смог сам до этого додуматься. Но меня все равно терзает сомнение вот по какому поводу: даже если допустить, что мы будем надежно защищены от догматизма обратной связью с практикой путем доступа к силе ПЭ, то не кажется ли тебе обеднением духовной сферы отказ от всех противоречивых теорий, только потому, что они не отражают истину? Я хочу сказать, что помимо истины, они ведь несут некий художественный и даже литературный смысл, что они обогащают нашу духовность даже как простое умственное упражнение, как гимнастика. И было бы очень жаль раз и навсегда отказаться от этой красоты просто потому, что доказана ее научная непригодность.

- Я как всегда восхищена и вашей проницательностью и вашей ненасытной жаждой духовной широты. Вы абсолютно правы, как духовная гимнастика все эти теории будут просто необходимы: невозможно объяснить людям все значение для науки единой истины законов природы, не предложив им прежде размять мозги бесчисленными противоречивыми теориями.. Поэтому все эти теории несомненно останутся в истории развития человеческой мысли как памятники культуры, в этом не может быть никакого сомнения.

Единственное ущемление в правах, которое они потерпят – это приоритетность подачи материала подрастающему поколению. Сначала необходимо подать простую, доступную информацию о законх психики, и научить легко находить в себе поля КТ и ДТПЭ и фиксировать свое внимание на механизмах этих полей. Научить их отделять эти поля друг от друга и понимать энергетическое значение своих душевных процессов. И только после того, как они овладеют этой наукой и будут защищены от активизации Эгозащиты метафизическими бреднями, им можно и нужно подавать в качестве гимнастики все выработанные историей социальные теории. Боюсь, правда, что интерес к ним проявится только у людей вашего уровня одаренности, потому как обычные люди мало интересуются абстрактными построениями, не имеющими отношения к действительности.

Мне ответил Байрон декламацией одного из самых красивых мест Дон Жуана:

- Нам новый век узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мирозданья,
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье!
Да будет навсегда погребено
Презренных этих лет воспоминанье!
Забудьте кровожадных дикарей,
Кичившихся жестокостью своей!
Пускай же разукрашенные троны
И все на них сидевшие царьки
Вам чужды, как забытые законы,
Как тайных иероглифов значки
На древних обелисках фараона,
Как мамонтов огромных костяки;
Вы будете глядеть в недоуменье
Могли ли жить подобные творенья!

- Наши борющиеся партии готовят две постановки, - улыбнулся мне Цезарь, совершенно меня осчастливив, - Партия Шекспира представляет "Страдания юного Вертера", а Партия

Байрона "Дневник соблазнителя Кьеркегора". Вы нас очень обяжете.

Рассела он не приглашал по той простой причине, что Бертран был своим в театре Цезаря, и мог сам раздавать приглашения. Я прослезилась от умиления, обещала быть непременно и потом долго переживала, что наверняка имела преглупый вид.

- А я думаю, что эта система приведет в конечном итоге к тому, что мой уровень одаренности перестанет быть редкостью, - ответил мне Рассел, когда мы уже шли к себе. – Потому что, он гарантирует выживание шизоидов. Теперь я понимаю, почему мой сын погиб от распада психики. Я не смог его защитить от Эгозащиты, а ведь именно этому я посвятил все свои усилия! Так что Кэт только в том, меня упрекает в своих мемуарах, что я навязал им отказ от себялюбия. Но ведь на самом деле я говорил об отказе от Эгозащиты, вот что печально.

Он глубоко задумался, и все время моего пребывания в Чистилище уже не выходил из этой печальной задумчивости.

ГЛАВА 11. ТЕАТР ЦЕЗАРЯ-ШЕКСПИРА

По уровню энергетического благополучия Театр Цезаря-Шекспира стоял на втором месте после партии Рассела-Эйнштейна, в которой сосредоточились все крупнейшие ученые человеческой истории. Связанно это было с тем, что театр собрал все выдающиеся одаренности в области искусства, которые, как известно также часто бывают склонны к мышлению, как ученые к художественному творчеству – ведь уровень одаренности происходит от силы поля КТ.

Здесь собрались самые знаменитые писатели и поэты – Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Вергилий, Гораций, Овидий, Плутарх, Данте, который был также любим в шекспировском театре, как и в своем, сам Шекспир с супругой – граф и графиня Ретланд, Вальтер Скот, лорд Байрон, Перси Шелли, Томас Мур, Уильям Блейк, Блок, Гете, Вольтер, Сервантес, Лопе де Вега, Пушкин, Лермонтов, Александр Дюма, Бальзак, Свифт, Гоголь, Флобер, Стендаль, Жорж Санд, Генрих Манн, Томас Манн, Стефан Цвейг, Джон Голсуорси, Джером Селинджер, Диккенс, Марк Твен, Теккерей, Эрих Ремарк, и многие другие.

Здесь также нашел себе приют цвет композиторов, певцов и танцоров: Моцарт, Вагнер и Козима, Бетховен, Брамс, Бах, Штраус, Вивальди, Чайковский, Мендельсон, Шопен, Высоцкий, Леннон, и даже Майкл Джексон. Великие художники – де Винчи, Эль Греко, Босх, Микеланджело, Пикассо, Тициан, Рубенс, Моне, Ренуар, Ботиччели, Церетели и др.

Такой фонд колоссальной творческой энергии не мог не сказаться на энергетических запасах обитателей театра, которые считались самыми богатыми после ученой элиты, часто посещавшей музыкальные и литературные постановки театра.

Помимо страсти к музыке и к живописи, шекспировцы также почти все до единого были страстными политиками, как мы могли убедиться на собрании античных и современных героев в Зале Любви и Свободы. Каждый из них мечтал разобраться во всем существующем хаосе политических теорий и найти истину, которая обобщила бы все, что было в них правдиво и отсеяло весь вздор, которыми они также были полны. Но пока это никому не удавалось и поиски продолжались. Если другие науки оставались большинству не по зубам, то социальными науками увлекались все и все старались найти истину в виде своей собственной теории, выведенной из знакомства историей этих наук. Так, стимулируемая интересом к политике умственная активность становилась одной из главных статей энергетического дохода шекспировцев.

Тем не менее, и этому театру не удалось избежать серьезных бессмысленных трат энергии, которые и поставили их на второе место, и даже привели к периодическим энергетическим кризисам, когда усердно накапливаемые запасы энергии могли вдруг одной вспышкой гнева быть спущены в никуда, перессорив всех обитателей до скорого нового примирения. Такие ссоры случались довольно часто и постоянно бродили в мирные периоды, несмотря на античный культ Дружбы, связывавший "золотую молодежь" театра самыми сентиментальными узами взаимного восхищения, преданности и любви.

Стычки и споры провоцировались страстной позицией поэтов в отношении того, как они понимали Любовь – основной сюжет своего творчества. Для кого-то Любовь была щедрым источником энергетического дохода, а для кого-то - столь же громадной статьей расхода. И обитателям цезаревского театра никак не удавалось прийти к единому мнению – какая же Любовь пагубна, а какая благотворна, ибо с заключениями платоновского "Федра", Дантевской позиции о том, что считать любую любовь благотворной – "печально", с разделением Спинозой любви, которая нас убивает, и другой "благодаря которой мы сохраняемся", с выводами Фромма в "Искусстве любви" – здесь все были со-

гласны. Никто не думал оспаривать положение о том, что Любовь не только не однозначное явление, но что она может воздействовать на энергетику прямо противоположным образом – либо пожирать силы и превращать человека в нищего духом труса и дурака, либо напротив, обогащать, увеличивая запасы интеллекта и великодушия почти беспредельно.

Немудрено поэтому, что дебаты о том, какая именно Любовь является благотворной, а какая вредит стали жизненной осью театра, вокруг которой вращалась вся жизнь его обитателей. Все постановки имели своей целью доказать, что благотворная Любовь найдена, и именно ее представляет данный спектакль.

Очень скоро, как это часто бывает, все общество театра разделилось на две противостоящие группы, по разному понимавшие существо Благотворной Любви. Первую группировку возглавил Ретланд-Шекспир, вторую группировку – Байрон. Один отстаивал идиллическую любовь Ромео и Джульетты, другой говорил, что в Любви как и в политике главный идеал Свобода, и что Любовь в этом смысле ничем не отличается ни от дружбы, ни от государственных и хозяйственных отношений, ни от каких-либо других отношений между людьми. Конечно же группа Ретланда-Шекспира не могла смириться с такой постановкой вопроса: ясное дело, что Любовь – самое прекрасное и возвышенное чувство на свете, что она божественна и не может быть сравниваема ни с каким другим человеческим чувством. И каким образом, свобода может составлять существо этого божественного чувства, если основа основ его – неспособность существовать любимых друг без друга, то есть абсолютная зависимость друг от друга? И уж конечно, это не может быть Свобода в байроновском смысле – как свобода изменять, поскольку верность и вечность есть другая основа основ этого божественного чувства. Нет, не существовало ни единого шанса на примирение у этих двух враждующих точек зрения. Между тем, это вовсе не означало, что представители различных точек зрения на любовь были друг другу врагами. Нет, конечно, иначе они бы разделились на отдельные театры: они любили друг

друга, уважали произведения друг друга, конечно, частенько злились во время дебатов, но это не мешало им оставаться друзьями. По крайней мере, большинству из них. Недаром ведь, они действительно были великими людьми.

Группировку Роджера Ретланда составили Данте, Гете, Вальтер Скот (который очень любил Байрона, но истина оказалась дороже), Пушкин, Достоевский, Дюма, Блейк, который обожал Данте настолько, что даже последний день жизни посвятил работе над репродукцией из "Божественной комедии", сестры Бронте, Лопе де Вега, Руссо, "Новая Элоиза" которого считалась наряду с "Ромео и Джельеттой" и "Страданиями Вертера" классическими произведениями шекспировцев. Даже Шекспир старается смотреть на влюбленность Ромео с юмором ""Ромео! Сумасшедший обожатель! Скажи "увы". Срифмуй "любовь" и "кровь". А Руссо без тени иронии пишет о "литрах крови", пролитых на пути разлуки с любимой К тому же Руссо, несмотря на симпатию, которую Байрон питал к нему лично, испытывал к его Дон Жуану то несправедливое чувство брезгливости, из-за которого он в свое время столько выстрадал, не умея защитить себя в упреках в "аморальной заразе".

Толстой в этом вопросе не поддержал своего лучшего друга и кумира юности. Он одинаково неприязненно относился к обеим партиям. Шекспира он не любил не только потому, что вообще не любил стихов, считая их извращением нормальной человеческой речи, но и из-за насаждения романтики, столь же пагубной для трезвого ума. А к Байрону он питал те же предрассудки, что и Руссо, называя "дон-жуанами" лоботрясов и развратников.

" В Шекспировом саду неувядаемом
Есть маленький цветочек; повинюсь
Перед кумиром, всеми почитаемым, -
Я к лепесткам прекрасным прикоснусь!

Так робко приступает Байрон к штурму поэтической романтики, зашлаковывающей душу образами Эгосистемы.

К приверженцам байроновской позиции можно было отнести: прежде всего Кьеркегора, знаменитого своим "Дневником

соблазнителя", затем его друг Перси Шелли, с такой же печальной судьбой, как у него самого, Вольтер, которого Байрон очень высоко ценил при жизни, Свифт, Сервантес, высмеявший романтическую любовь в образе Дульсинеи Табосской, Лермонтов, Гоголь, который после личной неудачи в любви мог писать о ней только комедии. Наконец, Цезарь и Александр также негласно заняли позицию Байрона, будучи нерасположенными по своему греческому воспитанию отводить женщине, слишком значительную роль, а тем более любви к женщинам – место основной жизненной мотивации.

Так, Цезарь и Шекспир – оказались условными именами двух основных группировок театра, из которых собственно и состояло все существо духовной жизни театра. Противоборство между поклонниками романтики и сторонниками свободной любви было сосредоточено уже в названии театра, хотя конечно имя Байрона выразило бы это противоборство рельефнее, ибо Цезарь по большому счету не был вообще поклонником какой-либо любви, кроме любви к власти и свободе. И тоже самое можно было бы сказать об Александре.

Несмотря ни на что – Александр и Цезарь оставались кумирами не только своего театра, но и всего Олимпа. Конечно, были такие, кто не ставил их ни в грош, и даже едва слышал об их существовании даже на Олимпе среди самых образованных людей, но это были считанные единицы. Большинство же выросло с легендой о великих подвигах двух великих мужей античности на устах, и привыкло ассоциировать героизм с этими двумя именами. И сами они ощущали эту атмосферу всеобщей влюбленности и благодарили небеса за свою судьбу, ибо эта любовь питала их энергией и заставляла светиться ярче других. Наполеон делал отчаянные попытки стать "третьим мушкетером" с самых первых дней своего прибытия, как только у него прошел шок от осознания того, где он очутился. Но все понапрасну: античные герои не захотели признавать его своим, всецело соглашаясь с характеристикой данной ему Байроном: "безумец, не ведал что творил, погубил миллионы

жизней ни за что, униженный и все еще живой". Помимо всего прочего, когда они пытались найти с ним общий язык и принять в свою компанию, Наполеон вдруг становился несносно высокомерен и вел себя с ними так, как с Папой Римским на своей коронации, у которого он выхватил из рук корону и сам одел себе на голову, вместо того, чтобы принять ее от старца на коленях. Этот поступок был одним из множества, инкриминируемых ему театром Цезаря. Разве можно проявлять неуважение к Богам и к их представителям, какие бы личные чувства ты не питал к людям, одевших на себя символы Бога? Разве можно унижать представителя Бога там, где речь идет только о символе уважения самому Божеству, а не о конкретной уступке данному лицу? И здесь, этот надменный тон, который он считал нужным принимать при общении с ними, окончательно отвратил их от него. "Безумец", – таков был общий приговор. Зато Байрон, совсем не прилагая усилий для этой чести, неожиданно для себя стал любимцем знаменитой античной четы, чем вызвал лютую ненависть Наполеона. Только этого бесшабашно отважного малого, несмотря на свою хромую ногу переплывшего Геллеспонт, отдавшего лучшие годы жизни на освободительные войны в Италии и в Греции, они ощущали как продолжение самих себя, всегда отчаянно рисковавших жизнью, и покоривших себя строгой самодисциплине. Правда, Байрон воспевал свободу, но ведь и они изменились со временем: какой дурак стал бы сейчас выходить с мечом, или с любым другим оружием завоевывать мир? Не только горькая участь показала им их глупость, но и общественный прогресс, который имел место со времен их ухода с земли. Прогресс, который сделал очевидным, что война способна дать только один результат – всеобщее уничтожение, и только мирное сотрудничество гарантирует колоссальную силу контроля космоса. А их целью всегда была сила, и ошибались они только в том, что увидели силу в войне. Сейчас они это поняли и стали такими же отчаянными миротворцами, как Байрон и Рассел.

Цезарь и Помпей опять стали родственниками и друзьями, как в начале своего знакомства, когда Цезарь выдал за Помпея свою дочь Юлию, поскольку им больше нечего было делить, а они всегда уважали друг друга как личности. Октавиан также выдал сестру за Антония в надежде, что она скрепит их союз, но Антоний предпочел любовь Клеопатры и жизни и чести, и бросив все, уехал в Египет воевать со всем миром за свою царевну. И эти друзья вновь воссоединились на Олимпе, создав большую семью Цезаря, в которой все особенно любили Марка Аврелия. Марк завидовал Цезарю, чей племянник и сын оказался таким славным наследником, его сын Комод опозорил его на земле и продолжал позорить его в чистилище, став одним из лидеров партии Сада.

Бывало они соберутся все вместе у телевизоров и смотрят современные земные боевики с Брюсом Уиллисом, Шварцнегером или Сталлоне. И такой хохот стоит во всем театре, что все соседи знают: золотая молодежь смотрит боевик. Так смешно было смотреть Александру, Цезарю, Помпею, Спартаку, марку Аврелию, Антонию, Октавиану как Брюс Уиллис только с одним маленьким автоматиком спасает целый мир. А они дураки собирали миллионные армии! Как же им после этого не посмеяться над собой и над своими идеалами, когда они свято верили, что только война доказывает силу, доблесть и мужество и бесстрашно сходились с ратью врага врукопашную. В чем же был смысл их полной тягот жизни, если научный прогресс показал, что силой ума человек способен совершить все их подвиги без малейшего усилия воли и мышц, одним нажатием клавиши. Теперь становилось ясно как белый день, что война несет только разрушения, и не может даже считаться показателем храбрости и силы. Вот где потерянную веру в самих себя помогала пережить неизвестно откуда взявшаяся всеобщая любовь олимпийцев.

Руссо, Толстой и Байрон очень возмущались тем, какие жуткие последствия имеет для земли изобретение телевидения. Руссо смеялся сквозь слезы, говоря, что он то считал опасным светское воспитание, которое возбуждает в детях тщеславие и

страсть к войне и славе, к роскоши и почестям, к ненасытным "наслаждениям" плоти. А теперь на земле используют уже не просто светские авторитеты для того, чтобы засорять детям головы таким хламом, а миллиардный кинобизнес работает на "фабрику грез", вся суть которой сажать людей "на иглу" Эгонаркомании и потом собирать бешеные прибыли со страдающего зависимостью к их пошлым картинкам населения. Ведь поле Эгосистемы также хорошо поддается эффекту болезненной зависимости, совмещенной с краткими пиками экстаза, как и организм, и в этом смысле нет никакой разницы между воздействием на организм кокаина или героина и воздействием на психику притяжения Самовлюбленности, провоцируемого кинобизнесом. Байрон, который так много возмущается пропагандой войны и насилия в свете, и поддерживает Руссо, также был шокирован тем, во что вылилась культура на земле в образе современной кинопродукции, прославляющей вооруженных до зубов героев.

"О, гордые сраженья Бонапарта!
О, доблестные тысячи убитых!
О, слава Леонида, слава Спарты!
О, слава полководцев знаменитых!
О, Цезаря великолепный дар, - ты,
Доселе в "Комментариях" избитых
Горящий! Всех вас я хочу просить
Прощальным блеском Музу осенить.
Зачем я говорю: "прощальным блеском"?
Затем, что каждый век и каждый год
Герои с новым шумом, с новым треском
Военной славой потчуют народ.
Но тот, кто честно, искренне и веско
Оценит их заслуги, - тот поймет:
Все эти мясники друг с другом схожи
И все дурачат разум молодежи"

Даже с этими стихами Байрона теперь уже здесь никто не спорил, полностью признавая их справедливость.

Но вернемся к нашим любовным партиям.

Чтобы нам было проще разобраться в споре между партиями Шекспира и Байрона, необходимо совершить небольшой экскурс в теорию Психической энергии и рассматреть с позиций законов ПЭ, кто прав, а кто ошибается.

Прав, несомненно был Эрих Фромм, когда говорил в своей книге "Искусство любви", что воспеваемая в поэзии "великая любовь" есть не более, чем болезненное состояние психики, далекое от любви здоровых людей.

«Одна из форм псевдолюбви, довольно распространенная и часто воспринимаемая (и еще чаще описываемая в кинокартинах и романах) как «великая любовь» - любовь идолопоклонническая. Если человек не достиг того уровня, когда он осознает себя, свою индивидуальность, коренящуюся в плодотворном развитие собственных сил, то он склонен «боготворить» любимого, делать из него кумира. Он отчуждается от собственных сил и направляет их на любимого человека, которому он поклоняется как наивысшему благу, как носителю всяческой любви, всяческого света, всяческого блаженства. Тем самым он лишает себя ощущения своей силы, теряет себя в своем любимом, вместо того, чтобы обрести себя. Поскольку обычно никто не может в течении долгого времени удовлетворять ожиданиям того, кто ему поклоняется рано или поздно наступает разочарование – и чтобы утешится человек ищет себе нового идола и так порой до бесконечности. Для такой идолопоклоннической любви особенно характерно бурное и стремительное начало любовного переживания. Идолопоклонническую любовь часто изображают как настоящую , сильную любовь; но «сила» и «глубина» такой любви свидетельствует лишь об эмоциональном голоде и отчаянии идолопоклонника» Искусство любить Фромм

Отсюда легко видеть насколько научная позиция ближе байроновской позиции, который также верно указывал, что поэтическая любовь несет большой вред для психики.

"Когда прелестно и медоточиво

Поют поэты о любви своей

И спаривают рифмы прихотливо,
Как лентами Киприда - голубей,
Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений.
Но я и не хочу изображать
Любовные дела в приятном свете,
Я буду строго факты излагать,
Имея поучение в предмете;
Моралью буду я опровергать
Мечты и страсти пагубные эти,"
Байрон Дон Жуан

· Самовлюбленность ДТПЭ – притяжение наркотической зависимости "Романтической любви"

Третье притяжение ДТПЭ – Самовлюбленность. Его особенность в том, что в отличие от Самолюбия и Влюбленности, которые ищут равновесия друг у друга, Самовлюбленность есть попытка найти избыток энергии, больше необходимого равновесия, которое есть просто утоление голода. И конечно на ДТПЭ подобные попытки всегда иллюзия, и очень болезненная иллюзия, поскольку избыток энергии есть только у Контрольной энергии природы, тогда как все детерминированные токи существует лишь временными равновесиями.

Чтобы эмоционально ощутить разницу между Самолюбием, Влюбленностью и Самовлюбленностью, представьте себе двух боссов – мужчину и женщину, которые собираются на деловую встречу друг к другу. Каждый из них прежде чем отправиться решает какие то вопросы со своими служащими, которыми гнут спину и лебезят перед ними, как это обычно бывает в общении с боссами. Здесь вы видите яркий пример Самолюбия боссов и Влюбленности слуг, соединение которых дает хоть хрупкое, но ощущение равновесия обеим сторонам: боссы удовлетворяют свою потребность во власти, служащие свою потребности в защите и безопасности.

Теперь перенесемся на встречу боссов. Наша кокетка понравилась мужской особи и они активно флиртуют. Все ладится настолько хорошо, что даже интересы бизнеса отошли на второй план: каждый только думает насколько привлекательно он выглядит и сумел ли внушить другому такие же чувства. Но они совсем не знают друг друга. Им нравится внешний облик, имидж сильного человека и главное – то, что этот такой великолепный человек явно сумел оценить их собственное совершенство. Если переводить на язык Эгосистемы, то Эго каждого из них ощущает силу Эго другого как равную и завоеванную силой своего Эго. В случае Самолюбия Эго сильнее СуперЭго, в случае Влюбленности СуперЭго сильнее Эго, а в случае с Самовлюбленностью – Эго равно СуперЭго. Ясно, что поскольку силы равны, две Самовлюбленности уже не могут дополнять друг друга как противоположны притяжения Самолюбия и Влюбленности. Абсолютно верно: это иллюзия равенства и избытка на поле Эгосистемы, где им совсем не место.

Так возникает Самовлюбленность, которая есть уже роскошь, превышение энергии над необходимостью обычного равновесия, ощущаемого со слугами или с господами. Для Самовлюбленности нужны две Самовлюбленности, то есть идентичные, а не противоположные притяжения ДТПЭ, что есть еще раз показывает, что речь не идет о необходимом равновесии, но об избытке энергии.

Этот энергетический избыток ощущается как экстаз романтической любви, как головокружение от "парения в облаках", как неземная любовь "пиковых" переживаний, несравнимых ни с каким другим чувством. Этот исключительный накал страстей легко узнать по нервному перенапряжению, по ощущению сильного стресса и нереальности происходящего, по смешению очень сильных противоположных чувств: экстаза и боли, наслаждения и мучения, любви и ненависти. Страх и зависимость от предмета Самовлюбленности перевешивают все положительные моменты и вполне позволяют ее охарактеризовать как "смирительную рубашку":

"Да ты не спятил ли? Нет, совсем не спятил.
Но на цепи как спятивший с ума.
Замучен и в смирительной рубашке"

Так Шекспир характеризует Любовь к Розалине – персонаж, который он вводит вначале специально для того, чтобы высказать свои наблюдения о феномене Самовлюбленности. И поскольку эти наблюдения оказались далеко не положительными, ему потребовалась злая Розалина, чтобы на любви к ней высказать все то ужасное, нелепое и мучительное, что он переживал во время Самовлюбленности.

"О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!
И ненависть мучительна и нежность,
И ненависть и нежность – тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Что есть любовь? Безумье от угара,
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье – необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядья.
"Ромео и Джульетта"

Но на самом деле между Джульеттой и Розалиной лишь та разница, то Розалина отказывается от его любви, чтобы уйти в монастырь, а Джульетта на месте соглашается на все, и грозит даже "умертвить его ласками". Таким образом, Шекспир будучи человеком далеко не глупым, и сам понимал, что романтическая любовь несет в себе тяжелое заболевание, но был не в силах полностью избавится от ее миража. В этой его характеристике видна "амбивалентность чувств", как говорил Фрейд. Эти проти-

воречивые и очень сильные страсти и выражают беспомощность ДТПЭ произвести избыток энергии: давая одной рукой наслаждение, он тут же отбирает его на смертную муку, так что в конце концов всегда перевешивает боль, превращая Самовлюбленность в несчастье.

"Если чувство взаимное, человек переполнен радостью и живет полной жизнью; неразделенная любовь-страсть рождает отчаяние и чувство безнадежности. Как и другие проявления эмоционального возбуждения, страстная любовь похожа на катание на "американских горках" и состоит из взлетов и падений, из переходов от ощущения величайшего счастья к столь же остро переживаемому унынию. "Никто не чувствует себя таким беззащитным перед страданием, как тот, кто любит" – сказал Фрейд. Мысли человека, испытывающего любовь-страсть, сосредоточены на предмете его чувства. Роберт Грейвз так выразил эту мысль: "Он весь – напряженное ожидание сигнала, ожидание знака" Социальная психология Майерс

Более того, даже те небольшие радости, которые способна дать романтическая любовь, ощущаются как нечто приторное, "чересчур хорошее чтобы вынести столько счастья" и все потому, что ДТПЭ не способен обеспечить избыток энергии.

"У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что наконец и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь не расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо"
"Ромео и Джульетта"

Здесь видно, что Шекспир нашел выход в аристотелевской золотой середине, решив вопрос количественно, а не качественно: он видит зло Самовлюбленности, но полагает, что все дело в переходе за чувство меры, а не в том, что это природа Самовлюбленности, и что иначе она никогда не ощущается, иначе это уже будет либо умеренность Самолюбия и Влюбленности, либо

переход на поле КТ, где эмоции также могут быть очень сильными, но при этом чистыми, без примеси негатива, стресса и зависимости.

Зависимость – это то, что более всего характеризует Самовлюбленность и сближает ее с наркотической зависимостью тела, постольку поскольку и в том и в этом случае налицо с одной стороны острое наслаждение, а с другой стороны острая мучительная боль, ломающая волю. Это соединение сильного удовольствия с сильной болью и рождает зависимость, которую вполне можно назвать психическим наркотиком.

"Тот кто знает рок-песню "Пристрастившийся к любви" (Addicted to love), не удивятся узнав, что любовь-страсть по своему воздействию на человека аналогична привыканию к кофе, алкоголю и другим наркотикам. Поначалу наркотик возбуждает, порой даже очень сильно. При частом употреблении нарастают противоположные эмоции и вырабатывается привыкание. Количества, которое когда-то вызывало сильное возбуждение более недостаточно. Однако, если вы даже прекратите принимать его, это вовсе не значит что вы вернетесь в свое исходное состояние, в котором находились до того как впервые попробовали наркотик. Более вероятно, что у вас появятся все признаки "ломки" – недомогание, депрессия и тп. То же самое нередко происходит и в любви. Страсть не может длиться вечно. Сначала утратившие свой пыл отношения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а затем и вовсе прекращаются". Социальная психология Майерс

"Эти главы расскажут вам о том, как очаровывать, как сломить сопротивление, как придать обольщению живость и силу и склонить жертву к капитуляции. Углубившись в страницы этой книги позвольте повествованию захватить вас, уступите ему, откинув предвзятость и предубежденность. Постепенно вы почувствуете, как сладкая отрава медленно просачивается сквозь вашу кожу. ...Бесполезно восставать против этой силы, внушать себе что вы не испытываете к этому никакого интереса, что это безнравственно или некрасиво. Чем сильнее пытаетесь вы

противиться соблазну обольщения – как идее, как форме власти – тем больше он вас захватывает". Искусство обольщения Роберт Грин

Самовлюбленность - ахиллесова пята Самолюбий, которые считают себя на расстоянии Неба от земли по сравнению с Влюбленностью их слуг (хотя на самом деле они отличаются всего лишь более сильным притяжением одного и того же тупого и мертвого, нищего тока природы). Однако, стоит грамотно и тонко польстить Самолюбию (читайте об этом у Грина, он довольно неплохо справился с задачей) кому-либо, кто примет в их глазах вес и значение ("сила" на энергетическом языке), как Самолюбие произвольно, не спрашивая разрешения у носителя, смещается на Самовлюбленность и окунает наши гордые Самолюбия в ад наркотической зависимости от предмета страсти. Таким образом, даже Самолюбие, которое можно было бы назвать относительно комфортным притяжением ДТПЭ (насколько слова и комфорт вообще совместимы с круговым гомеостазом боли), легко смещается на неконтролируемые и очень болезненные влечения Самовлюбленности, окончательно лишая человека воли.

Однако, Самовлюбленность – это роскошь, которой невозможно пользоваться сколько-нибудь долгое время. Очень скоро вся магия романтики рассеивается и далеко не всем зачарованным удается выйти из этого колдовского наваждения целями и невредимыми.

"Любовь — безумье, и она горька.
Но исцеленье горше. Чар не стало,
И, боже! как бесцветна и мелка,
Как далека во всем от идеала
Та, чей портрет нам страсть нарисовала,
Но сеять ветер сердце нас манит
И бурю жнет, как уж не раз бывало,
И наслажденья гибельный магнит
Алхимией любви безумца вновь пьянит"
Байрон Чайльд Гарольд

Вот как об этом разливается Роберт Грин, учитель "совращения" в стиле маркиза де Сада, стараясь оправдать тяжелые последствия такого издевательства над психикой:

«Обольщение представляет собой особое волшебство, очарование. Вы в период обольщения – это не вполне вы, это вы лучше чем были; ваш облик возвышен и облагорожен, вы играете сразу несколько ролей, скрываете от глаз мелкие недостатки и комплексы. Вы намеренно окружили себя тайной и создали атмосферу взволнованного ожидания, напряжения и интереса, чтобы дать жертве редкую возможность пережить театральное действо в реальной жизни. Благодаря вашему волшебству объект обольщения переносится из мира работы, обязанностей и долга в сказку. Продлевать это состояние можно сколь угодно долго до тех пор пока вы хотите и можете! – удерживать напряжение интриги, волновать чувства; до тех пор пока не приходит время завершать обольщение. После этого почти неизменно наступает момент когда чары рассеиваются. Облегчение от наступления развязки сменяется упадком сил, эмоциональным спадом. Существует реальная опасность что он выразится в неприязни к вам вашей жертвы, не осознающей что происходящее естественно, что подобный спад неизбежен после предшествовавшего накала страстей. Заканчивается действие наркотика, грезы рассеиваются, пелена спадает с глаз. Объект видит вас в истинном свете и наступает разочарование, поскольку становятся очевидны все ваши недостатки, ведь они есть у всех. Вы со своей стороны также могли идеализировать свои объекты, и теперь когда желание удовлетворенно вам также видны всех их слабые стороны. (В конце концов ведь они вам поддались). Вы тоже можете испытывать разочарование. Даже при самых благоприятных обстоятельствах все же совершается переход от фантазии к реальности, огонь постепенно затухает – если только вы не начнете обольщение по второму кругу.

Вам может казаться, что если вы все равно собираетесь расстаться с жертвой, то все это не играет роли. Однако, может статься что ваши попытки разорвать отношения не

только не разрушат магию в глазах партнера, а напротив, укрепят, так что жертва будет хвататься за вас силясь удержать. Нет, в любом случае, от разрыва до объединения в супружескую пару фактор отрезвления необходимо брать в расчет... Обольщение как правило, все таки игра, а не вопрос жизни и смерти. На стадии «после» однако, часто, да что там, почти неизбежно, случается, что мы воспринимаем произошедшее слишком всерьез, начинаем жаловаться упрекать друг друга если что то в отношениях пришлось нам не по сердцу».

Очевидно, что под "чарами" и "колдовством" он имеет ввиду Кривое зеркало Эгосистемы, отражающее противостояние сверхъестественных сил. Ясно, что притяжения ДТПЭ возможны только на поле Эгосистемы, а значит преобразуют всех участников отношений согласно ее образам.

"Приди святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его. Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце"
Шекспир Ромео и Джульетта

Роберт Грин уверяет, что разочарование человека, которому внушили Самовлюбленность, чтобы использовать его и выкинуть – безобидное мероприятие. У классиков на это совсем другой взгляд.

" Таинственная прелесть окружает
Их каждый шаг; порой не знаешь сам,
Как грацию с пороком совмещают
Амфибии, в которых, говорят,
Соседствуют невинность и разврат
Кокетка долго нам не говорит
Ни "да", ни "нет" - и все мы ждем уныло,
Когда же бриз попутный оживит
Больных сердец печальное ветрило!
Немало нежных бед она творит,

Немало сводит Вертеров в могилу,
И все - таки, увы, считает свет,
Что это "флирт" и тут порока нет"
Байрон Дон Жуан
Еще более красноречив шекспировский Ромео:
"Ей в праведности жить, а мне конец:
Я не жилец на свете, я мертвец"
"Ведь ты влюблен. Так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.
Он пригвоздил меня стрелой навылет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.
Любовь нежна? Она груба и зла.
И колется и жжется как терновник".
"Ромео! Сумасшедший обожатель"
Стать перед мной как облачко, как вздох!
Скажи "увы" Срифмуй "любовь" и "кровь".
К Венере обратись иль Купидону.
Скажи что это мерзкий сорванец
С подбитым глазом.
Не слышит, не колышется, не дышит.
Бедняга мертв, а я его зову".
Шекспир Ромео и Джульетта

Самовлюбленность очень опасное притяжение именно равенством сил Эгосистемы, которое гарантирует смертельную болезненность ударов по Эго. При Самолюбии, которое очень болезненно к ударам по Эго, человек защищен малой силой Влюбленностей, которых он презирает и которые не могут его всерьез оскорбить или задеть. При Влюбленности человек защищен отсутствием самоуважения, которое делает все оскорбления и пинки нормальным явлением и даже, как убедительно доказал Мазох, источником удовольствия. А вот при Самовлюбленности, присутствует и самоуважении и уважение к объекту влюбленности, так что и удары получать больно и наносятся они со страшной силой – вот в чем уязвимая пята Самовлюб-

ленности. Она открывает Эго для ударов, причем ударов большой мощности, которые легко могут его уничтожить.

Особенно опасна Самовлюбленность для шизоидного ДТПЭ, беззащитного перед ударами по Эго. Вот почему романтическая любовь великих поэтов, которые неминуемо имели шизоидное ДТПЭ всегда столь трагична. Это связанно с устойчивым равновесием Самолюбия шизоидов, которое смещаясь на Самовлюбленность дает...устойчивое неравновесие...другими словами, устойчивую и болезненную несчастливость! Для циклоидного ДТПЭ, при котором свободны переходы с Самолюбия на Влюбленность и обратно, удар по Самолюбию тоже очень болезнен, но редко бывает смертельным. И все потому, что Самолюбие всегда имеет возможность "заднего хода" – возврата в положение Влюбленности, который закрыт для шизоидов. Для этих последних быть отвергнутым в Самовлюбленности может означать в лучшем случае смерть, а в худшем психоз, поскольку смерть тела нельзя сравнить со смертью души, поскольку такой удар разрушает интеллектуальную Эгозащиту и приводит к обратным мыслям о своем ничтожестве и о тщетности всех последующих попыток создать непобедимое Эго.

"В середине лета я ускользаю в четвертый раз, теперь – в Швейцарию. Но цепь, которой я прикован не из железа: я не могу ее разбить! Это какой-то каучуковый канат, который растягивается... Я снова возвращаюсь". Вскоре он вновь удирает, на этот раз тайком. Он почти не в силах оторвать себя от жены, которая какими-то чарами притягивает его. На отходящем пароходеон едва не задыхается от рыданий. "Одна единственная боль охватывает меня и пронзает мне сердце. Я кажусь себе какой-то лоскутной куклой, попавшей в огромную паровую машину... Я словно эмбрион, у которого раньше времени перерезали пуповину... В Констанце я сажусь на поезд... И теперь уже этот локомотив так промывает мне и кишки, и нервы, и жилы, и все мои внутренности, что в Базель прибывает нечто вроде моего скелета. В Базеле меня вдруг охватывает внезапная страсть увидеть все те места в Швейцарии, где мы с ней останавливались...Гонимый

воспоминаниями, я переезжал из отеля в отель, как проклятый, как преследуемый" Ясперс "Стриндберг и Ван Гог"

.

Для циклоидов, то есть для людей с нормальным гомеостазом ДТПЭ, спокойно переходящим с Самолюбия на Влюбленность и обратно, разочарование в Самовлюбленности обычно означает "взросление" и успокоение на реалистичных союзах простого цикличного равновесия союзов Власти. Человек, обжегшись, раз и навсегда отказывается от романтики Самовлюбленности, называя ее детскими бреднями, и уже больше не ищет избытка героизма и идеализации на ДТПЭ, а удовлетворяется ролью господина или слуги обычного равновесия противоположных притяжений. Помню, как меня пытались убедить "повзрослеть" и перейти на притяжение Влюбленности, то есть оставить романтические бредни и стать просто послушным слугой. Тогда я не понимала ни чего от меня хотят, ни того почему мне это не под силу. Только теперь понимаю, что для шизоидов возврат к притяжению Влюбленности закрыт.

Вот почему Ромео, то есть Ретланд-Шекспир, говорит о своих друзьях: "Им по незнанью эта боль смешна". Ведь великие поэты из-за своей одаренности наверняка страдали шизоидным ДТПЭ, не только многократно усиливающего боль Удара по Эго ("гиперэстезия"), но и делающего ее фатальной.

В этом смысле шизоиды не взрослеют никогда, потому что у них гомеостаз ДТПЭ сломан, и для них единственный выход с Самовлюбленности – либо психоз, либо полное излечение от ДТПЭ, и переход на поле КТ. В свое время и мне пришлось совершить такой скачок, так что в этом смысле для меня Самовлюбленность оказалась очень благотворной: закрыв мне дорогу назад к устойчивому Самолюбию, она вынудила меня искать и найти поле КТ, избавив меня таким образом от ДТПЭ навеки. Однако такое "сальто мортале", как говорит Кьеркегор далеко не все способны совершить безопасно для жизни, поэтому лучше, не доходя до кризиса, спокойно лечить ДТПЭ, пока он не поставило вас перед перспективой психоза, особенно если ваш ин-

теллект сломал вам гомеостаз ДТПЭ. До сих пор принято было считать, что шизоиды уступают циклоидам этой своей "гиперэстезией" ударов по Эго и неспособностью к подчинению, то есть к притяжению Влюбленности. В этой связи некоторые психиатры даже называли циклоидов здоровыми людьми, противопоставляя их шизоидам. Но на самом деле, у циклоидов "здоров" только гомеостаз ДТПЭ, что делает их гибкими оппортунистами и часто подлецами, о чем также немало написано у Шекспира в образах Яго, Эдмона Глостера, дочерей Лира и их слуг. Нормальный гомеостаз ДТПЭ, обеспечивая переходы между Влюбленностью и Самолюбием, действительно позволяет выходить сухими из воды там, где шизоидов настигает психоз. Однако, сломанный гомеостаз шизоидов – это переходная ступень к здоровому полю КТ, поскольку он изобличает видимость здоровья полноценного гомеостаза ДТПЭ, паразитирующего на истинном Я человека.

И не случайно, поэтому, все самые знаменитые любовные драмы заканчиваются смертью главных героев, включая и Ромео с Джульеттой, и Вертера Гете, и Элоизу Руссо, и Анну Каренину Толстого, и Беллу Лермонтова и все другие подобные произведения, воспевающие Самовлюбленность, как великую романтическую любовь. Это несомненно связанно с притяжением Самовлюбленности поэтов-шизоидов, гиперэстезия которых и находила выход в этих трагедиях.

- Эффект Реализации Эго через суперЭго: потеря равновесия Самолюбий.

"Ромео, выйди. Выходи несчастный!

В тебя печаль влюбилась. Ты женат

На горести." – эти слова можно сказать о каждом шизоиде на притяжении Самовлюбленности, которое смещает их устойчивое равновесие на устойчивое неравновесие.

Это связанно с "эффектом реализации Эго по СуперЭго" существо которого состоит в иллюзии мирного соглашения между Эго и СуперЭго: война двух противоположных полюсов Эгосистемы вдруг заканчивается добровольной сдачей в плен Су-

перЭго, плененного неотразимыми совершенствами Эго. Ясно, что речь идет о "загрузках СуперЭго", как говорил Фрейд, то есть о людях, которых мы восприняли через образ СуперЭго в качестве сверхъестественной силы "Социума" или "Пола".

Вера в то, что моему Эго удалось завоевать СуперЭго в образе какого-то значимого лица и противоположного пола на самом деле ведет к полной зависимости от этого лица, так как отныне равновесие определяется его милостью или немилостью. "Реализация" означает, что лицо позволило моему Эго совершить его извечную задачу, терзающую его неустанно – победить суперЭго. Эта иллюзия победы и вызывает наркотические ощущения экстаза и одновременно зависимости, так как сила Эго теперь контролируется другим человеком, способным в любой момент разрушить ее своей немилостью, своим неуважением или нелюбовью. Именно поэтому доказательства "любви" возносят на небо, а проявления "нелюбви" отзываются не только острой болью, но чувством тотальной несчастливости и потерянности. Контроль над Эго и над равновесиями ДТПЭ утрачен.

"Реализация Эго по СуперЭго" всегда ощущается как "утрата себя", как потеря контроля ситуации, как потеря "души", перекочевавшей со всеми потрохами к объекту притяжения.

"Я потерял себя и я не тут.

Ромео нет, Ромео не найдут"

И даже то, что Ромео говорит о себе в третьем лице отражает истинное положение вещей: Эго, которое он потерял и которое называет своим именем – не есть сам человек, а только элемент чужого тока, поэтому справедливо говорить о постороннем предмете в третьем лице. Но конечно, чаще мы говорим от первого лица, когда имеем ввиду Эго, а вовсе не наше истинное Я.

"Я у врага в руках и пойман в сети" – говорит Ромео, когда узнает, что влюблен в члена вражеской семьи. "Пойман в сети" – означает, что его Эго прошло реализацию по своему СуперЭго в образе Джульетты.

Это состояние "пленения" выражается прежде всего в том, что объект реализации становится навязчивой идеей, поскольку

отныне только с ним связано равновесие ДТПЭ. Все блага мира оказываются сконцентрированы рядом с ним и связанными с ним, и напротив ад – это всего лишь весь остальной космос, который не имел счастья быть частью объекта реализации. Шекспир гениально и тут передал психологическую правду навязчивых состояний Самовлюбленности в монологе отправляемого в ссылку Ромео:

"Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь –
Я никакой тут разницы не вижу.
Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака, мышь, любая мелюзга,
Живут под ним и вправе с ней видаться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено соприкасаться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать
Благословенье губ ее стыдливых
Но не Ромео. Этому нельзя.
Он в высылке, а мухи полноправны!"

"Когда везде мы слышим тайный зов
Счастливых сил и радости чудесной,
И в сердце, словно в озере - луна,
Она, одна она отражена!"
Байрон Дон Жуан

Но конечно, не только Шекспир подметил это способность Самовлюбленности сводить весь смысл жизни человека к объекту реализации: не менее красноречиво пишет об этом и Гете, описывая страдания своего Вертера, и Руссо в Элоизе и многие другие, потому как тому кто хоть раз пережил самовлюблен-

ность никогда не забудется чувство тотальной и жгуче болючей зависимости, лишающее способности трезво рассуждать. "Замучен и в смирительной рубашке" – Шекспир как всегда очень точен в метафорах.

Понятно, что все эти несчастья падают на головы Самовлюбленных вовсе не случайно, а оттого, что они вообразили, будто на ДТПЭ можно достичь устойчивого равновесия счастья и даже избыточной энергии экстаза. Они вообразили существования равенства на поле Эгосистемы, которая понимает только язык математических противоположностей.

"если бы возникающие противоположности не уравновешивали постоянно одну другую, словно описывая круг, если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало вспять, в противоположную сторону, ты сам понимаешь, что возникновение прекратилось бы" Платон Федон

Без циклов, уравновешивающих противоположности и вновь активирующих их до следующего равновесия – нет и не может быть детерминированного тока природы. Поэтому искать равновесия и избытка энергии на ДТПЭ – глупость и невежество: либо цикличный гомеостаз приведет к отмиранию "очередной любви" и поискам новой, либо, если он сломан, как у шизоидов, к отмиранию всего поля Эгосистемы ДТПЭ, то есть к психозу.

Эмоционально эти процессы ощущаются сначала как потеря равновесия и несчастливость влюбленного горемыки, потом неизбежно следует Удар по Эго в виде разочарования в объекте самовлюбленности, поскольку образ реального человека – любого, как и вообще любая реальная вещь – не могут соответствовать СуперЭго. Значит, рано или поздно, как предсказывает Грин, пелена спадет с глаз и человек увидит, что перед ним кто угодно, только не ожившее всесилие СуперЭго. И конечно же еще никому и никого не удавалось покорить "силой Эго", поскольку и эта сила выдумана и не имеет ничего общего с реальными силами природных энергий. Сила Эго – иллюзия для про-

вокации Эгозащиты, которая сама по себе и есть природный ток, циклы гомеостаза которого предупреждают всякую эффективность силы Эго в принципе. Эго должно быть неэффективным, не способным защитить себя от СуперЭго и победить СуперЭго, чтобы поле Эгосистемы продолжало существовать, и этого вполне удается достичь за счет лживости информации поставляемой Эгосистемой.

Самовлюбленность шизоидов, представляя собой переход от устойчивого равновесия Самолюбия к устойчивому неравновесию, закрывает шизоидам возврат теперь уже и на притяжение Самолюбия. Все существо сломанного гомеостаза ДТПЭ состоит в том, что переходя при помощи интеллекта от самого слабого притяжения Влюбленности к самой сильной Самовлюбленности, шизоид закрывает себе при очередном переходе дорогу назад. Так от Самолюбия он уже не может вернуться к Влюбленности, потому что это противоречит логике интеллекта: раз доказал себе, что самый сильный и независимый от мира, значит так тому и быть. Циклоиды, которые не пользуются для Эгозащиты Интеллектом свободны переходить от роли господина к роли слуги там, где они реально слабее, но только не шизоиды: каковы бы не были обстоятельства, они подобно Дон-Кихотам будут воевать с армиями, но не смогут отречься от доказанной однажды силы Эго. Самовлюбленность же появляется в результате подтверждения верности интеллектуальной Эгозащиты путем покорения СуперЭго в образе возлюбленного. Так что пока он любит – верность Эгозащиты идоказана и Эго в безопасности, но как только любовь заканчивается – это доказывает обратное, полную неверность Эгозащиты и разбивает Эго. Таким образом, возврат к Самолюбию с "убитым Эго" оказывается закрытым. Феномен "убитого Эго" – это чисто шизоидный феномен, незнакомый циклоидной психике, которая в таких случаях просто оказывается на Влюбленности и опять в рабочей форме гомеостаза ДТПЭ. Для шизоида же это конец Эгозащиты, поскольку ее неверность была доказана отвернувшейся силой СуперЭго. Гельдерлин называл состояние "убитого Эго" – "живым трупом", как и

Ницше, а Кьеркегор окрестил его "Болезнью к смерти", и неслучайно. Это то самое преморбидное состояние, которое через сломанный гомеостаз ДТПЭ приводит к распаду уже и поля КТ: между полюсами Эго и СуперЭго концентрируются мощные отрицательные эмоции, которые переживаются человеком как ненависть ко всему миру. Эти эмоции, если вовремя не вмешаться и не остановить процесс, разрывают ткань КТ, на которой паразитирует ДТПЭ и человек оказывается в аду шизофренического психоза.

Однако, тот самый интеллект, который ломает гомеостаз ДТПЭ, дает в руки человека и мощное терапевтическое средство: шизоиды значительно доступнее интеллектуальной терапии, которая лежит в основе процесса остановки ДТПЭ, нежели циклоиды со здоровым гомеостазом. Так что, если имеет место профилактика Эгозащиты, во время которой подрастающему поколению разъясняются ее механизмы, то шизоиды легче и быстрее окажутся способны к остановке ДТПЭ и к развитию Пространства Интеллекта КТ из-за родственности своей психики абстрактному интеллекту. Нежелательно, конечно, доводить до лечения, но и преморбид шизофрении должен значительно более поддаваться интеллектуальной терапии, нежели лечение маниакально-депрессивных психозов по тем же причинам. Интеллект, ломая ДТПЭ, дает и средства для эффективного и надежного полного избавления от него.

Разумеется, Самовлюбленность может быть активирована не только противоположным полом, и даже не только другим человеком, но и карьерой, как например у Александра Македонского, которого швыряло от экстазов победы к буйным приступам гнева на неподчинение своих воинов.

Но для циклоидов ситуация значительно менее драматична: они свободны возвратиться из Самовлюбленности к Влюбленности и к Самолюбию. В первом случае они перестанут претендовать на силу своего Эго, на идеал, на самоуважение и станут просто навязчивым вниманием и унижением стараться услужить во всем объекту притяжения. Во втором случае, они

покинут позицию "джентельменов" ромеовского типа и перейдут к садической атаке, стараясь отомстить и покорить путем прямого насилия. Мне приходилось переживать неоднократно, когда мужчины в панике бросали притяжение Самовлюбленности и бежали на Самолюбие, обрушивая на меня такие безжалостные преследования и такое злорадное наслаждение уготованным мне пыткам, которым я до сих пор не могла ни найти оправдания, ни простить причиненного мне в благодарность за всю мою доброту зла. Однако, теперь очевидно, что это был гнев против своего ДТПЭ, которое скрутило их через притяжение Самовлюбленности, а мне лишь посчастливилось стать одной из загрузок "суперЭго". Моя же чуткость провела реализацию их Эго по СуперЭго. Можно наконец попытать счастья с кем-то другим. Кречмер очень точно заметил это различие между психикой циклоидов и шизоидов (у него я и позаимствовала терминологию), когда писал, что циклоиды движутся кругами, способны возвращаться к исходным позициям, а у шизоидов происходит сдвиг, который закрывает дорогу назад.

Для шизоидов Самовлюбленность фатальна, что и ведет к тем резко негативным характеристикам в адрес противоположного пола и "любви", под которой они понимают самовлюбленность.

"Весь их пол приговорил меня к внешнему и внутреннему уничтожению, и моя мстительная фурия взяла на себя неблагодарную и трудную задачу замучить меня до смерти" Стриндберг

"Я тоже был однажды влюблен и знаю о любви достаточно, чтобы презирать определения лишь вносящие путаницу в это понятие. Я отвергаю ее право на существование, более того, я считаю любовь вредной для общества, равно как и для счастья отдельного человека. Небесной благодатью было бы освобождение от нее человечества".Э.Людвиг Наполеон

"Мужчина больше всего желает опасности и игры, поэтому и хочет он женщины, как самой опасной игрушки" Заратустра Ницше

"Женщине хочется верить, что любовь все может, - таково ее своеверие. Ах, сердцевед прозревает, как бедна, беспомощна, притязательна, склонна к ошибкам и скорее пагубна, чем спасительна, даже самая сильная, самая глубокая любовь!" По ту сторону добра и зла Ницше

"Мне быть влюбленным в женщину? Распутство – да, но любовь – никогда! Это чувство мне незнакомо. Больше того, если какая-нибудь девица или мальчишка внушают мне на некоторое время иллюзию привязанности, то ей на смену вскоре приходит сильнейшее отвращение. И тогда я знаю только одно средство ублаготворить себя – убить, да, друг мой, убить это существо. И я делаю это с величайшим наслаждением" Сад Жюстина

"Впасть в ошибку при разрешении основной проблемы "мужчина и женщина", отрицать здесь глубочайший антагонизм и необходимость вечно враждебного напряжения, мечтать здесь, может быть, о равноправии, о равенстве воспитания, равенстве притязаний и обязанностей - это типичный признак плоскоумия, и мыслителя, оказавшегося плоским в этом опасном пункте -плоским в инстинкте!" По ту сторону добра и зла Ницше

Этот вывод Ницше, в котором он далеко не одинок, если вспомнить рассуждения барона Мазоха о "молоте и наковальне Гете", с которым он сам более, чем согласен, о разделении общества на противоположные полюса мужчин и женщин Фрейда и многих других – абсолютно справедливы для тех, кто предпочитает оставаться и впредь на притяжениях ДТПЭ. Тогда и в самом деле более благоразумно использовать работающий гомеостаз ДТПЭ соединений Самолюбие-Влюбленности и не пытаться искать счастье избытка и равенства в союзе двух Самовлюбленностей.

Однако, скорее всего самовредительский и ненасытный механизм ДТПЭ непременно вынудит его носителей обращаться к самому сильному притяжению ДТПЭ в поисках наркотического наслаждения, а последующая ломка только поможет превратить их жизнь в ад, уготованным им ДТПЭ.

· Сравнение Самовлюбленности ДТПЭ с истинной Любовью КТ

Байрон шлет анафему всему человечеству за несправедливые и подлые преследования, которым он подвергся, но спешит исключить из него женский пол: чтобы не случилось, он не способен проклинать милых женщин. Какой контраст между этой ярой ненавистью к женщинам, проистекающей от беспомощности "женоподобия в мужском обличье" и признаниями в любви ко всему женскому полу у Байрона:

"Люблю я женщин и всегда любил
И до сих пор об этом не жалею.
Один тиран когда-то говорил:
"Имей весь мир одну большую шею,
Я с маху б эту шею разрубил!"
Мое желанье проще и нежнее:
Поцеловать (наивная мечта!)
Весь милый женский род в одни уста."
Байрон Дон Жуан

Как несправедливо поступил с ним мир, приписав это чистое чувство поклонения женственности (очень близкое кьеркегоровскому восхищению солнечной женственностью) развращенности в стиле либертинажа де Сада.

Умел Байрон ценить женщин и как друзей, ставя их на один уровень с мужчинами, а иногда и выше, в зависимости от личных качеств тех и других:

"Когда всеобщий суд меня терзал
Допросами и злобными словами,
Я цену женской дружбы испытал, -
Она одна не расстается с нами
И в бой за нас вступает каждый раз,
Когда клевещет общество на нас".
Дон Жуан
"Но как страданья женщины постичь?
О ней мужчина, если он влюблен,
Твердит эгоистическую дичь!

Смотрите-ка, за что мы ценим жен?
Зачем нужны их красота и грация?
Лишь для того, чтоб умножалась нация.
Мы все под властью юбки с юных лет, -
К чему искать иллюзии свободы!
Из-под нее приходим мы на свет
Для радости и для мирской невзгоды,
От щуки карасю спасенья нет -
Я чту и юбку, и закон природы;
Будь из атласа, будь из полотна,
Хранит величье символа она.
В невинные восторженные лета
Я уважал и даже обожал
Сию святую тайну туалета,
Скрывающую милый идеал.
Так око вдохновенное поэта
Провидит в ножнах блещущий кинжал,
В конверте под печатью - мир блаженства,
Под линиями платья - совершенство!"

Я думаю ни у кого не останется сомнения в том, после того, как он мог ознакомится с цитатами из работ де Сада, что отношение Байрона к женщинам не только не приближается к его отношению в какой бы то ни было малой степени, но напротив бесконечно от него далеко и находится в совершенно другом измерении здорового поля КТ.

Такое уважение к противоположному полу – будь то мужчины или женщины неважно – присуще всем здоровым людям на поле КТ и никак не связано с самопожертвованием. Напротив, когда Фромм, Адлер, Рассел, Энгельс, Ландау отчаянно защищают женщин, настаивая на равенстве полов и, обвиняя мужчин в близорукости и дешевом тщеславии, - они пекутся исключительно о своих интересах. Это связано с характером соединения людей – независимо от пола – на поле КТ: чтобы иметь доступ к женщинам, к мужчинам и вообще к людям, надо чтобы эти люди также находились в Пространстве Интеллекта, то есть имели та-

кое же развитое мышления и познания, приобретенные годами работы над собой. Без этой встречи в Пространстве Интеллекта не получится не только любви, но даже самой простенькой дружбы, а эти понятия на поле КТ отличаются только количественно, так как истинная любовь по убеждению всех гуманистов основана прежде всего на дружбе.

Здесь все решают так называемые "скважины любви": ДТПЭ образует свои "замки" любви, а КТ свои. У ДТПЭ – это либо союз Самолюбие-Влюбленность, либо две Самовлюбленности, у КТ все определяет доступ в Пространство Интеллекта, в котором встречаются и узнают друг друга носители контрольной энергии вселенной. Из особенностей этих "замков" и будут вытекать характеристики различных любовных союзов.

Для ДТПЭ такие характеристики в разделении общества на два противоположных полюса: мужчин и женщин, которые на самом деле означают полюса Эгосистемы, между которыми текут Самолюбие, Влюбленность и Самовлюбленность. Это отношения абсолютной зависимости "смирительных рубашек" притяжений ДТПЭ. Это либо полное неумение пользоваться разумом (растительная непосредственность по Кьеркегору), либо метафизическое мышление интеллектуальной Эгозащиты (оторванная от действительности формальная логика). Главное – это полное незнание и непонимание себя и друг друга, происходящее из опосредования всех контактов между людьми полем Эгосистемы, так что самих себя воспринимают как свое Эго тщеславия и зависти, а других, как СуперЭго социальных масок всесилия. Страх, недоверие, лицемерие, противоборство, зависимость – таковы симптомы течения ДТПЭ между энергетикой людей.

Контрольная энергия истинного Я течет между полюсами Интеллекта – мышлением и законами природы, а не между людьми подобно ДТПЭ. Это и делает здоровых людей, свободных от Эгозащиты, идентичными друг другу, тогда как люди на Эгозащите живут между противоположными полюсами господ и рабов, мужчин и женщин, искусственно превращая людей в маски полюсов Эгосистемы. Поэтому союзы здоровых людей

вы легко узнаете по духу свободы и равенства под знаком научного контроля, правда, который отменяет все метафизические толкования свободы в сартровском духе. Здесь люди видят в других людях не маски социальной силы, а продолжение своего собственного Я, подобно тому как близкие друзья и члены семьи иногда хорошо понимают друг друга и умеют даже предсказать поступки друг друга. Здесь смысл жизни – Интеллект, познание и контроль, в виде учебы и труда, тогда как на Эгосистеме смысл жизни всегда сводится к обладанию СуперЭго: кто-то видит его в карьерном росте, кто-то в социальной маске в которую он влюбился или самовлюбился, но так или иначе Эгозащита всегда зациклена на СуперЭго по самому существу механизмов гомеостаза ДТПЭ.

Таким образом, мы легко можем сформулировать определение смысла жизни, над которым билось столько философов, писателей и психологов: смысл жизни – это Плюс силового поля нашей энергетике, к которому мы всегда стремимся. Плюсом ДТПЭ является СуперЭго, в то время как Плюсом КТ являются знания, дающие контроль над энергиями космоса. Одним словом, скажи мне Плюс своего Минуса, и я скажу кто ты!

Кардинальное различие этих Плюсов ответственно за непрекращающийся поток возмущений у писателей, чей Плюс как правило интеллектуальный, пошлыми интересами Эгозащитного Плюса, стремящегося только к карьерному росту, "романам без числа" и безделью. И напротив, люди, которые видят смысл жизни в "наслаждениях" де Сада именуют людей интеллекта сумасшедшими, так как неспособны понять мотивации, отдающей все силы познанию и труду в форме контроля (профессионализма).

"Ах! Эврика! Я понял, почему
Назвал Шекспир "любовью от безделья"
Цветочек свой: лишь праздному уму
Доступно страсти бурное похмелье;
Кто делом занимается, тому
Не может стать любовь единой целью.
Но если б даже на меня набросились

Все те, кем возвеличен высший свет,
Всем заявлю я тоном самым смелым:
Счастливей вас любой, кто занят делом
На плуг сменил идиллию Адам,
Из листьев фиги платье сшила Ева
(Искусству одеваться наших дам
Божественное научило древо!),
И с той поры понятно стало нам,
Что зло, которое познали все вы, -
Плод праздности; лишь отдых от работ
Часам безделья цену придает.
Не светская рассеянная праздность -
Особый метод пытки развлеченьем,
Стремленье украшать однообразность,
В которой счастье стало пресыщеньем!
Отсюда - романтизма несуразность
И синие чулки с пустым томленьем,
Бесед философическая мгла
И, главное, - романы без числа".
Байрон Дон Жуан

Отсюда наглядно видно, почему Плюс Эгозащиты делает людей не только отчаянно зацикленными на предметах влюбленности, но и жутко ревнивыми, а Плюс Контроля нисколько не подвержен этим порокам, равномерно распределяя свои симпатии между друзьями и любимыми, которых, действительно может быть не один человек.

У здоровых людей Плюс сосредоточен вне людей и потому они относительно независимы друг от друга (все же нуждаются в сотрудничестве для разделения труда). У людей Эгозащиты Плюс сосредоточен в каком-то одном человеке, что и сводит весь смысл жизнь к этому человеку и делает их крайне зависимыми от него. Именно Эгозащита превращает людей в агрессивных блюстителей своих супружеских прав, а вовсе не сексуальны и агрессивные инстинкты животных, как полагали Дарвин и Фрейд. Поэтому, если снять Эгозащиту, а вместе с ней и разделе-

ние общества на мужчин и женщин, так полюбившееся Фрейду, то не останется ничего и от ревности и агрессии за посягательства на людей, в которых вы вырастили свои "СуперЭго".

"Если я в самом деле люблю одного человека, то я люблю всех людей, я люблю весь мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то: «Я тебя люблю», то нужно чтобы я мог этим сказать: «В тебе я люблю всех; любя тебя, я люблю весь мир, в тебе я люблю и себя самого. Из утверждения, что любовь – это установка, относящаяся ко всему, а не только к одному человеку, следует однако, что разные виды любви не отличаются друг от друга в зависимости от особенностей ее объекта: братская любовь, материнская любовь, эротическая любовь, любовь к себе, любовь к Богу" Искусство любить Фромм

"Может ли исчезнуть проституция, - спрашивает Энгельс в "Происхождении семьи и государства", - не увлекая за собой в пропасть и моногамию?" Вопрос очень хороший, потому как проституция и моногамия, как наглядно можно видеть на примере маркиза де Сада и впрямь стороны одной медали. Сад яростно ревновал свою жену с одной стороны, и регулярно поручал ей находить для себя проституток, чем она охотно и занималась. Проституция следствие ненасыщаемости Эгозащиты, всегда циркулирующей между равновесием и неравновесием, а моногамия – следствие непереносимости Удара по Эго, с которым неизбежно связаны отношения влюбленности. И то и другое существует только в условиях разделенного на противоположные полюса общества.

"Эта протестантская моногамия, - пишет дальше Энгельс, - даже если брать в общем лучшие случаи, все же приводит к невыносимо скучному супружескому сожительству, которое называют семейным счастьем...Поэтому-то скука немецкого романа внушает французскому буржуа такой же ужас как "безнравственность" французского романа – немецкому филистеру. ... Современная семья основана на явном или замаскированном рабстве женщины. Он в семье – буржуа, жена представляет пролетариат. При этом мужчин он деморализует гораздо боль-

ше, чем женщин.. Среди женщин проституция развращает только тех несчастных которые становятся ее жертвами. Зато всей мужской половине мужского рода она придает низменный характер"

В отношении моногамии Энгельс замечает, что в этом смысле самая высокая нравственность у какой-то личинки, которая имеет в своем тельце полноценные мужские и женские гениталии и всю свою жизнь только и делает, что совокупляется сама с собой.

"Какой-то есть особенный закон
Внезапного рожденья антипатий:
Сперва влюбленный страстью ослеплен,
Но в кандалах супружеских объятий
Неотвратимо прозревает он
И видит - все нелепо, все некстати!
Любовник страстный - чуть не Аполлон,
А страстный муж докучен и смешон!
Мужья стыдятся нежности наивной,
Притом они, конечно, устают:
Нельзя же восхищаться непрерывно
Тем, что нам ежедневно подают!
Притом и катехизис заунывный
Толкует, что семейственный уют
И брачные утехи с нашей милой
Терпеть обречены мы де могилы".
Дон Жуан

Бертран Рассел был не только борцом за мир, но и за свободу всех членов общества, в том числе и женщин. В свое время он принял активное участие в движении женской эмансипации и помог женщинам приобрести гражданские права.

"Новое поколение не может даже вообразить себе всю ожесточенность оппозиции уравнению женщин в правах с мужчинами. Когда позднее я возглавил компанию против Первой мировой войны, общественная оппозиция не могла даже сравниться по ожесточенности с той, что встретили суфражистки в 1907.

Весь вопрос большинством населения представлялся так, как будто это был не более, чем предмет для насмешек. Толпа выкрикивала издевательские замечания женщинами – иди и присмотри за ребенком, мужчинам – ты сказал маме, что идешь погулять? В меня кидали тухлые яйца, которые больно поранили мою жену. На первой встрече, которую я организовал, выпустили крыс, и женщины которые участвовали в заговоре, стали громко кричать, чтобы унизить свой пол. ...Свирепость мужчин, которым грозила потеря их превосходства над женщинами, была непередаваемой. Но стремление многих женщин сохранить презрение к своему полу выглядело весьма странно. Я был страстным защитником равенства женщин с тех пор, как в юности прочитал аргументы Милля по этому вопросу" Автобиография Бертран Рассел

В письмах к Марте Фрейд излагает прямо противоположную точку зрения на сочинение Милля по этому вопросу: он исходит ядом глубоко уязвленной мужской гордости, заявляя, что уничтожение различий между мужчинами и женщинами уничтожит самый смысл существования людей. В точности то, что должен сказать человек с активной Эгозащитой!

Из выдержки из автобиографии Рассела наглядно видно, что Рассел также как и Милль, Шелли, Энгельс, Фромм или Ландау отчаянно боролся за равенство женщин, глубоко презирая мужчин, которые стремились, подобно Ницше, Фрейду или Саду удержать их в черном теле рабства, и прежде всего потому, что это отвечало их интересам – ведь они не могли любить глупых, невежественных и искусственных женщин, которых порождает Эгозащита. Ландау по этому поводу говорил своей жене Коре: "Неужели я похож на такого пошлого дурака, который станет отстаивать полигамию только для мужчин, потому что женщины их собственность?" Или что-то в этом роде. Оговорив для себя право на свободную любовь, он настаивал, чтобы и Кора не стесняла своей свободы и даже помогал ей писать любовные письма, а ее поклонникам давал советы, чтобы облегчить им сближение. И хотя его усилия ни к чему не привели, так как Кора предпочита-

ла своего справедливого гения всем прочим мужчинам, он доказал, что не видит разницы в правах мужчин и женщин и уважает в том числе решение женщины ограничиться одним мужчиной – лишь бы это было ее собственное решение. Ландау считал первым признаком глупости и даже идиотизма – ревность. Рассел также писал в "Браке и морали", за которую его наградили Нобелевской премией о недопустимости ревности и о преимуществах свободной любви, и всю свою жизнь был "дон-жуаном" в самом лучшем смысле этого слова: любил женщин и позволял им любить себя, относясь к ним с тем уважением, которое сделало его страстным борцом за их права.

Понятие "свободной любви" было изуродовано "либертенами" садического толка – слово "либертен" также происходит от латинского слова "свобода". Здесь Свобода толкуется в ницше-сартровском смысле абсолютной свободы воли, так что встречающиеся абсолютные монархи оказываются все врагами друг другу, угрожающими свободе других своими претензиями на полную свободу. Эту свободу Де Сад много раз излагал как "священность" своих желаний убивать и насиловать, которая порождает всеобщую войну. На самом деле это есть нормальное следствие Эгозащиты, неизменно ведущей к всеобщей агрессии.

"Свобода" либертенов – есть проституция в смысле превращения жизни в беспробудный разврат, где половые отношения стали смыслом жизни. Такая "свободная любовь" всегда ненасыщаема и ведет ко всевозможным извращениям количества и качества отношений: чем больше, тем больше хочется; наркотик входит в свои права и превращает людей в спятивших с ума животных. Идеальный прототип такого дегенерата, не способного насытится сексом и пищей – маркиз де Сад. Как известно, маркиз называл себя "самым толстым человеком в Париже", изрядно разжирев на харчах, которые так взыскательно требовал со своей жены. Здесь даже неверность партнеров стимулируется болью Эгозащиты, возбуждая мысль нанести кому-либо сокрушительный удар по Эго, "вызвать ревность". А "абсолютная свобода" либертена сводится к рабскому подчинению себе партнеров, по-

скольку без такого рабства не может существовать "абсолютная свобода" воли. Мазох даже ссылался в этом смысле на Древнюю Грецию (в каких только пошлых аргументах ее бедную не использовали), доказывая что свобода греков не могла бы существовать без рабства (что, конечно, неверно). Как правильно говорит об абсолютной свободе Эгозащиты Кьеркегор – она непременно заканчивается рабской зависимостью от активированного таким образом ДТПЭ: так что свобода остается на словах, а на деле сплошная компульсия болезненной мотивации ДТПЭ. Наглядно этот феномен представлен в романе Сартра "Тошнота", где главный герой постоянно утверждает своим идеалом абсолютную свободу, на которую он себя "обрек", а на деле всегда выходит, что он лишился свободы: то он не может себя заставить поднять бумажки, которые так любил собирать, то он вынужден бегать целый справляться о здоровье незнакомого ему человека, потому что его сдавил нервный приступ при мысли, что с ним что-то случилось, то он не может оторвать глаз от старухи, плетущейся за окном, хотя ему плохо от этого зрелища. Приступы "тошноты" накатывают на него всюду и лишают его способности не только к "абсолютной свободе", но к простому человеческому контролю своей жизни, в прямом смысле превращая в раба своих болезненных компульсий. В этом смысле "свободная любовь" Сартра также больше напоминает свинский либертинаж Сада, нежели свободную любовь здоровых людей.

Свобода здоровых людей – относительная (не абсолютная) – но зато реальная. У них нет ни отношений зависимости Самолюбий и Влюбленностей, которые нуждаются друг в друге для равновесия, ни наркотической зависимости Самовлюбленностей, происходящей от реализации Эго.

Они свободны в своем устойчивом равновесии в Пространстве Интеллекта – единственном месте, которое может обеспечить устойчивое равновесие энергии и не остановить ее этим. Они свободны в своем желании друг другу добра, так как переживают боль других людей острее чем свою собственную (совесть, справедливость поля КТ). И они свободны в самодис-

циплине и контроле своего поведения, позволяющих им эффективно управлять своей жизнью. В этом состоит особенность здоровых людей, которые отличаются от аутизма шизоидного ДТПЭ с одной сторны, и от зависимости циклоидного ДТПЭ с другой, оставаясь относительно свободными. Об этом хорошо написано у Маслоу в исследовании самоактуалов.

"Свободная любовь" таких людей более чем умерена, поскольку смыслом жизни всегда остается Плюс Контроля: познание и труд. Невозможно одновременно посвящать себя множеству партнеров и серьезной работе. Поэтому суть такой свободы сводится только к избавлению от насилия в виде навязывания пошлых рамок поведения и доступа к нормальной полноценной интимной жизни с людьми, которые стали действительно дороги. Ведь немыслимо, чтобы нормальный человек, с открытым людям сердцем и бьющими через край эмоции радости и любви к жизни встретил только одного человека достойного любви. А если это немыслимо, то зачем позволять нелепым правилам калечить психику себе и людям, которых ты любишь? Несомненно, разврат – это ужасно, но от разврата не воздерживаются: его либо хочется, либо не хочется. У нормальных людей разврат может вызвать только те эмоции, которые вызвала проститутка в романе Селинджера "над пропастью во ржи: "Я знал, - говорит Холден, - что то что она раздевается должно меня возбудить, но секс был последней мыслью, которая пришла мне в голову в этот момент". Ему пришлось ее отослать не солоно хлебавши. Так что здоровым людям не надо запрещать разврат – они на него не способны. А тем, кто способен – бесполезно его запрещать, надо просто лечить людей от Эгозащиты.

Совсем другое дело любовь. И тут абсолютно прав Фромм: если человек способен на истинную любовь, она не может распространяться только на одного человека. Дело как всегда не в количестве, а в качестве. Хотя в данном случае качество также определяет и количество: для здоровых людей это будут весьма ограниченные количества, исчисляемые в единицах, так как для больших количеств нет ни желания, ни времени, ни сил. Для

людей Эгозащиты это будут "моногамия и проституция" Энгельса: именно Эгозащита породила страх "измены" и "неверности", а вовсе не праведность, и этот страх, выливающийся в моногамию идет рука об руку с проституцией – ненасытностью Эгозащиты. Таким образом, один и максимально много – это количества Эгозащиты, что мы и видели на примере Сада.

Джордж Байрон не был человеком Эгозащиты, по крайней мере он очень рано осознал, что это нечто гибельное от чего надо во чтобы то ни стало избавляться.

"О мысль, твоим рожденьем ослепленный,
Но, вдруг прозрев незримо для других,
Лечу я ввысь, тобой освобожденный,
От снов бесчувственных для чувства пробужденный".
Чайльд Гарольд
"Я прославляю скромность как систему
И с гордостью я вовсе не в ладу"
Дон Жуан
"Средь жертв, где в жертву приношу я сам
Руины жизни — пусть я прожил мало:
Когда хоть раз во мне ты спесь видало,
Отринь меня, мои страданья множь,
Но если в бедах сердце гордым стало,
А был я добр, нося в нем острый нож,
Заставь их каяться за клевету и ложь"
Чайльд Гарольд
"Наш юный жар кипит, увы! в пустыне,
Где бури чувства лишь сорняк плодят,
Красивый сверху, горький в сердцевине,
Где вреден трав душистых аромат,
Где из деревьев брызжет трупный яд
И все живое губит зной гнетущий.
Там не воскреснет сердца юный сад,
Сверкающий, ликующий, поющий,
И не созреет плод, достойный райских кущей"
Чайльд Гарольд.

"Чайльд Гарольд" и "Дон Жуан" – произведения, в которых раскрывается боль погрязшей в притяжениях ДТПЭ души и осознанный переход от романтической Самовлюбленности к Любви к миру и познанию КТ. В этом смысле творчество Байрона можно поставить в один ряд с "Болезнью к смерти" Кьеркегора, "Эмилем" Руссо, "Этикой" Спинозы, "Борьбой за счастье" Рассела. Хотя Рассел и начинает эту книгу с критики "байронической меланхолии", которая якобы культивирует несчастливость как систему – это неправда. Вообще, Рассел, который очень любил друга Байрона - Шелли, был очень несправедлив к самому Байрону, равно как к Руссо и к Фихте. Неправильно называть Байрона анархическим бунтарем и романтиком– он был им ни в коем случае не больше, чем сам Рассел, а уж "романтизму" Байрон объявил войну не на жизнь, а на смерть, высмеивая поэзию и самовлюбленность и ставя им в пример науку, разум, свободу и любовь ко всему миру.

"Теперь - моя весна уже увяла,
Давно угас огонь воображенья,
И превращает правды хладный блеск
Минувших дней романтику в бурлеск.
Теперь, когда смеюсь над чем - нибудь,
Смеюсь, чтоб не заплакать, а вздыхаю
Лишь потому, что трудно не вздохнуть!
Апатию свою оберегая,
Должны мы сердце в Лету окунуть!"
Дон Жуан

Те излишества в сторону чувственной любви и веселой легкости смены партнеров, которые заставили современников заподозрить в Дон Жуане либертена, на самом деле есть лишь "смех висельника" над своей печальной участью.

"Конечно, все достойно порицанья,
И не шутить, а плакать надлежит,
Но и смеяться допустимо тоже
Все в нашей жизни на спектакль похоже!
Подумайте, они меня винят

Меня, вот эти пишущего строки,
Как будто я смеюсь над всем подряд,
Хуля добро, превознося пороки!
Мне очень злые вещи говорят
(Вы знаете, как ближние жестоки),
А я сказал лишь то, я убежден,
Что Дант, Сервантес или Соломон,
Что Свифт, Ларошфуко, Макиавелли,
Что Лютер, Фенелон или Платон,
Ведь цену жизни все уразумели,
И Уэсли, и Руссо, и Тиллотсон;
Гроша она не стоит, в самом деле,
Святой, мудрец, наставник и пиит
Изобличают страсти и пороки;
Любой найти примеры норовит
Того, что все мы низки и жестоки;
Зачем же мне велите вы молчать?
И низости людской не замечать?
О, люди-псы! Но вам напрасно льщу я:
И псами вас не стоит называть;
Ваш гнусный род вам честно покажу я,
Но музу вам мою не испугать!
Напрасно волки воют, негодуя
На ясную луну; ее прогнать
Визгливым лаем хищники не в силах:
Спокойно блещет вечное светило"
Дон Жуан

Разочарование в ДТПЭ во всех его притяжениях и взлетах и падениях Эго – от торжествующего тщеславия на пике славы и успешных самовлюбленностях до Ударов по Эго несчастливой любви, унижений и преследований – заставило ощутить себя "живым мертвецом". Байрон как никто умел донести свою печаль до публики, так что это ощущение тяжести под гнетом ДТПЭ получило название "байронической меланхолии".

"Чтоб не засохли корни в небреженье

Среди толпы, где в бредовом круженье —
Заразы общей жертвы с юных лет —
Свое мы поздно видим вырожденье,
Где сеем зло, чтоб злом ответил свет,
И где царит война, но победивших нет".
Чайльд Гарольд
"Гарольд не раз любил, иль видел сон,
Да, сон любви, — любовь ведь сновиденье.
Но стал угрюмо-равнодушным он.
Давно в своем сердечном охлажденье
Он понял: наступает пробужденье,
И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье,
Волшебный исчезает аромат,
И что ж останется: кипящий в сердце яд.
В нем прелесть женщин чувства не будила,
Он стал к ним равнодушней мудреца,
Хотя его не мудрость охладила,
Свой жар высокий льющая в сердца.
Изведав все пороки до конца,
Он был страстями, что отбушевали,
И пресыщеньем обращен в слепца,
И жизнеотрицающей печали
Угрюмым холодом черты его дышали".
Чайльд Гарольд

Цитата из Чайльда Гарольда, которую я приведу ниже, замечательна по нескольким причинам: во-первых, в начале приводятся правила "пикапа", которые взяты "не из книг, а из жизни", поскольку закономерности управления ДТПЭ ни в литературе, ни в современной психологии действительно серьезно не изучаются; а во-вторых, восхищает понимание того, что "переводить" человеческую энергию на притяжения ДТПЭ – пусть даже при успешном управлении людьми через него – все равно отвратительно, так как это размен живой разумной ткани психики на мертвую, тупую и нищую энергию детерми-

нированного тока природы. В этом Байрон очень близок Кьеркегору, который также самостоятельно открыл правила пикапа – и детально изложил их в "Дневнике соблазнителя" и также добившись потрясающих успехов в управлении людьми через ДТПЭ – с надрывной болью в сердце вынужден был отказаться от этой успешной практики растраты души на глупости.

"Кто лишь вздыхает — это всем известно, —
Не знает женщин, их сердечных дел.
Ты побежден, и ей неинтересно,
Вздыхай, моли, но соблюдай предел.
Иначе лишь презренье твой удел.
Из кожи лезь — у вас не будет лада!
К чему моленья? Будь остер и смел,
Умей смешить, подчас кольни, где надо,
При случае польсти, и страсть — твоя награда!
Прием из жизни взятый, не из книг!
Но многое теряет без возврата,
Кто овладел им. Цели ты достиг.
Ты насладился, но чрезмерна плата:
Старенье сердца, лучших сил утрата,
И страсть сыта, но юность сожжена,
Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
Любовь тебе давно уж не нужна,
И, все мечты презрев, душа твоя больна".

Как бесконечно далеки и Кьеркегор и Байрон от Вертера Гете, который только вздыхал и плакал и которого в упор не замечали, несмотря на его навязчивое присутствие. Наверное поэтому Байрон с таким презрением отзывается о Вертере, когда говорит в предисловие к Дон Жуану, что нехорошо сравнивать порядочных людей с политическими Вертерами (то есть самоубийцами и банкротами). А эти господа и преуспели и поняли, что такая любовь несет не меньше горя будучи успешной, так что у них появился шанс стать на стезю выздоровления от ДТПЭ и перейти на поле КТ.

Шекспир и Гете, пережив Самовлюбленность, остаются на поле ДТПЭ с тем, чтобы на бумаге запечатлеть то совершенство, которым манит это притяжение, но никогда не дает в действительности. Гете пишет о "святыне", "ангеле", очень напоминающем "божество" Мазоха, о собрании всех совершенств, которые только можно вообразить: " Так говорила она, - ах, Вильгельм, кто перескажет то, что она говорила! Как может холодное, мертвое слово передать божественное цветение души!" Гете Вертер

Он рассказывает истории о том, как небывалая привлекательность его возлюбленной свела с ума служащего ее отца, так и не решившегося открыть ей свои чувства. "Бедняга, а как я-то завидую твоему безумию и гибельному помрачению чувств! Ты бродишь зимой с надеждой нарвать букет твоей королеве! И горюешь, что не нашел цветов, и не понимаешь, почему ты их не нашел. - А я - я брожу без надежды и без цели и ни с чем возвращаюсь домой". Конечно, он "замучен и в смирительной рубашке", и при этом гордится этим, вместо того, чтобы понять, подобно Байрону и Кьеркегору, что романтическая "любовь – безумие": "Порой я говорю себе: "Твоя участь беспримерна!" - и называю других счастливцами. Еще никто не терпел таких мучений! Потом начну читать поэта древности, и мне чудится, будто я заглядываю в собственное сердце. Как я страдаю! Ах, неужто люди бывали так же несчастливы до меня?"

Вертер Гете рассказывает о другом случае, где один работник госпожи убивает другого работника из ревности и превозносит это как показатель истинной поэтической любви, существующей в народе: "Он признался мне, и даже с увлечением, упиваясь радостью воспоминаний, рассказал, что страсть его к хозяйке росла день ото дня, что под конец он не знал, что делает, что говорит, не знал, куда себя девать. Не мог ни есть, ни пить, ни спать; кусок застревал у него в горле; он делал не то, что надо; а что ему поручали, забывал сделать; как будто бес какой вселился в него... Значит, такая любовь, такая верность, такая страсть вовсе не поэтический вымысел; она живет, она существует в нетронутой чистоте среди того класса людей, которых

мы называем необразованными и грубыми. А мы от нашей образованности потеряли образ человеческий! Прошу тебя, читай мой рассказ с благоговением! Я сегодня весь как-то притих, записывая его; ты видишь по письму, что я не черкаю и не мараю, как обычно. Читай, дорогой мой, и думай, что такова же история твоего друга! Да, так было и так будет со мной, а у меня и вполовину нет мужества и решительности того бедного горемыки, с которым я даже не смею себя равнять"

Он посвящает весь роман "плакальщикам" по недостижимому идеалу СуперЭго, тому самому, о котором Байрон говорит, как мелок и ничтожен оказывается этот идеал при пробуждении. И главное, - это сосредоточение смысла жизни и всех чаяний вокруг своей великой любви, так что "занятие делом" не только уже оказывается невозможным, но даже и смешным. "Мне так много дано, но чувство к ней поглощает все; мне так много дано, но без нее нет ничего на свете". Вполне в духе шекспировского "Небесный свод есть только над Джульеттой". Наконец, смерть Вертера в шекспировском духе отчаянного самоубийства, должна утвердить нас в мысли что великая любовь достойна в том числе и такого жертвоприношения. Этот тон "женоподобья в мужском обличье", очень выраженный также у Мазоха и у Шекспира, проистекает из обреченности Эго пойманного в силки СуперЭго на притяжении Самовлюбленности – так что действительно в пору лить крокодиловые слезы. Точно также и Шекспир смакует "горки" Самовлюбленности: то взмывает на небесные вершины счастья, то низвергается адскую пучину неизбывного горя, и сгущая краски заостряет романтизм идеалов Эгосистемы.

Но упорство на поле ДТПЭ дает только один исход: либо физическая смерть, либо психическая, то есть психоз шизофрении.

"Дорогой Вильгельм, я сейчас уподобился тем несчастным, о которых говорили, что они одержимы злым духом. Временами что-то находит на меня: не тоска, не страсть, а что-то непонятное бушует внутри, грозит разорвать грудь, перехватывает дыхание! Горе мне, горе! В такие минуты я пускаюсь бродить

посреди жуткого, в эту неприветную пору, ночного ландшафта" Гете Вертер

Эта цитата из Вертера Гете великолепно передает состояние шизофренического преморбида – то непонятное что бушует внутри грозя разорвать грудь – это концентрация негативных эмоций между полюсами Эгосистемы: непримиримая ненависть Эго к суперЭго вскоре разорвет поле КТ и превратит человека в настоящего сумасшедшего.

Байрон и Кьеркегор находят другой выход из ситуации: они "провозглашают анафему" всем притяжениям ДТПЭ и удаляются от света, который живет преимущественно ими. А для себя выбирают переход на поле КТ, путем замены поэтической жизни на научное мышление, то есть путем замены метафизики Эгозащиты объективным Интеллектом КТ. Кьеркегор в этой связи противопоставил поэзию "эстетической" жизни своего соблазнителя "этической" философии, построенной на объективных законах психики, которые он и зафиксировал в своих работах. Байрон исходит отвращением ко всем проявлениям ДТПЭ – будь то, военная слава, праздное тщеславие гостиных или романтизм самовлюбленности, и на их место ставит пробуждение к истинной жизни, подаренное ему научным мышлением.

Минули дни любви. Уж никогда
Ни девушки, ни женщины, ни вдовы
Меня не одурачат, господа!
Я образ жизни избираю новый:
Все вина заменяет мне вода,
И всех страстей отбросил я оковы,
Лишь скупости предаться я бы мог,
Поскольку это - старческий порок.
Дон Жуан
"Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малой,
Где чувство, мысль глушат весельем шалым, —

Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
И, путь слезам готовя исподволь,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль"
Чайльд Гарольд
Творенья Мысли — не бездушный прах,
Бессмертные, они веков светила,
И с ними жизнь отрадней, в их лучах
Все то, что ненавистно и постыло,
Что в смертном рабстве душу извратило,
Иль заглушит, иль вытеснит сполна
Ликующая творческая сила,
И, солнечна, безоблачно ясна,
Сердцам иссохшим вновь цветы дарит весна.
Чайльд Гарольд
"Вы хладнокровны, сэр!" - сказал Жуан.
"А как же! - Англичанин усмехнулся.
Вначале всех нас манит океан,
Но кто потом на берег не вернулся?
Я знал восторгов сладостный обман,
Но от него я вовремя очнулся.
Былых иллюзий я не узнаю
Они, как змеи, сняли чешую.
Согласен я, что чешуя другая
Бывает и пестрей, но каждый раз
Она сползает, медленно линяя,
И новая уже ласкает глаз.
Сперва любовь нас ловит, ослепляя,
Но не одна любовь прельщает нас;
Злопамятство, упрямство, жажда славы
Приманок много для любого нрава".
Дон Жуан

Подобно Кьеркегору, который вскоре после успешной карьеры своей "эстетической" жизни Интеллектуальной Эгозащиты (поэзии, метафизики) осознал, что это есть путь к страшной "Бо-

лезни к смерти" (распаду психики), сочинения Байрона также полны понимания угрозы, которую несет в себе упорство на Эго-защите и оторванность мышления от практики. Позднее ему пришлось пережить уже не только разочарование скуки и потери смысла жизни от успешного управления ДТПЭ, но и всю неизбывную боль сокрушительного Удара по Эго: его оклеветала собственная жена, разгоряченная всеобщей паранойей о поэтическом образе разочаровавшегося в жизни развратника-мужа. Она бежит, веря сплетням о прижитой от сводной сестры дочери и поверяя их по секрету всем свету, который с радостью отворачивается от "мизантропа" Байрона, поливавшего их детские забавы высокомерным презрением с высоты своего гения. И как всегда Удар по Эго ставит его на грань психоза ("болезнь к смерти").

"Но как проклятье — Небо и Земля! —
Мое прощенье я швырну в лицо им.
Да разве я, пощады не моля,
С моей судьбой не бился смертным боем?
Я клеветы и сплетни стал героем,
Но я простил, хоть очернен, гоним,
Да, я простил, простясь навек с покоем.
Я от безумья спасся тем одним,
Что был вооружен моим презреньем к ним"
Чайльд Гарольд

И вот тогда, чтобы выжить и спасти свою психику, Байрон объявляет войне всему ""поэтическому" и "лживому" подобно Кьеркегору и переходит к научной правде законов психики, олицетворяющих Бога на земле. Байрон пишет прозой в стихах в том смысле, что ему удается рифмовать свое объективное мышление, а Гете написал Вертера напротив стихами в прозе, в том смысле, что это поэзия метафизического мышления Эгосистемы. Особенно хорошо это видно из его частых заявлений о никчемности разума в стиле сартровского антиинтеллектуализма, столь контрастирующих с байроновским и кьеркегоровским преклонением перед разумом.

"Друг мой! - вскричал я. - Человек всегда останется человеком, и та крупица разума, которой он, быть может, владеет, почти или вовсе не имеет значения, когда свирепствует страсть и ему становится тесно в рамках человеческой природы" Гете Вертер

"Я знаю, что поэзия - пустяк,
Что лишь наука - действенная сила,
Но все же я пытаюсь, ей вослед,
Чертить движенье вихрей и комет.
.....
Но я впадаю в тон метафизический:
Мир вывихнут, но вывихнут и я.
От темы безобидно - иронической
Уводит рассудительность моя
Бегите от стихии поэтической!
Всегда стремитесь, милые друзья,
Чтоб замысел был ясен, прост и верен,
А я менять привычки не намерен.
.....
Приятно по теченью рассуждений
С Пирроном умозрительно скользить,
Но я боюсь опасных приключений
И не желаю в море уходить;
К тому же далеко не всякий гений
Умеет парус вовремя спустить.
Я тихий бережок предпочитаю,
Где отдохну я, камушки считая.
....
Одно лишь вам скажу: пусть я наивен,
Пусть часто заблуждаюсь, но язык
Патетики фальшивой мне противен
Уже не раз предупреждал вас я,
Что муза очень искренна моя"
Дон Жуан

Он говорит безапелляционным тоном, что чем удачнее про-

изведения поэтов, прославляющих романтическую любовь, тем больший вред они несут подрастающим поколениям, внушая им ложные идеалы и превращая в жертв ненасытного монстра - змеи, поглощающей разум и чувства человека надеждами на вечное и истинное, но каждый раз скидывающей кожу новую любви, ничего не подарив кроме боли и опустошенности.

Единственный выход – уходить в высоты разумных чувств, которые одни только настоящие и живительные, свободные от рабства автоматизмов, от боли и от стрессов вперемешку с тотальной скукой.

"Но жизнь лишь там. Я был в горах — я жил,
То был мой грех, когда в пустыне людной
Я бесполезно тратил юный пыл,
Сгорал в борьбе бессмысленной и трудной.
Но я воспрял. Исполнен силы чудной,
Дышу целебным воздухом высот,
Где над юдолью горестной и скудной
Уже мой дух предчувствует полет,
Где цепи сбросит он и в бурях путь пробьет.
Когда ж, ликуя, он освободится
От уз, теснящих крыл его размах, —
От низкого, что может возродиться
В ничтожной форме — в жабах иль жуках,
И к свету свет уйдет и к праху прах,
Тогда узнаю взором ясновидца
Печать бесплотной мысли на мирах,
Постигну Разум, что во всем таится
И только в редкий миг снисходит нам открыться"
Чайльд Гарольд

И какого было ему – одному из немногих пророков истинной добродетели КТ, слушать обвинения в "аморальной заразе" садического типа. Ведь либертены напротив нищие духом люди, старающиеся найти максимум чувственных "наслаждений" на ДТПЭ, подобно Мазоху и Саду, прославлявших отношения господства и рабства. В то время как Байрон – певец свободы, за-

щитник порабощенной черни, одинаково сильно не любит насилие и подчинение и ищет свободного мира "без тронов и черни". Когда Байрон – духовный пророк, каждое сочинение которого пропитано душевной борьбой и самостоятельным открытием драматической борьбы душевных сил. Человек, положивший свою жизни на алтарь Правды, Свободы, прославления Добродетели.

"Как мир — со мной, так враждовал я с миром,
Вниманье черни светской не ловил,
Не возносил хвалу ее кумирам,
Не слушал светских бардов и сивилл,
В улыбке льстивой губы не кривил,
Не раз бывал в толпе, но не с толпою,
Всеобщих мнений эхом не служил,
И так бы жил — но, примирясь с судьбою,
Мой разум одержал победу над собою.
Я с миром враждовал, как мир — со мной.
Но, несмотря на опыт, верю снова,
Простясь, как добрый враг, с моей страной,
Что Правда есть, Надежда держит слово,
Что Добродетель не всегда сурова,
Не уловленьем слабых занята,
Что кто-то может пожалеть другого,
Что есть нелицемерные уста,
И Доброта — не миф, и Счастье — не мечта"
Чайльд Гарольд

Все же Рассел был несправедлив к Байрону - он не был ни романтиком, ни пессимистом и верил и в разум, и в добродетель и в возможность достижения счастья. И когда он пророчит свое бессмертие в веках, он понимает, что его метущийся дух нашел дорогу к Пространству Интеллекта, единому для всех времен человеческого существования.

"Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приязнью дружеской на лике,
Фигляра смех и козни подлеца,

Невежды свист бессмысленный и дикий,
И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,
Без слов понятную всеядной сплетне речь.
Зато я жил, и жил я не напрасно!
Хоть, может быть, под бурею невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет
И поздним сожалением, быть может,
Само бездушие холодное встревожит"
Чайльд Гарольд

Напоследок хотелось бы еще заметить, что несмотря на свой объемный вид, то что дошло до нас в виде романа Дон Жуан – не просто незаконченное произведение, оно было остановлено на самом начале сюжета. Истинная любовь, к описанию которой только приступил Байрон, еще должна была раскрыться, а случайные связи во время путешествия были только вступлением в качестве эротической поэзии – столь же красивой, сколь и безобидной.

ГЛАВА 12. ТОШНОТА ЗАРАТУСТРЫ

Всю ночь мне снился замерзающий ребенок. Его холодный пот оставался на моих губах, которыми я тщетно пыталась согреть его лобик. Я растирала его ножки, целовала глазки, прижимала к сердцу – и все напрасно, он только становился холоднее и холоднее. Слезы душили меня даже во сне. Я все время слышала слова Ницше:

" Кто в силах отогреть меня, кто еще любит?
Лежу бессильно я, от страха цепенея,
Как перед смертию, когда уж ноги стынут,
Дрожа в припадках злой, неведомой болезни
Как молниею, поражен я глазом,
Насмешливо из темноты смотрящим!
И так лежу я, извиваясь,
Согбенный, скрюченный, замученный свирепо
Мученьями, что на меня наслал ты,
Безжалостный охотник,
Неведомый мне бог!" Заратустра Ницше

Свифт вывел меня из этого жуткого забытья. Меня разбудил писк компьютера, который возвещал о приходе Свифта.

- Скорее идем, - закричал он мне с порога, - Ницше опять стал Заратустрой и проповедует на горе. Садисты собрались вокруг него и умоляют его не позорить их. Видимо он не на шутку на них разозлился.

- А что такое?

- Пойдем, пойдем, я тебе по дороге расскажу. Нельзя пропускать такое шоу. В последний раз Ницше был Заратустрой только в день своего прибытия, и мы все до сих пор помним этот день. А что с тобой? На тебе лица нет? Ты плохо спала?

- Да меня всю ночь мучили кошмары. Но теперь я понимаю почему. Ницше вчера меня сильно расстроил, я чувствовала, что

с ним что-то недоброе твориться. Подожди минутку, дай мне сконцентрироваться, чтобы я приняла надлежащий вид и пойдем.

- Ну так вот, - начал Свифт, когда мы были уже в лифте, - он ведь всегда прикидывался безбожником...

- Да, я помню, так кажется у него: "Ну что ж! Вот моя проповедь для их ушей: я - Заратустра, безбожник, который говорит "кто безбожнее меня, чтобы я мог радоваться его наставлению?"

- А настоящий безбожник де Сад, - усмехнулся Свифт, он в свое время перепробовал пол Европы, поимел бы всю, если бы его не заточили. А Ницше целомудренен как слеза ребенка, он вообще не знает женщины! Так что сумасшедший маркиз не замедлил воспользоваться его предложением. Неловко при девушке говорить такие гадости, но раз уж ты ученый...Сада возбуждает только насилие над добродетелью, особенно над символами божеского. Ницше делал вид, что он радуется тому, кто безбожнее его, но мы все знали, что он сильно страдает. Это была особая тема для анекдотов в Башне. Часто он сидел у Данте в театре, надвинув плащ на глаза, и все делали вид, что не узнают его.

В последний раз, когда Сад опять использовал образ Христа в своих постановках, Ницше не выдержал и закатил истерику, да такую, что у чокнутого маркиза искры из глаз посыпались – Ницше ведь может если захочет. С тех пор они не разговаривали. А вот теперь Ницше стал Заратустрой.

Мы уже шли по мокрой от утренней росы траве, направляясь к горному ландшафту, видневшемуся на горизонте. Лисица перебежала грациозно дорогу, не удостоив нас ни единого взгляда, и помахала на прощание пушистым рыжим хвостом. Ранние пташки переливались на солнце, оглушая нас своим многоголосьем. Лес жил своей жизнью, ничего не ведая о драме, разыгравшейся на одном из его холмов.

Когда мы пришли, Ницше уже собрал аншлаг: почти весь Олимп был на представление, которого ни в каком другом теат-

ре не посмотришь. Но особенно выделялась партия садистов, тревожно о чем-то шептавшихся и то и дело пытавшихся привлечь внимание взбесившегося поэта. Сад несколько раз пытался вскарабкаться на холм, но поэт не замечал его присутствия, еще ожесточеннее обращая свой гнев на своих бывших единомышленников.

- Слушайте меня, звери мои! – кричал он трубным голосом, - Я – Заратустра, убивший Бога! Это я убил Бога и отдал его на съедение этим гнидам человечества, этим жалким псам, которых я считал великими! Но маленький человек всегда возвращается! О отвращение! Отвращение! Отвращение! Звери мои, только здесь на Горе, с вами, мой нос отдыхает от зловония человека, только здесь чистый воздух, ибо человек – это грязный поток и надо быть морем, чтобы принять его в себя и не погибнуть!

Посмотрите на этих человечков, звери мои! Они называют себя злодеями и я верил им! Я верил, что злое самое лучшее в человеке, и что человек будет становится злее и лучше! Но посмотрите на этих злодеев звери мои, и не умрите со смеху!

Маркиз опять стал предпринимать отчаянные попытки стащить Ницше с горы, и тогда Ницше разразился грудным смехом, сотрясшим все его существо.

- А кто говорил: Я – Заратустра, безбожник, кто безбожнее меня, чтобы я мог радоваться его наставлению? – заорал ему в ответ Сад, возвращаясь к подножию холма.

- Заратустра и так говорил: "Вот -- священники; и хотя они также мои враги, но вы проходите мимо них молча, с опущенными мечами! Также и между ними есть герои; многие из них слишком страдали; поэтому они хотят заставить других страдать. Они - злые враги: нет ничего мстительнее смирения их. И легко оскверняется тот, кто нападает на них. Но моя кровь родственна их крови, и я хочу, чтобы моя кровь была почтена в их крови" Ты поднял меч на героев, родственных моей крови, ты гнусный маленький человечек, прыгающий на похотливых женщинах.

Вот эта свинья, звери мои, называет себя "закоренелым злодеем". И знаете, в чем злодейство этой свиньи? Он насилует

добродетельных девушек. Разве о таком зле говорил я, когда писал счастье ножа и о мече, который хочет упиваться кровью и сверкает желанием? Разве Заратустра против невинных девушек?

- Не ты ли писал: идешь к женщине – возьми плетку? – заорал взбешенный де Сад. – Ты счастливец ножа, упивающегося кровью! Ты хотя бы видел нож один раз глазами? Про кровь я не спрашиваю, ясно что ты бы грохнулся в обморок как чувствительная барышня! Перестань пускать слюни! Я всего лишь делал то, что ты говорил! Всем известно как я люблю плетку с женщинами!

- Я люблю лес. – продолжал Ницше, не обращая на него никакого внимания. - В городах трудно жить: там слишком много похотливых людей. Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины? И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят – они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной. Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух!

- Скажи, чего ты хочешь от меня, - не унимался Сад, - пойдем в театр, там все обговорим. Прекрати этот позор, а не то я сейчас спущу прямо здесь.

Я огляделась. Не каждый день увидишь сразу весь цвет человеческой расы с самого зарождения у нее интеллекта. К сожалению, я мало кого узнавала. Даже о тех, кто со мной говорил на заседании партии гуманистов-рационалистов, я узнавала потом со слов Свифта, Данте или Рассела. Вот и сейчас я увидела только знакомые лица. Рассел, как всегда приковал мое внимание. Вот что значит особое пространство интеллекта. Я ведь впервые видела этого человека, но я знала о нем все и чувствовала, что знаю его всю жизнь. Правда, я не могла похвастать, как Толстой о Руссо, что прочла абсолютно все его книги (его фундаментальный труд по математической логике и художественные книги я не читала), но зато я прочитала почти все его работы по социальной теории, по психологии и по философии. Я читала его автобиографию и автобиографию его дочери, посвященной по-

смертно отцу. И я давно сроднилась с ним так, словно он был частью меня. До чего же было мне приятно, что он чувствовал тоже самое! Признаюсь, меня это не сильно удивило. Напротив, я удивилась бы, если бы было иначе. Ведь мы с ним единомышленники почти во всех вопросах и главное, я гордилась тем, что разрешила этическую задачу, которая мучила его всю жизнь: "Если бы я мог доказать, что гуманистическая этика имеет под собой научные основания – я бы успокоился. Но пока я не вижу как научно обосновать, что делать добро правильнее, чем делать зло". К счастью, теперь эта истина имела под собой неопровержимые доказательства, и я была рада, что смогу успокоить своего наставника и друга, долгое время служившего мне поддержкой на тяжком поприще науки.

Я присмотрелась, он с кем-то оживленно беседовал. Лицо его собеседника невозможно было не узнать – ну, конечно, это Жан-Поль Сартр. Он возглавлял организованный Расселом комитет по военным преступлениям во Вьетнаме, так что они были вместе в самые последние годы жизни Бертрана. Этот комитет неугомонный борец за мир лорд Рассел основал, когда ему было уже глубоко за девяносто (!), и в 98 лет умер. Они никогда не были единомышленниками в философских позициях, но уважали друг друга как активных борцов за человеческую свободу и состоятельность.

- А эта свинья, звери мои, она ненавидит только добродетельных женщин и подвергает изуверству самых невинных. – денесся до меня хриплый голос Фридриха Ницше, - Он любит похотливую сучку Жюльетту, и ненавидит добродетель истинного спартанца Жюстины. Он приготовил в своей болотной жиже под названием роман ад для благородной Жюстины и рай для шлюхи Жюльетты. Сука-чувственность помутила его разум. А я сидел среди вас переодетым и еще себя винил, что я недостаточно зол, чтобы понимать великое зло. Переодетым сидел я среди них, готовый не узнавать себя, чтобы только переносить их, и стараясь уверить себя: "Глупец, ты не знаешь людей!"

- Это точно. Я сверхчеловек и я безумец. Все как ты учил, Заратустра. – расхохотался снизу Сад, - и я порочен до мозга костей. Извини, что презираю твое целомудрие.

- Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам невинность чувств. Разве целомудрие я советую вам? У иных целомудрие есть добродетель, но у многих почти что порок. Они, быть может, воздерживаются - но сука-чувственность проглядывает с завистью во всем, что они делают. Даже до высот их добродетели и вплоть до сурового духа их следует за ними это животное и его смута. И как ловко умеет сука-чувственность молить о куске духа, когда ей отказывают в куске тела!

Мне становилась ясна подоплека этой трагикомедии. Ницше наконец начал осознавать, в какую лужу сел, распевая дифирамбы Эгозащите. Искать величия и призывать к силе мертвого, тупого тока – это мало сказать, крупно ошибиться. Я посмотрела на Сартра. Мне пришел в голову отрывок из его романа "Тошнота" – первого романа, в котором он представил свою философию экзистенциализма.

"Он глядит на человечка своим хищным взглядом. Прямой взгляд, который все ставит на свои места.

– Старый псих – вот кто он такой.

Доктор Роже даже не дает себе труда показать, что шутит. Он знает: старый псих не рассердится, он расплывется в улыбке. Так и есть – тот униженно улыбается. Старый псих расслабился, он чувствует: его защитили от него самого, сегодня с ним ничего не случится. И самое ужасное: я успокоился тоже. Так вот что со мной такое – я всего-навсего старый псих.

Доктор смеется, он бросает на меня призывный взгляд сообщника; без сомнения, из-за моего роста – да и рубашка у меня чистая – он готов пригласить меня участвовать в его шутках.

Я не смеюсь и не отвечаю на его заигрывание – тогда, не переставая смеяться, он испытывает на мне устрашающий огонь своих глаз. Несколько секунд мы неотрывно смотрим друг на друга: прикидываясь близоруким, доктор меряет меня прищуренным

взглядом – он обдумывает, к какому разряду меня отнести. К разряду психов? Или к разряду проходимцев?

И все– таки первым отводит глаза он -подумаешь, спасовал перед каким-то одиночкой, никакой общественной значимости не имеющим, стоит ли об этом тужить, это тут же забудется. Доктор сворачивает сигарету, закуривает и сидит неподвижно с застывшим и жестким, как это бывает у стариков, взглядом....

Мне стыдно за мсье Ахилла. Мы с ним два сапога пара, мы должны быть заодно против них. А он меня предал и перешел на их сторону: он искренне верит – верит в Опыт. Не в свой, не в мой. А в опыт доктора Роже. Еще недавно мсье Ахилл чувствовал себя странным, ему казалось, что он одинок; а теперь он знает: таких, как он, много, очень много, доктор Роже встречал этих людей, он может рассказать мсье Ахиллу историю каждого из них и кто из них чем кончил. Мсье Ахилл всего-навсего казус, частный случай, который легко сводится к некоторым общим понятиям" Тошнота Сартр

Меня удивляла наивность этого человека, доказывавшего, что душа человека абсолютно свободна и вольна принимать любые решения. Я уже не говорю о научной критике – как любое ложное учение, его философия полна внутренних противоречий и главное, опровергается его же собственным опытом, изложенном в Тошноте. Но именно наивность – вот то, что меня глубоко поразило в этом человеке.

- Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина -- для отдохновения воина; все остальное – глупость! Чьи это слова учитель? - насмехался маркиз. – Кто автор этих слов, великий Заратустра? Как же ты представляешь себе отдохновение воина на женщине?

- Разве Заратустра враг невинных девушек, как этот человечек, посягнувший на имя сверхчеловека? Разве Заратустра причинит зло прекрасной Жюстине, чтобы попасть в мечты похотливой Жюльетты? Переодетым сидел я среди вас, боясь признаться себе, что нет во мне зла и счастье ножа меня вовсе не манит. Ибо счастье стать сверхчеловеком владело мною,

счастье величия видел я в страшном зле, в самом страшном зле. Но здесь я увидел нагими самых знаменитых злодеев. Вместо зла нашел свинство и мелочность, которые не снились даже добрым и праведным. Я убил Бога ради свиней, не владеющих ни каплей духа! О отвращение! Отвращение! Отвращение! Звери мои, моя старая болезнь возвращается ко мне! Морская болезнь душит меня.

- А посмотрите на это ничтожество, звери мои, - Ницше указал на Наполеона. – Его видел я своим героем войны. Его, не знающего отдыха война, воюющего ради самой войны. И он пал ниже всех: он не смог даже посмеяться над собой, не смог даже презирать самого себя! А это есть лучшее в человеке. Святость смеха презрел он ради тщеславия отребья! Быть первым среди отребья – о отвращение! А я считал его смеющимся львом, а он только первый среди отребья.

- Злое самое лучшее в человеке, - кричал ему его цитаты Сад, - человек будет становиться лучше и злее. Как ты представляешь себе стать злее, если не так как я описал? Насиловать и убивать дочерей, матерей, детей, приносить шлюх в жертву нашему удовольствию. Вскрывать заживо родную дочь после того, как изнасилуешь ее, чтобы изучить на ней работу сердца? Разве это не велико для того, кто прославляет разум? Что значит одна шлюшка рядом с прогрессом науки? Разве не созданы эти маленькие человечки для нашего наслаждения? Разве не ты писал, что они только средство для величия сверхчеловека и не имеют цели в самих себе? За это я любил тебя как брата! Ты сказал все то, что я не смог сказать так красиво и убедительно как ты! Ты доказал, что я был прав, когда говорил, что маленькие люди созданы для нашего наслаждения и мы вправе делать с ними все что хотим, а наши желания священны! А теперь ты предал меня! Ты опять молишься! Молишься Богу, которого мы вместе скинули с пьедестала, чтобы взобраться на него самим.

Но Ницше уже прочно вошел в роль и говорил только текстами из Заратустры:

- Не бросайте пляски, вы, милые девушки! К вам подошел не зануда со злым взглядом, не враг девушек. Ходатай Бога я перед дьяволом, а он -дух тяжести. Как бы мог я, вы, быстроногие, быть врагом божественных танцев? Или женских ножек с красивыми сгибами?

Правда, я - лес, полный мрака от темных деревьев, - но кто не испугается моего мрака, найдет и кущи роз под сенью моих кипарисов. И маленького бога найдет он, любезного девушкам: у колодца лежит он тихо, с закрытыми глазами. Поистине, среди бела дня уснул он, ленивец! Не гонялся ли он слишком много за бабочками? Не сердитесь на меня, прекрасные плясуньи, если я слегка накажу маленького бога! Быть может, кричать будет он и плакать - но он готов смеяться, даже когда плачет. И со слезами на глазах пусть просит он у вас о пляске.

Ницше присел на холме у подножия развесистого дуба и нежно обнял его обеими руками, не удостаивая сумасшедшего маркиза не единым взглядом.

Тогда Сад стал цитировать другой отрывок из Заратустры:

- "Мы опять стали набожны" - так признаются эти отступники; и многие из них еще слишком малодушны, чтобы признаться в этом. Им смотрю я в глаза, - им говорю я в лицо и в румянец их щек: вы те, что снова молитесь! Но это позор - молиться! Не для всех, а для тебя, и для меня, и для тех, у кого в голове есть совесть. Для тебя это позор - молиться!"

Ницше вдруг порывисто вскочил и заорал на Сада сквозь густую пелену слез, застилавших ему глаза:

- Ты все врешь, низкая душа! Ты такой же никудышний злодей, как и я. Та же морская болезнь не дает тебе идти против совести – и ты никогда не насиловал свою дочь и мать и не убивал их! Ты бережно заботился о дочери в свободное от тюрьмы время, конечно – истерично расхохотался Ницше, - и часами гулял с ней. И ты был в глубоком трауре, когда умер твой отец, которого ты искренне любил. Что же ты не поимел его прах в гробу, а бережно носил его записки у сердца? Ты лжешь, ничтожный человечек: ты ненавидел свою тещу так сильно, что этой ненави-

сти хватило бы уничтожить полк. Ты сдирал с нее в воображении кожу и сажал в бочку с уксусом! И что же! Это ты спас ее от гильотины во время революции! Ты не смог подписать ни одного смертного приговора и это после того, как твои идиотские романы пестрят расчленениями и лавинами человеческой крови? И ты будешь мне говорить, что мы великие злодеи! Позор! Я не стану злодеем наполовину, как не стал ученым наполовину! Если злое не самое лучшее в человеке, то я не стану обманывать себя словно малое дитя, что я злодей! Это ты лицемер и притворщик, ты дешевый скоморох и фигляр, и все твои романы пропитаны лицемерием и жалким тщеславием. Словно кокетка заигрываешь ты с публикой, прыгаешь на веревке ради ее удовольствия! Заратустра говорит от избытка сердца своего, Заратустра обнажает сердце и отдает его людям! Уста мои – уста народа! Я не стану врать, что я зол, если я не зол!

- Я изнасиловал и убил свою мать, – гордо вышел Нерон, - я божественный август и император великого Рима. Я знаю, что такое величие.

- Что же гнало меня к самым бедным, – опять громко процитировал Ницше Заратустру, -

разве не отвращение к нашим богачам?

- к каторжникам богатства, извлекающим выгоды свои из всякого мусора, с холодными глазами и похотливыми мыслями, к этому отребью, от которого подымается к небу зловоние,

- к этой раззолоченной, лживой черни, предки которой были воришками, или стервятниками, или тряпичниками, падкими до женщин, похотливыми и забывчивыми: ибо все они недалеко ушли от

блудницы - Чернь сверху, чернь снизу! Что значит сегодня "бедный" и "богатый"! Эту разницу забыл я, - и бежал я все дальше и дальше, пока я не пришел к этим коровам".

Закончив, он показал в сторону Нерона пальцем, не удостоив его ни единого взгляда:

- Вот видишь, такие свиньи способны на что угодно, но у них нет и капли Духа. А у каждого у кого есть хоть капля духа, будет

изобретать такие вот полные вранья романы как ты Сад, но ничего не сможет сделать в жизни, как ничего не сделал ты. Потому что ДУХУ ПРОТИВНО ЗЛО, и только свиньи, не имеющие духа способны на что угодно. И даже ты Сад, даже ты имеешь крупицу духа, потому что хоть твои сочинения и клоунада – они все же показывают ищущий дух, которого нет у таких вот свиней. И мы с тобой, те кто имеет частичку Бога, - ибо дух есть божественный дар, - мы убили и предали Бога ради свиней!

На этих словах Сад потерял над собой контроль и стал орать так, что эхо разлеталось далеко вокруг, истерично множа его болезненный рев.

- Я не предавал Бога, я его презираю, я его имею, когда хочу!

- "Перестань, -- кричал ему Ницше со злобным смехом, - перестань, комедиант! фальшивомонетчик! закоренелый лжец! Я узнаю тебя! Злой фальшивомонетчик, разве мог бы ты поступать иначе! Даже болезнь свою нарумянил бы ты, если бы нагим показался врачу своему. Все вранье! Все подлое низкое вранье! Даже свою добродетельную Жюстину ты любишь намного больше шлюху Жюльетту: она у тебя и красивее, и сексуальнее и женственнее и умнее. И именно в насилие над ее добродетелью ты находишь удовольствие и растягиваешь это удовольствие на всю эту болотную жижу, именуемую романом. Ты просто шут и скоморох, также как и я впрочем. Я тоже лгал и румянил истину, как все поэты. И мне стыдно, что я все еще должен быть поэтом. Но я должен, потому что не могу высказать это иначе. Все это только нагромождение слов, и я не могу назвать себя женихом истины.

Тут население Олимпа, слушавшее диалог с большим интересом и удовольствием, вдруг громко зааплодировало, чтобы поддержать Ницше.

Щеки поэта зарумянились от удовольствия, он обвел толпу печальным взглядом и опять заговорил словами Заратустры:

-"О, я устал, противны мне искусства мои, я не велик, для чего притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо, - я искал величия! Великого человека хотел я представлять и убедил в этом мно-

гих; но эта ложь была свыше сил моих. Об нее разбиваюсь я. О Заратустра, все ложь во мне; но что я разбиваюсь – это правда во мне! Злой, старый чародей, это твое лучшее и самое честное, и я чту в тебе то, что устал ты от себя и сказал: "Я не велик". За это чту я тебя, как кающегося духом: даже если только на один миг, но в этот момент был ты - правдив.

Я посмотрела на Сартра. Вот, где его действительно предали. Ницше был кумиром его молодости. Тогда они верные студенческому романтизму "играли в сверхчеловеков". Но этот романтизм Сартр сохранил на всю жизнь и унес с собой в могилу, то есть сюда в чистилище. Его экзистенциализм – только более осторожное изложение ницшеанства. И гносеология, и психология, и космология – все тоже самое. Зачем было еще трудится изобретать свою философию, когда уже все это написано и сказано. Даже ненависть за сострадание к своему психозу, даже противоставление себя миру "добропорядочных" людей, которые вздумали жалеть их за то, что они не такие как все. Даже Тошнота и Отвращение к "маленькому раскрашенному мирку" маленьких человечков.

Я оказалась права Сартр сжался как удара и даже закрыл глаза. Гнев, яркой вспышкой взорвался в глазах, перекосив лицо.

- Ты обвинил меня в тщеславии? – опять нашел в себе силы шокированный всем происходящим Сад. – О, да, я тщеславен и я много вру ради славы. Но для чего же врал ты, если не для тщеславия?

- Меня заставил мой самый тихий час. – тихо сказал Ницше.

- Кто тебя заставил? – не поверил своим ушам Сад.

- Мой самый тихий час, - еще тише пробормотал Ницше и вздрогнул. – никогда еще не было такой тишины вокруг меня: так что сердце мое испугалось. Тогда заговорила беззвучно тишина ко мне: "Ты знаешь это, Заратустра?" - И я вскрикнул от страха при этом шепоте, и кровь отхлынула от моего лица, - но я молчал. Тогда во второй раз сказала она мне беззвучно: "Ты знаешь это, Заратустра, но ты не говоришь об этом!" - И я отвечал наконец, подобно упрямцу: "Да, я знаю это, но не хочу

говорить об этом!" Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Ты не хочешь, Заратустра? Правда ли это? Не прячься в своем упорстве!" И я плакал и дрожал, как ребенок, и наконец сказал: "Ах, я хотел бы, но разве могу я! Избавь меня! Это свыше моих сил!" Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Что тебе за дело, что случится с тобой, Заратустра? Скажи свое слово и разбейся!" И я отвечал: "Ах, разве это мое слово? Кто я такой? Я жду более достойного; я не достоин даже разбиться о него". Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Что тебе за дело что случится с тобой? Ты еще недостаточно кроток для меня. У кротости самая толстая шкура". И я отвечал: "Чего только не вынесла шкура моей кротости! У подножия своей высоты я живу; как высоки мои вершины? Никто еще не сказал мне этого. Но хорошо знаю я свои долины". Тогда опять сказала она мне беззвучно: "О Заратустра, кто должен двигать горами, тот передвигает также долины и низменности". И я отвечал: "Еще мое слово не двигало горами, и что я говорил, не достигало людей. И хотя я шел к людям, но еще не дошел до них" Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Что знаешь ты об этом! Роса падает на траву, когда ночь всего безмолвнее". И я отвечал: "Они смеялись надо мной, когда нашел я свой собственный путь и пошел по нему; и поистине, дрожали тогда мои ноги. И так говорили они мне: ты потерял путь, а теперь ты отучиваешься даже ходить!" Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Что тебе до насмешек их! Ты тот, кто разучился повиноваться: теперь должен ты повелевать! Разве ты не знаешь, кто наиболее нужен всем? Кто приказывает великое. Совершить великое трудно; но еще труднее приказать великое. Самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, и ты не хочешь властвовать". И я отвечал: "Мне недостает голоса льва, чтобы приказывать". Тогда, словно шепотом, сказала она мне: "Самые тихие слова - те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром. О Заратустра, ты должен идти, как тень того, что должно наступить: так бу-

дешь ты приказывать и, приказывая, идти впереди". И я отвечал: "Мне мешает стыд". Тогда опять сказала она мне беззвучно: "Ты должен еще стать ребенком, чтобы стыд не мешал тебе. Гордыня юноши тяготеет еще на тебе, поздно помолодел ты, - но кто хочет превратиться в дитя, должен преодолеть еще свою юность". И я решался долго и дрожал. Наконец сказал я то же, что и в первый раз: "Я не хочу". Тогда раздался смех вокруг меня. Ах, смех этот разрывал мне внутренности и надрывал мое сердце!

Меня глубоко потрясла эта исповедь Ницше – потому что я ясно видела, что он самым беспощадным образом провел публичную вивисекцию глубоко пораженной метастазами шизофрении души.

На этих словах он поднялся и гордо выпрямился перед всеми собравшимися, с интересом вслушивавшихся в диалог самых авторитетных теоретиков Зла.

- Ничего не утаил я от вас. Мой самый тихий час приказал мне, я не хотел, ибо я не велик. Я говорил ему, что у меня нет голоса льва.

Де Сад громко выругался и схватился за голову:

- И вот это ничтожество я считал великим философом – самым великим из всех когда-либо живших. Я думал, что я ребенок, а он еще больший ребенок. Ты так еще чего доброго заставишь и меня усомниться в своей правоте. Вот тогда я действительно пропал!

- Ты угадал, каково тому, кто убил его. Я самый безобразный человек. Останься! И если ты хочешь идти, ты, нетерпеливый, - не ходи дорогою, какою я шел. Эта дорога плохая. Я – убийца Бога, - тихо повторил Ницше, устремив взгляд сквозь людей, - Я знаю топор, сразивший меня, - и зарыдал, не обращая больше уже ни на кого внимания.

Только когда я уже обняла его и стала гладить по вздрагивавшей от рыданий голове, я поняла какую ошибку я допустила. Он раскаялся – это верно, но окончательное излечение требует много времени - времени в течение которого путем тщательного

образования и проверки на практике вновь полученных знаний будет выстраиваться Пространство Интеллекта. Только когда это пространство окажется доступным психике выздоравливающего, можно будет считать его излеченным. А пока ничего кроме еще большей боли и еще большего унижения, чем до этого не отличало состояние Фридриха. Так каким же образом, я хотела его утешить, гладя по голове и жалея у всех на глазах?! Его, человека, который писал, что убил Бога, потому что он его пожалел за его слабость, что он бежал от людей не за их злость, а за их сострадание? Я могла усугубить ситуацию, взорвать его смирение новым приступом протеста против "добрых и праведных", но успокоить никак не могла. Но этот сон о замерзающем ребенке и эти слезы из глаз великого мученика. Я не смогла проконтролировать импульс жалости – слишком потрясена я была его горем и сочувствием ему, да и вообще мое пребывание в чистилище окончательно расшатало мне нервы.

Я оказалась права. Фридрих сердито вырвался их моих рук и маниакально расхохотался.

- Кто поверил этой комедии? Кто поверил чародею, меняющему маски по своему усмотрению? Вы добрые и праведные, ничем не лучше этих смрадных похотливых свиней! Я всегда смогу увидеть злорадство, притаившееся рядом с вашей жалостью! Так наслаждаетесь вы своим триумфом! – орал он мне в ухо.

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Тоже мне мамаша, прибежала жалеть великого Фридриха Ницше. И вот получила по заслугам. Нечего оголять свое сердце всем подряд. Это-то и было больнее всего, что меня всегда били в самое уязвимое место – туда, где располагалась искренняя нежность и сочувствие, били только за то, что я не умела притворяться, и всегда оставалась собой. "Добрая и праведная"? Какая пошлость превращать искренность и нежность в религиозные трюизмы.

Однако, этим все не кончилось. Подоспел Сартр и пылая от негодования, стал мне выговаривать, защищая "своего психа".

- Кто дал вам право жалеть великого философа? Он поэт и артист – и это только часть его искусства. Он реализует свой Про-

ект – это его произведение искусства. Даже на Нюрнбергском процессе вели себя более этично, осуждая виновных против человечества. Человек может только сам вынести себе приговор, как же вы решились вынести великому человеку приговор жалости? Разве есть более страшный приговор? Да что вы о себе возомнили?

Его глаза метали молнии, лицо налилось кровью – он был взбешен так, словно бы кто-то посягнул на честь его отца. Но самое страшное было в том, что эти удары сыпались с такой силой и неожиданностью, что я окончательно растерялась. Так обидно было в ответ на оголенное состраданием сердце получить удар ножом по самую рукоятку. Ком вдруг возник у самого горла и не хотел никуда уходить, грозясь разразится слезами в любую минуту. Я смотрела в дикие глаза Сартра и думала, как слепы эти люди, уверенные что видят где "наши" и где "чужие", и от этого так легко позволяющие себе быть свирепыми. Две крупные капли скатились из моих глаз, обжигая щеки. Я все еще силилась взять себя в руки, постараться найти в себе силы ответить, как полагается ученому, а не реветь на публике, подтверждая, что я всего лишь баба. В этот момент неожиданно подоспел на выручку Свифт, за что я навсегда останусь ему благодарна. Даже не хочу думать каким позором бы закончилась эта сцена, если бы он вдруг не поднялась к нам на вершину и не произнес совершенно потрясающую речь.

- Да, вот именно бредовые философские системы – это самое что ни наесть помешательство. – громовым голосом обратился Свифт к публике. - Особенно философии свинства. Это ты Эпикур, первым изобрел ФИЛОСОФИЮ свинства. Можно БЫТЬ свиньей, но нельзя философствовать о свинстве, потому что свинья не имеет духа. И когда такие как ты гении духа, Эпикур, пишут о свинстве, как о единственном уделе человека получается такое извращение, как твоя жизнь: ты учил наслаждению, и уверял, что человеком правит эгоизм, и что удовольствие души – это только созерцание удовольствий тела. Так ты вычеркнул Дух из человека, сведя его подобно шуту Саду к наслаждению одного

лишь тела, к мелочному эгоизму отребья, не любящего добродетели ради нее самой, но лишь ради выгоды. Но если бы это было правдой, ты бы не сочинял такой ФИЛОСОФИИ, а просто жил бы как свинья и все. А что же вместо этого? Великий певец свинства живет как святой, крайний аскет, который живет на хлебе и воде и балует себя сыром по праздникам, сносит страшные мучения с радостью и проповедует дружбу, то есть любовь к ближнему как первейшее благо эгоиста! Ты проповедовавший отречение от всех радостей общественной жизни, - политики, любви, семьи – как мог ты провозгласить свинство телесных наслаждений единственным уделом человека?! Теперь, я знаю ответ на этот вопрос: только сумасшедший может изобретать философию свинства, потому что тот, в ком есть потребность к какой-либо философии уже не свинья.

Сад довел твою философию до логического конца: эгоизм, телесные наслаждение как единственная мотивация и удовольствия души только как созерцание удовольствий тела – обозначают не дружественные беседы в саду аскетов и целомудренников, а самый тяжелый разврат, злорадство и насилие. Но опять философия свинства себя не оправдала – он стал развратником духа, но не свиньей. Он не может развратничать без божьего имени на устах – знаешь, о чем это говорит Эпикур? О том, что он не свинья, а всего лишь больной дух, потерявший сам себя и ищущий себя в "наслаждениях тела". А одно только наслаждение тела не имеет потребности в насилии над духовными категориями, свинья не станет изобретать добродетельную самку для того, чтобы изнасиловать ее, ей подойдет любая самка. Во всем виноваты вы, вы сумасшедшие философы, хоть бы вы не сводили с ума других!

Свифту было, что сказать о сумасшествие. Он тоже в конце жизни лишился рассудка, как и Ницше, и завещал 11000 фунтов психиатрической лечебнице, которая и сегодня является старейших психиатрической лечебницей в Ирландии. Как человек тонкого ума, он не мог заинтересоваться проблемой помешательства после того, как стал обнаруживать себя ее признаки. Правда,

его теория не оказалась сколько-нибудь дальновидной, зато предвосхитила теорию давящих на психику нереализованных инстинктов Фрейда.

Олимпийцы разразились бурными аплодисментами. Эпикур стоял смущенный и красный от негодования, но так и не решился выйти с ответом. Зато Сократ и Платон поспешили на гору Заратустры, чтобы поздравить Свифта с великолепной речью, и Ницше с пробуждением от спячки в которой он пребывал более сотни лет. Эти философы проповедовали позицию обратную философии Эпикура (если можно назвать это философией). Наверное, поэтому, ученик Эпикура Диоген бросил в школу платоников общипанную курицу, заявив, что это человек Сократа. Сократ и Платон четко отделяли Дух от Тела, и хотя они заходили слишком далеко разрывая связи между ними, они по крайней мере видели, что это две совершенно различные энергии в человеке, и что истинная жизнь человека в его духе (психической энергии), а не в теле. Поэтому, учение воздержанности и даже аскетизму, как в случае с Сократом логично вытекает из их философии (но не из философии Эпикура, который был гедонистом). Эти люди проповедовали жизнь духа как единственно истинную, а тело, как тюрьму, мешающую свободному полету души. Сократ и Платон тепло обняли нас троих по очереди, а потом Сократ обратился с длинной речью к олимпийцам. Все уже давно привыкли, что он останавливается, чтобы посоветоваться со своим ангелом, так что никто больше этому не удивлялся, особенно здесь, в чистилище.

Сартр удалился вместе с Ницше, а мы остались слушать Сократа. Его прижизненная болтливость сменилась здесь молчаливостью, которую он редко нарушал. Тот мир, в который он шел с таким воодушевлением, отказавшись бежать из тюрьмы, и отважно выпив чашу с ядом, оказался не совсем тем, чего он ожидал увидеть. Но все же он не ошибся в главном – царство божеское существует и это царство интеллекта. Правда, он встретил здесь и тех людей, которых вовсе не ожидал здесь увидеть, и этот шок не только не проходил, но все нарастал со временем,

по мере поступления новых негодяев. Последней каплей стал Гитлер. Говорили, что после его прибытия Сократ вообще отказался разговаривать. Поэтому всех так порадовало его неожиданно проснувшееся вновь красноречие.

Речь великого старца успокоила и умиротворила меня. Свифт спустился и ободряюще мне улыбнувшись, занял свое место рядом со мной, словно верный телохранитель. Рассел тоже оказался рядом и, иронически усмехнувшись по своему обыкновению, предложил мне распоряжаться им.

- Мне право же, очень неловко, - сказала я.

- Есть за что, - весело улыбнулся мне Свифт, - мне бы в кошмарном сне не пришло в голову жалеть Ницше. Рассел от души расхохотался, он знает толк в юморе. Меня наконец отпустило.

- Я согласен с Джо, ты лучше с ними не связывайся, Лейла, - потрепал меня по плечу Рассел, - такое глубокое поражение сразу не вылечишь.

Место это оказалось настолько удачным для проведения митингов, что с той поры стало часто использоваться для спонтанных и запланированных собраний обитателей чистилища. Это горное ущелье живописное как все вокруг, с рассыпанными повсюду камнями причудливой формы, наводило на мысли о каменном веке. Несмотря на крутизну подъемов, они словно были приспособлены для того, чтобы по ним ходили подобием винтовой лестницы, делавшей подъем более пологим. Гора, на которую в истеричном припадке вскарабкался Ницше, стала называться горой Заратустры, подобно тому как озеро, где любили сидеть Толстой и Руссо называлось их именами.

Неожиданно вернулся Сартр. Увидев Рассела рядом со мной, он больше не стал к нему подходить, только отвел глаза в сторону. Было ясно и без слов, что в его душе зреет какая-то буря. Должна признаться мне сразу показалось странным встретить Сартра в партии гуманизма-рационализма. Разве не он высмеял и гуманизм и науку? Разве не он последователь глупейшего шопенгауэрского антиинтеллектуализма? Правда в конце жизни он понял, что смеяться над гуманизмом ответ-

ственный человек не имеет права и сформулировал свой собственный гуманизм. Но все же это был тот же человек, который писал: я закричал ему: "Ну и чего вы добились своей наукой? Чего вы добились своим гуманизмом?" Видимо, только личная симпатия и память о последних годах совместной работы во вьетнамском комитете Рассела удерживала его в партии последнего, поскольку во взглядах они никогда не сходились. Рассел самый закоренелый рационалист, автор фундаментального труда по математической логике, автор философии логического анализа, а Сартр напротив автор антиинтеллектуальной философии, отказывающей Разуму на право руководить человеческой жизнью. Его экзистенциализм вообще не признавал никакой "природы человека" в смысле общих для всех закономерностей психики – только хаотичную животрепещущую массу, которую он называл "существованием", меняющуюся с каждой минутой и никак не связанной с тем, чем она была еще минуту назад. Что может быть более отвратительным, чем такое представление о человеке? Даже Дарвин был снисходительнее.

Как только Сократ под бурю аплодисментов сошел вниз, Сартр занял его место и с присущей ему страстностью заговорил о родной сердцу теме – великой трагедии свободы человека, заброшенного в мир, подобно бродячей собаке. Смех да и только!

- Я должен раз и навсегда заявить свою позицию о так называемых поисках Дороги в Рай. – мрачно начал он, намеренно не поворачивая головы в сторону Рассела. – Вам всем хорошо известна моя позиция на возможности Разума – Интеллект не может указывать Дорогу человеку, потому что это лишило бы человека Свободы. Не т и не может быть никакой детерминированности в природе человека и противоречивые точки зрения в Залах Души – это нормальная ситуация, которая только подтверждает правоту моих слов. Было бы полным абсурдом стараться примирить эти точки зрения с тем, чтобы создать общие для всех людей закономерности поведения. Потому что, эти

противоречия отражают различные духовные проекты различных философов и могут распространяться только на них. Лишая этих философов их субъективности – вы лишаете их свободы реализовать свой проект, вы совершаете преступление против человечества, против гуманизма. И тот факт, что здесь присутствуют не только "добрые и праведные", но и "порочные и жестокие" говорит о том, что никакой Дороги в Рай нет! Мы все здесь только потому, что Бога нет.

Здесь я поняла, почему он до сих пор оставался с Расселом. Он считал себя несуществующим, но видимо поражение Ницше привело его в чувство и доказало ему против его собственной воли, что он еще способен остро переживать. Скоро он поймет, что существует здесь вне тела еще реальнее, чем с телом на земле.

- Неужели у вас, самых великих людей человечества, не достанет храбрости и здесь посмотреть правде в глаза и сказать себе – меня нет, это только иллюзия, сон, который скоро рассеется. Неужели вам не хочется последние дни провести в благородном сознании своей полной свободы от иллюзий общих для всех путеводителей, без розовых очков самообмана? Мы должны оставаться Проектами самих себя, не позволяя другим становится палачами и навязывать нам дух тяжести и дух серьезности чуждых нам понятий. Я считаю эту погоню за Дорогой в Рай не только трусостью, но и предательством по отношению ко всем нам, поскольку нас хотят одурачить, придумав одну единственную истину для всех.

Всех, кто согласен с моим мнением, я приглашаю в Театр Сартра, который начинает работать с сегодняшнего дня. Я уже определился и с первой пьесой – "Дьявол и Господь Бог". Это пьеса, которую я написал на Земле по идее моего друга Сервантеса – и я надеюсь, он окажет мне честь быть режиссером постановщиком. Человек – это не разум, человек – это процесс создания произведения искусства из своей жизни, и если уж мы вынуждены продолжать эту иллюзию существования – то давайте, хотя бы создавать произведения искусства вместо трусливых поисков дороги в никуда.

Сартр как всегда имел успех. Ему аплодировали даже громче, чем проснувшемуся от спячки Сократу. Впрочем, не был ли и он таким же разбуженным от спячки, который использовал энергию, которую ему дали мы, чтобы начать войну против нас? А на самом деле против себя.

Сартр удалился вместе с Ницше, а мы продолжали бурно обсуждать произошедшее. Наконец, когда мы тоже уже собирались уходить, Сад вдруг вскочил на гору Заратустры и закричал оттуда мне:

- Добродетель получила по заслугам как это обычно бывает, когда она смеет сражаться с пороком с открытым забралом. – захохотал он. - А порок будет торжествовать, он будет вознагражден за это самой проматерью природой, так как природа ненавидит добродетель, природа любит только порок, только разрушение. Счастье, порок и наслаждение – это единое целое, как несчастье, страдания и добродетель тоже единое целое, и ничто не сможет этого изменить.

Вот кто по настоящему помог мне выйти из стресса. Мне было очень больно от того, что я публично пожалела Ницше, потому что я переживала за него: я всегда очень страдаю, когда задета моя совесть. Сад направил на меня всю свою агрессию, с желанием немедленного публичного уничтожения и моей личности и моей теории, - но я не только не почувствовала боли, я была благодарна ему за возможность разрядки. Негодяи никогда не могут задеть порядочных людей за живое, и по присущей им тупости и трусости всегда изумляются этому. Я промолчала и не думая на него реагировать.

Сад натянуто расхохотался, но в его нервном смехе явственно проступила боль задетого самолюбия.

- Ты хочешь сказать, что не боишься самого Дьявола?

Он так тужился казаться ужасным, что невозможно было не расхохотаться над этим маскарадом. Жирненькое ничтожество, не видавшее в жизни ничего кроме проституток и обжорства, а туда же. Вслед за мной вся публика разразилась громовыми раскатами смеха.

- Клоун! – кричали они, - Скорчи еще рожицу!

- Ты же вроде материалист, которого всему научила "природа". Не забывай свою роль, ничтожество.

- Пусть так! Пусть я не Дьявол! Но это ничего не меняет в том, что я сказал. Природа любит только порок и разрушение, еще никто ничего не смог на это возразить. И не я один это заметил.

Я поздравила себя с тем, что заставила его публично признать, что он не Дьявол, потому как страх отнимал много энергии у порядочных обитателей Олимпа. Но виду не подала. Надо было постараться добить его до конца, раз уж он дал нам такую возможность избавиться от паразита, сосавшего соки здоровых душ чистилища.

- Да, я не дьявол, - повторил он, обводя окружающих вызывающим взглядом, - но я намного больше! Я философ! И если вы тоже называете себя философом, то примите мой вызов и ответьте на те философские положения, которыми я обосновал примат Зла над Добром в природе. Я говорю с вами достаточно вежливо, чтобы заслужить спокойный и обоснованный ответ?

- Помилуйте, сударь, - улыбнулась я, - я всегда рада аргументированной беседе, признаюсь правда, что мне трудно верить в то, что вы на нее способны. Но я принимаю ваш вызов: излагайте свои аргументы и пусть окружающие будут нам орбитрами.

- Ну тогда начнем!

"Все формы равны в глазах природы, и ничто не пропадает в огромном тигле, где происходят изменения: все частички материи, попадающие в него, непрерывно выходят оттуда в другом виде, и какими бы способами этот процесс не осуществлялся, ни один из них не может оскорбить природу. Убийства, совершаемые нами, питают ее силы, поддерживают ее энергию, и ни одно из них ей не противно. Какая разница для этой созидательницы, если та или иная масса материи, имеющая сегодня вид двуногого существа, возродится завтра в форме тысячи разнообразных насекомых! Кто осмелится утверждать, что

уничтожение животного о двух ногах трогает ее сильнее, нежели уничтожение червяка, и что она заботится о нем больше? Если степень ее привязанности, вернее безразличия, ко всем созданиям одинакова, чем может ей повредить человек, который превратит другого человека в муху или в растение? Когда меня убедят в верховенстве нашего человеческого вида, когда докажут, что он исключительно важен для природы, что ее законы противятся его видоизменениям, вот тогда я смогу поверить в то, что убийство есть преступление" Жюстина

- Весьма самонадеянно, с вашей стороны сударь, называть эти трюизмы, своей философией. Уже начиная с Гераклита эти рассуждения ни для кого не новость – если говорить о круговороте жизни в природе, а не оправдании убийства, разумеется.

Но я все же предпочла бы гетевскую формулировку, хотя у Сартра эта "философия" дана вполне прилично:

"Передо мной словно поднялась завеса, и зрелище бесконечной жизни превратилось для меня в бездну вечно отверстой могилы. Можешь ли ты сказать: "Это есть", - когда все проходит, когда все проносится с быстротой урагана, почти никогда не исчерпав все силы своего бытия, смывается потоком и гибнет, увы, разбившись о скалы? Нет мгновения, которое не пожирало бы тебя и твоих близких, нет мгновения, когда бы ты не был, пусть против воли, разрушителем! Безобиднейшая прогулка стоит жизни тысячам жалких червячков; один шаг сокрушает постройки, кропотливо возведенные муравьями, и топчет в прах целый мирок. О нет, не великие, исключительные всемирные бедствия трогают меня, не потопы, смывающие ваши деревни, не землетрясения, поглощающие ваши города: я не могу примириться с разрушительной силой, сокрытой во всей природе и ничего не создавшей такого, что не истребляло бы своего соседа или самого себя. И я мечусь в страхе. Вокруг меня животворящие силы неба и земли. А я не вижу ничего, кроме всепожирающего и все перемалывающего чудовища". Вертер Гете

Я процитировала вам Гете специально, чтобы вы видели во-первых, что были люди, излагавшие это лучше и талантливее

вас, а во-вторых, чтобы вы сразу же увидели закономерность в том, что так природу видят только те, кто неправильно пользуется разумом или вообще отказывается им пользоваться. У вас шизоидных интеллект Эгозащиты, а Гете принял позицию антиинтеллектуализма, как у Сартра, что также сделало их шизоидами, направив интеллект на Эгозащиту.

Так случается от того, что вне настоящего научного Интеллекта, нет никакой другой жизни кроме циклов, кроме кругов детерминированных энергий. И если человек отказывается от Интеллекта, предпочитая "жить сердцем", как Гете, или потому что считает, что он искажает действительность, как Шопенгауэр, или же направляет интеллект на службу Эгозащиты, как вы – то ему ничего другого не остается, кроме как наблюдать круговорот детерминированных энергий в природе, в котором действительно нет ничего трагичного.

Но человек – носитель Контрольной Энергии космоса, его жизнь имеет крутое качественное отличие от всех прочих детерминированных энергий. Он живет в Пространстве Интеллекта, которое представляет собой вечные и неуничтожимые законы космоса. Это энергия постоянного развития своей силы, своего контроля, проистекающих из знаний. Чем больше человечество накапливает знаний, тем больше расширяется его отчий дом – Пространство Интеллекта в котором обитают образованные люди, знающие законы космоса. Вы видите "всепожирающее чудовище" биологической энергии, которое есть всего лишь перетекание биологической энергии из одной формы в другую, но вы не видите растущего, никогда не останавливающегося и все время плодоносящего процесса накопления и развития знаний, развития навыков и способностей контроля законов вселенной, все большее сосредоточение несметных богатств космоса в руках человека, который открывает ему контроль, то есть его труд и профессионализм.

И достичь всех этих несметных богатств никак невозможно противоставляя свои интересы другим, потому что в одиночку можно только проституток пользовать, а серьезная работа тре-

бует разделении труда и взаимопомощи. Более того, эгоизм, на котором вы с пеной у рта настаиваете, как на источнике "наслаждений" – есть один из самых изощренных источников страданий и нищеты, потому как он лишает людей великой радости делиться энергией друг с другом, потому как он мешает им активировать свою силу по доступу к космическим богатствам космоса, потому, что он работает на детерминированной энергии, на ее болезненных гомеостазах, на ее ненасыщаемости, на ее мотивации боли, на ее мертвенности и лживости. Оттуда и происходит эта ваша отвратительная навязчивость в стремлении связать наслаждение и порок, которые прямо противоположны друг другу.

Наслаждение проистекает только из устойчивого равновесия Пространства Интеллекта, где человек чувствует себя в безопасности на уровне управления космическими богатствами вселенной. Наслаждение может проистекать только из громадного богатства соединенной в единое целое энергии многих талантливых и развитых образованием людей, которым необычайно интересно, весело, пикантно и здорово общаться друг с другом и дарить друг другу радость, вместе работать и вместе чувствовать себя королями вселенной. Счастье – это когда ты видишь, что твой дом высоко над землей даже когда ты ходишь по земле, потому что твое реальное движение происходит в интеллектуальном пространстве, отражающим твое взаимодействие с миром через призму законов космоса. Счастье – ощущать эту бесконечную мощь, бесконечно разнообразие форм и красок вселенной, стабильность устойчивого равновесия научного интеллекта, которая никогда не прерывается пресыщением или разочарованием, потому что приводима в движение истиной и великой любовью к познанию, а не кривым зеркалом детерминированных токов. Счастье – это когда ты обладаешь относительной свободой воли, а весь остальной детерминированный мир существует автоматизмами, счастье – это когда ты жив и обладаешь самосознанием, а весь остальной детерминированный мир мертв или растворен в окружаю-

щей среде. Счастье – это когда твое особое космическое пространство Интеллекта имеет свое особое Время, натянутое от Прошлого накопления опыта и знаний к способности видеть и предсказывать будущее на основе знаний, Время которое мы ощущаем как самосознание и самоидентичность. Время, которое только для нас не бессмысленно и не циклично, но представляет собой процесс накопления, роста и развития.

Достаточно ли для обоснования того, что человек кардинально отличается от всей прочей природы, и что Бог несомненно есть, и будучи Интеллектом, он возвысил нас до своей счастливой и мощной ипостаси?

И вы предлагаете пустить королевскую энергию космоса - с ее умом, счастьем, радостью жизни, неизмеримой мощью, волей и самосознанием - на гомеостазы боли и сумасшествия нищего и мертвого, заурядно тока природы? В этом великая логика убийства и разрушения? В прославлении сумасшествия, подобно Ницше, у которого сверхчеловек – безумен? Всякая война на корню уничтожает способность к труду, к познанию, к сотрудничеству, блокируя живую мощь Контрольной энергии, не говоря уже о том, что она есть результат циркулирования между людьми мертвого и тупого тока, блокирующего живые контакты. Отвечайте же, черт возьми, как много общего вы нашли между человеком и всей остальной детерминированной природой?

Наступившая тишина насторожила меня и я стала робко оглядываться по сторонам. Лица собравшихся отражали смесь изумления, восхищения и восторга. В этот момент публика разразилась громкими аплодисментами и хвалебными возгласами. Все направились в нашу сторону, стали меня обнимать, жать мне руку и говорить теплые слова за то, что я наконец посадила этого негодяя на его место и открыла им глаза на природу их энергетики.

Сад находился какое-то время в ступоре. Его образ сильно потускнел и помрачнел и было видно что у него наступают серьезные энергетические проблемы. Мы уж собрались все расходиться, как он опять заговорил:

- Почему же тогда такие силачи, - заорал он что есть мочь нам, - допускают все эти убийства? Если бы вы и в самом деле были такими, как вы говорите, то порока вообще бы не существовало, а между тем он процветает, он намного больше преуспел, чем добродетель, и это скажет вам любой святоша, а не только я. Победа порока над добродетелью – не моя выдумка, это факт, который легко наблюдать в каждодневной жизни.

"Можно ли представить себе, чтобы слабый имел возможность обидеть сильного? И что мы такое в сравнении с материей? Может ли она, создавая нас, дать своим детям силы повредить ей? Разве согласуется– это идиотское предположение с той торжественностью и уверенностью, с какими она творит свой промысел? А если бы убийство не служило наилучшим образом ее намерениям, неужели она допустила бы его? Неужели следовать примеру природы – значит вредить ей? Оскорбит ли ее, если человек будет делать то, чем она занимается каждодневно? Коль скоро доказано, что воспроизводство немыслимо без уничтожения, разве уничтожать – не значит действовать по ее плану? Разве не угодны ей люди, помогающие ей? Спрошу наконец, не служит ли ей лучше всех человек, который охотнее и чаще всего пятнает себя убийством, который активно исполняет ее намерения, проявляемые на каждом шагу?" Жюстина

- Я только что ответила, и на эту глупость вам, а вы конечно ничего не поняли. Попробую изложить детальнее.

Дело в том, что то, что вы называете пороком есть на самом деле заурядный детерминированный ток природы, такой же например как электричество или механическая энергия или любая другая неживая энергия природы. Этот ток – мертв, поэтому я не сравниваю его с биологической энергией, основанной на самосохранении. ДТПЭ – так называется то, что вы именуете пороком, это мертвый и тупой ток, не имеющий доступа к научному интеллекту и ко всем тем космическим благам и богатствам, о которых я говорила выше.

Более того, в нем нет и порока в вашем метафизическом смысле: то что вы именуете эгоизмом – есть на самом деле цик-

лы гомеостаза противоположных притяжений – Самолюбия и Влюбленности, не имеющих других осмысленных целей кроме самих этих циклов. Так течет мертвая и тупая энергия компульсии и боли через наш ток ума и счастья. Эгозащита включает всеобщее противостояние, боль включает зависимость и противоположность любовных ролей друг от друга, круговой характер равновесий ДТПЭ – делает их ненасыщаемыми, то есть не доступными удовлетворению Эгозащита по определению основана – на вечном и вечно бесполезном поиске удовлетворения, так как удовлетворения принесло бы устойчивое равновесие и остановило круги гомеостаза детерминированной энергии. Устойчивое равновесие, то есть постоянная удовлетворенность жизнью возможны только у Контрольной энергии космоса, поскольку ею движут Полюса Интеллекта.

Как видите, никакой порочности в этих естественных механизмах течения детерминированного тока нет, - так что вам собственно нечем хвастать как порождению дьявола или других метафизических сил. Есть только одна сплошная глупость, поскольку ток этот течет через ресурсы колоссального богатства Контрольной энергии космоса, через ее уникальную способность к устойчивому равновесию, к непрерывному времени самосознания, к росту и развитию. Если бы ДТПЭ тек не через наш КТ, а где-нибудь в другом месте, никакой порочности мы бы в нем не обнаружили, а просто строили бы из него машины и самолеты, как строим сегодня из других видов энергии. Но в качестве паразита на нашем теле он представляет нашу болезнь, которую необходимо остановить, чтобы она не расходовала наши силы на бессмысленные круги гомеостазов, к тому же чрезвычайно болезненные. Вот что вы предлагаете своей идиотской теорией агрессивного эгоизма, якобы в поисках наслаждения. ДТПЭ, то есть Эгозащита – это последнее место где можно искать наслаждения, так как ее компульсии (автоматизмы) всецело основаны на болезненной мотивации дефицита, то есть психического голода, вынуждающего искать пищу. И именно это обстоятельство – острая болезненность ДТПЭ – особенно со сло-

манным гомеостазом как у вас- заставляет вас так навязчиво бредить о наслаждении, а вовсе не то, что его реально можно найти там.

Как видите, никто и не позволял слабому обижать сильного: просто все это время шел процесс пробуждения КТ по ходу накопления знаний и развития Пространства Интеллекта человечества. Теперь когда законы ПЭ открыты и Пространство Интеллекта восстановлено, люди получат контроль к силе собственной психики и легко смогут остановить паразита ДТПЭ. Тогда-то они и получат ключи к космической мощи своей энергии, пожираемой сегодня Эгозащитой мертвого и нищего тока.

Что же касается успешности порока в сегодняшнем мире, то он основан как раз на том факте, что Пространство Интеллекта разрушено, все теории противоречивы, и реального контроля нет ни у кого. В результате КТ разбит, а Эгозащита ДТПЭ, которой не нужны знания, чтобы процветать, но только компульсии (автоматизмы) ее законов – разошлась на ослабленном хаосом Пространства Интеллекта поле КТ.

Теперь многие стали откровенно смеяться над глупостями Сада, который больше ничего не нашел сказать в ответ. Его образ побагровел, свидетельствуя об угрозе распада души, и он в панике пустился бежать прочь.

На обратном пути к нам подошел Гете и сжавшись от неловкости, смущенно заметил мне:

- Я никогда бы не подумал, что это мое замечание о вечном разрушении в природе, которое всегда сводило меня с ума, могло повлечь такие логические последствия как апологию убийства, как возведение убийства и порока в абсолют и требования максимума таких чудовищных злодейств.

Я благодарен, что вы помогли мне избавиться от этого всепожирающего чудовища, помогли поверить в созидательную природу человека и в особое пространство его существования. Но мне стыдно, что я хоть как-то мог содействовать распространению болезненного бреда этого выродка среди порядочных людей.

- Что вы, дорогой Иоганн, это вам спасибо за то, что вы помогли мне заткнуть ему глотку такой прекрасной формулировкой его неуклюжих поту на мысли. То что вы сделали это наблюдение естественных процессов в природе делает вам честь, а вот то, что этот недоумок вывел из этого максиму убийства говори о его поврежденном рассудке.

- Знаете, я все же решил не ходить в театр Ницше-Сартра, - улыбнулся мне Гете. – С меня достаточно жить только сердцем – я чуть не загнал его совсем без руля и без ветрил. Пора бы уже повзрослеть и научиться жить разумом тоже.

Мы пожали друг другу руки и разошлись с глубокой симпатией и в сердце и в разуме каждого из нас.

ГЛАВА 13. ТЕАТР НИЦШЕ-САРТРА

Пьеса Дьявол и Господь Бог провалилась. Ее нашли настолько сильно соответствующей садическому мировоззрению, что даже называли отвратительной и неприемлемой в порядочном театре. Вместе с потерпел крах и театр Ницше и Сартра. У Ницше начался новый кризис, а пьесу забрал себе де Сад, окончательно скомпрометировав театр Сартра.

Одаренные люди обязательно вступают в глубокий конфликт с обществом – но только с нездоровым обществом. Это происходит по двум причинам: во-первых, потому, что они сами как правило, нездоровы из-за активного шизоидного ДТПЭ, а во-вторых, потому, что развитый выше среднего Интеллект больше других страдает в условиях разрушенного пространства интеллекта.

"Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему гениальный человек часто с такими муками, словно сквозь какие-то бесконечные заросли терновника, продирается сквозь свою жизнь? Почему он оказывается неузнанным своими учителями, отвергнутым своими родителями и проигнорированным своими коллегами? Почему он вечно ссорится со своими покровителями? Почему самые блестящие перспективы вечно оказываются для него закрыты из-за чьих-то тайных козней? Почему всю свою жизнь он проводит в заботах, в гневе, в горечи и в печали? Конечно, в значительной степени виноват в этом, как и принято считать, окружающий мир, с его непониманием духовной исключительности и – осознанной или неосознанной - простой человеческой завистью заурядных людей, которых незаурядная личность обгоняет" Кречмер Гениальные люди

Из этих страданий возможны только два выхода соответственно двум токам психики: либо люди посвящают все свои усилия развитию Пространства Интеллекта и выздоровлению

общества, подобно Расселу или Фромму, либо напротив, они обозляются и заостряют Эгозащиту, объявляя анафему всему миру. В первом случае, они вступают на путь выздоровления и способствуют выздоровлению и развитию всего общества соответственно общему Я КТ, во втором случае они заостряют свою болезнь и окончательно отдаляются от общества. Аналогия с Самовлюбленностью очевидна: подобно тому как партия Шекспира предпочитает заострять Эгозащиту и выстраивать воздушные замки на поле ДТПЭ, которые всегда заканчиваются трагической развязкой, а партия Байрона предпочитает переходить на поле КТ и объявлять самые удачные поэзии подобного рода самыми вредными для молодежи, называя Самовлюбленность безумием, точно также обстоит дело и с прозаиками. Кто-то, обнаружив болезнь общества, находит ее симптомы и в себе и посвящает себя исцелению общего Я человечества – именно эта мотивация была в основе жизни всех гуманистических философов, психологов, писателей; а кто-то видит только разницу между собственным шизоидным ДТПЭ и более распространенным циклоидным ДТПЭ, сваливая все грехи разрушенного пространства интеллекта на невинные головы обычных людей.

Этот второй случай имел место с Ницше и Сартром – но больше с Ницше, хотя оба они, каждый по своему к концу жизни осознали, что были неправы. Ницше осознал, что его гимн злу Эгозащите стал концом его духовности, окончательно разрушив его психику; Сартр осознал, что как бы ему не хотелось постулировать полную свободу воли каждому выбирать свои собственные ценности, а придется признать, что они не могут ни в коем случае выбирать зла. Другими словами полностью перечеркнул всю свою пафосную философию и вернулся к гуманистической этике.

Болезнь Ницше началась с ссоры со своим кумиром – Вагнером, как это всегда и бывает. Развитие шизофренического психоза всегда связано с Ударом по Эго, и для Ницше таким ударом стала ссора с Вагнером. Он его идеализировал, а когда оказалось, что он тоже просто человек, Ницше не просто ощутил

предательство, он ощутил полную потерю контроля. Теперь он больше не верил в великих людей, а видел перед собой только оппортунизм простых людей, по мере сил приспосабливающихся к жизни, и это окончательно отдалило его от общества. Он возненавидел "маленьких человечков" и посвятил свою жизнь разработке философии Зла, в которой планомерно разрабатывал методы ведения войны против "маленьких человечков", разрушающих жизненное пространство великих людей. Конечно же, это был только бред сумасшедшего, поскольку ДТПЭ общая болезнь человечества, и решать ее можно только научными путями, что и старались сделать все гуманисты в своих многочисленных и очень содержательных работах, вскрывающих существо взаимодействия КТ и ДТПЭ.

Однако, и сам Ницше очень скоро ощутил, что своей яростной активацией Эгозащиты, своей концентрацией ненависти и разжиганием вселенской злобы ко всему человеческому – он разрушил свою психику, что так красноречиво выразил в словах чародея: "Только для себя не осталось у меня чародейства, всех я обманул, но не себя. Я старался быть великим и я разбился об это, ибо я не велик. Все во мне ложь, но то, что я разбиваюсь – правда"

Раздвоение между одаренным КТ и болезненной шизоидностью очень четко проявляется у Ницше. Он мечется между страстным желанием познать истину, найти отчий дом Пространства Интеллекта, называет себя "женихом истины", хвалит объективность, и тут же переходит к поэтическому языку противоречий, не несущих никакой информации кроме чувственных образов, а потом вновь отрекается от этих образов, ругая себя и всех поэтов, потому что они лжецы. То он поет дифирамбы субъективности, как единственному способу найти "свои" ценности, а не перенимать их у других, то он клянет ее с ее проклятым "солипсилюбием". То он отрекается от интеллекта, преклоняясь перед Шопенгауэром, то вновь ищет научного знания.

Он вполне мог бы стать "великим", если бы искал силы на поле КТ, а не в Эгозащите противостояния всему человеческому:

он разбился не потому, что был слаб от природы, а потому, что направил силы в слабый психический ток, не способный ни на что, кроме как окончательно разбить психику и лишить человека остатков сил. Что собственно с Ницше в конце жизни и произошло: такая усиленная активация своей болезни в конце концов дала беду которую он так упорно звал, и психоз поглотил остатки его энергии и разума.

Сартр начинал как поклонник Ницше и эта любовь к Ницше отчетливо запечатлелась в созданной им философии: это отказ от интеллекта и его объективных истин, отказ признавать не только полезность мышления, но и существования каких-либо законов природе, это акцент на свободной воле, субъективно определяющий ценности своей жизни и таким образом подчеркнутый нигилизм в отношении общепринятых гуманистических ценностей.

В детстве Сартр пережил трудный период, который скорее всего и нанес ему удар по Эго: когда девочки его не замечали, а мальчики бойкотировали и насмехались, как всегда из-за выпадения одаренных людей из общей массы средних людей. Потом, уже будучи студентом он любил покричать в кафе наиболее шокирующие фразы Ницше: Бог умер и это мы убили его! По крайней мере де Бовуар утверждает, что именно так они и познакомились: она подошла к этой группе бахвалившихся своей философской неординарностью студентов и коротко отрезала: "Это Ницше. Так говорил Заратустра". Чтобы не думали, что только они учатся на философском факультете.

И это убийство Бога, то есть поля КТ и связанных с ним общечеловеческих гуманистических ценностей, стало таким же топором и для его психики, как и для психики Ницше, говорившего: "Я знаю топор, сразивший меня".

Сартра поглощает "Тошнота" психотических приступов, и сопутствующий им тотальный СТРАХ, который он в связи с этим и пишет крупным регистром. "НЕ ПОДДАВАТЬСЯ СТРАХУ" – эта строка содержание отдельной главы в его романе Тошнота. Там же он пишет о своем презрении к науке и к гуманизму – осно-

вам основ поля КТ и соответственно здоровой психики. Все строго логично: разбитое поле КТ, активированная интеллектуальная Эгозащита – и вытекающие приступы шизофренической кататонии, которые обычные люди приняли за экзотический мир поэтического дарования.

Так что в конечном итоге в статье "Экзистенциализм – это гуманизм" ему все приходится признать, что общечеловеческие гуманистические ценности существуют, чтобы окончательно не сойти с ума, хотя это и опрокидывает всю его лихую теорию абсолютного самоопределения.

Меня поразило, когда я стала читать "Тошноту" Сартра, детальность описания психоза, через который я прошла. Я уже давно перестала к тому времени питать смешные иллюзии о "субъективности" человека, лишенного закономерностей природы, но, признаюсь, я все еще думала, что хотя бы зона психоза останется в какой-то мере интимной. Только ознакомившись с приступами Тошноты Сартра, я поняла, как ошибалась. "Тотальное наступление вещей", которые плавятся и истаивают на глазах, превращаясь в дым или, грозясь превратиться в дым каждую минуту, – эти ощущения много раз ставили меня на грань полного распада. Только я называла это не тошнотой, а "потерей смысла". Недаром в основе философии Сартра полное отсутствие смысла существования. Только постоянная, тяжелая работа над самообразованием и самоанализом в конечном итоге не только спасли меня, но позволили увидеть Пространство Интеллекта всего человечества.

Я, подобно Толстому, у которого начали случаться "остановки жизни" перед его полным перерождением, считала вопросы, которые себе задавала очень простыми, и мне казалось, что ответ должен найтись сам собой, а в противном случае я могу считать себя сумасшедшей. Но также как и Толстой, я постепенно поняла, что это не простые вопросы, а самые, что ни на есть сложные и фундаментальные вопросы, составляющие существо всех философский дискуссий. И тогда я принялась с жадностью читать философию, и только ознакомившись с самыми разными пози-

циями, наконец, к своему великому удовлетворению поняла, что я не сумасшедшая и страх стал постепенно сходить на нет, пока не испарился совсем.

Теперь я могу очень просто объяснить эти приступы духовной "тошноты" (на духовном уровне оказалась также своя тошнота, как есть и своя пища), если пользоваться удачной терминологией Сартра. Ощущение "задавленности вещами" происходит только у людей предназначенных для Пространства Интеллекта, но в тоже время лишенных этого пространства. Поэтому эти люди, как только развивается их интеллектуальное Я, заболевают от отсутствия Пространства этого Я. Наш Контрольный Ток не приспособлен для жизни в физическом пространстве – чтобы он существовал, ему необходима Духовная Пища – Знания. Если этой пищи нет, начинается Духовная Тошнота. Страх перед физическим миром возникает из-за неправильной перспективы общения с ним – мы дома, только когда контролируем свое взаимодействие со средой, и мы во власти детерминированных энергий, разрушающих нас, когда мы лишены этой врожденной способности и потребности к контролю.

Поэтому одаренные люди, столкнувшись с проблемой задавленности своего Я вещами, начинают судорожно искать смысла бытия, и посвящают этому всю свою жизнь. Они так упорно твердят об особой человеческой реальности, как это делали, например Сартр и Толстой, оба пережившие тяжелый духовный кризис в общение с вещным миром. Это проблема вовсе не метафизическая, а самая что ни на есть первейшая необходимость Контрольного Тока ПЭ, то есть нашего истинного Я. Это вполне материальная, медицинская проблема, в том смысле, в котором Франкл и Маслоу доказывали наличие особого вида мотивации на психическом уровне. И поэтому только серьезный труд по открытию себе доступа в Пространство Интеллекта возвращает этим людям духовное равновесие: они становятся на удивление эрудированны, особенно в философских, теологических и психологических вопросах.

Ясно было, что этот парень один из архитекторов Интеллектуального Пространства, платящий ценой кататонического страха за бродяжничество в чуждом мире детерминированных энергий. "Я уходил на самое дно, - пишет Сартр в Тошноте, - туда, где страх". И так страх проходит лейтмотивом через все его произведение, обнажая развитие психоза. Сам он вначале романа скромно замечает, что видимо это и впрямь легкое безумие – но это не легкое безумие, а начало большой катастрофы под названием шизофрения. Его лично спасла слава, потому что его философия ничем ему помочь бы не смогла. Но слава – это всегда "буржуазный" способ выжить, против которого он восстает, потому что в ее основе Эгозащита. Выводы, к которым он пришел в результате поисков Пространства Интеллекта оказались прямо разрушительными для этого Пространства: он воюет с объективным разумом, вычеркивая человека из детерминизма вообще. Насколько дальновиднее был Кьеркегор, когда сказал, что человек – это синтез возможного и необходимого, или Спиноза, когда сказал, что Свобода – это осознанная необходимость. Контроль – это относительная свобода, основанная на детерминизме (закономерностях) природы. Сартр же упраздняет оба полюса разума, составляющие существо нашей энергии – и мышление и законы природы – и провозглашает абсолютную свободу. В этом он видит отличие от физического мира. Но он в корне не прав и только усугубляет общую проблему разбитого Интеллектуального пространства.

Человек обладает относительной свободой – свободой контроля детерминированных энергий природы, в том числе своей собственной. Мы не свободны выйти за рамки закономерностей природы, даже за рамки закономерностей своей собственной энергии, но мы свободны в пределах контроля этих закономерностей. Именно это отличает человеческий мир от всего прочего мира – наша способность к контролю. Но чтобы обрести эту относительную свободу мы прежде должны добыть знания о закономерностях природных энергий и о своей собственной – и эти знания выложат пространство для нашего Я и для его свободы контроля.

Так решается ребус с расплывающимися и прилипающими к руке вещами – переходить в свое пространство и смотреть на вещи через закономерности их бытия: тогда все окажется на своем месте, и вещи и человек и они больше не будут Беспокоить. Вещи не должны беспокоить, - говорит Сартр, - а они меня беспокоят. Он не чувствует себя на СВОЕМ МЕСТЕ, и не знает, где он на своем месте. Он не видит смысла в жизни и удивляется, зачем человек оказался "заброшен" в мир безо всякого смысла своего существования. "Абсурдность" мира – вот причина его страха. Конечно, если ты не смог увидеть пространства Интеллекта, ты никогда не найдешь ни своего места, ни смысла жизни, ибо он в контроле. Отказавшись от разума, он закрыл себе путь к решению появившейся, откуда не возьми болезни "страха вещей", которую он именует тошнотой. Потом он закрепил это состояние в качестве Нормы для здоровых людей. Страх, который он испытывал (это несомненно анализ собственных чувств, поскольку как и у Ницше легко читается стандартная симптоматика)– это уже тяжелая форма прогрессирования болезни, которая приведет любой менее сильный ум к неминуемому распаду: настоящей шизофрении с кататоническими приступами страха и постепенной деградацией личности. Так он описывает один из самых стандартных симптомов при шизофрении – дереализации происходящего, так словно бы мир заменили сценическими декорациями. Сартр говорит о картонных декорациях и о зыбкой реальности, которая не меняется за ночь только потому, что ей лень. Там же другой стандартный симптом – деперсонализация: дереализация своей личности и тела наряду с сильным чувством страха.

Но вместо того, чтобы осознать это и постараться избавиться от страха (должна сказать, задача и впрямь архисложная до открытия законов ПЭ) – Сартр возводит свой страх в статус нормы и провозглашает тревогу и отчаяние главными спутниками здорового человека, свободного и активного. В романе Тошнота он по этому поводу отвечает доктору Роже на немой вопрос: " Он вовсе не старый псих – ему страшно. Чего он боится? Когда ты

хочешь что-то понять, ты оказываешься с этим «что-то» лицом к лицу, совсем один, без всякой помощи, и все прошлое мира ничем тебе помочь не может. А потом это «что-то» исчезает, и то, что ты понял, исчезает вместе с ним. Питаться общими соображениями куда отраднее".

Разумеется, Сартр здесь прав в том, что пока Пространство Интеллекта разрушено – всем мыслящим людям страшно оставаться наедине со своими вопросами о смысле жизни и это хорошо и правильно пока дело обстоит именно так. Но это вовсе не значит, что состояние безнадежности и страха – нормальное состояние. Это временное, переходное состояние в поисках нашего общего человеческого "дома". Оно только говорит о том, что надо приложить максимум усилий, чтобы построить свое пространство, добыть знания о законах своей энергетики и поставить их под контроль. Тогда мы все и окажемся на "своем месте" и мир больше не будет вызывать у нас страха.

Теперь коснемся знаменитой темы Свободы. Свобода – это то, на что Обречен экзистенциалист. Уже в этой формулировке легко читается то искажение понятия свободы, о котором предупреждал в свое время Кьеркегор:

"Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает...при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью" Кьеркегор Болезнь к смерти

Так Кьеркегор очень ловко подметил, что наивные люди, которые смеют надеяться на абсолютную свободу своего Я, платят за это полной потерей свободы.

"Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое

мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто....подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству" Кьеркегор Болезнь к смерти

Мне не удастся выразить это лучше Кьеркегора – истинного ученого, имя которого напрасно связывают с такими фантазерами как Сартр и Хайдеггер. Весь пафос сартровского Проекта в том и состоит – что человек творит себя сам, ни имея никакой предзаданной природы, никакой закономерности своего существования. Это означает постулирование не относительной свободы контроля, а абсолютной свободы воли Бога. Сартр вслед за своим кумиром Ницше, уничтожает Бога только затем, чтобы создать много Богов, ибо говорит Ницше нет бога, но есть боги-сверхлюди.

Абсурдность постулирования абсолютной свободы воли человека приводит к полной потере свободы, которой человек вправе располагать по своим контрольным способностям. И сартр очень хорошо описывает это в собственном опыте:

"Если угодно, и в самом деле ничего нового не произошло, когда сегодня утром, выйдя из гостиницы «Прентания», по пути в библиотеку, я захотел и не смог подобрать валявшийся на земле клочок бумаги. Только и всего, это даже нельзя назвать происшествием. Но если говорить честно, меня оно глубоко взволновало – я подумал: отныне я не свободен" Тошнота Сартр

Так начинается компульсия ДТПЭ, основанная на механизмах Эгозащиты. Компульсия – это автоматизмы детерминированной энергии на живом Я человека (КТ), которые ощущаются, как вынужденность действовать против воли, как потеря свободы, как "меня несет" вместо "я иду", говоря языком Карен Хорни. Вот так банально Сартр лишается своей хваленной свободы уже в элементарных вопросах никак не связанных со смысловым полем его существования. Но и там он описывает жесточайшую компульсию – и продолжает хвастаться свободой! Так, единственное, что он может поставить рядом по значению со смыслом жизни – это "приключения". Понять что это

такое невозможно, поскольку он и сам этого не знает, но это что-то крайне важное, так как это единственное что "противоположно тошноте", когда он чувствует себя самим собой и хозяином своей судьбы, как "герой романа", добавляет он и тут становится все ясно. Это активная Эгозащита – ибо романтический героизм есть порождение шизоидности. Но не это главное, а то, что эти самые важные моменты его жизни приходят ниоткуда и уходят в никуда, оставаясь полностью вне зоны его контроля. Так самый свободный на свете человек, не может проконтролировать даже коротких мгновений, которые он считает смыслом своей жизни и которыми более всего дорожит:

"Когда я вновь очутился на бульваре Ла Редут, я уже не ощущал ничего, кроме горького разочарования. Я думал: «Пожалуй, ничем на свете я не дорожу так, как предчувствием приключения. Но оно является по своей прихоти и мгновенно уходит, и когда оно уходит, я исчерпан до дна! Но неужто же оно наносит мне эти краткие иронические визиты лишь для того, чтобы доказать мне, что я прохлопал свою жизнь"

Но даже это еще не главный показатель полной потери воли в действительности при утверждении абсолютной свободы воли. Главное – это те самые приступы тошноты, которые отныне управляют его жизни, и которых он так боится и ненавидит. Они настолько завладели им, что он уже не в состоянии ничего делать пока не справится с тошнотой. Какой тут Выбор, когда случайное отсутствие хозяина кафе ставит его на грань психоза: он Должен знать, что с ним случилось или он погибнет. Вот до чего доходит полная свобода творца своего проекта. И поэтому когда все эти пафосные поиски свободы заканчиваются откровенным признанием – "Я имел, что хотел, я был один и свободен, но эта свобода чем-то напоминала смерть" – нас это уже совсем не удивляет. Уже итак на протяжении всего романа от свободы попахивало смертью, так что прямая формулировка только все ставит на свои места. Я думаю, вы согласитесь со мной, что на такую Свободу можно только Обречь человека – такую свободу нельзя даровать. Это наказание, а не дар, потому что никакой

свободы нет, одни фантазии рыцаря печального образа. Человек в философии Сартра – Обречен на свободу, как на свою погибель и не зря.

Объясняется это весьма просто. Свято место, что называется, пусто не бывает. Человек имеет выбор только между "энергией, на которую опереться", как говорил Кьеркегор. Можно опереться на истинное Я Контрольного Тока – но тогда надо быть ученым, обрести тот самый "дух серьезности", который Сартр презирает вслед за Ницше, и много работать над приобретением знаний. Это Интеллектуальный Контроль. Можно опереться на ДТПЭ, которое переживается как Эгозащита – она может быть как интеллектуальной, так и физической, что сути дела не меняет Интеллект на службе у Эгозащиты – это оторванные от жизни абстракции, которые являются чем угодно только не знанием законов природы. Под это определение в точности подходят метафизические бредни Сартра об абсолютной свободе воли и отказе от законов природы. И цель Эгозащиты всегда переживается как стремление к всесилию, хотя на деле оказывается только компульсия ДТПЭ. Вот собственно и вся мистика великих искателей свободы – Ницше и Сартра – которые оказались несвободны в равной степени в мелочах и в самых важных моментах своей жизни.

Если ты не выбираешь относительную свободу Контроля, то ты автоматически оказываешься на поле ДТПЭ – третьего не дано, а это значит, что ты полностью теряешь всякую свободу, потому что оказываешься во власти "вещного мира", у которого нет доступа к контролю. Люди, опирающиеся на энергию КТ – это люди с ощущением общности своего Я с другими людьми и со всем миром – там, на своем месте, мир больше не внушает им страха, он становится органичной частью их собственного существования. Люди, опирающиеся на энергию ДТПЭ, видят мир, включая и других людей через силовое поле ДТПЭ: Эго и СуперЭго, Минус и Плюс, которые противостоят друг другу. Поэтому все что входит через СуперЭго внушает страх и даже ужас, что очень подробно описал в своих работах Фрейд. Тот факт, что

Сартр оставался на Эгозащиту подтверждается не только наличием страха как основной эмоциональной тональности в общении с миром, не только потерей свободы, но и объяснением отношений Я и других людей, как враждебных друг другу. Он определяет отношения с другими, прежде всего как конфликтные в своей основе, и потенциальный источник "ада" (Ад – это другие). Силовое поле КТ проходит между полюсами Интеллекта – Минус Мышления и Плюс Законов природы, а порождаемое этими полюсами Я людей – это идентичные потоки эмоций любви к знанию и к миру, совести и справедливости, сочувствия и ответственности. Поэтому, когда люди опираются на энергию КТ они сочиняют теории о всеобщей дружбе подобно Расселу после наступления царства Интеллекта.

Интересно проследить сходство его философии с философией Ницше. Тема сверхчеловека, страдающего среди маленьких человечков, лишенных способности видеть истину – основная тональность его романа Тошнота. Он хитрее Ницше, он нигде не говорит этого прямо, но он это наглядно демонстрирует. Так, на фоне его глобальной метафизической трагедии – трагедии утопающего мыслителя в философии существования вселенной – всплывают жиденькие фигурки игрушечных людишек, занимающихся сплошь глупостями. Сам Антуан – богат, как рантье, выше всех ростом на целую голову, так что ему видны даже "розовые лысины" дураков со "стертыми, благовоспитанными и ничтожными лицами". Он кидает им вслед – Прощайте, Подонки, и уходит в гордое одиночество полной свободы, покрытое романтикой преследующего его страха. На самом деле речь о респектабельных людях, профессионалах различных уровней и отцов семейства, а не о каких-нибудь бездельниках или разбойниках. Они виноваты в "духе серьезности", в том, что они работают, а он Антуан – нет. И дураки и ничтожества они прежде всего в том, как смешно они здороваются друг с другом, как нервничают при этом, сколько стандартных, не имеющих смысла слов говорят, и как праздно проводят свое воскресенье. Антуан же, подобно свифтовскому великану, ходит среди этих ничтожеств семимиль-

ными сапогами философа-метафизика, подвергая их всех беспощадной критике. Он занят благородным трудом художника и творца – он пишет книгу. У него великие мысли о маркизе и его галантных похождениях, о психологическом портрете эпохи, о политических интригах и убийстве императора, а эти ничтожества вмешиваются со своей идиотской игрой в карты, со своими будничными сплетнями о шашнях соседей, со своей глупой романтической любовью и трижды дурацкими разговорами о гуманизме. И вот – на тебе! Они опять вызвали у него приступ Тошноты! Сколько раз, лицо и подтяжки бедных служащих будут давить на него и убивать его фактом своего существования! Со своими глупостями и трюизмами, своей невыносимой "благовоспитанностью", своей неспособностью быть великой, одинокой субстанцией абсолютной воли – быть богом, коротко говоря. И эти ничтожества еще смеют жаловаться, что они рады бы, но их природа им этого не позволяет! Какие жалкие отговорки трусов! Не то, что он Антуан, настоящий герой, который вскользь упоминает скольким людям он морду набил, в скольких частях света побывал, какие невероятные приключения пережил, как он на голову выше всех не только физически, но и в знаниях, только не хочет смущать окружающих своим превосходством. Он бы сказал Самоучке (это прозвище маленького человечка, которое он ему дал), в какие дебри он полез, рассуждая о гуманизме, как тонок этот вопрос на теоретическом уровне и какой эрудиции требует – но не станет, чтобы не смущать беднягу. А этот Самоучка – фон, на котором раскрывается его величие сверхчеловека. Он лебезит и заискивает перед автором книги, как перед глубокомыслящим писателем, и даже мечтать не смеет когда-нибудь достичь его вершин. Каждая фраза Самоучки – оскорбление достоинству умного человека, каждый его вздох – несовместим с гигантом абсолютной свободы воли и Антуан надеется, что он помолчит, чтобы не вызвать у него очередной приступ Тошноты. Но нет, его понесло - "Люди добрые. Людьми надо восхищаться" – и на тебе - приступ тошноты на людях, а они думали, что он такой же как они. Как слышен тут голос Ницше:

"Разбейте, разбейте скрижали добрых и праведных". Видно, что несмотря на оправдание величия "тревоги абсолютной свободы" ему стыдно. Так что он даже говорит, что мог бы воткнуть нож в глаз Самоучки, но не стоит добавлять вещей к этим картонным декорациям "маленького раскрашенного мирка" ничтожеств – правда говорит он это в порыве поистине дикого приступа "распада вселенной".

"Я есмь, я существую, я мыслю, стало быть, существую, я существую, потому что мыслю, а зачем я мыслю? Не хочу больше мыслить, я есмь, потому что мыслю, что не хочу быть, я мыслю, что я… потому что… Брр! Я бегу, негодяй сбежал, ее тело изнасиловано. Она почувствовала, как в ее плоть проникает чужая плоть. Я… теперь я… Изнасилована. Вкрадчивая кровавая тяга к насилию подкрадывается ко мне сзади, она где-то за ушами, уши волочатся следом за мной, рыжие волосы, они рыжеют на моей голове, влажная трава, рыжая трава – это что, тоже я? и эта газета тоже я? Держать газету – два существования лицом к лицу, вещи существуют лицом к лицу, я бросаю газету"

Но он только думает, что может натворить, что угодно, потому что это соответствует его представлению о душе человека, как абсолютно свободной и лишенной закономерностей. Но на самом деле его Интеллект помимо его воли также хорошо развил поле КТ, как и шизоидное ДТПЭ с интеллектуальной Эгозащитой. Последнее ответственно за его страх, а первое – это основа его психического здоровья, которое проявляется прежде всего в совести, сочувствии и потребности справедливости. Поэтому очень скоро мы найдем Сартра среди старых, добрых гуманистов, которых он здесь еще пока высмеивает. Могли бы и понять, что он не опасен, обиженно думает он вслед. Впрочем, Самоучка свой, "из психов", а своих ему жаль, не то, что этих докторов, вообразивших, что они все знают о человеке "словно они сами его сотворили". Точно как Ницше он вспоминает о том, что злым быть хорошо, когда чувствует, что ему стыдно в мире маленьких человечков.

"Вот он опять на меня смотрит. Сейчас он со мной заговорит, я весь ощетинился. Никакой симпатии мы друг к другу не чув-

ствуем – просто мы похожи, в этом все дело. Он одинок, как я, но глубже погряз в одиночестве. Вероятно, он ждет своей Тошноты или чего-нибудь в этом роде. Стало быть, теперь уже есть люди, которые меня узнают: поглядев на меня, они думают: «Этот из наших». Ну так в чем дело? Чего ему надо? Он должен понимать: помочь мы ничем друг другу не можем. Люди семейные сидят по домам посреди своих воспоминаний. А мы, два беспамятных обломка, – здесь. Если он сейчас встанет и обратится ко мне, я взорвусь" Тошнота Сартр

Его девушка подтверждает общее впечатление его величия – она признается, что была страстно влюблена в него. Она называет его "О, таинственная личность!" Он ей всегда необходим, как система отсчета, с которой она сверяет свою жизнь. И даже бросает она его потому, что слишком дорожит его мнением, "чтобы стареть у него на глазах". Он творец своего Проекта – он художник. Помимо приключений, во время которых он счастлив и герой романа, только коротенькая песенка негритянки способна спасать его от тошноты, она придает "твердость" миру расплавленных бессмысленных вещей. И он решает написать свою сказку, обязательно далекую от реальности, чтобы она была вне этого мира, где он чувствует себя чужим (он попал не в тот мир) и только в этой сказке видит спасение. Что ж, на мой взгляд, сказка ему вполне удалась – это его "Бытие и Ничто", которое в качестве сказке великолепно, как философский труд содержит только редкие глубокие мысли, но как научная система ровно ничего собой не представляет.

Таков сверхчеловек Сартра в романе Тошнота.

Осталось сказать несколько слов о самой философии Сартра. Фраза Ницше "Я – Заратустра, безбожник: я варю каждый случай в моем котле. И только когда он там вполне сварится, я приветствую его как мою пищу" вполне могла бы служить квинтэссенцией его философии. Хотя экзистенциализм считается очень сложной системой, на деле он содержит очень простую мысль и вся его сложность от искусственности. Существованием человека Сартр называет поток психической энергии, то есть Я

человека. Эту моду завел Кьеркегор, когда сказал, что Я – это поток, нечто становящееся, а не вещь. Но у Кьеркегора этот поток имеет свои закономерности, согласно которым он течет, а у Сартра он таких закономерностей не имеет. Это доктрина абсолютной субъективности человека, в которую никто не смеет лезть ни со своими объективными, общими для всех законами, ни со своей вшивой моралью "добропорядочности и благовоспитанности". Для примера представьте, скажем, водопад. Это тоже поток энергии. Но этот поток энергии управляется законами природы, общими для всех водопадов: например, сила притяжения земли, форма и связь молекул воды, кругооборот воды в природе и многими другими. Если применить формулу Сартра "Существование предшествует сущности" к водопаду, то получится, что никакие законы его потоком не управляют. А это значит, что в любой момент вода может распасться на молекулы или же сменить направление и вместо того чтобы падать на землю, бить фонтаном в небо, а может вообще стать черным коршуном и улететь. Да, да, именно так, я ничего не преувеличиваю – Ничего не детерминирует не только психическую энергию Я, но и весь мир. Таким образом, Существование, как энергия Я, у Сартра лишается как своего силового поля в виде притяжения полюсов Интеллекта (Минус Мышления и Плюс Законов Природы), так и своей материи в виде эмоций любви к познанию и миру, ощущения общего Я человечества. То, что он оторвал эмоции от физиологической основы, которую им приписывал Фрейд (биология) – правильно, но то, что он не прикрепил их к разуму, как к своей психической основе – неправильно, поэтому эмоции у него и остались висеть в воздухе, по замечанию некоторых писателей.

Его Я – это Ничто, старая добрая метафизика, сама себя определяющая в своей абсолютной свободе воли и отделенная от материи, как не-материя, то есть без какого-либо позитивного определения. Коротко говоря полный абсурд. И свою цель Сартр видит в том, чтобы изгнать из своего Я Существование, выжать его и очиститься от него.

Никто не сказал об этой абсурдности интеллектуальной Эго-защиты лучше, чем Кьеркегор – и "Ничто" Сартра и "Сказка", как цель самосозидания, он все предвидел.

"Впрочем, при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь в конце концов все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит" Кьеркегор Болезнь к смерти

Здесь видно, что отчаянием Кьеркегор называет неполноценное Я, которое надо разрушить, чтобы построить здоровое и свободное от отчаяния и страха Я, но Сартр этого не понял, он оставил отчаяние и страх шизоидного Я как романтическую норму великих метафизиков свободной воли.

" И если твоя жизнь была одним лишь отчаянием, все остальное уже неважно. Были там победа или поражение — для тебя все потеряно, вечность не признает тебя своим, она никогда не знала тебя, или, еще того хуже, узнав тебя сейчас, она пригвоздит тебя к твоему собственному Я, к твоему Я отчаяния!" Болезнь к смерти Кьеркегор

Ничто и Бытие Сартра – не больше не меньше силовое поле ДТПЭ, образуемой Эго и СуперЭго (или Я и не-Я). Противостоящий характер этих фигур психики хорошо описали Фихте и Фрейд, хотя они не знали источника этого противостояния. На самом деле все как всегда очень просто: это Минус и Плюс силового поля детерминированного тока психики. Эго – отражение реального Я, его фотография, поэтому быть эгоистом значит тра-

тить энергию своего реального Я на свою фотографию (причем мало вас напоминающую, что неважно). СуперЭго – отражение мира, тоже плохонькая его фото, представляющее весь космос как сверхъестественную силу, противостоящую Эго. Все это ложь разумеется, но истина не является целью силового поля ДТПЭ. Его цель запустить циклы детерминированной энергии, и путем обмана Я, ДТПЭ вынуждает его тратить свои силы на Эгозащиту – так энергия КТ перетекает в энергию ДТПЭ.

Ничто и Бытие Сартра – это другая формулировка полюсов Эгосистемы (силового поля ДТПЭ): Фихте предпочитал Я и не-Я, Фрейд Эго и СуперЭго, в моих работах термины Эго и Сила Вселенной. Но все указывают основные признаки этого поля: две противостоящие фигуры, одна означает Я, другая Мир, не связанны с интеллектом. Так Сартр, отказавшись от услуг объективного интеллекта, прямехонько угодил на поле ДТПЭ, поставив свое мышление на службу Эгозащите. Активное ДТПЭ истощает ресурсы КТ, а психоз возникает в результате окончательного разрушения поля КТ. Поэтому Сартр вместо того, чтобы излечиться только усугубил свою болезнь, и конечно, страх и отчаяние, которые у Кьеркегора только признаки душевной болезни, у Сартра возводятся в ранг нормы. Так он обрекает человека на свободу Эгозащиты.

Между тем его стремление "изгнать из себя существование, выжать его и очиститься от него" было стремлением в Пространство Интеллекта, которое все одаренные люди ощущают как жизненно необходимое, и болеют без него вплоть до психоза. Но отказавшись от услуг Интеллекта, выведя его за скобки своего Я и объявив Я – Ничто, он сам пригвоздил себя к рабству детерминированной материи, обрек на "свободу" компульсии страха и отчаяния.

Ясно, что эта философия значимо усугубляет положение с разрушенным Пространством Интеллекта, поскольку теперь уже налицо не только факт самой катастрофы, но и теоретическая догма о невозможности ее когда-либо исправить – вот почему мы все осуждены на "свободу" в страхе. Соответственно, чело-

век может делать все, что его душа желает. И тут, как и следовало ожидать, свобода Сартра заканчивается уже на теоретическом уровне. Если никаких законов нет, если никакого смысла существования нет, если все могут делать, что им заблагорассудится, то убивать также хорошо, как помогать друг другу. Значит, одно из двух: либо люди придумают себе правила "добропорядочности и благовоспитанности", что Сартр рассматривает вслед за Ницше как вульгарную буржуазность, чтобы не поубивать друг друга и навести какой-то порядок для совместной жизни, либо они просто вымрут как мухи, убивая и шатаясь без дела. Сартру приходится поскупиться абсолютной свободой Проекта человека, чтобы решить эту маленькую трудность: он говорит, человек субъективен, но это общая для всех субъективность, что уже абсурдный абсурд. Субъективность на то и субъективность, что каждый индивид признается неповторимым, а если субъективность на всех общая, так что человек выбирая для себя, выбирает для других, как говорит Сартр – то это уже никакая не субъективность, а самая настоящая объективность общей для всех человеческой природы. Либо нет общей человеческой природы, а есть только разные миры отдельных субъектов, либо есть общая человеческая природа и тогда не надо заменять ее абсурдным термином – общая человеческая субъективность. Но Сартру приходится зайти еще дальше в противоречиях, чтобы придать хоть какой-то смысл своей тарабарщине – иначе вся его философия свелась бы к - "тыр-тар-брр-мук", что также осмысленно как все философии подобного толка – от Сада до Сартра. Теперь он говорит, что выбирая свободу для себя, человек не может не выбрать свободу для других, что человек не может выбрать Зла, что он выбирает благо, но "ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех". А вот и старый добрый гуманизм, который с таким презрением отвергался в Тошноте, когда Сартр решил вспомнить юность и поиграть в злого сверхчеловека Ницше. Какой абсурд говорить в рамках одной и той же статьи, что человек обладает абсолютной свободы воли, что общей челове-

ческой природы нет, что ни что ни на умопостигаемом небе, ни в человеческой морали не укажет дорогу человеку, и только он сам сделает себя таким как есть. И тут же рядом перечислять, что Сартр разрешил человеку выбирать, а что нет: Зло нельзя – это общее для всех правило, хотя общих правил нет, и основано оно всего лишь на субъективном мнении Сартра. То есть ни научного обоснования общим правилам морали, которые он все же вынужден дать, ни теоретического основания в собственной философии, которая провозглашает полную свободу от всех правил и законов природы – Сартр не дает и дать не может. Благо только тогда благо когда оно всеобщее, далее провозглашает Сартр в своей статье "Экзистенциализм – это Гуманизм". Опять общее правило, хотя общих правил нет: благо не разрешается выбирать только для себя, а все остальное как договаривались, полная и абсолютная свобода. И так далее в том же духе мальчишки, боящегося "духа серьезности". "А нука женщины, найдите в мужчине, ребенка" – кокетничает Ницше. Чего искать, солнышко? Сплошь детские нюни и сопли, без грамма духа серьезности взрослого человека. Например, в целом доктрина о полной свободе индивида логически неполноценна, подобно тому, как неполноценна доктрина скептиков о том, что познать ничего невозможно. Если познание невозможно, то откуда ты знаешь, что оно невозможно? Точно также, и здесь: если человек – это Проект самого себя, у которого нет изначально никакой предзаданности и он сам себя выбирает – то почему бы ему не выбрать для себя общие правила, которым он хочет подчиняться? Почему бы ему не предписать себе законы и не стать детерминированным по собственному желанию? Кто смеет предписывать ему, что делать и обзывать его трусом и сволочью, если он делает не так, как Сартру нравится? И дальше в том же духе.

И вот еще одно характерное место всех философий, отвергающих научный контроль: они всегда сводят движение человека к круговороту детерминированных энергий, к циклам гомеостаза вещного мира. Дело в том, что только энергия Контроля

научного мышления движется по прямой в от Прошлого к Будущему по пространству накапливаемых знаний, к росту мощи в доступе к силам космоса. Все прочие энергии, не обладающие мышлением, движутся по кругу – это называется гомеостазом: от баланса к дисбалансу и обратно. И любой, кто вычеркивает Разум из своей философии, сразу ощущает, что оказался в циклах детерминированных энергий. Де Сад назвал этот порочный круг – созидающее разрушение, он так обосновал правильность бессмысленных убийств ради самих убийств: этого требует природа, чтобы вновь оживать: убить – родить – убить – родить – вот в чем (не смысл нет) КРУГ существования природы. Смысл заменяет дуракам Круг. Такую же картину созидательного разрушения рисует Ницше, который прямо называет себя "Заступником Круга", который очерчивает вокруг себя "священные круги": Созидающего ненавидят они больше всего: того, кто разбивает скрижали и старые ценности, разрушителя, - кого называют они преступником". Вот здесь уже наглядно видно, что это та же теория кругового созидающего разрушения, лишенного смысла в пространстве интеллекта, которую нарисовал Де Сад в Жюстине. А вот слова Сартра: "Философия всегда должна себя разрушать и всегда возрождаться, она должна отказаться от смысла, потому что должна его искать".

Кьекрегор понимал, что все люди носят в себе болезнь, но не знают о ней, и что от случая к случаю эта болезнь проявляется в беспричинных вспышках страха. Страх, обнаженный еще глубже в Тошноте Сартра – это основная эмоция силового поля ДТПЭ, так как в его основе вражда Эго и СуперЭго, олицетворяющих Я и Мир. Эту всеобщую болезнь, которая есть несомненно ДТПЭ, Кьеркегор назвал отчаянием и болезнью к смерти, из-за нехватки духа или из-за его оторванности от реальности и погружения в воображаемое. Он уже тогда видел разницу между физической и интеллектуальной защитой Эго, когда разделил Отчаяние, как разные болезни: болезнь бездуховности, которую он именовал пошлым обезьянничанием и конформизмом, и болезнь ухода в воображаемый мир абсолютной свободы, где че-

ловек оказывается только "сказочным королем без королевства", возвращаемым природой человека к отчаянию своей болезни.

Его сочинение "Болезнь к смерти" пропитано сокрушением по поводу потери людьми Духовности, по поводу их "дорефлексивного", "непосредственного" существования. Под этими терминами он разумеет людей, не привыкших мыслить, анализировать, контролировать, а являющихся, подобно животным, только детерминированными законами природы. Этот недостаток "духа" – он называет одной из самых печальных форм "Отчаяния". "Отсутствие Духа" – это неразвитый Контрольный Ток человека, который основан на мышлении, познании и контроле. Например, аборигены – это люди с как минимум с большим дефицитом духа (КТ есть у всех, так как он основа психической энергии, на которой зарождается паразит ДТПЭ). Но и современные люди часто не многим отличаются от аборигeн в области дефицита духа – и все из-за разрушенного Пространства Интеллекта всего человечества. Как только единая истина системы законов психической энергии будет признана и доказана экспериментально – у нас появится Пространство Интеллекта, доступ в который будет открыто всем людям со средним интеллектом. Весь хаос абстрактных мутных теорий, содержащих часто не больше зерна истины сгустится вокруг простой системы законов, проникающих во все сферы социальной жизни и станет доступен всем здравомыслящим людям. Сегодня Пространство Интеллекта – остается привилегией только людей выдающихся мыслительных способностей, способных далеко уходить в абстракциях мышления и вылавливать зерна истины далеко от их природного источника. И даже эти люди пользуются только крохами, потому что мы все бесконечно зависимым друг от друга.

Сартр видел только этот первый вид отчаяния – бездуховных людей, живущих "обезьянничанием", то есть конформизмом. Сартр иронически именует его "благовоспитанностью", что меня лично весьма раздражает: если не можешь предложить людям, ничего лучше садовского нигилизма, то хотя бы держи язык за зубами, интеллектуал несчастный. Кьеркегор же увидел его соб-

ственное отчаяние, которое намного болезненнее первого, потому что "напряжение отчаяния нарастает с сознанием", говорит Кьеркегор. Этот второй вид – это интеллект, оторванный от реальности, как у Сартра, который вообразил себя абсолютно свободным. Здесь уже вроде бы Дух есть, интеллект активен – но это больной дух, так что лучше бы его вовсе не было, потому что он превращает жизнь человека в настоящий ад. Меня весьма растрогало то, как романтизировали эмпирию тяжелого душевного заболевания, отраженного Сартром в его Тошноте. То, что он там описывает – НЕ ДАЙ БОГ кому пережить. Это вовсе не сюрреализм перенесенный на печать, не вид искусства, а начавшийся разрыв ткани психической энергии, разрыв, который переживается намного болезненнее дыбы. И об этом отчаяние Кьеркегор говорит – что это Болезнь к смерти, имея ввиду, что это нечто, намного более страшное, чем смерть. Потому что смерть уносит с собой все страдания, а отчаяние духа – вечное умирание, вечная пытка даже без надежды на смерть, ты всегда умираешь, но ты никогда не мертв настолько, чтобы перестать страдать. Однако, пытка эта обыкновенно заканчивается шизофренией, которая и есть духовная смерть, поскольку в ее основе распад силового поля КТ.

Забавно поэтому видеть, как Хайдеггер и Сартр смешно истолковали и мелодраматизировали, превратили в пошлую литературу, научный труд Кьеркегора об основах психической энергии. Хайдеггер говорят, был сильно впечатлен работами Кьеркегора – это заметно по терминологии его философии, где слова Отчаяние, Смерть, Выбор играют также ведущую роль. Но он ровным счетом ничего не понял в том, какой смысл вкладывал Кьеркегор в эти слова. Кьеркегор, указав людям на более чем смертельную опасность Отчаяния для вечного духа человека – в конце книги приходит к выводу, что противоположна отчаянию вера, и что спасение только в Боге. Вот здесь Кьеркегора снесло в метафизику, - поэтому он и остался неоцененным в научном мире. На самом деле Бог – это и есть наука, и когда Кьеркегор говорит, что человек – это синтез

возможного и необходимого, в смысле закономерностей его природы – он говорит как ученый, понимая, что человек имеет определенные законы психики, но в то же время имеет и относительную свободу. Если бы он между Богом и человеком поставил слово Контроль, как посредника между человеком и Богом, то никто не смог бы обвинить его в метафизике или в атеизме.

Поэтому, выход предлагаемый Кьеркегором на самом деле – это излечение от отчаяния посредством подчинения закономерностям природы и взятия их под свой Контроль: контроль – это наличие сильного духа с одной стороны, и отсутствие больного духа фантазий с другой стороны.

Но Хайдеггер и Сартр рассудили иначе: они решили, что Кьеркегор смалодушничал перед отчаянием и смертью и спрятался как маленький мальчик за выдуманного Бога. Поэтому они убрали его Бога и оставили себе героическое упоение отчаянием и смертью, страхом и тревогой. На самом деле, быть отчаявшимся не только не значит слабость вашего духа – а напротив, это признак вашего героизма и силы. Это не только не признак болезни вашего духа, как говорил Кьеркегор – это признак его здоровья, поскольку он имеет мужество смотреть правде в глаза, а правда эта в том, что все отчаявшиеся как говорит Кьеркегор. Да, но он таким образом констатировал глобальность катастрофы человечества, объятого паразитом ДТПЭ, из-за чего он мог бы плакать вечность, а вовсе не имманентный характер отчаяния. Таким образом, все те признаки ДТПЭ, которые перечислял Кьеркегор, - Отчаяние, Страх, Болезнь к Смерти, Субъективность, как оторванность от необходимого, - все это возводится его последователями в норму и провозглашается высшей ценностью! Бедный, бедный Кьеркегор! Стоило ли столько страдать и работать, чтобы та страшная чума, против которой он хотел предупредить человечество и потому не пожалел сил, чтобы вытащить ее на свет божий и показать всем– оказалась на пьедестале почета и венцом мечтаний!

Он различал истинное Я человека и Эго, как его смешную копию. Он ставил целью – стать самим собой и отказаться от надуманного Эго. Он видел разницу Удара по Эго, Удара по истинному Я, называя первое комичным (больное тщеславие), а второй настоящей бедой (растраченная энергия познания, творчества и сотрудничества на бессмысленное противостояние в борьбе за тщеславие). Первую боль он считал комичной – трагедия человека, потерпевшего крах в романтической любви или в борьбе за карьеру, или же в любом другом соревновании тщеславия казалась ему исключительно смешной. Но он видел, что эта трагедия повлечет за собой настоящую трагедию – расходование сил истинного Я на эти глупости, так что положение станет безвыходным. Первое он называл – отчаянием во временным, второе – отчаянием в вечном. Он умел различать не только различные виды ДТПЭ, как различные виды Отчаяния, но и различные притяжения ДТПЭ – Самолюбие и Влюбленность, которые он тоже именовал различными видами отчаяния (это должно было сильно усложнить восприятие непосвященному в законы ПЭ человеку). И именно Кьеркегор в своем Дневнике Соблазнителя впервые показал, как можно управлять человеком через его ДТПЭ так, что он будет уверен, что действует согласно своей воле.

И как теперь он должен чувствовать себя здесь, уже в измерении вечного, где он нашел все тоже буйствующее отчаяние, все тоже буйствующее ДТПЭ?

"О, я знаю все, что обычно говорится о человеческих горестях… я прислушиваюсь к этим рассказам и знаю также множество подобных случаев, которые сам наблюдал вблизи; сколь много есть погубленных существований! Но растрачивает себя понапрасну только сознание, которое столь обольщено радостями и печалями жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само оно, это Я, существует ради этого Бога. Однако такое сознание, такое обретение вечности достижимо лишь по ту сторону отчаяния. А это иное го-

ре! Сколько погубленных существований из-за мысли, которая является блаженнейшей из блаженств! Увы, сколькие развлекаются или же развлекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно! Скольких увлекают расточать свои силы на подмостках жизни и не вспоминая об этом блаженстве! Их гонят стадами... и обманывают всех скопом, вместо того чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся наконец достижением высшей цели, единственной цели, ради которой стоит жить, которой можно питать всю вечную жизнь. **При виде этого горя я мог бы плакать всю вечность! Но еще одним ужасным знаком этого недомогания, худшим из всех, для меня является скрытность. Не только желание и успешные усилия, чтобы скрыть эту болезнь от того, кто ею страдает, не только то, что эта болезнь может гнездиться в человеке и никто, ровным счетом никто этого не заметит, — нет! Но прежде всего как раз то, что она может так прятаться в человеке, что он и сам об этом не подозревает!** А когда опустеют песочные часы, песочные часы земного времени, когда утихнут все шумы столетий и прекратится наше одержимое и бесплодное беспокойство, когда вокруг тебя все станет молчанием, как в вечности, — вот тогда, будь ты мужчина или женщина, богач или бедняк, подчиненный или хозяин, счастливый или несчастный, — важно лишь, будет ли твоя голова увенчана сиянием короны, или же, погибший среди жалких, ты получишь лишь тяготы и пот твоих дней. Будет ли праздноваться твоя слава, покуда стоять будет мир, или же позабытый, безымянный, ты безымянно последуешь за бесчисленной толпой. Превзойдет ли великолепие, которое тебя покроет, человеческое воображение, или же люди поразят тебя суровейшим из всех суждений, самым унизительным. Кем бы ты ни был, тебя, как и каждого из миллионов тебе подобных, вечность будет спрашивать лишь об одном: была или нет твоя жизнь причастна к отчаянию, верно ли, что, будучи отчаявшимся, ты вовсе не подозревал об этом, или же что ты бежал от этого отчаяния в себе, как от тайной томительной тоски, как от плода преступной любви, или же, будучи отчаявшимся и в ужасе избегая других,

ты кричал от ярости. И если твоя жизнь была одним лишь отчаянием, все остальное уже неважно. Были там победа или поражение — для тебя все потеряно, вечность не признает тебя своим, она никогда не знала тебя, или, еще того хуже, узнав тебя сейчас, она пригвоздит тебя к твоему собственному Я, к твоему Я отчаяния!" Болезнь к смерти Кьеркегор

ГЛАВА 14. ЗАЛА СУМАСШЕСТВИЯ

Знакомство с Теорией ПЭ внушило обитателям Олимпа большой энтузиазм, так что никто уже почти не сомневался, что Дорога в Рай, выстланная законами души – это не розыгрыш, а реальная работа, которую нам поручили и которая отделяет нас от нашего создателя.

Стало очевидным, что теория ПЭ способна объяснить все накопленные факты социальных наук, и разрешить противоречия социальных теорий. Нам оставалось только пройти Залу за Залой и доказать в каждой из них существование единой истины законов души, которая включает в себя в той или иной степени открытия всех более ранних серьезных ученых. Так мы и сделали. Но одной мне задача эта оказалась не под силу, несмотря на всю мою подготовку. К тому моменту я уже так устала, что с трудом могла заставлять себя концентрироваться на проблемах высокой интеллектуальной сложности. К тому же сама обстановка довольно сильно нервировала, несмотря на присутствие столько любимых лиц.

Если бы не Бертран Рассел, мне никогда не удалось бы справиться с поставленной задачей. Он вызвался мне помочь, так что его необъятная эрудиция, гениальная аналитика и неисчерпаемая энергия наконец вдохнули в меня необходимые силы и уверенность для работы.

Иногда мы с ним спорили, конечно, но это не мешало нам получать глубокое удовольствие от общения друг с другом. Мы столько смеялись, что нам стали завидовать: смех всегда вызывает смех, потому что это верный признак счастья и глубокого удовлетворения жизнью.

Спорили мы в основном о Байроне, Руссо и Фихте. Я ему доказывала, что они настолько сильно похожи на него, что легко могли бы стать продолжением его Я, а он возмущался и ни за

что не хотел уступить.

- Ну как же ты не видишь, Берти, - увещевала его Я, когда мы уже совсем подружились, ибо возраст душ определяется пройденным Пространством Интеллекта, а не кругами детерминированных энергий (годами, днями, часами). – Байрон так же как ты боролся с лицемерием в обществе, так же как ты возносил на пьедестал научный интеллект, так же как ты предпочитает любовь к природе и к странствиям любви к больному обществу, так же как "Дон Жуан" в хорошем смысле, так же как "бунтарь" в смысле презрения к тиранам и деспотам, и также как ты посвятил всю свою жизнь прославлению свободы, правды, добродетели. Он также стоял на стороне порабощенных против поработителей, также уважительно относился к женщинам, говорил, что только они способны на истинную дружбу и что он с детства питает уважение к символу юбки, которая казалась ему святыней. Больше того, я только у тебя и у него читала сравнение, которое однажды пришло и мне пришло на ум, когда я еще у вас этого не видела: что тираны, деспоты, садисты и макиавеллисты всех родов – это динозавры и мамонты, которые вымрут когда наступит эра здорового общества.

Меня действительно удивило, когда при таком сходстве я прочитала у него в "Истории западной философии" весьма прохладный и даже негативный отзыв о Байроне, которого он отнес к течению "романтизма" наряду с Руссо и Ницше. Романтизм не является сферой ни Байрона, ни Руссо, которого Байрон искренне любил, и им обоим в любом случае не по пути с певцом войны и Зла – Ницше. Я никак не могла взять в толк на каком основании, он объединил необъединимое: Байрона и Руссо с одной стороны и Ницше с другой. Там, где Байрон и Руссо обливают бессмысленные войны, жестокость тиранов, и глупую погоню за славой потоками презрения и негодования, Ницше воспевает войну ради войны, зло ради зла, тиранию и рабство. Там, где Руссо учит воспитанию здорового юноши, неиспорченного высокомерием, тщеславием, жаждой чувственности и злорадством, Ницше воспевает все эти качества, как необходимую этику величия аристократа.

И все эти качества Руссо и Байрона настолько отражают позицию самого Рассела, что мне было трудно, почти невозможно поверить, что он сам этого не заметил.

- Как же ты можешь сравнивать меня с Руссо, - возмущался он, - если он отказывается пользоваться логикой и предпочитает чувства, а я напротив построил и всю свою философию и социальную теорию исключительно на логике и научном анализе?

- Неправда, что он отказывается от логики! Как же вы все не заметили, что "Эмиль" – это попытка научного анализа душевной материи?

- Душевной материи? Что это значит? Разве душа имеет материю?

- Вот именно! Имеет! И здесь он был намного проницательнее всех. До и после него, когда хотели показаться материалистами – обосновывали поведение биологическими инстинктами. Даже у тебя материализм человека основан на признание биологической детерминации человека.

- А как же иначе? Это теория эволюции Дарвина.

- Вот именно, и это теория в корне неверная. Психика материальна, но это другая материя – это материя души.

- И какова же материя души?

- Эмоции, но не просто эмоции, а системы эмоций, которые образуется силовыми полями психических токов. Психика – это энергия, и она имеет два основных тока – Контрольный ток Разума, воли и труда и Детерминированный ток автоматизмов, разрушающих волю, и праздности. Они также отличаются силой и слабостью, счастливостью и болезненностью, живым интересом и мертвенностью

Когда Руссо говорит, что Совесть – это голос души, он очень верно отражает силовое поле разумной и здоровой энергии человека Контрольного Тока (наше Я). Вот ты только послушай, как здорово он выводит основные характеристики силового поля КТ из практического наблюдения:

"Углубимся в самих себя, мой юный друг! Исследуем, оставив в стороне всякий личный интерес, к чему ведут нас наши

склонности. Какое зрелище наиболее ласкает нас — зрелище мук или счастья других? Что нам приятнее всего совершить и что оставляет более приятное впечатление по совершении — акт благотворительности или акт злобы? Кем интересуетесь вы в ваших театрах? злодеяния ли доставляют вам удовольствие? над наказанными ли виновниками их вы проливаете слезы? «Для нас,— говорят,— все безразлично, кроме нашего интереса». А меж тем, совершенно наоборот, сладость дружбы, человеколюбия утешает нас в наших скорбях; и даже в своих удовольствиях мы были бы слишком одиноки, слишком жалки, если бы нам не с кем было их разделять. Если ничего нет нравственного в сердце человека, то откуда же являются в нем эти восторги удивления перед геройскими деяниями, это любовное восхищение перед великими душами? Этот энтузиазм к добродетели какое отношение имеет к нашему частному интересу? Почему я желал бы быть скорее Катоном пронзающим себя, чем торжествующим среди триумфа Цезарем? Отнимите у нашего сердца эту любовь к прекрасному — и вы отнимете всю прелесть у жизни. В чьей ограниченной душе низкие страсти заглушили собою усладительные чувствования, кто, сосредоточиваясь в самом себе, доходит, наконец, до того, что любит только самого себя, тот не испытывает уже восторгов, оледеневшее сердце его не трепещет уже от радости, сладкое умиление никогда не вызывает на его глаза слез, он ничем уже не наслаждается; несчастный уже не чувствует, не живет: он уже мертв" Эмиль Руссо

- Видишь, он вовсе не отказывается от разума, напротив он применяет его самым истинным образом, анализируя душевную ткань в поисках законов психической энергии. А вот Дарвин, Фрейд и Скиннер, которые намеревались вывести законы человеческой души из биологии животного – вели себя очень ненаучно.

К моему великому удовлетворению мне вскоре удалось убедить Бертрана, что Байрон и Руссо принадлежать к той плеяде людей "особой самости", как говорил Фихте, которые ощущают человечество как единое целое и ставят целью жизни обще-

ственное благополучия не из самопожертвования, а потому что понимают, что личное благополучие нераздельно с общественным.

Но вот когда мы дошли до Фихте, которому принадлежит это проницательное определение общего Я поля КТ и я попыталась вновь настоять на том, что и Фихте относится к нашей категории людей общего Я КТ, Рассел был вне себя от негодования. Ведь именно философию Фихте он приводит в книге "Власть" как выпуклый пример болезненной философии поисков Власти, основанной на метафизике. И здесь он ни за что не хотел больше признавать своей неправоты, упрекая меня в несправедливости к нему и в непонимании всей ограниченности и агрессивности философии этого товарища Ницше.

- Неправда, Бертран, ничего общего у Фихте и Ницше нет. Ницше превозносит Эгозащиту, Фихте напротив строит свое воспитание на отказе от Эгоизма, Ницше аргументирует абсолютную свободу воли, Фихте настаивает на том, что хорошее образование – это образование, которой не оставляет свободы выбора между добром и злом, но воспитывает только добрую волю. Ницше субъективен, Фихте объективен, Ницше стоит на материализме Дарвина, Фихте видит реальность Пространства Интеллекта, как особой среды обитания человека. Наконец, Ницше определяет разум как служанку тела – рождение науки из воли к власти, тогда как Фихте строго стоит на обратной позиции – разум только тогда разум, когда он определяется чистым стремлением к истине, а не служит биологическим инстинктам. И здесь Фихте проводит черту между биологической смекалкой (ибо невозможно в самом деле называть "медведя, двигающего струей хлеб" разумным", как у Дарвина) и собственно разумом, который движется в пространстве интеллекта и имеет целью только истину и готов ради этой истины пожертвовать и жизнью и всеми прочими удовольствиями.

Я абсолютно согласна с тобой в том, что философия Ницше – классический пример шизоидной метафизики власти! Вот тут ты прав на все 1000 процентов! Но только никак не Фихте! У

него конечно тоже были перегибы и он ушел в национализм – тут вы конечно совсем не похожи, ибо ты всю жизнь называл национализм одним из самых больших зол и такой же глупостью и был прав. Но ведь Фихте только от того так переживал, что Наполеон лишил немцев чувства собственного достоинства и превратил их в раболепствующих слуг, гордящихся своей службой его величеству. Но пусть даже это не извиняет пропаганды национализма, я с тобой согласна на все сто. Но ведь не это основа его философии, а в точности как у тебя желание научить людей научному мышлению с тем, чтобы воспитать смелых, сильных, творческих, добродетельных людей, которые построят сильное и здоровое общество! Разве не отражает это один к одному твои чаяния и твои мысли о воспитании молодежи?

Так мы спорили, пока не дошли до Залы Сумасшествия, где Бертран вдруг страшно помрачнел, как-то трагически притих, и совсем перестал смеяться, так что мне защемило сердце. Я конечно сразу поняла в чем дело. Его старший сын сошел с ума с диагнозом "шизофрения", его дочь после его смерти написала исповедь, в которой призналась, что также всю жизнь страдала тяжелыми неврозами, и лечилась у разных психотерапевтов, а потом стала фанатично религиозной. Его дядя умер в психиатрической лечебнице, и когда он собирался жениться, бабушка, которая хотела этому помешать внушила ему мысль, что помешательство наследственная болезнь в их семье и ему не следует иметь детей. Его соавтор по основному математическому труду, - Уайтхед, также постоянно балансировал на грани безумия, так что его жена и Бертран старались поддерживать его материально и эмоционально, чтобы не дать ему сползти в пропасть. Наконец, тонкая поэтичная женщина, которую он любил недолгое время, не выдержала разлуки и лишилась рассудка. Так сумасшествие преследовало его всю его жизнь, оставив в ней черные дыры неизбывной печали и душераздирающего раскаяния. Он никак не мог перестать винить себя в шизофрении сына, хотя и старался взглянуть на ситуацию объективно – на то, что была наследственность, что были тяжелые времена двух мировых

войн, что наконец сам он сделал все что было в человеческих силах, чтобы помочь своим детям обрести душевный покой. И тем не менее, этот вопрос "А если бы я тогда не.." не переставал его терзать, принимая каждый раз новые формулировки и благополучно избегая предыдущих казалось бы окончательных разоблачений своей бессмысленности.

На самом деле нет наследственности к психическим расстройствам, есть только наследственность к той "сверхчувствительности" и "гиперэстезии", о которой писали и Кречмер и Ломброзо в своих книгах о гениальных людях, и без которой не может быть истинного гения, мобилизующего громадные творческие силы Интеллекта. И в этом смысле несомненно семья Рассела обладала высокой наследственностью к чувствительному материалу творческих людей.

Большой одаренности как известно часто сопутствуют психические расстройства – об этом тоже много написано у Кречмера и Ломброзо. Дело в том, что всякое душевное здоровье основывается на поле Контрольного тока психики, а всякая болезнь на поле ДТПЭ. Таким образом, чем чище поле КТ от ДТПЭ, и чем более развит Интеллект – тем сильнее и здоровее будет психика. Одаренность дает силу полю КТ, но она же порождает интеллектуальную Эгозащиту ДТПЭ, что дает сломанный гомеостаз шизоидности.

"И как раз у большинства самых великих гениев, таких как Бисмарк и Гете, мы видим характерное взаимопроникновение их психопатологического компонента и крепко сплоченной массы их здоровой целостной личности. А при более тонком анализе индивидуальностей именно этих двух гениев, психопатология обнаружится пожалуй и в них самих – в предельной чувствительности и сверхвосприимчивости в эмоциональной сфере, в сверхсильной передаче нервного возбуждения в виде невропатических реакций вегетативной нервной системы и в отмеченных выше психогенных реакциях. Однако, здесь в случаях типа Бисмарка и Гете, психопатологический уклон почти исключительно помогает гению, сенсибилизируя личность до сверхутон-

ченности, стимулируя, создавая контрасты, углубляя сознание, делая личность сложнее и богаче. Те резкие внутренние антитезы и та лабильная нервическая свехутонченность, которые несет с собой родовой психопатический компонент, здесь не только обуздывается здоровой массой целостной личности, но и используются в общем гениальном творчестве как обогащающий и вносящий динамику компонент" Кречмер Гениальные люди

Как видно, Кречмер дал положительную характеристику – "психопатологическому компоненту", и даже обозначил его как особый ресурс гениальности, при условие, что "в состав истинно великого гения, как правило, входит солидная порция прочной и здоровой структуры"

Но это неправда: психопатологический компонент имеется, но он не имеет отношения к творчеству, по крайней мере к научному творчеству. Это шизоидность, другими словами психопатология гениев происходит от того, что одаренность, привнося интеллект в Эгозащиту, ломает ее гомеостаз и создает таким образом особую психопатию шизоидности. Для Гете эта шизоидность стала только источником жутких страданий Самовлюбленности и разбитого Эго, о которых он написал в "страданиях Вертера" – автобиографическом романе. Страдания не выдуманные – он действительно долго был третьим, и ему предпочли другого и он действительно много думал о самоубийстве. Спасла его только эта книга – исповедь освободила его от страданий, а пришедший с публикацией произведения успех окончательно излечил разбитое Эго.

Но что "гениального" в таком творчестве – и для него и для нас? Что похвального в том, что он позволил притяжению Самовлюбленности себя затянуть и разбить? Что хорошего в том, что потом, чтобы не сойти с ума от боли он навязал эту плаксивую и гнетущую историю нам? Что хорошего в том, что он поставил Самовлюбленность на пьедестал вместо того, чтобы ее разбить и найти научное обоснование исключительной вредности притяжений ДТПЭ, подобно Байрону или Кьеркегору? С другой стороны, одаренность поля КТ позволила ему раз-

глядеть все бессмысленное и жестокое самоуничтожение "деревянных" людей в масках Эго, между которыми течет мертвый ток, не умеющих быть самими собой и видеть иную перспективу кроме карьерного роста.

Нет ничего похвального шизоидности, и ничего она не добавляет к гениальности – она всего лишь побочный эффект одаренной натуры, направляющий ее силы на бессмысленные траты.

Таким образом, шизоидность сама по себе вовсе не говорит о том, что человек непременно заболеет психозом (шизофренией), а только предрасполагает его к нему. Заболеет или нет будет зависеть всецело от воспитания и окружения: если интеллект направить на Эгозащиту, шизоидность достигнет апогея, "здоровая часть" поля КТ будет окончательно разрушена и человек заболеет. Если же напротив, направить интеллект в сферу научного интеллекта и снять Эгозащиту – шизоидное ДТПЭ будет остановлено, и человек стать полновластным хозяином своей роскошной одаренности безо всяких побочных эффектов.

Вопрос лишь в том: сумеет одаренный человек избавиться от своей шизоидности или нет? Даст засосать себя субъективному метафизическому интеллекту формальной логики или же уйдет на поле объективного, научного мышления, основанного на анализе практики?

Я с удовольствием поведала об этом Бертрану, успокоив его раз и навсегда относительно зловещей наследственности, тяготевшей якобы над их семьей. Наследственность несомненно была, но это наследственность к тонкой чувствительности одаренности. Сам он не только легко справился со своей шизоидностью в качестве побочного продукта одаренности, но и добился максимального развития поля КТ – здоровой части психики, и все благодаря гениальности. Бертран Рассел был не просто одаренным человеком, он был гением, его интеллект обладал громадной потенцией, которая позволила ему интуитивно увидеть все законы психики и описать их в своих работах.

Но до сих пор беда таких гениальных людей, видевших законы психики в общих чертах состояла в том, что они легко могли использовать эту информацию для своего здоровья, но у них никак не получалось передать ее в сколько-нибудь доступной форме другим. Бертран знал о том, что секрет здоровья в отказе от Эгозащиты и учил этому своих детей – позже Катерин поставит ему это в упрек. Он знал, что для того чтобы сохранить психическое здоровье необходимо много работать над развитием интеллекта, но от чего-то не мог привить этой страсти другим. Он знал, что в основе здоровья – общее Я человечества, что нельзя ставить узкие личные цели, но всегда видеть широкую перспективу общественного благополучия в целом. Но и этого не смогли понять его дети, назвав его впоследствии утопистом и фантазером.

Точно такая же история имела в свое время место и в семье Толстого: "Ну как же вы не понимаете! – разводил старик руками в отчаянии,- Это же так просто!"

Просто для гениев, но совсем не просто для обычных людей, даже для талантливых людей – по крайней мере до тех пор, пока законы психики видны были только в смутных очертаниях, интуитивно понятных гениям, но не понятных ни чувственно, ни теоретически всем остальным.

Социальная теория Рассела – один из лучших образцов описания законов Психической Энергии в приблизительном подходе. И одновременный один из самый наглядных образцов того, как мало способно дать смутное предчувствование очертаний психики у гениев окружающим людям.

Рассел, как и все те, кто сумел нащупать форму психики, понимал, что Эгозащита – это источник слабости, тупости, мертвенности, и болезней. Но он не мог объяснить почему это так, и это бесконечно терзало его. Он много раз признавался, что проблема рационального обоснования необходимости снятия Эгозащиты всегда оставалась живой проблемой для него, на разрешение которой он тратил много душевных и умственных сил.

"Мы чувствуем, что человек способный принести много счастья окружающим за счет собственного несчастья – лучше, нежели человек, который строит свое собственное счастье на несчастье других людей. Я не вижу никакого рационального основания этому взгляду. Это реальные этические проблемы, но я не вижу никаких путей их разрешения кроме политического или военного. Все что приходит мне в голову – это то, что этическая позиция может опираться только на этическую аксиому, но если аксиома не принимается, то не может существовать никакого иного рационального суждения по этому вопросу" Автобиография

Действительно, если ставить вопрос так: счастье других за счет моего несчастья, или же несчастье других для моего счастья – то рационального основания снятию Эгозащиты нет и быть не может. Это старая проблема Эгоизма и Альтруизма, которая уже самой постановкой вопроса блокирует пути его рационального разрешения.

На самом деле, как мы уже много раз говорили, все обстоит намного проще:

"Не доказывает ли это, что интерес к другим и интерес к себе составляют неизбежную альтернативу? Это было бы так, если бы себялюбие и любовь к себе были тождественны. Но такое допущение и является тем самым заблуждением, которое привело к стольким ошибочным выводам относительно нашей проблемы. Себялюбие и любовь к себе не только не тождественны, но и прямо противоположны. Себялюбец любит себя не слишком сильно, а слишком слабо; а в действительности, он ненавидит себя" Фромм Человек для себя

Истинное Я человека – это общее Я человечества, вот почему личное счастье всегда необходимо включает общественное. Эгозащита – это мертвый ток-паразит, который одинаково способствует несчастью самого человека и окружающих, за счет которых он вознамерился стать счастливым.

Но Рассел и Фромм были знакомы и очень уважали друг друга, и конечно, Рассел не мог не знать, что возможно и такое

объяснение эгоизма. Однако, его терзала необходимость научного обоснования проблемы, которого он не только не мог увидеть, но даже в принципе провозгласил вопросы этики вне научного поля зрения.

"Однако остается широкое поле, по традиции включаемое в философию, где научные методы неприменимы. Эта область содержит конечные проблемы ценности; например, с помощью одной лишь науки нельзя доказать, что наслаждаться, причиняя другим страдание, плохо. Все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы". История западной философии

Вот где он жестко разошелся с Руссо – и надо отдать Руссо должное, это позиция не говорит в пользу Рассела.

"Углубимся в самих себя, мой юный друг! Исследуем, оставив в стороне всякий личный интерес, к чему ведут нас наши склонности" – этот простой способ найти законы психики, не пришел Расселу в голову по той простой причине, что она была уже занята биологическими концепциями "материальности" человека, а значит объясняла поведение исходя из биологических закономерностей с одной стороны и голой логики с другой стороны, полностью игнорируя законы психической энергии и ее ткань – чувства, как самостоятельный поток энергии. Вот почему Рассел считает, что чувства лежат вне научной сферы. И вот каким образом, он, страстно отстаивая позиции материализма, не избежал общей участи материалистов и идеалистов и остался метафизиком: биологический взгляд на человека всегда оставляет всю психическую сферу – одной лишь логике, и потому биологические материалисты ничем не отличаются от идеалистов, понимавших людей, как свободную волю логики.

Другое дело, если в поле зрения попадает сфера психической энергии и ее законы – тогда уже поведение объясняют не свободной волей логики и инстинктов, а силовыми полями психических токов и их взаимодействием. Вот где подход становится действительно материалистичным и научным.

Тем не менее, несмотря на тот факт, что Рассел вывел психику за сферу научного познания, он, повторюсь еще раз, сумел интуитивно разглядеть многие закономерности ПЭ:

- Он понимал, что большинство людей мотивированно и движимо нездоровыми импульсами, не только не связанными с задачами самосохранения, но прямо противоположными им

"Менее признан сегодня факт, что все мы страдаем в большей или меньшей степени от нервного расстройства эмоционального происхождения. Человека считают здоровым, если он также здоров как средний человек его времени; но мнение и поступки такого среднего здорового человека определяются настолько фантастичными механизмами, что в действительно здоровом обществе их посчитали бы признаками болезни" Образование и здоровое общество

"И так наш современный мир, в котором добро лениво и только зло энергично, катится, пьяно спотыкаясь, к разрушению. На мгновения люди видят пропасть, но вскоре интоксикация нереальными сантиментами вновь закрывает им глаза. Всем, кто не отравлен этими нереальными эмоциями, опасность очевидна. И национализм – это основной двигатель, толкающий нашу цивилизацию к гибели" Образование и здоровое общество

"Наш мир – сумасшедший мир. С 1914 он перестал быть конструктивным, потому что люди отказались слушать свой разум в создании международного сотрудничества, но настаивают на разделении человеческого рода на враждебные группы. Коллективной неудачей воспользоваться человеческим разумом для самосохранения мы обязаны в основном нездоровым и разрушительным импульсам, которые скрываются в бессознательном тех, чьим воспитанием злоупотребили в ранние годы и в отрочестве. Несмотря на продолжающийся рот технического оснащения производства мы все становимся беднее. Несмотря на то, что мы все хорошо знакомы с ужасами войны, мы продолжаем воспитывать в детях сантименты, которые сделают войну неизбежной. Несмотря на развитие наук, мы отказываемся от рационального мировоззрения в пользу предрассудков. Несмотря

на все возрастающую власть человека над природой, большинство людей находят себя в более безнадежном положении и чувствуют себя слабее, чем люди чувствовали себя в средние века. Причина всего этого находится не во внешнем мире, и не в нашем сознание, так как мы заем больше, чем людям когда-либо доводилось знать. Она находится в наших страстях; она находится в наших эмоциональных привычках; она находится в сантиментах, внушенных нам в детстве, и в фобиях, возникших в детстве. Избавится от наших проблем мы можем только излечив людей от помешательства, и чтобы люди научились здраво мыслить, они должны быть здраво образованны. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели все ведут к социальной катастрофе. Религия воспитывает в людях тупость и недостаточное чувство реальности; сексуальное воспитание часто продуцирует нервные расстройства, и если не в сознание, то сеет их ростки в подсознании, что делает счастье во взрослой жизни невозможной; уроки школьного национализма учат детей тому, что самый важный долг молодых мужчин убивать людей; классовые сантименты способствуют молчаливому признанию экономической несправедливости; а конкуренция способствует ожесточению в социальной борьбе. Можно ли удивляться, что мир, в котором все силы государства брошены на то, чтобы воспитывать в детях безумие, тупость, готовность к убийству, экономическую несправедливость и жестокость – можно ли удивляться, я спрашиваю, что этот мир не есть счастливый мир? Можно ли считать человека аморальным и опасным только потому, что он желает поставить на место всего этого безобразия в образовании интеллигентность, психическое здоровье, доброту и чувство справедливости? Мир стал настолько невыносимо напряжен, настолько переполнен ненавистью, настолько полон несчастья и боли, что люди потеряли способность уравновешенно рассуждать, необходимую для высвобождения из трясины в которой барахтается человечество" Образование и общественный порядок Рассел

- Он понимал, что болезненное мировоззрение связано с эффектом кривого зеркала, и отражает мир как противостояние сверхъестественных сил:

"Мы можем наблюдать на большей части поверхности земли нечто похожее на возврат к системе обожествления власти, принятой в древнем Египте, контролируемый новой кастой священников. Хотя эта тенденция не так сильна на Западе как на Востоке, она тем не менее, зашла так далеко, что легко привела бы в изумление 18 и 19 века как в Англии, так и в Америке. Власть и личность"

- Он понимал, что болезнь, подчинившая себе человечество – это мертвая сила чужой энергии.

"Не только опыт и страх угрозы войны угнетают человечество, хотя возможно это самое большое зло нашего времени. "Нечеловеческие силы" угнетают нас и мешают нам жить "Ложные Боги" превратили людей в рабов обстоятельств, хотя они уже и не рабы по закону. Сильные люди живут в погоне за властью вместо довольства простым человеческим счастьем и дружбой; а слабые только угождают им или будучи обманутыми, живут ложными представлениям о причинах несчастья"

Authority and individual Bertrand Russell

- Он видел, что выход может быть только в развитии научного мышления, способного к истинному отражению действительности

"Те, кто считает что детей нельзя учить воспринимать массовую бойню (национальные войны) как благороднейшее дело человека объявлены предателями, и друзьями всех стран, кроме своей собственной. Человек подумал бы, что естественная привязанность к детям заставила бы многих людей чувствовать боль от мысли что их дети будут умирать в агонии. Но это не так. Мысль, что то чему учат детей должно быть правдой по возможности – очень подрывная мысль, и в некоторых своих приложениях даже криминальная. Но я не могу противиться убеждению, что обучение лучше когда оно основано на истине, нежели когда оно учит лжи. История должна преподаваться абсолютно иден-

тичным текстом во всех странах, а учебники по истории должны быть составлены Лигой Наций" Образование и здоровое общество

- Наконец, он подобно Байрону предсказывал, что наступят времена, когда современный человек Эгозащиты, тирании и злорадства станет лишь "динозавром", в существование которого трудно будет поверить, уступив дорогу здоровым людям общего Я и научного интеллекта:

"Как бы там ни было, громадный успех этих современных динозавров, которые, как и их доисторические прототипы, предпочитают силу интеллекту, сделал их образцами для подражания по всему миру: они стали моделью белого человека повсюду, и скорее всего, тенденция эта будет набирать силу еще в течении следующего столетия. Те, однако, кто сегодня не в моде, могут успокаивать себя мыслью, что в конечном итоге динозавры вымрут; они поубивают друг друга и наблюдающие за их битвой со стороны интеллектуалы унаследуют их королевство" Борьба за счастье

Особенно отчетливо сходство социальной философии Рассела с социальной философией Фихте бросается глаза именно в разрезе взглядов на светлое будущее человечества, в которое оба свято верили, и оба видели источником интеллект и правильное воспитание детей.

"Если бы наличное знание было использовано и опробованные методы применены, мы могли бы за одно поколение получить популяцию почти полностью свободных от болезней, зла и глупости людей. Одно поколение бесстрашных женщин могло бы изменить мир путем рождения и воспитания бесстрашных детей, с не искаженной неестественно сущностью, но справедливых и искренних, благородных, свободных, и с чутким сердцем. Эта энергия устранила бы жестокость и боль, которым мы подвержены из-за нашей лени, трусости, эгоизма и трусости" цитирую по "Мой отец Бертран Рассел" К. Тейт

"Причина этих событий вовсе не тайна: соразмерное разуму государство не может быть построено искусственным обра-

зом из любого наличного материала, нация должна быть сначала образована и воспитана для него. Только та нация, которая сначала решит путем действительного осуществления задачу воспитания совершенного человека, сможет затем создать и совершенное государство" Фихте речи к немецкой нации

Рассел был настолько захвачен перспективой построения здорового общества путем правильного воспитания детей, что даже открыл свою собственную школу, и отдал этой школе семь лет жизни, и большую часть сбережений. Однако, все оказалось напрасно. "Они приехали полные радости и надежды, - писала по этому поводу его дочь, - создать школу в которой его дети превратятся в совершенных представителей человеческого рода. Через семь лет они потеряли друг друга, доверие своих детей, свои деньги и большую часть надежд".

Но Рассел не сдавался. Он пишет одну за другой книги о правильном образовании и воспитании молодежи, которое одно только способно исцелить и выправить полное бед и зла общество. Он организует издание специальных учебников, рассчитанных на развитие критического мышления у детей. По всему было видно, что задача образования стала для Рассела жизненным интересом, с которым он связывал все благополучие грядущего общества благоденствия.

"Все чаяния его страстной натуры были обращены в будущее, к золотому веку, который должен наступить, если не на небесах, то на земле. Всю свою жизнь он чувствовал необходимость отдавать все свои силы для будущих целей, неважно какой ценой для себя самого, так как грядущее счастье человечества значило для него больше, чем его настоящее удовольствие. Более того, это было целью его активности в настоящем. Он и нас научил этому. Наши личные стремления должны были рассматриваться как менее важные, нежели счастье человечества, наши таланты и энергия должны быть пожертвованы задачам исцеления человеческой расы. Мы приняли это пожизненное обязательство, несмотря на то, что даже в своих школьных пьесах говорили, что не верили в утопию" Мой отец Бертран Рассел К.Тейт

В том же духе пишет и Фихте о грядущей эпохе "уничтожения Эгоизма", которое принесет с собой совершенное общество и совершенное государство. Под "смутным чувством" Фихте понимает автоматизмы и притяжения ДТПЭ, "ясность и познание" – это несомненно научный интеллект поля КТ.

"снимут покров с новой эпохи, которая может должна непосредственно последовать за разрушением эгоизма... стремления и движения времени направлялись к тому, чтобы изгнать смутные чувства и передать власть в руки исключительно ясности и познания. Это стремление полностью удалось в том плане, что было целиком разоблачено прежнее ничтожество. Ни в коем случае не должна быть теперь искоренена эта тяга к ясности — или вновь воцарится затхлое покоение при смутном чувстве; эта тяга только должна быть развита еще дальше и введена в более высокие сферы, т. е. чтобы после разоблачения ничто так же открылось нечто — утвердительная и действительно полагающая нечто истина. Произрастающий из смутного чувства мир данного и создающего самого себя бытия ушел в прошлое и должен оставаться в нем; произрастающий из изначальной ясности мир бытия, вечно порождающийся в духе, должен, напротив, просиять и выступить во всем своем блеске" Фихте Речи к немецкой нации

Однако, несмотря на все благие намерения и явное наличие интуитивного понимания закономерностей Психической энергии, усилия обоих этих гениев имели как известно негативный эффект. У Фихте смогли рассмотреть только националистический элемент и пропаганду героического самопожертвования во имя нации – все это успешно использовал в свое время Гитлер, а Рассел всеми своими усилиями не сумел сделать счастливыми даже своих собственных детей, более того, разрушил психику сыну и сделал несчастной дочь. В чем же дело? Почему до сих пор никому не удавалось обратить на благо человечеству видение законов психической энергии, требующее снятие Эгозащиты и постановку на ее место научного мышления?

Да просто потому, что Фихте был - идеалистом, а Рассел – материалистом, и при этом оба они были метафизиками. Метафизика противостоит не материализму, как наивно полагали до сих пор, а научному мышлению. Метафизика – это самодостаточное мышление, оторванное от практики и лишенное способов контроля практикой своих теоретических выводов. Рассел поставил себя в позицию метафизика, когда признал "широкое поле чувств" вне науки, поскольку отныне мог объявить поведение и мотивацию человека основанными исключительно на логике, а не на законах психики. Так и вышло, он считал, что "reasoning", то есть аналитическое мышление может решить все социальные и психологические проблемы. Что касается Фихте, то у него метафизика не является скрытой, но самоочевидна и заявлена.

В итоге все метафизические философии не считаются с основным законом психики – законом сохранения силы, и не учитывают того факта, что для того, чтобы снять Эгозащиту, нужно научить человека сохранять свою силу посредством Научного Интеллекта.

Эгозащита (в том числе и интеллектуальная Эгозащита шизоидов) – это Физический контроль закона сохранения силы психики, основанный на силовом противостоянии с миром.

Научный интеллект – это Интеллектуальный контроль закона сохранения силы психики.

Для того, чтобы остановка ДТПЭ, запускаемого Эгозащитой, прошла успешно и не разрушила психику, необходимо, чтобы человек прежде научился оберегать свою силу Интеллектом. Если этого не сделать попытки снять Эгозащиту закончатся самым плачевным образом именно вследствие первостепенной важности закона сохранения силы для психики.

Но откуда же взяться силе Интеллекта, если Пространство Интеллекта разрушено вдребезги? Если Рассел считал своим долгом обосновывать, что нет и не может быть абсолютного знания, что любые успехи в науке – это всегда только ориентиры для будущих корректировок, утверждая, таким образом, ни к че-

му не привязанную формальную логику метафизического мышления.

"Напрасно говорить «лети!» тому, кто не имеет крыльев: с помощью твоих призывов он не

поднимется и на два шага над землей; но развей, если сможешь, его духовные крылья, дай ему поупражнять и укрепить их, и он, без всяких твоих призывов, захочет не чего-нибудь, а летать" Фихте Речи к немецкой нации

Ведь Пространство Интеллекта выложено законами природных энергий, и если эти законы неизвестны, то и Интеллекту негде взять свою силу, ибо его сила есть сила контроля законов вселенной. Контроль открывает доступ к силам космоса, как мы легко можем убедиться с электрической, механической, ядерной, химической, биологическими энергиями.

Точно также и со снятием Эгозащиты: чтобы человек сумел отказаться от своего Эго, нужно показать ему законы ДТПЭ и доказать на практике, что законы эти действительно существуют и двигают энергию именно таким образом, как в них описано: противоположные притяжения Самолюбия и Влюбленности, циклы гомеостазов между противоположными притяжениями, кривое зеркало Эгосистемы, провоцирующее страх сверхъестественных сил и эти притяжения и тд и тп.

Этот процесс потребует много времени: кому-то хватит пары месяцев, а у кого-то уйдут годы, но в конце концов целенаправленная работа на фиксирование в своей психики законов течения чужеродной энергии приведет к успеху. Человек и сам не заметит как научится отделять свое Я от этого чужеродного движения и в конце сможет и совсем избавится от него.

И все потому, что наличие контроля законов Эгозащиты даст ему ощущение силы, совершенно отличное от силы эгоистического противостояния миру своей стабильностью, мощью, безопасностью, равновесием и удовлетворением.

Поэтому чтобы обеспечить успешное снятие Эгозащиты Необходимо выстроить разрушенное ныне противоречивыми и абстрактными теориями Пространство Интеллекта едиными за-

конами КТ и ДТПЭ, которые легко проверяются на практике. Именно отсутствие доступа к контролируемым на практике законам психики делает процесс снятия Эгозащиты утопическим и фантастическим, и превращает все усилия гуманистических психологов по переводу человека с поля авторитарной совести в поле гуманистической совести в пустую трату времени.

Этот эффект "импотенции современной психологии", о котором я писала в предыдущих работах, всецело базируется на разрушенном Пространстве Интеллекта, что признается нормальным положением вещей, исходя из "феноменологии" Гуссерля и сартровской дребедени поиска самостоятельной истины.

"И вот я размышлял о печальной участи смертных, носящихся по этому морю людских мнений без руля и компаса, по воле своих дурных страстей, без всякого иного руководителя, кроме неопытного кормчего, который не узнает дороги и не знает, откуда и куда плывет. Я говорил себе: «Я люблю истину, ищу ее и не могу разыскать; пусть мне укажут ее, и я буду крепко держаться ее: почему же ей нужно скрываться от рвущегося к ней сердца, созданного для поклонения ей?» Хотя я часто испытывал большие бедствия, но никогда жизнь моя не была такой постоянно неприятной, как в это тревожное и тоскливое время, когда беспрестанно, переходя от сомнений к сомнениям, из своих долгих размышлений о причине моего бытия и о законе моего нравственного поведения я выносил одну лишь неуверенность, неясность и противоречия. Я не могу понять, каким образом можно быть систематичным и искренним скептиком. Такие философы или не существуют, или они самые несчастные из людей. Сомнение в вещах, которые надлежит знать нам, есть состояние, слишком насильственное для человеческого ума; он не может долго оставаться в нем и, помимо воли своей, так или иначе разрешает свои вопросы; он лучше хочет ошибаться, нежели ничему не верить. Затруднение мое увеличивалось и тем обстоятельством, что, раз я принадлежу по рождению к церкви, которая разрешила все вопросы, которая не допускает никакого сомнения, то отвержение одного

пункта заставляло меня отвергать и все остальное; невозможность принимать столь многие нелепые решения отклоняла меня и от тех, которые не были таковыми; говоря: «верь всему», мне не давали возможности верить чему бы то пи было, и я не знал, на чем остановиться. Я обратился к философам, рылся в их книгах, разобрал различные их мнения; и я нашел, что все они горды, решительны в суждениях, догматичны, даже в своем мнимом скептицизме, всезнающи, но доказать ничего не могут и только издеваются друг над другом; и эта общая всем черта показалась мне единственною, в которой они все правы. Торжествующие, когда нападают, они бессильны при защите. Если вы станете взвешивать их доводы, то окажется, что они служат только для разрушения; если вы сочтете направление, окажется, что у каждого — свое; соглашаются они только для того, чтобы спорить; слушать их для меня не значило выйти из состояния неуверенности. Я понял, что бессилие ума человеческого есть первая причина этого удивительного разнообразия мнений, а гордость — вторая причина" Эмиль Руссо

Упустив вот этот основной момент замены силы Физического контроля противостояний Эго на силу Интеллектуального контроля сотрудничества и взаимопомощи, современная психология лишилась основного терапевтического механизма, что и поставило ее в положение импотента и банкрота. Ведь всем известно, что не вылечить, ни тем более предупредить развитие психоза современные психологи не могут. И уж конечно они не помогут вам снять Эгозащиту, хотя ряд гуманистических психологов очень красноречиво обосновывал необходимость этой процедуры для всех, кто желает сохранить душевное здоровье.

Точно такая же ситуация получилась и у Рассела с его детьми: он не сумел показать им как пользоваться силой абстрактного интеллекта, которой сам владел виртуозно, а знаний законов психики, доступных контролю и ощущению силы своего интеллекта через этот контроль у них не было.

"Научный оптимизм моего отца был очень силен, и он надеялся что мы разделим его вместе с его бесстрастной способностью

видеть обе стороны вопроса. Но эти вещи нелегко совместить; честность сбивала с толку волю и смешивала наши надежды, и не оставляла нам сил для дерзкой борьбы с противниками, как с личными, так и с публичными. Потому как всегда имелась вероятность, что противник был прав. Мой отец умел разрешать эту проблему при помощи некоего интеллектуального фокуса: когда он хотел выразить свое негодование злом, он временно откладывал объективность в какой-то другой отдел своего сознания. Нам так и не удалось овладеть этим фокусом, и я думаю, он был разочарован нашими колебаниями, не понимая, что это он сам научил нас им" Мой отец Бертран Рассел

"Однажды моя мать подсела ко мне и сказала, что мне не следует так часто указывать людям на их ошибки и стараться их исправить, потому что людям не нравится, когда им указывают на их ошибки. Я полагала, что они будут достаточно разумны, чтобы видеть свои ошибки и исправлять их, и даже будут мне благодарны за то, что я им указала их ошибки. Я так полагала, потому что меня научили верить, что люди разумны, и что всегда можно найти отклик в их душе на логичные аргументы. Вся школа и связанные с нею надежды были основаны на этой вере, такой же ложной и фантастичной, как любой предрассудок. Мы, ученики этой школы, не смогли обучиться управлять своими жизнями, основываясь на разуме (хотя мы старались), и мы не обнаружили, когда выросли, что внешний мир откликнется с энтузиазмом на наши рациональные аргументы необходимости реформирования. Большинство людей (включая нас самих) предпочли оставаться со своими ошибками" Мой отец Бертран Рассел

То, что Катерин называет здесь "интеллектуальным фокусом", которому они не смогли обучиться на самом деле есть всего лишь способность ориентироваться в Пространстве абстрактных логических построений, еще не принявших форму законов конкретных энергий и потому не доступных контролю на практике. Такая способность есть только у очень одаренных способностями мышления людей, так что даже Дарвин признавался, что ему

не было дано "следить за длинной цепью чисто абстрактных построений". Но Рассел был великим математиком и он мог себе это позволить – и таким образом он умел сохранить силу своего Я, сняв Эгозащиту.

Но для обычных людей, для которых закрыто Пространство формальной логики и которые не умеют далеко абстрагироваться от практической жизни, такой выход из ситуации невозможен: для них снятие Эгозащиты означает полную потерю какой бы то ни было силы, а не переход от физического противостояния с людьми к интеллектуальному контролю и сотрудничеству.

Зато, если на место абстрактных противоречивых теорий, ничего не дающих практическому уму, станет настоящее Пространство Интеллекта с Законами конкретных психических токов - КТ и ДТПЭ, то дело на корню измениться. Конкретные законы, легко проверяемые на практике, сможет понять и усвоить любой образованный человек, для этого вовсе не обязательно быть гением, подобно Платону, Спинозе, Руссо, Расселу, Кьеркегору или Фихте. Достаточно просто изучить законы и начать процесс фиксации их действенности на практике – как процесс перехода от силы Эгозащиты к силе Интеллекта начнет совершаться сам собой. И тогда уже никто не сможет сказать, что требование честности и справедливости могло как то плохо отразиться на воле и надеждах, и что они не научились управлять своей жизнью посредством разума.

В мире, где все противостоят друг другу действительно опасно быть таким открытым, как того требует снятая Эгозащита – и тут Катерин абсолютно права. Но и это требование у Рассела было только от слишком туманной абстракции: законы ПЭ гласят, что быть искренним можно только с такими же здоровыми людьми с общим Я как ты сам, но с людьми Эгозащиты это категорически запрещается, потому что идет вразрез с законом сохранения силы. Известно, ведь как используют искренность порядочных людей завистники, сплетники и клеветники. И конечно, законы ПЭ легко позволили бы обучиться управлять своей жизнью разумом: как только начинаешь смот-

реть на мир сквозь призму механизмов КТ и ДТПЭ, замечать и различать в людях поля совести и насилия, сочувствия и злорадства, когда видишь как одних толкает к гибели Влюбленность, а других Самолюбие, когда начинаешь уважать скромных тружеников, посвятивших жизнь профессионализму, когда научаешься видеть глубокое страдание там где на поверхности все светится показным счастьем и скрытую мощь там, где кажется нет ничего кроме очков и дисциплины – ощущение контроля ситуации и уверенность в себе приходят сами собой. Эти знания помогают не просто узнать людей, прочувствовать их внутренний мир и снять очки кривого зеркала сверхъестественных сил, - они указывают человеку его собственное место в обществе и научают правильному отношению к самому себе. И вот тогда ты чувствуешь, что контролируешь ситуацию, что можешь поставить правильный диагноз и предвидеть основные направления деятельности людей; что можешь жить без страха и ставить себе достижимые цели; наконец, что контроль этот столь милый твоему сердцу своей необъятной мощью, комфортом, ощущением безопасности, силы и счастья – может и должен быть расширен и доведен до совершенства посредством реформирования образования.

Вот так Пространство Интеллекта законов психики позволяет научиться управлять своей жизнью разумом, а вернее знаниями этими законов; учит желать реформ там, где Пространство интеллекта разрушено и ненавидеть свои ошибки, проистекающей из тошнотворной Эгозащиты.

Вся разница между гениями и обычными в данном вопросе не в том, что гениям нужно что-то другое, а в том, что до сих пор, только они могли, как говорил Фихте, добираться до Пространства Интеллекта и удерживаться там на одних абстракциях формальной логики; знания законов ПЭ откроют эту возможность и обычным людям, и впервые дадут им почувствовать себя "в шкуре" гениев. Какого это, когда вдруг Эгозащита "осыпается как жухлая кожура", и проблемы общего Я человечества становятся частью твоего жизненного пространства? Какого это, когда

в твоей жизни постоянно присутствует чувство контроля ситуации, и ты смотришь на мир сверху вниз с высоты законов его существования? Какого это ничего или почти ничего не бояться и всегда чувствовать себя уверенным? Какого это ощутить мощный поток эмоций радости жизни, струящийся из активного и растущего интеллекта? Какого это научится любить и понимать таких же интересных и надежных как ты сам людей? Научиться смеяться на своим Эго и чувствовать от этого силу и комфорт потерянного страха и зависимости? Какого ощутить в себе зарождающийся глубокий профессиональный интерес, который поглотит себя глубиной своего влечения, заставит почувствовать силу своего творчества и удовлетворение и гордость своей плодотворностью?

"Таким образом, средство спасения, указать которое я обещал, состоит в образовании совершенно новой самости, существовавшей прежде, пожалуй, только как исключение у отдельных лиц, но никогда как всеобщая и национальная самость" Фихте Речи к немецкой нации

"Так что даже из прошлого опыта получается, что только лишь из развития духовной деятельности в обучении проистекает стремление к познанию исключительно как таковому, только оно сохраняет душу открытой для нравственного образования, чисто же страдательное восприятие, напротив, парализует и убивает познание, и ее потребностью является уничтожить на корню нравственное чувство. Но возвратимся к питомцу нового воспитания: ясно, что тот, кто движим своей любовью, научится многому и, так как он все схватывает в его взаимосвязи и тут же делом упражняется в схваченном, это многое выучит правильно и раз и навсегда. И все же это второстепенно. Важнее то, что посредством этой любви возвышается его самость и осознается и вводится в соответствии с правилом в совершенно новый порядок вещей, до которого до сих пор случайно добирались по милости Божьей только немногие. Им движет любовь, которая не направлена совершенно ни на какое чувственное удовольствие, поскольку последнее как побудительная причина со-

вершенно немо для него, направлена на духовную деятельность, ради этой деятельности, и на ее закон, ради этого закона" Фихте Речи к немецкой нации

Эта "новая самость" и "новый порядок" в который она вводится – несомненно, есть поле КТ, которое действительно до открытия законов ПЭ и строительства Пространства Интеллекта из этих законов, действительно было доступно только очень одаренным людям и гениям, которых поэтому никто не понимал, и считал, что попасть в их пространство простому смертному невозможно. Сам по себе КТ имеется у всех людей, так как он основа психики, но он настолько уничтожен под активным ДТ-ПЭ, настолько неразвит и истощен, что так и остается только ресурс Эгозащиты и никогда не дает человеку почувствовать себя в своей силе и полноте. Зато снятая Эгозащита и выздоровевший КТ, получивший способность к развитию и к активности поднимает человека до той особенной "самости" стабильности, счастья, контроля, силы и безопасности, которой до сих пор действительно наслаждались только избранные единицы.

Это ощущение особенной силы и любви к познанию, которую приносит собой умении ориентироваться в Пространстве Интеллекта, Фихте описывает как необходимый процесс для снятия Эгозащиты:

"придать жизненность картине нравственного миропорядка, добиться того, чтобы его воспитанник был охвачен горячей любовью и страстью к нему, и пылким чувством, влекущим к его реализации в жизни, от которого эгоизм осыпается как пожухлая листва" (там же)

Фихте, вслед за Кьеркегором и в отличие от Сартра и Ницше, признает, что если у человека появляется правильное представление о добре и зле, то это представление не оставляет свободы выбора между ними – такой человек всегда выберет добро. Поэтому тот, кто сможет понять природу взаимодействия КТ и ДТПЭ, тот не станет выбирать между Эгозащитой и общим Я человечества, понимая что Эгозащита – это зло.

"Итак, предложенное мной воспитание должно быть надежным и сознательным искусством образовывать в человеке устойчивую и безошибочную добрую волю, и это — первый его признак" (там же)

Это вполне отвечает научному подходу к контролю психики, поскольку закономерности предполагают необходимость, и закономерности перехода с поля ДТПЭ на поле КТ действительно обуславливают необратимость доброй воли. В этом смысле все рассуждения о полной свободе выбора не более чем метафизический бред Эгозащиты, который всегда приводит к обратному результату.

Разница состоит лишь в том, что на поле КТ мы во-первых обладаем относительной свободой воли, который дает нам контроль законов природы, в том числе и самих себя, а во-вторых в том, что свое собственное Я ощущается как полная естественность, спонтанность, даже будучи во многом детерминированным, а закономерности чужого тока ощущаются как железная рубаха, натянутая поверх истинной жизни интеллекта и радости жизни.

"Собственное назначение человеческого рода на Земле, сказал я в лекциях, продолжением которых является этот курс, состоит в том, чтобы свободно сделать себя тем, что оно собственно есть изначально. Это себя-самого-делание, в основных чертах сознательное, в соответствии с правилом должно только однажды где-то и когда-то начаться в пространстве и времени, посредством чего на смену первому периоду несвободного развития человеческого рода пришел бы второй основной период свободного и осознанного развития" Фихте Речи к немецкой нации

Вот этот призыв "стать самим собой", который проходит лейтмотивом через всю гуманистическую философию и психологию, очень четко ощущается также и в произведениях Рассела. Руссо и Кьеркегор делают его основой своей философии, и все осознают: мы не рождены полноценными людьми, в задачу человеческой жизни входит становление и работа над собой с тем, чтобы реализовать заложенную в нем программу. Для Фромма,

Маслоу, Роджерса, Хорни, Юнга, Франкла – этот призыв стать самим собой и актуализировать заложенные потенции станет основой и содержанием их психологических теорий.

Это становление и есть остановка ДТПЭ (то есть снятие Эгозащиты) и одновременное развитие поля КТ, то есть Пространства Интеллекта, от которого оно непосредственно зависит. Поэтому действительно чтобы стать человеком далеко недостаточно просто родиться – нужно еще много над собою работать.

"каждый должен стать человеком; кем кто-либо станет сверх того и какую особенную форму в нем примет или получит человечность, это общего воспитания совершенно не касается и находится вне его компетенции" Фихте

Фихте очень отчетливо видит "совершенно различных людей" образуемых в зависимости от того, преобладает ли Эгозащита или активен научный Интеллект.

"Вследствие сказанного с точки зрения образования существует два совершенно различных и полностью противоположных рода людей.

Первый основной тип сознания, возникающий во времени самым первым, есть смутное чувство. С

помощью этого чувства основное побуждение обычно и как правило схватывается как любовь единичного к самому себе, и смутное чувство изначально преподносит эту самость только как то, что хочет жить и наслаждаться. Так чувственный эгоизм становится действительным основным побуждением и движущей силой жизни, запутанной этим переводом ее изначального основного побуждения. Человек будет поступать эгоистично и не может иначе до тех пор, пока он продолжает так понимать себя; и в непрестанных изменениях его жизни единственно только этот эгоизм постоянен, остается равным себе и всегда присутствует.

Второй основной тип сознания, который, как правило, не развивается сам по себе, но должен

заботливо пестоваться в обществе, — это ясное познание. Если основное побуждение человечности схватывается в этой

стихии, то развивается второй, совершенно отличный от первого род людей. Такое, схватывающее саму фундаментальную любовь, познание не оставляет познающего, как это, пожалуй, может произойти с другим познанием, холодным и безучастным, но его предмет любим больше всего, так как он есть истолкование и перевод нашей изначальной любви".Фихте Речи к немецкой нации

Однако, и Фихте, как я уже говорила, совершает общую для всех философов и психологов, работавших с проблемой снятия Эгозащиты ошибку: он мало того не дает конкретных законов ДТПЭ, чтобы путем контроля этих законов человек смог безболезненно перейти в Пространство Интеллекта и подключиться к его необъятным силовым ресурсам, он еще и настаивает на том, что "воспитание" ничего не знает об эгоизме и знать не хочет, что оно "также мало его с ним борется, как развивает его". Единственное что может предложить Фихте в качестве гарантии перехода к "новой самости" поля КТ и отпадения эгоизма как "пожухлой кожуры" – это все то же развитие любви к абстрактному мышлению, которая займет место эгоизма, так что если он и "возбудится" сам собой его место уже будет занято "другой любовью".

"Поскольку этим путем первичным и истинным основанием и исходным пунктом жизни вместо смутного чувства станет ясное познание, то эгоизм будет совершенно исключен и лишен какого-либо развития. Ведь только смутное чувство преподносит человеку его самость как нечто требующее удовольствий и страшащееся болезненного; ясное понятие ни в коем случае не преподносит его так, а показывает как звено нравственного порядка, что дарует ему любовь этого порядка, которая возгорается и развивается одновременно с развитием этого понятия. С эгоизмом это воспитание не имеет ничего общего, поскольку оно ясностью заглушает смутное чувство, его корень; оно так же мало борется с ним, как и развивает его, оно вовсе ничего не знает о нем. Если бы было возможно, чтобы эта страсть позже все же возбудилась, то она нашла бы сердце уже

наполненным более высокой любовью, которая не оставляла бы для нее места" Фихте Речи к немецкой нации

В итоге как фихтеанская или расселовская система снятия Эгозащиты потерпели крах, так что вместо снятия Эгозащиты последовали мировые войны, а им на смену пришел культ Эгозащиты, который мы сегодня видим на экранах своих телевизоров, так и вся современная психотерапия.

И все потому, что без единой истины законов психики, которая дала бы ключ к новой силе и научила человека защищаться и чувствовать себя в безопасности, любить и быть любимым, плодотворно работать и достигать успехов в профессиональной деятельности, уметь различать общение со здоровыми людьми и с людьми с активной Эгозащитой – правила "добродетели" оказываются не переходом к "новой самости" поля КТ, а всего лишь разновидностью Идеала СуперЭго. Другими словами, вместо того, чтобы снять Эгозащиту, воспитание, которое не способно научить человека контролю своего ДТПЭ, напротив активирует Эгозащиту, всаживая нормы нравственности через Эгосистему, и превращая их тем самым всего лишь в бездумный конформизм.

То что случилось и с детьми Рассела: активировать поле КТ у него не получилось, так чтобы Катерин не спрашивала, чем было то загадочное благо человечества, для которого он их воспитывал, но чувствовала также как и он острую боль от осознания глубины болезненности общества и такую же острую потребность положить все свои силы на исцеление этой жуткой болезни. Этого не случилось, общее Я молчало, зато боль Эго заострилась и активировалась нагруженным на СуперЭго идеалом абсолютной человеческой добродетели.

"Selfish" ... одно из самых ярких слов моего детства. Я верила, что говорить о "себе" было эгоистично. Поскольку ничего другого на ум не приходило, я молчала. Я верила, что требовать справедливой доли чего-либо было эгоистично, указывать на свои достижения было эгоистично. Человек должен лезть из кожи вон, чтобы добиться наилучших результатов, а потом сказать: "Ох, это ничего. Я всего лишь выполнял свой долг". Я верила, что человек

должен любить и служить без надежд на вознаграждение или возврат нежности, поскольку никто не заслуживает любви, если только он не отказался всецело от эгоизма. Только через самоотречение могла я добиться любви, которой жаждала, которая тогда польется на меня как из ведра. Хотя он бы оспорил приведенную мною грубую формулировку, это были убеждения моего отца. Они не были реалистичными. Они создали трудности для него, они создали трудности для меня, и они испортили наши отношения. Мне бы хотелось, чтобы он удовлетворился меньшим" Мой отец Бертран Рассел К. Тейт

Здесь с особой ясностью видно, что проблема снятия Эгозащиты связана с тем, что не было дано другой силы взамен забираемого физического контроля. Только отдача и никакого возврата, никакого дохода энергии, - а ведь человек это всего лишь энергосистема, пусть и несметно богатая природными ресурсами, но энергосистема. И он не может существовать сколько-нибудь долго и удовлетворительно на голом расходовании сил, без обеспечения покрытия расходов и наращивания сил. На каждом шагу, снятие Эгозащиты без объяснения закономерностей психики, ломает интеллектуальный контроль вместо того, чтобы его усиливать. Он научил их верить в прогресс и в доброту людей и начало Второй мировой войны, невиданной по степени бессмысленности и бесчеловечности, повергло их в ужас. Он научил их верить в нравственность, но встречаемые на каждом шагу злость, лицемерие, зависть, насилие заставляли их осознавать неполноценность своего контроля.

И тогда осталось только оголившееся и ощетинившееся Эго, которое старалось на голой воле к идеалу СуперЭго претворить в жизнь требования добродетели отца. И конечно, как всегда на поле ДТПЭ, ничего не вышло. Какой тут идеал, когда разбит интеллектуальный контроль, когда Эго дрожит от страха перед недостижимыми нормами СуперЭго, когда вместо требуемой доброты, бесстрашия и справедливости ощущаешь только обиду, гнев, жажду внимания и признания, и больше всего на свете боишься оплошать, боишься не справиться, потому что чувствуешь,

что задача тебе не по плечу и от этого вечного страха проваливаешься уже в тотальное отчаяние.

"Мне хотелось сказать: посмотрите на меня, я девочка. Я люблю одеваться и быть привлекательной. Я не хочу быть общественным героем и я недостаточно умна для роли гения. Я предпочла бы оставаться девочкой, чем стать мальчиком. Но я ничего этого не сказал. Вместо этого я делала и говорила только то, что нравилось отцу и считала, что будет эгоистичным ждать похвалы за мои заслуги"

В итоге отец стал источником боли, источником идеала СуперЭго терзающего замученное и запуганное Эго – авторитарная совесть Эгосистемы работала, а гуманистическая совесть КТ, которую старался активировать Рассел, осталась глуха. Поэтому Катерин приходит к выводу, что Эгозащиту нельзя снять в принципе, и что это были коротко говоря всего лишь бредни ее отца. Она очень к нему несправедлива! Она конечно стоит на количественной теории добра и зла, вытекающей из системности полюсов Эгосистемы, дополняющих друг друга:

"Я считаю, что Добро и Зло взаимодополняемы и что они не могут существовать друг без друга. Зависть, страх, обида, гнев живут в любом человеческом сердце вне зависимости от того, как его воспитали. Отец в это не верил. Хотя эти отвратительные вещи жили в наших сердцах, их существование всегда отрицалось в отношениях нашей семьи и они были оставлены гноиться как скрытые раны"

Конечно, все это привело к тотальному чувству несчастливости, так как Удар по Эго, поставивший под угрозу психическое здоровье, был налицо. Для брата Джона удар этот закончился шизофренией, Катерин спаслась уходом в религию, а затем откровенной исповедью, в которой она критикует отца и его идеалы, чтобы наконец избавить свое Эго от вечного страха не достичь этих невыполнимых идеалов. "С ним я ощущала себя неудачницей, - говорит она. Я стала ему грубить, потому что больше не находила в себе сил стараться заслужить его одобрение и признание"

Она пытается найти спасение в его книгах, в которых он много говорит о путях сохранения и восстановления душевного здоровья, но находит только старые рекомендации по замене Эгозащиты объективным мышлением, которые и сделали ее такой несчастной. И только когда после смерти отца она решается оспорить все его принципы и убеждения, решительно обозначить их как "утопию", ложь", "фантазии", далекие от реальности, ей становится легче, потому что больше нет необходимости соответствовать недостижимым идеалам и Эго больше не грозит смерть от сознания своего ничтожества.

Этот пример с неудачной попыткой снятия Эгозащиты и замены ее на Интеллектуальный контроль научного мышления очень поучителен, так как он наглядно показывает, что доступ в Пространство Интеллекта без конкретных законов психики, легко поддающихся проверке на практике, на одних только голых абстракциях противоречивых теорий – обычным людям закрыт. Туда по прежнему имеют доступ только гениальные люди и так будет до тех пор, пока детей не станут обучать законам психики, вместо того, чтобы стараться научить их всем существовавшим абстрактным теориям со времен античности.

В этом случае получается "эффект Дон Кихота" – добродетель устанавливается через Эгозащиту, превращая человека в помешанного, отдающего себя для бойни с овцами и мельницами. Этот эффект хорошо знаком со времен церковного засилья средневековья, когда догмы христианства устанавливались в качестве Эгозащиты, так что соблюдение нравственности было делом лицемерия и конформизма или страха Эго перед СуперЭго.

Именно поэтому, Фрейд, обнаружив такую добродетель, заключил, что природа человека зла, а его культура и нравственность только поверхностное, наносное явление, которое легко сползает при первом же удобном случае проявить свою животность и дикость. Это истинная правда там, где закономерности добра поля КТ входят через Эгозащиту и вместо того, чтобы снять ее, активируют ее, превращаясь в формальности, не имеющие ничего общего с добром или с разумом. Чтобы этого не слу-

чилось, надо следить за целостностью и чистотой Пространства Интеллекта, информация которого позволит воспитанникам и людям, желающим снять Эгозащиту, получить доступ к силе Интеллекта, наблюдая законы общечеловеческой психики на практике.

Бертран был настолько потрясен всем услышанным – а мы очень много об этом дискутировали, что плакал при мне навзрыд, совсем не стесняясь. Я успокаивала его как могла, убеждая что я сама прошла через психоз, и что этот опыт бесконечно обогатил мое мировоззрение. Это немного успокоило его совесть, и постепенно он пришел в себя настолько, что мы смогли продолжить работу.

Мы довольно быстро справились со всеми остальными Залами и торжественно объявили о том, что поставленная задача выполнена: все противоречия и загадки получили свое объяснения с точки зрения законов ПЭ, все факты истории, которым не могли найти объяснения истолкованы, исторический процесс плавно улегся в эти закономерности также. Нам оставалось только ждать открытия Золотых Ворот Башни, однако ничего не происходило.

Прошли сутки, потом вторые, члены партии Рассела по очереди караулили у ворот, но все оставалось по-прежнему, так что все почти совсем отчаялись и перестали верить в Дорогу в Рай.

Однако, мне пошел сон на пользу. Я спала все двое суток напролет, не умея даже открыть глаз от чудовищной усталости, раздавившей меня после проделанной гигантской работы. На свежую голову я сразу поняла, что не так: не может быть знаний без практического подтверждения их валидности. Мы доказали, что знания и факты всех залов души можно легко объяснить с помощью законов ПЭ, но мы все еще не доказали наличие контроля Психической Энергии на практике.

- Нужен эксперимент! – крикнула я в сердцах, спустившись в Залу Любви и Свободы, где Бертран советовался в кругу своих античных друзей.

Все так и замерли, не умея понять о чем идет речь. Мне пришлось подробно им объяснить.

- Я уже знаю, какой это должен быть эксперимент. Это очевидно из всего, что я здесь насмотрелась. Вы должны победить театр Нерона-Сада – тогда вы докажете на практике, что получили доступ к силе Интеллекта.

Я не могу передать, какой восторг вызвали эти слова у героев, так тяжело переживавших свое бессилие на Олимпе, и свое унижение перед ничтожеством, которому они при жизни не подали бы руки.

- Скорее выкладывай, как это сделать, и можешь рассчитывать на нас во всем! – воскликнули в один голос Александр, Цезарь, Байрон и все присутствующие бравые ребята.

- Боюсь, мой ответ несколько поубавит ваш энтузиазм, - невольно улыбнулась я. – Видите ли, речь идет о мужестве…О! Я знаю, что вам не занимать мужества, - рассмеялась я, взглянув на их вытянувшиеся лица, - но речь о другом мужестве…

- О каком таком другом? О мужестве перед Дьяволом? Говори не тяни?

- Да, нет, конечно нет! Дьявол – это выдумка Эгосистемы. Есть ДТПЭ, а дьявола нет. Речь идет о мужестве вынести Удар по своему Эго, о мужестве отказаться от Эго, только это откроет вам доступ к силе Интеллекта.

Наступила такая тишина, что я слышала, как стучит мое сердце. Все разом притихли, и только Рассел разразился громкими аплодисментами.

- Браво, Лейла! Ну конечно, мужество снять Эгозащиту! - он хохотал до слез, забавляясь растерянными лицами героев.

Первым вышел из ступора Байрон и тоже принялся сердечно смеяться:

- Блестящая идея! Можешь на меня рассчитывать во всем.

Александр и Цезарь не захотели отставать от него:

- Нам нужно время на подготовку. Мы можем рассчитывать на что-то вроде короткого курса лекций? Мы знаем как ты устала, извини, но…

- Само собой. Усталости как не бывало. Как я вас всех люблю, мои золотые, - рассмеялась я. – Вот зададим мы им перцу! Встречаемся завтра в Зале Юмора.

- Завтра не выйдет, - засмеялся Свифт, который всегда был в курсе всех происшествий в Башне.

- Почему? – удивились все.

- Как вы еще не знаете? Данте наконец нашел свою Беатричи! Завтра Бал в театре Данте в ее честь!

- Вот это новость так новость! - кричали все. Шум поднялся невыразимый, все радовались, многие прослезились, и даже меня глубоко тронуло это известие, хотя я в глубине души очень побаивалась последствий этой встречи для психики Данте: как бы ему не разочароваться по общему правилу Самовлюбленности в своем божественном идеале.

Ну что ж! Бал так Бал! В конце концов, я ни разу в жизни не была на настоящем Балу, да еще со всеми величайшими героями человечества!

ГЛАВА 15. БАЛ БЕАТРИЧИ

Весть о великой встрече Данте и Беатричи мгновенно облетела весь Олимп. Все были заинтригованы, все счастливо улыбались, так словно бы случилось что-то необычайно доброе, желанное и милое сердцу каждого человека. Эйфория все нарастала по мере того, как в Театре Данте шли приготовления к романтическому Балу, на котором он хотел представить нам свою прославленную в веках любовь.

Наконец, этот великий день наступил и мы все собрались в Театре Данте-Лютера. Бал открывала торжественная постановка нескольких глав "Божественной комедии", в которой описана встреча Данте и Беатричи в Раю. В главных ролях сами действующие лица - Данте и Беатричи. Мы все замерли, прислушиваясь к словам, вглядываясь в лица, и горя желанием понять, насколько реальная встреча великих возлюбленных будет соответствовать встрече, которую вообразил себе Данте в тексте.

Так над небесной колесницей вдруг.
Возникло сто, ad vocem tanti senis
Всевечной жизни вестников и слуг.
19 И каждый пел: «Benedictus qui venis!»
И, рассыпая вверх и вкруг цветы,
Звал: «Manibus o date lilia plenis!»
22 Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,
25 И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око, —
28 Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетавших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,

31 В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.
34 И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,
37 А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведал обаянье.
40 Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие,
43 Я глянул влево, — с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе, —
46 Сказать Вергилию: "Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня былого узнаю!"
49 Но мой Вергилий в этот миг нежданный
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.
52 Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся, как черный дождь.
55 "Дант, оттого что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили".
58 Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,
61 Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,
64 Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского празднества — стояла,

Ко мне чрез реку обратясь лицом.
67 Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвой,
Ее открыто видеть не давало,
70 Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:
73 "Взгляни смелей! Да, да, я — Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?"
76 Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.
79 Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.
82 Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes meos» завершив псалом.
85 Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,
88 И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется-то воск огнем спален, —
91 Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековечных сеней;
94 Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!», —
97 Лед, сердце мне сжимавший как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.
Когда первые сентиментальные восторги были позади, я по-

думала, что это как раз тот случай, о котором писал Байрон, когда хорошо удавшееся произведение наносит прямо-пропорциональный вред сознанию молодежи.

Когда прелестно и медоточиво
Поют поэты о любви своей
И спаривают рифмы прихотливо,
Как лентами Киприда - голубей,
Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений.
Но я и не хочу изображать
Любовные дела в приятном свете,
Я буду строго факты излагать,
Имея поучение в предмете;
Моралью буду я опровергать
Мечты и страсти пагубные эти,

В поисках нематериального пространства Данте, к сожалению, не удалось обнаружить ничего позитивного, кроме отсутствия материи. Именно потому, что для него нематериальный мир не несет в себе никакого другого смысла кроме негативного – отсутствие материи, на деле ему пришлось свести весь сюжет к материи, ибо он не смог оторваться от нее и узреть Пространство Интеллекта. Поэтому он путешествует не в пространстве научного и литературного наследия, а в физическом пространстве оврагов, пропастей, горных цепей, звезд и облаков.

Логично поэтому, что его Плюсом остается Плюс Эгосистемы – СуперЭго, загрузкой которого и стала Беатричи. Контрольная энергия человека движется между полюсами Интеллекта, так что "Райем" в данном случае выступает Плюс поля КТ – знание законов космоса. Поэтому если бы Данте находился на поле КТ, он писал бы о движении к знаниям, к контролю, к силе космоса.

Однако, вместо этого Данте упорно говорит о том, что Разум бессилен понять Божество, и именно по этой причине упускает

позитивную составляющую нематериального пространства – Интеллект.

"Безумен тот, кто думает, что знаньем
Проникнуть может в тайны божества
Осилить скудным разумом сиянье
Единого в трех лицах естества"
Данте Божественная комедия

В результате, весь его долгий путь в Рай – не больше не меньше, как путь притяжения Самовлюбленности к загрузке своего СуперЭго. То, что образ Беатричи лишен всякой натуральности и является слепком СуперЭго, легко убедиться по эпитетам, которыми он награждает свою возлюбленную. Уже только тот факт, что диалог с ней заменяет диалог с Богом в Раю, говорит обо всем. Но если к этому прибавить титулы "госпожи", глубокий страх перед госпожой, слезливое благоговение, ее напыщенность и торжественность, царский выезд колесницы с рабынями нимфами и толпами свиты, всесилие во властных повелениях, то становится ясно, что не может быть и речи о реальном живом человеке, но только о проекции СуперЭго.

Поэтому "Божественную комедию" Данте на Олимпе относили к одним из классических любовных произведений Партии Шекспира наряду с "Ромео и Джульеттой", "Вертером" и "Новой Элоизой". Наверное, поэтому единственный счастливый конец на притяжении Самовлюбленности, который они сумели найти, оказался возможен только на том свете, а в жизни был опять-таки замешан на трагедии и смерти. Ведь Беатричи, несмотря на всю любовь к ней Данте, вышла замуж за другого, и через пару лет скончалась.

Таким образом, Божественная комедия Данте несет ложную информацию сразу по нескольким пунктам: во-первых, она игнорирует Пространство Интеллекта, которое в действительности составляет содержание нематериального мира, во-вторых, она закрепляет поле Эгосистемы, воспевая СуперЭго в качестве Плюса, к которому он движется, в третьих, она искажает существо и значение притяжения Самовлюбленности для психики,

воспевая романтическую любовь в духе гетевских и шекспировских произведений.

Так, ДТПЭ оказывается вознесенным на уровень Рая, и воспетым словно божество, в то время как его истинное значение как раз в том, что оно является смертным и единственным врагом Пространства Интеллекта, добродетели и счастья. И даже та "неутолимая мстительность", которая так возмущала Пейна в библейских текстах, у Данте проявляется как следствие его активного ДТПЭ, ищущего возмездия в телесных пытках своих врагов. Поле КТ и живет и борется в Пространстве Интеллекта, одолевая врагов научным опровержением правоты их позиций.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове пока я убеждалась на опыте, насколько прав был Байрон, утверждая вред подобной романтизации притяжений ДТПЭ.

Реальная Беатричи оказалась действительно весьма красивой женщиной, чем-то напоминая Монику Белучи. Но, конечно, реальный образ был бесконечно далек от царственности и божественности, от всесилия и всезнайства, от властности и материнской нежности. Перед нашими взорами предстала хрупкая, болезненная девушка, довольно нервная и зажатая. У нее так сильно дрожал голос во время представления, что мы все думали только о том, чтобы она как-нибудь дотянула до занавеса и не упала в обморок, не слыша и не видя уже ни слов, ни сюжета, ни актеров. Я лично перенервничала так сильно, пока тянулись эти нескончаемые диалоги, во время которых Данте обливался слезами и благоговейно преклонял колени перед своей богиней, а она силилась казаться его властной госпожой, но все время путала слова, замирала и нервно теребила руки, что сама уже была близка к обмороку. Один только Данте все еще был ослеплен Самовлюбленностью до такой степени, что продолжал воображать, что сумеет убедить и нас, что он беседует с райской птичкой, и это только еще больше нервировало его подругу, чувствовавшей, что эта задача ей не по силам.

Но Беатричи выдержала это испытание, и какой бы плохой актрисой она не оказалась, по крайней мере сила духа у нее при-

сутствовала. Под шквал громких аплодисментов рухнул занавес и торжественно объявлено начало Бала. Гости все пребывали.

- И с каких это пор чужая жена, бросающая мужа ради соседа становится ангелом небесным? – с ядовитой улыбкой подошел поздравить великолепную пару и Сад. – Или я ошибаюсь мадам, или вы оставили мужа ради того, чтобы иметь возможность блеснуть здесь, среди человеческой аристократии и стать частью богемы Олимпа. Это вы называете святостью? Да, моя верная Рене-Пелажи, которая не скрою, помогала мне искать проституток для эротического театра – и та никогда мне не изменяла! Вот кто святая! А что же это такое!

Данте стоял багровый от смущения, не зная, что сказать или сделать. Беатричи стала еще прозрачнее и казалось вот-вот совсем испарится. Было что-то крайне болезненное в этой блеклости ее красок, скорее всего так проявлялась нехватка психической энергии.

- Однако, начали собираться гости, - вмешался в беседу Свифт. – Вы только посмотрите, нас почтили своим присутствием все театры Олимпа. А вон и чокнутый маркиз сразу с двумя дамами. Видимо, после вчерашнего поражения он решил, что одной дамы будет мало. – хохотнул Джо, - Бох ты мой! Вот это бомба! Это Марго Валуа и Лукреция Борджа! Как же на это среагирую семейства знаменитых красавиц!

Семьи Медичи и Борджа не любили друг друга и здесь в театре представляли противостоящие группировки. Медичи относили себя к театру Данте, а Борджа к театру де Сада. Одна только беспутная Марго примкнула к враждебной группировке, пылая ярким пятном позора на щеках своих родственников. Но ей этого мало. Она публично появляется с Садом, словно бы бордельная девка для оргии и знаменитой своей распущенностью Лукрецией, не делавшей различия между отцом, братом и мужем. Кто же не знал, что Сад предпочитает оргии сексу на двоих.

Екатерина Медичи зажмурилась от стыда, взглянув на свою бесстыдную дочь. "Как я могла породить это существо на свет?" – жаловалась она двум своим Генрихам. Ее сын был вне себя, а

зять иронично усмехался: вот вам ваша католическая религия, думал он про себя, за которую вы сгубили столько душ за одну ночь. Что же она не помогла вам воспитать собственную дочь? Но он ничего не сказал. Только обратился к Шико, чтобы как-то спасти положение:

- Шико, передай вон тем прекрасным дамам, что Генрих Третий и Генрих Четвертый нижайше просят их оказать им честь быть нашими дамами на этом балу.

Шико оглянулся и увидел Шарлотту и Эмилию Бронте, обмахивавшихся веерами от смущения.

- Сестры Бронте? Вы серьезно?

- Я никогда не был так серьезен. Не теряй ни минуты, если их займут, мы пропали.

- Я уже бегу,- усмехнулся Шико, предвкушая свою миссию.

- Милые дамы, могу ли я умолять вас составить компанию моим нерадивым мальчишкам?

- Это ваши сыновья, сударь? – весело спросила Эмилия

- Да, сударыня. Я их духовный отец.

- Вы стало быть священник?

- Нет, я психотерапевт. – хохотнул Шико. – Они очень стеснительные мальчики и не смеют надеяться, что столь обворожительные создания...

- Можем ли мы по крайней мере полюбопытствовать кто наши кавалеры?

- Безусловно, милые дамы. Это Генрихи Французские – мой первенец Валуа, и мой последыш – Бурбон.

- Кто же вы, сударь? – хохотали от души поэтессы

- Я их духовник и психотерапевт – Шико Первый, к вашим услугам.

- Ах, вы шут! Я помню! – вскричала на радостях Шарлотта и тут же густо покраснела.- Простите Христа ради! Я так люблю ваш образ, что звание шута давно стало для меня превыше герцогского титула.

- Благодарю, мадам. – улыбнулся Шико, - Все благодаря моему духовному отцу – Александру Дюма. я и не думал обижать-

ся и все по той же причине. Так что мне передать моим мальчикам? Они очень стесняются образованных женщин, ведь сами понимаете, все короли несносные невежды – войны, интриги, пижонство – где тут взять время на учебу...

Сестры Бронте были настолько очарованы Шико, что пошли бы с ним на край света, не то что к двум блестящим французским королям.

Тем временем Макиавелли срочно послал за Александром и Чезаре Борджа, которые не собирались удостаивать бал своего присутствия, а сам подошел к Пьюзо посоветоваться, как должен поступить Первый Дон в такой ситуации. Пьюзо сразу понял, что Макиавелли принял сторону семьи Борджа, не простив Медичи, что они бросили его в тюрьму, а потом отослали в ссылку. Но больше всего обидело Николо то, что уже после всех этих обид они не приняли его посвящения "Государя" и не простили его. Марио оценил ситуацию и сказал:

- Обычными средствами тут вопрос решить нельзя.

Макиавелли удрученно закивал головой в знак согласия: мертвого ведь не задушишь гарротой.

- Значит, остается только найти способ уничтожить его на психологическом уровне.

Макиавелли вмиг напрягся.

- Как же его скомпрометировать, если он гордится всем тем, от чего нормальные люди сошли бы с ума?

- Этим как раз занимается партия гуманистов-рационалистов, - улыбнулся ему Пьюзо. – Как надумаете, приходите, мы будем рады объединить свои усилия против беспредела де Сада.

Данте спасли Борджа, которые торопливо ввалились в Залу и направились прямо к ошалелому маркизу.

- Все кончено, Сад. Я тебя предупреждал, не трогать Лукрецию. И до сих пор ты был осторожен. Представить не могу, что на тебя нашло. – угрожающе заговорил Чезаре. – Мы с отцом уходим в театр Данте, если благородный поэт соблаговолит нас принять! – и он поклонился пунцовому от стыда Данте.

Де Сад расхохотался на всю Залу.

- И это все чем кровавый Чезаре Борджа может пригрозить за честь Лукреции? Я ведь всего лишь ребенок рядом с тобой, Чезаре, да и со всей вашей семейкой. Не я ведь приказал изрубить в куски того, кто писал грязные пасквили о твоей сестренке. И что же теперь? Бедный мой Чезаре, как тебе должно быть хочется отрубить хотя бы крылышки, - хохотал де Сад и его хохот эхом разносился по всему Олимпу. – Вы только послушайте, люди добрые! Чезаре Борджа уходит в театр Данте Олигьери, чтобы в лицах представлять сцены ада с чертовой сковородой!

Послышались смешки, вокруг Сада стали собираться люди.

Для Чезаре момент был выбран как нельзя лучше. При других обстоятельствах, Данте ни за что не принял бы Борджа в свой театр, хотя бы потому что это взбунтовало бы Медичи. Но теперь ему ничего не оставалось, кроме как вежливо улыбнуться в ответ.

- Вы сделаете нам честь, - тихо сказал он, - и поспешил удалиться с тающей на глазах Беатричи.

Я ходила между авторами научных теорий, литераторами и знаменитыми любовными парами и думала о том, что Любовь как сила психической энергии, как форма ее существования – все еще не стала объектом серьезных научных изысканий. С тех пор, как Аристотель предложил понимать эмоции не как самостоятельную энергию, а как остаточное явление физиологических процессов ("Мы, говорим, что душа скорбит, радуется, дерзает, испытывает страх, гневается, ощущает, размышляет. И потому можно было бы подумать, что и сама душа движется. Но это вовсе не необходимо. Например, гнев или страх от того, что сердце вот так приходит в движение, а размышление быть может означает такое вот движение сердца или чего-то иного" О Душе Аристотель), эмоции выпали из поля зрения исследователей как самостоятельный источник энергии. Их продолжают толковать либо с дарвинистских позиций, либо с павловских, либо с фрейдовских, либо вообще с марксистках. Любовь – это тема для несерьезной литературы, для романов, которыми зачитываются бездельники или не очень умные люди, но толь-

ко не для ученых и исследователей. Даже Рассел говорит, что зона чувств не поддается научному анализу, хотя и приводит свои замечания о различных типах любви в "Завоевании счастья". Но он не считал это научными наблюдениями, просто эмпирией, на которую следует обратить внимание. Исследования о любви единичны, среди них можно назвать работы Кьеркегора, Фромма, Франкла, Маслоу, Роджерса, Д'Арси, на которого ссылается Маслоу, и Роберта Грина, вскрывшего закономерности больной любви на ДТПЭ. Но разве это достаточный интерес к проблеме, которая составляет основу нашей энергетики? Любовь - это "тело" психической энергии, это материя нашей души, и эта чрезвычайно сложная проблематика, включающая в себя и средства манипуляции и пути распада психики и напротив пути к истиной дружбе и взаимопониманию. И это "тело", которое надо защищать также на законодательном уровне, как защищают биологическое "тело", ибо на психическом уровне человека еще проще убить и подвергнуть насилию, чем на физическом. Но нет – эта сфера, сфера реальной жизни человека остается неизученной и незащищенной, не на научном уровне, не на законодательном. Романы же, на откуп которым отдана эта архиважная тема, сделали все возможное, чтобы исказить истинное положение вещей и превратить серьезную тему в мелодраматический фарс. То, что должно порицать и от чего следует предостерегать – там восхваляется, а то что составляет истинную суть человеческих отношений вообще обойдено вниманием. Романтика болезненной любви через ДТПЭ со всесильными героями – превозносится до небес, а здоровый юмор, сочувствие и совместное продвижение в Пространстве Интеллекта обычных людей вообще выпадают из сюжета.

Зазвучал вальс, и пары ритмично задвигались по зале. Я похвалила себя, что посещала бальные танцы, и хотя я предпочитала латинские танцы классике, я все же достаточна была знакома с их техникой, чтобы не ударить в грязь лицом, когда меня пригласил Рассел. Правда, по Бертрану не скажешь, что он покоритель женских сердец, по крайней мере, он не красавец и не

спортсмен, хотя внешность у него благородная и утонченная, как и он сам. Но в глазах столько ума, доброты и юмора, что невольно проваливаешься в этот мир широчайшей эрудиции и остроумия, и перестаешь замечать все остальные мелочи внешнего вида. Блеск его глаз и тогда заворожил меня.

Мы кружились в вальсе, а табло разрывалось от громких имен посетителей: отец и сын Александры Дюма, Леонардо де Винчи и Микеланджело, Лев и Кора Ландау, граф и графиня Ретланд, лорд Байрон с дочерью Адой Лавелас, Гоголь и Пушкин, Александр и Цезарь, Людовик Шестнадцатый и Мария-Антуанетта, Кьеркегор и Регина Олсен, английская королева Бес и австрийская императрица Сиси, Ленин и Бисмарк, Маркс и Энгельс, Франсуа Рабле и Эразм Роттердамский, Ремарк и Голсуорси, Сулейман и Роксалана, Нельсон и Эмма Гамильтон, Екатерина Великая и граф Потемкин, Цвейг и Мопассан.

"Австрийский кронпринц Рудольф и Мария Вечера", - провозгласил компьютер на всю залу.

- Если бы этому принцу отец не помешал делать свое дело, возможно первой мировой войны вообще бы не было, и мне бы не пришлось носиться между молотом и наковальней, умоляя всех опомниться и вспомнить, что они люди. Рудольф был талантливым журналистом и политиком и хотел удержать Европу от братоубийственной войны.

Конечно, я помнила какую кипучую деятельность развернул Рассел, приложив нечеловеческие усилия, чтобы остановить безумие первой мировой войны."Глупо притворятся, что все немцы сволочи, - убеждал он тогда англичан, призывая их забыть об узком патриотизме и вспомнить о том, что они все люди. - Все стороны вели себя недостойно, и теперь этому безумию надо положить конец". Тогда он остался один на один со своим призывом к миру, а соотечественники, и большая часть знакомых его не поддержали. Но это его не остановило, он продолжал борьбу, пока его не посадили в тюрьму за агитацию против военной службы.

- А кто его дама?

- Это его любовница, они вместе застрелились, когда принцу было немного за тридцать. Его отец Франц Иосиф не давал ему житья, хотя уверял, что любит его. Больше всего мне жаль в этой истории его мать – очаровательную Сиси. Вон она стоит с королевой Бес, они тут очень сдружились, прямо не разлей вода девчонки, - с чувством загоготал Рассел. – Это был ее единственный сын, и когда его убили она не поверила. Отказалась идти на похороны, и только потом заставила себя пойти посмотреть на его гроб. Дело в том, что бичом ее жизни стала свекровь, очень властная женщина. Она навязала Рудольфу нелюбимую жену, и хотела отдать его на воспитание в казармы, но Сиси удалось его защитить, он был тонким, одаренным мальчиком, он бы сошел там с ума и умер бы намного раньше. И в итоге ей все же не удалось уберечь от них сына. А потом и ее саму убили анархисты на очередной прогулке, - она любила ходить без охраны. Нашли символ монархии!

- Да уж, и как все одаренные натуры – она странник. Недаром Цезарь влюбился в нее и предпочел ее Клеопатре.

- А это наш Гамлет – Кьеркегор! Вот кто настоящий датский принц!

- Да, он прямо о Башне Чистилища сказал, что люди предпочитают жить на нижних этажах и даже в подвале, когда верхние этажи господ пустуют. Он имел ввиду, что люди не хотят пользоваться своей высшей силой – своим духом, и растрачивают ее на пошлое обезьянничание или на комичную метафизику, - горячо закивала я головой, - меня просто сшибла с ног абсолютно гениальная проницательность этого человека. С полным правом можно утверждать, что первым открывателем теории Психической Энергии был именно он. – Это мой любимый психолог, ибо философ из него никакой, надо признаться, - засмеялась я, видя как вытянулось лицо моего друга.

- Признаюсь, я так и не оценил его научных сочинений. Но я полюбил его здесь как глубокую незаурядную натуру, полную огня и юмора.

"Софья Толстоя и барон фон Мазох" – услышала я престранную фразу и очнулась от своего забытья. Рассел понимающе мне улыбнулся – ему самому не раз приходилось так теряться среди теснящихся в голове мыслей.

- Мне не послышалось? – спросила я его.

- Нет, видимо, Софья Андреевна перешла в наступление, - ирония вернулась в уголки его рта, - здесь постоянно кто-то с кем-то выясняет отношения. Однако, надо пойти на выручку Льву Николаевичу, мы можем ему понадобиться.

Я боялась смотреть в сторону Льва Николаевича, так как знала, как болезненно он реагировал при жизни на попытки жены заставить его ревновать – это наглядно видно по "Крейсеровой сонате". А тут фон Мазох из театра де Сада! Просто караул!. Поэтому я жалась к спине Рассела пока он деликатно завел с ним разговор на отвлеченные темы, чтобы поддержать его и дать ему время прийти в себя. Я слышала, как Толстой что-то мямлил в ответ невпопад, явно потрясенный до глубины души. Потом, вдруг раздался слабый смешок, еще и наконец, его понесло: он хохотал от души и с таким смаком, что вскоре к нему смущенно присоединился и Рассел.

- Посмотри, что творит баба, - прямо, по мужицки сказал великий гуманист своего собрату, - совсем крышу снесло. Вот теперь я понял, чего она от меня хотела – и он опять залился смехом, воображая себя в роли Мазоха. – А я то дурак, еще искал свою вину. А оно просто вышло: раб ей нужен был, а не великий дух.

Я наконец осмелела, и выглянула из-за спины Рассела, чтобы посмотреть на великого старца. Огонь его глаз говорил о колоссальных запасах психической энергии – вот кому не грозит растаять от недостатка энергии. Но он все еще выглядел старцем, а это значило, что он чувствовал себя старцем. Изрезанное морщинами лицо обнажало страдание, которое он так до сих пор и не смог преодолеть. Девять до прихода жены в чистилище он немного отошел, но потом все началось сначала. Да и подобно Расселу и всем другим умным людям чистилища

он был глубоко разочарован Олимпом и тем, что там творилось.

- Мое самое горячее желание - найти Дорогу в Рай. – ответил о мне на приветствие. – Здесь нормальным людям - делать нечего. Это такой же сумасшедший дом, как и там внизу, на земле. Только этот сумасшедший дом еще извращеннее, потому что здесь собрались сливки извращенцев всех времен и народов.

Мы с Расселом от души смеялись, а у меня сжалось сердце от сострадания к этому талантливому художнику, отказавшемуся от всех радостей славы и светской карьеры для служения человечеству, как это делали все великие люди, сумевшие остановить свой ДТПЭ и обратиться к общему Я человечества. Таким он и остался в памяти народа, светлым, глубоким человеком с неисчерпаемыми запасами доброты и сострадания.

Его любовная история – один из самых ярких примеров соединения несоединяемого. Когда люди объединяются в союз – они объединяются через какой-то из двух психических токов: КТ или ДТПЭ. И каждое такое соединение имеет свои закономерности. Так, когда люди соединяются через КТ – их объединяет общий интерес в науках, в познании, в творчестве, но не только. Они живо ощущают общность своего Я: через сочувствие, понимание, совестливость и потребность в справедливости. Когда все эти факты налицо мы можем говорить, что перед нами союз людей через КТ, здоровая любовь и дружба. Причем такой союз может распространяться как на любовную пару, так и на товарищескую компанию или же на общество в масштабе государства и вообще все человечество. И может, собственно и будет в недалеком уже будущем. Но бывает другой способ соединения людей. Когда цель соединения в Эгозащите. Эгозащита образует два противоположных притяжения Самолюбие и Влюбленность. Оба эти притяжения не имеют ничего общего с реальностью, как и сама Эгозащита – это просто течение чужого для человека тока через его энергетику. Поэтому притяжение Влюбленности у абориген проявлялось в том, что они отдавали свои последние запасы пищи на жертвоприношения объектам природы или ду-

хам предков, которым поклонялись, или же жертвовали свое здоровье, истязая себя многодневными плясками и самобичеванием. У современных людей всю нелепость действий на этом притяжении доказал Милграм серией экспериментов о подчинении авторитетам: люди, забывая о том, что социально значимые люди тоже люди были готовы выполнить самые аморальные и противные человеческой природе поступки по их приказу. Что касается притяжения Самолюбия – то у абориген оно проявляется как напыщенность и помпезность в исполнении магических ритуалов, когда они считают себя носителями сверхъестественной силы, которая на самом деле есть порождение силового поля ДТПЭ в образе суперЭго. А также страх колдовства, который заставляет их жестоко убивать друг друга по нелепым подозрениям в колдовстве. Современные общества знакомы с притяжением Самолюбия по тому тупому тщеславию, зависти и ревности, которые спровоцировали бессмысленные мировые войны и бесчисленное насилие на всех уровнях жизни человечества. Во Влюбленности и Самолюбие – и не может быть никакого смысла – так как это всего лишь течение чужого для нас, тупого, подобно механической энергии, тока через энергию нашего Я.

Любовь на ДТПЭ – это соединение Влюбленности и Самолюбий отдельный людей, как вы уже догадались. Влюбленные боготворят других, Самолюбия боготворят себя – и таким образом природой ДТПЭ подготовлен "любовный замок", который замыкается, когда эти две противоположности сливаются. Эти союзы также могут распространяться на большие собрания людей, такие например как знаменитые армии Македонского, Цезаря, Наполеона и Гитлера. Но эти союзы резко отличаются от союзов здоровых людей своей вертикальной природой: здесь в одно Самолюбие входят тысячи и миллионы других людей, как энергетическое продолжение его личной воли. Здоровые союзы, соединяющиеся в Пространстве Интеллекта, - это горизонтальные союзы людей, ориентирующихся на знание законов природы и на контроль энергий природы, так что это единая воля всех людей в контроле природных энергий, основанном на объективной истине.

Отсюда видно, что коренные отличия этих двух видов союзов - дружеского союза здоровых людей и рабского союза Эгозащиты – не позволят людям Интеллектуального Пространства и людям Эгозащиты "полюбить" друг друга, в смысле организации союза. Эти союзы я для простоты обозначила как Союзы Контроля и Союзы Власти, так как первые основаны на совместном контроле, а вторые на подчинение "громадного большинства", как говорит Ленин "ничтожному меньшинству". Но Ленин видел под этим экономические причины, а на самом деле все социальны отношения, включая и экономические, проистекают из законов психической энергии.

Это связано с тем, что Самолюбия очень ревнивы и не любят делиться друг с другом своими влюбленностями, поэтому элита в таких союзах всегда крайне узкая прослойка, постоянно воюющая друг с другом и стоящая в оппозиции к трону. Союзы Контроля – прочные и долговечные, потому что основаны на истине, понимании и совместном развитие, которое делает контакт только интереснее и нужнее со временем. Союзы Власти - кратковременны, потому что основаны на миражах силового поля ДТПЭ, которое искажает людей и мир в образах Эго и СуперЭго. А также из-за эксплуататорского характера отношений, который выжимает Влюбленности и делает их неинтересными и ненужными уже через некоторое время. Так, иллюзии быстро развеиваются, силы заканчиваются, Влюбленности, как использованные батарейки выкидываются на помойку и Самолюбия устремляются за новыми батарейками. Союзы Власти – это недолговечные союзы.

Однако, чтобы имел место хотя бы такой недолговечный союз – нужно, чтобы оба (или больше) имели активную Эгозащиту, которая породит у разных людей Влюбленности и Самолюбие и позволит этим противоположным притяжениям образовать "замок любви". Для того, чтобы организовать вечный союз Контроля – нужно, чтобы оба (или больше людей) находились в Пространстве Интеллекта, где только они и могут встретиться на силовом поле КТ. Невозможен вообще никакой союз – ни пло-

хонький, краткотечный союз Власти, ни мощный и вечный (как говорит Кьеркегор) союз Контроля - если у кандидатов в союз активированы разные токи ПЭ – у одного КТ, а у другого ДТПЭ. Соединение происходит только через идентичный ток, и организует типичные для каждого тока сообщества.

Но если брать минимальный образец такого сообщества – это любовная пара, и она также как и государство может быть либо парой Власти, либо парой Контроля, либо – даже если на лицо молодые и привлекательные люди разного пола – вообще не быть никакой парой, если оба человека имеют разные токи ПЭ активными. Никогда не образуют пару те, где один на Эгозащите движется по социальной лестнице, а другой через Познание движется в Пространстве Интеллекта. Никакой не получится пары – ни плохой, ни хорошей.

То и случилось с Толстыми, когда они вдруг после женитьбы обнаружили, что они совершенно чужие друг другу люди. Лучше всего описано это прозрение у самого Толстого в "Крейсеровой сонате". Первое время он не замечал различий и был счастлив, но вскоре со всей очевидностью проступила истина: он – человек с не просто активным КТ, но с громадным КТ, человек, который вообще не мыслит своего существования вне Пространства Интеллекта. Он стал зачитываться философами и искать ответы на извечные философские вопросы. Его жена тоже оказалась незаурядной женщиной, но в другой сфере: у нее оказалась очень сильная Эгозащита, из-за которой ей поставили диагноз истероидной психопатии. Именно Эгозащита источник всех психических расстройств, поскольку "альтруизм" – это разновидность Эгозащиты. Термины Эгоизм и Альтруизм придумал Конт, который сам был подвержен психозам. Эти термины сильно исказили реальное положение вещей, противопоставив любовь к себе и любовь к другим людям. Здоровая Любовь включает и любовь к себе и любовь к другим и не может быть иначе. Эгозащита порождает два противоположных притяжения – Влюбленность (альтруизм), когда человек настолько теряет разум что добровольно себя жертвует негодяям и дуракам, и Самолюбие

(эгоизм) – когда человек настолько теряет разум и совесть, что радуется, превращая людей в жертвы своим прихотям и делает так ради одного злорадства.

Толстой был наивным человеком и считал, что раз больна – он должен терпеть и страдать. На самом деле сильная Эгозащита – это Зло, которое разрушает все здоровее вокруг, и первое что он должен был сделать, это разъехаться с ней. Он же заточил себя в аду, в котором разыгрывались самые страшные драмы взаимного мучительства на протяжении многих десятилетий. И как это обычно бывает в таких случаях – он добрая душа, выслушав диагноз своей жены только пожалел ее и не подумал поместить ее в лечебницу, а она будучи сама больной думала о том, чтобы поместить в лечебницу здорового человека – на основании того, что он сошел с ума, и отказал свое творческое наследие всему человечеству.

Толстой писал о ней, что его начинает трясти от бешенства стоит ему услышать ее торопливую походку, и предпринимал несколько попыток сбежать из дому, пока однажды такая попытка не удалась, и он не оказался умирающим в кровати директора вокзала, застудив в дороге легкие. И всю дорогу его преследовал один кошмар – как бы не узнала Она, и не нашла его. Так и умер, не разрешив ей войти.

Но Толстой также как и Руссо, истинная любовь всей его жизни (и друзья и любовники с активным КТ встречаются только в Пространстве Интеллекта), так и не понял того, что дурная любовь происходит не из секса, не из биологии, а из дурного психического тока. Что не в воздержание от секса секрет психического здоровья, а в воздержании от союзов Власти, от Эгозащиты, во всех ее видах – нижнем (влюбленность, подчинение) и верхнем (самолюбие, насилие). Впрочем, тот факт, что свою собственную Эгозащиту он дезактивировал, Толстой наглядно доказал не только в своих многочисленных работах, где обнажено кровоточащее болью народа сердце, но и поступками.

- Я помню твои статьи на английском, - говорил ему Рассел, - которые выходили под руководством Черткова в Англии. Мы все

тогда очень интересовались ими. Твой образ Лев, стал образом просвещенной России, сердцем болеющей за человеческую несправедливость и неравенство. Ты оказал большое влияние на мое становление как гуманиста и борца за здоровее общество во всем мире. Правда, я потом отошел от доктрины непротивления злу насилием.

- Спасибо, Берти. Ты мне уже это говорил. И как хорошо, что я тут обрел столько настоящих друзей. Ты же знаешь, как я тебе люблю. Ты мне как сын. А насчет непротивления злу насилием – так и я сам от него отрекся, но правда уже, когда умер. К счастью, оказалось, что это еще не поздно начинать бороться за Дорогу в Рай.

"Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар" – огласил компьютер имена новых прибывших.

- Этих людей мне никогда не понять, Берти. – нахмурился Толстой, увидев, что Сартр направляется к своему другу, - он, конечно, хорошо делал, что боролся за мир, но это прямо противоречит его философии крайнего индивидуализма, и направило молодежь совсем в другую сторону. Мне не по душе их безбожие и разврат. Я пойду, поищу Жан-Жака и Черткова, ушли куда-то и пропали совсем.

Сартр и Симона познакомились через их общего кумира – Ницше, когда Сартр с другими студентами "Эркюль Нормаль" закричал на все кафе: "Бог умер и это мы убили его". Народ был шокирован, но тут встала девушка и подошла к их столику: "Это Ницше, "Так говорил Заратустра", сказала она. Оказалась, она тоже училась в "Эркюль Нормаль" на философском факультете и с тех пор они были неразлучны.

- Я отпугнул богобоязенного старика, - усмехнулся Сартр,- мне нравятся русские, и я им тоже нравился. – Берти, ты уже видел Витгенштейна?

Какое-то время они обменивались остротами о Витгенштейне, в которых сквозила отеческая нежность с обоих сторон. Это был человек кристально чистой души, сохранившего всю наивность ребенка. Когда они были в обществе с Расселом и тот

снисходительно обходил острые углы с людьми, которые неспособны мыслить и чувствовать иначе, Витгенштейн потом строго выговаривал Расселу, как если бы уличил его в лицемерие. И Рассела это очень забавляло, но впрочем не только это.

- Я так рад, что вам с Симоной повезло, и вам не пришлось искать друг друга в Чистилище. Мне с Эдит повезло меньше. Но после сегодняшнего бала – мы все обнадежились. Если Данте нашел Беатричи, возможно и наша встреча с Эдит не за горами, - перевел тему Бертран

- Ты же знаешь, мы и здесь живем по правилам абсолютной свободы, - подмигнул ему Сартр, - Впрочем, ты ведь тоже писал о свободе в браке. Насколько я помню, твоя Нобелевская премия за книгу "Брак и мораль".

- Да, но у меня не получилось до конца реализовать эту теорию на практике. А у вас получилось.

Я сразу поняла, о чем они говорят. Рассел, как и Сартр, женился на феминистках. И главным условием договора была свобода обеих сторон иметь любовные приключения на стороне. Сартр собственно и женился вовсе – но договор, заключенный на словах они с Симоной пронесли через всю жизнь и выдержали все, оставшись вместе до самой смерти. Правда перед самой смертью Сартр надумал жениться на молоденькой Арлетт – вот что было действительно предательством по отношению к Симоне, которую он уверял, он и брак несовместимы и которая ради него пожертвовала очень серьезными отношениями с другим мужчиной, настойчиво предлагавшего ей стать его женой. Но это было уже почти перед самой смертью Сартра, так что он в конце концов удовлетворился тем, что удочерил Арлетт. А пока они были молоды – чего только эта пара не вытворяла. У них была и одна любовница на двоих, а вскоре и ее девственница сестра, которую Сартр взялся приобщить к взрослой жизни и заявил Симоне: "Как же я наверное ее люблю, если взялся за такую грязную работу". У Симоны было множество романов с другими мужчинами и женщинами, и часто с кем-то из его или ее учеников. Сартр не отставал от нее, но общего дома у них не

было, и все это больше напоминало собачью стаю, о чем тогда много писали.

Рассела тоже называли аморальным, но совершенно незаслуженно. Он выступал за свободу секса, и у него было много любовниц, но он так до конца жизни и не смог отделаться от своего пуританского воспитания. То что творила пара Сартр-Бовуар, ему бы и в кошмарном сне не приснилось. Не выдержал он и измены своей жены. С первой он расстался сам просто потому, что его теща оказалась больше, чем феминистской – она оказалась мужененавистницей. И в конечном итоге ее влияние сказалось и на дочери и на ее браке. А вот со второй женой Рассел прямо пошел против истин, которые записал о браке, как раз в период счастливой жизни с ней. Там он писал, что ревность не может иметь места, и ничего не мешает обоим супругам продолжать любить других мужчин и женщин. Даже ребенок жены от другого мужчины не может принести ничего кроме радости, потому что это увеличение семейства, и только глупость и ревность заставляют видеть в этом нечто плохое. Ошибка Доры была в том, что она восприняла эту книгу как руководство к действию и вскоре родила дочь от американского журналиста, оставаясь женой Рассела. Тот был глубоко возмущен, но будучи человеком исключительной честности, решил простить и принять, раз сам отстаивал эту позицию. Однако, Дора оказалась на удивление не чутким человеком. Она не оценила этого великодушия и той жертвы на которую он пошел для нее, сломив на корню свою аристократическую гордость. Она родила сына от того же журналиста. Этого Рассел уже выдержать не смог, и вскоре они расстались. Здесь начинается трагедия их двух совместных детей – Джона и Кэт, - которые так никогда и не смогут пережить этой семейной катастрофы. Рассел женился на их гувернантке – Петер, очень красивой, сексуальной, но также мало подходящей ему девушке, и вскоре у них родился сын. Так, Джон и Кэт до конца своих дней вынуждены были скитаться между двумя семьями – матери и отца, - где они уже чувствовали себя чужими. Даже в

том, как отчаянно отец и мать воевали за них, стараясь навсегда оставить только в своей семье, они находили только горечь разочарования. Этот эксперимент стоил Расселу потери здоровья своих детей – психика Джона в конечном итоге окончательно расстроится, а Кэт спасет фанатичная религиозность – то, против чего он всю жизнь выступал и боролся. Впрочем, в отличие от Бовуар и Сартра, и Рассел и Дора очень сильно хотели детей, и это тоже о многом говорит. В каком то смысле его дети стали жертвой человечеству, ибо обучая их полному отказу от эгоизма и самой крайне искренности и честности в отношениях с людьми – он лишил их психологической защиты в глубоко больном обществе. Чтобы снять Эго-защиту, надо обладать либо таким громадным интеллектом как у него и у других гениев, либо знать законы ПЭ, которые на тот момент еще не были открыты. Ни того, ни другого у его детей не было и вместо того, чтобы стать такими же высокодуховными личностями как их отец, они просто свалились в пучину отчаяния и расстроенной психики.

Пока они поддерживали беседу, чтобы утрясти недавнюю размолвку на собрании у горы Заратустры, я завязала диалог с Бовуар, похвалив ее книгу "Второй пол", о которой тогда еще имела смутное представление, но которую твердо намеревалась прочитать, хотя бы за ее скандальную известность. Сартр, которому было явно неловко за то, как жестко он напал на меня из-за припадка Ницше, решил сгладить ситуацию.

- Берти, с твоего позволения я приглашу твою даму на танец, - вежливо улыбнулся он мне.

- Неэтично спрашивать об этом у меня, - рассмеялся Рассел, которому всегда относился к философии друга снисходительно, - только личность несет ответственность за свои поступки.

Сартр улыбнулся и вопросительно посмотрел на меня. Я увидела в его глазах тот самый старый страх, который так беспощадно мучил его всю жизнь.

- Почту за честь, - улыбнулась я ему, давая понять, что уже все забыла.

Рассел пригласил на танец Бовуар, и мы закружились в вихре чарующей мелодии, двигавшей нами самостоятельно, с первых тактов подчинив себе наши души.

Мне было отчего-то жутко неловко. Дело в том, что в моем сознание плохо вязался образ Сартра, таким как я его знала из его книг и философии и другой его образ развязанного Казановы, этакого сексуального гиганта, умеющего очаровать и покорить любую женщину. Нет, только не Сартр, - подумала очередной раз я и хохотнула, спрятав глаза в пол. Сартр моментально напрягся и впился в меня сосредоточенным взглядом, пытаясь понять, что происходит. В этот момент вдруг разразилась очередной локальный скандал, которыми был полон весь бальный вечер. На этот раз, ссорились Лев Ландау и Фрейд, причем именно Дау поносил Фрейда на чем свет стоит. Нам пришлось остановиться и подойти к собравшейся вокруг них толпе.

- Нет, вы только послушайте, - кричал Ландау на Фрейда, - как он отчитывает эту бедную девушку. У меня нет больше сил терпеть это хамство, эту самую неприкрытую тиранию. Да еще по отношению к такому ангельскому созданию. Речь шла по всей видимости о супруге Фрейда Марте, которой и впрямь пришлось очень несладко после замужества. Кора дергала своего Дауньку за плечо и просила успокоиться, но Ландау был непоколебим.

- Нет, Коруша, ты только послушай этого деспота. То она не так ногу поставила, то лодыжку не там открыла, то улыбнулась не тому, то платье ее выдает с головой. Она видете ли слишком часто поправляет чулки! Да пусть поправляет сколько ей вздумается! Вот еще полицай нашелся! И это при том, что сам сочиняет самую настоящую порнографию. Я молчал, пока мог, но когда увидел, как он издевается над беззащитным созданием – уже не стерпел. Да он же психолог! – кричал знаменитый Дау на весь Олимп, - он просто дурак!

Неприязнь известного советского физика к психологам была общеизвестна из мемуаров его жены Коры Ландау. Но конечно, не эта неприязнь толкнула его на открытую ссору с Фрейдом, ибо на Олимпе было великое множество психологов,

и со многими из них Дау успел подружиться. Он не сдержался только тогда, когда увидел, как запугал и подчинил своей воле этот большой мужчина столько хрупкую и милую девушку. Когда он лежал в больнице после автокатастрофы, его хотели признать душевнобольным, но не из-за органического повреждения мозга, которого удалось избежать, а потому что в больнице, где он оказался беззащитным, вдруг оказалось очевидным его радикальное отличие от стандартных людей, живущих Эгозащитой. Действительно, здоровый КТ так сильно отличается от поврежденного ДТПЭ, что в мире, где поврежденной Психической Энергии больше, здоровые люди выглядят "странными". Кора была взбешена – записывать ее мужа в психи только потому, что он блещет наивностью и абсолютной искренностью гения. Подобно этим "психологам", которых Дау вполне справедливо именовал дураками, Софья Толстая называла мужа сумасшедшим после свершившимся с ним переворота – когда он, осознав всю нелепость Эгозащиты, с негодованием раз и навсегда ее отверг и посвятил себя служению человечеству. И это при том, что действительно расстроенная психика была вне сомнения у нее самой, и Толстой защищал ее от докторов, называя их "по ученому глупыми".

Фрейд казался смущенным, но потом на его лице отразилось негодование.

- Кто дал вам право вмешиваться в семейными отношения? Да кто вы такой чтобы указывать мне, что делать? Марта, ты довольна тем, что этот господин так рыцарски тебя защищает? Ну скажи и можешь идти к нему второй женой. Ты довольна? Или это неспроста? Я, что, не все знаю?

- Я же говорю психолог и дурак! Уже ревнует. Как можно жить с ревностью? А что если бы у нее и был другой? Ну что такого? Я всегда уговаривал Корушу завести себе любовника, а она дурочка отказывалась. Ревнуют только идиоты.

- Так, я прав! – кричал вне себя Фрейд. – Я не все знаю!

- Ну хватит разыгрывать из себя Отелло! – подошел к ним Леонардо де Винчи. – Я рад, что хоть кто-то сказал тебе в лицо

то, что я о тебе думаю, низкий пахабник. Ты обесчестил мое доброе имя своими грязными теориями. Вообрази, Дау, он написал, что мне с самого младенчества снился мужской член во рту!

Дау расхохотался во все горло, выкатив на него глаза.

- Не может быть!

- Вот тебе крест! – перекрестился Лео.

Вот, подумала я, два классических союза Контроля и Власти – и оба эффективно соединили людей, хотя и качество соединения в случае с Властью действительно ужасное. Но тем не менее действует. В отличие от пары Толстых, где один жил КТ (совестью и разумом), а другая ДТПЭ (Эгозащитой) – здесь в каждой паре идентичная энергия с обеих сторон. Лев и Кора – люди со здоровым КТ, лишенным или почти лишенным Эгозащиты. Поэтому и брак у них был настолько идеален до самой автокатастрофы, которая превратила Дау в инвалида, а Кору в живого мертвеца. До Коры Ландау страшно было подумать о женитьбе и он был уверен, что никогда не женится. Но полюбил Кору всем сердцем и спросил в точности, как Сартр: если мы поженимся, ты согласна, оставить нам свободу в отношениях с другими женщинами и мужчинами? Кора любила его не меньше и хотя ей трудно было это принять – согласилась. Ландау ничуть не кривил душой – он предлагал свободу именно обоим, а не только себе, как делают мужчины на Эгозащите. Именно поэтому он сказал ей об этом прямо – искренность была основой их взаимоотношений до последнего. Если бы он собирался быть всего лишь петухом в курятнике – он ничего не стал бы обсуждать и только дал бы понять, чтобы она знала свое место и не вмешивалась в его личную жизнь, а ему разумеется можно и нужно полностью контролировать ее личную жизнь. Но нет – он даже помогал ей писать любовные письма, уговаривал ее принять ухаживания художника, писавшего ее портрет, и давал дельные советы художнику, как правильно все организовать. Все тщетно – Кора сама отказалась: подучи его еще немного Дау, смеялась она, а он обзывал ее в ответ дурой, но без злобы. Самой большой глупостью Дау считал ревность –

и был прав, поскольку это явное следствие Эгозащиты. Что касается полигамии – то это вовсе не обязательное следствие свободных отношений, а только возможное: хочется полигамии – пожалуйста, хочется сохранять верность партнеру (что тоже часто бывает) – очень хорошо. Суть здесь вовсе не в том, полигамия или моногамия, а в том, на чем построены отношения – на масках лицемерия, ревности, самолюбии, обожествлении, тщеславии и на праве сильного навязывать свою волю – или же на искренности, понимании, совместном критическом анализе и принятие решений, на справедливости, на взаимопомощи, на чуткости и доверии. Это была пара, которая тратила треть зарплаты на филантропию – Дау поддерживал несколько семей, которых считал нуждающимися в его помощи. Кора воспитывала сына и старалась соответствовать требовательному вкусу мужа, поддерживала свою красоту гимнастикой и диетой. Дау был верен своему слову и частенько заводил интрижки, Кора страдала, но тем не менее злилась когда-то кто-то из девушек обижал ее Дауньку отказом. Относилась к нему как к своему ребенку, и было за что: "Почему ты не ел кашу в тюрьме? Если бы Капица вдруг о тебе не вспомнил, как о гении, ты бы умер там от голода?" "Коруша, ну ты же знаешь, я совсем не люблю кашу" "Но ты должен был принимать ее как лекарство. Разве ты любишь лекарство?" "Об этом я не подумал, Коруша. Ты права, я должен был принимать ее как лекарство". Разве она смогла бы помешать его большой радости наслаждаться любовью с красивыми женщинами? Но только с красивыми! Дау был "красивистом". Эстет, как многие великие души. И когда Дау оказался беспомощным в больнице, где о нем вскоре все забыли, только неистощимая сила духа здорового человека позволила ей защищать и оберегать своего мужа от всех жутких опасностей, которые грозили ему под ножами неквалифицированных хирургов, облюбовавших уже мозг великого физика для своих экспериментов. Ее несломленная властью мужа психика оказалась силой товарища, который в трудную минуту отдал все, что имел для спасения своего лучшего друга. А он в

свою очередь отписал ей всю сумму Нобелевской премии, которую получил уже в больнице, и на этот раз не стал делить эту премию ни с кем другим. Только его ненаглядной Коруше, только в нее он влюбился на всю жизнь.

Фрейд и Марта – напротив люди с выраженной Эгозащитой: Верхней - у Фрейда (Самолюбие), и Нижней - у Марты (Влюбленность). Он командует, она подчиняется – так катится колесо любви Эгозащиты. Уже в своих письмах к невесте Фрейд неоднократно предупреждает Марту, что в его характере есть что-то деспотическое, что должно отпугивать девушек. А когда поднялся разговор о феминизме, он резко ее осек: он считает разделение мира на мужчин и женщин исключительно важным для человечества, мужчина и женщина не только не равны, но противоположны по своей роли в обществе. Маслоу, в своем знаменитом исследовании психики здоровых людей, пишет, что в любви они ни в коем случае не разделяют мужчин и женщин на противоположные социальные ниши, напротив, существо любовных отношений здоровых людей в их дружеском, товарищеском характере в первую очередь. Но для Фрейда, разделение социального мира на противоположные полюса мужчин и женщин превыше всего, так что феминизм он называет абсурдом. Ну конечно, согласно притяжениям ДТПЭ – Он – Самолюбие, власть, сила, Она – Влюбленность, рабство, слабость. Без такого разделения для людей Эгозащиты действительно теряется весь смысл жизни, поскольку Плюс своего силового поля они видят в противоположном поле, а не в науке, как люди Интеллектуального Контроля. Этот же факт заставляет их сильно ревновать – Фрейд даже сестрам запрещал читать французские романы, а уж Марта и вовсе вызывала настоящие душевные бури. "Когда я вспоминаю о твоем письме Фрицу, - писал он Марте, - мне хочется уничтожить весь мир, даже если нас с тобой больше не будет. Я страшен в гневе, горе тому, кто тебя тронет". Это уже прямое запугивание, к которому часто прибегает Самолюбие. Он же пишет Марте – что она единственный и главный смысл его жизни, что он хочет без остатка посвятить себя ей, что без нее жизнь для

него ничего не значит. Казалось бы, чего еще надо, вот самая большая и благородная любовь? Но не тут то было. Это и есть самое страшное, когда люди видят друг в друге – единственный и главный смысл жизни, потому что всегда это оказывается ложью и иллюзией и в лучшем случае заканчивается так, как закончилось у Фрейда и Марты. Потому что – это верный признак того, что любовь проходит через Эгозащиту, заставляющую людей видеть Плюс своего Минуса (силового поля) в человеке. Нормальна только ситуация когда Плюс силового поля в Знаниях, в науке, в профессионализме, а люди друг для друга не противоположные полюса, а идентичные потоки энергии, направленной между полюсами мышления и законов природы. Люди – посередине между этими полюсами, и только Эгозащита превращает их в противоположные полюса друг для друга. Вот здесь и рождается зацикленность на "любимых" и та жуткая ревность, которая вскоре превращает любовь в ненависть. Нет ничего хуже такой любви, и это ясно читается из полного угроз письма Фрейда. Ландау видел смысл своей жизни, как и подобает здоровому человеку в науке, так что когда болезнь больше уже не позволяла ему работать, он сказал Коре, что жизнь потеряла для него смысл, ибо жить без физики – выше его сил. Фрейд ставит науку на служение своей влюбленности и именно поэтому сразу после того, как превращает Марту в свою собственность, почти забывает о ее существовании. После пятерых детей – он даже не спит с ней, так как больше не хочет детей. Марта превращается в служанку, с которой изредка обсуждают вопросы о способах приготовления грибов. А когда она называет его работы порнографией – он ей жестко выговаривает, как "мещанке". Впрочем, ей не часто представляется возможность высказать свое мнение, почти никогда. У Фрейда роман с его другом Флиссом, и он селит в их с Мартой квартире ее родную сестру, которая и становится его собеседником. Юнг открыто заявлял, что не сомневается в их интимных отношениях, да и снимали они один номер на двоих, когда ездили заграницу. А Марта конечно же сидела дома.

Все это можно прочитать в теории любви Фрейда – он прекрасно раскрыл механизмы соединения через противоположные притяжения Эгозащиты – Самолюбие и Влюбленность. Его ошибка как всегда была в том, что он не увидел, что это только болезненная любовь через паразитический психический ток. А под ним функционирует настоящая психическая энергия человека, основанное на Интеллекте и общем Я человечества, сливающемся элементарно просто, если этому не препятствует ДТПЭ. Соединение через ДТПЭ оставляет реальные Я людей разделенными этим ДТПЭ, что проявляется как лицемерие и страх, который люди внушают друг другу. Поэтому Фромм писал, что Фрейд так и не смог увидеть всю глобальную разницу между здоровой любовью и болезненным "симбиотическим союзом" садомазохизма.

Наконец, толпа рассосалась и музыка зазвучала вновь. Чтобы больше не оказаться в неловком положении, я завела разговор с Сартром.

- Вот, вы видели две классические пары. Пара Контроля и Пара Власти. Это два совершенно различных способа соединения людей.

- Вы хотите сказать – два способа любить? – не понял Сартр

- Любить – это очень узко. Я имею ввиду именно способы объединяться в союзы – любые человеческие организации, от дружбы и любви до завода и государства. Везде вы найдете один из двух союзов – или Контроля и Власти.

- И в чем же между ними разница?

- Одни – горизонтальны. Там все равны перед Истиной, хотя различаются конечно по способностям, но это никого не заставляет завидовать. Там нет ни тщеславия, ни ревности. Любовные союзы особенно выделяются отсутствием ревности. Там, интерес прикован к интеллектуальным проблемам. Мысль всегда активна, всегда развивается, оттачивается, наращивается. Там ощущается движение в Пространстве, оторванном от физического пространства, и живущего по своим законам логики и знания. Это союзы Контроля, они так называются потому что общая цель

всех членов союза – объективность и контроль ситуации, поиски знаний и доступ к энергии – друг друга или среды. Контроль освобождает, потому что позволяет направлять в желанное русло законы своей психики, но не позволяет совсем избавится от этих законов, как вы думали.

- Как интересно, - истерично расхохотался Сартр, и я увидела, как огонек зажегся в его глазах, - А что же в других союзах?

- Другие союзы – это союзы Власти. Здесь отношения вертикальные. В них нет доброты, нет активной мысли. Там жесткое разделение ролей на господ и рабов, на верх и низ, на мужчин и женщин. Господам можно все, рабам ничего. Первые выжимают вторых и потом выбрасывают. Ищут новых. Это отношения круга, как всегда у дураков. Они не способны на линейное движение, потому что линия – это порождение разума, а его у них нет. У них нет доступа к Пространству Интеллекта.

- К чему? – лицо Сартра исказила какая-то страшная судорога.

- К Пространству Интеллекта. Здесь много ревности и зависти, больного тщеславия, интриг и подлости. Это отношения эксплуатации и всегда это эксплуатация меньшинством большинства. Не потому что, лучших людей меньше, как считал наивный Ницше, а потому что Самолюбия очень ревнивы, и постоянно находятся в состоянии войны друг с другом за Влюбленности.

- Я мало что понял, - совсем смутился Сартр, - но меня очень заинтересовало, то что я услышал. Могли бы вы найти время и рассказать мне об этом поподробнее?

Еще бы ему не заинтересоваться. Человеку, который всю жизнь страдал словно на дыбе, только потому что был с рождения приспособлен именно для Пространства Интеллекта, но так и не смог его найти. Я увидела как огонек в его глазах делается все ярче и восторженнее и поняла, что у Сартра начинается "приключение". Он был обречен на то, чтобы влюбиться в меня, потому что отказывается от Пространства Интеллекта и от контроля законов своей психики. А в таких случаях срабатывают автоматизмы и против воли человека дают ему понять, что им

управляют законы, от которых ему никуда не деться. Ясное дело, много раз слушая мои речи о Пространстве Интеллекта его психика должна была среагировать мощной волной притяжения ко мне, как к спасителю, нашедшему дом, который он всю жизнь искал. Быть НА СВОЕМ МЕСТЕ, эти слова у него всегда написаны крупным регистром, и всегда в негативном значении. Не было и нет своего места. А тут - вот оно, нашлось наконец. Но Сартр отказывался его увидеть на сознательном уровне, тогда поле КТ показало ему на чувственном уровне, и он ощутил это как сильное, неконтролируемое влечение, от которого ничем не мог защититься, как от приступов тошноты. Только это были приступы тошноты с противоположным знаком, как он писал в своем романе, и они ему нравились, нравились против его же собственной воли, которую он считал всесильной. Впрочем, все было не так быстро, я только забежала вперед, чтобы пояснить, что творилось внутри у самого свободного человека на свете. Как он должен был тогда смеяться над своими словами о том, что не бывает неконтролируемых страстей, что воля человека всесильна и только трусы прячутся за свою выдуманную природу.

- Конечно же, - ответила ему я, начиная в свою очередь понимать его обреченность на влюбленность в меня (на самом деле не в меня, а в Пространство Интеллекта) – у нас еще будет много времени обо всем поговорить. Но для этого вы должны поддержать нашу идею о поисках дороги в Рай, просто номинально. – конечно я не забывала о нашей главной цели, и о том чтобы пользоваться любой возможностью продвинуться к ней. – Вы ведь все равно не верите в успех предприятия, но это даст нам возможность вдоволь наговориться и утвердить вас в вашей философии.

Сартр рассмеялся как разоблаченный мальчишка.

- Я подумаю. Обещаю. Но скажите, а почему в союзах Контроля нет ревности, а в союзах Власти есть?

- Потому что для людей Контроля жизненно важны знания, а знания они друг у друга не только не могут отнять, но наоборот только при помощи друг друга они их и получают. Поэтому им

не надо ревновать знания друг к другу. Сами же они друг для друга только поддержка, но не горючее, на котором работает их энергия. А у союзов Власти наоборот: они абсолютно зависят друг от друга потому что питаются за счет друг друга. Самолюбию чтобы жить необходимы не знания а влюбленные в него люди, а Влюбленному чтобы жить необходимы люди, которых он сможет боготворить. Отсюда и ревность – за источник своей энергии, за источник своей жизни.

Это хорошо видно на энергетическом уровне. Силовое поле людей Контроля составляют полюса Интеллекта – Минус – это Мышление, а Плюс – это Познания. Для человека жизненно необходим на уровне Психической энергии то, что составляет Плюс его энергетического поля. Здесь видно, что Плюс у людей вне них самих, а сами они друг для друга только кусочки одной и той же энергии, которую быстро ощущают как свою на интуитивном уровне. Им не надо драться за Плюс знаний, который для всех общий и не составляет никакого дефицита. Они только вместе добывают его.

Силовое поле людей Власти составляют чувственные образы себя и мира – Эго и суперЭго, тоже Минус и Плюс. Люди предстают друг для друга в качестве "загрузок СуперЭго", как говорил Фрейд, (который был гением во всем, что касалось механизмов паразитического тока, но в упор не видел главной, здоровой, интеллектуальной энергетики). Таким образом, Плюс оказывается в другом человеке – именно борьба за Плюс и вызывает дикую ревность. Они не хотят делится своими возлюбленными друг с другом, потому что это их единственный источник жизни и энергии.

Я остановилась, потому что с Сартром творились страшные вещи. Сначала он был жутко заинтересован, потом вдруг взгляд его поплыл, и я поняла, когда уже было слишком поздно, что это очередной приступ "тошноты". Видимо страх опозориться в моих глазах только обострил приступ потому что на этот раз ему стало по настоящему плохо. Он вдруг полностью потерял ориентацию и упал на меня, мямля какие-то нечленораздель-

ные звуки. Потом его стало трясти так, что если бы мне не были знакомы эти приступы, я бы испугалась, что в него вселился демон. Наш танец с Сартром стал очередным скандалом этого незабываемого вечера. В мгновение ока музыка остановилась и вокруг собралась толпа. Рассел и де Бовуар протиснулись к нам с большим трудом и помогли мне отвести Сартра в его комнату – благо путь был недалек, он был столпом этой залы и вход в его комнату располагался прямо здесь же. Но прежде, я заставила Сартра пообещать, что он примет участие в нашем эксперименте и позволит помочь себе в остановке ДТПЭ, разъедающего его психику. Он согласился, и позже, по ходу эксперимента, как только поал в Пространство Интеллекта, сразу же излечился от влюбленности в меня, как и должно было быть.

- Только послушай, что вытворяют эти негодяи! – подошел ко мне возмущенный до глубины души Свифт. – Сад и его компания пристают ко всем знаменитым девственницам на Балу – они говорят, что Бал Беатричи – самый подходящий случай превратить обретение добродетельной девы в поругание Добродетели. Окружили всех девственниц из театра Данте, не дают проходу Жанне дАрк, и даже пристают к моей Стеле! Она ведь тоже у меня девственница! Правда, она умеет за себя постоять, - хохотнул Свифт, - Ты бы видела, какую оплеуху она отвесила этому клоуну Саду, мы хохотали до коликов в животе. Ах, я так ее любил и так жалею, что мы никогда не были любовниками при жизни, а сейчас уже не можем.

Я конечно же знала эту грустную историю. Стеле было всего восемь лет, когда он ее встретил в доме своего благодетеля, сэра Темпла. Она оказалось его незаконнорожденной дочерью, скорее всего от прислуги. Поэтому и она значилась, как прислуга, хотя никогда не выполняла этих функций и получила хорошее образование. Свифт полюбил девочку и стал ее другом и наставником. Девочка влюбилась в своего старшего друга и осталась верной ему на всю жизнь. Они тайно обвенчались, но любовь их была платонической – Стела так и умерла девственницей в возрасте 38 лет, хотя другие мужчины предлагали ей

руку и сердце. Свифт посвятил ей прощальную статью в которой воспел ее мужественный характер, мудрость, образованность, остроумие и преданность. Бросается в глаза, что ему нравились сильные женщины с острым умом и сильной волей – я в нем не ошиблась, действительно "наш" человек, как говорит Сартр. Это же не Аристотель и не Фрейд, которые не могут произнести имя женщины, чтобы брезгливо не сморщится. Я уж молчу о Ницше и Саде. Все эти женоненавистники видят в женщине только пищу для своего отвратительного паразита Эго, которому они обязаны скармливать новые жертвы, чтобы оно не сожрало их самих. "Мужчина брюхо, а жена еда, - говорит Шекспир, - он ее жрет и жрет и вдруг отрыжка". Этим двустишьем выражен весь смысл любовных отношений через ДТПЭ. Хотя бывает, конечно, и наоборот, когда женщина жрет мужчину, и хотя это случается значительно реже, все же от этого суть не меняется. Не важен пол, важна психика людей, вступающих в отношения. Именно этот род отношений получил название садомазохистских, и на сегодня, к сожалению, они все еще абсолютно преобладают. И напротив, мужчины, которые понимают, чем настоящая любовь КТ отличается от садомазохистских отношений ДТПЭ – всегда яростные защитники прав женщин, здоровья и силы их личности, без которых им не интересны отношения. Они с неприкрытой брезгливостью ругают пошлость самцов противопоставляющих себя женщинам, как неполноценным существам. Так, Фромм, Франкл, Адлер, Рассел, Ландау, Сартр даже Энгельс твердо становятся на сторону женщин в споре с женоненавистниками, отводящими женщинам приниженную роль второго плана, мужского пажа и секретаря. И это не наигранный гнев и не самопожертвование, потому что пол тут совершенно не при чем. Тут враждуют стороны на уровне Психической энергии – мотивация ДТПЭ против мотивации КТ, а вовсе не мужчины против женщин, и лучшее доказательство тот факт, которому удивлялся Рассел, когда помогал женщинам бороться за их права: многие женщины сами отказывались от своих прав, не зная, что они будут делать на поле

КТ. Такие мужчины защищают самих себя, так как женщины с мотивацией ДТПЭ вызывают у них сартровскую "тошноту" интеллектуалов, не способных любить вне пространства интеллекта. Наверное, поэтому Сартр был таким яростным противником "мещанства" в семейной жизни.

С другой стороны Свифт, конечно, плохо поступил с Стелой, - подумала я, переводя взгляд на его перезревшую красавицу, - не дав ей возможность изведать полноценного брака. Сам он, как видно из его эротической литературы, изведал все радости плотских удовольствий, даром, что был священником. Но жениться не хотел из-за недостатка средств и "отсутствия склонности". Стела умерла вскоре поле того, как узнала, что есть другая страстно влюбленная в Свифта женщина, состоятельная вдова, которая надеется стать его женой. Но это была совсем другая история, только Стелу Свифт действительно считал близким себе человеком. О причинах их платонических отношений ходят различные предположения, также как о причинах платонического брака Шекспира-Ретланда на пятнадцатилетней дочери поэта Филлипа Сидни – Элизабет Сидни.

Последним скандалом этого незабываемого вечера стала вспышка бешенства Байрона, которую он не сумел проконтролировать, о чем впоследствии горько сожалел. Ему стало известно, что Сад назначил на завтра премьеру его Дон Жуана в своем театре, где выставил Дон Жуана либертеном и садистом самого гнусного пошиба. Негодованию Байрона не было предела. И хотя все в театре Цезаря уже давно условились между собой никогда не показывать Саду своего гнева, чтобы опять ненароком не выставить себя на посмешище, особенно публично, Байрон бросился к Саду, намереваясь как минимум взорвать вечные души их обоих, если не выйдет обойтись только одной.

- Кто тебе позволил жалкий негодяй, подлая душонка, грязное ничтожество марать своим зловонным духом работу всей моей жизни? Кто позволил тебе падаль пачкать мое честное имя, когда я итак всю жизнь страдал от несправедливых обвинений в близости к взглядам таких извращенцев как ты? Как ты

посмел, я спрашиваю, сволочь! Отвечай, сейчас же, мразь, или я вытрясу из тебя всю душу!!!

Байрон орал так громко, что сумел перекричать поющего в микрофон Джона Леннона. Все разом стихло и все взгляды сосредоточились на Байроне и Саде. Друзья Байрона поспешили ему на встречу, но было уже поздно. То, чего все они опасались, случилось и ничего не могло этого предотвратить

- Ах, какая страсть! Какая сила! – сладострастно зашипел Сад

- Нет, только не это…. – опомнился Байрон.

- Ах, дайте мне спустить на этого дерзкого вояку… - стонал Сад, забравшись руками в штаны.

- Какое животное! Свинья! – шарахнулся в сторону Байрон, невольно став объектом всеобщего смеха. Даже подоспевшие на помощь друзья – Александр, Цезарь, Кьеркегор, Ретланд, Гете – и те хохотали, зажав рукой рот.

- Мой сладкий Дон Жуан… – уже бился в конвульсиях Сад. – Еще, еще!

- Прекрати ломать комедию! – сплюнул Байрон. – Так я тебе и поверил!

ГЛАВА 16. ЗАЛА ЮМОРА

Мы провели в Зале Юмора не одну неделю, прежде чем нам удалось наконец довести наше дело до конца. Для того, чтобы одолеть ДТПЭ маркиза нашим ребятам прежде было необходимо справиться с собственным ДТПЭ, а эта задача оказалась не из легких.

Мы начали с выяснения природы "нового мужества", как его теперь все называли на Олимпе. Задача оказалась далеко не из легких. Убедить самых знаменитых в истории гордецов – что их гордость источник слабости, а не силы, и именно эта слабость стала их ахиллесовой пятой, которая их погубила.

- Я не понимаю, что значит отказаться от Эго – возмущался Александр Македонский, - Разве это не то же самое, что отказаться от себя?

- Нет, конечно, - терпеливо объясняла я. – Ты – это сила твоей психики, а сила психики связана с твоим интеллектом, с твоими способностями контроля энергий природы, и с твоей способностью быть частью общего Я человечества. Все это составляет неразрывную и великую мощь твоего Я.

- Тогда что же такое Эго? Объясни на конкретном примере, как мне от него отказаться?

- Пожалуй, лучше на примере, - согласилась я. – Ну скажем, если бы ты вдруг почувствовал страх перед кем-либо тебе бы стало стыдно?

- Да, конечно. Очень стыдно. Александр никогда и никого не боялся. Не родился еще тот кого испугался бы Александр Великий.

- Ну так вот – так говорить, значит защищать Эго. Страшно бывает всем, особенно в условиях больного Эгозащитой общества, потому что страх – это следствие разрушенного контроля. Эгозащита порождает хаос и ломает пространство интеллекта,

поэтому страшно становится всем. И не обижайся Александр, но я нисколько не сомневаюсь, что тебе так же страшно, как всем нам, особенно после того, как ты убедился, что смерть – это не конец, и не самое страшное.

- Допустим, я чувствую страх, - пришел Александру на выручку Байрон. – И что это меняет? Мне итак уже страшно, зачем еще об этом говорить?

- Это необходимо сделать с тем, чтобы "сдать" свое Эго, нанести по нему Удар, умертвить его, коротко говоря и снять Эго-защиту. Сейчас, когда вы стараетесь скрывать свои истинные чувства и казаться друг перед другом героями, хотя на самом деле чувствуете и страх и бессилие и отчаяние, вы невольно тратите много сил на защиту своего Эго – то есть на образ силы, а не на саму силу. Этому надо положить конец: самое большое мужество не в том, чтобы скрывать свой страх и безрассудно кидаться навстречу опасностям. Самое большое мужество в том, чтобы уметь быть до конца откровенным с самим собой и со своими друзьями. Только так можно преодолеть и уничтожить страх.

- Что же мы должны сделать? – спросил Шико, который также вызвался помогать нам в эксперименте. – Я облегчу участь античных героев и первым признаюсь, что помираю от страха в этой забытой богом башне. Но что-то мне не стало от этого признания легче.

- Ну, хорошо.... – рассмеялся Александр, - мне тоже страшно и не только страшно...мне бесконечно стыдно за наше бессилие перед этими подонками....меня убивает сознание полной беспомощности с тех пор как я оказался на Олимпе. Сначала я радовался что я среди лучших, но когда я увидел, какое отребье пребывает на Олимп наряду с действительно уважаемыми мужами и женщинами, мне сделалось печально. И с тех пор я не могу видеть Сада и всю его компанию без омерзения и даже...без страха.

Он та смутился, что его друзья поспешили ему на помощь, поочередно открывая душу и рассказывая о своих человеческих

слабостях вполне понятных в условиях разбитого интеллектуального контроля.

- Я думаю, то что мне тоже страшно как и всем вам ни для кого не секрет, - сказал Цезарь, - но все же мне полегчало оттого, что я смог это сказать вслух. – Что же мы будем делать дальше?

- Отказавшись от силы Эго ее надо заменить силой истинного Я – иначе ничего не выйдет, а станет только хуже. Теперь когда вы признались, что боитесь Сада, вы потеряли силу своего Эго. Но это к лучшему, потому что эта сила не могла помочь вам одолеть его. Зато сила вашего Интеллекта обеспечит вам стопроцентный успех, с которым раз и навсегда уйдет не только с трах, но и сам Сад, если он не пожелает лечиться и стать нормальным порядочным человеком.

- Сила Интеллекта? Это слишком абстрактно. Как мы можем применить ее в конкретном случае?

- Страх происходит от того, что вы воспринимаете явления через Эгосистему – и все что вам непонятно входит в качестве сверхъестественной силы. Вы боитесь не Сада, а своего собственного СуперЭго, противостоящего вашему Эго.

Для того, чтобы прошел страх, необходимо увидеть его реальную энергетику, а это можно сделать только зная законы взаимодействия КТ и ДТПЭ. Как только вы поймете, что энергетика этого человека основана всецело на примитивных механизмах детерминированного тока психики и сумеете убедиться в этом на практике, вы увидите его реальную "силу", а вернее слабость и тогда у вас не только пройдет страх, но еще и появится то величие и тот гордый дух настоящей силы, который сразу остудит ему пыл.

- Это правда, я заметил что по мере того, как я овладеваю знаниями теории ПЭ у меня появляется чувство контроля, а вместе с ним уходит страх и появляется уверенность в своих силах, - согласился Байрон. – Но все же одной уверенности мало. Неужели мы больше ничего не можем сделать, чтобы одолеть этого мерзавца и заставить его отказаться от гнусного развраще-

ния и использования невинных душ чистилища в своих грязных оргиях?

- Можем, конечно. Это только первый шаг.

- Но как же мы это сделаем, если мы должны быть во всем откровенны? Стоит нам признаться в наших планах, в наших опасениях и все пропало.

- Абсолютно верно. Поэтому с людьми Эгозащиты откровенными быть категорически нельзя. Откровенность приятна и необходима только в кругу здоровых людей, так как она увеличивает их силы и способствует получению удовольствия от общения. Но искренность в отношении людей с активной Эгозащитой – безумие, потому что они используют вашу искренность вам во вред и уничтожат вас.

- Значит они наши враги и против них все методы хорошо?

- Ни в коем случае! Наш враг мертвый ДТПЭ, а не живая душа. А каждый человек имеет в базисе своей психики частичку нашего с вами общего Я – поле КТ, на котором и разрастается паразит ДТПЭ. Поэтому мы воюем с ДТПЭ, а не с самим человеком. Любой, даже самый пораженный ДТПЭ человек, остается потенциально частью нас с вами и мы должны об этом помнить. Мы должны быть честны с ними, также как и со всеми, но только ни в коем случае не искренни.

- А в чем разница между честностью и искренностью?

- Честность подразумевает благие намерения в отношения человека. Мы честны в отношении них – мы хотим спасти их здоровый и сильный ток счастья из под колес мертвого паразита ДТПЭ, который убивает людей на психическом уровне. Но мы не можем быть с ними искренними, потому что это помешает нашим честным намерениям – мы должны говорить им не то, что мы думаем и чувствуем, а то что требуется сказать, чтобы помочь им снять свою Эгозащиту. Понимаете разницу?

- Да, теперь кажется яснее.

- Когда дерутся люди Эгозащиты – они убивают друг в друге и в самих себе все человеческое, то есть поле КТ. Они не только закрывают самим себе путь к развитию, контролю и счастью, но

и вероломством, предательством, подлостью и хитростью наносят разрушительные удары полю КТ других людей.

У нас, воинов поля КТ, обратная задача: мы должны беречь и в себе и в других поле КТ, всегда иметь целью здоровье других людей, и прежде всего тех, с которыми мы боремся, в той же степени, что и свое здоровье. Тогда становится ясно, что наши удары – это удары по Эго, это разоблачение Эгозащиты ДТПЭ, с тем чтобы лишить их возможности вредить другим людям своими подлостями, злорадством и хитростью.

Самое важное, что я пытаюсь донести – это то, что снятие Эгозашиты – это ни в коем случае не отказ от своей силы и гордости. Напротив, это единственная возможность выйти на реальную силу своей психики и на реальное самоуважение, связанной с ощущением своей силы.

- Понятно, - подытожил Шико, - мы должны быть искренними друг с другом, и честными со всеми. Но с противниками, коими для нас являются люди Эгозащиты, мы ни в коем случае не можем раскрывать свои истинные цели, а только говорить и делать то, что позволит нам поставить под контроль их ДТПЭ.

- Абсолютно верно! Блестяще! Вот что значит работать в команде лучших из лучших!

- Мне начинает это все нравится, - засмеялся Александр,- впервые за годы своего пребывания здесь я вновь чувствую интерес к жизни. Неужели возможно бороться и побеждать, возможно чувствовать свою силу и без тела?

- Именно это я и пытаюсь вам рассказать. Истинная сила – это контроль энергий, в том числе и своей собственной, потому что контроль открывает доступ к энергиям всего космоса. А тело – это только рядовая детерминированная энергия. При всем уважении к вашим военным подвигам – как можно сравнивать все завоеванные богатства, построенные без помощи науки и мускульные силы людей с теми необъятными космическими ресурсами, доступ к которым уже начало открывать научное мышление, но еще значительно больше сделает в будущем?

- Тогда скорее приступим к делу. Что же мы должны делать, чтобы "поставить под контроль ДТПЭ" Сада? Правильно я понял нашу задачу?

- Да. Для этого мы должны сначала активировать наркотическое притяжение Самовлюбленности, а потом нанести Удар по Эго. На этом притяжении этот Удар для всех проходит очень болезненно, а у шизоидов он означает полный крах Эгозащиты. Что собственно нам и требуется доказать.

- Как же мы активируем ему притяжение Самовлюбленности?

- Я кажется знаю как, - усмехнулся Кьеркегор, - и хочу поздравить вас с гениальным планом. Спасибо за лестные отзывы о моей философии, я тоже абсолютно потрясен вашей психологией.

Господа, - обратился он к своим друзьям,- в деле активации притяжения Самовлюбленности мне найдется мало равных, правда должен признаться, я до сих пор считал, что эта тактика годится только с женщинами.

Ему аплодировали громким смехом. У всех стало подниматься настроение, военные действия оказались почему-то полными юмора и веселья.

- Да, я тоже догадываюсь, о чем идет речь, - от души рассмеялся и Байрон. – Но мне все же хотелось бы услышать от Лейлы, как это будет звучать на научном языке.

- С удовольствием удовлетворю ваше любопытство.

Ни для кого не секрет, что Александр и Цезарь – являются всеобщими кумирами Башни Чистилища.

- Да, это верно, - усмехнулся Шико, - даже я поглядываю на них с похотливостью временами.

Общий смех окончательно разрядил обстановку, и в зале наконец появилось то чувство спонтанной естественности и раскованности, которое отличает компании близких друзей, наслаждающихся обществом друг друга.

- Ну, а как Сад их жаждет не мне вам говорить.

Смех стоял такой, что наши герои стали красными от стыда.

- Для моего Эго уже многовато такой нагрузки. Ближе к делу пожалуйста. – занервничал Цезарь.

- Все элементарно просто: вам надо будет неявными методами убедить его в том, что он сумел покорить ваши сердца – лучше сразу обоих, потому что тогда можно разыграть карту вашей взаимной ревности друг другу из-за предмета обожания.

Пока я говорила, сдержанные смешки постепенно набирали силу и наконец вновь вылились в счастливый хохот всех присутствующих в зале.

- Нет уж увольте меня. – в ужасе отшатнулся Александр, - я предпочту оставаться со своим слабым Эго, чем опущусь до ухаживаний за этим извращенцем. Как тебе могло такое в голову прийти! Кошмар просто какой-то! Я ушам своим не верю!

Цезарь оценил всю иронию ситуацию и хохотал вместе со всеми.

- Ну, а дальше что? – спросил он, не поднимая глаз. – Допустим у нас все получилось, и он поверил, что мы влюблены в него по самые по помидоры. Что это нам даст?

- Видите ли, вкупе с вашим имиджем блистательных и непревзойденных героев – вы оказываетесь очень мощной загрузкой СуперЭго, так что если бы вам и впрямь удалось его убедить в своей самоотверженной любви, то у него бы активировалось притяжение Самовлюбленности очень высокой мощности. А вы ведь знаете, во что это наркотическое притяжение превращает человека: "Небесный свод есть только над Джульеттой" и "Замучен и в смирительной рубашке".

Это только поначалу кажется, что вы перед ним заискиваете, а как только пройдет реализация Эго по СуперЭго в вашем лице – он ваш вечный раб, вы можете считать свою победу полной и абсолютной и делать с ним все что вам вздумается.

У циклоидного ДТПЭ еще есть шанс соскочить, уйдя в простую Влюбленность или попытать счастья на Самолюбии, но для шизоидов это убитое Эго, которое закрывает все дороги назад. Этой ущербностью его Эгосистемы и объясняется такая лютая ненависть к романтической любви, он прекрасно ощуща-

ет свою полную беспомощность перед притяжением Самовлюбленности.

Однако, вам он противостоять не сможет. Особенно после всех разочарований последних недель, постигших его. Он чувствует себя несчастным и ваше внимание почти мгновенно захватит его целиком и проведет реализацию Эго по СуперЭго.

- В такой победе нет ничего героического, - насупился Александр. – Значит, героизм существует только в иллюзиях, а когда дело доходит до реальной силы научного контроля – им и не пахнет?

- Почему же? Разве не героизм преодолеть свое Эго? Это самый настоящий героизм, требующий намного больше мужества нежели любая, самая отчаянная Эгозащита во имя собственного величия.

Но вынести удар по Эго – это не единственное мужество, которое требуется проявить, сражаясь на поле КТ. Главное – это самодисциплина и работа над собой, которые требуются для развития Пространства Интеллекта и овладения научным контролем.

Необходимость всегда иметь в качестве объекта контроля общее Я человечества естественно вытекает из общих законов психики, которыми занимается научный контроль.

Таким образом, именно здесь и проявляется истинный героизм как умение отказаться от текущих удовольствий и праздности и направить энергию на подготовку к решению общечеловеческих задач, героизм самодисциплины, ответственности и трудоспособности, необходимых для наращивания мускулов контроля.

Ведь твои отчаянные тренировки развивали в основном мускулы тела, которыми ты так гордился Александр, здесь же необходимо развивать мускулы сознания, уметь нейтрализовать собственную Эгозащиту для полного единения с друзьями, и поставить под контроль Эгозащиту противников, чтобы одолеть враждебное ДТПЭ. И тогда ты вновь почувствуешь себя воином и великим героем, хотя у тебя уже нет тела и твоей громадной физической силы.

Эти слова подействовали на античного героя подобно волшебному бальзаму. Он наконец воспрянул духом и смог посмотреть на ситуацию с юмором.

- Ну что ж, если уж пошла такая пьянка мне также начинает нравится ваша затея. Ну и что мы должны делать?

- Прежде чем перейти к конкретной программе, которую вырабатывать будем все вместе, потому что разработка конкретной техники никогда не была моим сильным местом, мне еще хотелось бы заострить ваше внимание на том факте, почему мы выбрали Зал Юмора для процесса снятия Эгозащиты.

Здесь мы видим наших уважаемых столпов юмора с одной стороны – Аристофан, Мольер, Бомарше, Гоголь, Свифт, Вольтер, Сервантес, и имена философов и ученых, изучавших смех с научной стороны. Теория ПЭ подтвердила справедливость точек зрения на смех Спинозы, Кьеркегора, Маслоу, Олпорта.

"Между осмеянием, которое дурно, и смехом я признаю большую разницу, говорит Спиноза. – Смех, так же как и шутка есть чистое удовольствие и сам по себе хорош".

Вот это разграничение двух видов смеха мы обозначили как злорадство с одной стороны и юмор с другой стороны. Злорадство – это удовольствие Эгозащиты от поражения над Эго других людей. Для поля ДТПЭ "удовольствие" – это всего лишь снятие напряжения и боли, и то только временное, поэтому ни в коем случае не следует равнять удовольствие злорадства с удовольствием юмора.

На КТ все удовольствия связаны с наличием и ощущением Контроля – так как это источник продуцирования громадной силы. Здесь наличествует реальное удовольствие, которое есть следствие Избытка энергии или как минимум мощности ее тока. Поэтому удовольствия КТ ощущаются не как отдых от терзавшей боли, насыщение после голода например, а как ощущение потока, спонтанности и избытка силы в постоянном интересе к миру и радости жизни например.

Юмор – это удовольствие КТ, рождаемое от особого Контроля - контроля своего Детерминированного тока, то есть ДТПЭ.

Это означает, что нам становится смешно, когда мы вдруг осознаем, что воспринимали в качестве самих себя механизмы Эгосистемы, принадлежащие тупому и мертвому току, не имеющему ничего общего с нашим Я. Поэтому в этом случае, даже когда смеются над Эгозащитой других людей, смеются и над собой в том числе, поскольку ДТПЭ общая беда единого Я человечества.

"Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на людей непосредственности: в час отчаяния их первое желание — быть в прошлом или стать другими. Во всяком случае, как не усмехнуться над участью подобного отчаявшегося, само отчаяние которого в глазах людей, несмотря ни на что, остается бесцветным и слабым. Обычно такой человек беспредельно комичен. Представьте себе Я (а ничто ведь, согласно Господу, не является столь вечным, как Я), которое начинает грезить о способах превратить себя в другого — иного, чем оно само. И такой отчаявшийся, единственным желанием которого является подобная метаморфоза, самая безумная из всех, — этот отчаявшийся влюблен, именно влюблен в иллюзию, согласно которой такая перемена будет для него столь же легкой, как и перемена платья. Ибо человек непосредственности не знает самого себя, — он буквально знает себя лишь по платью, он не узнает своего Я (в этом и обнаруживается его бесконечный комизм) иначе как сообразно своей жизни. Невозможно было бы найти более смешного недоразумения; ибо на деле бесконечное — это различие между Я и его внешним" Кьеркегор Болезнь к смерти

Разделение злорадства и юмора, как войны между ДТПЭ различных людей с одной стороны, и как войны между КТ и ДТПЭ всего человечества с другой стороны – с большой ясностью запечатлели в своих наблюдениях Маслоу и Олпорт.

"Своеобразное чувство юмора – одна из первых характеристик самоактуализирующихся людей, которую мне удалось обнаружить, оно было присуще абсолютно всем моим испытуемым. Вам не удастся заставить этих людей улыбнуться в ответ на плоскую шутку, на то, что кажется смешным обычному человеку. Злобные, обидные или пошлые шутки нисколько не позабавят их.

Им по нраву юмор мягкий, философичный, юмор, который можно назвать сущностным юмором. В их шутках всегда заметен легкий оттенок грусти, их юмор нацелен на глупость, недостатки, претенциозность, их забавляет высокомерие человека, возомнившего себя венцом творения и "пупом Земли", забывшего, сколь ничтожно малое место отведено ему в универсуме. Самоактуализирующийся человек способен к самоиронии, однако, она никогда не перерастает в мазохизм или в шутовство. .... Чувство юмора этих людей объемлет собой самые разные аспекты человеческого бытия и проявляет себя в самых разных формах. Можно сказать, что юмор пронизывает само восприятие жизни этих людей. Тщеславие, гордыня, стремление к успеху, суета, амбиции, борьба, – все человеческие недостатки могут показаться им забавными и комичными. ....Так же легко, с юмором эти люди воспринимают и свою профессиональную деятельность. Работа, сколь бы ответственно они ни относились к ней, служит для них одновременно и развлечением, и игрой". Мотивация и личность Маслоу

"Настоящий юморист видит за каким-то серьезным предметом (собой, например) контраст между видимостью и сущностью. Чувство юмора необходимо резко развести с более грубым чувством комического. Последним обладают почти все люди — как дети, так и взрослые. То, что обычно считается забавным — на сцене, на юмористических страницах журналов, на телевидении, — состоит из абсурда, грубых шуток или каламбуров. Большей частью смех вызывается унижением некоего воображаемого оппонента. Агрессивные импульсы лишь слегка замаскированы. В этом «внезапном торжестве» собственного Эго Аристотель, Гоббс и многие другие видели главный секрет смеха. С агрессивным остроумием (высмеиванием других) связан смех над непристойностью, вызываемый освобождением подавленного. В основе многого, что мы зовем комичным, лежат агрессия и секс. Маленький ребенок остро чувствует комическое, но почти никогда не смеется над собой. Даже юноша воспринимает свои неудачи скорее со страданием, чем со смехом. Есть свидетельства, что ме-

нее интеллектуальные люди с мало выраженными теоретическими и эстетическими и ценностями предпочитают комическое, но им недостает чувства юмора, основанного на реальных жизненных взаимоотношениях .Причина того, почему понимание себя и юмор идут рука об руку, вероятно, в том, что оба они связаны с общей основой, каковой является самореализация" Олпорт Становление личности

Эта короткая лекция о теории Юмора повергла моих слушателей в глубокую задумчивость.

- От всего этого даже мурашки по коже, - наконец сказал Шико. – Когда вдруг осознаешь насколько глубоко мы все детерминированы законами природы. Даже наше совершенно особенное настроение в этой зале по поводу постановки под контроль ДТПЭ, особая расположенность к смеху нашла такое точное объяснение.

- Тем интереснее будет продолжить, я полагаю, - усмехнулся Кьеркегор. – Я в свое время написал диссертацию на тему юмора, и могу сказать, что ради этого действительно стоит жить.

- Согласна, Серен, - сказала я. – Юмор – это энергия КТ, высвобождаемая при контроле ДТПЭ, которая не только свидетельствует о богатстве и избытке энергии личности, но прежде всего о ее здоровье от тупого и мертвого паразита.

Но к делу.

- Если я правильно понял, - усмехнулся Александр, - то я должен был смотреть с юмором и на свое величие и на падавших ниц слуг, и тогда я не стал бы таким психом.

- Я тебе всегда говорил об этом, Александр, - ответил ему Кьеркегор, - только ты мне не верил.

- Ладно, обсудим это в Зале Свободы, когда закончим с Садом. Теперь надо выработать программу эксперимента. Каков наш следующий шаг?

- Программу эксперимента я всецело доверяю Кьеркегору, - сказала я, - Но есть еще нечто важное в теоретических механизмах, на которых я хотела бы заострить ваше внимание.

Во-первых, важно понимать, что война КТ с ДТПЭ, как любая деятельность КТ имеет своим результатом окончательное и устойчивое равновесие – то есть овладение контролем ДТПЭ и конец войны. Поэтому также как и любая деятельность КТ эта задача решается в масштабе всего человечества: основываются Институты Контроля ДТПЭ, и ток-паразит берется под контроль в рамках всего общества раз и навсегда. Такова глобальная программа борьбы с ДТПЭ.

Однако, до тех пор, пока это еще не осуществлено на земле – а это случится с открытием Дороги единой истины в Рай здесь, что будет означать возникновение единого Пространства Интеллекта на земле – и там и здесь приходится вести локальную войну, можно сказать партизанскую, когда отдельные здоровые люди борются против активного ДТПЭ людей Эгозащиты.

И в такой ситуации, меняется конечно весь арсенал вооружения и военной тактики. Но об этом мы уже говорили выше. Просто мне хотелось заострить ваше внимание на той громадной разнице, которая вообще простирается между борьбой КТ и ДТПЭ – которая конечна и приведет к устойчивому контролю ДТПЭ, то есть к его остановке в процессе воспитания, и войной между ДТПЭ различных людей – такая война всегда локальна, а не временно, и никогда не приводит к устойчивой победе одной из сторон. Как и вся активность ДТПЭ – войны между ДТПЭ характеризуются текучестью, взлетами и падениями, круговоротами и никогда не приводят к осмысленным или поставленным целям.

Что касается партизанской войны КТ – то даже такая локальная война всегда заканчивается полным успехом, будучи правильно организована. И именно этим нам и надо заняться сейчас.

- Серен, я даже не знаю, чтобы мы делали, если бы у нас не было вас, поскольку мои познания по большей мере теоретические, а у вас большой опыт по части активации Самовлюбленности, - да еще успешный опыт, и к тому же вы сумели вынести этот успешный опыт на теоретический уровень и отказаться от этого успеха, осознав всю пагубность и для себя и для других

всех притяжений ДТПЭ. Поэтому позвольте положиться в процессе активации Самовлюбленности у Сада на ваши глубокие познания., равно как и на Джорджа Байрона, который также как и вы сам на опыте разглядел механизмы управления Самовлюбленностью, стал очень успешен как романтический возлюбленный, а потом осознал насколько все это мелко и пошло для творческого ума и тонкого сердца.

Серен Кьеркегор и Джордж Байрон разработали превосходную стратегию, которой и посвятили следующие две недели. Как ни трудно им всем было прийти к такому решению, а план пришлось основать на вступлении в театр Сада, по крайней мере на частых его посещениях в течение всех последующих двух недель работы. Но теперь, когда они осознали, что эта трудность и есть главный вызов их мужеству – сумеют они или нет преодолеть боль Удара по Эго, по Самолюбию – они, как и подобает античным героям, были полны решимости совершить этот геракловский подвиг. После всех чудовищных унижений, которым они подвергались в этом театре, когда приходили туда гордыми освободителями порабощенных душ и уходили ни с чем, осмеянные и полные отвращения, переступить вновь порог этого театра, и теперь уже в качестве зрителей и поклонников было не просто трудной задачей, но действительно почти невозможной.

- Я всегда завидовал Гераклу,- смеялся Александр, - всегда мечтал совершить что-то такое, что было бы ему не по плечу. Никогда бы не подумал, что когда я найду как раз такой подвиг, который не смог совершить бы даже и этот легендарный силач, этот подвиг будет основан не на моем царском величии, как все что я делал до сих, а как раз на разрушении этого величия. Оказывается, нет труднее задачи чем настроить свою волю на выдачу Эго и перестать его защищать, и каким мужественным я не считал себя до сих пор, а должен признать, что я боюсь так сильно, как женщина перед родами.

- Вот, - сказал ему на это Свифт, - видишь как мы помираем со смеху – утешай себя мыслью, что ты высвобождаешь энергию юмора, свою и нашу.

- Это все верно, господа, но прошу не забывать, что отказ от Эгозащиты не имеет ничего общего с христианским самоуничижением. Ты отказываешься от величия шизоидной Эгозащиты, которая рисует человеку его образ в качестве повелителя мира, причем именно в разрезе физического противостояния, то есть выяснения сильнейшего в насилие друг над другом. А как известно в такой войне не бывает выигравших, потому что расстановка сил неминуемо меняется со временем, меняя баланс сил и приводя к круговороту бесконечного насилия.

Если бы этот отказ от шизоидного величия, подобного воспетому Ницше, происходил на христианской платформе – то он повел бы к другой нелепости, - к полному отказу от своей силы, то есть к неестественному самоуничижению. И тут Ницше конечно прав, критикуя религию, как путь потери самоуважения.

Но Закон Сохранения Силы показывает нам, что отказаться от своей силы не только глупо, но и невозможно. Отказ от Эгозащиты – есть не отказ от силы слабого и тупого тока, пожирающего космическую силу нашего истинного Я. Поэтому, отказ от Эгозащиты – это приобретение реальной силы, но приобретение этой силы всегда выражается в делах и никогда не выражается в кичливости. Истинное величие – а носители здорового и развитого КТ несомненно великие люди – проявляется в энергии работы, в широте сердца, которое позволит охватить сочувствием и добротой общей Я человечества. Кичливость уходит вместе с непониманием значения силы психической энергии, которая на Эгосистеме выглядит как просто количественное противостояние сил, а не способность к работе контроля космоса.

- Теоретически мы это все уже усвоили, - согласился Александр, - я говорю о том, что мне на практике очень трудно сделать этот шаг и перешагнуть через свое Эго.

Я как вспомню Бал Беатричи, на котором мы только несколько дней назад потерпели очередное и такое позорное фиаско, а потом представлю себе, как я ощущая свою полную немощь, приду, - пусть понарошку, - но в качестве просителя в театр мелкого извращенца, я синею от ужаса и ничего не могу с собой по-

делать. И тогда я говорю себе – вот подвиг, который не смог бы совершить Геракл, и это твой шанс превзойти и его и самого себя и овладеть силой космической мощности, которую тебе не дало бы мировое господство на земле, к которому ты так стремился. И тогда я вновь нахожу в себе силы думать об этом и готовить себя к этому.

- Мои чувства не менее драматичны, - усмехнулся Цезарь, - нам надо искать поддержки друг у друга. Вместе мы сможем все преодолеть. Ведь я ощущаю точно такую же боль как ты, и значит мы можем черпать силы в сочувствии друг другу.

- Ребят, - напрасно вы так драматизируете, - подсел к ним Шико, - я бы с удовольствием поменялся с вами местами, ей-ей. Мне так и грезится, как опьяненный любовью ко мне маркиз де Сад станет петь мне серенады в Зале Любви и Свободы.

- Еще одна такая шутка, - побагровел от напряжения Цезарь, - и тебе и вправду придется идти вместо меня.

В конечном итоге, военные действия были назначены на новую премьеру садовского театра – как выяснилось, он поставил Дон Кихота, только чтобы высмеять Добро в образе сумасшедшего идальго, так что постановка пестрила фрагментами, в которых постоянно подчеркивалось, что только сумасшедшие могут быть добродетельными, и что добро всегда наказывается, в то время как порок торжествует.

Александр, Цезарь, Байрон и Кьеркегор отправились туда все вместе, черпая силы в поддержке друг друга. Перед ними стояла трудная задача – изобразить всю царственность на которую они были способны, всею надменность и величие своей натуры и при этом дать понять, что они пришли с дружеским визитом, оценить очередную постановку Сада.

Их появление в театре имело эффект разорвавшейся бомбы: все жалкие цезарики – нероны, калигулы, коммоды – забегали вокруг истинного Цезаря словно встревоженные тараканы. Красавца Александра обступили толпы самых красивых и самых развратных женщин в истории. Свита в качестве Байрона и

Кьеркегора – авторов "Дон Жуана" и "Дневников соблазнителя" – только увеличила их шарм.

Маркиз не верил своим глазам, каждую минуту опасаясь, что мираж развеется, и его гости исчезнут вместе с ним.

- Привет великим гостям, - наконец преодолел он себя и подошел поздороваться, не зная какую муку в этот момент терпели ласково улыбнувшиеся ему завоеватели мира. – Спешу засвидетельствовать свое почтение эллинским царям и римским императорам. И вам добро пожаловать, господа. – посмотрел он на Кьеркегора и Байрона. – Признаться, я не очень ожидал встретить вас здесь после нашей последней встречи на Балу Беатричи...но я вам искренне рад. Хорошая доля эротики не помешала еще не одному царю, не правда ли? Я несказанно счастлив, что самые великие из всех великих царей также начинают осознавать все преимущества нашего театра.

- Вот именно, преимущества, - заговорил Байрон, чтобы дать Цезарю и Александру прийти в себя, - мне объяснили мои друзья, что постановка Дон Жуана в вашем театре была наилучшей режиссурой, которой мой роман когда-либо подвергался. Так что мне даже несколько неловко за ту резкость, с которой я высказался на Балу Беатричи.

- Неужели это все правда и я не сплю, господа? Я хочу выразить вам благодарность и за идею данной постановки – я ведь не случайно поставил Дон Кихота сразу за вашим Дон Жуаном, лорд Байрон. Там есть строчки, в которых вы сетуете, что насмешка Сервантеса над рыцарством сделала смешными добрые дела. Позвольте мне процитировать:

С неправдою и злобою сражаться,
Но эти все попытки - ерунда;
Читайте "Дон-Кихота", господа!
Всего грустнее в грустной сей истории,
Что мы смеемся, - а герой ведь прав,
Провозглашая славные теории
Борьбы с насильем и защиты прав.
Но мир его относит к категории

Безумцев, ничего не разобрав;
Весьма печальный вывод получился
Для тех, кто размышлять не разучился.
Святая месть, преследованье зла,
Защита слабых, сирых, оскорбленных,
Неукротимой доблести дела,
Туземцев избавленье угнетенных -
Ужель насмешка дерзкая могла
Коснуться этих истин просветленных?
Где идеала нравственный оплот?
Тогда Сократ ведь тоже Дон-Кихот!
Насмешкою Сервантес погубил
Дух рыцарства в Испании; не стало
Ни подвигов, ни фей, ни тайных сил,
Которыми романтика блистала;
Исчез геройский дух, геройский пыл -
Так страшно эта книга повлияла

Я подошел творчески к вашим ламентациям, я увидел в насмешке Сервантеса над добром – закон природы, которой нельзя противоречить. Кто же эти ваши друзья?

- Вы видите их перед собой, - томно шепнул ему на ухо Байрон – это те самые великие из великих... - и он многозначительно замолчал.

- Да, нам понравилась ваша постановка, - наконец выдавил из себя Цезарь. – Это было тонко, со вкусом, и даже... - он сделал многозначительную паузу, - я бы сказал это было эротично.

Сад даже присел от восторга.

- Эротично? Вы говорите эротично? Никуда не уходите господа. Сейчас вы увидите настоящую эротику: я в роли Дон Кихота, насилующего Дульсинею Табосскую! Вы представляете себе что-либо более эротичное! А когда закончится пьеса, у нас будет время это обсудить.

Едва он удалился, как наши друзья выдохнули с такой силой, словно бы таскали наперегонки камни в гору.

- Кажется самое трудное позади, - прошептал Александр, - я был близок к обмороку словно женщина, увидевшая призрака. Хорошо, что он сам был в шоке, и не заметил, в каком я был состоянии.

- Да, ты прав Александр. А у меня началась было моя падучая, - засмеялся Цезарь, - но я вовремя вспомнил, что падучая ушла вместе с физической силой, которой мне раньше так здесь не хватало.

- Господа, вы держались великолепно, - ободрил их Кьеркегор. – Даже ступор Александра сошел за царственное величие покорителя и друга эллинов.

- А уж я как держался! – стиснул зубы Байрон – облить грязью собственное дитя и потом еще услышать, как он глумится над моим сердечным возмущением насмешек над добродетелью! Да еще поздравляет меня с одолженной для его извращений идеей! Уже второй раз мои произведения служат базой больной фантазии этого извращенца.

Внимание кумиров Олимпа к театру Сада резко повысило престиж и театра и самого Сада. Сад лез из шкуры вон, блистая в своих постановках, которые он сделал из уважения к гостям более приличными и изыскивая все новые постановки, где он смог бы показать себя в наиболее выгодном свете. Ажиотаж вокруг новой интриги Олимпа все разгорался. Поползли слухи – которым немало способствовала наша экспериментальная бригада – что оба царя Олимпа влюбились по уши в Сада и отчаянно ревнуют друг друга к нему. Новость произвела по истине эффект разорвавшейся бомбы: каждый стремился предложить свои версии происходящего. Кто-то говорил, что все это фарс и не может быть правдой, кто-то искал причины в беспомощности, которая постигла царей на Олимпе и в том, что они несколько раз публично проигрывали Саду, кто-то говорил, что это эротичность ненасытного маркиза сманила таки их к себе.

И только мы знали, что происходило на самом деле. По мере хода эксперимента, боль Эго отданного под Удар СуперЭго, становилась все меньше и меньше, зато контроль ситуации

все больше и больше нарастал. Чем больше наши герои убеждались, что взамен потерянной неприступной гордости Эго, они получили реальный контроль ситуации, тем лучше становилось у них настроение, так что каждый раз когда ни собирались в Зале Юмора обсудить успехи прошедшего дня ко времени расставания у них были мокрые от слез смеха лица. Впервые за долгие столетия своего пребывания на Олимпе они вновь почувствовали азарт полноценной жизни, потому что впервые вновь почувствовали себя сильными. Теперь они понимали, что отсутствие тела не лишает их силы, потому что контроль ситуации – это тоже сила, еще большая сила, порождаемая их психической энергией. Постепенно все их страхи, связанные с дьяволизацией образа Сада, растворились сами собой, так что они теперь уже и не могли сказать, когда вместо дьявола они увидели его истинное лицо дурака и ничтожества. Правда хотя болезненность отданного под удар Эго становилась все меньше, герои не могли отделаться от ощущения гадливости, которое временами становилось просто невыносимым.

- Меня тошнит всякий раз когда я его вижу, - жаловался Александр, - я больше не выдержу.

- Ты держался молодцом, - подбадривал его Кьеркегор, - еще чуть-чуть и мы с ним покончим.

- Когда он делает мне комплименты, - сказал Цезарь, - у меня выворачивает все внутренности, потому что я вспоминаю, о том как он называет сладострастием убийство ребенка или изнасилование матери. Мне становится так плохо, что я мысленно ставлю себе памятник в вечности: я понимаю, что только открытие Дороги в Рай достойно жертвы такого масштаба.

- Скоро вы от него отдохнете, - старался поддержать их и Байрон. – На открытие следующего сезона нам являться не следует. Вот и Кьеркегор хорошо знает это правило – когда Самовлюбленность уже запущена, необходимо напугать разрывом отношений, чтобы довести ее до накала.

- Ах, заткнись, пожалуйста! – закрыл Александр лицо подушкой. – Помогите кто-нибудь, я Александр Великий, прошу вас, спасите меня!

- Уже иду, мой мальчик, - спешил к ним Шико, - начинайте рассказывать с самого начала. Никогда при жизни, ни при старшем моем Генрихе, ни при младшем, не надорвал я так живот как с влюбленными цезарями. Вот ведь счастье в самом деле избавиться от Сада, наконец.

Мы с Расселом тем временем занимались Ницше, Сартром и Наполеоном, которые очень просились принять участие в эксперименте, но другого рода: здесь требовалось помочь им остановить свое собственное ДТПЭ, от которого они так страдали в жизни.

Все наши усилия были направлены на растолкование законов ПЭ, на способность различать в себе поле КТ и поле Эгосистемы, на разъяснение бредовости кривого зеркала Эгосистемы, которая отражает человек и мир как две противостоящие сверхъестественные силы. Мы излагали механизмы возникновения притяжений ДТПЭ, нормальный и сломанный интеллектом гомеостаз, следствие каждого притяжения и каждого вида гомеостаза для поля КТ. Затем мы перешли к определению Интеллектуального Контроля на котором держится поле КТ, к необходимости единого Пространства Интеллекта всего человечества, отражающего объективные законы природы, к Закону Сохранения Силы, проявляющемуся по разному на полях КТ и ДТПЭ, и тому подобным прописным истинам закономерностей психики.

Хотя обычно для выздоровления – то есть для снятия Эгозащиты под контролем Интеллекта – требуется доказать себе закономерности психики на практике, убедится в том, что они работают и действительно позволяют контролировать ситуацию, эти ребята оказались на редкость способными и процесс выздоровления пошел чрезвычайно быстро.

Ницше вскоре уже был смеяться по настоящему – не так как он смеется в Заратустре, где каждое его упоминание смеха отзывается в ушах похоронным звоном и видится слезами, а

настоящим искренним смехом, который пришел вместе с осознанием того, что его разбило не стремление к величию, а гиперактивная интеллектуальная Эгозащита, развившая свирепое ДТПЭ на поле его чрезвычайно одаренного КТ. По мере того, как он вникал в суть законов психики и начинал понимать, что "маленькие человечки" – это всего лишь люди с цикличным ДТПЭ, а его болезненное "величие" отличалось от них только сломанным гомеостазом, он смог посмеяться над собой и осознать всю степень своей жестокости к невинным людям. Тогда они казались ему душегубами, уничтожившими всю духовную жизнь его души своей мелочностью, мещанством и приспособленчеством, теперь он понимал, что они также как и он были всего лишь жертвами мертвого тока, и что для нормальной жизни надо не превращать этих несчастных в своих рабов, а останавливать ДТПЭ всему человечеству и таким образом сделать человечество сверхчеловеком".

- Я же говорил, что человек – это только мост между обезьяной и сверхчеловеком!- говорил он уже радуясь своему вновь обретенному душевному равновесию. – Я знал, что человек – это нечто, что должно преодолеть. Правда, я нашел путь в противоположную сторону – вместо нужного снятия Эгозащиты я решил, что наоборот надо заострить Эгозащиту и войну всех против всех. Это было неверно, признаю. Но ведь я понимал, что современный человек – неполноценен, и только эволюция откроет человеку всю его силу. Пусть я не связывал силу с наукой, но с волей, но все же!

Да и ошибся я только потому, что христианство развило во мне отвращение к снятию Эгозащиты – я видь тогда не понимал, что это оттого, что они идут против Закона Сохранения Силы, когда говорят о самоуничижении, и что настоящее снятие Эгозащиты, и есть обретение настоящего величия. Теперь я чувствую что я велик! Какое же это счастье! После всей той неподъемной тяжести ощущения греха перед Богом за брошенный вызов законам своей психики, после всей той бесконечной боли от вскормленного мной на своей плоти кровожадного дракона ДТ-

ПЭ и осознания своего банкротства – вдруг и вправду почувствовать себя великим! По настоящему великим, без тошноты лицемерия и без отвращения к собственной зловредности! Я велик своей духовной мощью и заболел только от того, что эту духовную мощь поглотил дракон-паразит.

Вскоре они вновь помирились с Вагнером и пролили много счастливых слез при воссоединении: каждый признавался друг другу каким одиноким чувствовал себя все это время. Смех Ницше, такой глубокий, счастливый и звонкий стал мелодией выздоравливающего Олимпа, к которой каждый прислушивался с затаенным благоговением. Вот, - думали они, - так уходит тяжелая болезнь и из под нее, словно первые подснежники, поднимается мелодия смеха, свидетельствующая о пробуждающейся силе мощного научного интеллекта.

Сартр менялся по другому. Чем больше он убеждался, что психика бесконечно далека от самоопределения и строго детерминирована законами природы, тем менее страшно ему становилось и это вызывало у него удивление. Он считал, что законы природы – обязательно закуют свободу его Я в кандалы и сделают его несчастным. А выходило все странным образом наоборот – он вдруг впервые почувствовал себя свободным и главное, впервые он не чувствовал себя "обреченным" на свободу. Свобода была, и не надуманная как раньше, когда на словах утверждался абсолютный монарх, а на деле он был марионеткой Тошноты своего психоза, связывавшего его по рукам и ногам; а настоящая спонтанность и ощущение свободы от активности своего Контрольного тока, несмотря на то, что он знал, что поле КТ детерминировано законами природы. И эта свобода не была ему тяжела как раньше, ему не хотелось говорить, что он "обречен" на нее. Напротив эта свобода составляла его счастье. Вместе с обреченностью уходили страх и отчаяние, которые он считал вечными спутниками свободного, не обманывающего себя человека. Прошлое стало неотъемлемой частью его Я через осознание закономерностей общеисторического развития и развития его собственной психики. Он увидел

Пространство Интеллекта, и впервые за все время своего существования почувствовал себя на СВОЕМ МЕСТЕ, почувствовал себя дома. На место приступам Тошноты, которые раньше вызывало у него цикличное ДТПЭ, пришло осознание необходимости борьбы с ДТПЭ, как у всех ученых с общим Я, посвятившим себя заботам о строительстве здорового общества. Теперь они вместе с Ницше смеялись над собой, вспоминая как ненавистен им был "дух серьезности" и "дух тяжести", под которым они понимали серьезную работу. Теперь же их мощный интеллект легко влился в родную стихию Контроля и нашел в серьезной работе над собой единственное настоящее счастье.

С Наполеон все было очень сложно как всегда. Внедрение в Пространство Интеллекта – то есть знакомство с законами психики – произвело и на него глубокий эффект. Он оживал прямо на глазах, превращаясь из тяжеловесного и помпезного носителя мании величия в энергичного и амбициозного ученого, посвящающего все свое время работе над собой. Им и здесь овладела мания добиться совершенного контроля, хотя н сразу конечно в этом не преуспел. Однако, он вылечился достаточно, чтобы осознать, что на завоевание всего мира его толкала ненасыщаемая мотивация ДТПЭ, которая собственно и стала его похоронным звоном.

- Какой дурак! – причитал он, схватившись за голову, - Какой дурак! Я чувствовал себя глубоко несчастным, владея всей Европой! И не подозревал, что несчастен не Я, проклятое Эго, которого ничего не может насытить и оно все реальные достижения отдает на минутный корм этому ненасытному чудовищу, которое тут же снова голодно, голодно и несчастно также, как было несчастно с одной комнатой в общежитии. Ах, если бы я не ходил в Россию! Ах, если бы я не ходил в Испанию! Ах, если бы я оставил в покое бедную Англию! Каков идиот!

- А что же ты не причитаешь на счет Германии? – расхохотался Ницше, который и во время болезни восхищался Наполеоном, как "великим" человеком, а теперь видел в нем собрата и по несчастью и по одаренности и просто полюбил его как друга.

– Ты прав тебе не пришлось мучиться с немецкими князьками, которые готовы были добровольно стать твоими вассалами. Спроси кА об этом у Фихте.

- Ну, да, ты прав, Фридрих, с немцами мне было удобно. – соглашался Наполеон. – Вот если бы я на этом остановился. Понимаешь, какой был простор для конструктивной деятельности у абсолютного монарха такого большого государства? Да еще с европейским интеллектом? Понимаешь, какого мне сейчас понимать упущенные возможности превратить это государство в рай здорового общества?

- Ты что-то путаешь, дружище. – продолжал веселиться Ницше, - абсолютная монархия несовместима со здоровым обществом. Разве ты не понял, что здоровым обществом правят две вещи – институты ДТПЭ, которые в процессе воспитания останавливают подрастающим поколениям ДТПЭ, и самодисциплина, которой знамениты все взрослые здоровые люди. Там правительство только формально и выполняет координирующие функции, потому что проблемы предупреждаются еще до их появления – ведь все проблемы от ДТПЭ – криминал, наркомания, проституция, террор, войны, психозы и тп так какую же роль ты отводишь абсолютному монарху?

- Ну, не сразу же Москва строилась, - деловито возразил ему Наполеон, - потом конечно, все так и было бы, но на начальных этапах без абсолютного монарха было бы не обойтись. В конце концов я честно завоевал себе эти страны. Ах, какой же я дурак! Зачем я пошел в Россию!

Тем временем, с Садом начали твориться страшные вещи. Самолюбленность его расцвела подобно майской розе и благоухала на весь Олимп, пугая обитателей гротескными формами, которые она приняла.

Как и было условлено, через неделю, четверка мушкетеров прекратила свои визиты в театр Сада. Более того, они стали держаться так, словно ничего и не было, едва замечая Сада и избегая всяких встреч.. Реакция Сада намного превзошла все ожидания. Он забросил свой театр и дни и ночи проводил в

театре Цезаря, вымаливая встречу или хотя бы приветствие. Он так глубоко и искренне страдал, что окружающим невольно стало его жаль. Он бросался то к Александру, то к Цезарю, то к Байрону и Кьеркегору, и молил объяснить, в чем его вина, чтобы он мог исправиться и вернуть себе расположение своих кумиров.

- Я в первый раз почувствовал себя по настоящему кому-то нужным, - сказал он Кьеркегору со слезами на глазах, - не отнимайте у меня этого счастья, иначе я сойду с ума. Я не хочу сходить с ума, слышите! – уже ревел он навзрыд, - не хочу! Мне еще никогда не было так плохо! Я чувствую, что я рассыплюсь на мелкие кусочки, если вы не вернете мне свое расположение.

- Пойдите в свой театр, намерено равнодушно отвечал Кьеркегор, - займитесь постановками эротических сцен, и у вас опять все наладится. Жизнь пойдет своим чередом и вы все забудете.

- Я никогда не забуду! – заорал Сад в таком неистовстве, что его слышал весь Олимп, - Плевать мне на мой театр, плевать мне на "наслаждение", которого я так никогда там и не достиг! Не там, не на земле! Нигде! Все время искал и никогда не находил! Я думал, что это от того, что мне внушали заповеди христианства в детстве и злился на Бога, топтал его крест, когда ходил к женщинам, чтобы наконец ощутить наслаждение! Но его не было, не было, не было! Все всегда было мертво вокруг меня! Одна мертвая пустыня, которую я заполнял бреднями о наслаждении! А тут, в первый раз в жизни, я был счастлив! Ты понимаешь или нет?! Я был счастлив, потому что свет великих душ согрел мою разъеденную эрозией душу и пролил туда божеский свет! Я ненавижу свой театр и никогда туда не вернусь! Никогда!

- Чего же вы от нас хотите? – Кьеркегор все не выходил из роли.

- Я хочу быть частью вас, хочу быть с вами, хочу быть таким как вы! Если вы надо мной посмеялись – я погибну! И если моя гибель была вашей целью – вы станете ничем не лучше меня! – кричал он вне себя от отчаяния, плача навзрыд как девчонка.

На этом пункте эксперимент можно было считать успешно завершенным. Дальше мучить Сада не стали. Его исцеление было искренним и полным. Он прилежно учился и вскоре охотно дискутировал со всеми новообращенными учеными, комфортно расположившихся в Пространстве Интеллекта. Влюбленность в античных героев прошла вместе с обретением Пространства Интеллекта и снятием Эгозащиты. И если бы не тяжкие страдания от угрызений совести, которые пришли вместе с излечением и с осознанием вреда, которое он причинил подрастающим поколениям своими книгами, Сад всем хвастался что только теперь родился на свет, а до сих спал и видел один нескончаемый кошмар. И родился сразу взрослым человеком, каковым только сейчас, впервые себя почувствовал. Его спасло то, что в свое время он под рискуя собственной жизнью отказался подписывать смертные приговоры, не взяв и этот грех на душу. Теперь эта мысль успокаивала его всякий раз, когда его начинали терзать угрызения совести. Но не так было с Гитлером и подобными ему несчастными, отяготившими душу тяжелыми преступлениями против человечества. Как только им стала известна истина, их совесть не выдержала такой встряски, и невыносимая боль разодрала души, рожденные для вечного бытия.

Каждый день мы ходили на крышу посмотреть, не откроются ли Золотые Ворота, но они все не открывались и не открывались. И только когда Данте собрался провожать меня уже обратно на землю, вдруг Олимп озарил ослепительный свет, и волшебная мелодия разлилась по всему чистилищу, оглушив нас всех. Мы бросились наверх и увидели Золотые Ворота распахнутыми нараспашку. Яркий солнечный свет струился сквозь них, не давая нам разглядеть перспективу открывшегося за воротами пространства.

Вскоре уже все оставшиеся в живых обитатели Олимпа были наверху. Мы вместе вышли за ворота, хотя и опасались, что они вдруг затворятся за нами, как это обычно бывает в книгах и фильмах. Но ничего не произошло. Дорога назад

оставалась открытой, впрочем как и необъятные перспективы впереди нас.

Дорога в Рай оказалась Пространством человеческого времени, от самого зарождения жизни до бескрайних дорог Будущего. Восстановленное Пространство Интеллекта позволило увидеть течение Психической Энергии в ее закономерностях, которые и составили Прошлое, Настоящее и Будущее человечества.

- Наконец-то я чувствую себя на свободе! – счастливо выдохнул Рассел. – И хотя Бог предоставил нам в Чистилище просторный и красивый дом, он был всего лишь клеткой заточения.

А вот бескрайние дороги человеческого прошлого и будущего, по которым никогда не устанет бродить Интеллект

- Куда ты пойдешь, Берти? Домой к детям, чтобы убедиться, что у них все хорошо или же в Будущее, чтобы посмотреть, смогли ли люди в конечном итоге построить Здоровое Общество, ради которого мы все столько старались?

- Разве ты не пойдешь с нами?

- Конечно, пойду! Если я и мечтаю увидеть что-нибудь своими глазами, так это Здоровое Общество Будущего, которое должно наступить после очищения поля КТ от ДТПЭ.

- Мы в компании? – подошли к нам наши герои. – Интересно как тут передвигаться, и далеко ли идти до Будущего на стадии Здорового общества?

- Разве вы не видите тут тоже электронное управление повсюду. – сказал Рассел. - Думаю здесь передвижение не составляет труда и не расходует много времени, как и в Чистилище впрочем.

- Ну тогда надо освоиться и отправляться в Дорогу! – закричал Байрон, не умея больше сдерживать своих чувств. - Боже всемогущий, мог ли я думать, что доживу до минуты, когда все что я так люблю – истина, свобода, красота, небо, лучшие люди – все самым щедрым дождем посыплется на меня, вознося на седьмое небо счастья! Так вот что такое Рай!

Александр крепко обнял его, и во весь голос разрыдался у него на плече. Цезарь стоял крепко обнявшись с Сиси, Ада Байрон обнимала отца и Александра, Данте плакал на плече у Беатричи. Рассел обнялся с Эдит, Сартр стоял вместе с Ницше с Наполеоном и с де Бовуар, Кьеркегор обнимал Регину Олсен.

Их счастливые, мокрые от слез лица, были последним образом, запечатлевшимся у меня в памяти перед тем, как я проснулась и очутилась вновь в печальной действительности больного общества в условиях разбитого Пространства Интеллекта.

Я очень переживала, что не успела отправиться вместе со своими друзьями в Будущее, чтобы посмотреть на Здоровое общество. Но потом я подумала, что может быть мне просто дали немного отдохнуть после громадной работы, которую мы проделали во время поисков Дороги в Рай, и что вскоре за мной опять придет Данте, и мы теперь уже все вместе отправимся в Будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель "Этика" М: Астрель, 2011

Аристотель "Политика" М: Астрель 2011

Аристотель "О душе"

Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008

Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010

Шекспир У. Трагедии Ленинград "Художественная литература" 1982

Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011

Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012

Пейн Т. Здравый смысл

Пейн Т. Век Разума

Басинский П. "Лев Толстой. Бегство из рая" М: Астрель 2011

Толстой Л.Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

Толстой Л.Н. Исповедь. О жизни. СПб Азбука, 2012

Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

Фихте И.Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009

Платон Диалоги М: Астрель 2012

Гоголь Н.В. Мертвые души М: Дрофа 2012

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010

Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011

Руссо "Эмиль, или о воспитании"

Захер-Мазох "Венера в мехах" СПб Азбука 2012

Гете И.В. Фауст СПб Азбука 2011

Гете И.В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003

Гете И.В. Страдания юного Вертера

Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007

Маркиз де Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008

Маркиз де Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008

Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009

В.И. Ленин "Материализм и эмпириокритизм" М: Издательство политической литературы 1984

Ленин В.И. Теория насилия М: Алгоритм 2007

Фридрих Гернек "Пионеры атомного века" (Великие исследователи от Максвелла до Гейзенберга)

М. Хайдеггер Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011

А. Эйнштейн Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967

В. Оствальд Философия Природы СПб 1903

М. Лауэ История физики Москва 1956

Э Мах Познание и заблуждение Москва 2003

К. Маркс Капитал

Эрих Фромм Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992

Эрих Фромм Искусство любить М: АСТ, 2010

Эрих Фромм Здоровое общество М: АСТ, 2005

Эрих Фромм Иметь или быть? М: АСТ, 2000

Эрих Фромм Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000

Эрих Фромм Анатомия человеческой деструктивности, М: АСТ, 1998

Альфред Адлер Наука жить Киев 1997

Альфред Адлер Практика и теория индивидуальной психологии

Альфред Адлер Понять природу человека Спб 1997

Альфред Адлер О нервическом характере АСТ 1997

Альфред Адлер Воспитание детей Ростов на Дону 1998

Абрахам Маслоу Мотивация и личность Спб Питер 2003

Абрахам Маслоу Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999

Абрахам Маслоу Психология Бытия М: 1997

Виктор Франкл Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990

Виктор Франкл Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004

Виктор Франкл Доктор и душа Спб: Ювента 1997

Гордон Олпорт Становление личности М: Смысл 2002

Карл Роджерс О становление личности Киев 2004

Карл Роджерс Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002

Карл Роджерс Консультирование и психотерапия

Зигмунд Фрейд Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

Зигмунд Фрейд Три очерка сексуальности

Зигмунд Фрейд Будущее одной иллюзии

Зигмунд Фрейд Тотем и табу

Зигмунд Фрейд Я и Оно

Зигмунд Фрейд По ту сторону принципа удовольствия

Зигмунд Фрейд Психология масс и анализ человеческого Я

Курт Левин Динамическая психология М: Смысл 2001

Карл Густав Юнг Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997

Карл Густав Юнг Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991

Карл Густав Юнг Проблемы души человека

Карен Хорни Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997

Ч. Ломброзо Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

Л. Леви - Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. “Педагогика - пресс”. 1994.

С. Мади. Теории личности. Издательство: С.Пб. 2002.

Л. Хъелл. Д. Зиглер. Теории личности. С.Пб. Питер.1999.

Бертран Расселл "История западной философии" Новосибирск. НГУ 1997

B. Russell "The conquest of happiness" (London Allen & Unwin, 1930)

B. Russell "Political ideals"

B. Russell «The Power» London Allen & Unwin, 1938

Бертран Расселл Автобиография. Выдержки.

B.Russell Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

Б. Рассел Практика и теория большевизма Москва

Б.Рассел Брак и мораль Москва

B. Russell The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. М: Издательство "Дело" 2003.

Бенедикт Спиноза Этика М, Хар, 1998

Бенедикт Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

Бенедикт Спиноза Политический трактат М, Хар, 1998

Платон "Государство"

Джон Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

Маргарет Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

Л. С. Васильев История Востока М Высшая школа 2005

Э. Людвиг Наполеон М. Вагриус 1998

"Built to last" by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

"Good to Grate" by James C. Collins HarperBusiness 2001

Фридрих Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

Адольф Гитлер Моя борьба Изд."Т-ОКО" 1992

Воспоминания секретаря Гитлера Траудль Юнге

П. Хлебников Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив- Пресс 2001

Поль Брег Чудо голодания

Н.Макиавелли Государь М: Эксмо 2009

Роберт Грин 48 законов власти *«РИПОЛ классик»; М; 2005*

Роберт Грин Искусство обольщения *«РИПОЛ классик»; М; 2005*

Э.Мортон История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

Кора Дробанская – Ландау "Как мы жили". Воспоминания.

Стенли Бинг Как бы поступил Макиавелли?

Кристофер Хитченс 10 книг изменивших мир Томас Пейн Права человека

Саймон Блекберн 10 книг изменивших мир Платон Республика

Джанет Браун 10 книг изменивших мир Дарвин Происхождение видов

Френсис Вин 10 книг изменивших мир Маркс Капитал

Stanley Milgram Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

Давид Майерс Психология Минск Попурри 2008

Давид Майерс Социальная психология Спб: Питер 2009

Эллиот Аронсон Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

Джером Селинджер Над пропастью во ржи М: Тройка 1993

К. Ясперс Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное аген-

ство “академический проект”. 1999

А. Кемпинский Психология шизофрении СПб. Ювента 1998

В.П. Критская Т.К. Мелешко Ю.Ф. Поляков Патология

психической деятельности при шизофрении. М.МГУ 1991

Г.И. Каплан Б.Дж. Сэдок Клиническая психиатрия М.Медицина 1994.

Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

Сост. И общ. Редакция Н.В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000

Гурьева В.А. Гиндикин В.Я. Раннее распознавание шизофрении. М: “Высшая школа психологии” 2002

С. Цвейг Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука- классика 2001.

С. Цвейг Письмо незнакомки М: АСТ 2009

Каменева Е.Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В.Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

П. Б. Ганнушкин Клиника малой психиатрии

Карл Леонгард Акцентуированные личности

Эрнст Кречмер Строение тела и характер

Эрнст Кречмер Гениальные люди, Москва 1998

Е. П, Ильин Эмоции и чувства СПб 2001

Серен Кьеркегор Или-Или СПб: Амфора 2011

Под. Ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

Лев Толстой Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009

Жан-Поль Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

Жан-Поль Сартр Тошнота СПб: Азбука – классика 2006

Жан-Поль Сартр Дьявол и Господь Бог

Э. П. Юровская Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006

Жан-Поль Сартр Экзистенциализм – это гуманизм

Жан-Поль Сартр За закрытыми дверями

С.Кьеркегор Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996

Феофраст "Характеры" СПб: Азбука-классика, 2010

История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю.Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г

152. Под ред. В.И. Кузищина История Древней Греции М.Высшая школа 1996

153. Сост. К.В. Паневин. Под ред. Н.В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998

154. Дж. Гренвилл История 20 века. М. Аквари-

ум 1999

155. Под ред. А.З. Манфреда История Франции. В 3 т. М.Наука 1973

156. Под ред. С.Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967

157. Под общ. Ред. В.И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ "Экоперспектива" 1996

158. Под ред. Н.А. Крашенниковой и О.А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма- Инфра- м 1998

159. Под ред. Н.С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма- Инфра 1998

160. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994

161. Я.С. Ядгаров История экономических учений М. Экономика 1996

162. Сост. И.А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов- Ключ 1993

163. М.С. Горбачев Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

164. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн:Харвест, М:АСТ 1999

165. Хрущев Воспоминания М. Вагриус 1997

166. Роналд Коуз, Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Дорога в Рай или Плюс моего Минуса

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero